This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

27222.56
A

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

THOMAS WREN WARD,

Late Treasurer of Harvard College.

Received 9 Jan., 1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

12246

Vsevolod Fedorovitch Miller

Всеволодъ Миллеръ.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

БЫЛИНЫ.

I—XVI.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.
МОСКВА.—1897.

Digitized by Google

27222.56
A
HARVARD COLLEGE
JAN 9 1900
LIBRARY
Ward fund
257

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ «Очерки русской народной словесности» я собралъ въ одну книгу статьи по былинамъ, помѣщенныя мною въ теченіе послѣдняго пятилѣтія въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Русской Мысли», «Этнографическомъ Обозрѣніи» и сборникѣ «Починъ».

Современная научная разработка нашего былевого эпоса все еще не даетъ, на мой взглядъ, возможности отвѣтить на нѣкоторые вопросы по его исторіи и построить ученіе, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ. Отдаленныя основы эпоса сокрыты отъ насъ густою завѣсою длиннаго ряда вѣковъ, которая, по отсутствію или крайней скудости письменныхъ документовъ, до сихъ поръ была приподнимаема только посредствомъ смѣлыхъ догадокъ и гипотезъ, не находившихъ всеобщаго признанія. Ни предполагавшіяся миѳологическія основы эпоса, ни теорія доисторическаго индоевропейскаго и общеславянскаго наслѣдія, ни гипотеза восточнаго происхожденія сюжетовъ нашихъ былинъ не разъяснили удовлетворительно зарожденія и древнѣйшаго періода развитія былевого эпоса. Бо̀льшіе успѣхи для правильной оцѣнки былинъ достигнуты указаніями историческихъ пластовъ и слѣдовъ, которые въ нихъ оказываются, и сказочныхъ странствующихъ сюжетовъ или литературныхъ отголосковъ, вошедшихъ въ составъ былевыхъ пѣсенъ въ силу процессовъ циклизаціи и историзаціи. Особенное вниманіе въ послѣднія десятилѣтія было обращено на изученіе обширной литературы европейскаго и азіатскаго фольклора, собираніе такъ называемыхъ «параллелей» и при ложеніе сравнительнаго метода къ изученію состава нашихъ былинъ. Но нельзя возлагать чрезмѣрныхъ надеждъ на эти «параллели»; нельзя думать, что детальный разборъ разныхъ странствующихъ сказочныхъ сюжетовъ, устанавливая ихъ генетическую классификацію, можетъ уяснить во всѣхъ случаяхъ и пути ихъ перехода отъ народа къ другому. Ко-

Digitized by Google

нечно, я и теперь считаю сравнительный методъ въ высшей степени плодотворнымъ для уясненія той общей сказочной пищи, которою питалось въ теченіе многихъ столѣтій воображеніе и западнаго европейца, и русскаго, и нашихъ инородцевъ, и жителей азіатскаго востока. Уже эта общность множества сюжетовъ даетъ намъ возможность смотрѣть болѣе правильно на творчество каждаго отдѣльнаго народа, насколько оно проявилось въ усвоеніи и переработкѣ общаго бродячаго духовнаго добра. Но, къ сожалѣнію, какая-нибудь устная странствующая сказка не похожа на пересылаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ слѣды всѣхъ пройденныхъ государствъ. Уловить пути распространенія устной сказки за многіе вѣка ея блужданія все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ. Какъ бы близки между собою ни были какіе-нибудь два варіанта одного и того же сюжета, сравнительно съ прочими, мы все же въ большинствѣ случаевъ не можемъ заключать, что это сходство опредѣляется ихъ ближайшимъ родствомъ, объясняющимся географическимъ сосѣдствомъ. Нерѣдко два варіанта, наиболѣе удаленные другъ отъ друга географически, совпадаютъ въ бо̀льшемъ числѣ деталей, чѣмъ два сосѣдніе. Да при неисчислимыхъ и непредвидимыхъ случайностяхъ устной передачи это представляется вполнѣ естественнымъ. Поэтому, если, изслѣдуя источникъ какой-нибудь былины, содержащей либо *былинную* обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической пѣсни подъ воздѣйствіемъ такой фабулы, мы ставимъ вопросъ, откуда странствующій сюжетъ явился на русскую почву, то этотъ вопросъ равносиленъ тому, гдѣ и отъ кого услыхалъ эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Волокита. Другими словами, вопросъ сводится къ біографіи неизвѣстнаго слагателя, которая, какъ и онъ самъ, представляетъ самое широкое поле для гаданій. Сомнѣваясь въ успѣшности такихъ гаданій, которыя неизбѣжны, если мы не имѣемъ письменныхъ литературныхъ источниковъ для былины, я въ «Очеркахъ» рѣдко пользуюсь сравнительнымъ методомъ для заключеній о пути проникновенія въ нашъ былевой эпосъ того или другого былиннаго сюжета. Я больше занимаюсь *исторіей* былинъ и отраженіемъ *исторіи* въ былинахъ, начиная первую не отъ временъ доисторическихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои былины, не представляя той загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни

Digitized by Google

былины. Такъ, иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти. иногда яркіе слѣды скоморошьей передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній. Для уясненія исторіи былины я старался изъ сопоставленія варіантовъ вывести наиболѣе архаическій ея изводъ и. изслѣдуя историко-бытовыя данныя этого извода, опредѣлить по возможности періодъ его сложенія и районъ его происхожденія. Иногда на основаніи письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ или, такъ сказать, внутренняго вѣроятія, не только можно, но и должно предполагать, что за этимъ древнѣйшимъ, реставрируемымъ изъ варіантовъ, типомъ лежитъ еще болѣе древній, но здѣсь мы опять уже входимъ въ область гаданій, вообще наполняющихъ древній періодъ нашего эпоса.

«Очерки» содержатъ рядъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ былинъ и нѣкоторыя статьи по болѣе общимъ вопросамъ, выдвигаемымъ изученіемъ былевого эпоса. Въ концѣ каждаго очерка я старался суммировать выводы, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе. Притомъ я старался отдѣльные очерки расположить въ такомъ порядкѣ, въ которомъ для читателя наиболѣе удобно слѣдить за развитіемъ главныхъ положеній о нашихъ былинахъ, проводимыхъ мною въ отдѣльныхъ статьяхъ. Считаю, однако, не безполезнымъ вкратцѣ просмотрѣть эти положенія.

Исходя (въ 1-мъ очеркѣ) изъ изученія современнаго состоянія былинной традиціи въ Олонецкой губерніи и изъ наблюденій Гильфердинга надъ сказителями, я стараюсь оцѣнить значеніе этой традиціи, опредѣлить ея устойчивость и неустойчивость и прихожу къ выводу, что современные олонецкіе непрофессіональные сказители наслѣдовали былинный репертуаръ отъ профессіональныхъ пѣтарей. Указывая (во 2-мъ очеркѣ) на односторонность взглядовъ на нашъ эпосъ, навѣянныхъ ученіемъ Я. Гримма, я смотрю на былину, какъ на опредѣленный видъ поэтическихъ произведеній, сложившійся и установившійся въ своей внѣшней формѣ и техникѣ въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ, и ищу доказательствъ этой мысли въ разборѣ технической стороны былины. Изъ историческихъ данныхъ о старинныхъ русскихъ скоморохахъ и изъ слѣдовъ скоморошьей обработки былинъ получается выводъ, что періоду распространенія былинъ въ крестьянской средѣ и ихъ захуданія предшествовало бытованіе ихъ въ репертуарѣ скомороховъ или вообще профессіональныхъ пѣвцовъ-слагателей. Наблюде-

Digitized by Google

нія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ (въ 3-мъ очеркѣ) выдвигаютъ значеніе сѣверной Россіи въ дѣлѣ сложенія былинъ и переработки прежнихъ, различіе въ характерѣ былинъ и богатырей южно-и сѣверно-великорусскихъ и слѣдятъ за движеніемъ былиннаго репертуара на востокъ путемъ колонизаціи Сибири. Въ 4-мъ очеркѣ, переходя отъ внѣшней исторіи былинъ къ внутренней, я собираю сохранившіеся въ былевомъ эпосѣ слѣды періода дотатарскаго и указываю отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ былинахъ о Дюкѣ, Чурилѣ, Потокѣ и Дунаѣ. Такіе же слѣды исторической старины указываются далѣе (въ 5-мъ очеркѣ) въ былинахъ о Добрынѣ, при чемъ выдвигается предположеніе новгородскаго происхожденія этихъ былинъ. Слѣдующіе очерки (6—11), посвященные каждый разбору отдѣльныхъ былинъ, занимаются вопросами оперіодѣ и районѣ ихъ сложенія и на основаніи изученія бытовыхъ и другихъ данныхъ стараются уяснить ихъ сѣверно-русское происхожденіе и вліяніе на нихъ новгородской культуры. Этотъ рядъ очерковъ замыкается вновь написаннымъ разборомъ былинъ о Садкѣ (очеркъ 12-й), въ который отчасти вошла моя старая работа объ отголоскахъ финскаго эпоса въ русскомъ.

Если во всѣхъ перечисленныхъ очеркахъ выдвигалась роль сѣвера Россіи или преимущественно новгородскаго культурнаго района въ сложеніи или переработкѣ былинъ, то дальнѣйшіе очерки занимаются былинами, сложившимися въ болѣе южныхъ и восточныхъ областяхъ территоріи великоруссовъ. Такъ, въ 13-мъ очеркѣ, изслѣдуются историческіе и литературные отголоски въ былинахъ о нашествіи Батыя; въ слѣдующемъ (14-мъ) указываются въ былинѣ о Саурѣ и сродныхъ по содержанію слѣды историческихъ лицъ и восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Дальнѣшій очеркъ (15-й), содержащій рядъ замѣтокъ къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, конечно, не имѣетъ притязанія дать что-нибудь цѣльное объ этомъ лицѣ нашего эпоса, до сихъ поръ наиболѣе загадочномъ, несмотря на значительную литературу ему посвященную. Наконецъ, послѣдній (16-й) очеркъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ 3-му, изучающему географическое распространеніе былинъ, и знакомитъ съ недавними записями былинъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Якутской области.

Для приданія бо̀льшей связности очеркамъ, представляющимъ отдѣльныя статьи, написанныя въ разные года, хотя и въ теченіе сравнительно короткаго періода, пришлось нѣкоторыя статьи передѣлать, дополнить новыми страницами, а иногда сократить во избѣжаніе повтореній.

Digitized by Google

Въ заключеніе замѣчу, что, если мнѣ приходится иногда оспаривать взгляды другихъ изслѣдователей русскаго эпоса на тотъ или другой частный вопросъ, то въ *общемъ*, мнѣ кажется, между нами въ основныхъ взглядахъ въ настоящее время нѣтъ значительнаго разногласія, и есть надежда, что современный научный періодъ — періодъ детальнаго изученія былинъ съ ихъ историко-литературной и бытовой стороны — приведетъ въ недалекомъ будущемъ къ построенію полнаго и прочнаго ученія объ этой области русскаго народнаго творчества

Digitized by Google

Digitized by Google

Оглавленіе.

Стран.

1. *Былинное преданіе въ Олонецкой губерніи.* . . . . . 1—21

Бытованіе былинъ и историческихъ пѣсенъ въ Россіи до новѣйшаго времени.—Обиліе эпической старины въ Олонецкой губерніи.—Дѣятельность Рыбникова, какъ собирателя былинъ.—Поѣздка въ Олонецкую губернію Гильфердинга и достоинства его «Онежскихъ былинъ».—Условія, благопріятствовавшія живучести эпической традиціи въ Олонецкой губерніи. — Вопросъ о точности традиціи: постоянство и прочность былинныхъ сюжетовъ и типовъ; устойчивость эпическихъ описаній. — Наблюденія Гильфердинга надъ сказителями.—Происхожденіе варіантовъ.—Сказители-слагатели.—Отсутствіе попытокъ сказителей къ обогащенію былиннаго репертуара, унаслѣдованнаго отъ старины. — Заносность былинъ въ Олонецкой губерніи.—Отсутствіе профессіональныхъ пѣвцовъ былинъ.—Случайность традиціи.

2. *Русская былина, ея слагатели и исполнители.* . . . . . 22—64

Неопредѣленность понятій объ отличіи народной устной поэзіи отъ литературно-художественной.—Вліяніе теоріи Якова Гримма о народномъ эпосѣ на опредѣленіе нашего народнаго эпоса. — Вопросы, поднимаемые современнымъ изученіемъ былинъ. — Литературное происхожденіе названія «былины».—Односторонность опредѣленія нашего эпоса, какъ «эпосъ богатырскій». — Отсутствіе богатырей въ новгородскихъ былинахъ.—Былины богатырскія и небогатырскія. — Вопросъ о слагателяхъ былинъ. — Взглядъ на былины, какъ на разошедшійся въ народѣ репертуаръ профессіональныхъ слагателей-пѣвцовъ.—Техническая сторона былины. — Прибаутки. — Ихъ скоморошій характеръ. — Исходъ «Слава». — Виды зачиновъ былинъ. — Стереотипныя эпическія описанія. — Эпическая ретардація. — Постоянство эпитетовъ и ихъ безсознательное употребленіе.—Случаи такого же употребленія эпическихъ формулъ.—Выводы изъ разсмотрѣнія технической стороны былины.—Историческія данныя о старинныхъ русскихъ скоморохахъ. — Скоморохи, какъ хранители эпическихъ пѣсенъ. — Изображеніе скомороховъ въ былинахъ.—Былинные гусляры случайные и профессіональные (Садко). — Переходъ былинъ отъ профессіональныхъ пѣвцовъ въ народную среду и захуданіе былевой поэзіи.—Слѣды скоморошьей обработки въ былинахъ.

Digitized by Google

Стран

3. *Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ* . . . . . 65—97
Цѣлесообразность этихъ наблюденій.—Отсутствіе былинъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.—Неравномѣрное ихъ распространеніе въ великорусскихъ губерніяхъ. — Скудость былинъ въ западныхъ, южныхъ и центральныхъ частяхъ территоріи великоруссовъ. — Обиліе былинъ въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. — Олонецкій былинный инвентарь. — Архангельскій былинный инвентарь и его связь съ Олонецкимъ.—Западно-сибирскія былины. — Сборники К. Данилова и С. Гуляева. — Генетическая связь западно-сибирскаго былиннаго инвентаря съ сѣверно-великорусскимъ (Олонецкимъ и Архангельскимъ). — Сохраненіе въ современныхъ былинахъ въ значительной полнотѣ былиннаго инвентаря XVIII и XVII вв.—Незначительность утратъ въ числѣ былинныхъ сюжетовъ послѣ XVII в. — Заносность былинъ въ Сибирь путемъ колонизаціи. — Историческія справки о движеніи населенія въ Сибирь изъ сѣверо-восточныхъ областей Европейской Россіи.—Обзоръ распространенности отдѣльныхъ былинныхъ сюжетовъ.—Незначительность числа былинъ о главныхъ богатыряхъ (Ильѣ, Добрынѣ, Алешѣ) у южныхъ великоруссовъ и отсутствіе былинъ о множествѣ эпическихъ лицъ, извѣстныхъ Олонецкому, Архангельскому и Сибирскому былинному репертуару. — Предположеніе о бо̀льшемъ богатствѣ и въ древнее время сѣверно-великорусскаго былиннаго репертуара сравнительно съ южно-великорусскимъ. — Главный очагъ былиннаго творчества—территорія, наиболѣе подчинявшаяся новгородскому культурному вліянію.—Новгородское происхожденіе былинъ *небогатырскаго* содержанія и южно-великорусское былинъ *богатырскихъ*. — Прикрѣпленіе трехъ главныхъ богатырей къ Мурому, Ростову и Рязани.—Другіе южно-великорусскіе богатыри.—Объясненіе богатства Олонецкаго былиннаго репертуара сліяніемъ въ немъ южно- и сѣверно-великорусскихъ былинъ.—Заключеніе.

4. *Отголоски Галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ*. . . 97—142
Вопросъ объ отголоскахъ галицко-волынскихъ сказаній въ былинахъ.—Галичъ-Волынецъ—эпическій городъ.—Періодъ процвѣтанія Галицкой и Волынской земель. — Возможность галицкаго происхожденія основной былины о Дюкѣ. — Литературная основа былины. — Связь ея съ Эпистоліей пресвитера Іоанна и сказаніемъ объ Индіи богатой. — Разборъ былины А. Н. Веселовскаго и М. Г. Халанскаго.—Вопросъ о времени сложенія основной былины въ связи съ литературной исторіей Эпистоліи. — Возможность отнесенія основной былины къ XII вѣку. — Галицко-византійскія отношенія этого времени. — Пребываніе въ Галичѣ византійскаго царевича Андроника.—Хронологическое совпаденіе появленія Эпистоліи пресвитера Іоанна съ русско-византійскими сношеніями при императорѣ Мануилѣ.—Предполагаемый процессъ сложенія былины о Дюкѣ.—Имя Дюкъ.—Связь былины съ отношеніемъ боярства къ князю въ Галичѣ. — Имя Чурилы и его галицкое происхожденіе. — Упоминаніе Потока въ галицкой пѣснѣ. — Основная фабула былины о Потокѣ. — Связь имени Потока съ именемъ праведнаго Михаила изъ Потуки. — Предположеніе о переходѣ въ Галицкую Русь болгарскаго сказанія о немъ и переработкѣ послѣдняго въ былину.—Былина о Дунаѣ.—Разборъ ея.—Дунай, какъ историческое

Digitized by Google

Стран.

лицо—воевода князя Владимира Васильковича.—Лѣтописныя данныя о немъ.—Введеніе Дуная въ Кіевскій циклъ.—Волынскіе отголоски въ былинѣ о немъ.—Разборъ взгляда проф. Халанскаго на былину о Дунаѣ. — Заключеніе о галицко-волынскихъ отголоскахъ въ былинахъ.

5. *Къ былинамъ о Добрынѣ Никитичѣ* . . . . . 143—165
Характеристика былиннаго Добрыни. — а) Добрыня змѣеборецъ. — Новгородское преданіе о зміякѣ Перюнѣ.—Связь зміяки со змѣемъ Горыничемъ былины. — Предположеніе о новгородскомъ происхожденіи былины о Добрынѣ змѣеборцѣ. — б) Добрыня-сватъ.—Разборъ былины о сватовствѣ князя Владимира. — Разложеніе ея на два сюжета.—Роль Добрыни какъ свата.—Связь ея съ ролью историческаго Добрыни. — Лѣтописное сказаніе о князѣ Владимирѣ и Рогнѣдѣ.—в) Добрыня и Марина.—Взглядъ проф. Сумцова на эту былину.—Эпическая Марина и ея связь съ исторической.—Талмудическая параллель къ мотиву стрѣлянія Добрыни въ голубей. — г) Добрыня и рѣка Смородина. — Разборъ Симбирской пѣсни въ связи съ олонецкими того же содержанія.—Вставка имени Добрыни въ безыменную пѣсню о молодцѣ.

6 *Къ былинамъ о Волѣ и Микулѣ.* . . . . . 166—186
Вопросъ объ области сложенія былины о Вольгѣ и Микулѣ.—Новгородское преданіе о Волхѣ и оборотничество былиннаго Волха Всеславича.—Бытовыя черты былины о Вольгѣ и Микулѣ: картина сѣверной пахоты. — Поѣздка Микулы за солью и столкновеніе его съ Орѣховцами. — Гроши. — Городъ Орѣховецъ. — Смѣшеніе былины съ другими новгородскими. — Объясненіе отчества Микулы «Селягиновичъ». — Возможность литературнаго происхожденія фабулы былины.—Типъ Микулы.—Разборъ былины о походѣ Вольги (Волха) въ индѣйское царство.—Слабость кіевскаго прикрѣпленія.—Черты сѣверной природы въ ловахъ Вольги.—Параллели въ сказкахъ нѣкоторымъ деталямъ былины. — Попытка опредѣленія времени сложенія былинъ о Вольгѣ и Микулѣ.

7. *Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ* . . . . . 187—200
Взглядъ акад. Веселовскаго и проф. Халанскаго на Чурилу. — Вопросъ объ области и времени сложенія былины о Чурилѣ.—Бытовая ея сторона. — Личность кн. Владимира. — Новгородское представленіе о князѣ.—Отсутствіе богатырства въ былинѣ. — Дружина Чурилы.— Рыба сорога.—Зимній ландшафтъ въ былинѣ.—Слабое прикрѣпленіе Чурилы къ Кіеву. — Латынскіе кони. — Костюмъ Чурилова отца.—Сарога и Сароженинъ.— Купеческій элементъ въ былинѣ. — Деталь изъ талмудическаго апокрифа о Іосифѣ. — Скоморошья обработка былины. — Заключеніе о новгородскомъ происхожденіи былины и о времени ея сложенія.

8. *Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ.* . . . . . 201—2
Форма былины. — Начальная прибаутка—скоморошья прелюдія.— Сходство былины о Соловьѣ Б. съ былиной о Садкѣ въ планѣ и нѣкоторыхъ подробностяхъ: фантастическая картина корабля; сѣверныя черты въ его оснасткѣ; щупанье лудъ; торговый элементъ

Digitized by Google

Стран.

въ былинѣ; Соловей — гусляръ. — Слабость прикрѣпленія былины къ Кіевскому циклу; географическія данныя ея; городъ Леденецъ.— Взглядъ акад. Веселовскаго и проф. Халанскаго на былину.—Сходство фабулы ея съ книжной повѣстью о Василіи Златовласомъ. — Былинныя данныя, указывающія на извѣстность повѣсти о Василіи Златовласомъ сѣвернымъ сказителямъ.—Черты новгородской эпики въ былинѣ.—Матера-вдова мать Соловья.—Заключеніе объ области и времени сложенія былины и ея скоморошьей обработкѣ.

9. *Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ.* . . . . . 220—232
Взглядъ проф. Безсонова и проф. Халанскаго на былину о Хотѣнѣ.—Вопросъ о мѣстѣ и времени ея сложенія. — Содержаніе былины и обзоръ варіантовъ.—Имена Хотѣнъ, Чайна, Блудова вдова.— Бытовыя черты былины: отраженіе въ личности князя Владимира новгородскихъ представленій о князѣ. — Сходство Хотѣна по самоуправству съ Чурилой и Василіемъ Буслаевымъ. — Паробокъ Панюточка. — Мать Хотѣна. — Сила ратная Часовой вдовы. — Новгородскія черты въ былинѣ и ея поверхностное кіевское прикрѣпленіе.—Отсутствіе имени *богатырь* въ былинѣ.—Возможность ея исторической основы.—Слѣды скоморошьей передѣлки.

10. *Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ* . . . . . 233—262
Содержаніе былины о состязаніи Ивана Гостинаго конями съ кн. Владимиромъ.—Обзоръ варіантовъ. — Купецкій элементъ въ былинѣ.—Гости корабельщики. — Разборъ кіевскаго пріуроченія былины. — Личность владыки черниговскаго и отраженіе въ ней новгородскихъ представленій.—Другія новгородскія черты въ былинѣ.— Пѣсня о продажѣ Ивана Гостинаго матерью. — Совпаденіе начала пѣсни съ пѣснею о Горѣ злосчастіи. — Законченность пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ и ея идея.—Сомнительность правъ ея на названіе былиной.—Связь съ былиной только въ имени Ивана Гостинаго. — Бытовая сторона пѣсни. — Сомнительность предположенной акад. Веселовскимъ древней схемы былины объ Иванѣ Гостиномъ и сопоставленія ея по сюжету со старо-французской поэмой объ Иракліи, основанной на византійскомъ прототипѣ. — Заключенія о мѣстѣ и времени сложенія былины объ Иванѣ Гостиномъ.

11. *Къ былинамъ о Ставрѣ Годиновичѣ* . . . . . 263—282
Содержаніе былины и обзоръ варіантовъ. — Отличіе олонецкой группы записей отъ сибирской.—Бо́льшая архаичность сибирскихъ варіантовъ.—Осложненіе первоначальной схемы деталями изъ сказочнаго сюжета объ испытаніи пола переодѣтой женщины. — Параллели изъ пѣсенъ и сказокъ къ отдѣльнымъ мотивамъ былины.— Разборъ мнѣнія проф. Созоновича о внесеніи въ былину мотивовъ изъ южно-славянскихъ пѣсенъ. — Сходство былины съ нѣмецкою пѣснею о «Римскомъ графѣ» и русской сказкой «Царица-гусляръ».— Недостаточность параллелей для уясненія исторіи былины.—Историческая основа былины: связь былиннаго Ставра съ историческимъ. — Предположеніе о новгородскомъ происхожденіи былины и о времени ея сложенія.—Возможность западно-европейскаго прототипа.

Digitized by Google

Стран.

12. *Къ былинамъ о Садкѣ* . . . . . 283—304
Содержаніе былины и обзоръ варіантовъ. — Историческій Садко Сытинецъ, строитель церкви свв. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. — Садко-гусляръ и Морской царь. — Финскіе эпическіе типы: Вейнемейненъ и морской богъ Ахти. — Возможность финскихъ отголосковъ въ былинѣ. — Отраженіе въ ней мѣстныхъ легендъ о спасеніи мореплавателей св. Николаемъ. — Параллели къ отдѣльнымъ мотивамъ былины въ литературѣ сказокъ. — Sadoc стариннаго французскаго романа и Садко. — Выводы изъ разбора былинъ о Садкѣ.

13. *Былина о Батыѣ* . . . . . 305—327
Содержаніе былины и разборъ варіантовъ. — Слѣды скоморошьей ея обработки. — Несоотвѣтствіе вступительной легенды съ содержаніемъ былины. — Легенды о городской заступницѣ пресв. Богородицѣ. — Разборъ книжныхъ повѣстей о Батыевомъ нашествіи. — Слѣды въ нихъ старинныхъ историческихъ пѣсенъ: эпизодъ о смерти кн. Ѳеодора и княгини Евпраксіи; эпизодъ объ Евпатіи Коловратѣ. — Эпическія черты обоихъ эпизодовъ. — Слѣды старинныхъ историческихъ пѣсенъ въ современныхъ былинахъ о Батыѣ: имя Евпраксіи; отчество Таврульевичъ. — Возможность связи имени Василія Игнатьевича съ именемъ князя Василія Константиновича, замученнаго Батыемъ. — Архангельская былина о Батыѣ. — Выводы изъ изслѣдованія былинъ о Батыѣ въ связи съ книжными повѣстями.

14. *Былины о Саурѣ и сродныя по содержанію* . . . . . 328—361
Содержаніе былинъ о Саурѣ, Саулѣ, Сурогѣ, Суровенѣ. — Сравненіе ихъ между собою и возстановленіе болѣе арханческаго типа. — Предполагаемая акад. Веселовскимъ связь былины съ византійскимъ эпосомъ. — Греческая пѣсня объ Армури. — Сомнительность генетическаго отношенія былины къ греческой пѣснѣ. — Имя Сауръ. — Восточныя параллели къ сюжету былины и отдѣльнымъ мотивамъ. — Взглядъ акад. Веселовскаго на богатыря Суровца и Сурожцевъ. — Объясненіе имени Суровецъ послѣдовательнымъ искаженіемъ. — Внесеніе однороднаго сюжета въ кіевскій циклъ въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ. — Обзоръ варіантовъ этой былины. — Возможность историческихъ отголосковъ въ имени Ивана Даниловича. — Михаилъ Даниловичъ и его связь съ малорусскими легендами о Михайликѣ. — Возможность историческихъ отголосковъ въ имени Михаила Даниловича. — Отношеніе великорусской былины къ малорусскимъ легендамъ. — Заключеніе.

15. *Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ* . . . . . 362—413
а) Преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца. — Слабость былинной обработки этого преданія. — Внесеніе его въ былины изъ сказокъ объ Ильѣ. — Обзоръ сказокъ объ Ильѣ великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ и инородческихъ. — Выводы. — Мотивъ пріобрѣтенія силы чрезъ питье въ сказкѣ объ Иванѣ и другихъ лицахъ. — Позднее прикрѣпленіе этого мотива къ Ильѣ М. — б) Илья Муромецъ и Себежъ. — Двѣ редакціи *сказаніи* и *повѣстей* объ Ильѣ М. — Бо́льшая архаичность *краткой* редакціи съ эпизодомъ объ освобожденіи Ильей города Себежа. — Объясненіе внесенія имени Себежа въ связи съ историческими событіями XVIвѣ-

Digitized by Google

Стран.

ка.—Извѣстность Ильи въ Бѣлоруссіи въ XVI в. — Разборъ упоминанія Ильи Муравленина въ письмѣ Кмиты Чернобыльскаго. — Соотвѣтствіе Соловья Будимировича у Кмиты Чернобыльскаго Соловью разбойнику. — Значеніе свидѣтельства Кмиты и краткой редакціи повѣсти объ Ильѣ для исторіи типа этого богатыря.—в) Къ былинѣ объ Ильѣ и невѣрной женѣ Святогора. — Ингушская сказка о невѣрной женѣ, какъ параллель къ былинѣ.—г) Илья Муромецъ и Еруслан Лазаревичъ.—Смѣшеніе обѣихъ личностей въ былинѣ Щеголенка и въ малорусской сказкѣ объ Ильѣ Муринѣ.—д) Илья Муровичъ въ казацкой пѣснѣ.—Пѣсня объ Ильѣ Муровичѣ, записанная г. Борусевичемъ въ станицѣ Червленой.—Предполагаемая связь этой пѣсни съ пѣснею объ Ильѣ Муромцѣ и походной дѣвицѣ.—Прозвище Муровичъ.

16. *Новыя записи былинъ въ Якутской области* . . . . . 414—442

Скудость нашихъ свѣдѣній о восточно-сибирскихъ былинахъ.—Недавнія записи былинъ въ Якутской области г. Богораза. — Текстъ старины про Михайла Даниловича. — Разборъ ея въ связи съ олонецкими былинами объ этомъ богатырѣ и «Гисторіей» въ записи XVIII вѣка. — Значеніе колымской былины.— Текстъ старины про Добрыню Микитьевича и интересъ ею представляемый. — Текстъ старины про Алешу Поповича. — Сохранность типа Алеши, какъ могучаго богатыря, въ Сибири и измѣненіе этого типа въ Олонецкихъ былинахъ.—Разборъ новой колымской былины объ Алешѣ и Тугаринѣ въ связи съ раньше извѣстными того же содержанія.—Замѣчанія по поводу названія «*старины*» для былинъ. — Древность этого названія.

Дополненія . . . . . 443—452

Къ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ.—Параллель къ ней въ персидской поэмѣ Низами «Счастье Искандера». — Встрѣча чудеснаго пахаря съ царемъ Искандеромъ.—Къ былинѣ о Батыѣ.—Къ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ.—Упоминаніе въ ней Углича.—Къ сказкамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Указатели I и II. . . . . . 453—464

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
1	1 снизу	1893	1894
30	13 сверху	Горинычемъ	Горыничемъ
32	3 снизу	не проявляется	почти не проявляется
133	3 »	ueber	Ueber
214	9 »	Василія	Василіи
225	8 »	Ярославова	Ярополкова
376	12	негодный	*нягидный*
440	19 »	себей	себѣ
446	1	semri	semγi

Digitized by Google

Digitized by Google

Былинное преданіе въ Олонецкой губерніи [1]).

Уже въ 60-хъ годахъ знакомство съ произведеніями народной словесности, особенно съ былинами, было внесено въ программу русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе тридцатилѣтія русская наука прилежно занимается изслѣдованіемъ народнаго эпоса, уясняетъ происхожденіе былинныхъ сюжетовъ, ихъ исторію, складъ, языкъ. Но не одному кружку ученыхъ спеціалистовъ наша народная поэзія представляется предметомъ, достойнымъ вниманія и изученія. Къ чести нашего общества, нашей литературы и печати нужно сказать, что нигдѣ въ Европѣ интересъ къ народу, его жизни, изученію его прошлаго и настоящаго, его духовнаго склада не поднятъ такъ высоко, не согрѣтъ такимъ живымъ сочувствіемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ обществѣ народъ, его судьба, его значеніе и проч. служатъ не однимъ украшеніемъ салонныхъ разговоровъ, но чувствуется живая потребность узнать его жизнь, сблизиться съ нимъ духовно, принести ему матеріальную пользу. Изящная словесность въ безчисленныхъ повѣстяхъ и очеркахъ воспроизводитъ народные типы, рисуетъ складъ народной жизни, раскрываетъ міръ понятій и чувствъ народа. Науки соціальноэкономическія собираютъ цыфровыя данныя о его матеріальномъ бытѣ и изыскиваютъ условія къ его улучшенію. Разные вопросы, связанные съ его интересами, ежедневно мелькаютъ передъ нами на столбцахъ газетъ. Наши композиторы черпаютъ мотивы изъ народной музыки и художественно ихъ разрабатываютъ. Наши художники съ любовью изображаютъ народные типы и сцены. Наконецъ, та научная область, которая посвящаетъ себя всецѣло изученію матеріальнаго и особливо духовнаго быта народа, — этнографія — породила за послѣднее 30-тилѣтіе огромную литературу въ видѣ изслѣдованій и сборниковъ народныхъ пѣсенъ, преданій, сказокъ, легендъ, пословицъ, заго-

---

[1]) Публичная лекція, прочитанная въ засѣданіи Этнографическаго отдѣла 1 января 1894 года. Напечатана въ «Русской Мысли» 1893 г., мартъ.

Digitized by Google

воровъ, юридическихъ обычаевъ и проч. и проч. Этимъ высокимъ интересомъ къ народу, въ данномъ случаѣ къ его старинной пѣснѣ, позволяю я себѣ объяснить и многочисленность сегодняшняго нашего собранія. Мы собрались здѣсь, чтобы послушать олонецкаго „сказителя“ Ивана Трофимовича Рябинина, отецъ котораго обогатилъ сборники былинъ Рыбникова и Гильфердинга цѣлымъ рядомъ лучшихъ №№ всего нашего былиннаго репертуара. Большинство изъ присутствующихъ уже въ средней школѣ получили нѣкоторое понятіе о былинахъ прочли нѣсколько былинъ въ хрестоматіяхъ и слышали еще въ школѣ, что гдѣ-то на сѣверѣ Россіи въ народѣ до сихъ поръ живутъ былины въ устной традиціи. *Кто* въ народѣ поетъ былины, *какъ* онѣ исполняются, *какъ* могли въ устной передачѣ эти произведенія сѣдой старины, говорящія о Владимирѣ и его богатыряхъ, о Новгородѣ, его купцахъ и удальцахъ, дойти до нашего времени, — все это вопросы, надъ которыми мало останавливаются въ средней школѣ при знакомствѣ съ былинами, и немудрено, что олонецкіе сказители остаются для большинства въ какихъ-то туманныхъ очертаніяхъ. И вотъ лучшій представитель этихъ сказителей предъ нами налицо. Изъ занесенной снѣгомъ своей деревеньки Гарницы, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, онъ явился сюда какъ живое преданіе глубокой старины, какъ одинъ изъ послѣднихъ хранителей эпической традиціи. Не изъ хрестоматіи, не изъ печатныхъ сборниковъ, какъ всѣ мы, знаетъ онъ свои былины; да этимъ путемъ, какъ неграмотный, не могъ бы онъ и получить ихъ. Онъ прислушивался къ нимъ въ молодости, когда ихъ пѣлъ его отецъ, и онѣ, вмѣстѣ съ напѣвомъ, отложились въ его богатой памяти, какъ раньше отложились въ памяти его отца. Только въ его пѣніи былина перестаетъ для насъ быть какимъ-то навѣки закрѣпленнымъ печатью произведеніемъ, какъ всякое другое литературное произведеніе: она чувствуется какъ *словесное*, живое, развивающееся въ частностяхъ, тѣсно слитое съ напѣвомъ и метрически складное. Никакое детальное научное изученіе не можетъ воспроизвести въ нашемъ воображеніи того впечатлѣнія живой старины, которое мы получимъ отъ безыскусственнаго пѣнія олонецкаго крестьянина. Но, прежде чѣмъ вы провѣрите на себѣ это, уже испытанное мною впечатлѣніе, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности о научномъ нашемъ знакомствѣ съ олонецкими сказителями и о томъ, въ какомъ видѣ дошли до насъ былины въ ихъ устахъ.

Для изученія того періода, предшествовавшаго письменной литературѣ, который обыкновенно называютъ періодомъ безыскусственной

Digitized by Google

устной поэзіи. Россія представляетъ богатѣйшую почву. Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ уже давно эпическія пѣсни замолкли въ народѣ и послужили отдѣльнымъ лицамъ къ сложенію искусственныхъ эпопей, поэмъ, рыцарскихъ романовъ, которые уже книжнымъ путемъ распространялись въ средневѣковомъ обществѣ и снова въ своихъ отголоскахъ достигали неграмотнаго простонародья, — у насъ еще въ текущемъ столѣтіи записывались былины и историческія пѣсни прямо изъ народныхъ устъ не только на окраинахъ, но даже изрѣдка въ центральныхъ губерніяхъ вблизи городовъ — фактъ замѣчательной живучести старины и преданія въ нашемъ простонародьѣ. Однако, до конца 50-хъ годовъ русская наука еще не подозрѣвала, что главный очагъ живой эпической традиціи находится въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ отъ Петербурга, въ Олонецкой губерніи. Въ научной литературѣ извѣстенъ былъ сборникъ былинъ, записанныхъ еще въ прошломъ столѣтіи въ Сибири и приписываемый Киршѣ Данилову; извѣстно было собраніе былинъ изъ поволжскихъ, сѣверныхъ и центральныхъ губерній, записанныхъ для Кирѣевскаго. Среди былинъ попадались и доставленныя изъ Олонецкой губерніи. Но только благодаря пребыванію въ ней П. Н. Рыбникова, благодаря энергичнымъ поискамъ этого энтузіаста народной поэзіи, эпическая старина предстала передъ нами во всей свѣжести и разнообразіи.

Занесенный судьбою, противъ своего желанія, въ Петрозаводскъ, П. Н. Рыбниковъ, бывшій питомецъ Московскаго университета, человѣкъ высокообразованный, вращавшійся въ Москвѣ отчасти въ кружкѣ старшихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ), уже раньше собиралъ народныя пѣсни и сказки въ Черниговской губерніи, питалъ живой интересъ къ народной жизни и поэзіи, такъ что и на новыхъ мѣстахъ мечталъ о возможности продолжать свою собирательскую дѣятельность. Но никогда не мечталъ онъ о возможности тѣхъ неожиданныхъ открытій, которыя онъ сдѣлалъ. Съ зимы 1859—60 года онъ принялся, по его словамъ[1]), собирать памятники народной поэзіи; но сначала удавалось записывать только бытовыя пѣсни, заплачки и духовные стихи. Сказители былинъ какъ-то не попадались ему при его разъѣздахъ, хотя о нихъ доходили до него слухи. Какъ страстно Рыбникову желалось встрѣтить какого-нибудь сказителя былинъ, видно изъ слѣдующаго. Отправившись зимою 1859 года на Шунгскую ярмарку (Повѣнецкаго уѣзда), онъ узналъ, что одинъ

[1]) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, часть III, прил., стр. VI.

Digitized by Google

извѣстный сказитель, по прозванію Бутылка (собств. Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ), долженъ находиться или въ Великой губѣ или въ Сѣнной губѣ. Рыбниковъ бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ черезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути онъ завертывалъ во всѣ мѣста, гдѣ надѣялся найти перехожаго пѣвца, но все напрасно. „Три раза впослѣдствіи, — говоритъ Рыбниковъ, — я преслѣдовалъ Бутылку: два раза изъ-за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать черезъ Онего по льду, а лѣтомъ 1860 года переплывать въ дрянной лодчонкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 1863 году я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него было записано прежде другими лицами“ [1]). Отыскивая съ такимъ необыкновеннымъ рвеніемъ сказителей былинъ посредствомъ развѣдокъ и опросовъ, Рыбниковъ познакомился съ нѣкоторыми отличными знатоками, имена которыхъ извѣстны занимающимся нашимъ былевымъ эпосомъ. Таковы: Трофимъ Рябининъ, Козьма Романовъ, Василій Щеголёнокъ, Никифоръ Прохоровъ и др. Личное знакомство съ сказителями и записи съ ихъ голоса цѣлаго ряда превосходныхъ былинъ, точно такъ же какъ довольно продолжительныя наблюденія въ краѣ, дали Рыбникову полную возможность фактически доказать, что былевая поэзія еще бытуетъ во многихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи (въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ, отчасти въ Повѣнецкомъ, Вышегорскомъ и Лодейнопольскомъ), что въ первыхъ трехъ уѣздахъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей, и что въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины [2]).

Такимъ образомъ Рыбниковъ проложилъ путь къ изученію нашего былевого пѣснопѣнія на мѣстѣ, и высокій интересъ къ народному эпосу, возбужденный въ обществѣ и наукѣ его сборникомъ, долженъ былъ повести къ новымъ поискамъ живой народной старины въ тѣхъ же краяхъ. Черезъ четыре года по выходѣ въ свѣтъ 4-го тома (1867 г.) собранныхъ Рыбниковымъ пѣсенъ по его слѣдамъ пошелъ не менѣе энергичный и преданный дѣлу изслѣдователь — покойный славистъ А. Ѳ. Гильфердингъ, открытія котораго являются еще болѣе поразительными. Какъ Рыбниковъ, приступая въ 1859 году къ соби-

---

[1]) Тамъ же, стр. X.
[2]) Тамъ же, стр. II.

Digitized by Google

ранію памятниковъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, не мечталъ напасть на такое обиліе эпическихъ пѣсенъ, такъ въ свою очередь Гильфердингъ, отправившись туда на лѣтніе мѣсяцы 1871 года, не могъ въ своемъ воображеніи представить тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми увѣнчается эта лѣтняя экскурсія его изъ Петербурга. Его манило, по его собственному признанію, въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, — говоритъ Гильфердингъ, — я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя“. Счастливымъ случаемъ было знакомство съ однимъ хорошимъ сказителемъ, за этимъ случаемъ послѣдовалъ рядъ другихъ, не менѣе счастливыхъ, и результатомъ 48 дневной работы явилось ни болѣе ни менѣе, какъ слѣдующее положительно богатырское дѣло: запись былинъ, содержащая болѣе 2,000 страницъ, писанная вся рукою Гильфердинга; прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны біографическія о нихъ свѣдѣнія, записано и провѣрено 318 пѣсенъ. Отдавъ все свое время по возвращеніи въ Петербургъ обработкѣ всего записаннаго матеріала для печати и отпечатавъ болѣе 20 листовъ, Гильфердингъ на слѣдующее лѣто, въ началѣ іюня, отправился на новые поиски, на новые подвиги. Но не выдержалъ упорной работы и физическихъ неудобствъ его подорванный работой организмъ. Уже скоро пришло печальное извѣстіе о его болѣзни, и 20 іюня 1872 г. не стало этого неутомимаго и самоотверженнаго изслѣдователя.

Изданіе онежскихъ былинъ, записанныхъ Гильфердингомъ и приготовленныхъ имъ вполнѣ къ печати, вышло въ 1873 году и можетъ быть названо образцовымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Соблюденіе былинныхъ размѣровъ, точность въ передачѣ особенностей мѣстнаго говора, указанія мѣстностей, біографическія данныя о сказителяхъ, свѣдѣнія о лицахъ, отъ которыхъ тотъ или другой сказитель „перенялъ“ былины, дневникъ путешествія, личныя наблюденія мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, — все это дѣлаетъ сборникъ Гильфердинга незамѣнимымъ источникомъ для изученія современнаго состоянія народной эпической традиціи. Если послѣ 1-го тома Рыбникова къ нашему олонецкому живому эпосу, казавшемуся тогда поразительнымъ,

Digitized by Google

еще могло быть предъявлено требованіе объ оправдательныхъ документахъ, то теперь такихъ документовъ было слишкомъ достаточно. Стали извѣстны біографическія данныя о цѣломъ рядѣ сказителей; а наиболѣе извѣстные изъ нихъ — Рябининъ, Щеголёнокъ, Касьяновъ — даже были вызываемы въ столицы: Трофимъ Рябининъ, по приглашенію Импер. географическаго общества, пѣлъ свои былины въ Петербургѣ въ 1871 г., Щеголёнокъ и Касьяновъ были въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ пѣли свои былины въ засѣданіи Общества любителей русской словесности.

Познакомившись въ общихъ очертаніяхъ съ обиліемъ эпическаго матеріала, доставленнымъ Олонецкою губерніей, всмотримся нѣсколько ближе въ населеніе этого края, чтобы понять условія, при которыхъ ему возможно было стать хранителемъ эпическаго преданія.

Всѣ отзывы лицъ, дѣлавшихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, сводятся къ тому, что олонецкіе крестьяне — народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природой, энергичный, предпріимчивый, не лишенный чувства собственнаго достоинства и одаренный поэтическою воспріимчивостью [1]). Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ ощущалъ себя сравнительно свободнымъ и не терялъ сочувствія (по выраженію Гильфердинга) къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ. Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить, что въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ было въ полной силѣ крѣпостное право, сохранились только жалкіе остатки былинъ и не выработалось въ народѣ традиціи, передающей ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Помимо нашего сѣвера — губерніи Олонецкой и Архангельской — былины въ большей сохранности были извѣстны на окраинахъ, у казаковъ (донскихъ, уральскихъ) и въ Сибири (вспомнимъ знаменитый сборникъ Кирши Данилова и сборникъ Гуляева), т. е. въ мѣстахъ, гдѣ жили потомки вольнолюбиваго населенія, уходившаго на окраины отъ государственныхъ тяготъ. Но, помимо сочувствія къ идеаламъ свободнаго человѣка, которое, конечно, бытовало и всюду въ русскомъ крестьянствѣ, но не могло высказываться, въ населеніи Заонежья есть и другое условіе, всего болѣе необходимое для сохраненія эпической старины. Это — твердая вѣра въ возможность фактовъ былевого эпоса, какъ бы они намъ ни казались чудесными, глубокое убѣжденіе, что лица въ родѣ Ильи Муромца или

---

[1]) Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ, говоритъ Гильфердингъ, стр. VIII.

Digitized by Google

Тугарина Змієвича такія же реальныя историческія личности, какъ царь Иванъ Грозный или Петръ Великій. Безъ этой вѣры въ чудесное не можетъ жить эпическая былевая поэзія: если въ народѣ возникъ скептицизмъ, если содержаніе былины въ его глазахъ утратило достовѣрность, перешло на степень сказки-складки, — эпическая традиція уже ослабла и неминуемо должна вымереть. Относясь безъ должнаго уваженія къ былинѣ, смотря на нее какъ на досужій, хотя и интересный вымыселъ, сказитель уже не будетъ стараться „перенять" ее во всей полнотѣ, не будетъ напрягать памяти, чтобы свято сберечь всѣ детали, и ущербы памяти будетъ восполнять собственнымъ воображеніемъ. Этой опасной для эпической традиціи ступени еще не достигли сказители, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, въ то время, когда Гильфердингъ записывалъ былины. Безусловно вѣрятъ былинамъ и слушатели, жадно прислушиваясь къ сказителямъ и всею душой живя и чувствуя вмѣстѣ съ богатырями. Скептики, которые не всему вѣрятъ въ былинахъ, по словамъ Гильфердинга [1]), составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Благодаря такому серьезному отношенію къ былевой пѣснѣ, она не низводится до степени праздной забавы, въ родѣ лирическихъ пѣсенъ, хороводныхъ, качельныхъ, игровыхъ, — забавы, приличной молодости. Напротивъ, былины поются крестьянами солидными, зрѣлаго возраста или стариками, людьми, уважаемыми всею деревней, исправными домохозяевами, нерѣдко даже весьма зажиточными, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ біографіи сказителей.

Вмѣстѣ съ былинами нѣкоторые сказители поютъ и духовные стихи, что нерѣдко отражается и на складѣ ихъ былинъ.

Любовь къ пѣнію и слушанію былинъ еще изстари укоренилась въ краѣ и сохранилась кое-гдѣ и до нашихъ дней. „Въ старину, — разсказывалъ Рыбникову сказитель Романовъ, — соберутся, бывало, старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустафьевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи" [2]). Даже въ городскомъ населеніи г. Пудожа въ старое время былевыя пѣсни были въ большомъ ходу. „Лѣтъ 50 тому назадъ, не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣдѣ, чтобы слушать былины" [3]). По словамъ одного изъ сказителей, Андрея Сорокина, онъ выучился былинамъ мальчи-

[1]) *Гильфердингъ*, стр. XIII.
[2]) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. XXIV.
[3]) Тамъ же, стр. XXXI.

Digitized by Google

комъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая „старины“ [1]). По сообщенію калики Латышова Рыбникову, онъ пѣлъ былины въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ [2]).

Любопытно и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверо-востокъ отъ Онежскаго озера (на Водлозерѣ), по словамъ Гильфердинга, эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ [3]), такъ что, исчезая въ однихъ мѣстахъ, она дѣлаетъ новыя завоеванія.

Отсюда покойный изслѣдователь дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнутъ промышленное движеніе и школа“ [4]).

Собирая свѣдѣнія о томъ, отъ кого тотъ или другой сказитель научился былинамъ, Гильфердингъ могъ иногда по живымъ слѣдамъ намѣтить недавнее распространеніе традиціи: такъ, одинъ сказитель (Нигозеркинъ) выучился былинамъ осенью 1870 года отъ старика, проѣзжавшаго изъ-за Кенозера черезъ его деревню и два раза проведшаго ночь въ его избѣ [5]). Другой (Курниковъ) заявлялъ, что старину о Кострюкѣ онъ перенялъ незадолго передъ тѣмъ (также въ 1870 г.) отъ прохожаго мужичка, который, зная только одну эту былину, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былину [6]). При опросѣ сказителей оказывалось, что иногда традиція идетъ либо отъ матери, но чаще отъ отца и дѣда, такъ что можно было отмѣтить три поколѣнія въ той же семьѣ (такъ, по словамъ Швецова, его дѣдъ славился какъ знатокъ былинъ, а его сынъ перенялъ почти всѣ былины, которыя онъ самъ знаетъ) [7]). Если мы примемъ въ расчетъ, что иногда внукъ, сказывавшій свои былины, идущія отъ дѣда, уже былъ человѣкъ солиднаго возраста (въ 70-хъ годахъ), то традицію можно прослѣдить до 2-й половины XVIII в. Широко рас-

---

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 372.
[2]) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. XXXIV.
[3]) *Гильфердингъ*, стр. XXXI.
[4]) Тамъ же, стр. XXI.
[5]) Тамъ же, ст. 1022.
[6]) Тамъ же, ст. 1329.
[7]) Тамъ же, ст. 1293.

Digitized by Google

пространенная въ населеніи любовь къ былинамъ окружала особеннымъ уваженіемъ извѣстныхъ сказителей, обладавшихъ выдающимся репертуаромъ. Такихъ сказителей, каковъ былъ въ старину Елустафьевъ, слушали всегда съ особеннымъ вниманіемъ и „перенимали“ ихъ былины. Отъ Елустафьева научился былинамъ не менѣе извѣстный сказитель Трофимъ Рябининъ, котораго репертуаръ весь вошелъ въ сборники Рыбникова и Гильфердинга и еще нѣсколько другихъ сказителей. Объ одномъ извѣстномъ въ свое время каликѣ Мѣщаниновѣ его выученикъ Фепоновъ сообщаетъ почти невѣроятный фактъ, что онъ зналъ семьдесятъ былинъ [1]). Если, быть-можетъ, это извѣстіе преувеличено, то едва ли на много. Нѣкоторые изъ сказителей, опрошенныхъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, знали до 20 былинъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о дѣйствительно богатой памяти лучшихъ сказителей, стóитъ только просмотрѣть сборникъ Гильфердинга. Мы найдемъ тамъ нѣсколькихъ сказителей, отъ которыхъ записано отъ 2,000 до 3,000 стиховъ (Воиновъ, Чукóвъ, Щеголёнокъ, Прохоровъ Никифоръ), но такіе общеизвѣстные, какъ Калининъ и Трофимъ Рябининъ, продиктовали собирателю каждый болѣе 5,000 стиховъ.

Очевидно, такіе сказители должны имѣть если не феноменальную, то, во всякомъ случаѣ, выдающуюся по обширности память. Но нужно помнить, что хорошая память вообще въ крестьянствѣ явленіе заурядное, объясняющееся тѣмъ, что она не ослаблена и не избалована грамотностью. Дѣйствительно, между 70 сказителями, выслушанными Гильфердингомъ, только 6 оказались грамотными, но всѣ они были не изъ лучшихъ сказителей, знали немного, а одинъ (Касьяновъ) даже признался, что „чтеніе книгъ церковныхъ заглушило былины въ его памяти“ [2]). Вообще память является необходимымъ условіемъ для усвоенія обширныхъ былинъ, иногда переходящихъ за 600—800 стиховъ и даже за тысячу: личное сочинительство, по крайней мѣрѣ, сознательное самому сказителю, почти отсутствуетъ. Если сказитель, по наблюденію Гильфердинга [3]), несмотря на желаніе спѣть такъ, какъ пѣлъ его учитель, чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы онъ ни зналъ содержаніе какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ

---

[1]) Тамъ же, ст. 296.
[2]) Тамъ же, столб. 794.
[3]) Тамъ же, стр. XXIII

Digitized by Google

она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко.

Въ виду условій, конечно второстепенныхъ, содѣйствовавшихъ распространенію былинъ въ Заонежьи, Гильфердингъ указываетъ на нѣкоторыя ремесла. Многіе изъ *хорошихъ* сказителей либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, переходя изъ деревни въ деревню, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли изслѣдователю, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работой шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть „старины", и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, „крестьянство" (т. е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось" [1]).

Выше я упомянулъ, что открытіе Рыбниковымъ столь обильной эпической старины въ мѣстахъ, сравнительно не столь отдаленныхъ отъ столицы, казалось особенно поразительно. Казалось бы, что такія открытія скорѣе можно было бы ожидать въ глухихъ захолустьяхъ Сибири, а не въ Олонецкой губерніи. Однако, справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ этой губерніи, мы убѣдимся, что она на значительномъ протяженіи представляетъ не меньшую глушь, чѣмъ самыя удаленныя сѣверо-восточныя губерніи.

Вотъ что говоритъ Гильфердингъ про природу и бытовыя условія этого края: „Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ большимъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Карго-

[1]) Тамъ же, стр. XXVIII.

Digitized by Google

польскаго уѣзда. Сѣвернѣе (около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью) [1]) возятъ, что нужно, и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ) или же на волокàхъ, т. е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣпляются къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными, безъ желѣзныхъ шинъ, колесами. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе „нивъ", т. е. небольшихъ полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки, а потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ: кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто „полѣсуетъ", т. е. стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, „огорюетъ" какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова" [2]).

Эта краткая и сильная характеристика природы и бытовыхъ условій, среди которыхъ живутъ хранители эпической традиціи, даетъ намъ возможность понять, что при всѣхъ физическихъ и духовныхъ способностяхъ, которыми, несомнѣнно, одарено олонецкое населеніе, оно въ этой тяжкой борьбѣ съ суровою природой, живя въ глухихъ поселкахъ, нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разобщенныхъ другъ отъ друга, окруженное лѣсами и болотами, должно было сохранить, и дѣйствительно сохранило, немало старины въ быту, вѣрность преданію и вѣру въ чудесное. Консерватизмъ отмѣчается изслѣдователями губерніи и въ матеріальномъ быту, и въ обрядности, и въ вѣрованіяхъ. Немудрено, что такими же консерваторами являются олончане и въ былевой поэзіи.

Сверхъ перечисленныхъ условій, благопріятствовавшихъ сохраненію

---

[1]) Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону (т. е. съ сѣверо-запада) его бассейна.

[2]) *Гильфердингъ*, стр. VIII и IX.

Digitized by Google

эпоса, есть еще два, указываемыя Рыбниковымъ: „Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украйнѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ кіевскомъ и новгородскомъ прошедшемъ“ [1]). Я не рѣшусь сказать, насколько послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе, но о поэтической жилкѣ олончанъ ярко свидѣтельствуютъ прекрасныя лирическія причитанья (свадебныя, рекрутскія, похоронныя), также записанныя въ огромномъ количествѣ среди нихъ Рыбниковымъ и Е. В. Барсовымъ. Среди женщинъ, между которыми нашлось 15 сказительницъ былинъ во время поѣздки Гильфердинга, встрѣчаются нерѣдко положительно высокоодаренныя натуры (напр. извѣстная вопленица Ирина Ѳедосова), способныя изливать свое горе въ длинныхъ, складныхъ и иногда художественныхъ импровизаціяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ женщинъ пользуются извѣстностью далеко за предѣлами родной деревни и приглашаются спеціально на свадьбы и похороны. Есть немало среди женскаго населенія и любительницъ былинъ: въ біографіяхъ сказителей мы нерѣдко читаемъ, что они научились имъ отъ матерей, особенно сказительницы. Рыбниковъ сдѣлалъ наблюденіе, что у женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть свои любимыя былины — „бабьи старины“, какъ ихъ называютъ сказители: это, повидимому, такія, въ которыхъ изображена любовь и гдѣ значительная роль выпадаетъ женщинѣ (наприм., про Ставра, про Чурилу, про Ивана Годиновича). Меньше знаютъ онѣ болѣе серьезныя былины — про Илью Муромца, про Садка, Вольгу и др.

Резюмируя разсмотрѣнныя условія, содѣйствовавшія въ Олонецкой губерніи сохраненію живого былевого пѣснопѣнія, мы приходимъ къ выводу, что главными условіями были: примитивность въ матеріальномъ и духовномъ быту, обусловленная природой, климатомъ и исторіей, отсутствіе крѣпостного права, малое распространеніе грамотности и несомнѣнная поэтическая воспріимчивость населенія.

Перехожу теперь къ другимъ вопросамъ, которые имѣютъ существенное значеніе для метода изслѣдованія былинъ: въ какомъ видѣ дошелъ до насъ текстъ былинъ? Насколько можно довѣрять точности традиціи? Насколько личность сказителей отражается въ текстахъ, отъ нихъ записанныхъ?

---

[1]) *Рыбниковъ*, ч. III, стр. IX.

Digitized by Google

Значительную гарантію въ точности традиціи слѣдуетъ видѣть въ постоянствѣ и прочности *сюжетовъ* и былевыхъ *типовъ*. Дѣйствительно, если мы просмотримъ оглавленіе тѣхъ сотенъ былинъ, которыя помѣщены въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, мы убѣдимся, что число отдѣльныхъ сюжетовъ не очень многочисленно и что при значительномъ разногласіи въ подробностяхъ общія очертанія сюжета вездѣ одни и тѣ же. Новыхъ сюжетовъ почти не далъ огромный сборникъ Гильфердинга, новыхъ сюжетовъ нѣтъ надежды найти и впредь. Если дѣло идетъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы увѣрены, что встрѣтимъ давно извѣстныя похожденія его съ Соловьемъ, съ разбойниками, съ идолищемъ и т. п.; если о Добрынѣ, то услышимъ о змѣеборствѣ или о попыткѣ Алеши взять замужъ его жену и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ надежды и познакомиться съ какимъ-нибудь новымъ типомъ богатыря. Типы ихъ прочно установлены, такъ сказать, застыли въ народной памяти и представляются столь же конкретными и сказителю и его слушателямъ. Конечно, и здѣсь бываютъ ошибки памяти, — случится, что сказитель припишетъ одному богатырю подвигъ, совершенный другимъ, но такіе промахи довольно рѣдки. Нравственный обликъ богатырей весьма типиченъ: Илья всегда будетъ идеаломъ мужества и спокойной увѣренности въ силѣ, всегда будетъ съ чувствомъ достоинства относиться къ князю Владиміру и покровительственною лаской къ юнымъ богатырямъ; Добрыня Никитичъ всегда отличаться вѣжествомъ, Чурило — франтовствомъ и женолюбіемъ и т. д.

Во-вторыхъ, не меньшею устойчивостью отличаются и такъ называемыя *общія* мѣста (loci communes) нашего эпическаго описанія: наприм.. подношеніе и испитіе чары въ $1^1/_2$ или $2^1/_2$ ведра, процессъ сѣдланія коня, снаряженіе корабля и друг. (кстати упомяну замѣчаніе Гильфердинга, что именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля особенно знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку) [1]). Къ такимъ loci communes относятся и описанія южно-русской природы, древняго вооруженія и воинскаго быта. Мы такъ прислушались къ этимъ чертамъ нашего эпоса, что онѣ намъ не кажутся поразительны. „Мы, жители сѣверныхъ широтъ, — говоритъ Гильфердингъ [2]), — не находимъ ничего особенно для насъ

---

[1]) *Гильфердингъ*, стр. XXV.
[2]) Тамъ же. стр. XXIV и XXV.

Digitized by Google

необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ „сырыхъ дубахъ“, въ этой „ковыль-травѣ“, въ этомъ „раздольѣ чистомъ полѣ“, которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, наприм., сохраненіе образа „гнѣдого тура“, давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ „палицей боевою“. Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами какой-нибудь бананъ. Знаетъ ли онъ, что такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку „раздолье чистое поле“? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ и пнями клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, — это трясина, куда не отважится ступить ни лошадь ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто онъ жилъ на Украйнѣ!“

Если, такимъ образомъ, въ нашихъ былинахъ можно констатировать значительную прочность сюжетовъ, богатырскихъ типовъ и даже нѣкоторыхъ бытовыхъ деталей, которыя говорятъ въ пользу замѣчательной прочности традиціи, то все же нельзя забывать, что цѣлые вѣка устной поредачи должны были отразиться во многомъ на современныхъ текстахъ былинъ. Какъ бы ни была обширна память сказителей, какія бы усилія они не дѣлали, чтобы сохранить былины въ томъ видѣ, въ какомъ они сами ихъ переняли отъ учителей, все же излагаемыя ими былины не могутъ представляться точными оттисками прежнихъ и по необходимости являются новыми изданіями, иногда значительно пополненными или сокращенными, иногда даже значительно передѣланными. Извѣстно, какое множество варіантовъ представляетъ иногда въ различныхъ записяхъ одинъ и тотъ же былевой сюжетъ. Для объясненія происхожденія варіантовъ мы должны воспользоваться драгоцѣнными наблюденіями, лично сдѣланными Гильфердингомъ надъ сказителями, которые въ такомъ значительномъ числѣ прошли передъ его глазами.

„Можно сказать, — говоритъ онъ, — что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія,* по большей части описатель-

Digitized by Google

наго характера, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя,* которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно-быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ *лучшихъ* сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью и заставьте его раза два къ ряду пропѣть одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ".

Изъ этого мы можемъ вывести то заключеніе, что одинъ и тотъ же сюжетъ (наприм., бой Ильи съ сыномъ) можетъ совпадать у разныхъ сказителей только въ общихъ чертахъ и въ большемъ или меньшемъ числѣ деталей, такъ какъ ходъ дѣйствія, по наблюденію Гильфердинга, не заучивается цѣликомъ наизусть, а составляетъ переходную часть былины. Въ такъ называемыхъ *типическихъ* мѣстахъ, указываемыхъ Гильфердингомъ, я на основаніи его же словъ различилъ бы два разряда: во-первыхъ, общія мѣста (loci communes), т. е. эпическія описанія, которыя отлились изстари въ опредѣленную форму (наприм., описаніе процесса сѣдланія) и переносятся свободно изъ одного сюжета въ другой, если есть для этого какой-нибудь случай. Эти мѣста составляютъ такую же принадлежность эпическаго склада, какъ постоянные эпитеты въ народной поэзіи. Какъ сказитель всякій разъ при упоминаніи поля прибавитъ къ нему эпитетъ *чистаго,* такъ онъ же при описаніи сѣдланія каждый разъ воспользуется готовою, давно установленной картинкой.

Во-вторыхъ, *типическія* мѣста, какъ видно изъ приведеннаго Гильфердингомъ примѣра, это — „рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ". Такія рѣчи уже не шаблоны, а въ собственномъ смыслѣ типическія, т. е. изъ нихъ, главнымъ образомъ, слагается типъ, духовный обликъ того или другого дѣйствующаго лица. Онѣ важны для характеристики того или другого богатыря и потому заучиваются наизусть или, по крайней мѣрѣ, тверже усвоиваются въ деталяхъ, такъ какъ на нихъ сосредоточенъ психологическій интересъ. „Перенимая" былину отъ другого, всякій, конечно, старался твердо запомнить, что, наприм., говорилъ

Digitized by Google

при такомъ-то случаѣ Илья Муромецъ, или Добрыня, или Владимиръ князь, потому что въ ихъ рѣчахъ выражается ихъ духовный складъ, и сравнительно меньше заботился о внѣшнихъ подробностяхъ сюжета, такъ какъ тутъ ему могли подслужиться готовыя шаблонныя подробности эпическаго разсказа.

Различивъ такимъ образомъ въ *типическихъ* мѣстахъ Гильфердинга два элемента далеко не одинаковой важности (общія мѣста и психическія характеристики), перейдемъ къ его дальнѣйшимъ наблюденіямъ.

„Эти типическія мѣста, — продолжаетъ онъ, — у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, и иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ *своихъ* былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, — они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей Фепоновъ — калика, т. е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, Антоновъ же хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ“ [1]).

Всматриваясь въ эти наблюденія собирателя, мы можемъ выставить слѣдующія положенія относительно текстовъ былинъ.

Во-первыхъ, всего болѣе измѣненій входитъ въ описаніе хода дѣйствія, въ такъ называемыя *переходныя* мѣста. Помня часто лишь только общія очертанія сюжета, сказитель вводитъ въ разсказъ тѣ или другія детали, по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами изъ запаса своей памяти, т. е. перенося какую-нибудь понравившуюся ему черту изъ одной былины въ другую. Примѣромъ такого перенесенія можно привести извѣстную расправу съ татариномъ:

---

[1]) Тамъ же, стр. XXVII.

Digitized by Google

богатырь схватываетъ его и, махая имъ, прокладываетъ себѣ дорогу. Этотъ мотивъ встрѣчается всего чаще въ приложеніи къ Ильѣ Муромцу въ его столкновеніяхъ съ Калиномъ-царемъ, съ Батыемъ, съ идолищемъ и даже съ разбойниками, но при случаѣ такъ же расправляются съ татарами Добрыня, Иванушко Даниловичъ, Василій Ивановичъ, сынъ князя Карамышевскаго, богатырь Суровецъ, при чемъ нерѣдко мотивъ маханія татариномъ приплетенъ совершенно некстати, безъ достаточнаго логическаго основанія. Однако, разъ введено сказителемъ маханіе татариномъ, оно обыкновенно сопровождается извѣстными традиціонными словами („А и крѣпокъ татаринъ — не изломится, а и жиловатъ, собака, — не изорвется").

Во-вторыхъ, если описательныя мѣста и прочнѣе въ своихъ деталяхъ, то все же измѣненія въ текстахъ былинъ обычны и въ этомъ отношеніи. Тотъ или другой сказитель можетъ по личному вкусу вставлять ихъ чаще или рѣже, затягивая ими ходъ разсказа или, напротивъ, сокращая его. Напримѣръ, упоминая о входѣ богатыря въ то или другое помѣщеніе, онъ можетъ вставить обычное описаніе *крестовъ* и *поклоновъ* или миновать его. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ большими или меньшими деталями, съ повтореніями шаблонныхъ мѣстъ или безъ нихъ, можетъ быть развитъ въ былинѣ въ 200 стихахъ и въ 500—800. Такъ, въ Прионежьѣ былины, вообще говоря, по наблюденію Гильфердинга, отличаются растянутостью, достигаютъ тысячи стиховъ и даже болѣе, и слышится пристрастіе къ длинному стиху, а на сѣверо-востокъ отъ озера былины обыкновенно короче, ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ 300—400 стиховъ [1]).

Въ-третьихъ, и въ *психическихъ* характеристикахъ, въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ могутъ происходить значительныя измѣненія. Не нарушая сложившагося типа богатыря, сказители могутъ по своему вкусу подчеркивать ту или другую его сторону, подбѣляя или подчерняя его нравственный характеръ.

Наконецъ, какъ мы видѣли, типическія рѣчи, сопровождающія то или другое *дѣйствіе* (наприм., маханіе татариномъ), переносятся вмѣстѣ съ этимъ дѣйствіемъ, иногда довольно произвольно, съ одного богатыря на другого, и это, конечно, можетъ такъ или иначе видоизмѣнить или оттѣнить его духовный обликъ.

Въ-четвертыхъ, личность сказителя отражается на текстахъ и въ

---

[1]) *Гильфердингъ*, стр. XXIX.

Digitized by Google

переходныхъ мѣстахъ, и въ типическихъ, и вообще на всемъ складѣ былинъ, а также на языкѣ, въ выборѣ и болѣе или менѣе частомъ употребленіи излюбленныхъ выраженій, эпитетовъ и т. д. Отсюда вытекаютъ слѣдующія *два* явленія, которыя наблюдаются въ дошедшихъ до насъ былинныхъ текстахъ.

Во-первыхъ, одинъ и тотъ же сюжетъ дошелъ до насъ во множествѣ варіантовъ, изъ которыхъ одни отличаются между собою лишь незначительными деталями, другіе сходны только въ главныхъ очертаніяхъ сюжета.

Во-вторыхъ, разные сюжеты въ устахъ одного и того же сказителя пріобрѣтаютъ замѣтное сходство въ подробностяхъ, такъ что при болѣе внимательномъ изученіи мы можемъ опредѣлить пошибъ того или другого сказителя, подобно тому, какъ можемъ изучить стиль какого-нибудь оригинальнаго писателя.

Мы видѣли, какимъ процессамъ измѣненія подвергается текстъ былинъ, такъ сказать на нашихъ глазахъ, при переходѣ ихъ отъ одного сказителя къ другому. Мы видѣли, что даже одинъ и тотъ же сказитель, повторяя былину, никогда не воспроизведетъ ее во всей точности, безъ всякихъ измѣненій. Конечно, этотъ процессъ измѣненія текстовъ въ зависимости отъ тѣхъ же условій (личности сказителя, большей или меньшей его памяти, болѣе или менѣе самостоятельнаго отношенія къ преданію) длился многія столѣтія, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній. Не трудно сказать, къ какимъ результатамъ долженъ былъ привести этотъ процессъ: современныя былины представляютъ, говоря вообще, плодъ послѣдовательнаго *искаженія* древнихъ былинъ. Благодаря условіямъ, представляемымъ населеніемъ Олонецкой губерніи, былевой эпосъ только что сохранился въ своихъ главныхъ чертахъ, и это уже великая заслуга онежскихъ сказителей передъ русскимъ народомъ и наукою. Но онъ не *развивался* на этой неудобной для него почвѣ, а послѣдовательно глохнулъ и вырождался. Нѣтъ сомнѣнія, что былины онежскія не сложены олонецкими крестьянами и не были сложены ихъ предками. Онѣ были только, по мѣрѣ силъ и способностей, усвоены этими предками и переданы потомкамъ.

Отмѣчу лишь одинъ крупный фактъ, доказывающій, что крестьяне были только *хранителями* старины въ былевой поэзіи, но не развивали ея новыми сюжетами. Просматривая оглавленіе сборниковъ Рыбникова и Гильфердинга, можно убѣдиться въ томъ, что всѣ былины и историческія пѣсни суть только наслѣдство, полученное олонецкими сказителями отъ старины. Тутъ вы найдете былины, прикрѣпленныя къ

Digitized by Google

имени и времени князя Владимира, былины, связанныя съ историческимъ прошлымъ Нова-города, пѣсни историческія съ именемъ Грознаго и другихъ московскихъ царей. Все это — „старины, старинушки", по терминологіи мѣстныхъ сказителей, которыя говорятъ о лицахъ и событіяхъ иногороднихъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Онежскому краю. Онежскіе сказители не прикрѣпили ни одного богатыря къ своей почвѣ, не создали новыхъ былевыхъ сюжетовъ, они только повторяли, что̀ слышали, что̀ когда-то до нихъ дошло въ видѣ былевой пѣсни. Въ громадномъ сборникѣ Гильфердинга мы найдемъ только одну *старинушку,* связанную съ олонецкими мѣстами. Это — старинушка о Рахтѣ Рагнозерскомъ (№ 11), записанная только *въ одномъ* пересказѣ (отъ Калинина). Здѣсь идетъ разсказъ о мѣстномъ, рагнозерскомъ [1]), мужикѣ-силачѣ, слава о которомъ дошла до одного *князя* въ Москвѣ. Князь вызываетъ его изъ его деревни, чтобы выставить его противникомъ одному *невѣрному* борцу, и Рахта сбилъ его въ кучку, за что получилъ отъ князя право на исключительную ловлю рыбы въ родномъ озерѣ. Если вы внимательно прочтете эту *старину,* то увидите въ ней лишь одиночную, неудачную попытку представить въ формѣ былины мѣстное преданіе о силачѣ. Обычный эпическій складъ лишь нѣкоторыми чертами подслужился сказителю, но вообще старина и въ этомъ отношеніи плохо выдержана. Про эту старину можно сказать то, что̀ сказалъ Гильфердингу одинъ сказитель, Андрей Сорокинъ: „Онъ пробовалъ распѣвать въ видѣ былинъ сказки, которыя разсказываются „словами" (т. е. прозаическою рѣчью), но это ему не удалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль" [2]). Также не могутъ и не могли слагать новыхъ былинъ олонецкіе крестьяне. Они сами говорили Гильфердингу, что то, что̀ разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда онъ замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались „выполнить" лучше это мѣсто, но никому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ *явная* нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: „такъ поется", а про что разъ сказано, что *такъ поется,* то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и Гильфердингъ спрашивалъ объясненія, то получалъ его только

[1]) Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера.

[2]) *Гильфердингъ,* столб. 372.

Digitized by Google

въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ; если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: „такъ поется“ или: „такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ“ [1]).

Такимъ образомъ и былины про богатырей и историческія пѣсни московскаго періода были произведеніями заносными въ Онежскомъ краѣ, и такіе заносы болѣе позднихъ пѣсенъ до-петровскаго времени можно констатировать и въ послѣдующее время. Такъ, въ репертуаръ сказителей попала и солдатская пѣсня о прусскомъ королѣ (№ 205), и петербургская трактирная пѣсня (№ 318), и даже одно переводное съ сербскаго стихотвореніе Щербины [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не трудно прослѣдить, кѣмъ и когда была занесена какая-нибудь недавняя пѣсня. Такъ, пѣвецъ пѣсни о прусскомъ королѣ Иванъ Захаровъ былъ, какъ узнаемъ изъ его біографіи, человѣкъ „волокитный“, т. е. разъѣзжавшій много по разнымъ мѣстамъ Россіи (ему случалось бывать даже на Волгѣ) и наслушавшійся разныхъ пѣсенъ [3]); сказитель „Петербургской старины“ (какъ озаглавлена эта трактирная пѣсня Гильфердингомъ [4]), человѣкъ *грамотный,* бывалый, ѣздящій по зимамъ къ Бѣлому морю для закупки сельдей, которыя продаетъ по городамъ. Немудрено, что въ обществѣ бурлаковъ и въ городскихъ трактирахъ онъ усвоилъ себѣ это произведеніе кабацкой музы.

Для упроченія текстовъ былинъ въ устной традиціи не было еще одного условія, которое кое-гдѣ служило къ сохраненію извѣстнаго эпическаго репертуара въ болѣе архаическомъ видѣ: въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей былинъ *по профессіи.* Былины знаютъ и при случаѣ поютъ и мужики, и бабы, и дѣвушки, и портные, и рыболовы, и калики, и нигдѣ это пѣніе не составляетъ профессіи, какъ, наприм., пѣніе духовныхъ стиховъ каликами. Послѣдніе, распѣвая свои стихи, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе, но пѣніе былинъ не даетъ имъ заработка, и онѣ только случайно попадаютъ въ ихъ репертуаръ. Конечно, нашихъ сказителей поэтому нельзя сопоставлять, наприм., съ сѣверо-французскими труверами, кельтскими бардами и филами или исландскими скальдами, которые на храненіе преданій старины, на пѣніе эпическихъ сказаній смотрѣли, какъ на свою профессію или ре-

---

[1]) Тамъ же, стр. XXIV.

[2]) *Гильфердингъ,* стр. XIX.

[3]) Тамъ же, столб. 941.

[4]) «Со Щукина двора идетъ сѣдая борода, тотъ миленькій мой, пріятель дорогой» и т. д.

Digitized by Google

месло, которые кормились своимъ искусствомъ и поэтому упражнялись въ немъ, изучали его основательно. Извѣстно, напримѣръ, что такъ называемая младшая или прозаичная Эдда, сложенная въ началѣ XIII вѣка Снорри Стурлусономъ (сыномъ Стурлы), представляетъ нѣчто въ родѣ учебника для *скальдовъ* и на ряду съ нѣкоторыми отдѣлами сѣвернаго эпоса содержитъ учебникъ поэтики, метрики и даже трактаты грамматическаго и реторическаго содержанія для обученія скальдовъ. У насъ подобнаго обученія не было: если мы видимъ, что былины передаются отъ дѣда къ сыну и внуку, то эта передача не школьная, не основанная на внимательномъ спеціальномъ изученіи, а лишь механическое усвоеніе *при случаѣ,* насколько хватитъ памяти и усердія. На такія случайныя перениманія нерѣдко встрѣчаемъ указанія въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ олонецкихъ сказителяхъ (переночевалъ прохожій, пропѣлъ былину, былина понравилась, повторилъ, и хозяинъ избы или кто-нибудь изъ семьи ее запомнилъ по возможности, а затѣмъ и самъ сталъ повторять въ присутствіи другихъ). При такой случайности въ традиціи, обусловленной отсутствіемъ профессіональныхъ пѣвцовъ, можно еще удивляться, что и въ современномъ своемъ видѣ наши былины сохранили такъ много старины въ именахъ, древнихъ бытовыхъ чертахъ и во всемъ складѣ и ладѣ.

Если мы вспомнимъ, что хранителями этого чуднаго наслѣдія старины являются исключительно крестьяне, что высшіе классы уже въ XVIII в. порвали свою связь съ народнымъ эпосомъ и утратили къ нему живой интересъ, то высоко оцѣнимъ услугу, оказанную олонецкими сказителями русской наукѣ и обществу. Они сохранили свято духовное добро, которымъ питался и услаждался въ теченіе многихъ вѣковъ русскій народъ до поворота части его на другую дорогу, — дорогу къ европейскому просвѣщенію, приведшую только въ наше время къ тому, что образованное общество снова проникается глубокимъ интересомъ къ изученію духовнаго быта простонародья и родной поэтической старины.

Digitized by Google

Русская былина, ея слагатели и исполнители [1]).

Нерѣдко случается въ исторіи науки, что нѣкоторыя ученія, считающіяся въ извѣстное время прочно установленными и вошедшія въ учебники, въ послѣдующее время оказываются шаткими и подрываются критикой со всѣхъ сторонъ. Всего чаще такія крушенія наблюдаются въ области изученія отдаленнаго прошлаго человѣчества. Конечно, открытіе новыхъ источниковъ для познанія исторіи того или другого народа всего чаще измѣняетъ взгляды, казавшіеся раньше прочно научно-обоснованными. Но нерѣдко наше пониманіе прошлаго измѣняется и безъ такихъ открытій. Матеріалъ, на основаніи котораго была создана извѣстная теорія, можетъ не увеличиться количественно, не подновиться новыми открытіями, но комбинація раньше извѣстныхъ фактовъ можетъ быть иная, сдѣланная подъ другимъ угломъ зрѣнія, и прежняя теорія неизбѣжно перестаетъ удовлетворять изслѣдователей новаго поколѣнія.

Такой случай въ исторіи науки имѣемъ мы въ ученіи о русской народной былинѣ или, какъ любили выражаться изслѣдователи 60 и 70-хъ годовъ, о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Мы могли еще недавно твердо и отчетливо отвѣтить на цѣлый рядъ интереснѣйшихъ вопросовъ: ни одинъ хорошій ученикъ гимназіи не затруднился бы уяснить отличіе народной, устной поэзіи отъ поэзіи культурной, литературно-художественной. Онъ сказалъ бы (со словъ О. Миллера и А. Галахова), что народная поэзія есть произведеніе и общее достояніе всего народа, что она возникла въ періодъ господства наивныхъ вѣрованій и юношеской фантазіи, когда народъ еще не распадался на классы и сословія, когда всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, „совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа“. Отдѣльный человѣкъ, слагавшій и пѣвшій пѣсню, былъ органомъ, голосомъ всего народа; онъ не творилъ чего-либо

---

1) Напеч. въ «Русской Мысли» 1895, сентябрь и октябрь.

Digitized by Google

новаго, а выражалъ лишь то единственно, что извѣстно было каждому. Самодѣятельность его не простиралась на созданіе сюжета поэтическаго произведенія. Онъ не вносилъ въ пѣсню ни личныхъ лирическихъ изліяній, ни сатиры, не ставилъ себѣ задачей изобразить характеръ того или другого класса народа или поучать своихъ ближнихъ. Увѣренный въ сочувствіи своихъ слушателей, пѣвецъ „не допускаетъ никакихъ украшеній и эффектовъ. Да они и излишни, такъ какъ народная поэзія служила и служитъ народу не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія. Народъ понимаетъ ее не какъ особую сферу духовной дѣятельности, сферу искусства, которое образованный человѣкъ отличаетъ явственно отъ другихъ областей жизни — религіи, гражданской дѣятельности, науки. Естественная поэзія касается всего народнаго быта: обнимаетъ и религіозные и нравственные его интересы". Поэтому „народъ видитъ въ своей поэзіи драгоцѣнное достояніе, которое, въ теченіе многихъ столѣтій, одни поколѣнія завѣщевали другимъ. Она имѣетъ смыслъ священной старины, неприкосновеннаго преданія, которое должны усвоивать люди молодые съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать его потомкамъ" [1]).

Таковы, приблизительно, отвѣты, которые бойкій ученикъ гимназіи, не затрудняясь, дастъ на предложенный вопросъ объ отличіи устной народной поэзіи отъ художественной личной. Конечно, его не можетъ интересовать вопросъ, какимъ путемъ, на основаніи изученія какого матеріала добыты эти научныя положенія, которыя для ученика составляютъ какъ бы аксіому. Но такой вопросъ долженъ быть поставленъ всякимъ „научнымъ слѣдователемъ", желающимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько приведенныя общія положенія вытекаютъ изъ изученныхъ наукой фактовъ. Онъ спроситъ себя, знаетъ ли наука дѣйствительно поэзію того періода какого-нибудь народа, когда этотъ народъ не представлялъ никакой матеріальной и духовной диференціаціи, когда всѣ члены его принимали равное участіе въ подвигахъ и каждый испытывалъ одинаково возбужденное и одинаково направленное духовное настроеніе. На такой вопросъ послѣдуетъ немедленно отрицательный отвѣтъ: окажется, что такого народа этнографія, а тѣмъ менѣе исторія не можетъ указать, что такой народъ — созданіе теоріи. Далѣе, окажется такою же научною фикціей поэтъ-пѣвецъ этого предполагаемаго народа, — поэтъ, который не творитъ чего-либо новаго, но выражаетъ лишь то единственно, что извѣстно каждому, и не можетъ

---

1) *А. Галаховъ:* «Исторія русск. словесности». Изд. 2-е, т. I, стр. 1—4, 1880 г.

Digitized by Google

создать новаго сюжета. Спрашивается, на чемъ основано предположеніе, что душевная жизнь примитивнаго человѣка такъ рѣзко расходилась съ нашей? Мы алчемъ новыхъ впечатлѣній, цѣнимъ то, чего раньше не слыхали, первобытный же пѣвецъ-поэтъ почему-то долженъ пѣть лишь старое, общеизвѣстное. Какъ же представить намъ себѣ вообще появленіе многочисленныхъ сюжетовъ? Кѣмъ они были измышлены? Коллективнымъ творчествомъ массы? Но вѣдь и это фикція, такъ какъ человѣческій опытъ такого творчества никогда не наблюдалъ. Далѣе спрашивается, на чемъ основано положеніе, будто первобытный поэтъ-пѣвецъ былъ настолько увѣренъ въ сочувствіи слушателя, что не допускалъ никакихъ украшеній и эффектовъ? Почему теорія лишаетъ его естественныхъ свойствъ всякаго художника всѣхъ временъ и народовъ — стремленія произвести впечатлѣніе, украсить по мѣрѣ силъ свое твореніе? Какъ же, однако, объяснить происхожденіе обычныхъ украшеній произведеній такъ называемой народной поэзіи — размѣренной рѣчи, эпитетовъ, сравненій и прочее? Тою же фикціей коллективнаго творчества, которое, если мы отъ фразы перейдемъ къ представленію, сведется къ творчеству отдѣльныхъ лицъ, хотя бы имя имъ было легіонъ. Имѣемъ ли мы какое-нибудь научное основаніе предполагать, что всѣ эти безыменные первобытные поэты по психическимъ свойствамъ совершенно отличались отъ современныхъ? Это было бы равносильно предположенію, что вообще духовная жизнь примитивнаго человѣка слѣдовала другимъ законамъ, а не тѣмъ, которымъ подчиняется психика современнаго человѣка. Въ такомъ случаѣ, конечно, онъ навсегда останется для насъ загадкой.

Наконецъ, теорія безыскусственной народной поэзіи видитъ различіе въ самомъ отношеніи примитивнаго народа къ его поэзіи отъ отношенія къ ней современнаго образованнаго человѣка. Мы относимъ твореніе поэта въ сферу искусства. Первобытному (фиктивному) народу пѣсня служитъ не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія: естественная поэзія обнимаетъ и религіозные, и нравственные, и умственные его интересы; ее нельзя отдѣлить отъ его вѣрованій и убѣжденій. Здѣсь опять за фразами скрывается какое-то недоразумѣніе. Вѣдь поэтическое произведеніе и нашего времени можетъ выражать религіозные, нравственные и умственные интересы поэта и читающаго его общества, но это нисколько не препятствуетъ этому произведенію удовлетворять и эстетическимъ интересамъ. Какое же основаніе мы имѣемъ предполагать, что того же самаго не было въ первобытномъ народѣ? Пусть онъ теоретически не относилъ пѣсню въ сферу искус-

Digitized by Google

ства, пусть въ его языкѣ даже не было слова для выраженія понятія поэзіи, но все же пѣсня, удовлетворяя его духовнымъ (нравственнымъ и умственнымъ) интересамъ, могла нравиться ему и съ эстетической стороны. Въ чемъ же здѣсь различіе примитивнаго человѣка отъ современнаго?

Если отъ этого общаго опредѣленія народной поэзіи мы перейдемъ къ изученію произведеній устной поэзіи какого-нибудь не фиктивнаго, а историческаго народа, напримѣръ, къ изученію русскихъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, этихъ „разрозненныхъ членовъ обширнаго эпическаго преданія“ [1]), то немедленно убѣдимся, что многое въ этомъ опредѣленіи какъ будто не подходитъ къ матеріалу, который оно должно обнять. Да иначе и не можетъ быть, такъ какъ опредѣленіе не является выводомъ, сдѣланнымъ изъ изученія нашей народной поэзіи, начавшагося сравнительно недавно, а взято на вѣру изъ господствовавшей въ Германіи теоріи народнаго эпоса, созданнаго Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. Геніальный ученый, оказавшій въ свое время громадную услугу дѣлу изученія народной поэзіи, представлялъ себѣ просто и ясно всѣ ступени ея развитія. Предки европейскихъ народовъ вынесли изъ общей прародины, которую во время Гримма искали въ Азіи, запасъ основныхъ религіозныхъ понятій, выражавшихся въ миѳахъ о божествахъ. Божества олицетворяли стихіи природы, миѳы изображали похожденія боговъ, борьбу свѣта и тьмы, явленія грозы, смѣну временъ года и прочее. На самой ранней ступени эпосъ можетъ быть названъ миѳологическимъ: героями разсказовъ или пѣсенъ являются боги. Но въ жизни народа затѣмъ наступаетъ періодъ борьбы упорной, продолжительной, сопровождающей его на пути его блужданій и осѣданія на новыхъ мѣстахъ. Поэзія почерпаетъ содержаніе въ этой борьбѣ, воспѣваетъ подвиги народныхъ героевъ, становится героическою. Герои идеализируются, на нихъ переносятся свойства боговъ, событія, дѣйствительно случившіяся, получаютъ миѳическую окраску. Съ принятіемъ христіанства древніе боги исчезаютъ, но слѣды „убѣгающихъ“ боговъ еще долго хранятся въ народныхъ сказаніяхъ въ богатырскомъ эпосѣ: древніе боги преобразились въ героевъ. При наступленіи періода положительной исторіи, съ распространеніемъ письменности и культуры, дѣйствующими героями въ эпосѣ являются уже историческія лица: эпосъ достигъ своей третьей ступени; но какъ раньше доисторическіе народные герои заимствовали свои краски отъ

---

[1]) *Галаховъ*, стр. 4.

Digitized by Google

боговъ, такъ и теперь подъ историческими именами нерѣдко скрываются прежніе, прастарые миѳы.

Съ точки зрѣнія этой теоріи разсматривались сторонниками Гримма и наши былины. Русскій народный эпосъ представляетъ вторую ступень развитія этого рода поэзіи. Наша былина есть позднѣйшая переработка „тѣхъ первоначальныхъ основъ эпическихъ, въ корнѣ которыхъ предполагается миѳъ“ [1]). Чудесность и сверхъестественность, унаслѣдованныя отъ поры первобытныхъ вѣрованій, во всей силѣ сказываются и въ былинѣ, но это не мѣшаетъ *народу* величать ее этимъ именемъ [2]). Народъ сознаетъ и выражаетъ различіе пѣсни (въ томъ числѣ и былины) и сказки пословицей: сказка — складка, пѣсня — быль. Наша былина относится къ эпосу героическому, она воспѣваетъ героевъ, которыхъ называетъ богатырями. Сказанія о нихъ твердо пріурочены къ землѣ русской и къ ея древнѣйшей исторіи [3]).

Изъ такого опредѣленія нашей былины получалось смутное и туманное представленіе о ней, какъ о богатырскомъ эпическомъ сказаніи, созданномъ коллективнымъ творчествомъ народа въ глубокой древности и дошедшемъ, наконецъ, до нашихъ дней путемъ преемственной традиціи, хранившейся въ средѣ народа, котораго предки сложили это сказаніе. Мы дивились народной памяти, любовались благоговѣйнымъ отношеніемъ народа къ наслѣдію предковъ и объясняли себѣ это отношеніе такъ, что для него древняя богатырская былина „служила не однимъ только предметомъ эстетическаго удовольствія“, но что онъ видѣлъ въ ней „драгоцѣнное достояніе, которое въ теченіе многихъ столѣтій одни поколѣнія завѣщавали другимъ“. Нѣкоторымъ сентиментальнымъ народолюбцамъ эта вѣрность народа старинѣ и преданію служила темой для противупоставленія народа культурнымъ слоямъ общества, пренебрегшимъ, со времени поворота къ Западу, этимъ наслѣдіемъ предковъ. Пораженные обиліемъ и высокимъ интересомъ нашихъ былинъ, изслѣдователи перваго поколѣнія (Безсоновъ, Буслаевъ, О. Миллеръ, Квашнинъ-Самаринъ) не находили словъ для возвеличенія этого наслѣдія предковъ, открывая въ немъ таинственный смыслъ (Безсоновъ), слѣды древней русской миѳологіи (О. Миллеръ) и изумляясь передъ чудомъ народнаго творчества и памяти, донесшей до насъ, хотя бы и въ измѣненномъ видѣ, сказанія чуть ли не эпохи князя Владимира святого. Когда миновалъ періодъ

[1]) *О. Миллеръ* у *Галахова*, стр. 17.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 21.

Digitized by Google

„лиризма“, который обыкновенно сопровождаетъ въ исторіи науки какія-нибудь важныя открытія, когда началось болѣе спокойное, трезвое изученіе нашихъ былинъ при помощи историко-сравнительнаго метода, нашъ эпосъ сталъ выступать въ надлежащемъ освѣщеніи, и священное наслѣдіе предковъ при этомъ не осталось въ накладѣ. Лишившись своей таинственной чудесности, нашъ эпосъ въ глазахъ историка литературы получилъ высокій научный интересъ, но не въ томъ, въ чемъ его видѣли первые изслѣдователи, увлеченные теоріей Гримма. Въ наше время едва ли кто-нибудь изъ изслѣдователей былинъ вѣритъ въ миѳологическую ихъ основу или въ полную самостоятельность народа въ созданіи ихъ сюжетовъ, которую такъ энергично отстаивалъ покойный О. Миллеръ отъ всякихъ покушеній „теоріи заимствованія“. Но зато детальныя изслѣдованія содержанія нашего эпоса подняли цѣлый рядъ интереснѣйшихъ историко-литературныхъ вопросовъ, имѣющихъ не только домашнее, но и европейское значеніе, напримѣръ, какъ относится эпосъ къ положительной исторіи, какъ усвояетъ и перерабатываетъ народъ бродячіе сюжеты, какое отношеніе между сказочными фабулами и историческими именами нашего эпоса, какое вліяніе оказала „книга“ на народныя сказанія, въ какой культурно-исторической связи находится нашъ эпосъ съ европейскимъ средневѣковымъ фольклоромъ, кто были слагатели былинъ и какова среда, въ которой онѣ распространялись, и т. под.

Не имѣя въ виду въ настоящей статьѣ разсмотрѣть всѣ эти вопросы, я ограничусь только немногими, находящимися въ связи съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ нашей былины, сдѣланнымъ О. Миллеромъ. Начну, впрочемъ, съ вопроса наименѣе важнаго, съ названія *былины*, только потому, что въ объясненіи этого названія существуетъ фактическая ошибка, переходящая, по традиціи, изъ одного учебника въ другой.

О. Миллеръ, какъ мы выше видѣли, говоритъ, что народъ свои богатырскія пѣсенныя сказанія величаетъ *былинами*. Здѣсь покойный профессоръ повторяетъ только общепринятое мнѣніе, которое никогда не было доказано и „завелось“ въ литературѣ какъ бы tacito consensu. Если мы наведемъ справки объ исторіи этого термина, то увидимъ, что онъ не народнаго, а литературнаго происхожденія. Ученые начала столѣтія не знали, не слыхали, что богатырскія пѣсни народъ называетъ былинами. Издавая сборникъ былинъ Кирши Данилова, Калайдовичъ вслѣдъ за первымъ издателемъ (Якубовичемъ) называетъ ихъ: *Древнія россійскія стихотворенія* (1818 г.) и въ предисловіи, говоря

Digitized by Google

объ отдѣльныхъ нумерахъ, употребляетъ термины: *стихотвореніе, пѣсня, статья, сказка,* ни разу не обронивъ слова *былина.* Древними стихотвореніями называетъ былины С. Н. Глинка, сдѣлавшій въ своемъ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1808 г.) посильную, хотя совершенно несостоятельную оцѣнку сборника Кирши Данилова въ изданіи Якубовича. Названія *былина* не знаетъ и не употребляетъ К. Аксаковъ въ своихъ статьяхъ о русскомъ эпосѣ, относящихся къ 50-мъ годамъ [1]). Хомяковъ въ предисловіи къ русскимъ народнымъ пѣснямъ Кирѣевскаго, напечатаннымъ въ *Московскомъ сборникѣ* [2]), говоря о былинахъ про Илью Муромца и про Василія Казимировича, называетъ ихъ просто сказками о богатыряхъ. Даже Ѳ. И. Буслаевъ, впослѣдствіи освоившійся съ терминомъ *былина,* не употреблялъ этого слова въ 61 году, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ въ *Исторической хрестоматіи* былинамъ изъ сборника Кирши Данилова. Съ другой стороны, мы имѣемъ нѣсколько показаній лицъ, записывавшихъ былины въ Олонецкой губерніи, этомъ очагѣ нашей эпической традиціи, что такъ называемые *сказители,* знатоки былинъ, называютъ ихъ не былинами, а „старинами", „старинками", „старинушками", не различая историческихъ пѣсенъ отъ былинъ въ нашемъ смыслѣ этого термина. На это указывали Рыбниковъ, Гильфердингъ, Барсовъ, и послѣдній даже настаиваетъ на изгнаніи этого названія въ приложеніи къ богатырскимъ пѣснямъ. „Въ наше время, — говоритъ онъ, — имя *былины* искусственно придано богатырскимъ пѣснямъ, которыя въ Олонецкой губерніи отнюдь не называются былинами. Обычное народное ихъ названіе — *старина* или *старинка*" [3]). Но употребленіе названія *былина* не оправдывается и стариннымъ древне-русскимъ значеніемъ этого слова. Въ древнихъ переводныхъ памятникахъ оно вовсе не встрѣчается. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* былина является въ значеніи историческаго событія, дѣянія, въ противуположность „старымъ словесамъ", поэтическимъ вымысламъ „замышленія Баянова" [4]). Современное *искусственное* названіе нашихъ богатырскихъ пѣсенъ былинами подало поводъ г. Прозоровскому (на что указалъ г. Барсовъ) толковать выраженіе

---

[1]) *Богатыри временъ князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ* въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 г., т. IV; *О различіи между сказками и пѣснями русскими* въ *Москов. Вѣдом.* 1852 г., № 153; *Замѣтка о значеніи Ильи Муромца,* напечат. въ 1-мъ выпускѣ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ 1860 г.

[2]) Томъ I, 1852 года, стр. 326, 328.

[3]) *Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси,* т. III, лексикологія «Слова», стр. 62.

[4]) См. тамъ же.

Digitized by Google

„Слова“ *по былинамъ* въ томъ смыслѣ, будто „Слово“ написано въ формѣ богатырскихъ былинъ. Спрашивается, однако, если народъ не знаетъ термина *былина* въ нашемъ употребленіи, откуда же онъ взялся въ научной литературѣ, кто первый пустилъ его въ оборотъ? Думаю, что единственный источникъ для этого термина — *Слово о полку Игоревѣ,* котораго выраженіе *по былинамъ сего времени,* невѣрно истолкованное, послужило для обогащенія научной терминологіи по части народной пѣсни. Почерпнувъ отсюда это слово, извѣстный народолюбецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ И. Сахаровъ, любившій придавать пышные этикеты своимъ не всегда доброкачественнымъ литературнымъ продуктамъ, издавая богатырскія пѣсни по весьма подозрительной рукописи тульскаго купца Бѣльскаго (а въ сущности по сборнику Кирши Данилова), первый прикрѣпилъ къ этому отдѣлу своихъ *Сказаній русскаго народа* торжественное заглавіе *Былины русскихъ людей.* Вотъ, если не ошибаемся, первичный источникъ и, какъ оказывается, весьма мутный, откуда въ научную литературу проникъ терминъ *былины,* а затѣмъ какъ-то само собою, просто отъ частаго повторенія, укоренилось убѣжденіе, что свою богатырскую пѣсню называетъ *былиною* самъ народъ. Что же, однако, теперь дѣлать, въ виду того, что названіе, хотя и невѣрное, вполнѣ укоренилось въ нашей литературѣ и наукѣ? Нужно ли вмѣстѣ съ Е. В. Барсовымъ настаивать на его изгнаніи? Едва ли. Удачно или неудачно названіе *былина,* оно пріобрѣло за послѣднія десятилѣтія право гражданства, установилось за эпическими пѣснями такъ называемаго кіевскаго и новгородскаго цикла и можетъ съ удобствомъ быть употребляемо для различенія ихъ отъ пѣсенъ историческихъ. Нужно только помнить, что это названіе въ примѣненіи къ этимъ пѣснямъ придумано не самимъ народомъ, а пущено въ оборотъ собирателями и изслѣдователями русскаго эпоса. Поэтому совершенно неосновательно повторять, что народъ назвалъ свои старинныя эпическія пѣсни *былинами* (отъ слова быль), сознавая ихъ отличіе отъ сказки-складки. Этимъ я, однако, не хочу сказать, чтобы народъ не вѣрилъ въ возможность фактовъ, разсказываемыхъ былинами. Гильфердингъ и другіе изслѣдователи нашли еще много наивной вѣры въ олонецкихъ сказителяхъ и ихъ слушателяхъ. Но не слѣдуетъ приписывать народу такую терминологію, которой у него нѣтъ: олонецкое населеніе прилагаетъ названіе *старинка* не только къ былинѣ въ нашемъ смыслѣ, но и къ исторической пѣснѣ о Петрѣ Великомъ и къ какой-нибудь пѣснѣ-сказкѣ, въ родѣ старины „о птицахъ“ или „о большомъ быкѣ“.

Digitized by Google

Перехожу къ другому вопросу, имѣющему болѣе важное значеніе для установленія взгляда на наши былины. Нашъ эпосъ обыкновенно называютъ героическимъ или богатырскимъ, такъ какъ онъ воспѣваетъ подвиги богатырей. Дѣйствительно, если мы припомнимъ былины о подвигахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, то найдемъ это названіе соотвѣтствующимъ содержанію этихъ былинъ. Но при подробномъ просмотрѣ всего нашего былиннаго репертуара, обнимающаго отъ 35—40 сюжетовъ, мы убѣдимся, что злоупотребляемъ терминомъ *богатырскій эпосъ* лишь по привычкѣ. По характеру содержанія въ нашемъ былинномъ репертуарѣ намѣчаются *два* крупные отдѣла: а) былины *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами — Змѣемъ Горинычемъ, Тугариномъ, Идолищемъ и т. п.; б) былины не-воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фабліо, — такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ и т. п. Конечно, есть былины смѣшаннаго содержанія, которыя можно отнести и къ той и къ другой рубрикѣ, но подчинить строгой регламентаціи человѣческое творчество нельзя, и съ насъ достаточно и того, что вообще обѣ названныя рубрики намѣчаются довольно прочно въ нашемъ былинномъ инвентарѣ. Къ первому, *богатырскому* отдѣлу могутъ быть отнесены былины объ Ильѣ Муромцѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ, о Василіи Казимировичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Казарянинѣ, Сухманѣ, Суровцѣ, Василіи Пьяницѣ, Батыгѣ и былина о походѣ Вольги на Индѣйское царство. Къ отдѣлу *быминъ-новеллъ* принадлежатъ былины о многихъ другихъ эпическихъ лицахъ: Садкѣ, Василіи Буслаевѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, гостѣ Терентьищѣ. Колебаться при отнесеніи былинъ въ тотъ или другой отдѣлъ возможно относительно такихъ сюжетовъ, гдѣ дѣло идетъ о добываніи женщинъ, сопровождающемся боемъ, таковы былины: Дунай Ивановичъ, Иванъ Годиновичъ, бой Добрыни съ *поленицей* и его женитьба на ней. Наконецъ, въ былинахъ и побывальщинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Святогора-Самсона, сквозятъ черты то апокрифовъ (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), то сказокъ о судьбѣ

Digitized by Google

(женитьба Святогора) и о невѣрныхъ женахъ (Илья и жена Святогора).

Такимъ образомъ второй отдѣлъ по числу сюжетовъ и дѣйствующихъ лицъ нисколько не уступаетъ первому, *богатырскому*. Былины, сложившіяся въ предѣлахъ новгородскаго культурнаго района, — а такихъ былинъ гораздо больше, чѣмъ предполагалось раньше, — принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ *не-богатырскому* отдѣлу. Даже самое названіе „богатырь" не было извѣстно новгородскому эпосу, какъ я указалъ въ *Экскурсахъ* [1]), и вошло въ репертуаръ олонецкихъ сказителей изъ былинъ богатырскихъ кіевско-суздальскихъ. Въ примѣненіи къ нашимъ былинамъ не слѣдуетъ поэтому злоупотреблять названіемъ „богатырскій эпосъ" и не слѣдуетъ забывать, что самъ народъ далеко не всѣхъ „героевъ" былинъ причисляетъ къ богатырямъ и называетъ этимъ именемъ. Между тѣмъ, примѣненіе термина „богатырскій", въ связи съ представленіями, навѣянными теоріей Якова Гримма, придавало нашему эпосу какой-то архаическій колоритъ, который далеко не подходитъ къ большинству нашихъ былинъ. Представлялось, будто былины — наслѣдіе того отдаленнаго періода, когда „всѣ принимали равное участіе въ подвигахъ, совершаемыхъ не замысломъ и волею одного какого-либо человѣка, а инстинктомъ и силою цѣлаго народа". Отстаивая древнѣйшія миѳическія основы нашего эпоса, повторяя туманныя фразы о принадлежности его всему народу, изслѣдователи 60-хъ и 70-хъ годовъ либо вовсе не ставили вопроса о томъ, кто были слагатели дошедшихъ до насъ былинъ, либо отвѣчали на него неопредѣленными соображеніями о всенародномъ творчествѣ, которыя ничего не объясняютъ. Вообще во взглядахъ изслѣдователей этого періода замѣчается идеализація прошлаго: русскому народу отдаленныхъ временъ мысленно приписывались далеко не тѣ свойства, которыя мы наблюдаемъ у современнаго. Казалось вѣроятнымъ и правдоподобнымъ то, что русскій крестьянинъ въ прежніе вѣка могъ создать богатырскую пѣснь, воспѣвавшую подвиги національныхъ героевъ. А между тѣмъ, какъ удивлены были бы тѣ же изслѣдователи, если бъ современный крестьянинъ, не научившійся грамотѣ, откликнулся эпическою пѣснью на подвиги какого-нибудь современнаго русскаго полководца! Такое же преувеличенное понятіе существуетъ о памятливости народа. Житейскій опытъ показываетъ, что въ неграмотной народной средѣ событія, случившіяся лѣтъ сто или полтораста тому

---

[1]) *Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса*. М., 1892 г., стр. 223.

Digitized by Google

назадъ, спутываются и основательно забываются. А между тѣмъ, въ дѣлѣ сохраненія былинъ народной памяти приписываются чудеса: считается правдоподобнымъ, что олонецкіе крестьяне нашего времени сохраняютъ въ былинахъ наслѣдіе, переданное имъ длиннымъ рядомъ поколѣній ихъ предковъ, нѣкогда сложившихъ эти пѣсни. Надъ вопросомъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ (а она дѣйствительно въ нихъ оказывается), какъ-то мало задумывались. Вспомнимъ, что состояніе традиціи въ Олонецкой губерніи не таково, чтобы могло гарантировать сохранность старинной пѣсни. Я уже упоминалъ въ предыдущемъ очеркѣ, что въ Олонецкой губерніи нѣтъ сказителей по профессіи, нѣтъ сколько-нибудь организованнаго обученія былинамъ и что онѣ усвояются при случаѣ олонецкими крестьянами другъ отъ друга. Очевидно, такая случайная передача былинъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, если бъ она всегда была только такова, не могла бы донести до насъ стариннаго былевого репертуара не только отдаленныхъ временъ, но даже XVI или XVII вѣка. Поэтому, совершенно естественно, мы приходимъ къ мысли, что у насъ, на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессіональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессіональныхъ пѣвцовъ. Они разносили свои былевыя пѣсни (какъ и многія другія) въ народѣ, содѣйствуя такимъ образомъ распространенію интереса къ эпической исторіи Руси. Записанныя въ наше время былины не что иное, какъ разошедшійся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессіональныхъ пѣвцовъ, какое бы названіе они ни носили. Для уясненія этой мысли слѣдуетъ, прежде всего, разсмотрѣть техническую сторону былины — ея планъ, составныя части, характеръ изложенія, — словомъ, уяснить типъ того рода произведеній, которымъ усвоено это имя. Это разсмотрѣніе, къ которому мы переходимъ, должно показать, въ какой средѣ установился типъ современной былины и что̀ внесли въ нее олонецкіе сказители, перенявъ ее отъ профессіональныхъ пѣвцовъ.

Понятіе „безыскусственной“, которое обыкновенно прилагается къ народной поэзіи, вообще должно быть значительно ограничено по отношенію къ нашимъ былинамъ. Конечно, въ нихъ не проявляется личность слагателя, но онъ наслѣдуетъ извѣстные искусственные пріемы, и эти пріемы можно наблюдать какъ въ планахъ былинъ, такъ и въ

Digitized by Google

традиціонныхъ частностяхъ ихъ построенія. На участіе профессіональныхъ пѣтарей указываютъ традиціонныя прибаутки, которыя мы нерѣдко находимъ либо передъ началомъ, либо послѣ конца былины. Вотъ, наприм., какъ начинается одна былина о Добрынѣ и Алешѣ (*Гильфердингъ,* № 228):

«Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго латыря каменя,
Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка-Волга рѣка,
Широка матка-Волга подъ Казань прошла,
Пошире того она подъ Вастраканъ.
Она много маткà Волга въ собе рѣкъ побрала,
Побольше того она ручьёвъ пожрала,
Давала плеса она Далинскіе,
А горы-долы Сорочинскіе,
А мѣсто-то шла она три тысячи,
А выпала Волга въ море Чёрноё (sic),
Да устьёвъ пустила ровно семьдесятъ,
Широкъ перевозъ да подъ Нòвымъ-градомъ.
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, прибауточка.
Теперь-то Добрынюшки *зачинъ* пошелъ.
Во стольнёмъ-то городи во Кіевѣ» и т. д.

Разберемъ это зачало. Изъ самыхъ словъ сказителя (Воинова) мы видимъ, что здѣсь различаются двѣ части: *прибаутка* и собственный *зачинъ* былины. Прибаутка не имѣетъ ближайшаго отношенія къ *содержанію* былины. Это, такъ сказать, прелюдія, которая должна сосредоточить вниманіе слушателей, настроить его извѣстнымъ образомъ. Такъ, піанистъ пробѣгаетъ по клавишамъ рояли, гусляръ по струнамъ гуслей раньше, чѣмъ приступитъ къ пьесѣ. Въ прибауткѣ намѣчается въ широкихъ размахахъ картина природы — въ данномъ случаѣ великое теченіе Волги. Конечно, этотъ искусственный *артистическій* пріемъ долженъ былъ выработаться не въ кругу случайныхъ сказителей, а въ кружкѣ артистовъ, пѣтарей по профессіи, какими могли быть скоморохи и какими до сихъ поръ могутъ быть названы олонецкіе и всякіе другіе русскіе калики. Дѣйствительно, прибаутка артистовъ, занесенная въ простонародную среду, должна была пострадать въ частностяхъ: такъ, олонецкій крестьянинъ могъ пустить Волгу въ Черное море, чего не могъ сдѣлать скоморохъ, человѣкъ бывалый, и тотъ же олонецкій сказитель могъ некстати приплесть детали изъ другихъ прелюдій — крестъ Леванидовъ и латырь-камень. Чтобъ убѣ-

Digitized by Google

диться въ томъ, что начальная прибаутка вышла изъ репертуара каликъ, посмотримъ біографію Воинова: изъ нея мы узнаемъ [1]), что онъ перенялъ былины отъ Павла Сивцева (старика Поромскаго), а послѣдній имѣлъ своими учителями преимущественно двухъ слѣпыхъ пѣтарей [2]). Иногда сказитель старается искусственнымъ образомъ связать прибаутку съ *зачиномъ* былины, но здѣсь всегда видна натяжка и отступленіе отъ преданія. Такъ, сказитель Прохоровъ, заставивъ Волгу течь въ море Турецкое, пустилъ по ней 33 корабля и въ одномъ изъ нихъ Соловья Будимировича [3]), отступивъ здѣсь отъ другого традиціоннаго зачина былинъ о Соловьѣ („Изъ-за острова Кодольскаго" и прочее). Но, сдѣлавъ изъ прибаутки *зачинъ*, тотъ же Прохоровъ прибавилъ другую прибаутку, юмористическую, мѣстнаго, олонецкаго издѣлія:

«А мхи были болота въ поморской стороны,
А гольняя щелья въ Бѣли-озери,
А тая эта зябель въ подсиверной страны,
А с.... сарафаны по Моши по рѣки,
Да рострубисты станóвицы въ Кàргополи...»,—

прибаутку, очерчивающую мѣстную природу и подтрунивающую надъ бабами.

Прибаутки шутливыя, въ томъ же родѣ, могутъ осложняться и развиваться далѣе и изъ начала переходить къ концу былины. Приведу одну изъ нихъ, любопытную въ частностяхъ, такъ какъ она показываетъ весьма широкій географически-житейскій кругозоръ слагателя. Она заключаетъ былину о нашествіи Батыги, записанную отъ Фепонова [4]).

«Ай чистыи поля ко Опскову,
А широки раздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскія,
А церковно-то строенье въ каменнòй Москвы,
Колокольнёй-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
Ай тёртые калачики Валдайскіе,
Ай щапливы щеголивы въ Ярослàви городи,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозéрской сторонѣ,
А и сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику,
А широки подолы Пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онѣги по рѣки,
Толстобрюхія бабенки Лёмшозёрочки.

---

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 1080.
[2]) Тамъ же, столб. 1045.
[3]) *Гильфердингъ*, № 53.
[4]) *Гильфердингъ*, № 60.

Digitized by Google

Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай»[1]).

Здѣсь опять находимъ указаніе на каличье происхожденіе прибаутки: по замѣчанію сказителя, эти стихи — „*небылица*, которую старый *калика* Мѣщаниновъ, учитель Фепонова, пѣвалъ послѣ этой былины“[2]). Участіе *пришлыхъ*, бродячихъ пѣвцовъ, поющихъ по профессіи, видно и въ другихъ прибауткахъ, содержащихъ обращеніе къ хозяину или слушателямъ, напримѣръ:

«Благословляй-ко, хозяинъ
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Плёнковича»[3]).

Или въ болѣе шутливомъ родѣ:

«Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, малы ребяты, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу рѣку.
Широка рѣка подъ Казань подошла,
А пошире подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новымъ-Городомъ .

Эта вступительная прибаутка былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, записанной въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, живо вызываетъ въ нашемъ воображеніи веселыхъ ребятъ-скомороховъ, которые, какъ извѣстно, сильно зашибали зеленымъ виномъ.

Между другими вступительными прибаутками отмѣтимъ еще нѣкоторыя, встрѣчаемыя въ былинахъ, записанныхъ въ Симбирской губерніи:

«Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?»[4])
Или: «Ой вы люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры (сосѣди) ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое...»[5]).

---

[1]) Ср. подобное же у *Гильф.*, № 18 (отъ крестьянки Ѳоминой).
[2]) *Гильфердингъ*, столб. 325, примѣч.
[3]) Былина записана въ Сибири, см. *Кирѣевск.*, IV, стр. 87.
[4]) *Кирѣевскій*, I, стр. 1.
[5]) Тамъ же, стр. 4.

Digitized by Google

Или: «Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки,
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія,
Про старое про бывалое,
Про стараго козачка Илью Муромца»[1]).

Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ *мѣстную* вступительную прибаутку: ни въ одной изъ олонецкихъ былинъ обоихъ сборниковъ — Рыбникова и Гильфердинга — она не встрѣчается. Въ заключеніе упомяну еще поэтическую припѣвку, встрѣчающуюся однажды въ сборникѣ Кирши Данилова, въ началѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Я не поручусь, чтобъ она не была нѣсколько подправлена:

«Высота ли — высота поднебесная;
Глубина — глубина океанъ-море;
Широко раздолье — по всей землѣ;
Глубоки омуты Днѣпровскіе»[2]).

Я нахожу довольно правдоподобнымъ мнѣніе, высказанное объ этомъ запѣвѣ г. Халанскимъ: „Этотъ запѣвъ, привлекавшій вниманіе изслѣдователей силою поэтическаго взмаха, едва ли, однако, принадлежитъ простому безыскусственному народному творчеству. Онъ напоминаетъ пріемы московскихъ витій, любившихъ преукрашать начала своихъ сочиненій „грамматичными художествами и риторскою силой“. Вотъ, напримѣръ, какъ патріархъ Іовъ начинаетъ свою исторію о Ѳедорѣ Ивановичѣ: „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта неосяжима и неизслѣдима, морю же глубина неизмѣрима и неиспытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизсчетна и недоумѣваема...“ Не знаемъ, насколько авторы были здѣсь самостоятельны и насколько повторяли общія мѣста современной книжной словесности (послѣднее вѣроятнѣе), но близкое сходство ихъ съ запѣвомъ былины и Соловьѣ Будимировичѣ склоняетъ мысль къ предположенію о возможности книжнаго происхожденія послѣдняго. Къ тому же, запѣвъ варіанта Кирши стоитъ особнякомъ; прочіе варіанты начинаются безъ обращенія къ ширинѣ земной, высотѣ поднебесной и омутамъ Днѣпровскимъ[3]).

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, стр. 19. Ср. 20, 31.

[2]) *Кирша Дан.:* «Др. росс. стихотворенія», № 1.

[3]) *Халанскій:* «Великорусс. былины», стр. 147—148. Ср. также начало житія преподобнаго Стефана Комельскаго: «Земли убо широта и моря глубина и святыхъ чудеса не изочтена суть». Памятн. Древней письменности. 1892, LXXXV, стр. 17.

Digitized by Google

Мы видѣли, что прибаутка иногда забирается и въ конецъ былины. Но гораздо чаще исходъ имѣетъ свои спеціальные заключительные стихи, въ которыхъ сказитель выдерживаетъ до конца серьезный тонъ и какъ бы оттѣняетъ значеніе былины. Всего чаще въ олонецкихъ былинахъ встрѣчается исходъ:

«Синему морю на тишину,
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье»[1]).

Въ этомъ исходѣ, не встрѣчающемся въ былинахъ, записанныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи[2]), я склоненъ видѣть наслѣдіе, полученное отъ такихъ людей, которые знали море, морскіе промыслы и для которыхъ тишина моря имѣла важное значеніе. Олонецкіе и архангельскіе крестьяне, имѣя много дѣла съ водою, хорошо знаютъ вѣтры, имѣютъ для нихъ спеціальныя названія и прибѣгаютъ къ заклинаніямъ ихъ, когда они необходимы для плаванья или, напротивъ, препятствуютъ ему. Понятно, что въ такой средѣ и могло сложиться эпическое былинное пожеланіе. Вспомнимъ отношеніе новгородскаго гусляра Садка къ морю и морскому царю.

Нерѣдко встрѣчаются также заключительные стихи, какъ бы указывающіе на древнее сложеніе былины:

«Съ той поры, съ того времени,
Стали (такого-то богатыря) старинной сказать»[3]).

Эти стихи обычно заканчиваютъ былины Воинова, восходящія, какъ мы знаемъ, къ репертуару слѣпого пѣтаря (калики?). Равносиленъ этому конечному припѣву другой, содержащій видоизмѣненіе той же мысли, напримѣръ:

«Только той Соловнику славы поютъ,
А Ильина-то слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ по вѣку поютъ его, Ильюшенку»[4]).

Этотъ припѣвъ обобщился такъ, что „славу поютъ“ не только Ильѣ, но вообще каждому эпическому лицу, даже едва ли достойному славы, какъ Чурилѣ[5]), Соловью-разбойнику[6]), сыну Ильѣ, разорванному

---

[1]) См. *Гильфердингъ*, №№ 5, 7 (Калинина), 40, 41 (Прохорова), 148, 149, 150, 151, 152, 153 (Чукова-Бутылки), 157, 158 (Касьянова); *Рыбниковъ*, II, стр. 113; III, 13, 15, 33, 69, 96 (Бутылки).

[2]) Подобный, но не тождественный исходъ въ былинѣ о Дюкѣ у Кирши Данилова, № III,

[3]) См. *Гильфердингъ*, №№ 228, 229, 230, 231 (Воинова).

[4]) Тамъ же, № 46.

[5]) Тамъ же, № 67.

[6]) Тамъ же, № 171.

Digitized by Google

отцомъ наполы за коварство [1]), Маринкѣ еретницѣ [2]), такъ что „слава“ указываетъ только на конецъ *былины*. Напримѣръ:

«А тутъ той старинкѣ и славу поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и покончилась» [3]).

Заключительный припѣвъ —

«А Дунай, Дунай, да болѣ вѣкъ не знай», —

любимый нѣкоторыми сказителями (наприм., Сорокинымъ [4]), Швецовымъ [5]), носитъ скоморошескій характеръ и встрѣчается, какъ извѣстно, не въ однѣхъ былинахъ, но во многихъ лирическихъ пѣсняхъ. Онъ не подходитъ къ складу былинъ и забрался въ нихъ, вѣроятно, изъ скоморошьихъ шутливыхъ небылицъ, въ родѣ пѣсни о большомъ быкѣ, довольно распространенной въ репертуарѣ олонецкихъ сказителей (см. этотъ припѣвъ въ № 297 у Гильфердинга въ концѣ этой „старины“).

Послѣ запѣва, серьезнаго или прибауточнаго, идетъ то, что̀ сказители называютъ *зачиномъ* былины, къ ближайшему разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ.

Подобно тому, какъ въ нашихъ сказкахъ разсказчикъ начинаетъ съ указанія мѣстности, конечно, совершенно неопредѣленнаго, — въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, — такъ любимымъ, наиболѣе распространеннымъ *зачиномъ* былинъ является географическое указаніе. Такъ какъ уже весьма рано кн. Владиміръ притянулъ къ своему двору княженецкому и палатамъ бѣлокаменнымъ русскихъ могучихъ богатырей, то въ былинахъ такъ называемаго кіевскаго цикла обычный зачинъ, ставшій затѣмъ традиціоннымъ, былъ:

«Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владимира» [6]).

Такой зачинъ всего чаще встрѣчается въ былинахъ о Добрынѣ и Змѣѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Дунаѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Потыкѣ, Ставрѣ, Иванѣ Гостиномъ, Чурилѣ, иногда Вольгѣ, рѣже Ильѣ и Идолищѣ, Алешѣ и Тугаринѣ и др. За указаніемъ

---

[1]) Тамъ же, № 77.
[2]) Тамъ же, № 78.
[3]) Тамъ же, № 75. Ср. № 79.
[4]) Тамъ же, №№ 69, 71, 72.
[5]) Тамъ же, №№ 306, 308, 309. Ср. также *Рыбниковъ*, II, стр. 33, 44, 103, 184.
[6]) Наприм., *Гильфердингъ*, №№ 26, 55, 57, 59, 63, 65, 123, 124, 125, 126, 135, 150, 151, 163, 181, 186, 205, 214 и т. д.

Digitized by Google

Кіева часто слѣдуетъ традиціонное изображеніе *пированьица, почестнаго стола* у князя Владимира [1]), при чемъ князь даетъ какое-нибудь порученіе богатырямъ, либо они сами на пиру хвастаются, кто чѣмъ можетъ, и это служитъ завязкой для сюжета. Этотъ издавна установившійся зачинъ долженъ былъ чрезвычайно облегчить работу слагателя былины и послужить къ введенію въ *кіевскій* циклъ многихъ сюжетовъ, которые не были прежде связаны съ Владиміромъ и принадлежали либо къ мѣстнымъ русскимъ сказаніямъ, либо къ обширной категоріи странствующихъ, международныхъ сказочныхъ сюжетовъ. Вліяніе этого зачина сказывается и въ томъ, что нѣкоторые сюжеты, имѣвшіе свой особый зачинъ, принимали въ устахъ сказителей зачинъ съ княземъ Владиміромъ, такъ что въ варіантахъ одной и той же былины мы находимъ разные зачины. При аналогіи, которая сильнѣйшимъ уравнивающимъ образомъ проявляется въ памятникахъ устной поэзіи и служитъ самымъ могучимъ рычагомъ для памяти, немудрено, что удобный для запоминанія зачинъ обобщается и дѣлаетъ постоянныя завоеванія въ развитіи былевого эпоса: въ параллель съ Кіевомъ въ былинахъ кіевскаго цикла въ новгородскихъ нерѣдко встрѣчаемъ зачинъ:

«Какъ во славноемъ въ Новѣгородѣ» [2]),

при чемъ, аналогично съ пиромъ у Владиміра, находимъ описаніе пира, напримѣръ, у Васьки Буслаева [3]), хотя въ большинствѣ былинъ объ этомъ новгородскомъ удальцѣ *зачинъ* иной, поминающій его отца, старика Буслава. Вліяніе стереотипнаго пира Владиміра слышится еще въ московскихъ историческихъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, такъ какъ онѣ нерѣдко начинаются изображеніемъ пира у грознаго царя [4]), а *географическій* зачинъ съ указаніемъ города является нерѣдко въ былинахъ объ Ильѣ, когда этотъ богатырь былъ прикрѣпленъ къ Муромской области, напримѣръ:

«Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
Во большимъ селѣ Корочаровѣ» и т. д. [5]).

Изъ другихъ распространенныхъ въ былинахъ *зачиновъ*, содержащихъ указаніе мѣста дѣйствія, можно отмѣтить:

---

[1]) Наприм., *Гильфердингъ*, №№ 6, 7, 16, 19, 21, 40, 47, 76, 81, 84, 122, 180, 188, 164, 109, 169, 198 и др.

[2]) *Гильф.*, 70 (Садко), № 141 (Васька Буслаевъ), 146 (Садко). Сравн. *Рыбн.*, т. I, стр. 359, 370; т. III, стр. 242. *Кирѣев.*, т. V, стр. 14, 23.

[3]) *Гильф.*, № 54 (= *Рыбн.*, т. I, стр. 57), № 259.

[4]) См. *Гильф.*, №№ 142, 183, 201.

[5]) *Кирѣев.*, т. I, стр. 25, 41, 77.

Digitized by Google

1) Указаніе мѣста выѣзда богатыря, если богатырь пріѣзжій человѣкъ въ Кіевѣ. Таковъ, напримѣръ, обычный зачинъ былинъ о Дюкѣ Степановичѣ и Соловьѣ Будимировичѣ:

«Изъ Волынца города изъ Галича...»
Или: «Съ той ли славныя Индіи со богатыя» [1]),

хотя иногда и въ этихъ былинахъ о Дюкѣ зачиномъ является пиръ Владимира, и слушатель уже позже узнаетъ, откуда пріѣхалъ Дюкъ [2]).

2) Въ былинахъ о нашествіи на Кіевъ Батыги встрѣчается, повидимому, очень древняя любопытная картина — стадо турицъ, идущихъ мимо Кіева. *Зачиномъ* служатъ слѣдующіе стихи:

«Сподъ той ли сподъ березы кудреватыя,
Сподъ того ли сподъ креста Леванидова,
Выходило четыре турà златорогіихъ» и т. д. [3]).

Конечно, и этотъ зачинъ, принадлежавшій первоначально одному опредѣленному сюжету, обобщился и перенесенъ на другіе сюжеты либо цѣликомъ, либо (что чаще) отдѣльными стихами (напримѣръ, въ былинѣ объ Ильѣ и Идолищѣ [4]), съ которымъ въ данномъ случаѣ смѣшивается Батыга.

3) Въ былинахъ объ Ильѣ, тамъ, гдѣ онъ представленъ во главѣ дружины богатырей, зачинъ упоминаетъ заставу богатырскую („на славной на заставѣ"), при чемъ послѣдняя помѣщается то между Кіевомъ и Черниговомъ [5]), то подъ Кіевомъ, на степяхъ цицарскіихъ [6]), то называется московской.

4) Въ нѣкоторыхъ былинахъ зачиннымъ указаніемъ мѣста служитъ какая-то *дорога латинская* [7]), по которой бредетъ калика перехожая, или гдѣ стоитъ застава богатырская.

5) Наконецъ, самыя неопредѣленныя географическія указанія находимъ въ довольно популярныхъ зачинахъ, въ родѣ:

«Ой далече, далече во чистомъ полѣ» [8]).
Или: «Изъ-за моря моря синяго» [9]).

---

[1]) *Гильф.*, №№ 213, 85, 115, 152, 159, 218, 225, 230, 279; *Кирѣев.*, т. III, стр. 101.
[2]) Наприм., *Гильф.*, №№ 128, 180.
[3]) *Гильф.*, № 41. Срав. №№ 116, 258, 18. 60.
[4]) *Гильф.*, № 22; ср. № 101.
[5]) *Кирѣев.*, т. I, стр. 52.
[6]) *Кирѣев.*, т. I, стр. 46.
[7]) Наприм., *Гильф.*, №№ 245, 250, 265.
[8]) Наприм., *Кирѣев.*, т. II, стр. 2, 3, 9, 17, 80.
[9]) *Кирѣев.*, т. IV, 38.

Digitized by Google

Или: «Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучіихъ» [1]).

Сравнительно крайне рѣдко былина открывается указаніемъ *времени,* иногда рядомъ съ указаніемъ мѣста; таковъ зачинъ:

«Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ» [2]).
Или: «Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія» [3]).

Оба приведенные зачина не внушаютъ довѣрія: первый принадлежитъ одной былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ съ почти разрушеннымъ стихомъ и приближающейся къ сказкѣ, второй — былинѣ о Суровцѣ, перепечатанной Безсоновымъ изъ Новиковскаго пѣсенника (1780 г.), такъ что за „неподправленность" нельзя поручиться.

Въ предыдущемъ я сдѣлалъ обзоръ былинныхъ *зачиновъ* наиболѣе шаблонныхъ, содержащихъ указаніе мѣста, какъ бы неопредѣленно оно ни было. На ряду съ подобными зачинами, хотя въ меньшей степени, распространены зачины, не составляющіе, впрочемъ, чего-нибудь типическаго для былинъ, но встрѣчающіеся и въ другихъ пѣсенныхъ народныхъ произведеніяхъ. Я имѣю въ виду *зачины,* представляющіе либо отрицательный параллелизмъ между явленіями природы и міра людей, либо одновременность. Приведу нѣсколько примѣровъ сначала отрицательнаго параллелизма.

«Не заюшко въ чистомъ полѣ выскакивалъ,
Не горностаюшка выплясывалъ,
Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ
Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ» [4]).
Или: «Не бѣленькой крѣчетокъ выпархивалъ,
Не ясенъ соколичокъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удалъ дородній добрый молодецъ,
По прозванію Чурилушко сынъ Плёнковичъ [5]).
Или: «Ай не волна ли какъ на мори расходилоси,
Ай не сине море всколыбалоси,
Ай взволновался да, вѣдь, Калинъ царь» [6]).

Примѣромъ одновременности можетъ служить:

«Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,

---

[1]) *Гильф.,* № 114.
[2]) *Кирѣев.,* т. IV, стр. 1.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 110.
[4]) *Гильф.,* № 39.
[5]) *Гильф.,* № 242.
[6]) *Гильф.,* № 69.

Digitized by Google

Тогда зарождался мо̀лодый Вольга,
Мо̀лодый Вольга̀ Святославовичъ» [1]).

Любопытно, что этотъ зачинъ, кажется, довольно поздняго происхожденія, усвоенъ многимъ пѣснямъ про Ивана Грознаго:

«Ай когда жде возсіяло солнце красное,
А на томъ было на нѣбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ» [2]).

Не имѣя въ виду исчерпать наблюденій надъ былинными зачинами, я укажу только на значеніе, которое они имѣютъ для критики былинъ и, быть-можетъ, для ихъ хронологіи и исторіи сложенія. Извѣстный зачинъ могъ принадлежать вначалѣ одной былинѣ или группѣ былинъ объ одномъ богатырѣ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, тотъ же зачинъ могъ быть усвоенъ другимъ былинамъ, какъ удобный исходный пунктъ для слагателя, имѣвшаго въ виду обдѣлать въ видѣ былины какой-нибудь новый сюжетъ. Вѣдь въ настоящее время уже указано немало чисто-сказочныхъ сюжетовъ, прикрѣпившихся къ имени того или другого богатыря. Если мы вспомнимъ при этомъ, что съ извѣстнымъ зачиномъ былъ связанъ извѣстный *напѣвъ* и что напѣвъ запоминается скорѣе словъ и помнится тверже, то поймемъ, какое значеніе получаютъ зачины при сложеніи „новыхъ погудокъ на старый ладъ“.

Говоря о *зачинахъ*, нельзя не упомянуть и о томъ, что во множествѣ записанныхъ и изданныхъ былинъ мы не находимъ перечисленныхъ зачиновъ или имъ подобныхъ. По моимъ наблюденіямъ, такія былины либо вообще плохи, т. е. записаны отъ плохихъ сказителей, либо представляютъ отдѣльное похожденіе какого-нибудь богатыря [3]), извѣстнаго нѣсколькими подвигами, такъ что составляютъ какъ бы часть, отторгнутую отъ цѣлаго.

Помимо нѣсколькихъ стереотипныхъ зачиновъ, слагатель новой былины имѣетъ передъ собою цѣлую массу старыхъ эпическихъ матеріаловъ, годныхъ для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаніяхъ, представляющихъ рядъ передвижныхъ картинокъ, которыя могутъ быть расходуемы по мѣрѣ надобности при каждомъ подходящемъ случаѣ. Поясню это примѣрами.

---

[1]) *Гильф.*, №№ 156, 195; ср. №№ 15 и 91.

[2]) *Гильф.*, № 13; срав. №№ 25, 129, 153 (= *Рыбн.*, т. I. стр. 65), 209.

[3]) См., наприм., былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца: *Гильф.*, №№ 221, 266, 271.

Digitized by Google

Если богатырь, по требованіямъ сюжета, выѣзжаетъ изъ родительскаго дома, то обязательно проситъ благословенія у родителей, чаще у матушки, въ такихъ словахъ:

«Ты родитель, моя матушка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ
Ѣхать мнѣ къ» (такому-то городу).

Затѣмъ:

«Онъ добра коня засѣдлываетъ,
На коня накладаетъ пòтничекъ,
Пòтничекъ-то онъ кладетъ шелковенькій,
А на потничекъ — подпотничекъ,
На (под)потничекъ сѣделышко черкасское,
Черкасское сѣделышко недержано,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ полѣ конь съ подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ полѣ не выронилъ;
А стремяночки подкладывалъ булатныя,
Пряжечки-то красна золота, —
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Шелковы подпруги тянутся — нè рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется — не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Онѣ мокнутъ да не ржавѣютъ,
И садится (богатырь) на добра коня,
Видѣли добра молодца сядучи,
Да не видѣли удалого поѣдучи» и т. д.

Для скачки богатыря давно усвоена такая картинка:

«Скакалъ онъ выше лѣсу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перескакивалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Широки раздолья (мелки рѣки) промежъ ногъ пущалъ» и т. п.

Чтобъ изобразить ловкость и удаль мòлодца на конѣ въ чистомъ полѣ, можно взять слѣдующую обычную картинку:

«А кидаетъ онъ палицу булатную,
Подъ облако, подъ ходячее,
Одной рукой палицу подхватываетъ,
Какъ перомъ лебединымъ поигрываетъ».

Если богатырю приходится стрѣлять, то:

«Вынималъ онъ изъ налучна тýгой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу во правую,

Digitized by Google

Накладываетъ стрѣлочку каленую,
На тетивочку шелковую,
Натянулъ онъ тугой лукъ за̀ ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей:
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
Спѣла тетивочка шелковая,
Полетѣла стрѣлочка каленая» и т. д.

Если богатырь пріѣзжаетъ къ какому-нибудь лицу на широкій дворъ, тогда онъ:

«Привязываетъ добра коня
У того ли столба у точенаго,
У того кольца золоченаго,
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Бьетъ челомъ да покланяется
На всѣ четыре на стороны
(Такому-то) во особицу».

Если его видятъ впервые, то ему предлагаютъ обычные вопросы:

«Ты откудова, удалый добрый молодецъ,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца матери,
Какъ тебя по имени зовутъ,
Нарекаютъ по изотчинѣ?»

Если за этимъ слѣдуетъ угощенье, „ѣствушкой сахàрной и питьями медвянами“, то, при поднесеніи чары въ полтора или полтретья ведра, мо̀лодецъ:

«Скоро встаетъ на ножки рѣзвыя,
Беретъ чарочку да во бѣлы руки.
Поднимаетъ ее одною рукой,
Испиваетъ-то ее единымъ духомъ» и т. д.

Если на пиру идетъ похвальба, то и она выливается въ опредѣленныя формы:

«Всѣ-то на пиру напивалися,
Всѣ на честно̀мъ наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастались,
Иной хвастаетъ городами съ пригородами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой» и т. д.

Если слагателю понадобится картина поспѣшности, если кого-нибудь застали врасплохъ, то это лицо обязательно

Digitized by Google

«Накидываетъ шубочку на одно плечо,
Соболью шапку на одно ухо,
Выскакиваетъ въ тонкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Въ тонкой бѣлой рубашкѣ безъ пояса».

Если встрѣтитъ молодецъ дѣвицу или добудетъ ее, то и тутъ есть установленный пріемъ обращенія:

«Онъ беретъ ее за ручушки бѣлыя,
Беретъ за перстни за злаченые,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя».

Если сказителю нужно изобразить заставу богатырскую, то онъ припомнитъ, что мимо ея

«Никто пѣхотой не прохаживалъ,
На добромъ конѣ не проѣзживалъ,
Черный воронъ не пролетывалъ,
Лютый звѣрь не прорыскивалъ».

Если нужна картинка богатыхъ *даней-выходовъ*, то онъ запомнитъ обычный составъ:

«Двѣнадцать лебедей, да двѣнадцать кречетовъ,
Двѣнадцать сивыхъ соколовъ,
Двѣнадцать мисъ красна золота,
Двѣнадцать мисъ чиста серебра,
Двѣнадцать мисъ скатна жемчуга» и т. д.

Словомъ, при просмотрѣ нашего былиннаго репертуара окажется длинный рядъ такихъ шаблонныхъ описаній, такихъ общихъ мѣстъ, которыя сложились искони, застыли и передвигаются сказителями весьма свободно изъ одной былины въ другую. Нечего и говорить, насколько эти стереотипныя картины облегчали созданіе новыхъ былинъ, т. е. обработку новыхъ сюжетовъ въ былинную форму, и содѣйствовали появленію многочисленныхъ варіантовъ одного и того же былевого сюжета.

Другой пріемъ, растягивающій былевой разсказъ, это — многочисленныя повторенія однихъ и тѣхъ же стиховъ, такъ сказать, эпическая *ретардація*. Для поясненія этого пріема приведемъ нѣсколько примѣровъ наудачу, такъ какъ ихъ можно найти въ обиліи почти въ каждой длинной былинѣ.

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ сказителя Калинина[1]) князь Владиміръ даетъ разныя порученія тремъ богатырямъ: Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу и Потыку Михайловичу, первому — съѣздить за данью въ Каменну орду, второму — въ Золотую орду, третьему — въ землю Подольскую. Вмѣсто того, чтобы прямо заявить свое согласіе, Илья

Гильф., № 6 — *Рыбн.*, т. IV, № 12.

Digitized by Google

Муромецъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ цѣликомъ данное ему княземъ порученіе:

«Испрогòворитъ казакъ да Илья Муромецъ:
— «Ахъ ты солнышко Владимиръ стольно-кіевской!
Отправляй-ко ты меня да въ большу землю,
Во большую ту землю да въ Каменну орду,
Тамъ повыправлю да дани выходы,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною».

Вслѣдъ за нимъ встаетъ Добрыня Никитичъ и повторяетъ то же самое, замѣнивъ слова „Каменну орду" словами „Золоту орду", а далѣе тотъ же отвѣтъ съ замѣной „Золотой орды" „землею Подольской" цѣликомъ влагается въ уста Потыка Михайловича. Послѣ этого

«Первый русьскіи могучій бòгатырь
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранѐхонько,
Умывается онъ да бѣлѐхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладывàе онъ же пòтнички на пòтнички,
А на пòтнички онъ клàде войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко» и проч.,

т. е. повторяется безъ сокращенія „общее мѣсто" — картина сѣдланія. Затѣмъ

«Другіи русьскій могучіи бòгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранѐхонько» и т. д.

Наконецъ, то же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ разсказывается о третьемъ „русскомъ могучемъ богатырѣ", Михайлѣ Пòтыкѣ сынѣ Ивановичѣ. Такимъ образомъ, осложняясь повтореніями, ходъ былины тянется крайне медленно, и не особенно богатая содержаніемъ былина достигаетъ огромныхъ размѣровъ — почти тысячи стиховъ.

Думаю, что вообще въ *развитыхъ* (а не скомканныхъ) былинахъ доля *повтореній* составляетъ не меньше трети. Если при этомъ принять во вниманіе обычныя общія мѣста, то, съ одной стороны, становится понятнымъ, почему былина съ очень небогатымъ содержаніемъ можетъ достигнуть нѣсколькихъ сотенъ стиховъ, съ другой — почему одинъ и тотъ же сюжетъ получаетъ такую различную разработку, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи объема, въ устахъ различныхъ слагателей-сказителей. Выражаюсь такъ потому, что сказитель, какъ мы видѣли, является каждый разъ до нѣкоторой степени слагателемъ

Digitized by Google

былины, такъ какъ онъ не можетъ повторить ее снова безъ нѣкоторыхъ измѣненій — перестановокъ, пополненій или опущеній.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ нашихъ былинахъ выдѣленіе *готоваго* эпическаго матеріала, которымъ пользовались слагатели, не представляетъ труда. Обращаю при этомъ случаѣ вниманіе на тотъ интересъ, который съ этой стороны представляютъ наши былины для изученія технической стороны сложныхъ эпопей, въ родѣ Иліады и Одиссеи, въ основѣ которыхъ также нѣкогда были отдѣльныя пѣсни, обнимавшія цѣлый эпическій циклъ и слагавшіяся рапсодами. Извѣстно, что на изученіи составныхъ частей греческихъ эпопей изощряется критика западно-европейскихъ филологовъ школы Лахмана и Кирхгофа. Одинъ изъ изслѣдователей Гомера, Роте (Rothe), не такъ давно (въ 1890 году) издалъ остроумное изслѣдованіе „о значеніи повтореній для гомерическаго вопроса“ [1]), въ которомъ онъ пришелъ къ тому выводу, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же или сходныхъ чертъ въ изображеніяхъ у Гомера, точно такъ же какъ совпаденіе въ стихахъ, вовсе не объясняется тѣмъ, что слагатель въ одномъ мѣстѣ подражалъ другому, но тѣмъ, что слагатели имѣли въ своемъ распоряженіи наслѣдованныя изстари типическія стихотворныя мѣста. Такой фондъ поэтическихъ формулъ, выкованныхъ долгимъ употребленіемъ, существовалъ уже у слагателей (пѣвцовъ) самыхъ древнихъ, достижимыхъ нашему анализу, пѣсенъ, и они усвояли его памятью при тщательномъ изученіи наизусть. Только путемъ традиціи, свято оберегаемой въ поэтической школѣ въ теченіе многихъ столѣтій, могъ быть выработанъ тотъ выдержанный однообразный эпическій тонъ, который проникаетъ греческій эпосъ и придаетъ мыслямъ и разсказамъ многочисленныхъ поэтовъ-слагателей характеръ однородный, такъ что эпопея могла представляться произведеніемъ одного поэта. Такимъ образомъ, тѣ выводы, до которыхъ путемъ продолжительнаго изученія и самаго тщательнаго анализа доходитъ нѣмецкая гомерическая критика, — эти выводы, повторяю, подтверждаются сравнительно легко наблюденіями надъ современнымъ намъ состояніемъ русской былевой традиціи.

Кромѣ отдѣльныхъ эпическихъ картинокъ или поэтическихъ формулъ, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ слагателей, они располагали

---

1) «Die Bedeutung der Wiederholungen für die Homerische Frage», въ Лейпцигѣ, 1890 (по поводу 200-лѣтія французской гимназіи въ Берлинѣ).

Digitized by Google

и запасомъ *красокъ,* которыми окрашивали отдѣльные предметы, входившіе въ описаніе и разсказъ. Я разумѣю готовый фондъ постоянныхъ, искони утвердившихся эпитетовъ. Собственно говоря, постоянные эпитеты составляютъ принадлежность вообще языка народныхъ произведеній и не относятся спеціально къ языку былинъ. Но я все же считаю не лишнимъ остановиться на нихъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ только былевой поэзіи, такъ какъ прикрѣплены къ лицамъ и предметамъ, спеціально входящимъ въ ея оборотъ (напримѣръ, къ именамъ богатырей, народовъ, странъ, городовъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что въ ихъ употребленіи иногда можно подмѣтить тѣ же черты, что въ эпитетахъ греческаго (или германскаго) эпоса, при чемъ эти черты въ былинныхъ эпитетахъ могутъ служить хорошимъ комментаріемъ къ гомерическимъ.

Поясню это примѣрами. При чтеніи Гомера мы часто наблюдаемъ, какъ удачно поэтъ выбралъ тотъ или другой эпитетъ изъ фонда, находившагося въ его распоряженіи, для характеристики того или другого лица или предмета. Но нерѣдко украшающій эпитетъ повторяется, какъ бы безсознательно, тамъ, гдѣ онъ кажется намъ совершенно неумѣстнымъ [1]). Неумѣстнымъ, напримѣръ, представляется эпитетъ корабля „быстрый", когда корабль спокойно стоитъ въ гавани, или эпитетъ неба „звѣздное", въ то время, когда свѣтитъ солнце; если преступникъ Евримахъ называется „богоравнымъ", свинопасъ — „властителемъ людей", если при ругательствахъ лицо, на котораго сыплются ругательства, называется тутъ же *божественнымъ* или *Зевсомъ хранимымъ.* Очевидно, что эпитетъ уже потерялъ свою первоначальную свѣжесть, образность и ходитъ въ школѣ пѣвцовъ, какъ ходячая монета, иногда расходуемая кстати, иногда зря, машинально. То же самое явленіе, но въ гораздо большей степени, наблюдается и въ нашихъ былинахъ, по которымъ не прошлась рука поэта-художника. Почти въ каждой былинѣ мы найдемъ примѣры такого безсознательнаго употребленія эпитетовъ, при чемъ иногда получаются, на нашъ взглядъ, удивительныя наивности и курьезы. Намъ извѣстно, что князь Владиміръ постоянно называется „ласковымъ", и дѣйствительно, иногда своею щедростью и привѣтливостью онъ оправдываетъ этотъ эпитетъ, прикрѣпившійся къ нему, очевидно, очень давно. Однако, въ нѣкоторыхъ былинахъ Владиміръ поступаетъ очень не-

---

[1]) См. примѣры у *Karl Franke:* «De nominum propriorum epithetis Homericis» (Greifswald, 1887).

Digitized by Google

ласково. Въ былинѣ о Калинѣ разсказывается, что за то, что Илья пришелъ незванымъ на пиръ, Владимиръ приказалъ посадить его въ глубокій погребъ и „поморить смертью голодною“. Но этотъ поступокъ съ любимымъ народнымъ богатыремъ нисколько не мѣшаетъ сказителю тутъ же называть Владимира „ласковымъ“. Дружина Калина называется „хороброю“, хотя со всею ею справился одинъ Илья Муромецъ и разогналъ этихъ храбрецовъ во всѣ стороны; татаринъ Калинъ царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говоритъ ему, нисколько не иронизируя, чтó было бы неумѣстно:

«Ай же ты поганыи татарищо!
Знаешь говорить да ты по русскому,
А мычать про себя да по татарскому,
Снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владимиру [1])!»

Впрочемъ, и посолъ не остается въ долгу и съ тою же эпическою наивностью, передавая порученіе своего повелителя, преспокойно называетъ его „собака-Калинъ царь“:

«Очищай-ко ты (Владимиръ) всѣ улички стрѣлецкіи,
Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
По всему-то городу по Кіеву,
А по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
Нàставь сладкіихъ хмельныхъ напиточекъ,
Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пò-близку,
Чтобы было у чего стоять *собакѣ царю Калину*
Со своими-то войскамы со великима
Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ» [2]).

Отмѣчу еще любопытное употребленіе эпитетовъ, обозначающихъ возрастъ богатырей: такъ, Илья Муромецъ постоянно называется *старымъ* казакомъ, Добрыня Никитичъ *молодымъ*, такъ же, какъ Алеша Поповичъ, князь Владимиръ и другіе. Установленный такимъ образомъ эпическій возрастъ остается неизмѣннымъ, и въ большинствѣ былинъ, разсказывающихъ отдѣльные подвиги того или другого богатыря, ихъ обычные эпитеты кажутся намъ естественными. Но есть былины, въ которыхъ, по ходу разсказа, богатыри, казалось бы, должны старѣть, а между тѣмъ, они сохраняютъ одинъ и тотъ же возрастъ. Такъ, Добрыня, прослуживъ лѣтъ двѣнадцать при князѣ Владимирѣ въ разныхъ должностяхъ, продолжаетъ называться послѣ этого *молодымъ*, и онъ же оказывается молодымъ и даже называется матерью „дитё мое милое“, когда послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія

[1]) *Гильф.*, № 57.
[2]) *Гильф.*, № 75.

Digitized by Google

возвращается въ Кіевъ и узнаетъ, что его „молода“ жена (такъ же сохранившая свой прежній возрастъ), выходитъ за „молода“ Алешу Поповича, который также уже назывался молодымъ раньше отъѣзда Добрыни. Особенно ярка такая несообразность въ нѣкоторыхъ сводныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ представляется его исцѣленіе каликами и первый выѣздъ изъ дому. Здѣсь оказывается, что Илья уже *старый* казакъ, какъ только выѣхалъ за ворота родительскаго дома. Впрочемъ, нужно замѣтить, что *нестарѣніе* богатырскихъ лицъ рѣже бросается намъ въ глаза, чѣмъ въ сложныхъ эпопеяхъ, напримѣръ, Нибелунгахъ и Одиссеѣ. Въ нихъ, несмотря на нерѣдкія указанія большихъ промежутковъ времени, возрастъ героевъ и героинь также остается неизмѣннымъ. Пенелопа и черезъ 20 лѣтъ послѣ рожденія Телемаха продолжаетъ сіять красотою молодости Гизельхеръ черезъ 36 лѣтъ послѣ начала своей героической карьеры продолжаетъ называться молодымъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать механическое употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, встрѣчающееся какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ эпосахъ. Но для характеристики роли эпическихъ формулъ, на которую я уже указалъ выше, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что не одни эпитеты, но и цѣлыя традиціонныя картинки (loci communes) не всегда употребляются сказителями умѣстно. Мы видѣли, что отъѣзжающій богатырь проситъ въ обычной формулѣ благословенія у родителей. Эта картинка вполнѣ умѣстна, напримѣръ, тамъ, гдѣ Добрыня, выѣзжая на змѣеборство, проситъ благословенія у своей матери „матерой“ вдовы, или гдѣ Илья Муромецъ беретъ у батюшки, у матушки „прощеньице-благословеньице“ ѣхать въ стольный Кіевъ-градъ. Но уже страннымъ и неумѣстнымъ является то же эпическое христіанское благословеніе родительское, напримѣръ, когда его проситъ у своего отца-язычника Вахрамѣя Вахрамѣевича волшебная дѣвица Марья лебедь бѣлая:

> «Летать-то мнѣ по тихіимъ заводямъ.
> А по тымъ по зеленымъ по затресьямъ
> Бѣлой лебедью три года...»

На ряду съ безсознательнымъ употребленіемъ эпическихъ формулъ можно поставить и такіе случаи въ нашихъ былинахъ, когда сказитель въ разсказѣ о какомъ-нибудь дѣйствіи эпическаго лица некстати припоминаетъ аналогическое дѣйствіе другого лица въ другомъ былинномъ сюжетѣ и переноситъ въ свой разсказъ неумѣстныя детали изъ другого сюжета. Такъ, напримѣръ, въ былинахъ о змѣеборствѣ

Digitized by Google

Добрыни нерѣдко встрѣчается такой эпизодъ: Добрыня купается въ Пучай-рѣкѣ, и какія-то стоящія на берегу дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, чтобъ онъ не купался нагимъ тѣломъ; Добрыня, однако, не слушаетъ ихъ предостереженія, и никакихъ дурныхъ послѣдствій для него отсюда не вытекаетъ. Очевидно, что дѣвицы-портомойницы не входили прежде въ планъ былины и забрались въ нее изъ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ только благодаря эпической аналогіи. Василій Буслаевъ, этотъ удалецъ, не вѣрующій ни въ сонъ ни въ чохъ, а только въ „червленый вязъ", купается въ Іердань-рѣкѣ „нагимъ тѣломъ". Дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, говоря, что онъ долженъ купаться въ сорочкѣ, ради святости рѣки, и что „нагимъ тѣломъ" въ ней купался только Самъ Іисусъ Христосъ. Васька не слушаетъ увѣщанія портомойницъ, отпускаетъ имъ крупную ругань, и за такое кощунство, такъ же какъ за другія проявленія своего упрямства, платится жизнью. Очевидно, при купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ нѣкоторые сказители припомнили купанье Василья Буслаева въ Іордани и изъ этого сюжета некстати перенесли въ былину о Добрынѣ *портомойницъ*, которыхъ присутствіе и рѣчи не получаютъ, однакожъ, на новомъ мѣстѣ никакого значенія. То. что случалось съ нашими сказителями, повидимому, случалось и съ греческими рапсодами, на что можно найти указанія въ статьѣ Кауера [1]), хотя нужно думать. что редакторская рука кое-гдѣ сгладила подобныя шероховатости. Такъ, въ 3-й пѣснѣ Одиссеи (ст. 72—74) Несторъ ставитъ пріѣхавшимъ къ нему въ гости царевичу Телемаху и Ментору нѣсколько странный вопросъ, не морскіе ли они разбойники. Ѳукидидъ (I, 5) выводитъ отсюда, что въ древнія времена греки смотрѣли на пиратство, какъ на ремесло нисколько не постыдное. Древній критикъ Аристархъ, однако, возражалъ на это, указывая, что вопросъ Нестора, обращенный къ мирнымъ гостямъ, совершенно неумѣстенъ. „Объясняется ли этотъ вопросъ Нестора тѣмъ, — спрашиваетъ Кауеръ, — что поэтъ въ данномъ случаѣ не выдержалъ характера почтеннаго царя Нестора и приписалъ ему безтактность? Это возможно". Но для Кауера болѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее объясненіе, къ которому присоединяюсь и я: „Если мы вспомнимъ, — говоритъ онъ, — что тѣ же самыя слова мы находимъ въ X пѣснѣ Одиссеи (ст. 253 и слѣд.) въ устахъ Циклопа, къ грубому міросозерцанію котораго они

[1]) *Cauer:* «Eine Schwächee pr Homerischen Denkart», помѣщ. въ журналѣ *Rheinisches Museum*. Band 47, Heft 1, p. 110.

Digitized by Google

можнѣ полагать, то мы отдадимъ предпочтеніе предположенію, что они сами были впервые созданы въ пѣснѣ о Циклопѣ, гдѣ они уместны, и затѣмъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ поэтомъ были неудачно введены въ 3-ю пѣсню и вложены въ уста Нестора".

Въ нашихъ былинахъ подобныя несообразности въ перенесеніи деталей обстановки гораздо чаще и ярче. Подъѣзжая къ широкому двору княжескому, богатыри привязываютъ коней къ *точеному столбу*. Но нерѣдко богатыри ночуютъ среди чистаго поля, и здѣсь также оказывается „точеный" столбъ, какъ будто богатырь возитъ его съ собой [1]). Точно такъ же, когда богатырю Ильѣ Муромцу, скрученному татарами въ ихъ лагерѣ чембурами или путинами шелковыми, нужно помолиться передъ его извѣстнымъ подвигомъ (маханіемъ татариномъ), то у татаръ даже оказывается *церковь соборная* [2]), которую они, нужно думать, привезли съ собой.

Изъ предшествующаго разсмотрѣнія технической стороны нашихъ былинъ позволяю себѣ сдѣлать выводъ, что участіе въ ихъ исполненіи профессіональныхъ пѣвцовъ, составляющихъ корпорацію, какъ старинные скоморохи или нынѣшніе калики-слѣпцы, представляется несомнѣннымъ. Только путемъ передачи былинной техники изъ поколѣнія въ поколѣніе, учителемъ ученику, объясняются разсмотрѣнныя нами черты былины: ея запѣвы, исходы, поэтическія формулы или loci communes, постоянные эпитеты и вообще весь ея складъ. Думать, что всѣ эти формулы установились путемъ той, болѣе или менѣе случайной, традиціи, которую мы застаемъ еще въ настоящее время среди крестьянъ Олонецкой губерніи, нѣтъ возможности. Крестьяне были только послѣдними хранителями (нерѣдко и исказителями) былиннаго репертуара. Но онъ сложился въ другой средѣ, и традиціонныя формы былины, вся ея техника, нѣкогда, и притомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вырабатывалась въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ и сберегалась, посредствомъ обученія, гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ нынѣшней средѣ олонецкихъ пѣтарей, сказителей и каликъ.

Выше я привелъ данныя изъ былинъ, указывающія на то, что онѣ входили прежде въ репертуаръ профессіональныхъ пѣвцовъ, отъ которыхъ затѣмъ перешли къ олонецкимъ крестьянамъ. Я предположилъ, что такими профессіональными пѣвцами были, главнымъ образомъ,

1) *Гильфердингъ*, № 57 (стол. 308).
2) *Гильфердингъ*, столб. 309.

Digitized by Google

древнерусскіе скоморохи. Для подтвержденія этой мысли считаю необходимымъ представить извѣстныя въ нашей литературѣ свѣдѣнія объ этихъ „веселыхъ людяхъ“, какъ называютъ ихъ наши пѣсни и былины [1]).

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народнаго веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявлявшими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ мимовъ является наслѣдіемъ древней культуры, уцѣлѣвшимъ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. *Мимы* и *гистріоны* встрѣчаются уже при дворѣ первыхъ германскихъ властителей [2]) и получили уже рано чисто нѣмецкое названіе *шпильмановъ*. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ Церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, причисливъ его званіе и занятія къ крайне грѣховнымъ. Государство ограничивало до крайности ихъ юридическія права, Церковь лишала ихъ причастія, громила ихъ проповѣдью и постановленіями соборовъ. Но тѣмъ не менѣе, эти бродячіе пѣвцы, фокусники и плясуны были любимы народомъ, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, похороны и, какъ носители культурнаго преданія, близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, распространяли въ немъ новыя пѣсни и сказки, заговорныя формулы, поражали его воображеніе любопытными фокусами, забавляли его пляской, маріонетками, медвѣдями, собаками и прочее. До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, знакомящихъ насъ съ разнообразною литературною и художественною программой шпильмана или жонглёра. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая *личины*, ходили по канату, прыгали чрезъ кольца, играли мячомъ и прочее. Впослѣдствіи литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы [3]). Французскіе жонглёры также соединяли искусство фигляра съ литературными вкусами. Они поютъ chansons de geste, но знаютъ и пришлыя сказанія, библейскія и классическія сказки, соблазнитель-

---

[1]) О скоморохахъ см. изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго (*Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха*, № VII, стр. 149 и слѣд.); А. С. Фаминцына (*Скоморохи на Руси*. Спб., 1889 г.); также И. Бѣляева (*О скоморохахъ*, во *Временникѣ И. М. Общ. Исторіи и Древностей* 1854 г., стр. 79).

[2]) *А. Н. Веселовскій*, назван. соч., стр. 149.

[3]) Тамъ же, стр. 174.

Digitized by Google

ныя фаблід и прочее. Вообще въ ихъ профессіи въ XII — XIII вѣка замѣчается диференціація. Въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до роли площадного шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками, и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенныя другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя.

Бродячіе потѣшники съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже рано являются въ славяно-русскомъ мірѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X — XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомрахъ,* русское *скоморохъ,* зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи. Этимологія этого имени, впрочемъ, не можетъ считаться вполнѣ разъясненной. Нѣкоторые (Веселовскій) возводятъ его къ арабскому слову mascara — шутка, шутъ, гистріонъ. На Западѣ арабское слово перешло въ значеніе буффона, потѣшника, но приняло и новое — ряженаго, маски; названіе скомрахъ объясняютъ, хотя не вполнѣ точно, перестановкой изъ маскарасъ [1]), черезъ переходную форму *скамарасъ.* Въ виду фонетическихъ недочетовъ этого производства, недавно профессоръ Кирпичниковъ [2]) предложилъ другое, впрочемъ, также далеко не убѣдительное, изъ предполагаемаго имъ греческаго слова неизвѣстнаго въ памятникахъ.

Каково бы ни было происхожденіе названія скомороховъ, на Руси они были, несомнѣнно, людьми захожими, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ихъ нерусскій костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кротополіи. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, скоморохи скоро акклиматизировались въ народѣ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялись типическіе костюмы и пріемы ихъ искусства, однако, содержаніе въ этихъ прежнихъ формахъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю. Какъ названіе пришлое, слово скоморохъ должно было имѣть опредѣленное техническое значеніе, обозначать нѣчто такое, чего дохристіанская Русь не знала; пѣвцы и музыканты, безъ сомнѣнія, были у насъ, — стало быть, скоморохи первоначально ни то ни другое, — но у насъ не было такихъ фигляровъ, какихъ зналъ Константинополь, и не было представителей те-

[1]) *Веселовскій,* стр. 182.

[2]) *Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ.* 1891 г.

Digitized by Google

атральнаго искусства [1]). Вѣроятно, первоначально скоморохи были тѣми и другими. Самое раннее на Руси изображеніе скомороховъ, вѣроятно, византійскихъ, находится на извѣстныхъ фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора, объясненіемъ которыхъ въ послѣднее время занимались профессоръ Кондаковъ и его ученики гг. Рѣдинъ и Айналовъ [2]) Здѣсь мы находимъ фигуры ряженыхъ музыкантовъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ; всѣ актеры изображены въ одеждахъ скомороховъ, — либо въ короткихъ туникахъ съ разрѣзными полами, либо (арфисты) въ длинныхъ, перетянутыхъ поясомъ, кафтанахъ, которые еще въ XIV—XV ст. извѣстны, какъ обычный костюмъ захожихъ скомороховъ-шпильмановъ, паяцовъ на Руси, напримѣръ, въ Новгородѣ, на что указываетъ изображеніе послѣднихъ въ миніатюрахъ новгородскихъ рукописей [3]). Отношеніе Церкви къ скоморохамъ было на Руси то же, что въ Византіи и на Западѣ. Наши проповѣдники пользовались въ своихъ выходкахъ противъ „богомерзкихъ, бѣсовскихъ“ пѣсенъ и увеселеній, противъ скоморошескихъ переодѣваній и игръ стариннымъ византійскимъ оружіемъ, повторяли выраженія византійскихъ проповѣдниковъ, переиначивая ихъ въ частностяхъ согласно съ условіями русской жизни. Въ этихъ проповѣдяхъ очень рано появляются свидѣтельства о пристрастіи народа къ скоморохамъ. Такъ, въ поученіи, ложно приписываемомъ преподобному Ѳеодосію, *О казняхъ Божіихъ,* мы читаемъ: „Друзіи зачиханью вѣрують, юже бываеть многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ лстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ, приклады, татбою и лжею, завистію, клеветою, зубами, *скоморохи,* гусльми, сапѣлми и всякими играми и дѣлесы неподобными“ [4]). Въ изданномъ академикомъ Срезневскимъ поученіи Зарубскаго черноризца Георгія (по рукоп. XIII в.), обращенномъ къ какому-то юному духовному чаду, принадлежавшему къ знатному роду, встрѣчается, между другими наставленіями, слѣдующее: „Смѣха бѣгаи лихаго *скомороха*“ [5]). Гораздо обильнѣе становятся извѣстія о скоморохахъ въ московскій періодъ: видно, что скоморохи

---

[1]) *Кирпичниковъ,* стр. 15.

[2]) *Н. П. Кондаковъ:* «О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора». *Зап. И. Р. Археол. Общ.* 1888 г., т. III. *Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ:* «Кіево-Софійскій соборъ». Спб., 1889 г. См. *Кирпичниковъ,* стр. 12.

[3]) *Кирпичниковъ,* назван. соч., стр. 13.

[4]) *Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Н.,* кн. II, вып. II. Спб., 1856 г., стр. 195.

[5]) *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,* № VII, 1867 года.

Digitized by Google

принимали значительное участіе въ народныхъ забавахъ, являлись необходимымъ атрибутомъ свадебнаго веселья. Въ опредѣленіяхъ *Стоглава* (1551 г.) читаемъ такое запрещеніе: „Къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ *скомрахомъ* и глумцомъ предъ свадьбою не ходити" (гл. 41, воп. 16). Въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, „неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ", приписываемой Кассіану, владыкѣ рязанскому, жившему въ срединѣ XVI вѣка, говорится, между прочимъ: „Свадьбы творятъ и на браки призываютъ іереевъ со кресты и скомороховъ з дудами" [1]). Офиціально изгоняя скомороховъ изъ мірскихъ свадебъ, самъ Иванъ IV любилъ, какъ извѣстно, тѣшиться скоморохами и дѣлалъ ихъ участниками своихъ безпутствъ. О его пированіи со скоморохами имѣемъ свидѣтельство Курбскаго: „Упившись, началъ (царь Иванъ) со скоморохами въ машкарахъ (личинахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ" [2]). Но наиболѣе интересное для насъ извѣстіе о скоморохахъ, потѣшавшихъ царя, сохранилось во 2-й новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ: „В тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей..." а вслѣдъ затѣмъ говорится, что „поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота (дьякъ) и съ скоморохами" [3]). Вѣроятно, привозъ скомороховъ въ Москву изъ Новгорода и его пригородовъ стоитъ въ связи съ извѣстностью новгородскихъ скомороховъ. Богатая городская жизнь, сношенія съ Западною Европой, широкое развитіе торговли, — все это представляло въ Новгородѣ условія, благопріятствовавшія развитію класса профессіональныхъ искусниковъ, — музыкантовъ, фигляровъ, плясуновъ, — для развлеченія богатыхъ горожанъ. Еще обильнѣе являются извѣстія о скоморохахъ въ XVII вѣкѣ. Олеарію, въ его бытность въ Россіи, пришлось видѣть и слышать скомороховъ въ Ладогѣ, въ предѣлахъ прежнихъ новгородскихъ владѣній. „Въ Ладогѣ, — пишетъ онъ, — услышали мы русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое русскихъ съ лютней и гудкомъ (скрипкой) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть о великомъ государѣ и царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ" [4]). Послѣ серьезнаго пѣнія началась пляска и другія потѣхи. Замѣтка Олеарія относится къ 1633 году. Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ содержанія пѣсни

---

[1]) *Веселовскій:* «Разысканія», VII, стр. 199. *Фаминцынъ,* назван. соч., стр. 20.

[2]) *Фаминцынъ,* стр. 15.

[3]) *П. собр. р. л.,* т. III, стр. 167.

[4]) См. *Олеарій:* «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію». Переводъ Барсова. Москва, 1870 г., стр. 26.

Digitized by Google

скомороховъ о царѣ Михаилѣ, но все же мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что ладожскіе скоморохи внесли въ свой репертуаръ пѣсню недавно, лишь за нѣсколько лѣтъ, сложенную вѣроятно въ Москвѣ, пѣсню патріотическую и по тому времени модную, которою они и сочли умѣстнымъ дебютировать предъ иноземцами. Въ XVII вѣкѣ упоминаются не только *бродячіе* скоморохи, но и *осѣдлые,* принадлежавшіе богатымъ и знатнымъ частнымъ лицамъ, предшественники тѣхъ крѣпостныхъ актеровъ и музыкантовъ, которые извѣстны были въ по-петровское время вплоть до эпохи эмансипаціи крѣпостныхъ.

Такъ, въ 1633 году подали царю челобитную, по поводу совершеннаго надъ ними насилія приказнымъ Крюковымъ *скоморохи князя* Ивана Шуйскаго и князя Дмитрія Пожарскаго [1]). Указаніе на осѣдлыхъ скомороховъ, проживавшихъ въ деревняхъ, находимъ, впрочемъ, еще въ XVI в. въ приговорѣ монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 в.), запрещавшемъ подъ угрозой пени держать въ волости скомороховъ: „Не велѣли есмя имъ въ волости держати скомороховъ ни волхвей... и учнутъ держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ... а *прохожихъ* скомороховъ въ волость не пущать“ [2]). Въ разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ уже съ XV в. встрѣчаются мѣры противъ усилившагося скоморошества, вызванныя не столько церковнымъ предубѣжденіемъ противъ ихъ ремесла, сколько насиліями, творимыми этими распутными бродячими людьми надъ мирнымъ населеніемъ. Скоморохи бродили ватагами въ 60 — 100 человѣкъ и сильно напоминали теперешнихъ цыганъ. „Да по дальнимъ странамъ, — говорится въ *Стоглавѣ,* — ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (= насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ“. Порицанія духовныхъ лицъ не находили себѣ серьезной поддержки у властей до тѣхъ поръ, пока скоморохи не стали наносить уже существеннаго матеріальнаго ущерба жителямъ страны своею алчностью и нахальствомъ. Сначала свѣтскія власти ограждаютъ особыми грамотами, въ видѣ привилегій, тѣ или другія селенія и волости отъ насильственныхъ нашествій скомороховъ, далѣе принимаются правительствомъ уже общія

---

[1]) *Фаминцынъ*, стр. 152.
[2]) Тамъ же, стр. 154.

Digitized by Google

мѣры. Однако, до царствованія Михаила Ѳеодоровича преслѣдованіе скомороховъ не велось настоятельно и серьезно. Да и мѣры, принятыя при немъ, едва ли ослабили скоморошество, такъ какъ грозные указы врага скомороховъ, благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, рисуютъ намъ картину широкаго распространенія скоморошьихъ ватагъ и безчинствъ. Рядъ указовъ юнаго царя подъ угрозой пени, батоговъ, кнута, опалы и проч. преслѣдуетъ всякія безчинства въ сельскомъ и городскомъ населеніи, всякіе остатки старинныхъ языческихъ обрядовъ, бѣсовскія игры, пѣсни, кулачные бои, вожденіе медвѣдей, дрессированныхъ собакъ, всякіе виды музыки и особенно скомороховъ, которые участвуютъ на свадьбахъ и на поминкахъ. Всѣ атрибуты скоморошества: домры, сурны, гудки, гусли, хари — велѣно истреблять и жечь. Указы царскіе разсылались по всѣмъ городамъ и волостямъ и читались горожанамъ и сельчанамъ. Заключавшіяся въ этихъ указахъ запрещенія подкрѣплялись угрозами строжайшихъ наказаній, которыя и приводились въ исполненіе надъ ослушниками. Суровое, неослабѣвавшее гоненіе на скомороховъ въ теченіе всего царствованія должно было привести къ тому, что „веселые молодцы", бродячіе скоморохи постепенно исчезаютъ, такъ что къ петровской реформѣ упоминанія о профессіональныхъ скоморохахъ встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Передѣлка общества на европейскій покрой, вызвавшая уже иные вкусы, иныя потребности, окончательно убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинціи, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали не малую долю, по крайней мѣрѣ, своего музыкальнаго и литературнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ судьбы скоморошества на Руси, постараюсь теперь уяснить, какое значеніе имѣли скоморохи, какъ хранители эпическихъ пѣсенъ. Мы видѣли, что искусство скомороховъ, какъ нѣмецкихъ шпильмановъ и французскихъ жонглёровъ, было весьма разнообразно. Они были и плясуны, и фигляры, и фокусники, и гадальщики, и актеры, и медвѣжатники, и музыканты, и пѣвцы, — словомъ,

Digitized by Google

мастера на всѣ руки. Но для насъ они интересны только какъ пѣвцы и слагатели былинъ. Поэтому поищемъ въ самихъ былинахъ указаній на эту сторону ихъ дѣятельности.

Соотвѣтствуя дѣйствительности, былины изображаютъ, съ одной стороны, ватаги скомороховъ, упоминаемыя въ письменныхъ памятникахъ, съ другой — скомороховъ осѣдлыхъ, проживающихъ въ городѣ при княжемъ дворѣ и забавляющихъ своею игрой его гостей. Въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ является такая ватага бродячихъ скомороховъ: „веселые скоморохи, — скоморохи люди вѣжливые, скоморохи очестливые". Въ былинѣ о Ставрѣ Ставрова жена спрашиваетъ князя Владимира:

«Чѣмъ ты, Владимиръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?»

И князь заставляетъ своихъ скомороховъ забавлять посла. Лучшимъ доказательствомъ участія скомороховъ въ исполненіи и даже сложеніи былинъ можетъ служить то, что въ былинахъ нерѣдко богатыри играютъ на гусляхъ и поютъ не хуже скомороховъ, производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе и, облекаясь въ костюмъ скомороха, являются желанными гостями на княжескомъ пиру. Очевидно, профессіональные пѣвцы былинъ постарались отдать должное *своему* искусству, возвысить его въ глазахъ слушателей. Такъ, одинъ изъ любимѣйшихъ богатырей, Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, немедленно находитъ доступъ въ княжескія палаты, гдѣ идетъ свадебный пиръ, и, занявъ мѣсто скоморошье, уже первыми звуками привлекаетъ всеобщее вниманіе, переходящее затѣмъ въ восторгъ. Вотъ соотвѣтствующіе стихи:

«Учалъ онъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать...
И всѣ на пиру пріутихли — сидятъ,
Сидятъ — на скоморошину посматриваютъ...
Всѣ же за столомъ да призадумались,
Всѣ же тутъ игры призаслухались...
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ игры не видано...
Заигралъ Добрыня по уныльнёму,
По уныльнёму, по умильнёму,
Какъ всѣ-то вѣдь ужъ князи и бояре-ты,
А ты эты русскіе богатыри
Какъ всѣ они тутъ пріослушались...
«Ай же, мала скоморошина! — (говоритъ князь)
За твою игру за великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,

Digitized by Google

Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ расчету получай золоту казну» [1]).

Характеризуя необыкновенное искусство и разнообразіе напѣвовъ Добрыни, слагатель былины говоритъ:

«Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда,
А третью съ Еросалима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря» [2]).

Или:

«Тонцы повелъ отъ Новагорода,
Другіе повелъ отъ Царяграда...
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати» [3]).

Обратимъ здѣсь вниманіе на слѣдующія подробности: во-первыхъ, эти *тонцы* отъ Царяграда, Новгорода, Іерусалима, вѣроятно, термины знакомые профессіональнымъ гуслярамъ, можетъ-быть, разнохарактерные напѣвы изъ ихъ музыкальнаго репертуара; во-вторыхъ, переодѣтый скоморохомъ Добрыня поетъ подъ аккомпанементъ гуслей пѣсню о *своихъ* похожденіяхъ, богатырскихъ подвигахъ. Слѣдовательно, исполненіе пѣсенъ о воинскихъ дѣлахъ, о богатыряхъ входило въ репертуаръ скомороховъ, какъ игра великая, важная, умильная. Дѣйствительно, нельзя думать, чтобы къ репертуару „веселыхъ людей скомороховъ“ сводились исключительно пѣсни фривольнаго содержанія, юмористическія, шуточныя съ прибаутками и циническими намеками. Какъ артисты, подлаживающіеся ко всѣмъ вкусамъ, скоморохи въ своемъ обширномъ репертуарѣ имѣли пьесы и для солидной публики, интересовавшейся преданіями старины, подвигами русскихъ богатырей, историческими крупными лицами и событіями. Я уже упомянулъ, что ладожскіе скоморохи пѣли при Олеаріи пѣсни въ честь Михаила Ѳеодоровича. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ о любимцѣ народномъ Михаилѣ Скопинѣ, именно въ ея конечной припѣвкѣ, находимъ ясное свидѣтельство о томъ, что ее пѣли веселые люди. Вотъ эта припѣвка:

«То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утѣшенье,

---

[1]) *Фаминцынъ*, стр. 28 — 29; *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 166; II, 31. *Гильфердингъ*, столб. 45, 136, 250, 972, 1030.

[2]) Тамъ же, стр. 31. *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 144; II, стр. 31. *Гильфердингъ* столб. 214, 356, 498, 1058, 1096.

[3]) *Фаминцынъ*, стр. 33; *Рыбниковъ*, III, № 16.

Digitized by Google

А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи меды, зелено вино.
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову» [1]).

Упоминаніе боярина великаго въ связи съ содержаніемъ пѣсни свидѣтельствуетъ о томъ, что пѣсни въ этомъ серьезномъ родѣ исполнялись скоморохами и въ боярскихъ хоромахъ.

Кромѣ Добрыни, производившаго такое впечатлѣніе своею игрою великой, рядъ другихъ эпическихъ личностей оказывается искусными гуслярами и пѣвцами. Пріѣзжій въ Кіевъ изъ-за моря Волынскаго, изъ-за острова Кодольскаго Соловей Будимировичъ привезъ съ своей родины и припѣвки. Забавляясь игрой на гусляхъ, онъ

«Тонцы по голосу налаживаетъ...
А всѣ малыя припѣвки за синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ-за того острова Кодольскаго,
Изъ-за того Лукоморья зеленаго [2]).

Про Ставра его жена, переодѣтая посломъ, припоминаетъ, что

«Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты»

и что лучше его никто не играетъ въ Кіевѣ. Кіевскій щапъ Чурило Пленковичъ, поступивъ въ постельничьи къ князю Владимиру, долженъ былъ на гусляхъ спотѣшать княжескую чету:

«Стелетъ (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владимира,
А княгиню Опраксію больше того» [3]).

Перечисленныя лица не являются профессіональными гуслярами, а только любителями, играющими при случаѣ. Но въ нашемъ эпосѣ есть

---

[1]) *Кирша Даниловъ*, стр. 391.
[2]) *Рыбниковъ*, I, стр. 324.
[3]) *Рыбниковъ*, I, стр. 265.

Digitized by Google

и профессіональный гусляръ Садко, который, пока не разбогатѣлъ, ходилъ играть по пирамъ; но и сдѣлавшись богатымъ гостемъ, не покинулъ своего искусства. Вспомнимъ, что его чудная игра увлекаетъ морского царя, который щедро награждаетъ музыканта; вспомнимъ, какъ на днѣ синяго моря расплясался царь морской, взволновалось все поддонное царство отъ игры нашего Орфея. Любовь Садка, уже богатаго купца, къ гуслямъ видна въ томъ, что когда выпалъ ему жребій быть брошеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній разъ передъ смертью хочетъ поиграть на любимомъ инструментѣ, который даже беретъ съ собой въ море:

«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати» [1]).

Итакъ присутствіе въ нашихъ былинахъ цѣлаго ряда личностей играющихъ на гусляхъ, присутствіе профессіональнаго гусляра, частое упоминаніе о гуслярахъ-скоморохахъ. — все это можетъ служить указаніемъ на то, что музыка и пѣніе были очень развиты въ той средѣ которая исполняла и складывала былины. А такими профессіональными пѣвцами и музыкантами были, главнымъ образомъ, скоморохи. Слѣдуетъ думать, что въ ихъ искусномъ исполненіи былины были произведеніями болѣе художественными, чѣмъ въ устахъ нынѣшнихъ олонецкихъ сказителей, перенявшихъ ихъ репертуаръ. Ихъ пѣніе сопровождалось музыкальнымъ аккомпанементомъ: гуслями, гудкомъ. Вспомнимъ, какъ часто въ нашемъ эпосѣ поминаются гусли яровчатыя, нынѣ уже совсѣмъ вышедшія изъ употребленія. Олонецкіе крестьяне, перенявъ мотивы (напѣвы) нѣкоторыхъ былинъ, не научились у профессіональныхъ музыкантовъ игрѣ на гусляхъ, или если умѣли, то давно покинули этотъ инструментъ [2]). Вообще современное состояніе былевой поэзіи представляется періодомъ ея паденія, захуданія, ведущимъ свое начало отъ той поры, когда былины отъ профессіональныхъ пѣвцовъ-гусляровъ, распѣвавшихъ ихъ нѣкогда и въ боярскихъ хоромахъ, и въ купецкихъ домахъ, перешли къ олонецкимъ крестьянамъ, которые на сказыванье былинъ уже не смотрѣли какъ на профессію, и отчасти

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, стр. 377.

[2]) Объ употребленіи гуслей олонецкими сказителями былинъ въ прошломъ столѣтіи см. у Е. Барсова: *Памятники народнаго творчества Олонецкой губерніи*, стр. 9.

Digitized by Google

къ каликамъ, которые, хотя и спеціалисты по пѣнію духовныхъ стиховъ, не могли наслѣдовать отъ скомороховъ ни ихъ музыкальнаго искусства, ни очень многихъ былинныхъ сюжетовъ, слишкомъ несоотвѣтствующихъ ихъ благочестивому репертуару.

Если вышеприведенные факты достаточно доказываютъ роль скомороховъ, какъ пѣвцовъ былинъ, то нѣсколько труднѣе рѣшить вопросъ, какъ велико было участіе скомороховъ въ *сложеніи* дошедшихъ до насъ былинъ. Этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только детальнымъ анализомъ дошедшихъ до насъ былевыхъ сюжетовъ. Но думается мнѣ, что этотъ анализъ долженъ привести насъ къ заключенію, что среди былинъ нашихъ найдется немало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, напримѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ Годиновичѣ. Въ первой веселые люди скоморохи являются героями скандальнаго происшествія: они помогаютъ недогадливому рогоносцу-мужу проучить невѣрную жену. Былина пересыпана скабрезными намеками и потому въ изобиліи украшена въ изданіи Калайдовича точками скромности. Въ былинѣ о Ставрѣ также упоминаются скоморохи при дворѣ Владимира, и разсказъ объ испытаніи пола переодѣтой посломъ Ставровой жены такъ же уснащенъ пикантными подробностями и двусмысленными загадками. Свою печать, какъ увидимъ ниже, наложили скоморохи и на обработку былинъ о Чурилѣ Пленковичѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Васильѣ Игнатьевичѣ, Иванѣ Гостиномъ [1]). Къ предположенію скоморошьей переработки былины о Василіи Буслаевичѣ приводитъ детальный анализъ этой былины проф. И. Н. Жданова [2]). Вообще слѣдовъ скоморошьей обработки можно всего скорѣе искать въ былинахъ-новеллахъ или фабліо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни, преимущественно любовныя похожденія съ исходомъ то комическимъ (Терентій), то трагическимъ (смерть Чурилы Пленковича, Алеша и сестра Збродовичей). Конечно, меньше слѣдовъ оставили скоморохи, какъ пѣвцы былинъ *богатырскаго* содержанія, гдѣ только нѣкоторые юмористическіе эпизоды и подробности могутъ быть отнесены на ихъ счетъ. Но что скоморохи пѣли и эти былины, на это мы имѣемъ прямое указаніе историка Татищева [3]), который говоритъ: „Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, въ кото-

---

[1]) См. дальнѣйшіе очерки.

[2]) *Русскій былевой эпосъ. Матеріалы и изслѣдованія.* Спб., 1895 г., стр. 401.

[3]) *Исторія Россійская,* I, стр. 44.

Digitized by Google

рыхъ женъ его именами, тако жъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долкѣ (Дюкѣ?) Стефановичѣ упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего". Это важное свидѣтельство, въ достовѣрности котораго нельзя сомнѣваться, должны имѣть въ виду тѣ ученые, которые полагаютъ, что скоморохи были представителями только комическаго и фривольнаго элемента въ нашемъ эпосѣ. Ясно, что даже былины о солидномъ богатырѣ, народномъ идеалѣ старомъ Ильѣ Муромцѣ, распѣвались тѣми же „веселыми людьми", которые забавляли публику былинами-новеллами.

Digitized by Google

Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ [1]).

Если сравнительный методъ, уже давно прилагаемый къ изученію русскаго богатырскаго эпоса, уяснилъ, что къ именамъ богатырей во многихъ случаяхъ прикрѣплены такъ называемые странствующіе сказочные сюжеты; если взгляды современныхъ изслѣдователей на процессъ народнаго творчества и его предѣлы значительно отличаются отъ воззрѣній, навѣянныхъ ученіемъ Якова Гримма; если, благодаря историко-сравнительному изученію былинъ, изслѣдователи перестали искать національныхъ миѳическихъ основъ въ типахъ богатырей, — то все же, историко-сравнительный методъ самъ по себѣ не въ состояніи уяснить многихъ вопросовъ, возникающихъ при внимательномъ изученіи дошедшихъ до насъ былинъ. Таковы вопросы: въ какихъ частяхъ Россіи складывались тѣ эпическія пѣсни, которымъ усвоено названіе былинъ? Къ какому времени относится выработка типа „былины"? Въ какой средѣ населенія и кѣмъ слагались былины? Какія стадіи развитія прошли дошедшіе до насъ былинные сюжеты? Всѣ подобные вопросы настоятельно требуютъ детальнаго изслѣдованія текстовъ былинъ, которое значительно отстало сравнительно съ теоретическими построеніями и гипотезами, изобилующими въ научной литературѣ по русскому эпосу. У насъ нѣтъ даже подготовительныхъ работъ, которыя должны были бы предшествовать детальному изученію *бытовой* стороны былинъ: нѣтъ подробныхъ именныхъ и предметныхъ указателей при главныхъ сборникахъ былинъ. Опытъ такого указателя былъ сдѣланъ только П. А. Безсоновымъ для 5-ти выпусковъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ. Но оба другіе сборника, Рыбникова и Гильфердинга, содержащіе главное богатство нашихъ былевыхъ пѣсенъ, не снабжены никакими спеціальными вспомогательными средствами для пользованія, и доселѣ изслѣдователь эпоса по-

[1]) Напечат. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1894, № 5.

Digitized by Google

ставленъ въ необходимость изъ-за какой-нибудь интересной для него бытовой черты или имени перелистывать сотни страницъ этихъ обширныхъ изданій.

Въ нижеслѣдующемъ я имѣю въ виду обратить вниманіе на одинъ, такъ сказать, „домашній“ вопросъ, вызываемый нашими былинами — вопросъ объ ихъ географическомъ распространеніи. Въ какихъ областяхъ Россіи были записаны доселѣ напечатанныя былины? Какіе сюжеты пользовались бо́льшимъ, какіе меньшимъ распространеніемъ? Думаю, что отвѣтъ на подобные вопросы можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на скрытое отъ насъ прошлое нашего былевого эпоса, документы о которомъ, какъ извѣстно, крайне скудны.

Но прежде всего можетъ возникнуть сомнѣніе въ цѣлесообразности самого вопроса о географическомъ распространеніи былинъ. Могутъ указать на то, что записываніе былинъ въ той или другой губерніи Россіи — дѣло чисто случайное. Въ одной губерніи нашелся любознательный собиратель, и нашлись былины; въ другой — такого собирателя не было, и въ сборникѣ Кирѣевскаго былинъ изъ нея не оказывается. Особенно посчастливилось Олонецкой губерніи, благодаря неутомимымъ изслѣдователямъ Рыбникову и Гильфердингу, — и репертуаръ олонецкихъ сказителей далъ сотни былинъ. Такого рода соображенія о случайности былинныхъ записей могутъ казаться убѣдительными лишь до тѣхъ поръ, пока мы пристальнѣе не присмотримся къ дѣлу записыванія былинъ. Конечно, и въ дѣлѣ записыванія былинъ нужно признать нѣкоторую долю случайности, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ; но значеніе этой доли придется весьма и весьма умалить въ виду нѣкоторыхъ соображеній.

Можно положительно сказать, что, начиная съ 60-хъ годовъ, когда появляются первые выпуски сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова, когда знакомство съ народными былинами входитъ въ программу преподаванія средне-учебныхъ заведеній, когда о русскомъ богатырскомъ эпосѣ появляются журнальныя статьи, — высокое значеніе и научный интересъ былинъ достаточно проникли въ сознаніе всякаго любителя-этнографа, имѣвшаго случай записывать произведенія народнаго творчества изъ народныхъ устъ. Объ обиліи записей, производившихся въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія въ разныхъ уголкахъ Россіи и Сибири, свидѣтельствуютъ многочисленные сборники „бытовыхъ“ пѣсенъ, появившіеся за это время, и значительное число сотрудниковъ, присылавшихъ свои записи пѣсенъ извѣстнымъ собирателямъ: Кирѣевскому (Даль, Языковъ, Якушкинъ), Шейну и друг. Несомнѣнно, что

Digitized by Google

всякому любителю-этнографу было бы особенно лестно записать какую-нибудь новую былину, открыть какого-нибудь новаго богатыря. Однако результаты тридцатилѣтнихъ поисковъ былинъ въ разныхъ областяхъ Россіи, за вычетомъ губерній Олонецкой и Архангельской и нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, оказываются крайне скудны. Архивъ этнографическаго отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества, можно сказать, ломится отъ обилія присылаемыхъ этнографическихъ матеріаловъ, — однако среди множества записей бытовыхъ пѣсенъ былинъ не оказывается. Въ архивъ этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія въ Москвѣ также въ теченіе тридцатилѣтія доставлено немало пѣсенныхъ записей изъ разныхъ губерній Россіи, но былины оказались только въ сборникѣ Ефименка, составленномъ въ Архангельской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ же уважаемый этнографъ въ бытность свою въ разныхъ другихъ областяхъ Россіи всюду наводилъ справки о былинахъ и не замедлилъ бы обнародовать свои находки, если бъ онѣ были сдѣланы. Другой ревностный собиратель, почтенный П. В. Шейнъ, записавшій въ числѣ другихъ обильныхъ матеріаловъ нѣсколько былинъ въ Симбирской губерніи, собиралъ не менѣе энергично пѣсни въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Смоленской, Минской, Витебской, но ни одна былина въ этихъ губерніяхъ не попала въ его тетради. Наконецъ, покойный П. Н. Рыбниковъ, прежде чѣмъ водвориться въ Олонецкой губерніи, собиралъ пѣсни въ Черниговской, но по части былинъ эта губернія оказалась вполнѣ безплодной.

Принимая во вниманіе приведенные факты, мы можемъ придать извѣстное значеніе мѣстамъ былинныхъ записей и подвергнуть ихъ внимательному просмотру, который, быть-можетъ, приведетъ насъ къ какимъ-нибудь выводамъ, не лишеннымъ научной цѣнности.

Матеріалъ для наблюденія географическаго распространенія былинъ даютъ оба синкретическіе сборника — Кирѣевскаго и Тихонравова и Миллера (Былины старой и новой записи). Оба другіе сборника (Рыбникова и Гильфердинга) содержатъ, какъ извѣстно, исключительно былинный репертуаръ Олонецкой губерніи.

Вполнѣ установленнымъ должно признать тотъ фактъ, что былины были доселѣ записываемы исключительно въ великорусскихъ губерніяхъ. Ни въ малорусскихъ ни въ бѣлорусскихъ губерніяхъ онѣ не встрѣчались, хотя въ поискахъ не было недостатка. Вспомнимъ, какое вниманіе было обращено на собираніе и изданіе памятниковъ малорусскаго народнаго творчества Цертелевымъ, Максимовичемъ, Срез-

Digitized by Google

невскимъ, Бодянскимъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, Кулишемъ, въ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ годахъ, далѣе съ 60-хъ годовъ Кіевскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, извѣстной этнографическо-статистической экспедиціей въ Западно-Русскій край (съ Чубинскимъ во главѣ), затѣмъ Антоновичемъ, Драгомановымъ, Рудченкомъ, Житецкимъ и многими другими этнографами, — но всѣ поиски былинъ въ предѣлахъ малорусскаго племени остаются до сихъ поръ безплодными. Были, правда, кое-гдѣ записываемы сказки объ Ильѣ Муромцѣ, которыя не свободны отъ подозрѣнія въ великорусскомъ или, быть-можетъ, лубочномъ происхожденіи; встрѣчаются думы объ Алексіѣ Поповичѣ, не имѣющемъ ничего общаго (кромѣ имени) съ былиннымъ богатыремъ, попадаются колядки съ именами Журилы (Чурилы), князя Романа, легенды о Михайликѣ, представляющія нѣкоторое отношеніе къ великорусской былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ, но настоящихъ былинъ доселѣ не удалось записать ни одному этнографу.

Точно такъ же, несмотря на сохранность старины въ быту, понятіяхъ, обрядахъ и поэтическомъ творчествѣ бѣлоруссовъ, мы не знаемъ ни одной былины, записанной въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ обширныхъ сборникахъ Шейна, Безсонова, Романова, Добровольскаго, Никифоровскаго, В. Богданова, въ числѣ сказокъ встрѣчаются изрѣдка сказки съ именами богатырей (особенно Ильи Муромца), но эти сказки такъ же мало свидѣтельствуютъ о существованіи былинъ у бѣлоруссовъ, какъ подобныя же сказки съ именемъ Ильи, перешедшія отъ русскихъ къ латышамъ, финнамъ, кореламъ, якутамъ и многимъ другимъ инородцамъ.

Но и въ обширной территоріи, населенной великорусской вѣтвью, былины распространены далеко не равномѣрно. Въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ великорусскихъ былины либо вовсе не встрѣчались этнографамъ, либо въ скудныхъ остаткахъ. Такъ, совсѣмъ неизвѣстны былины въ великорусскихъ частяхъ губерній: Курской, Воронежской, а также въ губерніяхъ: Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской. Въ Рязанской губерніи была записана только одна былина, притомъ наиболѣе распространенная въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: Илья и разбойники [1]). Изъ Тульской губерніи (Алексинскаго уѣзда) дошла до насъ сильно скомканная былина (въ 30 стиховъ) о Добрынѣ, разсказывающая сначала о его рожденіи и вы-

---

[1]) См. *Кирѣевскій*, I, стр. 15.

Digitized by Google

бѣгающемъ на Нѣпру-рѣку звѣрѣ Скиперѣ (то-есть Скименѣ), а далѣе объ отъѣздѣ Добрыни изъ дому и о наказѣ, данномъ имъ женѣ не выходить замужъ за Алешу Поповича.

Нѣсколько обильнѣе остатки былевого эпоса въ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерніяхъ, при чемъ число ихъ, повидимому, возрастаетъ по теченію Волги: такъ въ *Нижегородской* губерніи было записано 7 былинъ: Илья и Соловей разбойникъ [1]), Добрыня и Алеша [2]), Василій Казнѣровичъ и Батыга въ двухъ варіантахъ [3]), Данило Ловчанинъ [4]), Чурило (отрывокъ) [5]) и Сурога-богатырь [6]). Слѣдующая *Казанская* губернія съ ея многочисленнымъ инородческимъ населеніемъ не дала ни одной былины; но далѣе въ *Симбирской* ихъ записано уже болѣе двухъ десятковъ (22 №№), при чемъ *одиннадцать* №№ объ отдѣльныхъ похожденіяхъ Ильи Муромца [7]), шесть о Добрынѣ Никитичѣ [8]), одинъ № о Данилѣ Ловчанинѣ [9]), одинъ о Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ [10]), одинъ о Суровцѣ [11]), одинъ о Саурѣ [12]). Ниже по Волгѣ, изъ Самарской губерніи, извѣстна намъ лишь одна былина объ Ильѣ Муромцѣ (выѣздъ его изъ дому [13]), но Саратовская дала около десятка №№ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ и Суровцѣ [14]).

Переходя съ Волги въ область Уральскаго казачьяго войска, мы найдемъ въ сборникахъ казацкихъ пѣсенъ съ десятокъ былинъ, обыкновенно сильно вывѣтрившихся и скомканныхъ. Большинство прикрѣплено къ именамъ Ильи Муромца и Добрыни [15]), но встрѣчаются и былины о Дюкѣ Степановичѣ [16]). Наконецъ, южнѣе, на Кавказѣ, въ

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, стр. 34.
[2]) Тамъ же, II, стр. 14.
[3]) Тамъ же, II, стр. 90 и 93.
[4]) Тамъ же, III, 32.
[5]) Тамъ же, IV, 86.
[6]) Былины старой и новой записи № 65.
[7]) *Кирѣевскій*, I, стр. 1, 3, 4, 17, 19, 20, 25, 31, 40, 91, 92.
[8]) Тамъ же, II, 3, 4, 40, 43, 48, 61.
[9]) Тамъ же, III, стр. 28.
[10]) Тамъ же, III, стр. 39.
[11]) Тамъ же, III, стр. 107.
[12]) Тамъ же, III, стр. 113.
[13]) Былины *Тихонравова и Миллера*, № 2.
[14]) См. *Кирѣевскій*, I, 22; II, 17. Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. *Мордовцевой и Костомаровымъ* (Лѣтописи русской литературы, т. IV, отд. II, стр. 7—14).
[15]) Былины *Тихонравова и Миллера*, №№ 4, 17, 19, 22, прилож. стр. 273.
[16]) Тамъ же, № 53, и *Кирѣевскій*, III, стр. 100.

Digitized by Google

Терской области, въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ были недавно записаны три-четыре былины объ Ильѣ и разбойникахъ и объ Алешѣ и Тугаринѣ.

Выше Нижняго по Волгѣ, въ губерніяхъ московскаго промышленнаго района, былины почти неизвѣстны: въ губерніяхъ Ярославской (несмотря на поиски Е. И. Якушкина и Дерунова), Костромской и Тверской до сихъ поръ не записано ни одной былины. Во Владимирской, въ этой предполагаемой родинѣ главнаго эпическаго богатыря, была записана только одна былина (о Ставрѣ) [1]). Наконецъ, въ самой Москвѣ въ мѣщанской средѣ были недавно записаны три сильно скомканныя былины [2]) (Илья и разбойники, Добрыня и Марина, Василій Буслаевичъ), при чемъ первая встрѣтилась также въ Московскомъ уѣздѣ [3]), а искаженный варіантъ объ Ильѣ и Соловьѣ былъ записанъ въ Коломенскомъ уѣздѣ [4]).

Такимъ образомъ просмотръ мѣстъ записи былинъ показываетъ, что во всемъ огромномъ районѣ — отъ Смоленска на западѣ до Урала на востокѣ, отъ Костромы на сѣверѣ до Терека на югѣ — былевой эпосъ сохранился лишь въ скудныхъ остаткахъ. Общее число былинъ, записанныхъ на этомъ пространствѣ, не переходитъ за 60 №№, представляющихъ въ общемъ не болѣе 16 сюжетовъ, при чемъ нѣкоторыя губерніи, какъ мы видѣли, *западныя, южныя* и *центральныя,* почти совсѣмъ не знаютъ былинъ, и лишь низовыя приволжскія сохранили нѣкоторые былевые сюжеты преимущественно разбойничьяго и казацкаго характера. Сравнительно съ одиночными большей частью сильно искаженными былинами, записанными въ разсмотрѣнной области, какое внушительное впечатлѣніе производятъ сотни былинъ Олонецкой губерніи и десятки Архангельской и сибирскихъ. Чѣмъ объяснить это обиліе былинъ, эту живучесть эпической традиціи преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ территоріи великоруссовъ, говоря діалектически, въ предѣлахъ окающаго поднарѣчія великорусскаго нарѣчія? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ не соображеніями общаго характера, въ родѣ отдаленности этихъ губерній отъ центра, консерва-

---

[1]) См. *М. Бережковъ.* — Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ во Владимирской губерніи. Нѣжинъ 1895, стр. 6—11.

[2]) Былины старой и новой записи, №№ 3, 23, 64.

[3]) *Кирѣевскій,* I, 16.

[4]) *Кирѣевскій,* I, 30. Нельзя отнести къ былинамъ пѣсню съ именемъ Алеши Поповича (*Кирѣевскій,* II, 64), извѣстную также въ губерніяхъ Орловской и Тульской.

Digitized by Google

тивности въ быту населенія и т. п., просмотримъ внимательнѣе былинный репертуаръ олонецко-архангельскій и сибирскій.

При просмотрѣ сборниковъ Рыбникова, Барсова и Гильфердинга мы можемъ составить слѣдующій инвентарь былинъ, извѣстныхъ въ Олонецкой губерніи. Расположимъ ихъ по богатырямъ.

Эпическія похожденія Ильи Муромца составляютъ сюжетъ 8 былинъ, записанныхъ въ значительномъ количествѣ варіантовъ: 1) Первая поѣздка Ильи изъ дому и встрѣча съ Соловьемъ-разбойникомъ, 2) Бой Ильи съ сыномъ, 3) Илья и Идолище, 4) Илья и Калинъ-царь, 5) Илья и голи кабацкіе, 6) Илья въ Цареградѣ, 7) Три поѣздки Ильи, 8) Илья и Ермакъ.

О Добрынѣ Никитичѣ извѣстны 5 былинъ: 1) Добрыня и змѣй, 2) Добрыня и Алеша Поповичъ, 3) Добрыня и Марина, 4) Добрыня и Василій Казимировичъ, 5) Бой Добрыни съ поленицей и женитьба.

Сюжетъ одной былины объ Алешѣ — его бой съ Тугариномъ.

По *одной* былинѣ извѣстно о слѣдующихъ эпическихъ лицахъ: Дунаѣ Ивановичѣ, Васильѣ Казимировичѣ, Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ, Михаилѣ Потыкѣ Ивановичѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Святогорѣ, Колыванѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Ставрѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Сухманѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Василіѣ Окульевичѣ и Соломонѣ. По двѣ былины о Вольгѣ Сеславьевичѣ (Вольга въ Индіи, встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ), Садкѣ, Василіѣ Буслаевичѣ и о Чурилѣ (молодость Чурилы и пріѣздъ въ Кіевъ, смерть Чурилы). Если къ этимъ былиннымъ сюжетамъ мы прибавимъ еще былины: Сорокъ каликъ со каликою, Нѣпра и Донъ, Рахта Рагнозерскій, Терентьище, то увидимъ, что весь репертуаръ олонецкихъ сказителей обнимаетъ около 40 сюжетовъ. Общее же число былинъ, записанныхъ въ губерніи, достигаетъ значительной цыфры — 300 №№. Чѣмъ объяснить это обиліе былинныхъ сюжетовъ въ одной и притомъ недалекой отъ Петербурга губерніи, эту сохранность эпической традиціи?

Оба изслѣдователя, Рыбниковъ и Гильфердингъ, записывавшіе былины изъ устъ сказителей, сообщаютъ нѣкоторыя свои наблюденія и приводятъ условія, способствовавшія, по ихъ мнѣнію, живучести былевого эпоса среди олончанъ. Эти условія таковы: суровая природа, трудность путей сообщенія, примитивность въ быту и понятіяхъ населенія, отсутствіе грамотности. Къ этимъ условіямъ Гильфердингъ прибавляетъ еще слѣдующее: вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ ощущалъ себя срав-

Digitized by Google

нительно свободнымъ и „не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ“ [1]). Въ свою очередь, Рыбниковъ обращаетъ вниманіе на „поэтическую природу“ жителей и на ихъ поселенія на украинѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ кіевскомъ и новгородскомъ прошедшемъ [2]). Далѣе въ ряду условій, конечно второстепенныхъ, содѣйствовавшихъ распространенію былинъ въ Заонежьѣ, Гильфердингъ указываетъ на нѣкоторыя ремесла. Многіе изъ хорошихъ сказителей либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, переходя изъ деревни въ деревню, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли изслѣдователю, что, „сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть „старины“, и онѣ тогда легко усвоиваются“ [3]).

Можно допустить, что примитивность въ матеріальномъ и духовномъ быту населенія Олонецкой губерніи была благопріятнымъ условіемъ для сохраненія былевого эпоса, такъ же какъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Но тѣ же условія можно найти во многихъ другихъ полосахъ Россіи, въ которыхъ, однако, былины неизвѣстны населенію. Близость къ инородцамъ, будто бы побуждавшая русское населеніе къ сохраненію памяти объ эпической національной старинѣ, однако, не вызвала такихъ же послѣдствій во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ русское населеніе сталкивается съ инородцами (Казанской, Оренбургской, Вятской и др.). Скучныя и однообразныя механическія работы всюду на Руси сопровождаются пѣніемъ пѣсенъ, и былевыя пѣсни, конечно, въ этомъ отношеніи нисколько не предпочтительнѣе другихъ. Наибольшее значеніе изъ перечисленныхъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ условій нужно, повидимому, придать поэтической воспріимчивости олонецкаго простонародья, о которой, помимо „старинъ“, ярко свидѣтельствуютъ прекрасныя лирическія причитанія (свадебныя, рекрутскія, похоронныя), также записанныя въ огромномъ количествѣ среди нихъ Рыбниковымъ и Барсовымъ. По наблюденіямъ обоихъ изслѣдователей среди женщинъ встрѣчаются нерѣдко положительно высокоодаренныя натуры, способныя изливать

---

[1]) *Гильфердингъ,* Онежск. былины, стр. XI.
[2]) *Рыбниковъ,* III, стр. IX.
[3]) *Гильфердингъ.* Стр. XVIII.

Digitized by Google

свое горе въ длинныхъ, складныхъ и часто художественныхъ импровизаціяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ женщинъ пользуются извѣстностью далеко за предѣлами родной деревни и приглашаются спеціально на свадьбы и похороны. Но и это условіе не принадлежитъ, какъ извѣстно, одной Олонецкой губерніи: огромное количество лирическихъ пѣсенъ, записанныхъ въ разныхъ полосахъ Россіи, доказываетъ, что способность къ пѣснотворчеству, поэтическая жилка составляетъ явленіе довольно обычное среди массы великорусскаго крестьянства. Поэтическая воспріимчивость олончанъ могла бы только объяснить ихъ вкусъ къ воспринятію былинъ, къ ихъ разучиванію и распространенію. Но все же остается необъясненнымъ самое главное: какимъ образомъ такой значительный запасъ былевыхъ сюжетовъ вошелъ въ обращеніе преимущественно въ среду олонецкихъ крестьянъ?

Благодаря перечисленнымъ благопріятнымъ условіямъ, они сохранили запасъ былинъ, бывшій въ обращеніи у ихъ предковъ въ XVIII и XVII вѣкахъ, но сами не создавали новыхъ былинныхъ сюжетовъ. Спрашивается, откуда же, изъ какихъ мѣстностей Россіи предки современныхъ сказителей могли получить этотъ заносный эпосъ? Гдѣ нужно искать метрополію олонецкой колоніи нашего эпоса? Думаемъ, что тамъ же, откуда была колонизована Олонецкая губернія, или древняя Обонежская пятина Новгородская. Эта губернія, какъ сосѣдняя Архангельская, какъ весь сѣверъ Россіи до Урала, входила въ составъ земель Великаго Новгорода, жила нѣкогда его интересами подчинялась его культурному вліянію и доселѣ говоритъ тѣмъ діалектомъ, предокъ котораго звучалъ въ устахъ новгородцевъ. Послѣ покоренія Новгорода Иваномъ III этнографическій составъ города и его области значительно измѣнился. Чтобы предупредить возможность возстаній, Иванъ III-й, какъ извѣстно, выводилъ тысячами семейства купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Новгорода и разсылалъ ихъ по низовымъ городамъ. На мѣсто же выселенцевъ присылались дѣти боярскіе и купцы изъ московскихъ городовъ. Подобные выводы и перемѣщенія повторялись и впослѣдствіи (напримѣръ, въ 1484 и 1488 гг.). „Отъ такихъ перемѣщеній, — говоритъ Д. И. Иловайскій, — измѣнился самый составъ новгородскаго землевладѣльческаго и торговаго классовъ... Многочисленные московскіе колонисты въ Новгородѣ и его областяхъ принесли сюда свои понятія и обычаи: они способствовали здѣсь забвенію старыхъ новгородскихъ порядковъ, служили важною опорою властямъ для водворенія московскаго самодержавія и помогли постепенному внутреннему объединенію Новгородской земли

Digitized by Google

съ Московскою" [1]). Но если землевладѣльческій и городской классы населенія измѣнили такимъ образомъ свой этнографическій составъ, то сельское населеніе, особенно въ отдаленныхъ отъ города мѣстахъ, какова Олонецкая губернія, осталось нетронутымъ и явилось естественнымъ хранителемъ новгородскаго наслѣдія въ области духовнаго творчества. Такимъ образомъ колонія, не испытавшая на себѣ московскихъ погромовъ и перетасовокъ населенія, сохранила многое изъ того, что давно забыто въ метрополіи. Дѣйствительно, въ нынѣшней Новгородской губерніи былины почти неизвѣстны; въ сборникъ Кирѣевскаго отсюда попали только 2 былины: одна объ отъѣздѣ Добрыни, другая объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ [1]). Не встрѣчались даже былины, спеціально прикрѣпленныя къ городу и несомнѣнно когда-то сложенныя въ немъ — о Садкѣ и о Василіѣ Буслаевѣ, сохранившіяся въ значительномъ числѣ пересказовъ у олонецкихъ сказителей.

Итакъ мы исходимъ изъ предположенія, что былинный репертуаръ, записанный въ наше время въ Олонецкой губерніи, есть въ значительной степени потомокъ того репертуара, который былъ когда-то извѣстенъ въ Новгородской области и въ земляхъ, подчинявшихся культурному ея вліянію. Чтобы провѣрить это предположеніе, мы должны ближе разсмотрѣть отношеніе олонецкаго репертуара былинъ къ былинамъ, записаннымъ въ другихъ областяхъ, входившихъ въ число земель новгородскихъ и принявшихъ въ себя новгородскую колонизацію. Просмотримъ прежде всего былины, собранныя въ Архангельской губерніи, древнемъ Заволочьѣ.

Въ этой губерніи изслѣдователи не нашли той живучести эпической традиціи, какую Рыбниковъ, Гильфердингъ, Барсовъ, Истоминъ и др. застали въ Олонецкой. Но былины, особенно въ прежнее время, были здѣсь не рѣдкостью не только въ селахъ, но и въ городахъ. По сообщенію калики Латышева Рыбникову, онъ пѣвалъ былины въ Архангельской губерніи, гдѣ, по его словамъ, по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать разсказы о богатыряхъ [2]). Число былинъ изъ Архангельской губерніи, напечатанныхъ доселѣ, доходитъ до 25. Просмотръ ихъ сюжетовъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что архангельскій репертуаръ восходитъ къ тому же источнику, какъ и олонецкій, или, быть-можетъ,

---

[1]) Исторія Россіи, т. II, стр. 465.
[1]) *Кирѣевскій*, II, 2, и III, 1.
[2]) *Рыбниковъ*, III, стр. XXXIII.

Digitized by Google

занесенъ на Двину олонецкими каликами. Можно отмѣтить ту особенность архангельскихъ былинъ, записанныхъ священникомъ Вл. Розоновымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря и А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени, что большинство изъ нихъ представляетъ сводныя редакціи двухъ-трехъ сюжетовъ. Но такое сведеніе отдѣльныхъ былинъ въ одну показываетъ въ сказителяхъ вообще хорошее знакомство съ эпическими типами и сюжетами. Всего полнѣе въ архангельскихъ былинахъ разработана эпическая біографія Ильи Муромца. Здѣсь мы имѣемъ: первый выѣздъ Ильи изъ дому, освобожденіе города Чиженца (Кидоша) и встрѣчу съ Соловьемъ-разбойникомъ [1]); бой Ильи съ Идолищемъ [2]), съ Батыгой [3]), съ нахвальщикомъ [4]), съ сыномъ [5]), съ Мамаемъ [6]), съ Жидовиномъ [7]); далѣе бой Ильи Муромца съ Добрыней, кончающійся братаньемъ богатырей [8]) (былина, не встрѣчавшаяся въ олонецкомъ репертуарѣ и представляющая варіантъ боя Ильи съ сыномъ), три поѣздки [9]) и обширную сводную былину, въ которой сведены въ одинъ разсказъ похожденія Алеши и Ильи Муромца [10]). Изъ сюжетовъ, прикрѣпленныхъ къ имени Добрыни, встрѣтились два: Добрыня и Марина и Добрыня и Алеша Поповичъ [11]). Объ Алешѣ, кромѣ его подвиговъ, разсказанныхъ въ названной выше сводной былинѣ, извѣстно его похожденіе съ сестрой Збродовичей, не оказавшееся въ олонецкомъ репертуарѣ [12]). Изъ былинъ о другихъ богатыряхъ въ Архангельской губерніи извѣстны: былины о Дунаѣ Ивановичѣ [13]), Василіѣ Казимировичѣ [14]), Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ [15]), Иванѣ Годиновичѣ [16]), Хотѣнѣ Блудовичѣ [17]), Дюкѣ Степановичѣ [18]),

---

[1]) Былины старой и новой записи, № 5, и *Кирѣевскій*. I, 77, III, 1.
[2]) *Кирѣевскій*, III, 18 и 22.
[3]) *Кирѣевскій*, Ш, 38.
[4]) *Кирѣевскій*, I, 52, Ш, 6.
[5]) *Кирѣевскій*, Ш, 12.
[6]) Былины старой и новой записи, № 8.
[7]) *Кирѣевскій*, I, 46.
[8]) Былины старой и новой записи, № 15.
[9]) *Кирѣевскій*, I, 86.
[10]) Тамъ же, № 31.
[11]) *Кирѣевскій*, II, 45 и II, 11.
[12]) *Кирѣевскій*, II, 67.
[13]) *Кирѣевскій*, III, 52, III, 58; Былины старой и новой записи, № 32.
[14]) *Кирѣевскій*, II, 83.
[15]) *Кирѣевскій*, III, 41.
[16]) *Кирѣевскій*, III, 9; Былины старой и новой записи, № 44.
[17]) *Кирѣевскій*, IV, 72.
[18]) Былины старой и новой записи, №№ 51 и 67.

Digitized by Google

Никитѣ Заолѣшанинѣ [1]), Соломонѣ и Василіѣ Окульевичѣ [2]), о Сорока каликахъ. По сравненію съ инвентаремъ олонецкихъ былинъ оказывается, что въ Архангельской губерніи до сихъ поръ не встрѣчались слѣдующіе сюжеты: Михаилъ Потыкъ, Соловей Будимировичъ, Ставръ, Иванъ Гостиный сынъ, Сухманъ, Вольга и Микула, Святогоръ-Самсонъ, Чурило и оба новгородскіе типа Садко и Василій Буслаевъ. Какъ объяснить отсутствіе этихъ былинныхъ сюжетовъ въ Архангельской губерніи — мы не знаемъ. Можетъ-быть, они и окажутся впослѣдствіи, такъ какъ губернія далеко не такъ обстоятельно изслѣдована по части народной поэзіи, какъ Олонецкая. Отмѣтимъ только, что на знакомство сказителей съ нѣкоторыми изъ названныхъ былинныхъ лицъ указываетъ, напримѣръ, такое зачало былины о Дюкѣ Степановичѣ:

Нѣту на силу *Самсонову*,
Что того же Самсона Колыбанова,
Нѣтъ на счастье осударя Ильи Муромца,
На вѣжество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешиньки Поповича,
На имѣнье *Садка*, купца богатаго,
На злату казну Дюка сына Степанова [3]).

Или перечисленіе богатырскихъ именъ въ былинѣ объ Ильѣ и Мамаѣ, гдѣ говорится, что Илья

Пошелъ по Кіеву граду,
Нашелъ дружинушку хорошую,
Того ли *Потанюшку* хроменькаго [4]);
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во-первыхъ то, къ Самсону Колувану,
Во-вторыхъ то, къ Дунаю Ивановичу,
Во-третьихъ то, къ Василію Касимерову,
Во-четвертыхъ то, къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ,
Во-пятыхъ то, къ *Потоку* Ивановичу,
Во-шестыхъ то, къ Добрынюшкѣ Никитичу,
Во-семыхъ то, къ Алешѣ Поповичу,
Въ-восьмыхъ то, къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ двумъ Суздальцамъ [5]).

Въ виду этого дозволено предположить, что въ Архангельской губерніи были извѣстны (а можетъ-быть, извѣстны и теперь) былины

---

[1]) *Кирѣевскій*, IV, 46 и IV, 49.

[2]) Былины старой и новой записи, № 68.

[3]) Былины старой и новой записи, № 49.

[4]) Извѣстенъ изъ былины о Василіѣ Буслаевѣ, не записанной въ Архангельской губерніи.

[5]) Былины старой и новой записи, № 8, стихи 117—129.

Digitized by Google

о Садкѣ, Василіѣ Буслаевѣ, Потокѣ Ивановичѣ, Самсонѣ и о нѣкоторыхъ другихъ эпическихъ лицахъ, воспѣваемыхъ олонецкими сказителями. Во всякомъ случаѣ, архангельскій былинный репертуаръ, уступая по богатству олонецкому, стоитъ къ послѣднему въ ближайшемъ отношеніи и восходитъ къ тому же источнику.

Насколько были распространены былины въ Вологодской губерніи, мы не можемъ судить за отсутствіемъ записей. Даже въ богатыхъ матеріалахъ по этнографіи этой губерніи, собранныхъ Н. Иваницкимъ и М. Куклинымъ [1]) и содержащихъ немало пѣсенъ и сказокъ, былинъ не оказывается. Въ одной замѣткѣ, помѣщенной еще въ 1841 году П. Савваитовымъ въ *Москвитянинѣ*, мы находимъ слѣдующее крайне неопредѣленное указаніе на существованіе былинъ въ Вельскомъ уѣздѣ: „Изъ всѣхъ слышанныхъ мною разсказовъ (какихъ?), самые занимательные и оригинальные нашелъ я въ Вельскомъ уѣздѣ. Здѣсь всѣ они безъ исключенія называются былинами и разсказываются нараспѣвъ“ [2]). Къ сожалѣнію, П. Савваитовъ не записалъ ни одного изъ разсказовъ, которые будто бы называются „былинами“. Двѣ былины — Илья на Соколѣ кораблѣ и Добрыня и Марина — нашлись въ рукописномъ сборникѣ, доставленномъ въ Императорскую Публичную Библіотеку изъ Вологодской губерніи [3]). Но записаны ли онѣ въ той же губерніи — неизвѣстно. Можно надѣяться, что при болѣе внимательныхъ поискахъ, особенно въ частяхъ губерніи, прилегающихъ къ Архангельской, былины найдутся въ народномъ обращеніи. По крайней мѣрѣ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, смежномъ съ Вельскимъ Вологодской, былины не безызвѣстны [4]).

Переходя изъ Вологодской губерніи въ сосѣднюю Пермскую и переваливъ за „Камень“ (Уральскій хребетъ), мы опять вступаемъ въ область, которая нѣкогда была богата былинами, какъ можно судить по сборнику, приписываемому Киршѣ Данилову. Припомнимъ то немногое, что извѣстно о происхожденіи этого драгоцѣннаго сборника, положившаго основаніе знакомству русскаго образованнаго общества съ народными былинами. По словамъ второго издателя Калайдовича, сборникъ былъ „списанъ“ лѣтъ за 70 передъ тѣмъ (то-есть, въ поло-

---

[1]) См. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ редакціей *Н. Харузина*, в. II.

[2]) *Москвитянинъ*, 1841 г., ч. 2. № 3, стр. 271.

[3]) *Живая Старина*, вып. I, 1890 г.

[4]) Ѳ. М. Истоминъ сообщилъ мнѣ, что имъ записаны были былины въ Вологодской губерніи.

Digitized by Google

винѣ XVIII вѣка) для извѣстнаго богача, владѣтеля уральскихъ заводовъ Прокопія Акинѳіевича Демидова, у котораго и хранился до его смерти. Затѣмъ рукопись была въ рукахъ московскаго почтъ-директора Ключарева и по его порученію была издана (не вполнѣ) его чиновникомъ А. Ѳ. Якубовичемъ въ 1804 г. По напечатаніи рукопись осталась собственностью Ключарева. Въ 1816 г. государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, получивъ рукопись въ собственность, приказалъ ее издать Калайдовичу, что́ и было имъ исполнено въ 1818 г. Дальнѣйшая судьба рукописи точно не извѣстна: послѣ изданія она пропала безслѣдно, и это прискорбное обстоятельство лишаетъ насъ возможности судить, насколько рука редактора прошлась по текстамъ былинъ. Въ виду того, что, по словамъ Калайдовича, рукопись была написана „безъ наблюденія орѳографіи и безъ раздѣленія стиховъ“ [1]), а въ изданіи 1818 г. вполнѣ соблюдена орѳографія и стихотворная форма, можно думать, что редакторъ стеръ въ своемъ изданіи многія интересныя черты оригинала, которыя, быть-можетъ, содержали діалектическіе оттѣнки, важные для опредѣленія мѣстности записи былинъ [2]).

Составленіе сборника приписывается Калайдовичемъ нѣкоему Киршѣ (Кириллу) Данилову на томъ основаніи, что, „по увѣренію“ перваго издателя Якубовича, имя Кирши Данилова стояло на первомъ, потерявшемся листѣ сборника, и что имя Кирилла Даниловича упоминается въ небольшой пѣснѣ (№ 36). Кто былъ Кирша Даниловъ — неизвѣстно, и гаданія Калайдовича, который считаетъ его казакомъ и даже старается опредѣлить его мѣсторожденіе и мѣстопребываніе, не имѣютъ никакого основанія. Высказывая предположеніе, что пѣсни для П. А. Демидова были *списаны* (то-есть съ готоваго рукописнаго оригинала), а не записаны со словъ, Калайдовичъ находитъ вѣроятнымъ, что „собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка“ [3]). Однако доказательства, почерпаемыя Калайдовичемъ для этого предположенія изъ текста пѣсенъ, не имѣютъ значенія, а письмо Прокопія Демидова къ историку Гергарду-Фридриху Миллеру, относящееся къ 22 октября 1768 года и изданное

---

[1]) Предисловіе, стр. II.

[2]) Это предположеніе подтверждается сдѣланнымъ А. М. Лободою сравненіемъ изданій Калайдовича и Якубовича. См. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1896 г., № 4, стр. 50—54.

[3]) Предисловіе, стр. VIII.

Digitized by Google

по подлиннику Шевыревымъ въ *Москвитянинѣ* [1]), положительно свидѣтельствуетъ, что пѣсни были записаны съ голоса сибирскихъ людей, а не переписаны съ готовой записи. Вотъ слова Демидова: „Въ присутствіе Ваше у меня благоволили мнѣ приказать прислать о селѣ Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ *сибирскихъ* людей, которые прошедшую исторію поютъ по голосу, которую при семъ къ Вашему Высокородію посылаю". Посланная Миллеру пѣсня напечатана въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ" подъ заглавіемъ: „Никитѣ Романовичу дано селю Преображенское" (№ 43), слѣдовательно, входила въ число пѣсенъ сборника.

На основаніи этого важнаго показанія мы должны признать, что во владѣніяхъ Демидова въ половинѣ XVIII вѣка „сибирскіе люди" пѣли былины и историческія пѣсни, изъ которыхъ былъ составленъ дошедшій до насъ сборникъ. Если мы припомнимъ, что во владѣніи семьи Демидовыхъ были верхотурскіе желѣзные заводы на рѣкѣ Невьѣ, къ которымъ еще при Петрѣ въ 1703 году были приписаны двѣ волости въ верхотурскомъ уѣздѣ (Пермской губ.), что основателю богатства этой семьи, Никитѣ Демидовичу, принадлежали также заводы на Уралѣ, что его сыномъ Акинѳіемъ Никитичемъ былъ возстановленъ судоходный путь по Чусовой, проведены дороги между заводами, основано нѣсколько поселеній по глухимъ мѣстамъ вплоть до Колывани (Томской губ.) и открыты знаменитые алтайскіе серебряные рудники, — то и не зная точно, отъ какихъ именно „сибирскихъ" людей были записаны былины для Прокопія Акинѳіевича, мы можемъ райономъ ихъ распространенія въ XVIII вѣкѣ считать сѣверо-восточныя части Пермской губерніи, южную Тобольской и Томской. Въ послѣдней губерніи, въ Алтайскомъ горномъ округѣ, записаны были еще въ 60—70-хъ годахъ нашего столѣтія превосходныя былины С. И. Гуляевымъ на заводахъ Сузунскомъ, Локтевскомъ и въ окрестностяхъ Барнаула.

Разсмотримъ теперь *западно-сибирскій* репертуаръ былинныхъ сюжетовъ и сравнимъ его съ олонецкимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ сибирскомъ, эпическая біографія Ильи Муромца представлена значительнымъ количествомъ былинъ. Извѣстны слѣдующіе сюжеты: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца въ Кіевъ [2]), 2) Илья и Тугаринъ [3]).

[1]) *Москвитянинъ*, 1854, № 1 и 2, отд. IV, стр. 9; см. также статью *Н. С. Тихонравова*: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, кн. VIII, стр. 13.

[2]) *Кирша Даниловъ*, № 46. *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 1.

[3]) *Кирѣевскій*, I, 56.

Digitized by Google

3) Илья и Калинъ-царь [1]), 4) Илья и сынъ [2]), 5) Илья, Добрыня и баба Горынинка [3]). О Добрынѣ Никитичѣ встрѣтились четыре былины: 1) Добрыня и Скименъ [4]), 2) Купанье и бой со змѣемъ [5]), 3) Добрыня и Марина [6]), 4) Добрыня и Алеша [7]). На извѣстность обоихъ послѣднихъ сюжетовъ въ Сибири указываетъ большая сводная былина, содержащая оба сюжета, записанная княземъ Костровымъ въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи [8]). Алеша Поповичъ является дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ былинахъ, изъ коихъ одна пространно разсказываетъ о его боѣ съ Тугариномъ [9]), другая — неизвѣстная въ олонецкомъ репертуарѣ — объ освобожденіи имъ родной сестры отъ татаръ [10]) (сюжетъ Михаила Казаринова).

Далѣе, какъ въ Олонецкой губерніи, по *одной* былинѣ извѣстно въ Сибири о слѣдующихъ лицахъ: Дунаѣ Ивановичѣ [11]), Василіѣ Казимировичѣ [12]), Михаилѣ Потыкѣ [13]), Иванѣ Годиновичѣ [14]), Соловьѣ Будимировичѣ [15]), Ставрѣ Годиновичѣ [16]), Иванѣ Гостиномъ сынѣ [17]), Суханьшѣ (Сухманѣ) [18]), Гордеѣ (Хотѣнѣ) Блудовичѣ [19]), Василіѣ Буслаевичѣ (2 былины) [20]), Василіѣ пьяницѣ [21]), Садкѣ купцѣ [22]), Дюкѣ Степановичѣ [23]), Чурилѣ Пленковичѣ [24]), гостѣ Терентіѣ [25]). Волхѣ

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 66; *Кирша Даниловъ*, № 24; *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 9 и № 12.
[2]) *Кирѣевскій*, I, 7; *Кирша Даниловъ*, № 47.
[3]) *Кирша Даниловъ*, № 47.
[4]) *Кирѣевскій*, II, 9; *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 18.
[5]) *Кирша Даниловъ*, № 45; *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 21.
[6]) *Кирша Даниловъ*, № 8.
[7]) *Кирша Даниловъ*, № 20.
[8]) Напечатана *Шейномъ* въ *Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, 1877, кн. III, отд. 2, стр. 9 — 16, и въ *Нашемъ* Сборникѣ, № 27.
[9]) *Тихонравовъ и Миллеръ*, № 28; *Кирша Даниловъ*, № 19.
[10]) *Кирѣевскій*, II, стр. 80.
[11]) *Кирѣевскій*, III, 56; *Кирша Даниловъ*, № 10.
[12]) *Наши*, № 37.
[13]) *Кирша Даниловъ*, № 22.
[14]) *Кирша Даниловъ*, № 15; *Наши*, № 42.
[15]) *Кирша Даниловъ*, № 1.
[16]) *Наши*, № 56 (ср. Енисейскую, № 57); *Кирша Даниловъ*, № 14.
[17]) *Кирша Даниловъ*, № 7; *Наши*, № 55.
[18]) *Наши*, № 54.
[19]) *Кирша Даниловъ*, № 16.
[20]) *Кирша Даниловъ*, № 9, № 18.
[21]) *Наши*, № 39.
[22]) *Кирша Даниловъ*, № 26.
[23]) *Кирша Даниловъ*, № 3.
[24]) *Кирша Даниловъ*, № 17; *Кирѣевскій*, IV, 87; *Наши*, № 45.
[25]) *Кирша Даниловъ*, № 2.

Digitized by Google

Всеславьичѣ [1]), Сорока каликахъ съ каликою [2]). При тщательномъ сличеніи этого былиннаго инвентаря съ олонецкимъ оказывается, что въ Западной Сибири до сихъ поръ не встрѣчались только слѣдующіе 4 сюжета, извѣстные онежскимъ сказителямъ: Встрѣча Ильи со Святогоромъ, Вольга и Микула Селяниновичъ, Данило Игнатьевичъ съ сыномъ и Василій Окульевичъ съ Соломономъ. Такъ же, какъ олонецко-архангельскому эпосу, Сибири извѣстна далѣе былина о кончинѣ богатырей [3]). Какъ бы взамѣнъ недостающихъ 4-хъ былинныхъ сюжетовъ, которые, быть-можетъ, еще найдутся гдѣ-нибудь въ Сибири, западно-сибирскій репертуаръ съ своей стороны содержитъ три былины, неизвѣстныя олонецкимъ сказителямъ. Таковы: Саулъ Леванидовичъ [4]), Суровецъ [5]) и Михайло Казариновъ (Казарятинъ) [6]). Такимъ образомъ, относя на долю случайности отсутствіе четырехъ былинныхъ сюжетовъ олонецкаго репертуара и наличность трехъ неизвѣстныхъ послѣднему, мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что тотъ же инвентарь былинъ, который въ 1860 — 1870 годахъ и позже былъ собранъ въ Олонецкой губерніи, былъ въ XVIII вѣкѣ извѣстенъ въ губерніяхъ Пермской и Томской и еще не вполнѣ былъ забытъ въ этихъ мѣстахъ въ 1860 — 1870 годахъ текущаго столѣтія.

Фактъ, установленный этимъ сличеніемъ обоихъ былинныхъ репертуаровъ, даетъ намъ возможность пойти къ дальнѣйшимъ выводамъ, имѣющимъ значеніе для исторіи распространенія былинныхъ сюжетовъ. Мы видимъ, насколько прочно и постоянно повторяются въ народѣ одни и тѣ же былевые сюжеты на такомъ огромномъ разстояніи, каковы на западѣ Заонежье, на востокѣ Алтайскій горный округъ Томской губерніи. Какъ сказители олонецкіе не создали ни одного новаго сюжета (за исключеніемъ пѣсни о Рахтѣ Рагнозерскомъ, о которой была рѣчь выше), такъ и въ числѣ сибирскихъ былинъ мы не нашли ни одного спеціально созданнаго въ Сибири сюжета. Очевидно, слѣдовательно, что тѣ и другія былины существовали почти въ томъ же видѣ и въ прошломъ и въ XVII вѣкѣ и вмѣстѣ съ колонизаціей Западной Сибири перешли сюда изъ сѣверныхъ частей Европейской Россіи. Имѣемъ ли мы право, въ виду этого совпаденія сибирскаго репер-

---

[1]) *Кирша Даниловъ*, № 6.
[2]) *Кирша Даниловъ*, № 23.
[3]) *Кирѣевскій*, VI, 108.
[4]) *Кирша Даниловъ*, № 25.
[5]) *Кирѣевскій*, IV, прил., стр. XXVII, зап. въ Минус. округѣ Енисейской губ.
[6]) *Кирша Даниловъ*, № 21; *Наши* былины, № 41.

Digitized by Google

туара съ олонецкимъ, говорить, что нашъ былевой эпосъ понесъ значительныя утраты въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ послѣднихъ столѣтій своего существованія? Едва ли. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что современныя записи былинъ и сборникъ Кирши Данилова сохранили намъ приблизительно въ полномъ видѣ тотъ инвентарь былинъ, который былъ извѣстенъ въ сѣверныхъ великорусскихъ областяхъ въ XVIII и даже въ XVII столѣтіяхъ. Мы говоримъ *приблизительно* потому, что утрату нѣсколькихъ, вѣроятно, малопопулярныхъ и неважныхъ по содержанію былинъ мы должны допустить. На это существуютъ нѣкоторыя указанія, изъ которыхъ приведу слѣдующія. Историкъ Татищевъ въ одномъ примѣчаніи по поводу воеводы Владимира Путяты говоритъ: „О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путятъ, токмо иной; въ пѣсняхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владимира тако поютъ: „Противъ двора Путятина, противъ терема Зыбатина, стараго Путята темный лѣсъ", изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ" [1]). Итакъ, если вѣрить Татищеву, то въ его время пѣлась скоморохами какая-то пѣсня, въ которой поминался Путята, неизвѣстный дошедшимъ до насъ былинамъ. Ближе къ нашему времени находимъ такое же указаніе на утрату одного или двухъ сюжетовъ въ замѣчаніяхъ Рыбникова. Извѣстный сказитель Трофимъ Рябининъ сообщилъ собирателю, что онъ научился нѣкоторымъ былинамъ отъ какого-то петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напримѣръ, было записано, какъ Добрынюшкѣ пôкрутъ (нарядъ) понадобился для князя Владимира, и какъ Добрыня ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями (въ былинахъ этотъ эпизодъ (?) не встрѣчается). Отъ того же Кокотина Рябининъ слышалъ о Гальякѣ Невѣрномъ, Ѳедорѣ Ивановѣ и *сынѣ* Владимировѣ и могъ только вкратцѣ передать Рыбникову сюжетъ этой не дошедшей до насъ былины [2]).

Точно такъ же сказитель былинъ изъ Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи, Иванъ Яковлевъ Гусевъ говорилъ Гильфердингу въ 1871 году, что онъ въ прежніе годы зналъ былину про Мирошку богатыря, который побѣдилъ бабу-ягу. Имя этого богатыря въ былинахъ неизвѣстно [3]).

---

[1]) Исторія Россійская, ч. I, стр. 50.

[2]) См. *Рыбниковъ*, Ш, стр. XXI.

[3]) *Русская Старина*, 1871 г., т. IV, стр. 451—452, въ ст. *Гильфердинга:* «Пѣвецъ былинъ въ Петербургской губерніи».

Digitized by Google

Но эти примѣры утратъ одиночныхъ былинъ едва ли могутъ оправдывать слишкомъ преувеличенное понятіе о прежнемъ богатствѣ нашего эпоса по числу сюжетовъ. Если бы былинныхъ сюжетовъ, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ, существовало значительно больше, чѣмъ въ настоящее время, то, съ одной стороны, мы должны были бы найти въ Сибири *много* такихъ былинъ, которыя неизвѣстны въ Олонецкой губерніи, чего не оказывается при сличеніи обоихъ репертуаровъ, съ другой — должны были бы въ „Исландіи" нашего эпоса, въ самой Олонецкой губерніи, гдѣ эпическая *традиція* дожила до нашихъ дней, гдѣ Гильфердингъ выслушалъ до 70 сказителей и сказительницъ, ожидать гораздо большаго числа сюжетовъ, чѣмъ то (отъ 35—40), которое дошло до насъ въ слишкомъ 300 записяхъ. Поэтому нужно думать, что уже въ XVII вѣкѣ, вѣроятно, во второй его половинѣ, окончился періодъ созданія *новыхъ* былинъ, пресѣклось пополненіе раньше извѣстнаго былиннаго репертуара, и его дальнѣйшая исторія сводится къ двумъ процессамъ: распространенію на востокъ, въ Сибирь, вмѣстѣ съ усиленною колонизаціей этого края и къ постепенному искаженію былинъ вслѣдствіе отсутствія прочной традиціи, которая еще, повидимому, существовала въ началѣ прошлаго столѣтія въ средѣ странствующихъ „веселыхъ людей" — скомороховъ.

Отношеніе западно-сибирскаго былиннаго инвентаря къ тому, который въ XVII вѣкѣ былъ распространенъ въ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ (Олонецкой, Архангельской, Вологодской), находится въ непосредственной связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ русскаго населенія въ Сибирь. Историческія справки доказываютъ, что главный контингентъ великоруссовъ, колонизовавшихъ западныя области Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, получался преимущественно изъ сосѣднихъ губерній Европейской Россіи. Извѣстно, что первое знакомство русскаго населенія съ богатствами Пермскаго края, нѣкогда сплошь заселеннаго финскимъ племенемъ, было положено предпріимчивыми новгородскими промышленниками. „Для новгородцевъ страна эта была настоящей находкой; богатство мягкой рухляди давало имъ неистощимую и чрезвычайно прибыльную статью для торговли" [1]). Уже съ половины XIII вѣка, когда въ грамотахъ новгородскихъ появляется названіе Перемь, началась постепенная колонизація края, непрерывно продолжавшаяся до завоеванія и утвержденія русскаго господства въ Сибири. Когда съ паденіемъ новгородской независимости дѣло упра-

[1]) См. Пермскій Сборникъ, 1859, кн. I, статья *А. Крупенина:* Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края, стр. 7.

Digitized by Google

вленія краемъ переходитъ къ Москвѣ, населеніе, двигавшееся для заселенія Перми, шло туда главнымъ образомъ изъ прежнихъ новгородскихъ вотчинъ. Такъ, по сохранившимся преданіямъ и нѣкоторымъ отрывочнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, говоритъ г. Крупенинъ, можемъ безошибочно заключить, что оба древнѣйшіе города Пермской губерніи — Чердынь и Соликамскъ — происхожденіемъ своимъ обязаны выходцамъ новгородскимъ, вологодскимъ и другимъ. Преданіе мѣстныхъ жителей Чердыни прямо приписываетъ основаніе этого города выходцамъ новгородскимъ [1]). Первоначальное населеніе Соликамска, пришедшее, какъ думаютъ, изъ Вологодской губерніи, было во 2-й половинѣ XVI вѣка дополнено множествомъ выходцевъ изъ Балахны, Вологды, Устюга, Вятки, Чебоксаръ, Бѣлоозера, Холмогоръ, изъ Чердыни, Москвы, Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, съ Вычегды, Двины и Пинеги, какъ можно судить по исцовымъ книгамъ Кайсарова 1624 г., гдѣ многіе изъ жителей Соликамска обозначены одними именами съ придачей, вмѣсто фамиліи, слова *пришлецъ* такой-то: вологжанинъ и пр. [2]). Выходцы изъ сосѣдней Вологодской области влеклись въ Пермскую страну главнымъ образомъ возможностью съ большою выгодою продолжать здѣсь свой наслѣдственный промыселъ — солевареніе, которое въ Вологодской области привилось изстари [3]). Именитые люди Строгановы, такъ много сдѣлавшіе для колонизаціи и цивилизаціи Пермскаго края, были родомъ изъ Сольвычегодска. Послѣ покоренія Сибири московское правительство направляетъ всѣ усилія для заселенія края русскимъ элементомъ, огражденія его отъ нападеній инородцевъ, отысканія лучшаго пути черезъ Уральскія горы и эксплуатаціи естественныхъ богатствъ. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ (въ 1595 г.) пролагается дорога отъ Соликамска до Верхотурья, при Борисѣ Годуновѣ основывается городъ Верхотурье и образовано верхотурское воеводство. Для скорѣйшаго заселенія края правительство неоднократно вызываетъ *охочихъ* людей изъ Перми, Вятки и другихъ мѣстъ [4]), вслѣдствіе чего уже въ 1-й половинѣ XVII вѣка за Ураломъ появляются многія русскія слободы, заселенныя выходцами изъ Вологды, Тотьмы, Устюга, Вятки, Кайгорода, Чердыни, Соликамска [5]). Кромѣ сравнительнаго приволья новыхъ мѣстъ, дѣвственности почвы, богатства промыс-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 37, примѣч. 27.
[3]) Тамъ же, стр. 13.
[4]) Тамъ же, стр. 21.
[5]) Тамъ же, стр. 24.

Digitized by Google

ловъ, побужденіемъ для значительной части населенія сѣверной Россіи къ переселенію въ Сибирь служило религіозное преслѣдованіе. Обширные пермскіе и сибирскіе лѣса представляли раскольникамъ и сектантамъ всѣ средства, чтобъ укрыться отъ преслѣдованія. Знатокъ заселенія Томской губерніи, покойный этнографъ С. И. Гуляевъ, записавшій немало превосходныхъ былинъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ, занимающемъ самую большую часть этой губерніи, утверждаетъ, что первоначальное русское населеніе тамошняго края образовалось *преимущественно* изъ жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерній. Эти выходцы стали переселяться въ южную Сибирь въ началѣ XVIII вѣка, привлеченные столько же выгодами жизни, сколько и возможностью отправлять, по правиламъ разныхъ раскольничьихъ сектъ, религіозные обряды въ такъ называемыхъ *пустыняхъ,* устраиваемыхъ въ дремучихъ лѣсахъ... Переселяясь туда, они уносили съ собою преданія старины о Владимирѣ и богатыряхъ его, которыя и передавались изъ рода въ родъ, сохранившись донынѣ, точно такъ же, какъ и многіе, забытые уже въ другихъ мѣстахъ, обряды и обычаи, чему способствовали прежде и способствуютъ въ настоящее время [1]) отдаленность этого края, недостатокъ торговыхъ путей, совершенное несуществованіе мануфактурной промышленности и крайняя неохота, кромѣ нѣкоторыхъ весьма ограниченныхъ случаевъ, оставлять родину [2]).

Помимо историческихъ указаній на этнографическій составъ населенія юго-западной Сибири, такія указанія можно было бы ожидать отъ русской діалектологіи. Къ сожалѣнію, по заявленію проф. А. И. Соболевскаго, Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти неизвѣстна [3]). Извѣстно только, что сибирскіе діалекты принадлежатъ къ сѣверно-великорусскому, или окающему поднарѣчію русскаго языка. Такъ какъ главная часть русскаго населенія Сибири состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего окающаго и цокающаго сѣвера, то ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Пермской губ., и разница между ними состоитъ по преимуществу въ словарномъ матеріалѣ [4]). Мы уже упомянули, что сибирскій сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову, въ изданіи Калайдовича

---

[1]) Свѣдѣніе относится къ половинѣ 50-хъ годовъ.

[2]) См. Памятники великорусскаго нарѣчія, 1855 г., стр. 74.

[3]) См. его Очеркъ русской діалектологіи. Сѣверно-великорусское, или окающее поднарѣчіе. *Живая Старина,* 1892 г., вып. II, отд. I, стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 25.

Digitized by Google

не даетъ никакого, кромѣ словарнаго, матеріала для діалектологическихъ заключеній. Къ сожалѣнію, и покойный С. И. Гуляевъ, повидимому, не особенно тщателенъ въ сохраненіи діалектическихъ особенностей текстовъ записанныхъ имъ былинъ. Въ своей замѣткѣ, напечатанной въ приложеніи къ былинамъ, доставленнымъ имъ въ Академію Наукъ въ 50-хъ годахъ, онъ дѣлаетъ только слѣдующую весьма краткую характеристику говора русскаго населенія Алтайскаго округа: „Говоръ народа есть тотъ же, что и въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Европейской Россіи, грубый для непривычнаго къ нему уха — по выбрасыванію изъ окончательнаго слога глаголовъ во второмъ и въ третьемъ лицѣ единственнаго числа и въ первомъ множ. настоящаго времени звука *е*, напримѣръ: вмѣсто: знаешь, знаетъ, знаемъ — *знашь, знатъ, знамъ*, — по буквѣ *о*, вездѣ удерживающей присвоенный ей звукъ; наконецъ, по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ. Употребленіе вмѣсто *о* буквы *а* тамъ называется *рѣчью свысока*“ [1]). Въ текстѣ же записанныхъ Гуляевымъ былинъ мы находимъ только немногіе діалектическіе оттѣнки, какъ, напримѣръ: формы глагольныя съ выпущеніемъ *е* послѣ *а: подниматъ, отворятъ, отвязыватъ, оставлятъ* и друг.; исходъ род. пад. ед. ч. м. и ср. р. прилагательныхъ — *ова: зеленова, молодова, широкова, пьянова* и проч. (хотя обычны и формы на *-аго, -ого*); группу *шш* вмѣсто щ: *ишшо* (еще), *змѣишшо, шшока* (щека), *кожишшо, вѣшшая* (вѣщая); переходъ ч въ *ш* передъ *н* въ суффиксѣ: *пешной* (печной), *Митревишна* и др.; сохраненіе древняго *ь* передъ группой *ск* въ суффиксѣ: *русьская*. Въ синтактическомъ отношеніи можно отмѣтить употребленіе именит. пад. при неопредѣленномъ наклоненіи, бытующее доселѣ въ говорѣ Олонецкой и друг. сѣверныхъ губерній, напримѣръ: „потерять тебѣ будетъ буйна голова; потерять то намъ будетъ слава добрая“ и друг. Перечисленныя выше *фонетическія* черты входятъ въ число особенностей говоровъ губерній: Вятской, Вологодской, Олонецкой, Петербургской, Архангельской и др., но болѣе рѣзкихъ чертъ цокающихъ говоровъ, напримѣръ, мѣны *ц* и *ч* (цоканья), *ч* и *ц* (чаканья), употребленія *и* вмѣсто *ѣ*, мы въ записяхъ Гуляева не находимъ, точно такъ же, какъ употребленія формъ род. ед. ж. р. на *ы* вмѣсто формъ дат.-мѣсты. (къ жоны) и формъ дат. множ. вмѣсто формы твор. (ходить ногамъ) и нѣкоторыхъ другихъ особенностей, свойственныхъ цокающимъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ.

---

[1]) Памятники великорусскаго нарѣчія, стр. 74.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, діалектическія данныя, хотя и скудныя, наблюденныя въ Сибири, подтверждаютъ факты, извѣстные намъ изъ исторіи ея заселенія. Южная Сибирь и по говору населенія, и по былинному репертуару является непосредственнымъ продолженіемъ сѣверо-восточной полосы Европейской Россіи — края, колонизованнаго нѣкогда главнымъ образомъ новгородскими славянами, и сохранила доселѣ, какъ колонія, то духовное достояніе эпической старины, которымъ обладало населеніе европейской родины въ XVII столѣтіи.

Если по числу былинныхъ сюжетовъ западно-сибирскій репертуаръ почти не уступаетъ олонецкому, то по живучести былинной традиціи оба края не могутъ быть поставлены на одинъ уровень. Мы не знаемъ, много ли было во времена П. Демидова такихъ сибирскихъ людей, которые „прошедшую исторію пѣли по голосу", но въ XIX столѣтіи сибирскимъ этнографамъ встрѣчались лишь отдѣльныя лица, знавшія по двѣ, по три былины. Какъ рѣдкое для Сибири явленіе можно отмѣтить, что С. И. Гуляеву удалось въ окрестностяхъ Барнаула (въ Алтайскомъ горномъ округѣ) встрѣтить крестьянина Леонтія Тупицына, пѣвшаго значительное количество былинъ [1]). Пѣвецъ наслѣдовалъ свой репертуаръ отъ отца, который въ свою очередь перенялъ его отъ дѣда. Прадѣдъ Тупицына вышелъ откуда-то изъ Россіи на р. Ишимъ, а потомъ, по основаніи А. Н. Демидовымъ Барнаульскаго завода, поселился въ тѣхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ другими выходцами. Такимъ образомъ въ семьѣ Тупицына хранились былины въ теченіе трехъ поколѣній, переходя отъ отца къ сыну. Другихъ примѣровъ такой прочности традиціи въ Сибири намъ неизвѣстно.

Въ совершенно иномъ положеніи застали, какъ извѣстно, былинную традицію Рыбниковъ и Гильфердингъ въ тѣхъ же 60 годахъ въ Олонецкой губерніи. По словамъ Рыбникова, здѣсь былины сохранились между русскимъ населеніемъ уѣздовъ Петрозаводскаго, Пудожскаго, Каргопольскаго и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Повѣнецкаго, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго... Въ первыхъ трехъ уѣздахъ и той части Повѣнецкаго, которая прилегаетъ къ Пудожскому побережью, старины *очень* распространены. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинъ и именами нѣкоторыхъ богатырей. Въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго

[1]) Тупицынъ зналъ нѣсколько былинъ про Илью Муромца (2), Добрыню Никитича, Ивана Годеновича, Ставра Годеновича, Михаила Казарятина, Василія Казимировича и пѣсни про Ивана Грознаго, Михайла Скопина, князя Волконскаго. О Тупицынѣ см. Былины старой и новой записи, отд. II, приложеніе, стр. 269 — 271.

Digitized by Google

смышленаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины, и хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ, однако, при случаѣ, вдругъ припомнитъ какую-нибудь былевую пѣсню [1]). Предпринимая поѣздку въ Заонежье по слѣдамъ Рыбникова, Гильфердингъ нисколько не разсчитывалъ значительно дополнить былинный инвентарь своего предшественника и тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ записалъ 318 пѣсенъ и прослушалъ 70 пѣвцовъ и пѣвицъ. По его наблюденіямъ, былинная традиція, ослабѣвая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣлаетъ завоеванія въ другихъ, напримѣръ, на сѣверо-востокъ отъ Онежскаго озера (на Водлозерѣ), гдѣ эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ [2]). Изслѣдователи, ѣздившіе послѣ Гильфердинга въ Олонецкую губернію, Ѳ. М. Истоминъ, В. Н. Харузина, Г. И. Куликовскій, также указываютъ на живучесть былинной традиціи среди крестьянъ, на глубокій интересъ ихъ къ „старинушкамъ", на уваженіе, которымъ пользуются хорошіе сказители, и т. п.

Для объясненія необычайной распространенности знакомства олонецкихъ крестьянъ со всѣмъ содержаніемъ нашего былевого эпоса мы уже высказали въ видѣ предположенія, что предки ихъ сохранили старинное достояніе новгородской духовной культуры, которой мы склонны приписать важную роль въ созданіи и распространеніи былинъ. Чтобъ провѣрить и подтвердить это предположеніе, считаемъ нужнымъ еще разъ вернуться къ обзору былиннаго репертуара олонецкихъ сказителей, разобраться среди перечисленныхъ выше 35—40 сюжетовъ, подраздѣлить ихъ на группы и разсмотрѣть, какіе изъ нихъ исключительно извѣстны въ сѣверной половинѣ Россіи и какіе пользовались болѣе широкимъ распространеніемъ.

Общепринятое дѣленіе былинъ на два цикла — кіевскій съ именемъ князя Владимира и новгородскій — не даетъ никакихъ ни хронологическихъ, ни географическихъ показаній относительно сложенія былинъ. Давно уже уяснено, что присутствіе имени Владимира и прикрѣпленіе мѣста дѣйствія былины къ Кіеву не говоритъ ничего въ пользу давности ея сложенія, такъ какъ Кіевъ и князь Владимиръ вставлялись по готовому шаблону, и былина съ этими именами могла быть слагаема и въ XV, и въ XVI, и даже въ XVII столѣтіяхъ сказителями, не видавшими Кіева, а проживавшими гдѣ-нибудь въ сѣверныхъ городахъ. Точно такъ же, говоря о новгородскомъ эпосѣ, его ограничиваютъ

[1]) *Рыбниковъ*, III, стр. LI — LII.
[2]) Онежскія былины, стр. XXXI.

Digitized by Google

двумя-тремя былинами о Садкѣ, Василіи Буслаевѣ, въ которыхъ дѣйствіе совершается въ Новгородѣ. Но ничто не препятствуетъ намъ допустить, что въ Новгородской области, или въ новгородскомъ культурномъ районѣ, могли быть слагаемы былины, не прикрѣпленныя содержаніемъ къ Новгороду или прикрѣпленныя къ Кіеву и его эпическому князю. Въ виду этихъ соображеній я считаю болѣе цѣлесообразнымъ различать былины не по присутствію въ нихъ именъ Кіева и Новгорода, а по характеру ихъ содержанія. Съ этой точки зрѣнія намѣчаются, какъ указано выше[1]), въ нашемъ былинномъ репертуарѣ *два* крупные отдѣла: былины *богатырскаго* характера и былины *не воинскаго* характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фабліо.

Посмотримъ теперь, сообразуясь съ мѣстами записей, какіе лица и сюжеты нашего эпоса пользовались бо̀льшей, какіе меньшей извѣстностью въ разныхъ областяхъ Россіи.

Изъ извѣстныхъ олонецкому и сибирскому репертуару былинъ объ Ильѣ Муромцѣ далеко не всѣ нашлись у южныхъ великоруссовъ. Весьма популярно похожденіе Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ: былины этого содержанія были записываемы въ губерніяхъ Московской, Нижегородской и Симбирской, и рано перешли въ лубочную „Исторію". Встрѣча Ильи съ разбойниками, происходящая по нѣкоторымъ версіямъ при первомъ выѣздѣ Ильи въ Кіевъ, составляетъ нерѣдко содержаніе отдѣльной небольшой пѣсни, которая, войдя въ репертуаръ пѣсенъ разбойничьихъ и казацкихъ, распространилась далеко по Волгѣ, Яику и Тереку. Пѣсни объ этомъ были записаны въ губерніяхъ: Московской, Рязанской, Симбирской, на Уралѣ и въ станицахъ Терской области. Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ-кораблѣ, записанная въ губерніи Саратовской, на Уралѣ и въ Сибири, но неизвѣстная олонецкимъ сказителямъ, также продуктъ творчества волжскихъ разбойниковъ. Имя Ильи внесено въ нее лишь въ нѣкоторыхъ версіяхъ, какъ въ другихъ — имя Стеньки Разина. Бой Ильи съ сыномъ записанъ только въ Уфимской губерніи. Что же касается прочихъ подвиговъ популярнѣйшаго русскаго богатыря, каковы: бой съ Идолищемъ, съ Жидовиномъ, съ Калиномъ (Мамаемъ, Батыгой), три поѣздки, — то былины этого содержанія извѣстны исключительно на сѣверѣ въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской и отчасти въ Сибири.

Былины о другомъ популярнѣйшемъ богатырѣ Добрынѣ пользуются не меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ былины объ Ильѣ Муромцѣ.

---

[1]) См. очеркъ, II, стр. 30.

Digitized by Google

Всего чаще встрѣчаются былины о любовномъ похожденіи Добрыни съ Мариной (есть записи изъ губерній: Московской, Симбирской, Уфимской и изъ области Уральскаго казачьяго войска) и о неудачной попыткѣ Алеши жениться на женѣ Добрыни (записи въ губерніяхъ: Нижегородской, Симбирской, Саратовской, на Уралѣ).

Былина о змѣеборствѣ Добрыни была записана только въ Симбирской губерніи, гдѣ, замѣтимъ кстати, имя Добрыни вставлено въ безыменную пѣсню о молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ [1]), такой же случай, какъ вставка имени Ильи въ пѣсню о Соколѣ-кораблѣ. Любопытно также, что обособившійся въ небольшую пѣсню *запѣвъ* былинъ о рожденіи Добрыни съ чуднымъ звѣремъ Скименомъ, выбѣгающимъ на Днѣпръ, пользовался довольно значительною популярностью. Пѣсня о Скименѣ была записана въ губерніяхъ: Тульской, Уфимской, области Уральскихъ казаковъ, а въ Томской губерніи, по свидѣтельству Г. Н. Потанина, подъ эту пѣсню казаки маршируютъ.

Алеша Поповичъ, какъ *богатырь,* неизвѣстенъ за предѣлами сѣверной полосы Россіи. Былина о его боѣ съ Тугариномъ была записана въ Архангельской и Томской губерніяхъ, зашла на крайній востокъ Сибири, въ Якутскую область [2]), попала вмѣстѣ съ казаками на Терекъ, но ни разу не встрѣчалась въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ великорусскихъ. Здѣсь иногда, какъ мы выше указали, встрѣчалась только былина о попыткѣ Алеши жениться на женѣ Добрыни. Въ губерніяхъ Московской, Орловской, Тульской извѣстна пѣсня, въ которой братья (не названые) хвастаются своей сестрой, а Алеша Поповичъ объявляетъ, что онъ ея любовникъ, вслѣдствіе чего братья убиваютъ сестру [3]). Достаточно сравнить эту пѣсню съ пересказомъ того же содержанія, записаннымъ въ Архангельской губерніи (въ Шенкурскѣ) [4]), чтобъ убѣдиться, до какой степени характеръ „былины" и стихъ стерты въ пѣснѣ, записанной въ центральныхъ губерніяхъ. Тотъ же сюжетъ, обработанный въ Архангельской губерніи въ былину кіевскаго цикла, то-есть съ прикрѣпленіемъ событія къ пиру Владимира въ Кіевѣ, является въ центральныхъ губерніяхъ безъ былинной обстановки, безъ прикрѣпленія къ извѣстному мѣсту и времени. Видно, что въ этихъ полосахъ Россіи былины были мало извѣстны населенію.

---

[1]) *Кирѣевскій,* II, 61.
[2]) *Нашъ* сборникъ, № 29.
[3]) См. *Кирѣевскій,* II, стр. 64 — 67.
[4]) *Кирѣевскій,* II, стр. 67.

Digitized by Google

Если уже о главныхъ богатыряхъ нашего эпоса сохранилось лишь незначительное число былинъ внѣ предѣловъ Олонецкой, Архангельской губерній и Западной Сибири, то остальныя эпическія лица почти неизвѣстны южной половинѣ великоруссовъ. Среди нихъ до сихъ поръ не встрѣчались былины о Дунаѣ Ивановичѣ, Михаилѣ Казариновѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Сухманѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Садкѣ богатомъ гостѣ, Василіѣ Буслаевѣ, Волхѣ Всеславьичѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, Святогорѣ-Самсонѣ, и, кажется, нѣтъ надежды, чтобы былины объ этихъ лицахъ когда-нибудь попали въ запись этнографа. Скудные остатки былинъ о нѣкоторыхъ другихъ эпическихъ лицахъ, правда, попадались изрѣдка, но, замѣтимъ, только въ приволжскихъ губерніяхъ, какъ этапы, свидѣтельствующіе о пути, которымъ расходились пѣсни въ средѣ шумной и пѣснолюбивой вольницы, кормившейся Волгою. Такъ, въ Нижегородской губерніи встрѣтился одинъ пикантный эпизодъ изъ былины о Чурилѣ, который въ пѣснѣ названъ Чуривой [1]), и въ этой мѣстности были записаны двѣ былины о Василіѣ Казнѣровичѣ [2]). Отрывокъ одной былины о Василіѣ Буслаевичѣ оказался недавно въ Москвѣ, въ мѣщанской средѣ; но происхожденіе его крайне сомнительно: быть-можетъ, онъ восходитъ уже къ книжкѣ [3]).

Спрашивается: чѣмъ объяснить эту скудость былинъ въ центральныхъ и южныхъ великорусскихъ губерніяхъ? Жило ли населеніе этихъ областей Россіи болѣе подвижной духовной жизнью, чѣмъ населеніе сѣвера, испытало ли оно въ своемъ быту много существенныхъ и глубокихъ перемѣнъ, отвлекшихъ его симпатіи отъ древнихъ сказаній о богатыряхъ и направившихъ его мысли къ новымъ пѣсеннымъ сюжетамъ? Заглушилъ ли гнетъ крѣпостного права, царившаго во всей силѣ въ этихъ полосахъ Россіи, въ народѣ память о нѣкогда созданныхъ имъ идеалахъ свободной народной силы? Или, быть-можетъ, былевой эпосъ и раньше, въ прежнія столѣтія, напримѣръ въ XV, XVI вѣкахъ, былъ менѣе распространенъ въ предѣлахъ Московскихъ, Суздальскихъ, Рязанскихъ, не говоря уже объ областяхъ, гдѣ южные великоруссы сосѣдили съ малоруссами, чѣмъ среди сѣверныхъ великоруссовъ?

Нѣкоторую утрату въ области стариннаго пѣсеннаго репертуара вообще, конечно, слѣдуетъ приписать перемѣнамъ, происшедшимъ въ

---

[1]) *Кирѣевскій*, IV, 86.
[2]) *Кирѣевскій*, IV, стр. 90 и 93.
[3]) *Нашъ* сборникъ, № 64.

Digitized by Google

быту населенія въ XVIII и особенно въ XIX вѣкахъ вслѣдствіе развитія фабричной промышленности, постройки желѣзныхъ дорогъ, введенія земскихъ учрежденій, распространенія грамотности, а также нѣкоторымъ другимъ факторамъ, повліявшимъ на измѣненія въ матеріальномъ и духовномъ быту простонародья. Но едва ли однимъ этимъ объясненіемъ можно удовлетвориться. Трудно было бы понять, почему въ тѣхъ губерніяхъ, изъ которыхъ у насъ почти нѣтъ записей былинъ, были однако записываемы, и въ немаломъ количествѣ, такъ называемыя историческія пѣсни московскаго цикла (объ Иванѣ Грозномъ, Скопинѣ Шуйскомъ, Лжедмитріѣ и проч.), какъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ сборники пѣсенъ Кирѣевскаго, Шейна, Костомарова и др. Почему бы, спрашивается, тому населенію, которое пѣло пѣсни о Грозномъ, не сохранить интереснѣйшихъ по содержанію былинъ о Садкѣ, о Василіѣ Буслаевѣ, о Дюкѣ Степановичѣ и другихъ эпическихъ лицахъ, если бы такія пѣсни дѣйствительно были когда-то среди него распространены? Но въ этомъ-то и можно сомнѣваться. Полное незнакомство крестьянъ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ губерній не только съ былинами о перечисленныхъ выше богатыряхъ, но даже съ именами послѣднихъ скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что былинный репертуаръ въ этихъ областяхъ былъ, съ одной стороны, искони бѣднѣе сѣвернаго, съ другой — отличался отъ послѣдняго нѣкоторыми сюжетами и лицами.

На основаніи наличныхъ записей мы можемъ утверждать, что только *три* главные богатыря нашего эпоса — Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ — пользовались популярностью у южныхъ великоруссовъ; большинство же другихъ лицъ сѣвернаго былиннаго репертуара либо осталось имъ неизвѣстнымъ, либо былины о нихъ были такъ рѣдки, что почти не оставили слѣдовъ въ ихъ памяти. Что многія былины, возникшія на сѣверѣ, не заходили далеко на югъ, подтверждается и обратнымъ явленіемъ: въ столь богатомъ олонецкомъ былинномъ репертуарѣ, совмѣстившемъ въ себѣ и новгородскія былины, и такъ называемыя былины Владимирова цикла, также слагавшіяся какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Суздальщинѣ, и историческія пѣсни Московскаго царскаго періода, мы однако не находимъ нѣкоторыхъ былинъ, извѣстныхъ южнымъ великоруссамъ.

Лучшіе олонецкіе сказители ничего не знаютъ о Данилѣ Ловчанинѣ, богатырѣ Суровцѣ-Суздальцѣ и о Саулѣ Леванидовичѣ. Оба извѣстные намъ пересказа первой былины записаны въ предѣлахъ прежней Московской Руси — одинъ въ губерніи Нижегородской, дру-

Digitized by Google

гой — въ Симбирской [1]). Если подтвердится высказанная мною догадка, что былина о Данилѣ Ловчанинѣ находится въ связи съ суздальско-московскими сказаніями объ убіеніи князя Данилы Александровича, на имя котораго были перенесены черты убіенія Андрея Боголюбскаго [2]), то и былинѣ слѣдуетъ приписать сложеніе въ Суздальщинѣ, для которой преданіе о князѣ Данилѣ представляло мѣстный интересъ. Этимъ бы объяснилось, почему былина не вышла далеко за предѣлы области сложенія, не проникла въ сѣверный былинный репертуаръ. Что касается былинъ о Саурѣ Ванидовичѣ и Суровцѣ, тѣсно связанныхъ между собою, то, какъ я старался уяснить въ моей статьѣ о нихъ [3]), мнѣ представляется вѣроятнымъ восточное происхожденіе сюжета, положеннаго въ ихъ основу. Особенно ярки заносныя черты въ былины о Саурѣ: напомнимъ, что Сауръ носитъ татарское имя, является княземъ царства Астраханскаго, и сюжетъ ничѣмъ не прикрѣпленъ къ Кіеву и Владиміру. Нельзя при этомъ не отмѣтить и того обстоятельства, что былины о Саурѣ и Суровцѣ, неизвѣстныя олонецкому репертуару, занесены, однако, въ Сибирь: Саулъ Леванидовичъ попалъ въ сборникъ Кирши Данилова, одинъ пересказъ былины о Суровцѣ встрѣтился въ Енисейской губерніи [4]). Точно такъ же, какъ мы уже указали, былина о Михаилѣ Казариновѣ, принадлежащая сибирскому репертуару, неизвѣстна въ Олонецкой губерніи. Отсюда, кажется, слѣдуетъ заключить, что названныя былины были занесены въ Сибирь не изъ сѣверныхъ частей Европейской Россіи, а изъ центральныхъ или приволжскихъ. Если главный русскій элементъ населенія, колонизовавшій Западную Сибирь, и принадлежалъ сѣвернымъ великоруссамъ, то немало вольныхъ и невольныхъ поселенцевъ водворялось въ Сибири изъ другихъ частей Россіи.

Итакъ на основаніи извѣстныхъ доселѣ записей былинъ мы приходимъ къ предположенію, что уже въ XV, XVI столѣтіяхъ не всѣ области, населенныя великорусскимъ племенемъ, были равно богаты былевыми пѣснями и не всѣ сюжеты и эпическія лица сѣверной полосы Россіи были извѣстны въ южныхъ, центральныхъ и приволжскихъ областяхъ. Главнымъ очагомъ былиннаго творчества намъ представляются сѣверно-западныя части сѣверной полосы Россіи — мѣста, наиболѣе подчинен-

---

[1]) *Кирѣевскій*, III, стр. 28 и 32.

[2]) См. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ, XII: *Этнографическое обозрѣніе*, кн. XV.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1893 г., октябрь.

[4]) *Кирѣевскій*, IV, стр. XXVII.

Digitized by Google

ныя древне-новгородскому культурному вліянію. Полнота сюжетовъ и живучесть эпической традиціи въ Олонецкой губерніи показываютъ, что этотъ край Россіи воспринялъ, вслѣдствіе своей близости къ Новгороду, всего полнѣе старинный былинный репертуаръ. Обиліе эпическихъ пѣсенъ поддерживало въ населеніи интересъ къ нимъ и стремленіе къ дальнѣйшему пріумноженію наслѣдованнаго богатства. Сказители, знавшіе старинныя былины, при случаѣ разучивали и пускали въ оборотъ новые, доходившіе до нихъ, историческіе сюжеты, запоминая ихъ тѣмъ легче, что были хорошо знакомы съ обычными пріемами эпическаго склада. Мы видѣли, что среди олонецкихъ сказителей дѣлались попытки обработывать въ форму былины мѣстныя преданія (Рахта Рагнозерскій). Насколько быстро въ XVII вѣкѣ пѣсни историческія, слагавшіяся въ Москвѣ, приходили на сѣверъ, можно судить изъ любопытнаго показанія Олеарія. Онъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что во время его пребыванія въ Ладогѣ (на пути въ Москву), 23-го іюля 1633 г., на поклонъ къ голштинскимъ посламъ пришли двое русскихъ съ лютней и гудкомъ (очевидно, скоморохи), „начали играть и пѣть пѣсни въ честь великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича“ [1]). Къ сожалѣнію, по незнанію языка, Олеарій не могъ сообщить точнѣе содержаніе этихъ пѣсенъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но мы все же можемъ сдѣлать хоть то заключеніе, что ладожскіе скоморохи усвоили московскую пѣсню, сложенную, вѣроятно, за немного лѣтъ передъ 1633 годомъ, и, какъ патріотическую и новую, исполнили ее передъ голштинскимъ посольствомъ. Есть еще другое не менѣе любопытное указаніе на богатство былиннаго репертуара Олонецкой губерніи въ XVII столѣтіи, которое приводитъ Е. В. Барсовъ. Рукопись *начала* XVII вѣка, въ которой среди другихъ статей найдено имъ „Сказаніе о Кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ“, принадлежала, судя по записямъ на ней, жителямъ Турчасовской волости, Каргопольскаго уѣзда, Каменевымъ — сыну, отцу и дѣду, и была написана въ тѣхъ же мѣстахъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Барсова, которое намъ кажется весьма правдоподобнымъ, „исторія русской литературы первую древнѣйшую записанную былину получаетъ изъ того же сѣвернаго края, гдѣ собраны богатства живого былевого творчества Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и др.“ [2]). Естественно, что въ тѣхъ мѣстахъ,

---

[1]) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства и пр., переводъ *П. Барсова*. Москва, 1870, стр. 26.

[2]) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка (прил. къ XL тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*, № 5, стр. 6).

Digitized by Google

гдѣ было обиліе „старинъ“, могла какому-нибудь грамотному человѣку прійти мысль рядомъ съ „Путникомъ Коробейникова на востокъ“ записать извѣстную въ его мѣстахъ народную былину о томъ, какъ кіевскіе богатыри ходили въ Царьградъ, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ записавшаго былина имѣла такую же историческую достовѣрность, какъ хожденіе Коробейникова.

Выше мы указали, что значительное большинство былинъ, извѣстныхъ олонецкому репертуару, не было знакомо населенію коренныхъ Суздальско-Владимирскихъ областей. Примѣняясь къ предложенному выше дѣленію былинныхъ сюжетовъ на двѣ группы, мы увидимъ, что, главнымъ образомъ, именно былины *небогатырскаго* содержанія не выходили за предѣлы сѣверныхъ частей Россіи, то-есть района своего происхожденія. Отсюда возможно обратное заключеніе: былины *богатырскаго* содержанія, изображающія преимущественно борьбу русскихъ богатырей съ татарами, представляя общее достояніе сѣверныхъ и южныхъ великоруссовъ, зашли къ первымъ отъ послѣднихъ, въ районѣ которыхъ онѣ были сложены. Провѣримъ это заключеніе данными изъ самыхъ былинъ. Мы видѣли, что общевеликорусскими можно назвать трехъ богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича. Если въ настоящее время и для похожденій этихъ богатырей главный матеріалъ представляютъ олонецкія былины, а не скудные фрагменты былинъ, записанные у южныхъ великоруссовъ, то все же въ самыхъ былинахъ есть ясныя указанія на прикрѣпленіе этихъ богатырей къ Суздальщинѣ. Илья Муромецъ прикрѣпленъ старинной традиціей къ Мурому, Алеша Поповичъ къ Ростову, Добрыня, о которомъ я предполагаю, что онъ въ древности столько же былъ близокъ новгородцамъ, сколько кіевлянамъ и затѣмъ суздальцамъ, называется иногда сыномъ гостя торговаго или Никиты Романовича изъ Рязани [1]). Извѣстно, что въ Никоновскомъ сводѣ упоминается Добрыня Рязанычъ-Золотой поясъ, а въ Тверской лѣтописи, повидимому, та же личность названа Тимоня-Золотой поясъ. Можно предположить, вмѣстѣ съ профессоромъ Халанскимъ, что имя рязанскаго богатыря Тимони было вытѣснено именемъ болѣе широко извѣстнаго и древняго богатыря Добрыни [2]). Какъ бы то ни было, замѣнилъ ли въ рязанскихъ преданіяхъ Добрыня другого богатыря, онъ, повидимому, прочно присталъ къ рязанскимъ сказаніямъ уже очень давно. Подобно тому какъ въ муромскихъ мѣстахъ показывали *скоки* коня Ильи Муромца, какъ въ ростовскихъ — великія мо-

[1]) *Нашъ* сборникъ, №№ 15 и 21.

[2]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 42.

Digitized by Google

гилы (курганы), насыпанныя надъ врагами, избитыми Александромъ Поповичемъ, такъ можно, кажется, отмѣтить мѣстное урочище, связанное съ именемъ Добрыни, недалеко отъ Рязани. Олеарій въ описаніи своего путешествія 1636 года сообщаетъ (подъ 7-мъ іюля), что плывя по Окѣ изъ Рязани, онъ видѣлъ въ 30-ти верстахъ отъ Копанова островокъ „Добрынинъ островъ" (Dobrinin Ostrow) [1]). Можно предположить, что островъ получилъ свое имя въ связи съ какими-нибудь сказаніями о рязанскомъ богатырѣ, носившемъ это имя.

Къ южно-великорусскимъ богатырямъ, какъ мы видѣли выше, могутъ быть отнесены далѣе Данила Ловчанинъ, Сауръ Ванидовичъ, Суровецъ-Суздалецъ, а также какіе-то братья Суздальцы, упоминаемые кое-гдѣ въ былинахъ. Похожденія этихъ личностей, главнымъ образомъ битвы съ татарами, по всей вѣроятности, составляли содержаніе былевыхъ пѣсенъ, когда-то сложенныхъ въ Суздальщинѣ или въ коренныхъ южно-великорусскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ великаго княжества и потомъ царства Московскаго. Нѣкоторыя наиболѣе популярныя былины перешли изъ этихъ мѣстъ въ новгородскій культурный районъ и обогатили и безъ того богатый мѣстный репертуаръ; другія остались въ своихъ исконныхъ предѣлахъ и дошли до насъ въ современныхъ намъ записяхъ, частью перешли въ Сибирь. Вѣроятно, существовали въ прежнія времена и другіе сюжеты этого *богатырскаго* эпоса, но погибли въ волнахъ исторической жизни, замѣняясь новыми пѣснями, шедшими изъ культурнаго и государственнаго центра — Москвы, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Далѣе, подобно тому какъ *городскія* новгородскія былины вслѣдъ за паденіемъ новгородской независимости и измѣненіемъ этнографическаго состава народности въ Новгородской области сохранились на окраинахъ новгородской территоріи въ Обонежской пятинѣ (Олонецкой губерніи), въ Двинской землѣ Архангельской губерніи) и въ дальней Пермской землѣ (Сибири), такъ былины суздальскаго или „богатырскаго" эпоса разносились населеніемъ, бѣжавшимъ отъ московскаго гнета на окраины царства — на нижнюю Волгу, Донъ, Яикъ и въ ту же Сибирь.

Имена главныхъ богатырей Ильи, Добрыни, Алеши стали популярны среди казаковъ и всякихъ вольныхъ людей, искавшихъ новыхъ мѣстъ подальше отъ бдительнаго московскаго ока; пѣсни о нихъ раздались и на Терекѣ и на Оби, пробрались даже къ отдаленнымъ якутамъ, достигнувъ такимъ образомъ крайнихъ предѣловъ Восточной Сибири.

[1]) *Олеарій:* Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Переводъ *П. Барсова,* Москва, 1870, стр. 394.

Digitized by Google

Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ [1]).

Несмотря на многочисленныя изслѣдованія, продолжающія до послѣдняго времени являться въ области изученія русскихъ былинъ, вопросъ о періодѣ ихъ сложенія не можетъ считаться вполнѣ уясненнымъ.

Въ противоположность изслѣдователямъ 60 и 70 годовъ, возводившимъ чуть ли не большинство былинъ къ домонгольскому періоду, современные изслѣдователи относятся съ крайней осторожностью къ чертамъ домонгольской старины, дѣйствительно сохранившимся въ былинахъ, особенно въ личныхъ и географическихъ именахъ, и не дѣлаютъ изъ послѣднихъ тѣхъ заключеній, которыя представлялись обязательными прежнимъ изслѣдователямъ. Эти имена могутъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что корни, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ, тянутся въ домонгольскій періодъ; но эти корни давно засохли, и „не подлежитъ сомнѣнію, что былевой эпосъ въ теченіе своей долгой исторической жизни испыталъ глубокія коренныя измѣненія“ [2]). Древнія личныя и географическія имена въ теченіе времени стали такой же принадлежностью эпическаго склада, какъ постоянные эпитеты, и расходовались поздними слагателями былинъ такъ же механически, какъ послѣдніе, не вызывая въ сѣверномъ великорусскомъ слагателѣ тѣхъ хронологическихъ и географическихъ представленій, которыя съ ними невольно связываемъ мы, знающіе исторію и географію. Для слагателя XVI вѣка ничего не стоило, напримѣръ, отождествить Волынецъ-Галичъ съ Корелой проклятой и Индіей богатой и выводить изъ этого эпически неопредѣленнаго края и боярина Дюка Степановича, и добраго молодца Михаила Казарянина, и сорокъ каликъ съ каликою. Нетрудно объ-

---

[1]) Напечатано *въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 г., № 6.

[2]) *Ждановъ*, Пѣсни о князѣ Романѣ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г., апрѣль, стр. 271.

Digitized by Google

яснить себѣ такой синкретизмъ: благодаря консервативности эпическихъ формулъ, географическія, вошедшія въ нихъ, имена должны были сохраниться; но все же время брало свое: къ стариннымъ именамъ, изъ желанія осмысленія (и, такъ сказать, модернизаціи), присоединялись новыя, говорившія о другихъ болѣе позднихъ историческихъ или литературныхъ отношеніяхъ. Такъ при переработкѣ, и, повидимому, весьма существенной, старинной былины о Дюкѣ Степановичѣ, происшедшей въ предѣлахъ сѣверной Россіи, старинный, неизвѣстный уже никому на Руси, городъ Галичъ-Волынскій былъ помѣщенъ въ Корелѣ поганой, съ которою въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ имѣли дѣло новгородцы. Гораздо труднѣе представляется изслѣдователю другой вопросъ: какъ объяснить, что Галичъ-Волынскій могъ сдѣлаться *эпическимъ* городомъ, какъ Кіевъ, Черниговъ и нѣкоторые другіе? Очевидно, чтобы стать эпическимъ, онъ долженъ былъ быть популяренъ и широко извѣстенъ въ болѣе раннемъ періодѣ эпическихъ сказаній. Но что мы знаемъ изъ этихъ сказаній въ современныхъ былинахъ? Почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ. Спрашивается, нѣтъ ли возможности въ современныхъ, многократно передѣланныхъ, былинахъ открыть какіе-нибудь слѣды того періода, когда Галицко-Волынская Русь была областью, еще хорошо извѣстною въ другихъ частяхъ Руси, жила съ ними общей жизнью? Такую попытку отыскать древнюю историческую канву въ нашихъ былинахъ о князѣ Романѣ сдѣлалъ И. Н. Ждановъ въ своей статьѣ „Пѣсни о князѣ Романѣ“ [1]). Не вполнѣ соглашаясь въ частностяхъ съ этимъ изслѣдованіемъ, я не могу не признать, что указанный авторомъ ходъ литературной исторіи былинъ объ этомъ князѣ соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій о немъ, и составу сохранившихся о немъ пѣсенъ. Съ своей стороны, ведя далѣе работу, начатую И. Н. Ждановымъ, я желалъ бы поставить свою задачу нѣсколько шире, а именно собрать въ современныхъ былинахъ все, что могло бы указывать на существованіе въ домонгольскомъ періодѣ галицкихъ историко-эпическихъ сказаній.

Если бы намъ удалось пріурочить нѣкоторыя имена и былинные мотивы къ этимъ сказаніямъ, то хронологическими предѣлами галицко-волынскихъ отголосковъ долженъ быть сравнительно непродолжительный періодъ въ исторіи Галицкаго княжества, когда оно играло видную роль среди другихъ областей Руси. Извѣстно, что значительнаго блеска достигла Галицкая земля въ XII вѣкѣ, при Ярославлѣ Осмомыслѣ.

---

[1]) Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I—V. Стр. 425—523.

Digitized by Google

Вспомнимъ диѳирамбъ, пропѣтый этому князю авторомъ „Слова о полку Игоревѣ“: Высоко сидитъ Осмомыслъ Ярославъ на своемъ златокованномъ столѣ, подпираетъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступаетъ путь (венгерскому) королю, затворяетъ ворота Дунаю и отворяетъ ворота Кіеву и прочее. Дѣйствительно, нижнедунайскія владѣнія Галича связывали его съ Болгаріей и Византійской имперіей, съ которою велись и торговыя и дипломатическія сношенія. Княжескій родъ Галича находится въ дружбѣ и родствѣ съ членами династіи Комненовъ, вступаетъ съ ними въ личное общеніе и оказываетъ имъ услуги. Овладѣвъ галицкимъ столомъ, неутомимый, энергичный и предпріимчивый Романъ Мстиславовичъ своими войнами съ ятвягами и поляками придалъ ему еще болѣе блеска и значенія, которые еще умѣлъ поддержать его сынъ, „король“ Даніилъ, несмотря на нашествіе монголовъ. Только уже при сынѣ Даниловомъ Львѣ (умершемъ въ 1301 г.) Галичъ быстро теряетъ свое прежнее значеніе и скоро становится страной, „незнаемой“ для прочихъ областей Руси, войдя въ составъ польскаго государства. Такимъ образомъ блестящимъ періодомъ его исторіи могутъ считаться XII и XIII вѣка, и если вообще историческая жизнь этой области отразилась въ народныхъ сказаніяхъ, то мы должны искать въ послѣднихъ отголоски именно этого періода.

Къ тому же приблизительно періоду относится процвѣтаніе Волынской земли, какъ независимаго княжества, тѣсно связаннаго своими судьбами съ Галицкой землей. Доставшись въ 1-й четверти XII вѣка въ удѣлъ Мономаховичамъ, она при Романѣ (1172—1205) соединяется съ Галичемъ въ одной княжеской семьѣ, и это соединеніе не прекращалось и послѣ смерти Романовичей. Обѣ земли связывали общіе интересы и общіе враги — Литва, Польша, татары.

Благодаря природнымъ богатствамъ и населенности, Волынь не сокрушилъ окончательно ни татарскій погромъ 1240 года, ни дальнѣйшія тяжелыя десятилѣтія ига. И только объединеніе литовскихъ народцевъ въ сильное государство, татарскіе набѣги и борьба богатаго боярства съ княжеской властью — все это вмѣстѣ послѣ смерти князя Юрія Андреевича (около 1336 г.) повело къ паденію независимости Волыни и ея поглощенію Литвой.

Всего чаще въ нашихъ былинахъ Галичъ-Волынскій называется родиной Дюка Степановича, и потому можетъ быть поставленъ вопросъ: какое значеніе имѣетъ указаніе этого города въ литературной исторіи былины о пріѣздѣ Дюка въ Кіевъ? Первый изслѣдователь, освѣтившій во многомъ былины о Дюкѣ со стороны ихъ содержанія, акаде-

Digitized by Google

микъ А. Н. Веселовскій, слѣдующимъ образомъ истолковываетъ географическія даты былины. „Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморья. Дюкъ, стало-быть, оттуда и пріѣзжалъ, — объяснили себѣ пѣвцы. и этотъ географическій фактъ внесенъ былъ въ былину, *когда она переселилась въ Кіевъ* и пристала къ князю Владимиру... Древняя, докіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодецъ-Дюкъ пріѣзжалъ издалека — изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ; въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому — еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ-быть, на пути, по которымъ чуждая пѣснь двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе — на сѣверныя окраины“ [1]).

Итакъ уважаемый изслѣдователь предполагаетъ, что основная пѣсня была сложена нѣкогда въ Галичѣ и затѣмъ, перейдя въ Кіевъ. внесла въ себя эпическаго князя Владимира. Намъ кажется, что послѣднее. то-есть внесеніе князя Владимира, нисколько не предполагаетъ обязательно перехода пѣсни изъ Галича въ Кіевъ. Кіевское пріуроченіе. какъ во многихъ другихъ былинахъ, могло произойти и не въ Кіевской области, а въ какихъ-нибудь другихъ частяхъ Руси. За весьма позднее внесеніе князя Владимира говоритъ та жалкая роль, которую заставляетъ былина играть не только кіевскаго князя, но и его богатырей, да и весь городъ. Вообще доказать какими-нибудь фактами, что по пути своего распространенія изъ предполагаемой родины—Галича-Волынскаго—пѣсня о Дюкѣ побывала въ Кіевѣ, прежде чѣмъ перейти на сѣверъ, гдѣ къ Галичу пристала Корела. мы не имѣемъ возможности. Достаточно, если мы можемъ сдѣлать вѣроятнымъ по крайней мѣрѣ галицкое происхожденіе основной пѣсни, потому что и относительно этого предположенія можетъ быть высказано сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, если Галичъ-Волынецъ или Волынецъ-Галичій въ современныхъ былинахъ есть уже только эпическій городъ, то его упоминаніе въ былинѣ о Дюкѣ такъ же мало доказываетъ галицкое ея происхожденіе, какъ наличность того же города въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ и о Сорока Каликахъ. Спрашивается поэтому: есть ли въ содержаніи

---

[1]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 172.

Digitized by Google

былины о Дюкѣ что-нибудь подтверждающее ея галицко-волынское происхожденіе?

Обстоятельное изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго, какъ извѣстно, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что за пѣснями о Дюкѣ, такъ же, какъ за западными сказаніями о хожденіи Карла въ Іерусалимъ, стоитъ такая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ богатырей въ Индѣйское царство (ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884 г., февраль, 387), сложившаяся подъ воздѣйствіемъ Епистоліи пресвитера Іоанна, извѣстной у насъ подъ названіемъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ.

Авторъ дѣлаетъ остроумную реставрацію византійской пѣсни-разсказа, держась плана Дюковой былины, но пересказывая ее при помощи матеріаловъ Епистоліи и памятниковъ, отъ нея пошедшихъ. Въ основномъ разсказѣ, по предположенію А. Н. Веселовскаго, византійскій посолъ ходилъ въ Индію богатую и лицезрѣлъ ея чудеса; впослѣдствіи вмѣсто него ходилъ туда же посолъ Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Епистоліи, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и побѣдоносная его похвальба [1]). Спросимъ себя: что же собственно освѣщаютъ въ нашей былинѣ матеріалы Епистоліи? Только вторую ея половину, въ которой послы Владимира созерцаютъ богатства Дюкова житья-бытья. Здѣсь мы дѣйствительно находимъ подробности, сильно напоминающія Епистолію и памятники, пошедшіе отъ нея. На дворѣ у Дюка течетъ струйка золотая: это — Тигръ, несущій въ себѣ золото [2]); на теремахъ Дюковыхъ крыши серебряныя, шеломы, потоки золоченые, шарики, самоцвѣтные камушки; дворецъ пресвитера еще превосходитъ Дюковъ великолѣпіемъ,—на драгоцѣнныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты. Въ одномъ изъ описаній дворецъ пресвитера (у Iohannes Witte de Hese, 1389 г.) и колонны еще хитрѣе устроены: на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты и кубки: они точно подносятъ другъ другу вино. Эти фигуры нашлись на пуговкахъ и въ петелькахъ Дюкова кафтана; торжественное шествіе пресвитера съ драгоцѣнными крестами и блестящей свитой отразилось на пышномъ шествіи изъ церкви Дюковой матушки [3]) и т. п. Соотношеніе между былиной и Сказаніемъ объ Индіи богатой чувствовалось и старинными книжниками: такъ въ одномъ русскомъ пересказѣ *Сказанія* (по списку Ун-

[1]) Назв. сочиненіе, стр. 196.
[2]) Назв. сочиненіе, стр. 190.
[3]) Назв. сочиненіе, стр. 192.

Digitized by Google

дольскаго (№ 632) XVII? вѣка) пресвитеръ чрезъ пословъ совѣтуетъ Мануилу греческому продать землю греческую, купить бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ чудеса Индѣйской земли, но прибавляетъ, что книжники и скорописцы до исхода души не опишутъ его земли. Въ былинѣ о Дюкѣ находимъ подобную же мысль:

Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
На эти на бумаги на гербовыя,
Да на чернила, перья продай еще Черниговъ градъ,
Тогда можешь Дюково имѣнье описывать [1]).

Въ другомъ спискѣ Сказанія (Волоколамскомъ — Московской духовной академіи 2-й половины XV вѣка) читаемъ такую подробность о дворѣ пресвитера: есть же среди нашего двора, стоитъ сорокъ столповъ серебряныхъ позлащеныя, и въ кажномъ столпѣ вковано по сороку колецъ а у кажного кольца по сороку коней [2]). Такіе же столбы серебряные съ позолоченными кольцами и съ еще бо́льшимъ количествомъ коней находятся во дворѣ Дюковыхъ палатъ [3]). Въ виду того, что ни въ латинской епистоліи, ни въ западныхъ пошедшихъ отъ нея произведеніяхъ, ни въ другихъ русскихъ спискахъ сказанія мы не встрѣчаемъ этихъ двухъ параллелей, акад. Веселовскій предполагаетъ въ данномъ случаѣ вліяніе былины на нѣкоторые пересказы сказанія.

Раздѣляя въ общемъ результаты, достигнутые акад. Веселовскимъ чрезъ детальное сопоставленіе былины о Дюкѣ съ Епистоліей пресвитера Іоанна, М. Г. Халанскій указываетъ, однако, на возможность другого объясненія нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей былины. Въ поискахъ за источниками чудесъ Дюковой Индіи оставлена безъ вниманія возможность отраженія въ былинѣ чертъ быта и обстановки жизни русскаго общества. Между тѣмъ, по убѣжденію Халанскаго, безпристрастное сравненіе частностей былины съ извѣстными фактами бытовой обстановки московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ обнаруживаетъ поразительное обиліе въ ней чисто русскихъ туземныхъ, московскихъ бытовыхъ чертъ [4]). Дѣйствительно, культурно-историческій комментарій г. Халанскаго въ достаточномъ количествѣ указываетъ въ былинѣ бытовыя черты XVI и XVII вѣковъ. Такъ былинное

---

[1]) Назв. соч., стр. 189.

[2]) См. текстъ, изданный въ Приложеніи къ изслѣдованію *В. Истрина*: Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ. М., 1893, стр. 73.

[3]) *Веселовскій*, назв. соч., 190.

[4]) Велико-русскія былины кіевскаго цикла, гл. XVII, стр. 187—207.

Digitized by Google

изображеніе Индіи богатой живо напоминаетъ картину древне-русскаго богатаго города съ золочеными маковками церквей, съ золотоверхими теремами, съ разными украшеніями на зданіяхъ, башенками, флюгерами и проч. Внутренняя обстановка Дюковыхъ палатъ соотвѣтствуетъ таковой же въ царскихъ и боярскихъ хоромахъ, гдѣ, какъ у Дюка, потолки украшались изображеніемъ солнца, мѣсяца и звѣздъ, стѣны обивались сукномъ, полы постилались сукнами. Шествіе Дюковой матушки изъ церкви съ толпой прислужницъ и подъ зонтикомъ или балдахиномъ — также черта бытовая московская XVI—XVII вѣка. Въ подобной обстановкѣ происходили праздничные выходы въ церковь царицъ и, вѣроятно, знатныхъ московскихъ боярынь [1]). Уменьшивъ своимъ бытовымъ комментаріемъ число былинныхъ подробностей, которыя можно считать заимствованными, г. Халанскій свой анализъ кончаетъ слѣдующимъ выводомъ: „Несмотря на обиліе туземныхъ русскихъ чертъ, въ общемъ, однако, мы находимъ невозможнымъ признать былину о Дюкѣ Степановичѣ произведеніемъ самостоятельнымъ русскимъ... Самая основная мысль былины — представить богача въ идеальной обстановкѣ посредствомъ осмотра богатства его нарочито для этого отправленными послами — необычна, какъ въ русскомъ эпосѣ, такъ и въ эпосѣ другихъ славянскихъ народовъ. Мнѣніе А. Н. Веселовскаго, что за хожденіемъ Карла въ Іерусалимъ и Константинополь и пѣснями о Дюкѣ стоитъ какая-то древняя пѣсня или повѣсть о хожденіи пословъ богатырей въ Индѣйское царство, остается въ силѣ. Привитіе странствующей повѣсти объ Индѣйскомъ царствѣ тѣмъ легче могло состояться, что восточно-азіатская обстановка жизни московскаго боярства XVI и XVII вѣковъ своими аксессуарами напоминала нѣкоторыя чудеса сказаній объ Индіи“ [2]). Относительно анализа М. Г. Халанскаго могутъ быть сдѣланы слѣдующія замѣчанія.

Указывая на русскія бытовыя черты сравнительно поздняго времени, отложившіяся въ дошедшихъ до насъ современныхъ пересказахъ былины, онъ совершенно обходитъ вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія первоначальнаго эпическаго разсказа, который въ теченіе времени подвергся этой передѣлкѣ въ русскомъ бытовомъ стилѣ. Классифицируя богатырей по историческимъ эпохамъ, онъ относитъ Дюка вмѣстѣ съ Микулой Селяниновичемъ, Соловьемъ Будимировичемъ, Чурилой Пленковичемъ къ героямъ былинъ московскаго періода.

---

[1]) Назв. соч., стр. 203.
[2]) Назв. соч., стр. 207.

Digitized by Google

къ идеальнымъ образамъ, чистымъ созданіямъ народной фантазіи [1]). Но мы все же не можемъ изъ его словъ вывести, считаетъ ли онъ образъ Дюка и былину о немъ московскимъ созданіемъ XVI вѣка или только передѣлкой чего-то болѣе древняго, унаслѣдованнаго эпосомъ XVI вѣка отъ болѣе ранняго періода.

Итакъ анализы былины о Дюкѣ современныхъ изслѣдователей старались уяснить, съ одной стороны, отношеніе ея къ книжнымъ источникамъ (Епистоліи пресвитера Іоанна, Сказаніе объ Индіи богатой), съ другой — бытовыя реальныя черты, наслоившіяся на описаніе Дюковыхъ богатствъ. Вопросъ же о времени и мѣстѣ сложенія *первоначальной* былины остается доселѣ недостаточно уясненнымъ.

Мнѣ кажется, что былина о Дюкѣ Степановичѣ, раздѣляя судьбу другихъ былинъ, подвергалась неоднократно измѣненіямъ и переработкамъ, но сохранила устойчиво то, что сохраняется вообще въ нашемъ народномъ эпосѣ и придаетъ ему архаическій характеръ — *нѣкоторыя* имена. Къ этимъ именамъ нельзя отнести ни Владимира, ни Кіевъ съ Черниговымъ, ни Добрыню или Илью Муромца, служащихъ по нѣкоторымъ пересказамъ послами князя Владимира. Но гораздо большее значеніе для вопроса о первичной основѣ имѣютъ имена главнаго героя Дюка Степановича, его постояннаго соперника въ щегольствѣ Чурилы Пленковича и географическое имя Волынца Галичья или Галича Волынца. Если бъ намъ удалось сдѣлать вѣроятнымъ, что эти имена связаны съ извѣстнымъ мѣстомъ и историческимъ періодомъ, то вопросъ о мѣстѣ и времени сложенія первоначальнаго эпическаго разсказа могъ бы быть рѣшенъ.

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что источникъ первоначальнаго русскаго разсказа — иноземнаго происхожденія. Разсказъ о богатомъ бояринѣ Дюкѣ, удивляющемъ князя своею роскошью и невиданною культурностью, — русская передѣлка какого-то иноземнаго разсказа, напоминающаго, какъ доказано акад. Веселовскимъ, въ планѣ западно-европейскіе пересказы хожденія Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь, которые въ свою очередь также основаны во многомъ на матеріалѣ Епистоліи пресвитера Іоанна. Этотъ источникъ, отразившійся во второй части былины, въ описаніи богатствъ Дюковыхъ, имѣетъ свою еще не вполнѣ разъясненную исторію и въ Западной Европѣ и у насъ. Припомнимъ то немногое, что относительно

---

[1]) Назв. соч., стр. 208.

Digitized by Google

этого памятника разъяснено послѣдними изслѣдованіями [1]). Появленіе латинской епистоліи пресвитера Іоанна, адресованной либо къ императору Фридриху, либо къ Эммануилу Комнену, повидимому, современно этимъ монархамъ, то-есть относится ко 2-й половинѣ XII вѣка. Къ тому же вѣку восходятъ сохранившіяся до насъ древнѣйшія рукописи латинскаго текста. Вопросъ о редакціяхъ латинскаго посланія, тщательно разработанный Царнке на основаніи сличенія 97 рукописей, рѣшается этимъ ученымъ положительно: въ латинской версіи посланіе пресвитера выдержало шесть редакцій, при чемъ главное отличіе каждой послѣдующей отъ предыдущей состояло въ дополненіяхъ и, лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ измѣненіи текста. Съ каждою передѣлкой нарастало особенно число чудесъ въ царствѣ пресвитера, при чемъ въ этомъ нарастаніи чудесъ сказывается вліяніе другихъ книжныхъ источниковъ, главнымъ образомъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи посланія и о языкѣ, на которомъ оно было первоначально составлено: явилось ли оно на греческомъ языкѣ или самостоятельно возникло на латинской почвѣ? Царнке считаетъ переводъ съ греческаго возможнымъ и указываетъ на нѣкоторые грецизмы въ латинскомъ текстѣ [2]); но приводитъ и нѣкоторыя вѣскія соображенія объ оригинальности латинскаго текста, такъ что въ концѣ концовъ оставляетъ вопросъ объ оригиналѣ посланія открытымъ. Къ этому вопросу возвратился недавно В. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ Сказаніи объ Индійскомъ царствѣ и рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ, различая въ Посланіи двѣ частй. „Посланіе, — говоритъ онъ, — отличается двойственнымъ характеромъ — *религіознымъ* и *сказочнымъ:* пресвитеръ Іоаннъ есть христіанскій царь, смиренный служитель Христа, атрибуты его власти — церковнаго характера, онъ защитникъ гроба Господня и т. д. Съ другой стороны, его царство — царство чудесъ: въ его царствѣ живутъ различные звѣри, текутъ особыя рѣки, живутъ рахманы, амазонки, десять племенъ іудейскихъ и т. п. Исторія романа объ Александрѣ и Посланія пресвитера на Западѣ и у насъ свидѣтельствуетъ о взаимномъ ихъ отношеніи. Лишь только столкнулись романъ объ Александрѣ и Посланіе пресвитера между собой, такъ сейчасъ же началось взаимное ихъ воздѣйствіе другъ на

---

[1]) *Zarnke,* Der Priester Iohannes — 1 и 2 Abhandl. 1876—1879. *В. Истринъ,* Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ, М., 1893. Литературу о посланіи пресв. Іоанна см. у *Веселовскаго,* Южно-русскія былины, VI, стр. 173.

[2]) *Истринъ,* стр. 6.

Digitized by Google

друга: Александру стали приписывать то, что находилось въ царствѣ пресвитера, пресвитеру—то, что видѣлъ Александръ". Однако въ первой, неинтерполированной редакціи Посланія, въ сказочной сторонѣ, то-есть въ описаніи чудесъ Индіи, незамѣтно еще никакого соприкосновенія съ Псевдокаллисѳеномъ. „Если поэтому посланіе явилось первоначально на греческой почвѣ, гдѣ романъ Псевдокаллисѳена былъ хорошо извѣстенъ, то, полагаетъ г. Истринъ, прежде всего ожидалось бы вліяніе со стороны послѣдняго. Если же мы этого не видимъ, то возможнымъ является предположеніе, что сказочная сторона Посланія составлена независимо отъ Псевдокаллисѳена, въ то время и въ томъ мѣстѣ, въ которомъ Псевдокаллисѳенъ не былъ извѣстенъ", то-есть на латинской почвѣ. „Если же обратимся къ другой сторонѣ Посланія — несказочной, то тутъ соприкосновеніе съ Псевдокаллисѳеномъ будетъ наблюдаться", особенно во вступленіи и заключеніи. Императоръ Мануилъ соотвѣтствуетъ гордому царю Дарію; Александръ и пресвитеръ одинаково упрекаютъ того и другого въ желаніи сравняться съ богомъ. Идея противоположности между гордостью и высокомѣріемъ Дарія, съ одной стороны, и смиреніемъ вмѣстѣ съ могуществомъ Александра — съ другой, — отразилась на сопоставленіи Іоанна пресвитера и императора Мануила. Эта часть посланія безъ сказочной стороны, по взгляду Истрина, и могла образоваться на византійской почвѣ, при чемъ образы были даны уже готовыми образцами. Г. Истринъ отмѣчаетъ при этомъ, что грецизмы встрѣчаются въ латинскомъ текстѣ именно въ описаніи *христіанской* обстановки пресвитера, а начало — Presbyter Iohannes... Emanueli Romeon gubernatori... gaudere — напоминаетъ начало каждаго письма Дарія и Александра: Βασιλεὺς Ἀλέξανδρος Βασιλεῖ Βασιλέων... χαίρειν. Поэтому г. Истринъ склоняется къ предположенію, что „Посланіе пресвитера Іоанна, явившись на византійской почвѣ съ чисто христіанскимъ характеромъ, было переведено на латинскій языкъ, гдѣ потеряло свою первоначальную идею и получило чисто описательный характеръ: въ него вставлены были различныя чудеса, которыя были извѣстны изъ различныхъ источниковъ" [1]). Если Посланіе не дошло до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, это значитъ, по мнѣнію г. Истрина, что само по себѣ, безъ сказочной стороны, оно не имѣло на Западѣ никакого значенія. Конечно, въ томъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ въ рукописяхъ XII вѣка, Посланіе не можетъ уже считаться переводомъ.

---

[1]) Назв. соч., стр. 9.

Digitized by Google

но представляется переработкой; но нѣкоторая его часть (которая, по Истрину, обнимаетъ параграфы 14—46 по изданію Царнке и содержитъ описаніе дворца пресвитера) была переведена съ греческаго. Любопытно, что при сопоставленіи содержанія 2-й части былины о Дюкѣ (описаніе богатствъ Дюка) съ Посланіемъ оказывается, что сходство между ними находится только въ той части Посланія, которая, по мнѣнію Истрина, представляется переведенной съ *греческаго* и содержитъ описаніе дворца и обстановки пресвитера. На этомъ основаніи г. Истринъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Былина о Дюкѣ явилась въ Византіи; содержаніе ея было тождественно въ подробностяхъ съ религіозно-христіанской частью Епистоліи пресвитера. Источникъ ихъ былъ одинъ и тотъ же; многое было подсказано дѣйствительностью. Ни въ той ни въ другой не было того сказочнаго элемента, которымъ отличается Посланіе. Затѣмъ былина перешла на Русь, потерпѣла соотвѣтствующія видоизмѣненія, но въ подробностяхъ, въ описаніи царства Индійскаго, осталась въ существенныхъ чертахъ безъ измѣненія. Посланіе же, не получивъ благопріятной почвы, исчезло изъ Византіи; но перейдя на Западъ, получило сильное распространеніе, благодаря крестовымъ походамъ, сообщившимъ ему характеръ „жгучаго памфлета". На латинской почвѣ Посланіе получило распространеніе: были вставлены въ него чудеса Индійской земли" [1]).

Если таково отношеніе былины къ Посланію пресвитера Іоанна, то до нѣкоторой степени оно можетъ служить хронологической датой для ея сложенія. Матеріалъ, отчасти послужившій для былины, былъ взятъ не на русской почвѣ изъ славянскаго Сказанія объ Индіи богатой, а полученъ уже въ обработанной формѣ изъ иноземнаго прототипа, византійскаго сказанія, сложеннаго въ XII вѣкѣ подъ вліяніемъ Посланія. Провѣрить это предположеніе можно сличеніемъ былины съ русскимъ Сказаніемъ въ его различныхъ пересказахъ. Г. Истринъ, изслѣдуя детально составъ этихъ пересказовъ, приходитъ къ заключенію, что, во-первыхъ, наше сказаніе указываетъ на латинскій оригиналъ [2]); во-вторыхъ, оно соотвѣтствуетъ 3-й редакціи (по Царнке, интерполяція В) латинской епистоліи [3]). Что же касается времени появленія Сказанія, то оно опредѣляется временемъ появленія 2-й

---

[1]) Назв. соч., стр. 11 и 12.
[2]) Назв. соч., стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 60.

Digitized by Google

редакціи Александріи, которая существовала уже въ началѣ XV вѣка; слѣдовательно, первая редакція Сказанія должна была уже существовать въ концѣ XIV вѣка. А такъ какъ эта такъ называемая первая редакція Сказанія предполагаетъ еще болѣе древнюю, которая можетъ быть названа чистымъ переводомъ, то время перевода Сказанія должно отнести къ XIII и XIV вѣкамъ. „Нужно было извѣстное время, говоритъ г. Истринъ, чтобы Сказаніе, появившись въ предѣлахъ далматинскаго побережья, пришло къ намъ и успѣло подвергнуться переработкѣ". Акад. А. Н. Веселовскій относитъ время перевода сербской Александріи къ XIV—XV вѣку; и сербская Александрія и Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ явились, слѣдовательно, въ одномъ мѣстѣ и приблизительно въ одно время. Очевидно, въ XIII—XIV вѣкѣ на далматинскомъ побережьѣ было особенное литературное движеніе, во время котораго совершались переводы съ греческаго и латинскаго языковъ. Въ Сербіи это было царствованіе Нѣманей; а извѣстно, что они стремились создать независимое государство не только въ политическомъ, но и въ умственномъ отношеніи. Нѣтъ особенныхъ указаній на то, что переводъ Сказаній объ Индѣйскомъ царствѣ сдѣланъ былъ на сербскій языкъ: памятникъ слишкомъ малъ, да къ тому же первая редакція его въ отдѣльномъ спискѣ не сохранилась. Но въ виду всего сказаннаго, въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго [1]).

Итакъ, основываясь на выводахъ г. Истрина, мы должны предполагать, что непосредственной связи между русскими редакціями Сказанія и былиной о Дюкѣ не было, кромѣ развѣ тѣхъ вышеуказанныхъ случаевъ вліянія былины на нѣкоторые пересказы Сказанія. Основная былина, подвергнувшаяся затѣмъ дальнѣйшимъ переработкамъ, должна была сложиться въ такое время и въ такихъ мѣстахъ Россіи, въ которыхъ возможно предположить занесеніе византійскаго произведенія, послужившаго ей матеріаломъ. Это относитъ насъ къ южной Руси и къ домонгольскому періоду. Но нельзя ли еще ближе опредѣлить время и мѣсто? Сложеніе пѣсни, если она не историческая, не воспроизводящая недавно случившееся громкое событіе, а основана на литературномъ источникѣ, предполагаетъ, какъ важное условіе, то, чтобы сюжетъ отличался интересомъ новизны. Трудно представить себѣ, чтобы пѣсня, разсказывающая о необыкновенныхъ богатствахъ героя и черпающая матеріалъ для изображенія этихъ диковинъ изъ иноземнаго книжнаго (или устнаго?) произведенія, могла быть по времени сложенія

---

[1]) Тамъ же, стр. 62.

Digitized by Google

слишкомъ удалена отъ времени новизны и популярности этого произведенія. Намъ извѣстно, что, благодаря культурно-историческимъ условіямъ, Епистолія пресвитера Іоанна появилась и надѣлала много шума въ тотъ періодъ крестовыхъ походовъ, когда на престолѣ Византіи сидѣлъ Мануилъ, а на императорскомъ престолѣ Германіи — Фридрихъ Барбаросса. Западные лѣтописцы даже точно опредѣляютъ годъ (1165), когда пресвитеръ Іоаннъ отправилъ будто бы свое посланіе въ Европу. Вѣсть о далекомъ христіанскомъ царствѣ, полномъ богатствъ и диковинъ, которымъ правитъ могущественнѣйшій властитель — пресвитеръ и царь, готовый притти поклониться гробу Господню, который уже съ трудомъ отстаивали крестоносцы въ это время отъ нападенія азіатскихъ султановъ,—должна была быстро разнестись по всему Западу и византійскимъ владѣніямъ, и грёзы объ этой утопіи надолго овладѣть умами. „Путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его — путемъ безсознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе разсказы Елисея (XII вѣкъ), Мандевиля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389)— всецѣло коренятся въ представленіяхъ епистоліи“ [1]). Въ виду необыкновеннаго спроса на этотъ сенсаціонный сюжетъ, слѣдуетъ думать, что онъ могъ уже очень рано стать извѣстнымъ въ южной Руси, которая въ XII вѣкѣ еще жила въ тѣсномъ общеніи съ Византіей и не чуждалась Западной Европы. Уже эти общія соображенія говорятъ въ пользу того, что основная былина — прототипъ нынѣшней былины о Дюкѣ — могла сложиться еще въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка, въ періодъ новизны и популярности своего литературнаго источника. Что же касается области ея сложенія, то всего больше правъ на это имѣетъ Галицко-Волынская Русь, какъ мы постараемся сдѣлать вѣроятнымъ, припомнивъ нѣкоторыя историческія данныя о галицко-византійскихъ отношеніяхъ XII вѣка.

Къ сожалѣнію, свидѣтельства нашей лѣтописи о галицко-волынскихъ событіяхъ XII и особенно XIII вѣка крайне скудны. Извѣстно, напримѣръ, что лѣтописный разсказъ о всемъ княженіи въ Галичѣ князя Романа не дошелъ до насъ, такъ что для *галицкаго* періода правленія этого князя мы должны черпать матеріалъ въ польскихъ лѣтописяхъ. Крайне скудны извѣстія нашей лѣтописи и о галицко-византійскихъ отношеніяхъ, о которыхъ гораздо больше знаютъ византійскіе историки. Въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1165 годомъ

---

[1]) *Веселовскій,* Южно-русскія былины, VI, стр. 174.

Digitized by Google

находимъ краткую замѣтку о томъ, что въ Галичѣ у Ярослава Осмомысла нѣкоторое время гостилъ византійскій царевичъ Андроникъ. Никакихъ подробностей ни о личности царевича, ни объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его пребываніе въ Галичѣ, лѣтописецъ не обронилъ. А между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, и личность Андроника и его отношенія къ императору и князю Ярославу представляютъ значительный интересъ, характеризуя политическія отношенія галицкихъ князей къ имперіи. Однородный фактъ, кажется, произошелъ позднѣе, въ княженіе Романа. Польскіе лѣтописцы, а за ними и Густынская лѣтопись, разсказываютъ, что по взятіи Константинополя крестоносцами Алексѣй Ангелъ бѣжалъ въ Галичъ къ Роману: „они же (войска римскія и нѣмецкія) пріидоша къ Цариграду моремъ и обрѣтоша Алексѣя Ангела царя Греческаго не готова, ихъ же Алексѣй убояся, къ сему же яко не имѣя во Грецѣхъ никого же себѣ пріязнаго, сего ради оставивъ царство Исаакію, ослѣпленному брату своему, а самъ со своими бояры и со множествомъ богатства и сокровищъ побѣже въ Русскую землю къ Роману Мстиславичу въ Галичъ“ [1]). Если дѣйствительно Алексѣй бѣжалъ въ Галичъ, ища тамъ убѣжища и помощи, то онъ слѣдовалъ, вѣроятно, предшествующимъ примѣрамъ, — шелъ въ данномъ случаѣ по проторенному пути.

Въ византійскихъ же лѣтописцахъ можно почерпнуть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніи галицкихъ и другихъ южно-русскихъ князей къ имперіи. Особенно настойчиво ихъ вовлекаетъ въ свои завоевательныя предпріятія, въ началѣ 60-хъ годовъ XII столѣтія, энергичный, неутомимый Мануилъ Комненъ, современникъ Ярослава Осмомысла. Припомнимъ отношенія Мануила къ сосѣдямъ Галицкой земли — венграмъ. Вмѣшавшись во внутреннія дѣла Венгріи, Мануилъ разсчитывалъ распространить въ этомъ государствѣ вліяніе Византіи и оказалъ королю Стефану помощь противъ его соперниковъ на престолѣ. Выведенные изъ терпѣнія этимъ ставленникомъ Мануила, венгры возмутились противъ него, принудили къ бѣгству и возвели на престолъ его племянника, также Стефана. Мануилъ счелъ нужнымъ поддержать войсками Стефана-дядю, водворилъ его снова на престолѣ; но онъ не могъ удержаться и бѣжалъ ко двору императора. Убѣдившись послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, что Стефанъ-племянникъ, поддерживаемый сильнѣйшей партіей и пользующійся народной симпатіей, не уступитъ

---

[1]) Собран. лѣт., II, 327. См. также: *А. М. Андріяшевъ*, Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 152.

Digitized by Google

престолъ своему, нелюбимому народомъ, дядѣ, Мануилъ, вообще въ высшей степени изобрѣтательный политикъ, придумалъ другой планъ, который долженъ былъ подчинить Венгрію если не ему, то его преемнику. У короля Стефана былъ младшій братъ Бела, который, по обычаямъ страны, долженъ былъ по смерти Стефана взойти на венгерскій престолъ. У императора Мануила прямого наслѣдника мужского пола не было. И вотъ онъ рѣшилъ выдать единственную дочь свою Марію за Белу и признать мужа своей дочери своимъ наслѣдникомъ на престолѣ имперіи. Такимъ образомъ впослѣдствіи Бела долженъ бы былъ соединить Венгрію съ Византіей. Венгерское правительство, чтобы положить конецъ угрожающимъ Венгріи походамъ Мануила, согласилось на эту комбинацію, и Бела, обвѣнчанный съ Маріей въ Константинополѣ, перемѣнилъ свое имя на имя Алексѣя. Съ этихъ поръ его наслѣдственная область въ Венгріи должна была стать подъ покровительство императора; но это обстоятельство и послужило къ дальнѣйшимъ вмѣшательствамъ послѣдняго во внутреннія смуты, не прекращавшіяся въ Венгріи вслѣдствіе борьбы между обоими Стефанами — дядей и племянникомъ. Стефанъ-племянникъ въ войнѣ съ дядей нашелъ поддержку въ Германіи и Богеміи, собралъ значительное войско и воспользовался имъ, чтобъ овладѣть удѣломъ брата Белы. На помощь своему зятю Мануилъ отправилъ многочисленную армію въ Венгрію подъ начальствомъ Андроника Констостефана. Устрашенные движеніемъ византійскихъ войскъ, города Венгріи сдавались безъ боя, и король Стефанъ, не отваживаясь на битву, бѣжалъ внутрь страны. Достигнувъ города Petricum (нын. Петръ-Варадина), императоръ самъ предложилъ Стефану мирныя условія: онъ отказывался отъ своихъ завоеваній, съ тѣмъ, чтобы Стефанъ покончилъ свои счеты съ дядей и возвратилъ удѣлъ своему брату. Условія были приняты, и Мануилъ перешелъ обратно на правую сторону Дуная. Борьба между дядей и племянникомъ кончилась только тогда, когда послѣднему удалось, вторгнувшись въ принадлежавшій имперіи Сирміумъ (Сремъ), гдѣ проживалъ дядя, овладѣть соперникомъ и устранить его отравою. Такъ какъ Стефанъ этими дѣйствіями нарушилъ договоръ съ имперіей, Мануилъ рѣшилъ употребить всѣ средства для его наказанія и вмѣстѣ для завоеванія его страны. Въ этомъ фазисѣ византійско-венгерскихъ дѣлъ замѣшаны и нѣкоторые русскіе князья, которыхъ союзъ былъ крайне важенъ и Мануилу и Стефану.

Для того, чтобы вполнѣ оцѣнить то значеніе, которое для византійскаго императора имѣлъ союзъ съ Ярославомъ Осмомысломъ, намъ

Digitized by Google

нужно остановиться нѣсколько подробнѣе на роли, которую въ разсматриваемыхъ обстоятельствахъ игралъ двоюродный братъ Мануила Андроникъ, упоминаемый только краткою замѣткою нашей лѣтописи. Андроникъ, сынъ Исаака, родного дяди Мануила, былъ во многихъ отношеніяхъ личностью замѣчательной и типичной для своего времени. Обладая блестящими умственными способностями, физической красотой, ловкостью и силой, онъ былъ глубоко-испорченной въ нравственномъ отношеніи натурой: вся его жизнь — цѣпь интригъ, коварства, жестокости и неограниченнаго разврата. Какъ извѣстно, переживъ Мануила и звѣрски убивъ его преемника Алексѣя II, Андроникъ впослѣдствіи достигъ престола; но, продержавшись на немъ не болѣе двухъ лѣтъ (1183—1185), былъ свергнутъ и казненъ мучительною смертью. Въ юности Мануилъ и Андроникъ были близкими пріятелями, и императоръ не менѣе развратный, чѣмъ его двоюродный братъ, любилъ его веселое общество, удаль и необыкновенную изобрѣтательность. Однако, скандальное поведеніе Андроника и, наконецъ, открытая измѣна привели къ тому, что Мануилъ, овладѣвъ имъ, заключилъ его въ тюрьму. Узникъ, благодаря своей ловкости, нашелъ возможность бѣжать, но по всей имперіи шла за нимъ такая травля, что онъ былъ снова пойманъ и подвергнутъ еще болѣе суровому заключенію. Однако, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, Андроникъ, при помощи своей семьи и преданныхъ ему лицъ, снова вырвался изъ темницы и послѣ цѣлаго ряда приключеній нашелъ убѣжище въ отдаленномъ Галичѣ, у князя Ярослава. Расположенный къ Андронику больше, чѣмъ къ Мануилу, историкъ Никита Хоніатъ, подробно разсказавъ удивительныя похожденія его, утверждаетъ, что Андроникъ „принятъ былъ правителемъ Галицы съ распростертыми объятіями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ и охотился, и засѣдалъ въ совѣтѣ, и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ, и вмѣстѣ обѣдалъ“ [1]).

Пребываніе Андроника у Ярослава, конечно, было не только непріятно, но и опасно для Мануила. Предпріимчивый Андроникъ могъ, расположивъ къ себѣ русскихъ князей, набрать себѣ войска и присоединиться къ другимъ многочисленнымъ врагамъ императора. Но и помимо этого Ярославъ былъ опасенъ Мануилу, въ силу своего союза съ венгерскимъ королемъ. Дѣйствительно, послѣдній, чувствуя себя слабымъ въ борьбѣ съ могущественнымъ императоромъ, искалъ всюду

---

[1]) *Никита Хоніатъ*, Исторія, т. I, С.-Пб., 1860, стр. 167.

Digitized by Google

союзниковъ и велъ сношенія съ Ярославомъ, прося у него руки его дочери и военной помощи. Переговоры велись успѣшно, и Мануилъ долженъ былъ принять всѣ мѣры, чтобы разстроить этотъ опасный союзъ. Онъ отправилъ къ русскимъ князьямъ ловкаго посла, соименника своего Мануила, который долженъ былъ привлечь ихъ на сторону императора. Историкъ Киннамъ, авторъ краткаго обозрѣнія царствованія Іоанна и Мануила Комненовъ, упоминаетъ по этому поводу князя Ростислава, „который управлялъ тогда Тавроскиѳіей“ [1]), и Ярослава, котораго царь вооружилъ противъ Стефана слѣдующимъ письмомъ: „Мы не будемъ подражать тебѣ въ недоброжелательствѣ, которое ты безъ всякой нужды обнаружилъ въ отношеніи къ намъ, вмѣнивъ ни во что условія и договоры, недавно подтвержденные твоею клятвою [2]). Тебѣ угрожаетъ крайняя обида, и я представляю ее предъ твои глаза. Знай, что, выдавая свою дочь замужъ за короля пэонянъ (то-есть венгровъ), ты соединяешь ее съ человѣкомъ злонравнымъ и въ своихъ мысляхъ весьма нетвердымъ, который никогда не уважалъ правды или истины, — съ человѣкомъ, отказавшимся отъ природы и законовъ и, кажется, совершенно расположеннымъ все сдѣлать легкомысленно. Итакъ Стефанъ пусть не соединяется съ твоею дочерью и не вступаетъ ни въ какія другія законныя связи съ нею, потому что, и законно соединившись, онъ поставитъ себя въ отношеніе къ ней, какъ къ распутной женщинѣ. Вѣдь если онъ такъ оскорбляетъ наше величество и не стыдится обращать въ шутку недавно данныя намъ клятвы, то подумай, какого безчелозѣчія не сдѣлаетъ съ тобою“ [3]). Киннамъ увѣряетъ, что это письмо подѣйствовало, и Ярославъ согласился всячески помогать ромеямъ. Къ союзу съ Мануиломъ былъ привлеченъ и князь Кіева (Кіама), не называемый Киннамомъ по имени. Еще раньше, вѣроятно, Мануилъ постарался уладить свои отношенія съ Андроникомъ. По словамъ Никиты Хоніата [4]), царю казалось „подозрительнымъ долговременное его отсутствіе, такъ какъ ходили уже слухи, что онъ собираетъ многочисленную скиѳскую (то-есть русскую) конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы. Поэтому

---

[1]) По мнѣнію *Карамзина* (т. 2, гл. 13), Ростиславъ могъ быть княземъ смоленскимъ, пока онъ владѣлъ еще великокняжескимъ престоломъ.

[2]) Любопытное свидѣтельство о предшествующихъ дипломатическихъ сношеніяхъ Ярослава съ Мануиломъ.

[3]) Византійскіе историки, перевед. (съ греч. (при С.-Петербургской духовной академіи. С.-Пб., 1859 (*Киннамъ*), стр. 261.

[4]) Назв. соч., стр. 167 и слѣд.

Digitized by Google

онъ призналъ дѣломъ, какъ говорятъ, первой важности — возвратить Андроника. Съ этой цѣлью онъ приглашаетъ его оттуда и, послѣ дружескихъ увѣреній съ той и другой стороны, дѣйствительно принимаетъ странника въ свои объятія".

Мы оставляемъ въ сторонѣ дальнѣйшую судьбу Андроника и византійско-венгерской войны, такъ какъ о русскихъ князьяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Византіи не находимъ больше упоминаній у историковъ царствованія Мануила — Никиты Хоніата и Киннама. Перенесемся теперь мысленно къ двору галицкаго князя Ярослава и представимъ себѣ ту историческую эпоху, которую онъ переживалъ. Даже на основаніи скудныхъ, случайныхъ указаній византійскихъ историковъ можно судить о живомъ общеніи этой части Руси съ Византіей и Венгріей. События блестящаго царствованія императора Мануила, его постоянныя войны въ Малой Азіи, Италіи, Сербіи, Венгріи должны были постоянно доходить и до Руси. Его имя должно было быть популярно. Его двоюродный братъ гоститъ въ Галичѣ, выказываетъ свою удаль въ княжескихъ охотахъ, свои общественные таланты за княжескимъ столомъ. Это личность, интересующая своими похожденіями не только грековъ, но и Западную Европу. Онъ умѣетъ находить себѣ горячихъ сторонниковъ, овладѣваетъ и вниманіемъ русскихъ князей, получаетъ отъ Ярослава нѣсколько городовъ на кормленіе, составляетъ комплоты противъ брата и, конечно, знакомитъ своихъ хозяевъ со всѣми новостями политической и общественной жизни Византіи. Въ то же почти время прибывшій изъ Константинополя ловкій посолъ-дипломатъ (Мануилъ) ведетъ переговоры съ русскими князьями. Немудрено, что имя императора Мануила съ этихъ поръ хорошо запомнилось на Руси, и что все, связанное съ этимъ именемъ, должно было обращать на себя особенное вниманіе. На это имѣемъ даже прямыя указанія. Въ XIII вѣкѣ книжныя сказанія уже дѣлали Мануила современникомъ Владимира Мономаха, и авторъ „Слова о погибели Русской земли", прославляя могущество этого князя, обронилъ для насъ слѣдующее драгоцѣнное для исторіи нашего эпоса указаніе: „И жюръ (то-есть кѵръ) Маноуилъ црегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый кнзь Володимеръ ѿ ця города не взялъ" [1]). Можно думать, что имя Мануила особенно было популярно

[1]) Слово о погибели Русской земли, *Х. Лопарева*, 1892, стр. 24. Объясненіе этой хронологической ошибки см. у *И. Н. Жданова* — Русскій былевой эпосъ, стр. 97 и слѣд.

Digitized by Google

въ галицкихъ народныхъ разсказахъ: едва ли простую случайность можно видѣть въ томъ, что именно въ пѣсняхъ о Романѣ (въ которомъ мы вмѣстѣ съ проф. Ждановымъ видимъ Романа Галицкаго) похититель жены Романовой носитъ имя Мануила Ягайловича [1]). Можетъ-быть, то же имя находимъ въ былинномъ грозномъ царѣ Этмануйлѣ Этмануйловичѣ, за дочь котораго сватается Владимиръ стольно-кіевскій [2]). Припомнимъ далѣе вмѣшательство Мануила въ русскія церковныя дѣла, когда онъ письмомъ убѣждалъ князя Ростислава назначить митрополитомъ грека. Припомнимъ занесенное въ Новгородскую лѣтопись (3-ю) сказаніе, также зашедшее къ намъ изъ Византіи, о наказанной гордости этого же царя и о томъ, какъ онъ написалъ образъ Спасителя, извѣстный подъ именемъ золотой ризы [3]). Припомнимъ далѣе извѣстіе изъ житія преподобной Евфросиніи Полоцкой объ *ефесской* иконѣ Богородицы Одигитріи, присланной императоромъ Мануиломъ Евфросиніи по ея просьбѣ [4]). И вотъ почти къ тому же времени, даже къ тому же году, когда двоюродный братъ знаменитаго императора гостилъ въ Галичѣ (1165), относится сенсаціонное извѣстіе о томъ, какъ гордыня Мануила была унижена письмомъ къ нему пресвитера Іоанна (изъ Индіи богатой), который при необычайномъ своемъ могуществѣ и пышности противопоставляетъ свое христіанское смиреніе горделивости императора. Если мы теперь примемъ въ соображеніе, что посланіе пресвитера и вѣсти о посольствѣ Мануила къ нему дали матеріалъ для какого-то эпическаго сказанія, и что слѣды этого сказанія оказываются въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой упорно поминается и Индія богатая и Галичъ-Волынскій, то мысль о галицкомъ происхожденіи напрашивается сама собою, точно такъ же какъ является весьма естественнымъ предположеніе, что *основная* былина по времени своего сложенія едва ли слишкомъ отдалена отъ вышеописанныхъ галицко-византійскихъ отношеній, то-есть могла быть сло-

---

[1]) Проф. *Ждановъ* (Русскій былевой эпосъ, стр. 502) говоритъ, что это имя несомнѣнно связано съ воспоминаніями изъ польско-литовской исторіи. Думаемъ, что послѣднія отразились только на отчествѣ (Ягайловичъ), но что имя Мануила (имѣвшее, быть-можетъ, раньше другое отчество) восходитъ къ имени византійскаго императора.

[2]) Кирша Даниловъ, 1818 г., стр. 86, 88, 89, и соображенія Лопарева, назв. соч., стр. 14, прим.

[3]) П. С. Русск. Лѣт., III, 211.

[4]) См. житіе ея подъ 23-мъ мая у св. Димитрія ростовскаго. Припомнимъ, наконецъ, что Мануилъ пріютилъ у себя изгнанныхъ братьевъ кн. Андрея Боголюбскаго.

Digitized by Google

жена еще въ концѣ XII или въ началѣ слѣдующаго столѣтія [1]). Исходя изъ этого предположенія, поищемъ ему другихъ подтвержденій.

Всмотримся въ планъ былины и въ личность ея героя. Былина состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой разсказывается, какъ къ князю пріѣзжаетъ иноземный гость, не князь, не царевичъ, а частное лицо, бояринъ, хвастаетъ при дворѣ князя своимъ богатствомъ и роскошью и возбуждаетъ подозрѣніе во лживости. Во второй части князь снаряжаетъ спеціальное посольство для повѣрки хвастовства пріѣзжаго гостя, и посольство подтверждаетъ истину его словъ: частное лицо оказывается несравненно богаче князя, его городъ роскошнѣе княжеской столицы, его придворный штатъ неизмѣримо пышнѣе княжескаго. Во второй половинѣ разсказа, какъ мы видѣли, сохранились отголоски сказанія о дворѣ пресвитера Іоанна. Первая часть представляетъ нѣчто относительно самостоятельное; говоримъ — относительно, потому что не знаемъ предполагаемаго византійскаго (?) источника. Предположимъ, что въ этомъ прототипѣ были соотвѣтствія обѣимъ половинамъ нашей былины, и спросимъ себя, какъ могъ сложиться такой планъ разсказа подъ воздѣйствіемъ Посланія пресвитера Іоанна къ царю Мануилу. Посланіе, какъ извѣстно, кончается приглашеніемъ Мануилу снарядить посольство въ Индію, чтобы убѣдиться въ правдивости письма пресвитера. И вотъ, естественно, посольство въ Индію съ описаніемъ тамошняго богатства и великолѣпія должно войти въ эпическое произведеніе. Но чѣмъ мотивировать такое посольство? Письмомъ? Но это не во вкусѣ народнаго эпоса, который любитъ разсказъ о живомъ лицѣ, о его дѣйствіяхъ. Естественной мотивировкою поэтому представляется пріѣздъ ко двору властителя какого-нибудь лица изъ Индіи, съ хвастливымъ разсказомъ о тамошнемъ богатствѣ. Что же это за лицо? Не потревожится пріѣздомъ, конечно, такая важная особа, какъ самъ пресвитеръ. Такого невѣроятнаго пріѣзда его не могла бы создать самая пылкая фантазія, если руководилась содержаніемъ его письма. И вотъ фантазія слагателя новаго разсказа создаетъ весьма удачно другое лицо, идея для котораго дана въ самомъ посланіи. Въ такомъ царствѣ, каково царство пресвитера, даже частныя лица, его подданные, должны превосходить богатствомъ и роскошью вѣнценосцевъ: вѣдь служатъ же у пресвитера даже цари въ придворныхъ должностяхъ. Такимъ образомъ должна была явиться идея о пріѣздѣ изъ Индіи

---

[1]) Вопросъ: не былъ ли памфлетъ противъ императора Мануила привезенъ въ Галичъ врагомъ императора Андроникомъ?

Digitized by Google

частнаго лица, и противопоставленіе его богатства со средствами (византійскаго) властителя должно было всему разсказу придать еще болѣе соли и пикантности. Но въ разсказѣ необходимо, чтобы этотъ пріѣзжій богачъ носилъ опредѣленное имя. Въ выборѣ этого имени и видно, что мы имѣемъ дѣло съ пріемами народной эпики. Извѣстно, что она въ этомъ отношеніи отличается наивностью и нисколько не затрудняется лицамъ иноземнымъ давать свои національныя имена и изображать эти лица въ національномъ вкусѣ. Географія и этнографія для нея не имѣютъ значенія. Этимъ, повидимому, можно себѣ объяснить, что пріѣзжій изъ Индіи гость получилъ популярное греческое имя Дука (Δούκας). Дуки представляли аристократическій родъ, близкій къ династіи Комненовъ и состоявшій съ ними въ родственныхъ отношеніяхъ; нѣкоторые Комнены носятъ и фамилію Дуковъ: наприм., Константинъ Дукасъ (1059—1067), Михаилъ Дукасъ (1071—1078). Имя Дуковъ безпрестанно мелькаетъ въ византійскихъ лѣтописяхъ; многіе изъ носящихъ это фамильное имя занимаютъ высшія придворныя и военныя должности. Особенно прославился въ царствованіе Мануила Іоаннъ Дука своими блестящими побѣдами въ Италіи, Далматіи и Венгріи и подвигами личной храбрости [1]). Изъ другихъ Дуковъ упоминается въ то же царствованіе Константинъ Дука, женатый на племянницѣ царя [2]), и Андроникъ Дука, отличившійся при вторичномъ взятіи ромеями города Зевгмина тѣмъ, что первый взбѣжалъ на стѣну крѣпости [3]). Извѣстностью и славой имени Дуковъ объясняется и то, что эта фамилія встрѣчается и въ героическихъ сказаніяхъ Византіи. Въ поэмѣ о Дигенисѣ говорится объ Андроникѣ Дукѣ, на дочери котораго былъ женатъ отецъ Дигениса, такъ что со стороны матери популярнѣйшій герой византійскаго эпоса принадлежалъ знаменитому роду Дуковъ. Но съ тою же фамиліей онъ былъ связанъ и свойствомъ, такъ какъ самъ женился на дочери Дука [4]). Вѣроятно, славное византійское имя попало и въ южнославянскія пѣсни. Конечно, имя Дуки было въ томъ византійскомъ произведеніи, которое послужило основой русской былинѣ, ибо трудно предположить, что послѣдняя сама изобрѣла имя Дюка [5]). Но откуда могло получиться отчество — Степановичъ, такъ

---

[1]) См. *Киннамъ*, стр. 150, 157, 165, 271, 289.

[2]) *Киннамъ*, стр. 297.

[3]) *Киннамъ*, стр. 273.

[4]) Ю. Русск. был., VII, 171.

[5]) *Dozon*, Poésies serbes, 196. *Халанскій* — Марко Кралевичъ, II, 286, 445. Едва ли представляетъ фонетическое затрудненіе передѣлка иностраннаго имени Дука въ Дюка. Напомнимъ нѣкоторые одиночные случаи подобнаго же смягченія зубныхъ соглас-

Digitized by Google

прочно всегда сопровождающее имя Дюка, что ни одна былина не представляетъ другихъ варіантовъ? Думаемъ, что и здѣсь мы имѣемъ литературную традицію. Едва ли пріѣзжій изъ Индіи богачъ при фамиліи Дуки не имѣлъ личнаго имени, какъ другіе Дуки, упоминаемые византійскими источниками. Не носилъ ли онъ популярнаго въ Византіи, а черезъ нее у южныхъ славянъ и венгровъ, имени Стефана? Въ исторіи политическихъ событій, происходившихъ въ византійскихъ владѣніяхъ, на Балканскомъ полуостровѣ и Венгріи въ XII вѣкѣ, безпрестанно мелькаетъ это имя: вспомнимъ венгерскихъ королей Стефановъ, сербскихъ князей съ этимъ именемъ и многочисленныхъ Стефановъ царедворцевъ, военачальниковъ, *дуксовъ* и *великихъ дуксовъ*, упоминаемыхъ историками царствованія Мануила — Киннамомъ и Никитой Хоніатомъ [1]). Впрочемъ, едва ли есть надежда найти положительный отвѣтъ на вопросъ объ отчествѣ Дюка, узнать, откуда оно пошло, и ограничилась ли изобрѣтательность перваго слагателя былины въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что онъ, согласно русскому обычаю, сдѣлалъ иноземное личное имя отчествомъ. Характеристичнѣе для предполагаемаго галицкаго автора былины то, что онъ придалъ герою *боярское* званіе. Извѣстно, какимъ значеніемъ, самостоятельностью и богатствомъ отличалось галицкое боярство, вѣчно строившее козни противъ княжеской власти. Въ отношеніяхъ *боярина* Дюка къ князю, въ его тонѣ, повадкѣ, въ соперничествѣ съ нимъ, повидимому, проглядываютъ историческія черты эпохи сложенія былины, то-есть XII

ныхъ, впрочемъ, бо́льшей частью (хотя не исключительно) подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога: *тюрьма* и нѣмец. Turm, *тюльпанъ* и *тулипанъ* = tulipa, *тяблo* = tabula, *дюжій* и областное *дужій*, *тюрикъ* и *турачекъ*, древ. русск. *дятель* и *дятелъ* (словарь Срезневскаго). Нельзя ли предположить, что Дюкъ — *великорусская* передѣлка южнорусскаго и стариннаго *Дукъ?* По крайней мѣрѣ въ малорусскомъ *дук* и *дука* значитъ *богачъ*, *вельможа* (см. словари Желеховскаго, Пискунова, Закревскаго). Можетъ-быть, уже въ старину у южноруссовъ эпическое имя богача Дука перешло въ нарицательное прозвище, раздѣливъ судьбу нѣкоторыхъ другихъ собственныхъ именъ: Крезъ, Аника, Донъ-Жуанъ, Ловеласъ и друг. У сербовъ имя Дука встрѣчается какъ собственное и также значитъ *герцогъ*. Для объясненія итальянскаго слова duca *(герцогъ)* Дицъ (Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen) предполагаетъ, что оно вышло не изъ латинскаго dux, которое въ средневѣковомъ латинскомъ звучало dox, docis (срав. венеціанское doge), а изъ византійскаго δούκας или δούξ, винит. δούκα. Этимъ именемъ византійцы задолго до литературнаго періода итальянскаго языка называли воеводу провинціи или города.

[1]) У *Киннама* упоминаются 5 Контостефановъ: Контостефанъ Андроникъ — извѣстный полководецъ (34, 64—67, 108, 220, 299, 301, 309); Контостефанъ Алексѣй—протостраторъ (142, 185—188, 235); Контостефанъ Іоаннъ—придворный сановникъ и дипломатъ (219, 230); Контостефанъ Стефанъ (105); Контостефанъ Θеодоръ—военачальникъ (41, 135).

Digitized by Google

или XIII вѣка. Къ сожалѣнію, итти дальше въ уясненіи процесса сложенія основной былины мы не въ состояніи, и она должна остаться для насъ въ туманныхъ очертаніяхъ. Трудность ступать въ этомъ направленіи хоть сколько-нибудь прочно заключается въ томъ, что мы не видимъ положительныхъ данныхъ для рѣшенія основного вопроса: современно ли прикрѣпленіе мѣста дѣйствія былины къ Кіеву и князю Владимиру ея сложенію, или такое прикрѣпленіе произошло лишь *позднѣе* и предполагаетъ уже вторую редакцію. Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе. Изъ предыдущихъ соображеній видно, что оба имени — Индія и Галичъ — были уже въ основной былинѣ и, конечно, не могли отождествляться, какъ въ современной. Первый слагатель, жившій въ Галицкой области, не могъ отождествить свой областной городъ съ Индіей богатой. Слѣдовательно, Дюкъ пріѣзжалъ изъ Индіи въ Галичъ, такъ какъ другого отношенія между обоими именами мы не можемъ себѣ представить. Если Дюкъ пріѣзжалъ въ Галичъ, то, конечно, къ галицкому князю, и ни Кіевъ, ни кн. Владимиръ не были нужны,— ergo кіевское прикрѣпленіе былины произошло только впослѣдствіи. Путаницу, которая вслѣдствіе этого произошла между Галичемъ и Индіей богатой, объяснить себѣ возможно такимъ соображеніемъ. Имя Дюка богатаго, хваставшаго своими богатствами въ Галичѣ, было такъ тѣсно въ народномъ преданіи связано съ этимъ городомъ, что второй редакторъ былины, жившій уже въ тѣхъ мѣстахъ Руси, гдѣ Галичъ былъ неизвѣстенъ, и въ такое время, когда „мать городовъ русскихъ“ блистала больше въ эпическомъ и церковномъ преданіи, чѣмъ въ государственной русской жизни, перенеся Дюка въ эпическій центръ — ко двору кн. Владимира, просто по наивности отождествилъ оба неизвѣстныя ему мѣста — Галичъ-Волынецъ и Индію богатую.

Продолжая ступать по той же зыбкой почвѣ догадокъ, спросимъ себя: не рушится ли все это построеніе отъ присутствія другого имени въ былинѣ, соперника Дюка по щегольству, котораго пріѣзжій богатырь застаетъ въ Кіевѣ, какъ тамошняго извѣстнаго *щапа,* любимца кіевскихъ женщинъ? Мы говоримъ о Чурилѣ Пленковичѣ. Едва ли. Чурило Пленковичъ, какъ видно изъ другихъ былинъ,— самъ человѣкъ заѣзжій въ Кіевѣ, хотя и обжившійся въ немъ. Онъ самъ, повидимому, потомъ вовлеченъ въ кіевскій эпическій циклъ, какъ и Дюкъ Степановичъ. Но откуда онъ родомъ, въ какомъ краѣ Руси сталъ первоначально извѣстенъ въ пѣсняхъ этотъ типъ, и откуда пошло его имя? Если въ первоначальной галицкой былинѣ о Дюкѣ этотъ пріѣзжій изъ Индіи засталъ Чурилу въ Галичѣ, какъ мѣстнаго щапа, то есте-

Digitized by Google

ственно предположить галицко-волынское происхожденіе Чурилы. Это было бы только болѣе опредѣленное пріуроченіе этого эпическаго имени, потому что въ южно-русскомъ его происхожденіи не сомнѣвается никто изъ современныхъ изслѣдователей. „Распространенность именъ Чурило, Журило, Цюрило въ юго-западной Руси въ пѣсняхъ и мѣстныхъ названіяхъ, — говоритъ проф. Халанскій [1]), — даетъ большую вѣроятность мнѣнію о южно-русскомъ происхожденіи сказаній объ этомъ богатырѣ“. Дѣйствительно, имя Чурилы (Джурилы, Журилы, Цюрилы) принадлежитъ къ тѣмъ очень немногимъ эпическимъ именамъ, которыя помнятъ народныя пѣсни Холмской, Подлясской и Галицкой Руси. Въ одной, именно *галицкой,* пѣснѣ про раскосую дѣвушку поется:

Казалась ми тоту браты,
Ту, шо скуловока:
Йодно йоко до Джурыла,
Друге до Потока [2]).

Въ старинной малорусской свадебной пѣснѣ (изъ Жолковскаго округа Галиціи) изображается свита дѣвицъ, идущая за Журилой (въ варіантѣ Липинскаго — Чурилой):

Ішов Журило з міста,
За нім дівочок триста [3]).

То же дѣвичье войско Чурилы является въ плясовой пѣснѣ, сопровождающей обрядъ, въ Покутьи:

Гой ты Джурыло, гой ты!
Куда ж до тебе зайты?
Ледом дівчета, ледом,
В мене горілка з медом.
Гой ты, Джурыло, пане!
Де твое війско стане?
Йа місті пры долыні,
Пры червоні калыні [4]).

Пѣсня о Чурилѣ поется въ Грубешовскомъ и Холмскомъ уѣздахъ Люблинской губерніи. Приводя эту пѣсню (варіантъ пѣсни, изданной у Антоновича и Драгоманова), авторы статьи „Очерки быта крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ“ гг. Н. Страшкевичъ и К. Заусцинскій замѣчаютъ: „Увлекающаяся Джурилой дѣвушка

---

[1]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, 209.

[2]) *Kolberg,* Pokucie, II, 101.

[3]) Жегота Паули, ч. II, стр. 149—150; перепечатано у *Антоновича и Драгоманова,* Историч. пѣсни малорусск. народа, I, 54—56.

[4]) *Kolberg,* II, 155.

Digitized by Google

Ксеня, забывшая у него черевички и безъ нихъ явившаяся къ матери, напоминаетъ Катерину Микуличну, жену стараго Бермяты, которая тоже прибѣгаетъ къ мужу отъ Чурилы (точнѣе, выбѣгаетъ къ мужу изъ своей спальни, гдѣ сидитъ Чурило) въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чеботовъ" [1]).

По словамъ издателей „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа", въ древней Руси издавна былъ боярскій родъ Чуриловъ, или Джуриловъ, члены котораго упоминаются съ конца XIV по начало XVII столѣтія, въ качествѣ сановниковъ земель: перемышльской, галицкой и подольской; въ послѣдней изъ нихъ Чурилами основанъ былъ городъ Чуриловъ (нынѣ Джуринъ, Подольской губерніи, Ямпольскаго уѣзда), въ которомъ въ началѣ текущаго столѣтія польскій этнографъ Липинскій слышалъ варіантъ пѣсни о Чурилѣ и его войскѣ. Какъ собственное имя, Чурило встрѣчается, напримѣръ, въ галицкомъ документѣ 1410 года Akta grodzkie i ziemskie: Nobilis Andreas dictus Czurilo. Извѣстенъ и фольваркъ Чурилы въ Сѣдлецкой губерніи [2]).

Что касается происхожденія имени, то оно представляется до сихъ поръ не вполнѣ уясненнымъ. Обыкновенно полагаютъ, что Чурило произошло изъ древне-русскаго Кюрилъ, варіанта имени Кириллъ, опираясь на то, что при имени Кипріанъ существуетъ имя Чупріанъ, откуда великорусское мѣстное названіе Чупріановка. Проф. Соболевскій, однако, отвергаетъ это объясненіе, по отсутствію достовѣрныхъ примѣровъ измѣненія на русской почвѣ *к* въ *ч*, и считаетъ имя Чурило уменьшительнымъ отъ *Чуославъ*, какъ Твердило отъ *Твердиславъ* [3]). Противъ такого объясненія мы ничего бы не имѣли, если бы, во-первыхъ, было доказано, что Твердило есть уменьшительное отъ Твердислава, и, во-вторыхъ, что дѣйствительно существовало древне-русское имя *Чуославъ*, до сихъ поръ не найденное ни въ какихъ памятникахъ. Не произошелъ ли переходъ *к* въ *ч* подъ вліяніемъ латинской формы Cyrillus у русскихъ, сталкивавшихся съ Западомъ и получившихъ это имя въ латинской оболочкѣ? Ср. чешск. Cyrill. Имя отца Чурилы, выведенное изъ его отчества, звучало Пленко и своимъ суффиксомъ подходитъ къ стариннымъ южно-русскимъ и нынѣшнимъ

---

[1]) См. Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, *П. Батюшкова*. Вып. 7-й, Холмская Русь, стр. 347 и слѣд. О южно-русскомъ происхожденіи именъ Чурилы см. еще замѣтки *В. Каллашъ* въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, 1889, III 207—210; 1890, II, 252.

[2]) *Живая Старина*, 1890 г., вып. II, стр. 95.

[3]) *Живая Старина*, 1890 г., вып. II, стр. 95.

Digitized by Google

малорусскимъ именамъ: сравните галицкія имена Владимирко, Василько, польскія Мешко, Лешко, малорусскія Левко, Харько и друг. Предполагая въ Чурилѣ такое же происхожденіе, какъ въ Дюкѣ, спѣшу, однакожъ, оговориться, что древность его имени нисколько не ручается за древность тѣхъ сюжетовъ, которые связаны съ нимъ въ современныхъ былинахъ. Имена въ нашемъ эпосѣ вообще древнѣе сюжетовъ, такъ какъ послѣдніе подвергались въ исторіи эпоса иногда радикальнымъ переработкамъ и воспринимали черты позднѣйшихъ эпохъ. Намъ кажется, что наидревнѣйшимъ сюжетомъ, связаннымъ съ именемъ Чурилы, было его соперничество съ Дюкомъ. На другихъ сюжетахъ, какъ я старался уяснить въ спеціальной статьѣ, отслоились яркія черты позднѣйшей сѣверно-русской переработки.

Поищемъ другихъ галицко-волынскихъ отголосковъ въ нашихъ былинахъ. Въ стихахъ вышеприведенной галицкой пѣсни вслѣдъ за Джурилой названо имя другого богатыря Потока. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого указанія на извѣстность этого былиннаго имени у галичанъ. Спрашивается, зашло ли это имя сюда изъ великорусскихъ былинъ или представляетъ наслѣдіе старины? Первое представляется мнѣ совершенно невѣроятнымъ: этотъ богатырь извѣстенъ исключительно современному олонецкому былинному репертуару,—ни въ одной другой губерніи европейской Россіи былинъ о немъ не было записано. Въ прошломъ столѣтіи одна былина о немъ попала въ Сибири въ сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову: наконецъ, есть еще три прозаическихъ записи былины въ рукописяхъ XVIII и XVII вѣковъ [1]), восходящія къ одной редакціи XVII вѣка. Имя Потока неизвѣстно ни въ какихъ мѣстахъ, гдѣ соприкасается *великорусская* народность съ *малорусской*, гдѣ возможно было бы предположить воздѣйствіе великорусской эпики на малорусское пѣснотворчество. Итакъ можно думать, что имя Потока въ галицкой пѣснѣ — такое же наслѣдіе родной старины и преданія, какъ имя Чурилы. Подтверждается ли это, однако, содержаніемъ великорусскихъ былинъ объ этомъ богатырѣ?

Я не стану подробно разбирать былины о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ [2]), такъ какъ для моей цѣли такой разборъ и не нуженъ. Укажу только на результаты, добытые анализомъ другихъ изслѣдователей, и отмѣчу въ былинѣ нѣкоторыя интересныя для насъ имена.

---

[1]) См. Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 25—46.

[2]) Кирша Даниловъ, № 22; *Рыбниковъ*, I, №№ 35—38; II, №№ 15—17; IV, № 12; *Гильфердингъ*, №№ 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 25—46.

Digitized by Google

Былина о Потокѣ производитъ съ перваго взгляда впечатлѣніе сложной сказки на широко распространенную тему о невѣрныхъ женахъ, прикрѣпившейся къ какому-то старинному имени. Наидревнѣйшей частью сказки представляется женитьба героя, уговоръ съ женою о томъ, что переживший изъ обоихъ супруговъ долженъ сопровождать другого въ могилу, смерть жены, пребываніе мужа съ тѣломъ ея въ склепѣ и столкновеніе его со змѣемъ, послужившее къ воскрешенію жены. Эта первая сказка составляетъ, напримѣръ, все содержаніе былины въ записи Кирши Данилова и имѣетъ множество параллелей и въ русской и въ иностранной сказочной литературѣ. Отмѣтимъ особенно бѣлорусскую сказку [1]) (великорусская не встрѣтилась), польскую [2]), нѣмецкую [3]). Указаны были далѣе параллели въ сказкахъ французскихъ (лотарингская, бретонская), каталанскихъ, итальянскихъ (изъ Абруццъ), сицилійскихъ и восточныхъ (кавказскихъ, индійскихъ, аннамскихъ, монгольскихъ и др.) [4]). Раздѣляя исторію сказокъ вообще основная сказка осложнилась другими на тему о невѣрныхъ женахъ. Волшебница, жена героя, увозится въ его отсутствіе другимъ, измѣняетъ мужу и старается его погубить, когда онъ является за нею. Попытки погубить мужа излагаются въ двухъ эпизодахъ: въ первый разъ, опоивъ мужа, она превращаетъ его въ камень, какъ Марина Добрыню въ тура; мужа воскрешаетъ чудесный старецъ (Михаилъ архангелъ, Никола Можайскій); во второй разъ жена, снова опоивъ мужа виномъ, пригвоздила его въ погребѣ къ стѣнѣ; героя спасаетъ сестра похитителя (Настасья); онъ убиваетъ невѣрную жену, ея любовника и женится на своей освободительницѣ. Вопросъ о восточномъ или западномъ происхожденіи сюжета, прикрѣпившагося къ имени Потока, не можетъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ: въ сложную сказку, прошедшую, вѣроятно, чрезъ нѣсколько редакцій, могли войти въ теченіе времени мотивы съ разныхъ сторонъ. Но въ общемъ мы раздѣляемъ взглядъ, высказанный г. Махаломъ, который пришелъ къ убѣжденію, что былина, какъ цѣлое, стоитъ гораздо ближе къ западно-европейскимъ сказкамъ, чѣмъ къ восточнымъ, но въ тѣхъ чертахъ, которыми отличается отъ западно-европейскихъ, сходится съ

---

[1]) *Романовъ*, III, № 88, стр. 353—359.

[2]) *Kolberg*—Lud. Jego Zwyczajie, spósob życia и пр., № 11, стр. 229—230.

[3]) *Grimm*, стр. 82—92.

[4]) Наиболѣе полный перечень параллелей содержанію былины о Потокѣ см. въ книгѣ Máchal'a—O bohatýrském epose slovanském. Praha, 1894 г., стр. 167—172. См. еще: *Rambaud*, La Russie épique, p. 174; *Radloff*, III, 372; *Потебня*, Объясненіе малороссійскихъ пѣсенъ и проч., II, 287.

Digitized by Google

азіатскими [1]). Этотъ выводъ, вытекающій изъ просмотра всѣхъ доселѣ извѣстныхъ параллелей, соотвѣтствуетъ вообще срединному положенію русскихъ сказокъ между Азіей и Европой. Не останавливаясь далѣе на этомъ вопросѣ, замѣтимъ только для дальнѣйшаго, что, во-первыхъ, основной сказкой, прикрѣпленной къ имени Потока, было спасеніе имъ жены отъ змѣя, во-вторыхъ, что для этой части былины наибольшее число параллелей оказывается на Западѣ, а не на Востокѣ, такъ что, если европейское происхожденіе основной сказки и не можетъ быть доказано положительно, то по крайней мѣрѣ оно наиболѣе вѣроятно. Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ географическимъ именамъ былины.

Откуда привезъ себѣ жену Михаилъ Потокъ, какое имя было въ древнѣйшей доступной намъ редакціи былины? Марья-королевична, лебедь-бѣлая, въ значительномъ большинствѣ пересказовъ называется *Подоленка* [2]), то-есть изъ Подоліи. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ прямо говорится въ началѣ, что Потокъ Михаилъ Ивановичъ былъ отправленъ въ землю Подольскую [3]), и что его жена была дочь короля подольскаго. Если въ нѣкоторыхъ пересказахъ мы находимъ другія географическія имена страны, изъ которой Потокъ вывезъ Марью, напримѣръ темна орда [4]), заморское царство [5]), Вахрамѣево царство [6]), то въ этомъ нужно видѣть позднѣйшее искаженіе, такъ какъ названіе „Подоленка“ является обычнымъ эпитетомъ Марьи — даже въ тѣхъ пересказахъ, которые не знаютъ объ ея привозѣ, смерти и воскрешеніи, а разсказываютъ только объ ея увозѣ въ отсутствіе мужа [7]). Итакъ Потокъ добылъ себѣ жену въ Подоліи, и нѣтъ основанія предполагать, чтобъ это географическое имя вошло въ былину сравнительно поздно, въ сѣверно-русскій періодъ нашего эпоса, когда о давно отторгнутой отъ Россіи Подоліи едва ли помнили что-нибудь сказители. Похититель Марьи назывался уже въ древнѣйшей редакціи политовскимъ королемъ: такъ онъ называется въ большинствѣ пересказовъ [8]). Имя ему дано взятое изъ позднихъ сказокъ: Вахрамѣй [9]) (изъ сказки о Еруланѣ Лазаревичѣ), Кощей. Оба имени извѣстны изъ сходныхъ по сюжету бы-

---

[1]) Назв. соч., стр. 172.

[2]) *Гильфердингъ*, №№ 40, 140, 158; *Рыбниковъ*, I, 37, 38; II, 16, 17; IV, 12.

[3]) См. *Гильфердингъ*, № 6=*Рыбниковъ*, IV, 12; *Гильфердингъ*, № 40.

[4]) *Рыбниковъ*, I, 36.

[5]) *Рыбниковъ*, II, 15.

[6]) *Гильфердингъ*, 52.

[7]) Напримѣръ, *Гильфердингъ*, 158, 150=*Рыбниковъ*, II, 16; *Рыбниковъ*, I, 38; II, 17.

[8]) *Рыбниковъ*, II, 17, 16; IV, 12; I, 38, 36. *Гильфердингъ*, №№ 158, 130, 6, 40.

[9]) *Рыбниковъ*, I, 38; II, 17.

Digitized by Google

линъ объ Иванѣ Годиновичѣ. Въ варіантѣ у Рыбникова, I. № 37, гдѣ этотъ Вахрамѣй увозитъ Марью въ землю Волынскую, быть-можетъ, реминисценція изъ какого-нибудь древняго пересказа. Въ рукописной редакціи XVII вѣка, страна, въ которую увезли Авдотью Лиховидовну, перенесена съ запада на востокъ: ее увезли въ Золотую орду. Несомнѣнно, однако, что въ основной редакціи дѣло шло о Литвѣ, а не о татарскомъ царствѣ [1]), такъ какъ похититель обычно называется *королемъ*, а не царемъ. Итакъ географическія даты былины о Потокѣ ведутъ насъ въ юго-западную Русь — въ Подолію, Волынь, Литву, и въ виду извѣстности имени Потока въ галицкой Руси нѣтъ основанія думать, чтобы эта сцена изложенныхъ въ былинѣ событій была внесена лишь впослѣдствіи въ какую-нибудь изъ ея позднихъ переработокъ.

Имя самого героя уже было предметомъ изслѣдованія акад. Веселовскаго, и намъ остается только, напомнивъ добытые имъ результаты, сдѣлать изъ нихъ нѣкоторыя дальнѣйшія заключенія.

Акад. Веселовскій, приведя въ своемъ изслѣдованіи [2]) текстъ житія праведнаго Михаила воина изъ рукописи, принадлежавшей проф. Григоровичу и поступившей въ Румянцевскій музей, останавливается затѣмъ на нѣкоторыхъ эпическихъ мотивахъ житія — именно змѣеборствѣ, приписываемомъ праведному Михаилу изъ Потуки, — и приходитъ къ предположенію, что чудо Михаила изъ Потуки или Потоки со змѣемъ отложилось общими чертами *или только именемъ дѣйствующаго лица* въ русской былинѣ о Михаилѣ Потокѣ [3]). Въ заключеніе авторъ говоритъ: „я обращаю пока вниманіе на совпаденіе именъ и общихъ очертаній, предоставляя себѣ вернуться, при другомъ случаѣ и подробнѣе, къ вопросу объ источникахъ былинъ о Потокѣ“ [4]). Насколько знаемъ, авторъ не возвращался затѣмъ къ этой темѣ. Попытаемся тѣснѣе связать Михаила изъ Потуки съ нашимъ былиннымъ Михаиломъ Потокомъ.

Припомнимъ въ общихъ чертахъ содержаніе житія. Михаилъ, родомъ болгаринъ, служилъ воеводой въ римскомъ (византійскомъ) войскѣ. Когда римляне были тѣснимы агарянами и уже обратились въ бѣгство, Михаилъ со своею дружиной выручилъ римлянъ, бросился отважно на

---

[1]) Въ былинѣ Рябинина у *Рыбникова*, I, 35=*Гильфердингъ*, №№ 28 Потокъ даже встрѣчаетъ Марью-лебедь-бѣлую въ Литвѣ, а не въ Подоліи.

[2]) «Праведный Михаилъ изъ Потуки» въ Разысканіяхъ въ области духовнаго стиха, IX.

[3]) Назв. соч., стр. 365.

[4]) Тамъ же, стр. 366.

Digitized by Google

непріятеля, убилъ множество агарянъ и эѳіоплянъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство. Возвращаясь домой въ городъ Потуку, онъ остановился отдохнуть близъ одного озера. Въ озерѣ жилъ змѣй, выходившій пожирать дѣтей, которыхъ, по обычаю, доставлялъ ему сосѣдній городъ. На этотъ разъ около озера ждала своей участи дѣвица. Михаилъ одинъ, безъ испугавшейся змѣя дружины, отважился биться съ чудовищемъ и, бросившись на него, снесъ ему мечомъ всѣ три головы. Однако змѣй успѣлъ ударить Михаила опашью въ правую щеку и лѣвую руку, отъ чего юноша пролежалъ нѣкоторое время безъ чувствъ. Затѣмъ извѣщенные о событіи на озерѣ граждане вышли съ торжествомъ на встрѣчу побѣдителю змѣя. Прійдя домой, Михаилъ скоро умеръ, и тѣло его въ Потукѣ стало творить чудеса. Впослѣдствіи, когда болгарскій царь Калоіоаннъ овладѣлъ Потукой, онъ велѣлъ перенести мощи угодника въ городъ Тырновъ. Перенесеніе совершилось съ большой торжественностью: на встрѣчу мощамъ вышелъ патріархъ Василій съ духовенствомъ и боярами. Это событіе произошло въ 1206 г., а жилъ Михаилъ изъ Потуки во 2-й половинѣ IX вѣка, принадлежа къ первымъ болгарскимъ христіанамъ.

Предполагать, что болгарская легенда о Михаилѣ изъ Потуки дала самый сюжетъ русской былинѣ о Михаилѣ Потокѣ нѣтъ основанія, а все же между легендой и былиной чувствуется какая-то связь. Во-первыхъ, въ именахъ. Нашъ богатырь носитъ какое-то странное, необычное въ эпосѣ имя: Михаилъ-Потокъ по отчеству Ивановичъ. Имя Потокъ, въ дальнѣйшемъ искаженіи Потыкъ, какъ личное, неизвѣстно на Руси. Оно очевидно заимствовано и перешло одновременно съ именемъ Михаила, къ которому было прикрѣплено.

Повидимому, слагатели былинъ ограничились тѣмъ, что къ имени Потокъ прицѣпили популярнѣйшее отчество *Ивановичъ,* какъ бы считая оба имени Михаилъ-Потокъ за одно, слитное. Такая постановка отчества доказываетъ, что имя Потокъ было всегда связано съ именемъ Михаила, какъ бы его постоянный эпитетъ, въ родѣ: Соловей-разбойникъ Ахматовичъ. Поэтому связь имени Михаила-Потока съ именемъ Михаилъ изъ Потуки (или Потоки) представляется весьма правдоподобною.

Нѣкоторое сходство между легендой о Михаилѣ изъ Потуки и отдѣльными чертами былины о Михаилѣ Потокѣ также можетъ быть намѣчено. Оба представляются храбрыми воителями: Михаилъ изъ Потуки разбиваетъ агарянъ и эѳіоплянъ; Михаилъ Потокъ успѣшно выправляетъ дань въ землѣ Подольской, прогоняетъ изъ Кіева безчислен-

Digitized by Google

ную рать Кощея Золотой орды и проч.; оба около воды находятъ дѣвицу; оба такъ или иначе спасаютъ женщину отъ змѣя. Этимъ однакожъ и ограничивается все сходство: фабулы легенды и основной части былины (то-есть воскрешенія мертвой жены, которую посѣтилъ змѣй) — различны. Единственная представляющаяся намъ возможность уяснить себѣ отношенія болгарскаго Михаила изъ Потуки къ русскому Михаилу Потоку состоитъ въ слѣдующей гипотезѣ. Мы видѣли, что былина о Потокѣ — созданіе весьма сложное: это синкретическая сказка на тему о невѣрной женѣ, нараставшая послѣдовательно на имя, связанное съ какимъ-то древнимъ сказаніемъ. Основнымъ мотивомъ въ былинѣ является отношеніе Потока къ дѣвицѣ и змѣю. Спрашивается, почему именно къ Потоку прикрѣпился этотъ странствующій сказочный сюжетъ? Вѣроятно, именно потому, что нѣчто подобное, то-есть какое-то преданіе о дѣвицѣ и змѣѣ, было еще раньше связано съ именемъ Михаила изъ Потуки и перешло вмѣстѣ съ нимъ на Русь. Шаблонная формула Георгія змѣеборца, выражающаяся въ болгарской легендѣ, была замѣнена другимъ аналогичнымъ мотивомъ, въ которомъ оказались, какъ въ прежней формулѣ, и змѣй и женщина, но въ другой, болѣе интересной комбинаціи. На одно имя, безъ какого-нибудь связаннаго съ нимъ преданія, не могла бы отслоиться сказка, а такое преданіе представляетъ намъ болгарская легенда о Михаилѣ изъ Потуки.

Итакъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что наше былинное имя Михаилъ - Потокъ — болгарскаго происхожденія. Является вопросъ: къ какому русскому населенію и въ какое время могло оно перейти изъ Болгаріи? Единственное указаніе житія, которымъ можно воспользоваться, это — свидѣтельство о перенесеніи мощей праведнаго Михаила изъ Потуки въ главный городъ Болгаріи Трновъ въ 1206 году. Изъ житія извѣстно, что мощи Михаила творили чудеса въ Потукѣ [1]), и, конечно, по причинѣ этихъ чудесъ и народнаго культа болгарскій царь Калоіоаннъ повелѣлъ перенести мощи въ болѣе важный городъ, при чемъ перенесеніе было обставлено всею пышностью церковной и гражданской. Это событіе должно было еще болѣе подновить память о Михаилѣ изъ Потуки, еще шире распространить его извѣстность. Можно думать, что въ это-то время, то-есть въ первой четверти XIII вѣка, имя Михаила изъ Потуки вышло за предѣлы его родной страны, перешло къ ближайшимъ русскимъ православнымъ сосѣдямъ и полу-

[1]) Можетъ-быть, нынѣшній Батакъ; см. у *Веселовскаго*, назв. соч., стр. 364.

Digitized by Google

чило у нихъ извѣстность. Ближайшіе русскіе сосѣди болгаръ были въ это время подданные Галицкаго княжества, которое его нижнедунайскія владѣнія связывали съ Болгаріей. Немудрено поэтому, что именемъ Михаила изъ Потуки овладѣла народная эпика галицкаго населенія, и что послѣдній слѣдъ популярности этого имени въ Галиціи донесла до насъ вышеприведенная галицкая пѣсня. Если эти предположенія правдоподобны, то и нѣкоторыя старинныя географическія названія, сохранившіяся въ сѣверной былинѣ, какъ кусочки, захваченные изъ прежней разбитой мозаики, найдутъ себѣ объясненіе: королевство Политовское или *земляная* Литва поганая была ближайшимъ врагомъ, съ которымъ постоянно воевала галицко-волынская Русь до своего поглощенія этимъ сосѣдомъ; Подолія, изъ которой родомъ Марья Лебедь-бѣлая, была прихвачена сѣверной былиной такъ же безсознательно, какъ Галичъ-Волынскій въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ.

Своимъ отношеніемъ къ политовскому королю Михаилъ Потокъ до нѣкоторой степени напоминаетъ другого русскаго богатыря Дуная, предпринимающаго поѣздку къ ляховинскому королю. Считаю нужнымъ остановиться нѣсколько на имени и похожденіяхъ этого богатыря въ виду представляющейся мнѣ возможности найти въ былинѣ о немъ нѣкоторыя черты, повидимому, относящіяся къ юго-западнымъ историческимъ отношеніямъ.

Едва ли въ настоящее время нужно останавливаться на разборѣ взглядовъ на Дуная тѣхъ сторонниковъ стародавности эпическихъ сюжетовъ, которые видѣли въ этомъ богатырѣ олицетвореніе славянской рѣки Дуная или перешедшій въ былину праславянскій миѳъ. Это толкованіе, не находя никакой опоры ни въ личности богатыря, ни въ его эпическихъ похожденіяхъ, приводило въ свою пользу случайное совпаденіе именъ героя и рѣки и окончаніе былины — происхожденіе рѣки отъ крови заколовшагося Дуная. Но для обоихъ фактовъ возможно иное, болѣе простое и правдоподобное объясненіе. Имя Дунай, какъ личное, принадлежитъ къ довольно распространеннымъ старинным русскимъ именамъ [1]). Но можно даже съ нѣкоторой вѣроятностью намѣтить историческое лицо, носившее это имя и давшее нѣкоторыя черты для эпическаго образа Дуная. Припомнимъ сначала эпическія похожденія послѣдняго.

Содержаніе единственной былины, прикрѣпленной къ имени Ду-

---

[1]) См. статью проф. *А. И. Соболевскаго* въ *Живой Старинѣ* 1890 г., вып. II стр. 100.

Digitized by Google

ная, — добываніе невѣсты для князя Владимира. Былина открывается обычнымъ пиромъ, на которомъ князь жалуется, что онъ не женатъ, между тѣмъ какъ всѣ князи-бояре и могучіе богатыри переженены, и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто подходящей ему невѣсты. Дунай Ивановичъ указываетъ князю достойную его невѣсту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы, затѣмъ, выбравъ товарищемъ Добрыню, ѣдетъ за Опраксой. Богатыри пріѣзжаютъ къ литовскому королю. Дунай, служившій прежде у короля, входитъ въ палаты, а Добрыня остается при коняхъ на случай опасности. На сватовство Дуная король разгнѣвался и велитъ посадить свата въ погребъ. Дунай напугалъ королевскихъ слугъ, замахнувшись рукою. Но въ это время прибѣгаютъ со двора другіе слуги, которые разсказываютъ, что Добрыня перебилъ дубиною всю королевскую силу. Король смиряется и отпускаетъ Опраксу съ Дунаемъ и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь, и они „раздернули" палатку полотняную. Поутру Дунай замѣтилъ богатырскій слѣдъ и, оставивъ Опраксу на попеченіе Добрыни, поѣхалъ догонять неизвѣстнаго богатыря. Далѣе описывается боевая встрѣча Дуная съ сестрой Опраксы паленицей Настасьей королевичной, кончающаяся тѣмъ, что онъ, побѣдивъ паленицу, рѣшаетъ на ней жениться и ѣдетъ съ нею въ Кіевъ, куда уже раньше пріѣхалъ Добрыня съ невѣстой для Владимира. Одновременно празднуются двѣ свадьбы. На пиру Дунай споритъ съ женой объ искусствѣ своемъ въ стрѣльбѣ: устраивается состязаніе, и, пристыженный женою, онъ убиваетъ ее выстрѣломъ, послѣ чего и самъ закалывается на ея трупѣ.

Различные пересказы этой былины [1]) представляютъ лишь незначительные варіанты: такъ лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная, какъ богатыря, способнаго исполнить порученіе князя, называется Пермиломъ, княземъ Карамышевскимъ, Ильей Муромцемъ. Иногда Дунай беретъ въ спутники Василія Кизимировича, Алешу, Екима Ивановича, иногда двухъ спутниковъ — Добрыню и Алешу [2]), Ваську Буслаева и Панюшку Поворенпаго [3]); но изъ *большинства* пересказовъ можно вывести, что въ древнѣйшей доступной намъ редакціи непремѣннымъ спутникомъ Дуная былъ Добрыня. Такое сведеніе богатырей въ общемъ похожденіи имѣетъ свое основаніе. Въ моей статьѣ „Доб-

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272. *Рыбниковъ*, I, 20, 31, 32, II, 12, III, 21. *Кирѣевскій*, III, стр. 52—69. *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, отд. II, №№ 32, 33, 34, 35 и 36.

[2]) *Гильфердингъ*, № 34; *Кирѣевскій*, III, 58.

[3]) *Гильфердингъ*, № 191.

Digitized by Google

рыня-сватъ“ [1]) я обратилъ уже вниманіе на то, что слагатели былинъ подмѣчали сами аналогію между обоими богатырями, проявляющуюся въ ихъ служебныхъ отношеніяхъ къ Владиміру и характерѣ ихъ подвиговъ. Аналогія заключается въ слѣдующемъ: а) Добрыня, по порученію Владиміра, освобождаетъ и привозитъ въ Кіевъ близкую къ князю женщину (Запаву Путятичну); Дунай долженъ, по порученію князя, привезти ему невѣсту отъ враждебнаго короля; б) во многихъ былинахъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ, Добрыня, передавъ освобожденную имъ Запаву Алешѣ для доставленія ея въ Кіевъ, самъ бьется съ паленицей и затѣмъ женится на ней; въ былинѣ о Дунаѣ, послѣдній, поручивъ Опраксу Добрынѣ, самъ встрѣчается съ воинственной ея сестрой Настасьй (то же имя носитъ и жена Добрыни), бьется съ нею и привозитъ ее въ Кіевъ какъ свою невѣсту. Отсюда становится понятно одиночное смѣшеніе Дуная съ Добрыней въ былинѣ (Гильфердингъ, № 191), гдѣ Дунаю приписано змѣеборство и избавленіе княжей племянницы.

Въ названной статейкѣ я замѣтилъ уже, что былина о Дунаѣ съ двумя дѣйствующими богатырями сложена чисто механически изъ двухъ былинъ, и старался уяснить процессъ ея сложенія. Въ 1-мъ сюжетѣ, составляющемъ первую половину, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Добрыня, который, избивъ силу короля, заставляетъ его выдать Опраксу и привозитъ ее ко Владиміру; во 2-мъ сюжетѣ, прикрѣпленномъ къ первому, дѣйствуетъ Дунай, который добываетъ себѣ съ бою невѣсту (Настасью), привозитъ въ Кіевъ и затѣмъ губитъ и ее и себя своей похвальбой. Роль Добрыни, какъ свата, я старался привести въ связь съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Добрынѣ, добывшемъ насиліемъ для Владиміра жену Рогнѣду. Думаю, что и спутникъ его носитъ имя, принадлежавшее также историческому лицу, состоявшему также на службѣ у князя Владиміра, но не „стараго“ Владиміра, а князя волынскаго, XIII вѣка. Изъ скудныхъ свидѣтельствъ нашей лѣтописи (см. Ипат. лѣт. подъ годами 1281, 1282, 1287) можно вывести, что Дунай былъ лицомъ очень близкимъ къ владиміро-волынскому князю Владиміру Васильковичу, однимъ изъ его старшихъ воеводъ. Имя Дуная встрѣчается нѣсколько разъ въ связи съ отношеніями волынскаго князя къ полякамъ и литовцамъ. Такъ подъ 1281 годомъ Дунай ведетъ дружину своего князя противъ ляховъ; въ слѣдующемъ году онъ упоминается какъ воевода, посланный Владиміромъ собирать

---

[1]) *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. XVII, стр. 65; см. слѣдующій очеркъ.

Digitized by Google

союзниковъ — литовцевъ. Но особенно видно значеніе его какъ лица, приближеннаго къ князю, въ событіяхъ 1287 года. Князь Владимиръ Васильковичъ, въ то время уже больной, не могъ принимать личнаго участія въ походахъ, а между тѣмъ значеніе его было таково, что совершавшіяся вокругъ него событія требовали его вмѣшательства. „Вообще въ эту эпоху, — говоритъ Д. И. Иловайскій, — польскіе, особенно мазовецкіе, князья находились въ такихъ тѣсныхъ и родственныхъ связяхъ съ волынско-галицкими, что спорили объ удѣлахъ, заключали взаимные оборонительные и наступательные союзы, мирились и ссорились, какъ будто это все былъ одинъ княжій родъ“ [1]). Такъ Владиміру приходилось дѣйствовать въ интересахъ мазовецкаго князя Конрада Семовитовича, которому онъ былъ въ „отца мѣсто“ и который отъ него держалъ города. Когда, не надѣясь на излѣченіе своей болѣзни, Владиміръ по завѣщанію передалъ свой столъ своему брату Мстиславу, Конрадъ прислалъ къ больному князю посла съ просьбой, чтобъ онъ ходатайствовалъ о немъ передъ своимъ братомъ Мстиславомъ. Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада, и сближеніе Мстислава съ послѣднимъ состоялось. Въ это время скончался краковскій князь Лешко Казимировичъ (Черный), и жители Люблина пригласили Конрада на Краковско-Судомирское княженіе. Понятно, какъ важно было для слабаго Конрада воспользоваться въ этомъ случаѣ авторитетомъ могущественнаго и вліятельнаго владиміро-волынскаго князя. Конрадъ прискакалъ немедленно въ городъ Любомль, гдѣ въ это время жилъ Владиміръ, и просилъ съ нимъ личнаго свиданія. Но больной князь не могъ его принять и поручилъ переговорить съ нимъ княгинѣ. Конрадъ просилъ послать съ нимъ въ Люблинъ воеводу Дуная, „конечно, — говоритъ Д. И. Иловайскій, — съ цѣлью показать полякамъ свою дружбу и союзъ съ сильнымъ волынскимъ княземъ“. Просьба Конрада была исполнена. Отсюда мы видимъ, что воевода Дунай, являясь представителемъ своего больного князя, долженъ былъ быть хорошо извѣстенъ, какъ лицо, пользовавшееся его полнымъ довѣріемъ. Конрадъ мазовецкій прямо указываетъ на него, какъ желательнаго для себя представителя волынскаго князя. Вотъ то немногое, что намъ извѣстно о воеводѣ Дунаѣ. Конечно, нѣтъ никакого основанія искать связи между лѣтописною дѣятельностью Дуная и самымъ содержаніемъ былины о богатырѣ Дунаѣ. Дунай богатырь является въ нашемъ эпосѣ исключительно въ роли свата. Но

[1]) Исторія Россіи, ч. II, стр. 496.

Digitized by Google

все же связь между обоими Дунаями представляется мнѣ весьма вѣроятной. Въ пользу ея, кромѣ совпаденія въ имени, говоритъ то, что оба служатъ князю Владимиру и оба находятся въ ближайшихъ отношеніяхъ къ польскому властителю (князю, королю). Имя воеводы Дуная могло сохраняться въ мѣстныхъ преданіяхъ и дружинныхъ пѣсняхъ въ связи съ именемъ князя, которому онъ служилъ. А этотъ князь въ отзывахъ лѣтописца является идеаломъ князя какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ качествамъ. Вспомнимъ, что выборъ преемника для Волынскаго княженія и кончина Владимира Васильковича послужили предметомъ цѣлаго лѣтописнаго сказанія. Сказаніе современника, что встрѣчается крайне рѣдко въ лѣтописи, запомнило и наружность князя: онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, красивъ лицомъ, имѣлъ свѣтлорусые кудреватые волосы и стригъ бороду. Сказаніе отмѣчаетъ его воздержную жизнь, силу и ловкость на охотѣ, благочестіе, заботу о церквахъ и монастыряхъ, любовь къ женѣ и воспитанницѣ, описываетъ построеніе имъ крѣпости Каменца и многихъ храмовъ и особенно долго съ любовью останавливается на послѣднихъ дняхъ его жизни, кончинѣ и похоронахъ. Лѣтописецъ передаетъ при этомъ и самыя причитанія надъ тѣломъ покойнаго супруги его Ольги Романовны, которая особенно поминала его незлобіе и терпѣніе. Кромѣ ея, плакала надъ нимъ и сестра покойнаго Ольга Васильевна... „Лѣпшіе мужи“ владимирскіе плакали надъ нимъ, поминая, что онъ никому не давалъ ихъ въ обиду, подобно дѣду своему Роману, и что теперь зашло ихъ солнце и конецъ ихъ безобидному житію. По слову лѣтописца, плакали о немъ не одни русскіе жители Владимира, богатые и нищіе, міряне и черноризцы, но также нѣмцы, сурожскіе и новгородскіе торговые люди и самые жиды, какъ будто послѣ взятія Іерусалима, когда ихъ вели въ плѣнъ Вавилонскій [1]). Вполнѣ согласна съ лѣтописными извѣстіями слѣдующая характеристика этого князя, наиболѣе замѣчательнаго изъ потомковъ славнаго Романа волынскаго:

„При своемъ благодушномъ, правдивомъ характерѣ, онъ пользовался привязанностью подданныхъ и уваженіемъ сосѣдей. Онъ особенно выдавался изъ среды современниковъ своихъ любовью къ образованію, прилежнымъ чтеніемъ книгъ и охотой къ душеспасительнымъ бесѣдамъ съ епископомъ, игумнами и вообще людьми свѣдущими. Волынскій лѣтописецъ называетъ его „великимъ книжникомъ и философомъ“. Любовь къ книгамъ, однако, не мѣшала ему быть храбрымъ вождемъ на

---

[1]) *Илозайскій*, назв. соч., стр. 509.

Digitized by Google

ратномъ полѣ и страстнымъ охотникомъ. На ловахъ, по словамъ лѣтописца, князь, если встрѣчалъ вепря или медвѣдя, то не дожидался своихъ слугъ, а самъ бросался на звѣря и убивалъ его. Онъ былъ также умнымъ, дѣятельнымъ правителемъ своей земли и усерднымъ строителемъ укрѣпленныхъ городовъ для ея защиты" [1]). Если мы присоединимъ къ этому, что мучительная болѣзнь (гніеніе челюсти), въ которой лежалъ популярный князь нѣсколько лѣтъ, привлекала къ страдальцу всеобщее сочувствіе, то должны думать, что воспоминаніе о волынскомъ Владимирѣ, напоминавшемъ Владимира Мономаха, долго жило въ мѣстныхъ преданіяхъ и, быть-можетъ, пѣсняхъ. Въ позднѣйшій періодъ нашей эпической поэзіи имя Владимира Васильковича должно было поглотиться именемъ безсмѣннаго эпическаго князя Владимира, и такимъ образомъ связанный съ нимъ воевода Дунай долженъ былъ стать богатыремъ Владимирова цикла и исполнять порученія Владимира Краснаго Солнышка. Аналогіей этому процессу можетъ служить былинный Ставръ. Историческій новгородскій сотскій Ставръ былъ посаженъ въ тюрьму Владимиромъ Мономахомъ; въ былинахъ Ставра сажаетъ въ погребъ эпическій Владимиръ Сеславьевичъ. Такое же смѣшеніе *Карловъ* замѣчается въ поэмахъ французскихъ труверовъ. Въ XIII вѣкѣ они приписываютъ Карлу Великому (Charlemagne) такія дѣянія, которыя принадлежали Карлу Лысому и даже Карлу Простому (Charle le Simple) [2]). Въ личности эпическаго Guillaume d'Orange слилось нѣсколько историческихъ Вильгельмовъ [3]).

Нельзя далѣе не отмѣтить того, что лѣтописному Дунаю, какъ воеводѣ волынскаго князя, приходилось всего чаще имѣть дѣло съ поляками, то воюя съ ними, то вступая въ дипломатическія сношенія. Единственная же извѣстная былина изображаетъ Дуная именно въ сношеніяхъ съ ляховинскимъ королемъ: онъ ѣдетъ къ нему потому, что прежде служилъ у него нѣсколько лѣтъ. Хотя названіе *король* и поздняго времени (въ одной былинѣ [4]) онъ называется даже Жиманъ, то-есть Сигизмундъ), но все же можно въ былинѣ предположить болѣе древнія русско-польскія отношенія XIII-го вѣка, лишь подновленныя чертами и именами позднѣйшихъ отношеній Московскаго государства къ полякамъ (напр., XVI-го вѣка).

---

[1]) *Иловайскій*, стр. 499.

[2]) См. *Gautier* — Les épopées françaises, I, p. 103.

[3]) См. *Tobler* — *ueber* das volksthümliche Epos der Franzosen — *Zeitschr. f. Völk. und Sprachwiss.*, IV, p. 146 и слѣд.

[4]) *Гильфердингъ*, № 272.

Digitized by Google

Самый сюжетъ, прикрѣпленный къ имени Дуная, то-есть добываніе невѣсты, не отличается оригинальностью: онъ представляется какъ бы варіантомъ женитьбы Добрыни. Оба богатыря одинаково, поѣхавъ за женщиной по порученію Владимира (Запава, Опракса), встрѣчаютъ амазонку, бьются съ ней и берутъ ее въ жены. Оригинальнымъ для женитьбы Дуная является лишь то, что былина вслѣдъ за нею разсказываетъ о его смерти и убіеніи имъ жены, при чемъ изъ крови Дуная потекла Дунай-рѣка, а изъ крови его жены (несуществующая) Настасья-рѣка. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ одно изъ сказаній о происхожденіи рѣкъ (légende d'origine), прикрѣпившееся къ личному имени въ силу того, что послѣднее совпадало съ именемъ рѣки. То же сказаніе, какъ извѣстно, ходитъ съ другими рѣчными именами — Дона Ивановича и Нѣпры (Днѣпры) королевичны. Эта любопытная былина, записанная отъ хорошаго сказителя Никифора Прохорова Рыбниковымъ (I, 32), а затѣмъ Гильфердингомъ (№ 50), начинается описаніемъ пира у Владимира. Нѣпра королевична хвалитъ свою стрѣльбу и превосходство въ томъ или другомъ разныхъ богатырей (Ильи Муромца, Михаила Потока, Дюка Степановича, Добрыни Никитича, даже Чурилы Пленковича), но забываетъ своего тутъ же присутствующаго мужа, *тихаго* Дона Ивановича. Донъ Ивановичъ вызываетъ жену на состязанье въ стрѣльбѣ, стрѣляетъ хуже ея и, въ досадѣ, убиваетъ ее; затѣмъ, убѣдившись, что она была тяжела чудеснымъ ребенкомъ, закалывается. Отъ крови несчастныхъ супруговъ пошли извѣстныя рѣки. Если мы отмѣтимъ, что Донъ носитъ въ нашей поэзіи отчество Ивановича, то́ же, которое придано богатырю, что Донъ постоянно называется *тихимъ*, и что тотъ же эпитетъ приданъ въ нѣкоторыхъ былинахъ богатырю Дунаю [1]), хотя совершенно не соотвѣтствуетъ его вспыльчивому характеру, то найдемъ вѣроятнымъ предположеніе, что сказаніе о происхожденіи рѣки перешло къ Дунаю и Настасьѣ либо отъ Дона и Нѣпры, либо прикрѣпилось къ имени богатыря вслѣдствіе совпаденія его съ названіемъ рѣки [2]). Вѣроятно, былина о Дунаѣ кончалась раньше его женитьбой на добытой имъ дѣвицѣ, одновременно съ женитьбой князя на Опраксѣ. Но при наклонности къ соединенію отдѣльныхъ сюжетовъ въ сводныя былины

---

[1]) Напр., *Кирѣевскій*, III, стр. 52 слѣд.; *Гильфердингъ*, № 81. — *Рыбниковъ*, I, 31; № 102.— *Рыбниковъ*, II, 12; № 108— *Рыбниковъ*, III, 21; № 272.

[2]) Малорусскія преданія о рѣкахъ, происшедшихъ отъ крови людей, см. у *Петрова*— Слѣды сѣверно-русскаго былевого эпоса въ южно-русскомъ, въ *Трудахъ* Кіевской духовной академіи, 1878, май., стр. 379 — 381.

Digitized by Google

какому-нибудь слагателю пришло на умъ продолжить разсказъ о Дунаѣ и его женѣ. И вотъ, такъ какъ имя Дуная, соименное съ рѣкой, напомнило ему фабулу о Донѣ и его женѣ Нѣпрѣ, сказитель счелъ умѣстнымъ прикрѣпить къ былинѣ новый сюжетъ. Эта литературная работа была тѣмъ болѣе удобоисполнима, что былина кончалась (свадебнымъ) пированіемъ у Владимира, а другая краткая былина — о Донѣ и Нѣпрѣ — открывалась пиромъ у того же лица и въ томъ же мѣстѣ.

Итакъ, на нашъ взглядъ, юго-западные, точнѣе, волынскіе отголоски въ разсмотрѣнной былинѣ ограничиваются лишь нѣсколькими именами (Дуная, князя Владимира, Ляховинскаго короля), попавшими въ эпическій потокъ изъ заглохнувшихъ дружинныхъ сказаній или пѣсенъ XIII-го вѣка. Опредѣлить, въ какое время пристала къ историческому имени самая фабула, извѣстная въ былинѣ, мы едва ли будемъ въ состояніи.

Въ недавнее время попытка къ указанію источника сюжета былины о Дунаѣ была сдѣлана проф. Халанскимъ. Я не сталъ бы останавливаться на разборѣ его толкованія былины, такъ какъ не вижу какой-нибудь тѣсной связи между именемъ Дуная и фабулой, прикрѣпившейся къ нему, то-есть сватовствомъ и трагической смертью супруговъ. Но проф. Халанскій даетъ объясненіе самому имени Дунай и ищетъ его не въ русской лѣтописи, а въ германскихъ средневѣковыхъ сказаніяхъ, такъ что, если его предположеніе вѣроятно, всѣ наши соображенія объ историчности имени богатыря Дуная теряютъ основаніе.

Авторъ находитъ „поразительное обиліе совпаденій между нѣмецкимъ сказаніемъ конца XIII-го вѣка о женитьбѣ Аттилы на Эркѣ и русской былиной о женитьбѣ Владимира въ общемъ мотивѣ, расположеніи частей (планѣ), въ самыхъ частностяхъ и *характеръ* (курсивъ подлинника) главныхъ дѣйствующихъ лицъ (Рюдигера-Родингейра и Дуная), и это приводитъ его къ несомнѣнному выводу, что обѣ группы сказаній представляютъ варіанты одного и того же сюжета о сватовствѣ и женитьбѣ, входившаго въ пѣсенный обиходъ древненѣмецкихъ и древнерусскихъ эпическихъ поэтовъ-пѣвцовъ. Варіація одного и того же основного сюжета у нѣмецкихъ и русскихъ пѣвцовъ состояла лишь въ измѣненіи сцены дѣйствія (отчасти), нѣкоторыхъ частностей и переименованіи дѣйствующихъ лицъ, соотвѣтственно національнымъ и историческимъ симпатіямъ ихъ самихъ, а равно ихъ слушателей. Нѣкоторыя соображенія позволяютъ, въ данномъ случаѣ, предположить большую степень оригинальности за нѣмецкими рыцарскими пѣвцами и признать великорусскую былину про Дуная передѣлкой соотвѣтствующаго древне-

Digitized by Google

нѣмецкаго сказанія о Рюдигерѣ-Родингейрѣ — Родольфѣ, а равно и самый образъ Тихаго Дуная, сына Ивановича, подражаніемъ типу des Milden Рюдигера, Родингейра придунайскаго" (von Bechelaren, von Bacalar) [1]).

Это довольно рѣшительное заявленіе германскаго происхожденія и типа Дуная и эпическаго сюжета, прикрѣпленнаго къ нему, основывается на подробномъ сличеніи русской былины съ нѣмецкими сказаніями Нибелунговъ и Тидрекъ-саги о женитьбѣ Аттилы на Эркѣ, при чемъ нельзя не замѣтить, что авторъ отступаетъ отъ научныхъ пріемовъ сравненія. Такъ, для доказательства сходства въ планѣ и подробностяхъ двухъ литературныхъ народныхъ произведеній слѣдовало бы, кажется, установить планъ былины, на основаніи сличенія всѣхъ пересказовъ, и затѣмъ уже оперировать съ этимъ приготовленнымъ для сравненія матеріаломъ. Но такой работы для былинъ о женитьбѣ Владимира не сдѣлалъ проф. Халанскій; онъ черпаетъ изъ разныхъ (иногда совсѣмъ плохихъ) пересказовъ то, что наиболѣе подходитъ къ предполагаемому германскому оригиналу, и такимъ образомъ получаетъ „поразительное обиліе совпаденій". Чтобы провѣрить послѣднія, изложимъ вкратцѣ содержаніе германскаго сказанія о женитьбѣ Этцеля на Кримхильдѣ и Тидрекъ-саги о женитьбѣ Аттилы на Эркѣ. Послѣ смерти жены Гельхи,—разсказывается въ Нибелунгахъ, въ авентюрахъ XX—XXII,—Этцель сталъ искать себѣ другую супругу. Друзья указываютъ ему на Кримхильду. Маркграфъ Рюдигеръ Бехеларнскій склоняетъ Этцеля посвататься за нее, говоря, что зналъ ее еще дѣвочкой. Съ 500 гуннскихъ храбрецовъ Рюдигеръ ѣдетъ въ Вормсъ на Рейнъ исполнять порученіе Этцеля. Братья Кримхильды радушно принимаютъ посла. Гагенъ не совѣтуетъ выдавать Кримхильду за Этцеля, опасаясь мести послѣдняго за ея прежняго супруга Зигфрида. Но Гунтеръ и братья не слушаютъ Гагена и склоняютъ Кримхильду принять предложеніе Этцеля. Съ большой свитой Кримхильда ѣдетъ къ гуннамъ. На встрѣчу ей выѣзжаетъ самъ Этцель съ многочисленнымъ войскомъ и блестящей свитой. Затѣмъ справляется свадьба.

Въ этомъ разсказѣ Нибелунговъ проф. Халанскій указываетъ только двѣ-три черты, аналогичныя нѣкоторымъ деталямъ пѣсенъ о женитьбѣ князя Владимира, и ведетъ читателя къ тому пересказу сюжета о женитьбѣ Аттилы, который находится въ Тидрекъ-сагѣ, прибавляя, что „въ русскомъ эпосѣ существуютъ былины о женитьбѣ Владимира,

---

[1]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ, II, стр. 397 и слѣд.

Digitized by Google

сближающіяся во многихъ частностяхъ съ этимъ именно, позднѣйшимъ въ исторіи развитія основного сюжета, изводомъ нѣмецкихъ сказаній о женитьбѣ Этцеля" [1]).

Содержаніе этого эпизода Тидрекъ-саги вкратцѣ слѣдующее:

Аттила, раньше воевавшій съ Озантриксомъ, королемъ страны Вильцинской (Vilcinenland), хочетъ жениться на дочери Озантрикса Эркѣ. Сватами онъ посылаетъ съ блестящей свитой своего родственника Озида и герцога Родольфа. Однако, сватовство было неудачно: Озантриксъ отказываетъ Аттилѣ въ рукѣ своей дочери, помня все зло, которое онъ причинилъ его странѣ. Получивъ отказъ, Аттила поручаетъ вторичное сватовство маркграфу Родингейру, владѣвшему Бакаларомъ (=Rüedeger von Bechelaren въ Нибелунгахъ), отличавшемуся и храбростью и мягкостью, за что онъ пользовался всеобщей любовью. Родингейръ пріѣзжаетъ къ Озантриксу, но послѣдній снова отказываетъ, ставя въ попрекъ Аттилѣ не особенную знатность его происхожденія. Родингейръ грозитъ войною, но Озантрикса это не пугаетъ, и посолъ Аттилы возвращается ни съ чѣмъ. Начинается война, въ которой успѣхъ постоянно сопровождаетъ войска Аттилы. Особенно отличился герцогъ Родольфъ. По прекращеніи войны, когда Аттила былъ въ своемъ городѣ Сузѣ, однажды явился къ нему Родольфъ и просилъ отпустить съ нимъ триста рыцарей для одного предпріятія, которое онъ желаетъ до времени сохранить въ тайнѣ. Аттила даетъ ему рыцарей. Съ ними Родольфъ отправляется въ страну Вильциновъ, оставляетъ ихъ въ лѣсу ждать въ теченіе трехъ лѣтъ его возвращенія, а самъ, переодѣвшись, ѣдетъ къ королю Озантриксу, называетъ себя Сигурдомъ, бѣглецомъ изъ гуннской страны, оскорбленнымъ Аттилой, и проситъ короля принять его къ себѣ на службу. Озантриксъ, повѣривъ его разсказу, исполнилъ его просьбу. Двѣ зимы прослужилъ Родольфъ у Озантрикса, пріобрѣтя полное его довѣріе, но ни разу не видѣлъ за все это время Эрки, которая жила вмѣстѣ съ сестрою и подругами въ одномъ недоступномъ замкѣ. Но счастливый случай наконецъ представился. За Эрку пріѣзжаетъ свататься Нордунгъ, король Свавовъ, и Озантриксъ расположенъ принять его предложеніе, но хочетъ узнать согласіе дочери. Переговорить съ нею онъ поручаетъ Родольфу. Пользуясь этимъ случаемъ, Родольфъ видится съ Эркой и ея сестрой Бертой, разсказываетъ о могуществѣ Аттилы, передаетъ Эркѣ его предложеніе, а самъ дѣлаетъ предложеніе ея сестрѣ. Эрка,

---

Тамъ же, стр. 389

Digitized by Google

убѣжденная Бертой, даетъ свое согласіе. Родольфъ обманываетъ Озантрикса, передавъ ему будто бы отъ имени Эрки, что она желаетъ еще остаться въ дѣвицахъ одинъ годъ. Нордунгъ уѣзжаетъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Родольфъ говоритъ Озантриксу, что желалъ бы съѣздить въ гуннскую землю за своимъ братомъ Алибрандомъ. Довѣряющій ему во всемъ Озантриксъ даетъ свое согласіе. Тогда Родольфъ ѣдетъ въ лѣсъ, гдѣ оставилъ своихъ рыцарей, беретъ изъ нихъ Озида, племянника Аттилы, и возвращется съ нимъ къ Озантриксу, которому представляетъ Озида какъ своего брата. Озантриксъ повѣрилъ и этому обману. Наконецъ, обдумавъ побѣгъ, Родольфъ вмѣстѣ съ Озидомъ ночью подъѣхалъ къ замку, гдѣ жили Эрка и Берта, взялъ сестеръ и ускакалъ изъ страны Озантрикса, захвативъ по дорогѣ дожидавшихся его рыцарей. Узнавъ о побѣгѣ дочери, Озантриксъ преслѣдуетъ бѣглецовъ съ большимъ войскомъ. Когда онъ уже догонялъ ихъ, они успѣли запереться въ одномъ крѣпкомъ замкѣ въ лѣсу Фальстрвальдѣ и послать гонцовъ Аттилѣ съ извѣстіемъ о своемъ положеніи. Пока Аттила явился имъ на выручку съ огромнымъ войскомъ, они стойко выдерживали осаду Озантрикса. Затѣмъ, узнавъ о приближеніи Аттилы, послѣдній ушелъ въ свой городъ, а Аттила съ Родольфомъ и прочими вернулся въ Сузу, гдѣ пышно справилъ обѣ свадьбы [1]).

Сходство въ основномъ сюжетѣ и, пожалуй, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ между этимъ разсказомъ Тидрекъ-саги и былиной о Дунаѣ нельзя отрицать. И здѣсь и тамъ два лица (Родольфъ и Озидъ — Дунай и Добрыня) добываютъ невѣсту для своего властителя (Аттилы, Владимира) во враждебной странѣ; и здѣсь и тамъ у враждебнаго властителя двѣ дочери (Эрка и Берта, Опракса и Настасья), изъ которыхъ одна становится женою пославшаго къ невѣстѣ властителя (Аттилы, Владимира), другая — женою одного изъ посланныхъ имъ богатырей (Берта и Родольфъ, Настасья и Дунай). Но этими общими чертами и ограничивается сходство, такъ какъ въ другихъ подробностяхъ германскій и русскій разсказъ расходятся во многихъ отношеніяхъ, несмотря на старанія профессора Халанскаго уяснить черты ихъ сходства.

а) „Владимиръ, – говоритъ проф. Халанскій, — сватался за дочь короля политовскаго или ляховинскаго. Аттила ищетъ руки дочери Озантрикса, короля Vilcinenland, то-есть земли лютичей, или вильковъ.

---

[1]) Raszmann — Deutsche Helden-Sage II, стр. 191- -212.

Digitized by Google

Сходство въ опредѣленіи состоянія и мѣста жительства отца невѣсты въ германскомъ и русскомъ сказаніяхъ — несомнѣнное". Точнѣе говоря, сходство только въ томъ, что и здѣсь и тамъ сватаютъ не простые смертные, а властители.

б) „У Озантрикса — двѣ дочери: у короля ляховскаго тоже двѣ". Это — такъ, но ни Эрка непохожа ничѣмъ на Опраксу, ни Берта на паленицу Настасью, добываемую Дунаемъ послѣ боя съ нею. Притомъ двѣ дѣвицы оказались въ русской былинѣ только потому, что она сложена, какъ мы предположили выше, изъ двухъ былинъ.

в) „Эрка живетъ въ замкѣ, недоступномъ ни для одного мужчины, и при ней тридцать благородныхъ дѣвицъ. Опраксія Микулична (въ вар. Гильфердинга, № 139) находится за 3 × 9 замочками; въ вар. Рыбникова, I, № 31, прекрасная Опракса:

Сидитъ она въ теремѣ, въ златомъ верху,
За нѣсколькими замками, за нѣсколькими дверями.
(ст. 172—3).
На ню красное солнышко не оппекетъ,
Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
Многіе люди не обгалятся (ст. 43—46).

Сходство есть, но совершенно случайное. Это сидѣнье дѣвицы изъ высокаго или богатаго рода въ затворничествѣ въ терему — locus communis въ нашихъ былинахъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Часовая вдова (въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ) про свою дочь:

Моя ли Чайная Часовична
Сидитъ-то во теремѣ вся въ камкѣ,
Во славноемъ-то теремѣ, златомъ верху:
Ю буйные вѣтры не оввѣютъ,
Красное солнышко не оппекетъ,
Частые дождички не обмочатъ,
Добрые люди не оббаятъ и проч. [1]).

д) „Аттила посылаетъ вторымъ посломъ къ Озантриксу Родингейра Бакаларскаго: Владимиръ — Дуная" (прибавимъ *не вторымъ*, такъ какъ въ русской былинѣ одна, а не двѣ попытки сватовства, какъ въ германскомъ сказаніи). Родингейръ, по мнѣнію проф. Халанскаго, не только по эпической роли, но и по характеру, одинаковъ съ Дунаемъ: Родингейръ отличался мягкостью и храбростью и былъ широко извѣстенъ въ разныхъ странахъ. Тѣ же достоинства Дуная заставляютъ Владимира поручить ему сватовство: онъ въ послахъ бывалъ, много

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, № 7, стр. 37.

Digitized by Google

земель знавалъ, говоритъ гораздъ. *Тихій*, — продолжаетъ авторъ, — постоянный эпитетъ Дуная въ русскомъ эпосѣ — буквально соотвѣтствуетъ эпитету Рюдигера „Der milde“ и означаетъ вовсе не „память объ отношеніи Дуная-богатыря къ Дунай-рѣкѣ, которая у славянъ постоянно носитъ названіе Тихаго и Бѣлаго“ (Кирѣевскій IV, стр. 13, примѣч.), а тѣ черты характера Rüedeger von Bechelaren, которыя дѣлаютъ этого героя однимъ изъ симпатичнѣйшихъ типовъ, созданныхъ средневѣковымъ германскимъ эпосомъ... Если собственное имя *Дунай* понять какъ *герой съ Дуная*, то и здѣсь получается совпаденіе съ Рюдигеромъ, котораго резиденція находилась въ Bechelaren-Pöchlarn на Дунаѣ“. Разсмотримъ пристальнѣе это сопоставленіе. Родингейръ совпадаетъ съ Дунаемъ по эпической роли: оба ѣдутъ сватами. Это такъ, но авторъ позабылъ прибавить, что герцогъ Родингейръ, получивъ отказъ, вернулся, ничего не сдѣлавъ, а Дунай добылъ невѣсту для князя Владимира. Такимъ образомъ, если предположить, что *характеръ* Родингейра отразился на русскомъ Дунаѣ, то русскіе взяли у него только черты характера, а роль свата прихватили отъ другого нѣмца, герцога Родольфа, который добылъ Аттилѣ Эрку, между тѣмъ какъ Родингейръ въ это время спокойно сидѣлъ дома. Не странно ли это? Но и сходство характера Родингейра и Дуная основано на недоразумѣніи. Богатырь Дунай, какъ извѣстно, никакой тихостью не отличался: напротивъ, былъ крайне вспыльчивъ и буенъ. Поэтому эпитетъ *тихій* къ нему совершено не идетъ, и единственнымъ объясненіемъ этого эпическаго недоразумѣнія можетъ служить предположеніе, что эпитетъ принадлежитъ богатырю Дунаю только потому, что его имя совпадаетъ съ именемъ рѣки Дуная. Наконецъ, сопоставленіе Рюдигера съ нашимъ Дунаемъ-богатыремъ по происхожденію перваго съ Дуная, представляетъ такія затрудненія, которыя не въ силахъ превозмочь самая пылкая фантазія. Вѣдь оказывается, что русскіе слагатели былинъ, желая перенести къ себѣ нѣмецкаго героя, не сумѣли дать ему какого-либо имени, а навели географическую справку о томъ, гдѣ лежитъ его область Bechelaren, узнали, что это (по предположенію von Muth'a [1]) средневѣковая Praeclara *на рѣкѣ Дунаѣ*, и рѣшили окрестить его просто Дунаемъ. Мы могли бы, пожалуй, еще допустить такое переименованіе иностраннаго богатыря, если бъ имя его сопровождалось какимъ-нибудь постояннымъ эпитетомъ, связаннымъ съ названіемъ рѣки Дуная; но ничего подобнаго нѣтъ въ Тидрекъ-сагѣ.

---

[1]) *R. v. Muth.*, Einleitung in das Nibelungen Lied, стр. 77.

Digitized by Google

Такъ же невозможно видѣть отраженія эпитета Рюдигера *der milde* въ эпитетѣ Дуная *тихій*: Рюдигеръ носитъ этотъ эпитетъ не въ Тидрекъ-сагѣ, разсказъ которой о женитьбѣ Аттилы проф. Халанскій сближаетъ съ нашей былиной о Дунаѣ, а въ Нибелунгахъ (ст. 1312, 1629, 1630). Но, какъ мы выше видѣли, въ этой поэмѣ Рюдигеръ, какъ сватъ Этцеля, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и привозитъ своему королю Кримхильду съ полнаго согласія ея родственниковъ и ея самой.

Мы не станемъ останавливаться на дальнѣйшихъ аналогіяхъ между разсказомъ Тидрекъ-саги и былиной, приводимыхъ проф. Халанскимъ. Всѣ онѣ, на нашъ взглядъ, слишкомъ недостаточны, чтобы можно было, вмѣстѣ съ авторомъ, признать Дуная подражаніемъ типу Рюдигера-Родингейра. Уже одно слѣдующее обстоятельство представляется крайне страннымъ и необъяснимымъ. Почему въ типѣ Дуная отразился Рюдигеръ, а не Родольфъ, который въ Тидрекъ-сагѣ является настоящимъ добывателемъ невѣсты для своего короля, между тѣмъ какъ Родингейръ, получивъ отказъ въ ея рукѣ, возвращается, ничего не сдѣлавъ, къ королю и успокоивается на этомъ? Какъ могло случиться, что русскій слагатель былины о Дунаѣ, взявъ чужую канву, слилъ два дѣйствующія въ разное время лица (Родингейра и Родольфа) въ одно, заимствуя отъ перваго эпитетъ (тихій), отъ другого *нѣкоторыя* черты его подвиговъ? Впрочемъ, спѣшу оговориться, что я нисколько не отрицаю сходства въ содержаніи разсказа Тидрекъ-саги и нашей былины и непрочь допустить между ними даже нѣкоторую связь. Но предполагаемое г. Халанскимъ взаимное ихъ отношеніе не представляется мнѣ доказаннымъ, и во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія искать въ Тидрекъ-сагѣ или Нибелунгахъ объясненія самаго имени Дуная, которое носитъ въ былинахъ сватъ Владимира. Это имя, какъ мы старались показать выше, находитъ себѣ объясненіе въ лѣтописныхъ показаніяхъ о Дунаѣ, историческомъ лицѣ, воеводѣ волынскаго князя Владимира Васильковича, жившемъ и дѣйствовавшемъ въ XIII вѣкѣ. Къ этому имени, когда историческія черты уже значительно стерлись въ народномъ преданіи, когда современный ему волынскій Владимиръ слился съ эпическимъ княземъ Владимиромъ, могъ прикрѣпиться популярный сюжетъ о добываніи жены для князя. Допускаемъ даже, что на обработку этого сюжета могли повліять какія-нибудь западныя (германскія) аналогичныя сказанія, допускаемъ съ тѣмъ большей готовностью, что галицко-волынскія земли наиболѣе подвергались именно западнымъ вліяніямъ и, наконецъ, совершенно политически от-

Digitized by Google

торгнулись отъ сѣверо-восточной Руси. Но думаемъ, что если дѣйствительно какое-нибудь германское сказаніе отложилось на русскую былину, это отложеніе имѣло уже подъ собою старинный субстратъ — мѣстное волынское сказаніе, можетъ-быть, дружинную пѣсню, въ которой уже были даны имена Дуная, князя Владимира и поминалась польско-литовская земля, какъ страна, въ которой дѣйствовалъ Дунай, по порученію своего князя.

Вотъ пока всѣ отголоски галицко-волынскихъ историческихъ именъ и сказаній, которые намъ удалось отмѣтить въ былинахъ. Напомнимъ, что проф. И. Н. Ждановъ съ большой вѣроятностью указываетъ слѣды галицкихъ сказаній о князѣ Романѣ въ былинахъ о Романѣ Дмитріевичѣ и королевичахъ изъ Кракова. Такимъ образомъ указанные отголоски обнимаютъ самый цвѣтущій періодъ галицко-волынской земли XII и XIII вѣка. Если сложеніе первоначальной былины о Дюкѣ и Чурилѣ близко по времени къ появленію Посланія пресвитера Іоанна изъ Индіи къ императору Мануилу (1165 г.), то оно относится къ княженію Ярослава Осмомысла († въ 1187 г.). Былинные отголоски сказаній о Романѣ Галицкомъ должны восходить къ началу XIII вѣка (Романъ † въ 1205 г.). Прототипъ предполагаемаго галицкаго сказанія о Михаилѣ Потокѣ долженъ относиться приблизительно ко времени правленія сыновей князя Романа. Наконецъ, основныя сказанія о Дунаѣ и Владимирѣ могутъ восходить къ концу XIII вѣка (Владимиръ Васильевичъ умеръ въ 1289 году). Естественно, что этотъ періодъ галицко-волынской исторіи, богатый замѣчательными личностями и военными событіями, долженъ былъ отразиться въ сказаніяхъ и пѣсняхъ дружинной и боярской среды, и лучшимъ доказательствомъ этого дружиннаго пѣсеннаго преданія, помимо указанныхъ нами отголосковъ въ современныхъ великорусскихъ былинахъ, служатъ всѣмъ извѣстныя мѣста въ галицко-волынской лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Digitized by Google

Къ былинамъ о Добрынѣ Никитичѣ *).

а) Добрыня - змѣеборецъ; б) Добрыня-сватъ; в) Добрыня и Марина; г) Добрыня и рѣка Смородина.

Добрыня Никитичъ послѣ Ильи Муромца — самый популярный богатырь нашего эпоса. Цѣня въ Ильѣ, своемъ представителѣ, мужицкую простоту и грубоватость, любуясь его мощною силою, беззавѣтной храбростью, а иногда и безшабашнымъ разгуломъ, сказители былинъ съ эпической объективностью любуются и болѣе утонченнымъ представителемъ высшаго сословія — Добрыней, этимъ придворнымъ богатыремъ съ его *вѣжествомъ* рожденнымъ и ученымъ [1]). Добрыня представляется ближайшимъ лицомъ къ князю Владиміру, называется даже его племянникомъ [2]). Былина упоминаетъ о его княжескомъ происхожденіи [3]), о княженецкомъ домѣ [4]) и о дружинѣ хороброй. Низведенный кое-гдѣ и въ торговое сословіе, онъ все же является сыномъ богатаго гостя (Никиты Романовича) и получаетъ соотвѣтственное воспитаніе — учится читать и писать [5]). Его вѣжество и дипломатическіе таланты многократно обнаруживаются на службѣ у князя, которую онъ проходитъ въ разныхъ придворныхъ должностяхъ. Добрыню посылаетъ князь, когда нужно вернуть разсерженнаго Илью Муромца, отъѣхавшаго изъ Кіева. — и Добрыня успѣшно справляетъ порученіе: онъ беретъ на себя, по желанію княгини, щекотливые переговоры съ каликами перехожими, онъ отправляется сватать для князя невѣсту, провѣрять похвальбу Дюкову и т. п. *Вѣжество* Добрыни цѣнятъ высоко и другіе богатыри. Когда, по порученію князя, Василій

*) Въ этотъ очеркъ вошли отдѣльныя замѣтки къ былинамъ о Добрынѣ, напечатанныя мною въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», въ книгахъ XIII, XIV, XV, XVII и XXVIII.

[1]) Кирѣевскій, III, стр. 95; ср. Гильфердингъ, 1-е изд., стол. 804.

[2]) Кирѣев. II 19, 22, 45.

[3]) Кирѣевскій, II, 11.

[4]) Тамъ же, II, 1.

[5]) Тамъ же, II, 49 срав. Былины старой и новой записи, II, № 15.

Digitized by Google

Казнѣровичъ долженъ ѣхать въ орду невѣрную къ царю Батырю Кайманычу, чтобы выправить дань, онъ говоритъ Владиміру:

«Мнѣ не надобно твоихъ провожатыихъ,
Не нады твехъ сбережатыихъ;
Только дай мнѣ братца названово,
Да ужъ молода Добрыню Никитича.
Добрыня, батъ [1]), отца-матери хорошово;
Добрыня роду-племени учёново:
Умѣтъ Добрыня слово молвити,
Передъ тѣмъ царёмъ Батыремъ поклонитися,
Поклонитися умѣтъ и похвалитися» [2]).

Добрыня вообще отличается разнообразіемъ дарованій: онъ силенъ, ловокъ, на ножку повертокъ, отлично стрѣляетъ и плаваетъ, играетъ въ тавлеи, поетъ и играетъ на гусляхъ...

а) *Добрыня-змѣеборецъ.* Кажется, имя Добрыни одно изъ древнѣйшихъ историческихъ именъ, до сихъ поръ бытующее въ нашемъ эпосѣ. Большинство изслѣдователей склонны возводить имя этого богатыря къ имени дяди и воспитателя князя св. Владиміра, воеводы Добрыни. Въ „Экскурсахъ" (глава II-я) я сдѣлалъ попытку ближе прикрѣпить эпическаго Добрыню къ историческому и посвятилъ нѣсколько страницъ разбору былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Въ виду того, что въ дальнѣйшемъ я возвращаюсь къ этой темѣ, позволю себѣ, для удобства читателей, вкратцѣ резюмировать содержаніе моего „экскурса".

Исходя изъ яркой аналогіи въ нѣкоторыхъ деталяхъ, представляемой былиной о Добрынѣ-змѣеборцѣ съ духовными стихами о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Ѳедорѣ Тиронѣ, я поставилъ вопросъ, почему нашъ эпосъ сдѣлалъ змѣеборцемъ богатыря, носящаго *историческое* имя, и не представляется ли возможнымъ объяснить змѣеборство Добрыни какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ кн. Владиміра. Приводя примѣры тому, что въ народныхъ сказаніяхъ историческій подвигъ какого-нибудь лица иногда впослѣдствіи облекался въ фантастическую оболочку борьбы со змѣемъ, и воспользовавшись аналогіей змѣеборства св. Георгія, въ легендѣ о которомъ змѣй является представителемъ сокрушеннаго язычества, я обратилъ вниманіе на роль историческаго Добрыни въ дѣлѣ сокрушенія язычества въ Новгородѣ, изображенную

---

[1]). Т. е. баетъ — говоритъ.
[2]) Кирѣевскій, II, стр. 91.

Digitized by Google

весьма ярко въ отрывкѣ изъ такъ наз. Якимовской лѣтописи и увѣковѣченную старинной пословицей: „Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ“. Приведя разсказъ лѣтописи, я, какъ не спеціалистъ, не пускался въ историческую критику, зная только, что нѣкоторые наши историки смотрятъ съ довѣріемъ на это извѣстіе о крещеніи новгородцевъ, другіе — отрицаютъ его достовѣрность. Къ послѣднимъ принадлежитъ покойный проф. А. Никитскій. Въ своемъ „Очеркѣ внутренней исторіи Церкви въ великомъ Новгородѣ“ (Спб. 1879) [1]) онъ подвергаетъ разбору разсказъ Якимовской лѣтописи и приходитъ къ заключенію, что этотъ разсказъ — позднѣйшее книжное сочиненіе, такъ какъ его детали противорѣчатъ нашимъ свѣдѣніямъ о внутреннемъ бытѣ Новгорода въ X вѣкѣ. Такъ, въ это время не могло быть посадниковъ и тысяцкихъ, независимыхъ отъ княжескихъ; употребленіе упоминаемыхъ въ разсказѣ метательныхъ машинъ (пороковъ) было въ то время неизвѣстно; затѣмъ въ разсказѣ перепутаны обѣ стороны Новгорода, введены языческіе жрецы, которыхъ не было, и т. п. Признавая всю силу исторической критики проф. Никитскаго, я все же склоненъ думать, что весь разсказъ о крещеніи новгородцевъ не могъ быть сочиненъ только на основаніи пословицы (Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ). Неизвѣстный авторъ могъ значительно передѣлать какой-то старинный источникъ, внести въ него нѣкоторые свои домыслы и болѣе позднія бытовыя черты, но все же онъ передѣлалъ нѣчто существовавшее раньше, а не сочинилъ сплошь весь разсказъ. Во всякомъ случаѣ, существованіе пословицы указываетъ на существованіе и стариннаго преданія о крещеніи новгородцевъ Путятой и Добрыней, хотя бы это преданіе и было значительно передѣлано книжникомъ поздняго времени. Исходя изъ такого взгляда, я старался указать историческія черты въ эпическомъ преданіи о Добрынѣ-змѣеборцѣ и отмѣтилъ нѣкоторыя детали въ былинахъ о немъ. Такова религіозная окраска змѣеборства Добрыни, небесный гласъ, помогающій ему въ борьбѣ со змѣемъ и друг. Купанье Добрыни я привелъ въ связь съ крещеніемъ, названіе рѣки (Пучай, Почай, Пучайная) съ именемъ р. Почайны, при устьѣ которой въ Кіевѣ совершилось крещеніе кіевлянъ. Имя историческаго воеводы Путяты, вырученнаго Добрыней при осадѣ Новгорода, сохранилось въ отчествѣ Запавы *Путячичны*, выручаемой былиннымъ Добрыней отъ змѣя Горынича, при чемъ наличность княжны я объяснилъ себѣ слѣдующимъ предпо-

---

[1]) Стран. 200—201.

Digitized by Google

ложеніемъ. Когда историческая борьба Добрыни съ новгородскими язычниками въ своихъ реальныхъ чертахъ настолько поблекла въ народной памяти, что могла отлиться въ эпическую форму борьбы со змѣемъ, вслѣдствіе популярности вообще этого сказочнаго и легендарнаго сюжета, то согласно съ шаблонной чертою сюжета должна была явиться дѣвица, — царская дочь, спасаемая богатыремъ отъ змѣя. Соотвѣтственно съ общественнымъ положеніемъ Добрыни, родственника Владимира, она должна была стать именно родственницей (дочерью или племянницей) князя, а тѣсная связь именъ Добрыни и Путяты въ народномъ преданіи сдѣлала ее Путятичной. Историческій отголосокъ предположилъ я далѣе, вмѣстѣ съ г. Квашнинымъ-Самаринымъ, въ имени Марфиды Всеславьевны, — являющемся въ варіантѣ былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ, сопоставивъ это имя съ Малфридой, одной изъ женъ Владимира. Вообще женщины, избавляемыя Добрыней отъ змѣя (Запава, Марфида, Марья Дивовна) называются родственницами (племянницами, сестрами или дочерьми) Владимира въ параллель съ тѣмъ, что и самъ Добрыня является его племянникомъ. Это доказываетъ, что въ періодѣ сложенія самыхъ раннихъ пѣсенъ о Добрынѣ въ народѣ еще твердо держалась память о близкихъ родственныхъ отношеніяхъ богатыря къ князю Владимиру, а это, на нашъ взглядъ, связываетъ былевого Добрыню съ историческимъ дядей св. Владимира.

Развивая въ „экскурсѣ“ предположеніе, что въ битвѣ Добрыни со змѣемъ могли сохраниться отголоски исторической борьбы дяди Владимира Добрыни съ новгородскимъ язычествомъ, я указалъ нѣсколько примѣровъ тому, что змѣй въ легендахъ является представителемъ язычества. При этомъ я не вспомнилъ одного мѣстнаго русскаго преданія, прикрѣпленнаго къ *Новгородской* области, которое можетъ служить лучшимъ комментаріемъ къ былинѣ о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Преданіе это давно извѣстно нашимъ изслѣдователямъ, но не было привлекаемо до сихъ поръ только въ этомъ направленіи. Я имѣю въ виду мѣстное преданіе, слышанное Павломъ Якушкинымъ близъ Новгорода и связанное съ Юрьевскимъ скитомъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ *Перюньскаго* [1]). Привожу преданіе дословно: „А вотъ видишь ты, какое дѣло было, — началъ разсказчикъ: — былъ звѣрь-зміяка; этотъ звѣрь-зміяка жилъ на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ гдѣ теперь скитъ святой стоитъ, Перюнской. Кажинную ночь этотъ звѣрь-зміяка

[1]) «Это не совсѣмъ Перюньскій и не совсѣмъ Перунскій, — говоритъ Якушкинъ, — а звукъ какой-то средній между *у*, *ю* и *ы*. Въ книгахъ монастырь называется Перынь».

Digitized by Google

ходилъ спать въ Ильмень-озеро съ волховскою коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился Володимеръ-князь въ Кіевѣ; тотъ самый Володимеръ-князь, что привелъ *Руссею* въ вѣру крещенную. Сказалъ Володимеръ-князь: „всей землѣ Русской — креститься". Ну и Новгороду — тожь. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить: Новый-городъ схватилъ зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ: поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору — къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью — да и на берегъ. Володимеръ-князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нѣтъ! Отъ того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скитъ тоже Перюньской" [1]). Это любопытное мѣстное преданіе замѣчательно по сходству съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о низверженіи идола Перуна въ Новѣгородѣ, занесеннымъ подъ 988 годомъ [2]). Но для насъ оно представляетъ интересъ въ другомъ отношеніи. Зміяка, находящійся, какъ эпическіе змѣи, въ связи съ женщиной (какая-то волховская коровница), напоминаетъ того змѣя-Горынича, который унесъ Запаву Путятичну или Марью Дивовну и съ которымъ бьется былевой Добрыня. Новгородское преданіе связываетъ низверженіе Зміяки съ крещеніемъ Руси княземъ Володимеромъ. Въ былинѣ бой Добрыни съ змѣемъ пріурочивается къ эпическому Владимиру, и въ подробностяхъ боя, въ *купаньи* Добрыни въ рѣкѣ Пучаѣ (Почайнѣ) звучатъ, по нашему предположенью, отголоски крещенія. Наконецъ, новгородское народное преданіе отождествляетъ Зміяку съ Перуномъ, представителемъ язычества, и это отождествленіе даетъ намъ недостававшее звено, которое связываетъ былиннаго змѣя, сраженнаго Добрыней, съ тѣмъ же языческимъ божествомъ. Какъ подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій языческое божество въ народномъ преданіи превратилось въ демона и далѣе въ змѣя, такъ и въ былинѣ его постигла та же мета-

---

[1]) Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. Спб. 1860, стр. 118 и слѣд.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 207: И пріиде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна посѣче, что въ великомъ Новѣгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху й по калу, біюще жезліемъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достахся немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же не переняти его. И иде Подбдянинъ рано на рѣку, хотя горницы везти въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: «Перунище! до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови...

Digitized by Google

морфоза. Такимъ образомъ оказывается, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ историческій Добрыня, по свидѣтельству Якимовской лѣтописи, свергалъ идоловъ и бросалъ ихъ въ Волховъ, распространяя христіанство, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ — на Волховѣ, Ильменѣ, въ Новгородѣ — живетъ преданіе о *Зміякѣ*-Перюнѣ, и есть полное основаніе думать, что эти мѣстныя новгородскія преданія послужили въ древности, по крайней мѣрѣ отчасти, матеріаломъ для былиннаго сюжета о боѣ Добрыни со змѣемъ-Горыничемъ. Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ (вспомнимъ, что, по лѣтописи, Добрыня жилъ въ Новгородѣ при Владимирѣ, раньше завоеванія Владимиромъ Кіева, ставилъ тамъ кумиры, а затѣмъ, послѣ принятія княземъ христіанства, осаждалъ Новгородъ вмѣстѣ съ Путятой и крестилъ новгородцевъ огнемъ, какъ Путята мечомъ), можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области, гдѣ ходили о Добрынѣ преданія, сложенъ прототипъ былины о его змѣеборствѣ. У насъ нѣтъ данныхъ для положительнаго рѣшенія этого вопроса, но въ виду тѣсной исторической связи Новгородской области съ Кіевской въ XI, XII вѣкахъ и въ виду не меньшаго участія историческаго Добрыни въ новгородскихъ событіяхъ, чѣмъ въ кіевскихъ, можно думать, что эпическій Добрыня равно принадлежалъ и южному — кіевскому и сѣверному — новгородскому эпосу.

б) *Добрыня-сватъ.* Выше я старался объяснить нѣкоторыя детали, встрѣчающіяся въ былинахъ о боѣ Добрыни со змѣемъ-Горыничемъ, въ связи съ лѣтописными преданіями объ историческомъ Добрынѣ. Дальнѣйшую попытку въ томъ же направленіи представляетъ нижеслѣдующій разборъ группы былинъ, въ которыхъ описывается поѣздка Добрыни вмѣстѣ съ Дунаемъ за невѣстой для князя Владимира.

Всѣхъ былинъ этого содержанія извѣстно до 15-ти.

Наиболѣе полна по деталямъ былина сказителя Романова (Гильфердингъ, № 94 = Рыбн. I, № 30), которой содержаніе считаю необходимымъ напомнить.

Былина открывается пиромъ кн. Владимира. Князь жалуется, что онъ не женатъ, между тѣмъ какъ всѣ князи-бояре и могучіе богатыри переженены, и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто подходящей ему невѣсты:

Чтобы ростомъ была высокая
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,

Digitized by Google

Походка у ней частà и рѣчь баска,
Было бы мнѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
Дума думати, долгіе вѣки корòтати...

Дунай Ивановичъ указываетъ князю достойную его невѣсту Опраксу королевичну, дочь короля хороброй Литвы. Князь поручаетъ ему посвататься отъ имени князя и взять съ собою 40 тысячъ силы и десять тысячъ казны. Дунай проситъ дать ему въ товарищи одного Добрыню Никитича. Богатыри пріѣхали къ литовскому королю. Дунай, служившій прежде у короля, входитъ въ палаты, а Добрыня остается при коняхъ на случай опасности. На сватовство Дуная король разгнѣвался и велѣлъ посадить свата въ погреба глубокіе. Дунай напугалъ королевскихъ слугъ, замахнувшись богатырской рукою. Но въ это время прибѣгаютъ со двора другіе слуги, которые разсказываютъ, что Добрыня перебилъ дубиной всю королевскую силу. Король смиряется и отпускаетъ Опраксу съ Дунаемъ и Добрынею. На пути богатырей застигла ночь, и они „раздернули“ палатку полотняную. Поутру Дунай замѣтилъ богатырскій слѣдъ и, оставивъ Опраксу на попеченіе Добрыни, поѣхалъ догонять неизвѣстнаго богатыря. Далѣе описывается встрѣча Дуная съ сестрою Опраксы, паленицей Настасьей королевичной, кончающаяся тѣмъ, что онъ въ ней находитъ себѣ невѣсту и ѣдетъ съ нею въ Кіевъ, куда уже раньше его пріѣхалъ Добрыня съ невѣстой для Владимира. Былина кончается состязаніемъ Дуная съ Настасьей въ стрѣльбѣ изъ лука и трагической смертью обоихъ супруговъ.

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе и прочихъ пересказовъ того же сюжета. Изъ варіантовъ въ частностяхъ можно отмѣтить лишь нѣкоторые. Лицо, указывающее на пиру Владимира на Дуная, какъ на богатыря, способнаго исполнить порученіе князя, называется Пермиломъ, княземъ Карамышевскимъ и, въ одномъ пересказѣ, Ильей Муромцемъ. Иногда Дунай беретъ въ спутники Василія Казимировича, иногда двухъ спутниковъ — Добрыню и Алешу; но изъ *большинства* пересказовъ можно вывести, что въ основной редакціи непремѣннымъ спутникомъ Дуная былъ Добрыня. Въ одной былинѣ (Гилферд. № 125) Дунай и Добрыня даже помѣнялись ролями. Порученіе ѣхать за невѣстой въ Литву получаетъ отъ князя Добрыня, который беретъ съ собою Дуная въ товарищи. Вообще можно отмѣтить, что между личностями обоихъ богатырей — Дуная и Добрыни — была подмѣчена слагателями и сказителями аналогія, которая внесла смѣшеніе съ содержаніе нѣкоторыхъ былинъ. Аналогія заключается въ слѣдующихъ чертахъ: а) Добрыня, по порученію Владимира, освобождаетъ и привозитъ въ Кіевъ

Digitized by Google

близкую къ князю женщину (Запаву Путятичну): Дунай долженъ, по порученію князя, привезти ему невѣсту отъ враждебнаго короля; б) во многихъ былинахъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ Добрыня, передавъ освобожденную имъ Запаву Алешѣ для доставленія ея въ Кіевъ, встрѣчается съ паленицей и затѣмъ женится на ней: въ былинахъ о Дунаѣ послѣдній, поручивъ Опраксу Добрынѣ, самъ встрѣчается съ воинственной сестрой ея Настасьей, бьется съ нею и привозитъ ее невѣстой въ Кіевъ. При этомъ сходствѣ и нѣкоторой близости именъ (Дунай, Добрыня) становится отчасти понятно смѣшеніе Дуная съ Добрыней въ былинѣ Гильфердинга № 191, гдѣ Дунаю приписано змѣеборство и избавленіе княжей племянницы. Разборъ похожденій Дуная я оставляю въ сторонѣ и сдѣлаю только нѣсколько замѣчаній о роли Добрыни.

Былина сложена изъ двухъ сюжетовъ: 1) привозъ невѣсты князю Владимиру Добрыней; 2) женитьба Дуная на Настасьѣ-паленицѣ и трагическая смерть обоихъ супруговъ. Оба сюжета не переплетены между собою, а соединены чисто механически, т. е. одинъ развивается вслѣдъ за другимъ. Въ 1-ой половинѣ былины, гдѣ идетъ разсказъ о добываніи Опраксы королевичны для князя Владимира, главнымъ лицомъ является не Дунай, а Добрыня. Дунай указываетъ на невѣсту, такъ какъ жилъ прежде у короля хороброй Литвы на службѣ, дѣлаетъ предложеніе королю и подвергается опасности быть посаженнымъ въ погребъ. Но оставшійся на дворѣ Добрыня избиваетъ силу королевскую и этимъ *вынуждаетъ* короля отдать Опраксу князю Владимиру. Затѣмъ тотъ же Добрыня везетъ и привозитъ невѣсту въ Кіевъ, между тѣмъ какъ Дунай, оставивъ ее, устремляется на новое похожденіе, въ которомъ добываетъ себѣ самому жену. Итакъ въ 1-ой половинѣ былины сюжетъ — добываніе Опраксы — вполнѣ законченъ, и можно сказать, что это добываніе совершено Добрыней. Можно думать, что когда-нибудь существовала 1-ая половина, какъ отдѣльная былина, съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Добрыней. Но въ послѣдующемъ развитіи эпоса, вслѣдствіе стремленія связывать однородные сюжеты въ болѣе обширные и сложные разсказы, сюжетъ — добываніе невѣсты для Владимира Добрыней — притянулъ къ себѣ другой — однородный — добываніе невѣсты Дунаемъ. [Подобное же сочетаніе двухъ сюжетовъ можно указать въ сводныхъ былинахъ о Добрынѣ, гдѣ вслѣдъ за добываніемъ Добрыней Запавы Путятичны *для* Владимира помѣщается сюжетъ добыванія тѣмъ же богатыремъ невѣсты для самого себя. Отмѣчу, что эта невѣста Добрыни такъ же паленица, какъ невѣста Дуная, и такъ же въ нѣкоторыхъ былинахъ называется Настасьей. Слѣдуетъ

Digitized by Google

думать, что въ сводныхъ былинахъ о Добрынѣ и Дунаѣ, Опраксѣ и Настасьѣ королевичнахъ, добываніе Опраксы для Владимира было основнымъ *древнимъ* сюжетомъ. Когда этотъ сюжетъ притянулъ къ себѣ другой, то явились попытки передѣлать начало основной былины. Вмѣсто *одной* дочери короля Литвы у него оказалось двѣ, изъ которыхъ о второй должна итти рѣчь во 2-ой половинѣ былины, т. е. во 2-омъ разсказѣ, сплоченномъ съ основнымъ. Подъ вліяніемъ эпическаго числа 3-хъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ упоминаются даже 3 дочери у короля (напримѣръ, Гильферд. № 125); но, не зная, что сдѣлать съ 3-ей, сказитель (Щеголенокъ) прибавилъ, что „третья дочь да есть не въ дорости".

Разложивъ такимъ образомъ сводную былину на ея составныя части, мы можемъ вывести, что Добрыня въ нашемъ эпосѣ когда-то болѣе ярко выступалъ устроителемъ брака князя Владимира съ литовской королевной. Если мы припомнимъ нѣкоторыя лѣтописныя преданія, то, быть-можетъ, найдемъ и мотивъ, по которому Добрынѣ въ нашемъ эпосѣ придана роль свата для Владимира. Приведенныя въ лѣтописи подъ 1128 годомъ (по Лаврентьев. списку) родовыя преданія, ходившія о полоцкихъ князьяхъ, вѣроятно извѣстны были на Руси, такъ какъ лѣтописецъ заноситъ ихъ со словъ вѣдущихъ:

„О сихъ же Всеславичахъ сице есть, яко сказаша вѣдущии, преже: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимиру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю, еще и погану, и бѣ у него (уй его) Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь; и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере (его) за Володимера. Онъ же рече дъщери своей: „хощешь ли за Володимеръ?" Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю"; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: „не хочю я за робичича"; пожалиси Добрына и исполнися ярости, и поемъша вои (и) идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого (князя Роговолода) яша, и жену его, и дщерь его; и Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Володимеру *быти с нею передъ отцемъ ея и матерью*. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ, и нарекоша ей имя Гориславa"... [1]).

Въ этомъ родовомъ преданіи, какъ и въ былинѣ, главную роль въ

---

1) Изданіе 1872 г., стр. 284- 285.

Digitized by Google

добыванiи невѣсты для князя Владимира, который еще очень юнъ возрастомъ, играетъ Добрыня. Какъ въ былинѣ, такъ и въ преданiи онъ исполняется яростью, когда получаетъ отказъ въ сватовствѣ, и такъ же, какъ въ былинѣ, поноситъ отца невѣсты и добываетъ ее насилiемъ. Конечно, въ подробностяхъ нѣтъ сходства, и я привелъ лѣтописное преданiе не съ цѣлью доказать, что именно лѣтописная его редакцiя была переработана въ былину. Оно доказываетъ только, что еще въ XII вѣкѣ въ народѣ имя Добрыни было связано съ насильственнымъ добыванiемъ жены для князя Владимира, и послѣднимъ эпически переработаннымъ отголоскомъ такого преданiя можно считать разсмотрѣнную нами былину. Съ теченiемъ времени было забыто народомъ имя насильственно добытой жены Владимира Рогнѣды-Гориславы, имя ея отца и принадлежавшаго ему Полоцкаго княжества. Помнилось только, что невѣста была дочерью какого-то владѣтельнаго лица на западѣ. Въ Московскомъ перiодѣ этотъ западный властитель долженъ былъ стать королемъ литовскимъ, такъ какъ Литва была ближайшимъ западнымъ сосѣдомъ великаго княжества Московскаго. Въ одной былинѣ (Гильферд. № 272) отецъ Опраксы носитъ даже историческое имя XVI вѣка, — онъ названъ польскимъ королемъ Жиманомъ, въ чемъ не трудно видѣть искаженiе имени Жигмонта, т. е. Сигизмунда. Вмѣсто имени княжны Рогнѣды въ эпосѣ явилось имя извѣстной изъ рязанскихъ преданiй княгини Евпраксiи, и изъ гордой княжны, не хотѣвшей разуть робичича, невѣста Владимира въ былинахъ иногда становится дѣвицей, охотно и радостно соглашающейся выйти за Владимира, вопреки желанiю своего отца.

Можно, пожалуй, указать и на нѣкоторыя другiя былинныя черты, нѣсколько напоминающiя лѣтописное сказанiе о Рогнѣдѣ: какъ князю Владимиру въ лѣтописи выставляется соперникъ въ лицѣ Ярополка, такъ въ одной былинѣ отецъ Опраксы въ своемъ отказѣ ссылается на то, что его дочь уже просватана за царя Кощея Трипетова; какъ въ сказанiи упоминается обрядъ разуванiя мужа, такъ въ былинѣ о другомъ сватовствѣ — Ивана Годиновича, этотъ богатырь заставляетъ свою неохотно за него идущую невѣсту снять съ него сафьянъ сапогъ (былина Ефименка). Но подобныя параллели могутъ быть случайны. Для насъ достаточно одного заключенiя, на которое даютъ право разсмотрѣнные былинные факты. Подобно тому какъ въ Добрынѣ-змѣеборцѣ сохранились кое-какiя черты историческаго Добрыни, какъ борца противъ язычества, такъ и въ Добрынѣ-сватѣ можно видѣть глухой отголосокъ историческаго Добрыни, какъ добывателя жены для истори-

Digitized by Google

ческаго Владимира. Тѣ и другія былины указываютъ на существованіе въ дотатарскомъ періодѣ на Руси эпическихъ пѣсенъ, имѣвшихъ въ основѣ историческія преданія и складывавшихся въ средѣ населенія, ближе стоявшей къ историческимъ личностямъ, князьямъ и воеводамъ. Такой средой должно признать прежде всего княжескую дружину.

в) *Добрыня и Марина.* Въ настоящее время всѣ изслѣдователи былевого эпоса согласны въ томъ, что былина о Добрынѣ и Маринѣ представляетъ былинную обработку очень распространенной народной сказки о женѣ-волшебницѣ. Въ приложеніи къ „Экскурсамъ“ [1]) я указалъ на сходныя по сюжету кавказскія сказки, интересныя преимущественно тѣмъ, что одна изъ нихъ прикрѣплена къ имени одного изъ богатырей осетинскаго *нартскаго* эпоса Урызмэга, подобно тому, какъ и у насъ сказка вошла въ такъ называемый кіевскій эпическій циклъ и пристала къ историческому имени. Болѣе подробный обзоръ народныхъ сказокъ о женѣ-волшебницѣ въ связи съ былиной о Добрынѣ принадлежитъ проф. Сумцову [2]), который разбираетъ сначала великорусскія сказки этого сюжета, затѣмъ малорусскія, бѣлорусскія и инородческія, указывая далѣе основные мотивы разсматриваемой сказки въ классической литературѣ (у Лукіана, Овидія и въ Одиссеѣ). Просматривая сказочный матеріалъ, собранный проф. Сумцовымъ, мы не находимъ однако ни одной сказки, которая по деталямъ близко подходила бы къ былинѣ. Всѣ эти превращенія волшебницей мужа въ звѣриныя формы представляютъ весьма разнообразные узоры, вышитые фантазіей разныхъ народовъ на однородной канвѣ, и ни одинъ узоръ не можетъ представляться тѣмъ самымъ, который былъ положенъ въ основу былинной обработки нашей фабулы. Въ чемъ состояла литературная работа слагателя былины — это до сихъ не разъяснено въ достаточной степени, и изслѣдователямъ придется еще не разъ возвратиться къ этому вопросу. Находя основательнымъ замѣчаніе Д. Ровинскаго, что въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ нѣтъ оригинальныхъ подробностей и что всѣ онѣ набраны изъ разныхъ источниковъ своихъ и чужихъ, проф. Сумцовъ замѣчаетъ: „Этотъ мозаичный характеръ деталей освобождаетъ насъ отъ необходимости разсматривать ихъ непремѣнно въ связи съ былинами о Добрынѣ и Маринѣ [3]).

---

[1]) Стр. 20—22.

[2]) См. его статью: «Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ-волшебницѣ». *Этнографическое Обозрѣніе,* кн. XIII (1892 г.).

[3]) Назв. соч., стр. 161.

Digitized by Google

Но намъ кажется, что для уясненія процесса сложенія былины такое разсмотрѣніе деталей неизбѣжно. Вѣдь пользуется же самъ проф. Сумцовъ одной деталью былины — обращеніемъ Добрыни въ *тура* — для хронологическихъ заключеній. Приведя рядъ историческихъ свидѣтельствъ о турѣ (bos primigenius), онъ приходитъ къ выводу, что уже въ XVI в. туръ становится рѣдкостью, а въ XVIII в. совсѣмъ исчезаетъ въ восточной Европѣ, что въ малорусскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ образъ тура еще довольно реаленъ, но что въ великорусскихъ былинахъ туръ животное полуфантастическое. Эпитетъ „гнѣдой", не соотвѣтствующій дѣйствительной окраскѣ шерсти тура, который былъ чернаго цвѣта, перенесенъ на него съ зубра; фантазія сказителей награждаетъ тура золотыми рогами, серебряными ногами, шерстью *рыта бархата* и даетъ ему эпитетъ „морского" (т. е. заморскаго). Казалось бы, что внесеніе такого фантастическаго тура въ былину указываетъ такое время, когда память о внѣшнемъ видѣ вымершаго тура уже давно исчезла. Но г. Сумцовъ, исходя изъ положенія (которое прежде всего само нуждается въ доказательствѣ), что былина въ своей основѣ относится къ южно-русскому періоду нашей исторіи, дѣлаетъ такое заключеніе: „Въ очень давнее время, когда туръ былъ на Руси еще обыкновеннымъ животнымъ, въ эпоху расцвѣта былевого творчества, сказка о женѣ-волшебницѣ вошла въ былины Владимирова цикла съ пріуроченіемъ къ исторической личности Добрыни" [1]). Такимъ образомъ для установленія ранняго періода сложенія былины выбрана такая деталь, которая даетъ основаніе скорѣе для заключенія о ея позднемъ сложеніи. Мнѣ кажется, что, отрѣшившись отъ предвзятаго мнѣнія о домонгольскомъ происхожденіи разсматриваемой былины, слѣдуетъ въ наличныхъ текстахъ ея искать хронологическихъ указаній. А такими датами иногда въ нашемъ эпосѣ служатъ собственныя имена. Въ данномъ случаѣ упорно во всѣхъ варіантахъ былинъ волшебница носитъ историческое имя XVII в. Марины, и въ текстахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ предполагать, что это имя вытѣснило какое-нибудь другое, болѣе раннее, и что оно не существовало въ первоначальномъ изводѣ былинъ. Намъ остается только разсмотрѣть, можетъ ли личность, носящая это имя въ былинѣ, быть эпическимъ отголоскомъ исторической Марины Мнишекъ, какой она жила въ народномъ преданіи. Такое разсмотрѣніе, повидимому, устанавливаетъ связь между обѣими личностями. Историческая Марина извѣстна была

[1]) Тамъ же, стр. 168.

Digitized by Google

своими любовными похожденіями въ періодъ самозванцевъ, слыла въ народѣ еретичкой и колдуньей. Извѣстно преданіе, что она, обернувшись сорокой, улетѣла изъ Москвы. Такою же рисуетъ Маришку и наша былина: она волшебница, зеленщица, сожигающая слѣды Добрыни, она называется еретницей [1]), въ ея теремѣ нѣтъ Спасова образа [2]), она обертывается птицей и садится на рога Добрыни-тура. Какъ, по народному преданію, Марина Мнишекъ обернулась сорокою, такъ въ одной былинѣ [3]) Маришка была въ наказаніе обернута той же птицей матушкой Добрыни, въ другой — сама обертывается сорокой [4]).

Какъ историческая Марина представлялась красавицей и извѣстна была любовными похожденіями, такъ эпическая Марина изображается увлекательною красоткой [5]), бѣлящейся и румянящейся предъ зеркаломъ и завлекающей равно Змѣя-Горынича и Добрыню. Все это, повидимому, сближаетъ эпическую Марину съ исторической, и нѣтъ основанія предполагать, что перечисленныя черты былиннаго типа Марины раньше связывались съ какимъ-нибудь другимъ именемъ, вытѣсненнымъ, и притомъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ, именемъ исторической женщины XVII вѣка. На вопросъ, почему сказочный сюжетъ о женѣ-волшебницѣ былъ прикрѣпленъ къ имени Добрыни, г. Сумцовъ отвѣчаетъ слѣдующимъ предположеніемъ: „Нужно думать, что въ личной жизни Добрыни или въ древнихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ о немъ были такія черты, которыя обусловили или содѣйствовали привлеченію сказки въ кругъ былинъ, напр., что-нибудь на тему о злой женѣ; для развитія такой темы сказка о невѣрной женѣ-волшебницѣ могла оказаться очень пригодной, и жестокая казнь Марины въ такомъ случаѣ получаетъ особое значеніе“ [6]). Мнѣ кажется, что личную жизнь историческаго Добрыни можно смѣло оставить въ сторонѣ, но въ пѣсняхъ о немъ не только могли быть, но и существуютъ дѣйствительно такія черты, которыя мотивируютъ прикрѣпленіе къ его имени разсказа о чародѣйкѣ Маринѣ. Добрыня искони извѣстенъ въ эпосѣ какъ противникъ Змѣя-Горынича, любителя и похитителя женщинъ. Немудрено поэтому, что Змѣй-Горыничъ съ своей любовницей (Мариной) и въ нашей былинѣ сталкивается съ тѣмъ же богатыремъ. При этомъ можно отмѣтить и сходство въ постройкѣ обѣихъ былинъ о Добрынѣ и Змѣѣ-

[1]) Кирѣевскій II, стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 59.
[3]) Гильфердингъ № 227.
[4]) Былины старой и новой записи, II, 26.
[5]) См. Былины старой и новой записи №№ 25 и 27.
[6]) Назв. соч., стр. 168.

Digitized by Google

Горыничѣ. Въ одной мать убѣждаетъ Добрыню не купаться въ Пучай-рѣкѣ, и сынъ, нарушивъ наставленіе матери, сталкивается со змѣемъ; въ другой — въ значительномъ числѣ варіантовъ — мать даетъ Добрынѣ наставленіе, гуляя по городу, не заходить въ улицу Маришкину, и сынъ, пренебрегши наставленіемъ, сталкивается у Марины съ ея любовникомъ, тѣмъ же Змѣемъ-Горыничемъ, а затѣмъ подвергается извѣстному превращенію. И здѣсь и тамъ столкновеніе богатыря со змѣемъ кончается смертью послѣдняго, и здѣсь и тамъ змѣй тѣсно связанъ съ женщиной. Эти аналогіи обѣихъ былинъ, на нашъ взглядъ, достаточно мотивируютъ прикрѣпленіе къ имени Добрыни-змѣеборца новаго сюжета со змѣемъ и женщиной, какъ я замѣтилъ уже въ „Экскурсахъ“ [1]). Не имѣя намѣренія предложить подробнаго разбора всѣхъ деталей былины о Маринѣ, остановлюсь только на одной интересной подробности стрѣльбы Добрыни.

Въ большинствѣ былинъ о связи Добрыни съ волшебницей Мариной находимъ тотъ мотивъ, что Добрыня стрѣляетъ въ голубей, сидящихъ на косящатомъ окошкѣ или на крышѣ терема этой кіевской прелестницы, и стрѣла богатыря, разбивъ окно, убиваетъ „мила друга“ Марины — Тугарина Змѣевича (иначе Туга Зміевича, Змѣя притугальника, Идолища некрещенаго) [2]). Такъ, въ былинѣ, записанной въ Симбирской губерніи [3]), разсказывается, что у Маришки —

Средьдвора два терема стоятъ,
Два терема златоверховаты;
На тѣмъ ли на теремѣ два голубя сидятъ,
Цѣлуются, милуются промежъ себя.
Какъ снималъ Добрыня съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тетивочку шелковинькую,
Онъ и хочетъ убить двухъ голубей.
Его лѣвая нога поскользнулася,
А правая рука промахнулася;
Не попалъ онъ въ двухъ голубей,
А попалъ ко Маришкѣ во теремъ,
Въ окошечко во косящетое,
Во оконенку стекольчатую,
Убилъ у Маришки друга милова змѣя лютова.
А въ то время Маришки не случилося:
Тутъ за тремя дверями *умывалася*...

---

[1]) Стр. 53.

[2]) Рыбниковъ II № 4 и 19; Кирѣев. II, стр. 41, 48, 54; Гильфердингъ №№ 17, 163, 227, 267, 288, 316.

[3]) Кирѣев. II,

Digitized by Google

Подчеркиваемъ для дальнѣйшаго черту *умыванья* Марины, хотя въ большинствѣ пересказовъ она отсутствуетъ. Результатомъ обиды, нанесенной Маринѣ, является то, что „еретница“ присушиваетъ Добрыню и оборачиваетъ привороженнаго богатыря въ тура златорогаго.

Довольно полную аналогію вышеприведенному мотиву стрѣлянія въ голубей находимъ въ апокрифическихъ деталяхъ, которыя въ талмудѣ наслоились на библейскій разсказъ о Давидѣ и Уріевой женѣ (Вирсавіи). Въ талмудическомъ трактатѣ Sanhedrin (fol. 107) въ изложеніи Фабриція [1]), мы читаемъ: „Dixit (scilicet David) ad Deum sanctum benedictum: o Arbiter mundi, quare vocant te Deum Abraham, Isaaci et Jacobi et non vocant te etiam Deum Davidis? Respondit ipsi Deus: tres isti tentati sunt a me, tu vero nondum es a me tentatus. Regessit David: O Domine mundi, proba me quoque et tenta me. Respondit Deus: tentabo te et agam aliquid tecum (a quo constantia tua appareat). Sed quod egi cum tribus Patriarchis, non indicavi illis prius; tibi autem in antecessum nunc intimo, me probaturum esse te in negotio incestus. Confestim ergo David, ut legitur 2 Sam. XI, 2, „circa vesperam surrexit de lecto suo... et ambulavit in tecto domus regiae viditque feminam quandam lavantem se desuper tecto, quae erat admodum formosa“. Bathseba (Вирсавія) quidem lavit caput suum sub alveari; *venit autem Satan in forma aviculae* (inseditque alveari). *Quapropter David sagittam ejaculatus est in avem istam, confregitque alveare, unde Bathseba fuit detecta, atque a David visa...* [2]). Такимъ образомъ въ талмудической легендѣ птица, въ которую стрѣляетъ Давидъ, не простая птица, а сатана, принявшій этотъ видъ и сѣвшій надъ моющейся красавицей съ той спеціальной цѣлью, чтобъ привлечь къ ней вниманіе Давида и тѣмъ привести его къ соблазну и паденію. Выстрѣлъ въ птицу имѣлъ слѣдствіемъ то, что Давидъ увидѣлъ Вирсавію и плѣнился ею: такъ и въ нашихъ былинахъ выстрѣлъ Добрыни въ голубей ведетъ къ тому, что онъ узнаетъ Марину-прелестницу (пойдя отыскивать свою стрѣлу въ ея теремѣ) и влюбляется въ нее. Но въ русскомъ пересказѣ стрѣляніе въ голубей является чистою случайностью: Добрынѣ почему-то досадно показалось, что голуби „цѣлуются, милуются, желты носами обнимаются“ (Кир. II, 54), между тѣмъ какъ въ талмудической легендѣ птица, соблазнившая Давида, — сатана, принявшій птичій видъ. Впрочемъ, злой духъ не отсутствуетъ вполнѣ и въ нашихъ переска-

[1]) Joh. Alb. *Fabricii* — Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti. 1722 p. 1000—1001.

[2]) Мусульманскую передѣлку этого апокрифа см. въ книгѣ *Weil'a:* Biblische Legenden der Muselmänner, p. 210.

Digitized by Google

захъ: вспомнимъ, что стрѣла Добрыни, не попавъ въ голубей, угодила въ любовника Марины Тугарина Змѣевича или Идолище поганое. Такъ что, хотя роль злого духа въ очарованіи Добрыни Мариной и не уясняется въ былинѣ, однако присутствіе голубей и Тугарина Змѣевича позволяетъ намъ догадываться, что птицы и злой духъ восходятъ къ талмудическому легендарному сочетанію, т. е. къ сатанѣ, принявшему видъ птицы.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того совпаденія между былиной и іудейскимъ апокрифомъ, что въ обоихъ красавица (Вирсавія-Марина) въ моментъ стрѣлянія представлена умывавшейся. Такимъ образомъ указанная нами параллель прибавляетъ еще одинъ апокрифическій мотивъ къ числу тѣхъ, которые уже раньше были отмѣчены въ нашемъ былевомъ эпосѣ. Вспомнимъ, что поступокъ былиннаго князя Владимира съ Данилой Ловчаниномъ напоминаетъ поступокъ царя Давида съ Уріей, мужемъ Вирсавіи; что разсказъ о гробѣ, встрѣченномъ на пути Ильей и Святогоромъ и пришедшемся впору послѣднему богатырю, представляетъ близкую параллель талмудическому сказанію о смерти Аарона, перешедшему къ мусульманамъ [1]); что чаша, спрятанная Апраксіей въ сумку калики Михаила, попала въ былину изъ библейскаго сказанія о Іосифѣ, и что изъ того же источника, точнѣе изъ еврейскаго апокрифа, объясняется та былинная деталь, что Апраксія обрѣзала себѣ руку бѣлую, заглядѣвшись на красоту Чурилы, подобно тому, какъ еврейскія жены, обвинявшія жену Пентефрія за увлеченіе Іосифомъ, обрѣзали себѣ руки, заглядѣвшись на красавца [2]). Что касается спеціально Добрыни, то приведенный нами апокрифическій (еврейскій) мотивъ не единственный, вошедшій въ былины объ этомъ богатырѣ. Академикъ Веселовскій уже отмѣтилъ, что имя его матери Амелфы вѣроятно восходитъ къ апокрифической исторіи Іосифа, въ которой фигурируетъ Μεμφια (Зулейка, Залиха) [3]), а я въ числѣ варіантовъ былиннаго сюжета обращенія Добрыни въ тура Мариной отмѣтилъ апокрифъ у Migne'a (Apocryph. I, 993) о молодомъ человѣкѣ, обращенномъ колдуньей въ мула, которому, по молитвѣ его *сестры*, Богородица возвратила прежній видъ [4]). Наконецъ, поводомъ къ прикрѣпленію *именно* къ Добрынѣ апокрифическаго мотива изъ

---

[1]) См. *Жданова* — Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 159.

[2]) *А. Н. Веселовскій* — Южнорусскія былины, III—XI, стр. 98.

[3]) Тамъ же, стр. 97.

[4]) Экскурсы въ область русс. нар. эпоса. Приложеніе, стр. 21, примѣчаніе 4.

Digitized by Google

легенды о царѣ Давидѣ можетъ быть, пожалуй, то, что и тотъ и другой представлялись музыкантами. У Добрыни въ домѣ висятъ гуселки яровчатыя, которыя онъ беретъ съ собою, переодѣваясь скоморошиной, и на которыхъ играетъ при дворѣ Владимира. Царь Давидъ извѣстенъ какъ псалмопѣвецъ, и іудейскіе раввины, объясняя 9-й стихъ 56-го псалма: *воспряни слава моя, воспряни псалтирь и гусли, пробужусь рано,* говорятъ, что ночью надъ постелью Давида всегда висѣла цитра. Когда въ полночь начиналъ дуть сѣверный вѣтеръ и ударялъ въ струны, Давидъ вставалъ и начиналъ упражняться въ законѣ [1]).

г) *Добрыня и рѣка Смородина.* Былинному репертуару Олонецкой губерніи неизвѣстна гибель Добрыни въ рѣкѣ Смородинѣ. Единственная пѣсня съ этимъ содержаніемъ была записана Языковымъ въ Симбирской губерніи, въ г. Сызрани [2]). Въ этой пѣснѣ погибающій въ рѣкѣ молодецъ названъ Добрыней Никитичемъ. Между тѣмъ пѣсни, весьма сходныя по общему содержанію и подробностямъ, но въ которыхъ вмѣсто Добрыни Никитича находимъ безымяннаго добра молодца, встрѣчаются нерѣдко. Намъ извѣстны: одна пѣсня изъ Симбирской губерніи [3]). одна изъ сборника КиршиДанилова [4]), три изъ Олонецкой губерніи [5]). Является вопросъ, какъ смотрѣть на пѣсню Языкова съ именемъ Добрыни Никитича: есть ли это былина въ общепринятомъ значеніи этого слова, или пѣсня безымянная, въ которую только введено впослѣдствіи имя Добрыни Никитича, придавшее ей видъ былины?

Для рѣшенія этого вопроса разсмотримъ содержаніе симбирской пѣсни и однородныхъ съ нею. Прежде всего отмѣтимъ, что зачаломъ ей служитъ небольшая пѣсня о рожденіи царевича (Петра), сопровождавшемся тѣмъ, что нянюшки-мамушки всю ночь не спали, но стегали для новорожденнаго одѣяльце, а плотники-мастера всю ночь ему колыбельку строили. Такое же зачало находимъ въ другой, тоже сызранской, пѣснѣ, записанной Языковымъ, въ которой вмѣсто Добрыни упоминается просто добрый молодецъ. Обѣ пѣсни, извѣстныя въ одномъ и томъ же уѣздѣ, конечно, сводятся къ одной. Начало, не пред-

---

[1]) См. *И. Порфирьева* — Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 69.

[2]) См. Кирѣевскій — II, стр. 61—63.

[3]) См. Кирѣевскій — VIII, стр. 3—5.

[4]) См. Кирѣевскій — VIII, стр. 8—13.

[5]) См. Кирѣевскій — VIII, стр. 14—15; Рыбниковъ — I, № 82; Гильфердингъ № 262.

Digitized by Google

ставляющее тѣсной связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ, случайно въ Сызранскомъ уѣздѣ прикрѣпилось къ пѣснѣ о гибели молодца въ рѣкѣ Смородинѣ. Пѣсня о рожденіи царевича Петра извѣстна и отдѣльно [1]). но это пѣсня короткая и, быть-можетъ, потому сплотилась въ Сызранскомъ уѣздѣ съ другою, что нерѣдко случается съ короткими и пѣснями и былинами. Такой спайкѣ, быть-можетъ, содѣйствовало тождество напѣва этой пѣсни съ другой, но за отсутствіемъ записаннаго „голоса" мы не можемъ этого сказать положительно. Какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ г. Безсоновымъ, который, предполагая, что народная пѣсня о молодцѣ, уѣзжающемъ на чужую сторону и погибающемъ въ рѣкѣ Смородинѣ, пріурочена къ путешествію Петра за границу, помѣстилъ разсматриваемую пѣсню подъ рубрику: *Рожденье, первые годы и отъѣздъ* (Петра) *на чужую сторону* [2]).

За 1-й частью пѣсни или, точнѣе, за первой пѣснью, случайно прикрѣпившейся, слѣдуетъ вторая, имѣющая свое *зачало* съ обычнымъ сравненіемъ:

Отломилася вѣточка отъ садовой отъ яблони,
Откатилось яблочко...
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу дальну сторонушку, за рѣку за Смородину.

Подъѣхавъ къ рѣкѣ, Добрыня спрашиваетъ ее:

Охъ ты, рѣчушка, рѣчушка,
Мать быстра рѣка Смородина!
Широкимъ ты не широкая,
Глубокимъ ты не глубокая!
Есть ли на тебѣ, на рѣчушкѣ,
Переходы-то частые,
Перебродыто мелкіе?

Рѣка отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ — „душей красной дѣвицей", что на ней нѣтъ переходовъ, перебродовъ, но есть далеко два мосточка *калиновыхъ*. Добрыня спрашиваетъ, что рѣка беретъ за перевозъ. Смородина говоритъ, что беретъ „по добру коню наступчату, по сѣделечку черкасскому, по удалу добру молодцу", но его и такъ перепуститъ за его слова ласковыя, поклоны низкіе. Добрыня перебрелъ благополучно и сталъ надъ рѣкой насмѣхаться:

Сказали про рѣчушку,
Сказали про быструю,

---

[1]) Напр. Кирѣевскій («Кирша Даниловъ») — VIII, стр. 1—2.
[2]) Вып. VIII, стр. 3.

Digitized by Google

Что эта рѣчушка
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая:
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калужина!

Смородина проситъ его вернуться, такъ какъ онъ позабылъ на другой сторонѣ два ножа булатныхъ.

Онъ на перву ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделичко черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ.

Гораздо полнѣе по содержанію, мотивировкѣ дѣйствія и деталямъ два пересказа, записанные въ Олонецкой губерніи и представляющіе одну редакцію [1]). Пѣсня открывается описаніемъ „безвременья“ молодца, побудившаго его уйти въ чужую сторону:

Богъ молодца не милуетъ,
Государь молодца не жалуетъ,
Дружья-братья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И нѣтъ на молодцѣ ни чести, похвалы молодецкія [2]).

Еще пространнѣе то же начало развито въ пѣснѣ однородной у Кирши Данилова. Здѣсь выведенъ сначала контрастъ прежняго положенія молодца и нынѣшняго:

Когда было молодцу пора-время великое
Честь-хвала молодецкая,
Господь-Богъ миловалъ, государь-царь жаловалъ,
Отецъ-мать молодца у себя во любви держалъ,
А и родъ-племя на молодца не могутъ насмотрѣтися,
Сусѣди-ближніе почитаютъ и жалуютъ,
Друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати
Они про службу царскую и про службу воинскую.

Затѣмъ описывается „безвременье“:

А нынѣ ужъ молодцу безвременье великое:
Господь-Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ-мать молодца у себя не въ любви держатъ,
А и родъ-племя молодца не могутъ и видѣти,
Сусѣди-ближніе не чтутъ, не жалуютъ,
А друзья-товарищи на совѣтъ не съѣзжаются,

---

[1]) Рыбн. I, № 82 и Гильф. № 262.
[2]) Рыбн. I, стр. 467.

Digitized by Google

Совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати,
Про службу царскую и про службу воинскую.

Далѣе въ обоихъ олонецкихъ варіантахъ, помимо немилости государя и ея послѣдствій, приводится еще и другая причина къ отъѣзду молодца: женитьба на нелюбимой, хотя и богатой женѣ:

Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальной сторонушкѣ,
И браль за женою приданаго
Три черленыихъ три корабля:
Первый гружонъ корабль златомъ и серебромъ,
А другой гружонъ корабль скатнымъ жемчугомъ,
А третій гружонъ корабль женинымъ приданымъ.
Тутъ-то добру-молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.
Бралъ онъ себѣ добра-коня наступчива,
И сѣделышко черкасское, и плетку шелковую;
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
Лучше мнѣ сѣделко черкасское всего женинаго приданаго,
Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены».
Да взялъ-то съ собою добрый молодецъ
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатные [1]).

Эта женитьба молодца на нелюбимой женѣ, какъ причина къ отъѣзду въ чужую сторону, составляетъ обычное начало старинъ „о молодцѣ и худой женѣ“ [2]). Но въ началѣ этихъ старинъ нѣтъ трехъ кораблей съ богатствомъ жены, и послѣднее описано гораздо скромнѣе. Зато недовольство женою развито здѣсь гораздо пространнѣе, при чемъ жалобы на жену влагаются иногда въ уста самого молодца [3]).

Такого рода мотивы, какъ неудача на службѣ и недовольство женой, представляютъ, можно сказать, стереотипныя зачала, которыми слагатели пѣсенъ пользовались для мотивировки отъѣзда добраго молодца въ чужую страну, гдѣ съ нимъ случаются событія, составляющія главное содержаніе слагаемой пѣсни. Олонецкіе варіанты о молодцѣ и Смородинѣ сочетали *оба* мотива отъѣзда молодца — неудачу по службѣ и женитьбѣ; но варіантъ у Кирши Данилова доказываетъ, что пѣсня ходила и съ *однимъ* мотивомъ отъѣзда, неудачей по службѣ съ ея послѣдствіями. Въ виду того, что уходъ отъ нелюбимой жены умѣстенъ въ пѣсняхъ о молодцѣ и худой женѣ, которыя, представивъ гульбу молодца въ Литвѣ съ королевной, кончаются его возвращеніемъ

[1]) Рыбн. I, 82, ст. 6—23.
[2]) Рыбн. I, № 78; Гильф. № 97; Гильф. №№ 89 и 117; Рыбн. III, 53.
[3]) Гильф., № 89, 97. Рыбн. III, 53.

Digitized by Google

домой и примиреніемъ съ женой, и что этотъ мотивъ не имѣетъ связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ пѣсенъ о гибели молодца въ Смородинѣ, можно думать, что въ послѣднія старины онъ вошелъ случайно.

Возвращаемся къ дальнѣйшему сравненію симбирской пѣсни о Добрынѣ съ олонецкими о добромъ молодцѣ.

Въ послѣднихъ сборы молодца въ чужую сторону описаны подробно. и перечислены предметы, взятые имъ съ собою: добрый конь, сѣделышко черкасское, плетка шелковая и два ножа булатные. Эти предметы внесены не случайно, а въ виду дани, которую потребуетъ за перевозъ рѣка Смородина. Въ симбирской пѣснѣ не находимъ этихъ подробностей: говорится только, что молодецъ „лишился своей родной страны и пріѣхалъ къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ“.

Далѣе въ олонецкихъ варіантахъ и въ симбирской пѣснѣ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ приводится обращеніе добраго молодца къ Смородинѣ съ вопросомъ о перевозахъ-перебродахъ и отвѣтъ рѣки. Сходно описано въ обѣихъ пѣсняхъ издѣвательство добраго молодца надъ рѣкою послѣ благополучнаго переѣзда. Но далѣе симбирская пѣсня вмѣстѣ съ варіантомъ Кирши Данилова содержитъ одну подробность, утраченную олонецкими варіантами. Въ послѣднихъ молодецъ самъ замѣчаетъ, что позабылъ на той сторонѣ два ножа булатные. и ѣдетъ обратно по мостамъ калиновымъ. Въ симбирской пѣснѣ. такъ же какъ въ варіантѣ К. Данилова, рѣка Смородина сама человѣчьимъ голосомъ кричитъ ему, чтобъ онъ вернулся:

Воротись ты за меня, за рѣчушку;
Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
Два ножа, два булатныихъ...

При чемъ варіантъ К. Данилова прибавляетъ:

На чужой дальней сторонѣ
(Они) оборона великая.

Окончаніе, значительно скомканное въ симбирской пѣснѣ (всего 8 стиховъ), болѣе подробно развито въ остальныхъ варіантахъ. Утопающій молодецъ спрашиваетъ Смородину, за что она его топитъ, и рѣка объясняетъ:

Не я тебя топлю, не я тебя гублю,
А топитъ тебя, губитъ честь-похвала молодецкая [1]).

Изъ сопоставленія всѣхъ четырехъ записей получаемъ тотъ выводъ, что симбирская пѣсня значительно бѣднѣе деталями трехъ

---

[1]) Рыбн. I, стр. 468.

Digitized by Google

остальныхъ и вообще ниже ихъ по достоинству. Между тѣмъ въ ней одной вмѣсто безымяннаго добраго молодца мы встрѣчаемъ имя былиннаго богатыря. Естественно является предположеніе, что имя Добрыни было введено позднѣе въ безымянную пѣсню какимъ-нибудь пѣвцомъ, который, быть-можетъ, помнилъ кое-что о похожденіи Добрыни на рѣкѣ Пучаѣ, или Израѣ. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно въ области, гдѣ свѣжъ эпическій репертуаръ, — въ Олонецкой губерніи, неизвѣстны старины, въ которыхъ погибающій въ Смородинѣ молодецъ былъ бы отождествленъ съ Добрыней Никитичемъ. Нельзя не отмѣтить и того, что въ томъ же Сызранскомъ уѣздѣ другой варіантъ о молодцѣ и Смородинѣ, доставленный также Языковымъ [1]), не имѣетъ имени Добрыни Никитича [2]). Итакъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ того процесса въ народной эпикѣ, который я назвалъ „историзаціей", т. е. пріуроченіе измышленнаго или фантастическаго сюжета къ историческому имени. На ряду съ переходомъ пѣсенъ именныхъ въ безымянныя нужно допустить въ нашемъ пѣснопѣніи и обратный переходъ, а также вторженіе мотивовъ изъ безымянныхъ пѣсенъ въ былины. Подтвержденіе этому можно найти въ разсматриваемыхъ олонецкихъ пѣсняхъ о молодцѣ и Смородинѣ. Наличные факты не даютъ намъ права предполагать, что эти „старины" въ прежнее время содержали имя Добрыни и входили въ разрядъ пѣсенъ объ этомъ богатырѣ. Напротивъ, можно, кажется, констатировать вторженіе нѣкоторыхъ мотивовъ изъ безымянной пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ въ былины о змѣеборствѣ Добрыни. Такъ, переплывъ Смородину, добрый молодецъ издѣвается надъ нею и гибнетъ за свою похвальбу. Это совершенно согласно съ народнымъ убѣжденіемъ, что „гнило слово похвальное". Похвальба погубила Святогора-Самсона, Анику и даже всѣхъ русскихъ богатырей (въ извѣстной былинѣ о ихъ гибели). Но такое же издѣвательство и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ произноситъ въ нѣкоторыхъ былинахъ Добрыня, купаясь въ рѣкѣ Пучаѣ:

Мнѣ, Добрынѣ, матушка говорила,
Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала:
«Не куплися, Добрыня, въ Пучай рѣкѣ!
А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ».

---

[1]) Кирѣевскій VIII, стр. 3—5.

[2]) Отличіе его отъ варіанта съ именемъ Добрыни то, что Смородина даетъ матери добра-молодца объясненіе, за что поглотила ея сына.

Digitized by Google

А Пучай рѣка да есть смирна крута,
Какъ будто лужа вѣдь дождевая [1]).

Здѣсь издѣвательство Добрыни (находимое лишь въ незначительномъ числѣ варіантовъ) не ведетъ за собою никакой мести со стороны рѣки Пучая. Такой местью нельзя считать нападенія змѣя Горынича, такъ какъ, если бы появленіе змѣя и было местью со стороны рѣки, то эта месть не достигаетъ цѣли: Добрыня не пострадалъ за свою похвальбу, но справился съ чудовищемъ.

Очень вѣроятно поэтому, что здѣсь въ былинѣ такая же случайная вставка изъ разсмотрѣнной нами пѣсни, какъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ того же сюжета находимъ вставку изъ былинъ о купаньѣ Василія Буслаева въ Іерданѣ (дѣвицы-портомойницы, запрещающія богатырю купаться нагимъ тѣломъ) [2]).

Выше я предположилъ, что имя Добрыни Никитича было вставлено въ безымянную пѣсню какимъ-нибудь пѣвцомъ, помнившимъ кое-что изъ былины о купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ. Если мы припомнимъ нѣкоторыя черты послѣднихъ былинъ, то возможность ихъ воздѣйствія на вставку имени Добрыни намъ представится болѣе осязательной.

Мы видѣли, что въ лучшихъ записяхъ пѣсни о молодцѣ и Смородинѣ открываются изображеніемъ „безвременья", особенно неудачи молодца по службѣ. Нѣкоторыя былины о змѣеборствѣ Добрыни начинаются той же жалобной нотой: Добрыня, не выслужившій у князя ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго [3]), жалуется матери на свои неудачи и спрашиваетъ:

Для чего ты меня несчастнаго спородила,
Несчастнаго, неталаннаго [4]).

Какъ въ пѣснѣ о Смородинѣ безталанный молодецъ уѣзжаетъ къ рѣкѣ. Такъ Добрыня, простившись съ матерью, отправляется на Пучай-рѣку. При нѣкоторомъ сходствѣ этихъ ситуацій немудрено, что безымянный добрый молодецъ въ одномъ пересказѣ могъ получить имя Добрыни.

---

[1]) Гильфердингъ, № 157; срав. также № 148 и Рыбниковъ I, 24, III, 15.
[2]) См. Экскурсы, гл. II.
[3]) Кирѣев. II, стр. 45.
[4]) Гильф., № 3. Рыбн. I, 23; ср. тотъ же мотивъ въ былинахъ о Добрынѣ и Алешѣ, Рыбн. I, 25, Гильф. № 149.

Digitized by Google

Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ [1]).

Въ своемъ изслѣдованіи: „Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса“, М. Г. Халанскій снова попутно касается былины о Вольгѣ и старается уяснить ея генезисъ. Авторъ раздѣляетъ высказанный мною взглядъ, что на былины о Вольгѣ повліяли книжныя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ для уясненія Волха, сына змѣя и оборотня, юго-славянскія сказанія о змѣевичахъ, образъ Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о полку Игоревѣ, и не прочь видѣть въ былинѣ о Вольгѣ отраженія воспоминаній и о другихъ князьяхъ, напримѣръ, объ Олегѣ Святославичѣ и даже Олегѣ Вѣщемъ [2]). Я вполнѣ согласенъ съ словами проф. Халанскаго: „Подобно многимъ другимъ произведеніямъ славянскаго героическаго эпоса, былина о Вольгѣ — сложное созданіе, результатъ продолжительной работы народной творческой мысли“ — и не стану снова разсматривать эту былину со стороны ея фабулы, такъ какъ смотрю въ настоящее время на такую работу довольно безнадежно. Обращу вниманіе на другой вопросъ, затронутый, но недостаточно уясненный М. Г. Халанскимъ, — вопросъ объ области сложенія былины, предметъ тѣмъ болѣе благодарный, что для него, какъ увидимъ ниже, есть достаточно матеріаловъ въ самомъ текстѣ ея.

„Въ виду того, — говоритъ М. Г. Халанскій, — что былина о Волхѣ Всеславьевичѣ совпадаетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ съ древними сказаніями о князѣ Всеславѣ *Полоцкомъ,* отразившимися въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ виду того, что этотъ князь игралъ роль въ исторіи Навгорода, можно съ вѣроятностью приписать происхожденіе былинъ о Вольгѣ сѣверо-западу Руси, области кривичей и новгородцевъ, и относить ихъ къ одной группѣ съ былинами такъ называемаго

---

[1]) Напечат. въ журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія 1894 г. № 11.

[2]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ, стр. 53—55.

Digitized by Google

новгородскаго цикла: о Садкѣ, Василіи Буслаевичѣ и Гостѣ Терентьищѣ. Древная связь былинъ о Волхѣ съ Новгородомъ доказывается также мѣстными новгородскими преданіями изъ XVII вѣка, пріурочивавшими этого богатыря къ рѣкѣ Волхову и нѣкоторымъ урочищамъ" [1]).

Я не придаю большого значенія первому соображенію, такъ какъ предполагаемое соотношеніе между личностью былиннаго Вольги и Всеславомъ Полоцкимъ можетъ представляться неубѣдительнымъ. Гораздо большій вѣсъ въ вопросѣ о родинѣ былины о Волхѣ имѣетъ отношеніе этой личности къ новгородскимъ мѣстнымъ преданіямъ о Волхѣ-чародѣѣ, указанное впервые академикомъ Ѳ. И. Буслаевымъ [2]). Напомню что это мѣстное преданіе въ изложеніи книжника разсказываетъ о Волхѣ, старшемъ сынѣ Словена. Отъ Волха будто бы получила названіе рѣка Волховъ (въ былинахъ Волхова), прежде называвшаяся Мутною. Волховъ былъ „бѣсоугодный чародѣй, лютъ въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами *претворялся въ различные образы* и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ тогда почиталъ его за бога и называлъ его Громомъ или Перуномъ. И поставилъ этотъ чародѣй ночныхъ ради мечтаній и собранія бѣсовскаго городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ Перыня, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря: *въ боги сѣлъ*. И былъ этотъ окаянный чародѣй удавленъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волховнаго его городка, что нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризнища прослезися земля и пожрала мерзкое тѣло крокодилово и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: иже *и до нынѣ яко же повѣдаютъ знакъ ямы тоя стоитъ не наполняяся*". Очевидно, легенда была прикрѣплена къ извѣстнымъ урочищамъ: городищу Перыню и къ какому-то провалу въ землѣ, но дошла до насъ въ изложеніи книжника, исказившаго ее своими домыслами, поясненіями и благочестивыми разсужденіями. Въ основѣ ея лежитъ глухое вос-

---

[1]) Назв. соч., стр. 56 и слѣд.

[2]) *Буслаевъ* — Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 8.

Digitized by Google

поминаніе о древнемъ языческомъ культѣ какого-то божества (книжникъ называетъ его Перуномъ), котораго капище находилось гдѣ-то на берегу Волхова. Въ христіанскія времена языческій богъ, ставши демономъ, чародѣемъ, принялъ обычный обликъ змѣя (у книжника крокодила), залегавшаго водный путь. Въ другой версіи того же мѣстнаго преданія, записанной П. Якушкинымъ [1]), миѳическое существо носитъ названіе зміяки, и гибель его связана съ Перюнскимъ скитомъ. Какъ новгородскій зміяка далъ краски для змѣя Горынича, поражаемаго Добрыней [2]), такъ та же легендарная личность нѣкоторыми чертами своими — оборотничествомъ, змѣевидностью, а также именемъ (Волхъ)—отразилась на образѣ былиннаго Волха Сеславьича. Припомнимъ, что происхожденіе отъ змѣя приписывается былинному богатырю именно въ той одной былинѣ (Кирши Данилова), въ которой онъ носитъ имя Волха, а не Вольги.

Итакъ одинъ изъ элементовъ, вошедшихъ въ былинный типъ Волха, какое-то новгородское мѣстное преданіе о змѣевидномъ оборотнѣ — Волхѣ. Это даетъ основаніе поставить вопросъ, не сложились ли основныя пѣсни о немъ въ Новгородской области такъ же, какъ, по моему мнѣнію, въ ней же получили свое начало самыя раннія пѣсни о Добрынѣ-змѣеборцѣ и Добрынѣ-сватѣ Владимира. Думаю, что на этотъ вопросъ возможенъ утвердительный отвѣтъ. Кромѣ указаннаго новгородскаго мѣстнаго преданія о Волхѣ, можно отмѣтить нѣкоторыя бытовыя черты въ былинахъ о Вольгѣ и Микулѣ, свидѣтельствующія о ихъ новгородскомъ происхожденіи. Припомнимъ прежде всего подробности паханія Микулы Селяниновича:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ [3]).
То коренья, каменья вывертываетъ,
Да великія онъ каменья вси въ борозду валитъ [4]).

Это точная картина сѣверной пахоты — въ губерніяхъ Новгородской, Псковской, Олонецкой и друг., гдѣ пашни иногда сплошь усѣяны валунами, то мелкими, о которые постоянно почеркиваютъ омѣшики сохи, то крупными, которые приходится огибать при паханіи.

---

[1]) *Якушкинъ* — Путевыя письма изъ Новгородской и Псковской губерній. стр. 118—119.

[2]) См. выше стр. 147 и слѣд.

[3]) *Рыбниковъ* I, стр. 18.

[4]) *Гильфердингъ*, № 78, столб. 436. Срав. *Гильфердингъ* № 131, столб. 792; № 157, столб. 796.

Digitized by Google

Только соха чудеснаго пахаря Микулы Селяниновича могла великіе камни вывертывать и въ борозду валить. Вывертываніе кореньевъ также указываетъ на сѣверныя нивы, расчищенныя среди лѣса, а не на привольныя, обширныя пахотныя пространства на южномъ черноземѣ. Усѣянныя камнями поля сѣверныхъ губерній поражаютъ невольно всякаго пріѣзжаго изъ южныхъ и центральныхъ губерній и вызываютъ представленіе какъ бы о каменномъ дождѣ, когда-то шедшемъ въ этихъ мѣстахъ.

Не знаю, можно ли воспользоваться, какъ хронологической датой для сложенія былины, орудіемъ, которымъ пашетъ Микула. Вотъ что говоритъ извѣстный знатокъ древней новгородской культуры покойный профессоръ Никитскій [1]): „Земледѣльческія орудія, благодаря которымъ новгородцы торжествовали надъ суровою природою и прокладывали пути къ культурѣ, не отличались особенною сложностью. Это были: топоръ, коса и *соха*. Въ древности, впрочемъ, кажется, главнымъ земледѣльческимъ орудіемъ былъ плугъ, болѣе соотвѣтствовавшій по своимъ качествамъ первобытной, дѣвственной почвѣ, требовавшей для обработки болѣе сильныхъ орудій. *Соха* замѣняетъ его уже только въ историческое время. По крайней мѣрѣ историческія свидѣтельства появляются о ней не ранѣе какъ съ XIV столѣтія. Плугъ же остается при сохѣ только какъ вспомогательное, второстепенное орудіе“. Южный плугъ, какъ извѣстно, незнакомъ въ настоящее время олонецкимъ и вообще сѣверно-русскимъ крестьянамъ.

Далѣе: чудесный пахарь сѣверной былины сѣетъ не бѣлояровую пшеницу, главный продуктъ нашего чернозёма, а *рожь:*

Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославговичъ!
— Ржи напашу, въ скирды складу,
— Въ скирды складу да домой выволочу» и проч. [2]).

„Изъ хлѣбовъ, — говоритъ Никитскій, — пшеница, хотя и обработывалась въ нѣкоторомъ количествѣ, но вообще имѣла второстепенное значеніе: служила не столько предметомъ потребленія, сколько средствомъ для уплаты повинностей въ пользу землевладѣльцевъ. Главное же мѣсто занимала въ Новгородѣ рожь“ [3]). Можно поэтому думать, что кобылка соловая Микулы Селяниновича и не нюхала пшеницы

---

[1]) Очерки экономической жизни Великаго Новгорода, стр. 67 и слѣд.
[2]) *Гильфердингъ*, № 73, столб. 439.
[3]) Названное сочиненіе, стр. 72.

Digitized by Google

бѣлояровой, которою угощали своихъ коней южно-русскіе былинные богатыри.

Обратимъ вниманіе и на то, что Микулѣ Селяниновичу приходится оставлять свои сельскія работы и ѣздить въ городъ за *солью,* платя за нее *грошами.*

«Ай же ты молодой ты Волья е Всеславьевичъ!
Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,
Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
Закупилъ я соли ровно три мѣха,
Въ которомъ же мѣху было пó сту пудъ,
Положилъ я на кобылу е на соловую,
Да самъ-то молодецъ я садился ровно сорокъ пудъ,
Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу:
Тутъ стали мужики меня захватывать,
Еще курцовцы да орѣховцы,
И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи» [1]).

Является вопросъ, почему такой, повидимому, общераспространенный продуктъ, какъ соль, попалъ въ былину, и покупка мѣховъ соли является важнымъ занятіемъ чудеснаго пахаря, точно какой-нибудь богатырскій подвигъ. Потому, что соляной вопросъ имѣлъ для новгородцевъ всегда существенное значеніе въ ихъ быту. „Хотя въ Великомъ Новгородѣ, — говоритъ тотъ же авторитетъ, изъ котораго мы черпаемъ комментарій къ былинѣ о Микулѣ [2]), — и не недоставало попытокъ къ туземной выработкѣ соли, тѣмъ не менѣе количество домашней соли было недостаточно, и ея никогда не хватало для удовлетворенія всѣхъ собственныхъ нуждъ, и подвозъ ея изъ чужбины былъ поэтому неизбѣженъ... Подвозъ соли давалъ возможность (иноземнымъ купцамъ) оказывать давленіе на новгородцевъ въ любое время, такъ какъ соль подвозилась къ нимъ единственно изъ-за границы“. Для того, чтобы освободиться отъ этой зависимости отъ пріѣзжихъ торговцевъ, новгородцы „не безъ успѣха пріобрѣтали соль въ городахъ Остзейскаго края и этимъ путемъ достигали того, что нѣмецкая (привозная) соль въ амбарахъ Готскаго двора оставалась безъ всякаго движенія. Не менѣе важенъ былъ и другой путь получать соль въ Новгородѣ болѣе прямымъ путемъ. Вслѣдствіе неблаговоленія (иноземнаго) купечества къ торговлѣ солью въ Остзейскомъ краѣ, та-

[1]) *Гильфердингъ,* № 32, столб. 159; сравн. 255, столб. 1170.
[2]) *Никитскій,* названное сочиненіе, стр. 158.

Digitized by Google

мошніе торговцы предпочитали продавать ее новгородцамъ *на Невѣ*, куда они отвозили соль подъ предлогомъ необходимости солить ловимую рыбу“ [1]). Я особенно подчеркиваю для дальнѣйшаго эту торговлю солью на Невѣ въ расположенныхъ по этой рѣкѣ поселеніяхъ [2]). По общему свойству средневѣковой торговли и покупка новгородцами соли не обходилась безъ обмановъ, всего чаще въ вѣсѣ. „На вѣчѣ 1407 г. новгородцы положили именно, чтобы никто, подъ страхомъ пени въ 50 гривенъ серебра, не осмѣливался покупать у нѣмцевъ соль иначе, какъ на вѣсъ“ (а не мѣшками опредѣленной величины). Нѣмцамъ такой оборотъ не нравился по разнымъ отношеніямъ. Прежде всего установленіе провѣса при торговлѣ солью лишало ихъ важныхъ выгодъ, которыя они извлекали изъ торга на обычныя единицы. А затѣмъ введеніе провѣса налагало на нихъ и нѣкоторые лишніе платежи. До сихъ поръ нѣмцы при торговлѣ солью въ новгородской конторѣ не платили никакихъ пошлинъ; теперь же, съ введеніемъ провѣса, на нихъ неизбѣжно должны были, въ видѣ пошлинъ, пасть расходы по содержанію вѣсцовъ. Оба эти обстоятельства дѣйствовали такъ сильно, что нѣмцы на рѣшеніе новгородцевъ принимать соль не иначе, какъ на вѣсъ, отвѣчали подобнымъ же постановленіемъ для своихъ, только въ обратномъ смыслѣ, то-есть рѣшительно запретили продавать соль съ вѣсу [3]). Вообще обоюдные обманы, пререканія и столкновенія по поводу этой торговли солью не прекращались за все время независимаго существованія Новгорода. Не обошлась безъ столкновенія и покупка соли Микулой Селяниновичемъ въ Орѣховцѣ. Въ одной былинѣ онъ жалуется:

«Это грубы злыи мужики да вѣдь Орѣховци
Зафальшивили мою да золоту казну,
Почитали за *гроши* они за мѣдныи,
Ай за мѣдныи гроши да за фальшивыи» [4]).

Въ другой (Гильфердингъ, № 255) говорится, что орѣховцы

Хотѣли у него соль отнять,
Соль отнять и самого убить.

Конечно, это — современное осмысленіе болѣе старинныхъ бытовыхъ отношеній, связанныхъ, быть-можетъ, съ новгородскимъ „солянымъ“ вопросомъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) См. о торговлѣ солью тамъ же, стр. 172, 256.
[3]) Тамъ же, стр. 272—273.
[4]) *Гильфердингъ*, № 55, столб. 297.

Digitized by Google

Можно отмѣтить и деньги, на которыя Микула Селяниновичъ покупалъ соль — это *гроши*. Извѣстно, что въ новгородскомъ денежномъ хозяйствѣ переходъ отъ старинной кунной системы къ новой денежной произошелъ лишь въ самомъ началѣ XV вѣка. „Въ основаніе новой новгородской и псковской монетной системы была принята система рижская или какая-либо иная, близкая къ послѣдней. Заимствовавъ монету отъ нѣмцевъ въ 1410 году, новгородцы допустили къ себѣ на мѣсто старой кунной системы какъ собственно нѣмецкія деньги, такъ и деньги иноземныя, имѣвшія значеніе въ Лифляндіи, а можетъ-быть и въ самомъ Новгородѣ, а именно: артиги, любки и *гроши* литовскіе“ [1]). Если гроши одновременны со сложеніемъ былины, а не внесены въ нее позднѣе, то они могли бы также служить хронологической датой, какъ terminus a quo.

Выше мы отмѣтили, что торговля солью производилась усиленно на побережьяхъ Невы. Куда же ѣздилъ за солью Микула Селяниновичъ? На этотъ вопросъ, кажется, можно дать отвѣтъ положительный, если обратить вниманіе на названіе того города, гдѣ произведена была закупка. Городъ Орѣховецъ есть исторически извѣстный Орѣховецъ, иначе Орѣховъ, Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), лежащій на *Невѣ* при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера. Городъ этотъ, какъ извѣстно, основанъ новгородцами въ 1-й четверти XIV столѣтія и памятенъ въ исторіи по Орѣховскому миру, заключенному въ 1323 году между новгородцами и шведами, которымъ новгородцы уступили шведамъ часть западной Кареліи (Корелы проклятой нашего эпоса). Въ періодъ междуцарствія, въ 1611 году, Орѣховецъ былъ захваченъ шведами и принадлежалъ имъ 90 лѣтъ. Что касается другихъ городовъ, упоминаемыхъ въ былинахъ о Вольгѣ и Микулѣ, то наши изслѣдователи старались ихъ пріурочить къ наидревнѣйшимъ лѣтописнымъ и притомъ южнымъ, находя въ Вольгѣ отголоски Олега Вѣщаго или Олега Святославича, брата Владимира Святого. Приводя былинные стихи:

Жаловалъ его родной дядюшка
Ласковый Владимиръ князь...
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчевцемъ,
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,

---

[1]) *Никитскій*, названное сочиненіе, стр. 84.

Digitized by Google

П. Безсоновъ [1]) замѣчаетъ: „Послѣднее названіе (Крестьяновецъ) явно вымышленное, то же думается о второмъ (Орѣховцѣ), но Гурчевецъ = Вручевецъ". Городъ Гурчевецъ потому Вручевецъ (точнѣе Вручій), что у послѣдняго города трагически погибъ, свалившись съ моста, братъ Владимира Святого Олегъ Святославичъ, котораго П. Безсоновъ отчасти находитъ въ былинномъ Вольгѣ. Г. Квашнинъ-Самаринъ нашелъ объясненіе и для Крестьяновца, города, „явно вымышленнаго" по г. Безсонову. Это — Коростень, главный городъ Древлянской земли (принадлежавшей Олегу Святославичу). Жаль, что оба изслѣдователя, заглянувъ въ такую глубь вѣковъ по поводу никому неизвѣстныхъ названій городовъ, оставили безъ вниманія вполнѣ историческое названіе третьяго города Орѣховца, существующаго и доселѣ, хотя и подъ другимъ именемъ. Число городовъ, упоминавшихся въ *основной* былинѣ, не можетъ быть точно установлено: въ нѣкоторыхъ варіантахъ [2]) находимъ эпическое число *трехъ* городовъ: Гурчевецъ (иначе Курсовецъ, Курцовецъ, Гурсовецъ, Куржовецъ), Крестьяновецъ и Орѣховецъ; въ другихъ — *два:* Курцовецъ и Орѣховецъ [3]); въ одномъ [4]) хотя и названы два имени, но имѣется въ виду какъ будто одинъ городъ:

«Не взять тебѣ Туриница города Орѣховца,
Былъ я третіёго дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци;
Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
Зафальшивили мою да золоту казну» и проч.

и Микула имѣетъ дѣло только съ орѣховцами. Наконецъ, въ варіантѣ Гильфердинга № 255 хотя и названы три города, но два изъ нихъ почти одноименны: Курсовецъ, *Орѣховецъ* и *Орѣшечокъ*, и „мужики" двухъ послѣднихъ городовъ вмѣстѣ называются *Орѣховцами*. Итакъ наименьшую стойкость въ варіантахъ представляетъ городъ *Крестьяновецъ*, который замѣняется Орѣховцемъ, а въ одной былинѣ [5]) болѣе знакомымъ новгородцамъ *Череповцомъ*. Можетъ-быть поэтому, что города Крестьяновца и совсѣмъ не было въ основной редакціи былины, и онъ добавленъ для достиженія эпическаго числа трехъ. Что касается Гурчевца, котораго имя, повидимому, значительно искажено, судя по обилію варіантовъ, то, быть-можетъ, онъ и будетъ когда-нибудь отождествленъ съ какимъ-нибудь историческимъ поселеніемъ

[1]) См. Замѣтку къ 1-й части пѣсенъ, собр. Рыбниковымъ, стр. XX.
[2]) *Рыбниковъ* I, № 3 — *Гильфердингъ* № 73, № 156.
[3]) *Гильфердингъ*, № 32 и 45
[4]) *Гильфердингъ*, № 55.
[5]) *Гильфердингъ*, № 131.

Digitized by Google

(Юрьевецъ? Юрьевъ = Дерптъ?) [1]); но думаю, что и оно окажется въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ стоялъ и стоитъ Орѣховецъ, въ древнихъ новгородскихъ предѣлахъ или поблизости отъ нихъ. Если такимъ образомъ былинный Орѣховецъ есть историческій Орѣховецъ (Орѣховъ) на Невѣ и если въ эти мѣста, гдѣ производился съ иноземцами торгъ солью, ѣздилъ Микула Селяниновичъ, то въ его свалкѣ съ орѣховцами, требовавшими отъ него грошовъ подорожныхъ, вѣроятно скрываются черты какихъ-нибудь реальныхъ отношеній, которыя могутъ быть уяснены знатоками новгородскаго быта и исторіи. Не дѣлая попытки въ этомъ направленіи, мы можемъ воспользоваться отождествленіемъ былиннаго Орѣховца съ историческимъ только какъ однимъ изъ доказательствъ новгородскаго происхожденія былины о Микулѣ. Перехожу къ другимъ чертамъ.

Сказывая былину о Вольгѣ и Микулѣ Рыбникову, одинъ изъ лучшихъ сказителей Никифоръ Прохоровъ еще помнилъ, что поддѣльные мосты были налажены мужиками Гуршевскими-Орѣховскими на рѣкѣ Волховѣ:

«Тутъ-то Микулушка Селяниновичъ,
Тутъ-то Вольга Святославговичъ
Приправили своихъ добрыхъ коней
За тую за рѣченьку Волхову:
Скочили ихъ добры кони
За тую за рѣченьку за Волхову:
Какъ начали они мужиковъ чевствовать,
Чевствовать мужиковъ жаловать,
Оплетьми они нахлыстывать» [2]).

Въ другомъ варіантѣ, гдѣ встрѣчается эпизодъ съ поддѣльными мостами (Гильфердингъ, № 55), рѣка не названа.

Далѣе новгородскую бытовую черту слѣдуетъ, по всей вѣроятности, видѣть и въ томъ, что непріятелями, съ которыми бьется Микула, иногда вмѣстѣ съ Вольгой, какъ его товарищъ, являются мужики, „злые мужичонки“ орѣховскіе. Въ то время какъ такъ называемые кіевскіе богатыри бьются съ внѣшними врагами — восточными — татарами или съ западными — литовцами, *новгородскій* удалецъ Василій Буслаевъ расправляется съ *мужиками* новгородскими. Въ послѣдней былинѣ отражается не внѣшняя борьба, которая такъ обильно пред-

---

[1]) Юрьевъ обычно въ лѣтописи новгородской называется *Гюргевъ*. Уменьшительная форма Гюргевецъ (какъ Орѣховецъ при Орѣховѣ) уже довольно близка къ былинному Гурчевцу.

[2]) *Рыбниковъ* I, стр. 24. Впослѣдствіи, пересказывая ту же былину Гильфердингу (№ 45), Прохоровъ уже не называлъ имени рѣки.

Digitized by Google

ставлена въ былинахъ такъ называемаго кіевскаго цикла, а внутреннія смуты, постоянно нарушавшія спокойствіе Великаго Новгорода и приведшія его къ паденію. Такъ и крестьянинъ Микула избиваетъ шалыгой подорожной русскихъ же мужиковъ, которые „зафальшивили его золоту казну“ или хотѣли у него соль отнять [1]). Купецъ Садко также сталкивается со своими же горожанами, новгородскими купцами.

Если мы на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ примемъ, что былина о Микулѣ и Вольгѣ представляетъ въ современномъ былевомъ репертуарѣ новгородское наслѣдіе, то этимъ предположеніемъ можемъ себѣ объяснить смѣшенія между разсматриваемой былиной и другими, несомнѣнно, новгородскими. Такъ въ былинѣ Гильфердинга № 91 = Рыбниковъ, I, № 1, Вольга носитъ отчество *Буслаевичъ*. Былина Гильфердинга № 2 сводитъ новгородскаго купца Садка съ Вольгой и Микулой: сначала идетъ разсказъ объ остановкѣ купеческихъ кораблей и о спускѣ Садка-работника въ море, его женитьбѣ на черной дѣвушкѣ, возвращеніи въ Новгородъ, обогащеніи посредствомъ чудеснаго улова рыбы, хвастовствѣ богатствомъ и состязаніи съ Новгородомъ, вслѣдствіе котораго Садкѣ пришлось сбѣжать. Затѣмъ онъ ищетъ защиты у Вольгі Всеславьевича, съ которымъ смѣшанъ Василій Буслаевичъ; Вольга побиваетъ на Волховскомъ мосту купцовъ новгородскихъ и своего отца крестнаго. Испугавшись послѣдняго убійства, онъ съ дружиной отправляется въ дальнюю сторону и встрѣчается съ пахаремъ Викулой Селягинымъ съ его чудесной сохой. Вольга, какъ въ другихъ былинахъ, приглашаетъ его ѣхать въ Курчевецъ-Орѣховецъ.

По дорогѣ въ Орѣховецъ встрѣчаютъ камень съ обычной надписью, и Вольга (снова превратившись въ Василія Буслаева), скочивъ поперекъ камня, сложилъ здѣсь свою буйную голову. Такое смѣшеніе личностей Вольги и Василія Буслаева можно объяснить тѣмъ, что и тотъ и другой бьются съ мужиками: какъ Василій на Волховскомъ *мосту* охолаживалъ невгородскихъ мужиковъ осью телѣжною, такъ Вольга вмѣстѣ съ Микулой за поддѣльные *мосты*

«Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ
А нахлыстали-ли то ихъ всѣхъ до люби [2]).

И какъ новгородскіе мужики принесли Василію Буслаеву повинную и обѣщали платить дань, такъ и мужики-орѣховцы покорились и стали платить дань Вольгѣ [3]).

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 255, столб. 1170.
[2]) *Гильфердингъ*, № 45, столб. 226.
[3]) *Гильфердингъ*, № 255, столб. 1172; № 55, столб. 799.

Digitized by Google

Чтобы покончить разсмотрѣніе бытовой стороны былины о Микулѣ и Вольгѣ, считаю нелишнимъ разобраться въ вопросѣ объ имени и отчествѣ чудеснаго пахаря. Варіантъ имени — Викула [1]) — объясняется легко нерѣдкимъ переходомъ губного носового (м) въ губной неносовой (в). Гораздо разнообразнѣе формы отчества Микулы: Селянинович [2]) (съ удареніемъ на 4-мъ слогѣ отъ конца), Селининович [3]), Селянович [4]), Селяниновъ [5]), Сѣятелевичъ [6]) (съ удареніемъ на 4-мъ слогѣ отъ конца), Селягиновъ [7]) и, наконецъ, Селягиновичъ [8]). Исключивъ такія формы, какъ Сѣятелевичъ, Селянинович (съ удареніемъ на 3-мъ слогѣ отъ конца), Селяновичъ, сокращенную изъ Селяниновичъ, не внушающія довѣрія, какъ одиночныя, мы получаемъ двѣ формы, встрѣчающіяся всего чаще,— Селяниновичъ и Селягиновичъ (иначе Селягиновъ), между которыми можетъ быть сдѣланъ выборъ: которая изъ нихъ была въ *основномъ* изводѣ былины? Думаемъ, что больше правъ на архаичность имѣетъ форма Селягиновичъ. Какъ несовсѣмъ или не для всѣхъ понятная, она могла быть осмыслена въ Селяниновичъ (съ сохраненіемъ ударенія на томъ же слогѣ); наоборотъ, изъ формы Селяниновичъ мы не сумѣемъ объяснить форму съ среднимъ звукомъ *г*: Селягиновичъ. На бо́льшую архаичность послѣдней формы указывалъ г. Квашнинъ-Самаринъ, хотя оставилъ ее безъ объясненія. Не знаю, насколько будетъ удачна предлагаемая мною попытка къ объясненію, но настаиваю на томъ, что исходить слѣдуетъ отъ Селяниновича.

Система земледѣлія у новгородцевъ, какъ еще и донынѣ въ Олонецкой губерніи, была весьма первобытна. Расчистивъ мѣсто для пахоты въ лѣсу, новгородскіе земледѣльцы эксплуатировали его, пока не истощали почвы, и затѣмъ переходили на другое мѣсто. Даже въ позднѣйшее время, говоритъ Никитскій, было совершенно обычнымъ явленіемъ бросать старое пепелище и основывать новое на другомъ мѣстѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда земледѣльцы *прочно* усаживались на одномъ мѣстѣ, то, во избѣжаніе совершеннаго истощенія почвы, они

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 195, 32.

[2]) *Гильфердингъ*, № 32, 73, 98.

[3]) Только у *Гильфердинга*, № 156, записанномъ отъ *грамотнаго* Касьянова (см. столб. 795), не внушающаго большого довѣрія.

[4]) *Гильфердингъ*, № 255.

[5]) *Гильфердингъ*, № 131.

[6]) *Гильфердингъ*, № 195.

[7]) *Гильфердингъ*, № 2.

[8]) *Гильфердингъ*, №№ 55 и 45.

Digitized by Google

прибѣгали къ переложному хозяйству: пашенная земля въ этомъ случаѣ состояла изъ двухъ отдѣловъ: изъ *нивъ*, или собственно пашенной земли, находившейся въ данное время въ обработкѣ, и *лядинъ* и *переложковъ*, или пашенной земли, запущенной подъ лѣсъ или траву. Въ сѣверныхъ же новгородскихъ владѣніяхъ этимъ двумъ отдѣламъ соотвѣтствовали *оралища, орамая земля* и *сельги*, то-есть нивы, запущенныя подъ траву и лѣсъ. Порядокъ обработки состоялъ въ обоихъ случаяхъ въ томъ, что земля воздѣлывалась до тѣхъ поръ, пока не истощалась, а затѣмъ земледѣлецъ обращался къ лядинѣ, *сельгѣ* или же, за неимѣніемъ таковыхъ, къ обращенію подъ пашню совершенно необработанной земли (притеребъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ трудъ перехода — къ сельгѣ или притеребѣ — былъ нелегкій [1]). Названіе *сельга* до сихъ поръ существуетъ въ Олонецкой губерніи [2]). Кажется, отъ этого сѣвернаго и древняго [3]) слова могъ получить свое прозвище Микула (Селягинъ), которое затѣмъ перешло въ отчество (Селягиновъ, Селягиновичъ). „Орать" поросшую лѣсомъ и травою *сельгу* было крайне трудно: приходилось постоянно сохѣ наскакивать на коренья деревьевъ, хотя еще не слишкомъ глубокіе, и дѣйствительно мы видимъ, что Микула оралъ не ниву, а *сельгу*, такъ какъ вывертывалъ сохою коренья. Немудрено, что какъ могучій обработыватель *селегъ*, онъ отъ этой тяжелой работы получилъ свое прозвище, обратившееся, по эпическому обычаю, въ отчество (срав. Тугаринъ и Тугариновъ). Предлагаю это объясненіе только за неимѣніемъ лучшаго, хотя сознаю нѣкоторые фонетическіе недочеты.

Указывая столько чертъ мѣстнаго быта, вошедшихъ въ былину о Микулѣ Селяниновичѣ, пріурочивающихъ этого оратая къ Новгородскимъ областямъ, мы можемъ дѣлать заключенія о районѣ, въ которомъ сложилась основная былина о немъ, но, конечно, этимъ нисколько не предрѣшаемъ вопроса объ оригинальности самого типа и фабулы, къ нему прикрѣпленной. Думаю попрежнему, что фабула могла быть бродячимъ сюжетомъ, заимствованнымъ извнѣ, но, какъ и въ другихъ случаяхъ, вполнѣ національзованнымъ въ силу переработки, сквозь которую иногда, впрочемъ, сквозятъ нѣкоторыя черты не реальнаго новгородскаго мужика, а какого-то сказочнаго персонажа. Микула *оретъ* сохою, черкающею о камни, выворачиваетъ коренья на сельгѣ,

---

[1]) Названное соч., стр. 70.

[2]) См. о словѣ *сельга: Отеч. Зап.* за 1874 г., февраль 2-й отд., стр. 226 въ ст. «Сельская община въ Олонецкой губ.»; *Калачовъ*, Акт. отн. къ Юр. быту, II, 245—251.

[3]) Встрѣчается въ актахъ 1391 года.

Digitized by Google

ѣздитъ за солью въ Орѣховецъ на Невѣ, бьется съ русскими мужиками — все это черты глубоко бытовыя, историческія; но къ нимъ тутъ же примѣшиваются другія, навѣянныя уже совсѣмъ не бытовыми условіями. Сошка Микулы дивно изукрашена дорогимъ рыбьимъ зубомъ [1]), краснымъ золотомъ и серебромъ [2]), а самъ онъ представленъ иногда записнымъ франтомъ не плоше Чурилы:

«У оратая кобыла солòвая,
Гужики у нея да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омѣшики на сошки булатніи,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы вострыя,
Вотъ подъ пяту воробей пролетитъ,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата» [3]).

Въ такомъ роскошномъ нарядѣ Микула представляется не мужикомъ-пахаремъ по профессіи, а скорѣе какимъ-нибудь царевичемъ или бояриномъ, взявшимся для виду за игрушечную соху и разыгрывающимъ изъ себя земледѣльца. Далѣе, съ одной стороны, Микула Селяниновичъ съ любовью говоритъ о своемъ трудѣ и о почетѣ отъ мужиковъ, которыхъ онъ угощаетъ и которые его за это величаютъ [4]). съ другой — при первомъ приглашеніи Владимирова племянника Вольги ѣхать съ нимъ въ города за получкой дани для князя, бросаетъ свое обычное занятіе, повидимому, навсегда, такъ какъ иногда прощается съ сохою [5]), и ѣдетъ съ княжичемъ собирать дань съ мужиковъ. Такая *невыдержанность* вполнѣ понятна, такъ какъ былина создана самимъ народомъ, а не учеными славянофилами, которые ее истолковы-

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 32.

[2]) *Гильфердингъ*, № 131, 45, *Рыбниковъ* I, № 4. *Гильфердингъ* 156.

[3]) *Гильфердингъ*, № 156, столб. 796.

[4]) Въ былинѣ *Гильфердинга*, № 255, Микула весною *продаетъ* хлѣбъ мужичкамъ и сознается, что за это они величаютъ его.

[5]) *Гильфердингъ*, № 255, столб. 1171:

Ты прощай моя сошка ратная,
Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать.

Digitized by Google

вали. Народъ же въ своихъ произведеніяхъ весьма неподатливъ на проведеніе извѣстной тенденціи и въ этомъ отношеніи крайне непослѣдователенъ въ нашемъ кабинетномъ смыслѣ. Приладивъ какую-то заимствованную личность и фабулу къ своему быту, создавъ образъ чудеснаго пахаря, онъ вовсе не подумалъ объ идеализаціи своего крестьянскаго тяжелаго труда, не провелъ той идеи, что крестьянинъ долженъ прилѣпиться къ матери сырой-землѣ, что въ этомъ его единственное благо, а допускаетъ съ легкимъ сердцемъ своего „предстителя“ покинуть тяжелый земледѣльческій трудъ и поступить въ дружину князя (слѣдовательно, жить не сохою, а нахлестываніемъ мужиковъ), совершенно согласно съ тѣмъ, какъ и теперь при удобномъ случаѣ крестьянинъ не прочь сбросить тягло, выписаться изъ міра и перейти къ болѣе доходнымъ и легкимъ занятіямъ. Такъ и другой народный идеалъ — Илья Муромецъ, какъ извѣстно, пахалъ только разъ въ жизни и затѣмъ промѣнялъ свое мирное крестьянское житье-бытье на боевую жизнь вмѣстѣ съ другими княжескими богатырями.

Итакъ невыдержанность типа Микулы объясняется тѣмъ, что народъ всегда вѣренъ самому себѣ, мало способенъ къ проведенію тенденцій и мало думаетъ о нихъ при усвоеніи и передѣлкѣ какихъ-нибудь сказочныхъ сюжетовъ. Процессъ усвоенія идетъ естественнымъ путемъ безъ сильнаго вмѣшательства индивидуальнаго творчества, совершенно не такъ, какъ во множествѣ *современныхъ* комедій, настолько пригнанныхъ къ нашимъ общественнымъ нравамъ, что безъ поясненія на афишкѣ трудно за ними предположить *заимствованный* сюжетъ...

До сихъ поръ мы отмѣчали черты новгородскаго быта въ былинѣ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой. Что касается былины о походѣ Вольги-оборотня въ царство Индѣйское или Турецкую землю, то по самому свойству сюжета область ея сложенія не наложила на нее столь яркой печати.

Ея новгородское происхожденіе можетъ быть (какъ мы видѣли) предположено главнымъ образомъ въ виду связи личности Волха-оборотня съ Волхомъ-чародѣемъ мѣстнаго новгородскаго преданія. Думаю, что помимо этого въ былинѣ найдутся кое-какія черты, если не прямо подтверждающія, то, по крайней мѣрѣ, не противорѣчащія этому предположенію.

Прикрѣпленіе Вольги къ Кіеву и князю Владиміру самое поверхностное, сдѣланное, такъ сказать, на живую нитку. Владиміръ даже вовсе не *является*, а только *упоминается*, какъ дядя Вольги, но притомъ исключительно въ былинахъ, разсказывающихъ о рожденіи и

Digitized by Google

встрѣчѣ Вольги съ Микулой. Во всѣхъ же пересказахъ похода Вольги (Волха) князь Владиміръ отсутствуетъ [1]) и упоминается только городъ Кіевъ, неизвѣстно кому принадлежащій, но не безсмѣнному эпическому князю.

Повидимому, Кіевъ упомянутъ только затѣмъ, чтобъ мотивировать походъ Вольги въ царство Индѣйское.

Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву:
Индѣйскій царь наряжается,
А хвалится — похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ,
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ».

Въ былинахъ другого содержанія съ болѣе тѣснымъ прикрѣпленіемъ къ Кіеву врагъ обыкновенно подступаетъ къ городу и, кромѣ хвастовства на дымъ спустить Божьи церкви, требуетъ дани отъ Владимира, угрожая и ему и княгинѣ Опраксѣ. Здѣсь же князь Владиміръ совсѣмъ позабытъ. Эта крайне слабая связь Вольги съ Кіевомъ, повидимому, указываетъ на то, что этотъ городъ введенъ въ былину въ одной изъ позднихъ ея переработокъ, которыхъ, вѣроятно, было немало.

Можно думать, что по аналогіи обычныхъ въ эпосѣ опасностей, угрожающихъ стольному городу Кіеву отъ хвастливыхъ враговъ, какой-нибудь сказитель внесъ въ былину эпическій городъ Кіевъ и эпическую похвальбу врага, но не найдя въ болѣе раннемъ изводѣ князя Владимира, не счелъ нужнымъ его вставить, что, казалось бы, было нетрудно. Вѣдь сдѣлалъ же другой слагатель Вольгу племянникомъ Владимира, получающимъ отъ него города съ крестьянами.

Итакъ, вычеркнувъ Кіевъ, мы порываемъ единственную тонкую нитку, прикрѣпляющую былину къ южной Руси. Дѣйствительно, нѣкоторыя черты былины какъ будто указываютъ на сѣверъ.

Когда родился Вольга, недаромъ

И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися [2]).

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 1 = *Гильфердингъ*, № 91; *Гильфердингъ*, № 15; *Рыбниковъ*, I, № 2; *Кирша Даниловъ*, № VI.

[2]) *Рыбниковъ*, I, 1.

Digitized by Google

Они предчувствовали свою участь. Вольга — „великій ловецъ". Онъ не забавляется охотой, какъ другіе богатыри, не выѣзжаетъ съ соколомъ, не стрѣляетъ гусей-лебедей для княженецкаго стола. Онъ устраиваетъ ловы въ широкихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ своей дружиной. какъ какой-нибудь промышленникъ съ своей артелью. Сначала онъ разставляетъ сѣти въ *темныхъ* лѣсахъ, по раменью, по ельнику. которымъ такъ изобиловалъ нашъ сѣверный край, и загоняетъ дорогихъ пушныхъ звѣрей, составлявшихъ наиболѣе цѣнный предметъ новгородской торговли съ Западомъ: куницъ, лисицъ, черныхъ соболей, малыхъ горностаюшекъ. Въ одной былинѣ (*Рыбниковъ*, I, № 2) даже опредѣлены мѣста, гдѣ Вольга производитъ свой грандіозный ловъ пушного звѣря: онъ гонитъ его въ лѣсахъ близъ славнаго Синя моря, подъ которымъ нужно разумѣть море, ближайшее къ новгородцамъ. то-есть Балтійское, называемое въ былинахъ иногда Верайскимъ, Веражскимъ, то-есть Варяжскимъ. Сѣверная природа и знаніе привычекъ тамошнихъ звѣрей проглядываютъ въ словахъ былины:

Туры да олени за *горы* пошли.
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по *ельникамъ*,
Соболи, куницы по *островамъ*[1]).

Вылавливая въ лѣсахъ звѣрей,

Волхъ поилъ-кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
Носили они шубы соболиныя[2]).

Слѣдовательно, охота Вольги была не забавой, а доставляла пищу и одежду его дружинѣ-артели. Богатство новгородскихъ владѣній пушными и вообще всякими звѣрями общеизвѣстно. По словамъ проф. Никитскаго[3]), „мы находимъ въ памятникахъ прямыя указанія на необычайное богатство звѣрей въ Новгородской области. Особенно богатыми являются Двинскія владѣнія Новгорода. Морской берегъ послѣднихъ изобиловалъ тогда еще больше, чѣмъ теперь, морскими животными, тюленями, моржами и китами... Югра... независимо отъ второстепенныхъ пушныхъ звѣрей, изобиловала *соболями*... Слѣдовавшая за Югрой къ западу Печора заключала въ своихъ пространствахъ также много дорогихъ пушныхъ звѣрей: *горностаевъ*, песцовъ, *лисицъ*, а изъ пернатыхъ — соколовъ, которые очень дорого цѣнились въ старое время. Собственно Двинская земля, преимущественное мѣсто

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, стр. 12.
[2]) *Рыбниковъ*, I, стр. 14.
[3]) Назв. сочин., стр. 6 и слѣд.

Digitized by Google

поселенія новгородцевъ, была богата бобрами, *куницами* и бѣлками. Въ западной части Двинской области... обыкновенное явленіе составлялъ олень, который встрѣчался, безъ сомнѣнія, и въ другихъ частяхъ сѣверныхъ новгородскихъ владѣній. Условія, которыя благопріятствовали размноженію полезныхъ животныхъ, заключались въ изобиліи лѣсовъ и водъ... А такъ какъ эти условія повторялись одинаково и въ самой Новгородской землѣ, то неудивительно, что тамъ мы встрѣчаемъ богатство звѣрей и птицъ, хотя и не такихъ цѣнныхъ. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Новгорода... водились дикія свиньи и зайцы. Кромѣ того, въ *новгородскихъ* лѣсахъ обычнымъ явленіемъ были медвѣди, волки, куницы, бѣлки, веверицы. Что же касается пернатыхъ, то извѣстно, что Волховъ славился ловлями гагачей, а въ другихъ краяхъ обычной лѣсной и водной дичью были тетерева, гуси, утки и журавли". Если мы припомнимъ, что

А и бьетъ онъ звѣри сохатые (то-есть оленей),
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезговалъ,

то найдемъ въ былинѣ довольно полное перечисленіе пушныхъ и другихъ звѣрей новгородскихъ владѣній. Изъ царства пернатыхъ Вольга *силышками*, которыя его дружина разставляла въ темномъ лѣсу по самымъ верхамъ деревьевъ [1]), ловилъ *гусей, лебедей, ясныхъ соколей, сѣрыхъ утокъ* и малую птицу-пташицу. Являясь идеальнымъ ловцомъ звѣрей и птицъ, Вольга далѣе обращается къ эксплуатаціи другого естественнаго богатства сѣверныхъ областей. Онъ предпринимаетъ рыбную ловлю опять въ широкихъ размѣрахъ, какъ новгородскіе рыбопромышленники.

Какъ новгородскій богатый гость Садко строитъ корабли, такъ и Вольга говоритъ своей дружинѣ:

Дѣлайте вы дѣло повелѣное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите рыбу *семжинку* и *бѣлужинку*,
Щученьку и плотиченку,
И дорогую рыбку осетринку [2]).

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 1.
[2]) *Рыбниковъ* I № 1.

Digitized by Google

„Рыбы (въ новгородскихъ областяхъ), — говоритъ проф. Никитскій [1]), — нарождалось въ такомъ множествѣ, что благочестивые новгородцы умѣли объяснить себѣ это явленіе только вмѣшательствомъ сверхъестественной силы. Такъ, напримѣръ, въ 1354 году въ Новгородѣ каждый ловилъ себѣ рыбу руками у берега, сколько было нужно, и лѣтописецъ видѣлъ въ этомъ великое чудо, сотворенное молитвами Пресвятыя Богородицы". „Въ озерахъ Онежскомъ, Ладожскомъ и въ рѣкѣ Невѣ водилась въ обиліи такъ называемая красная рыба, а именно — *осетры*, считавшіеся въ древности одною изъ самыхъ дорогихъ рыбъ не только на Руси, но и между нѣмцами. По крайней мѣрѣ извѣстно, что этою рыбою дорожили сами новгородскіе князья и выговаривали для себя у Великаго Новгорода право посылать въ извѣстныя мѣста, а именно въ Ладогу, своихъ ловцовъ осетра (осетринниковъ). Извѣстно также, что для ловли осетровъ пріѣзжали на Неву и нѣмецкіе промышленники изъ сосѣднихъ городовъ Нарвы и Ревеля". Понятно, что и былина, сложившаяся въ новгородскихъ предѣлахъ, особенно отмѣтила „дорогую рыбку осетринку". Она и составляла прежде всего ту *кунную* (то-есть цѣнную, считаемую на куны, а не на вѣсъ?) рыбу, которую Вольга выпугивалъ изъ *глубокихъ становъ* [2]) (опять мѣстное наблюденіе надъ привычками рыбы). Мнѣ кажется, что этихъ былинныхъ подробностей о *ловахъ* Вольги достаточно, чтобъ пріурочить сложеніе былины о немъ къ новгородскому культурному району. Какъ въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ отразились черты новгородскихъ внутреннихъ смутъ и типъ буйной молодежи, которая поставляла ушкуйниковъ; какъ въ былинѣ о Садкѣ представлено новгородское купечество, богатое и предпріимчивое, — такъ въ разсматриваемой былинѣ воспѣто необычайное богатство новгородскихъ областей въ звѣриной и рыбной ловлѣ, предпринимаемой чудеснымъ ловцомъ съ его дружиною. Въ первой части былины въ изобиліи разсѣяны черты новгородской природы, фауны и флоры, потому что занятія Вольги-ловца — занятія родныя для новгородскаго населенія. Но какъ блѣдны являются краски во второй половинѣ, когда изображается походъ Вольги (Волха) на царство Индѣйское (Турецъ-землю). Здѣсь такъ и сквозитъ чужая, фантастически размалеванная основа, и напрасно мы стали бы искать тѣхъ реальныхъ чертъ, какъ бы списанныхъ съ дѣйствительности, которыя мы находимъ, напримѣръ, въ былинномъ описаніи приступа татаръ (Ма-

[1]) Назв. соч., стр. 7 и слѣд.
[2]) *Рыбниковъ*, I, стр. 8.

Digitized by Google

мая, Батыги) къ Кіеву. Вольга вовсе не похожъ на богатыря, хотя изрѣдка это названіе и прилагается къ нему, зайдя, вѣроятно, изъ *богатырскаю* эпоса[1]). Обычныя этому эпосу подробности о сѣдланіи коня и выѣздѣ богатыря неизвѣстны слагателю былины о Вольгѣ. Да послѣдній и не нуждается въ конѣ: онъ обертывается то *львомъ* (левымъ звѣремъ), то *Науй*-птицей, то туромъ-златорогимъ, то яснымъ соколомъ, то горностаемъ, то мурашикомъ и обертываетъ въ мурашиковъ свою *хоробрую* дружину, чтобы проползти чрезъ *мудреные* вырѣзы подворотни-*дорогъ рыбій зубъ* и такимъ фантастическимъ способомъ попасть въ царство Индѣйское. Во всемъ походѣ Вольги трудно отмѣтить какую-нибудь бытовую историческую подробность; но можно указать немало мотивовъ сказочныхъ, зашедшихъ отчасти, какъ было мною указано, изъ Александровыхъ сказаній, отчасти изъ какихъ-нибудь другихъ сказокъ. Кстати при этомъ случаѣ отмѣчу нѣкоторые восточные сказочные мотивы, которые, быть-можетъ, пригодятся впослѣдствіи, если когда-либо удастся реставрировать процессъ происхожденія и развитія былины, что весьма сомнительно.

Двѣ детали похожденій Вольги — обращеніе въ птицу, съ цѣлью подслушать разговоръ Турецъ-Сантала съ царицей Панталовной, и обращеніе въ горностая, чтобъ испортить оружіе непріятелей — находятъ себѣ параллели въ восточныхъ (тюркскихъ и монгольскихъ) сказкахъ. Такъ, въ алтайской сказкѣ о дѣвѣ-богатыршѣ Оле-олекчинъ, эта переодѣтая въ мужское платье богатырша, замысливъ войну съ однимъ царемъ, обернулась *сорокой*, сѣла на аилъ (то-есть юрту) къ царю и слушаетъ, что будутъ говорить царь съ царицей. Они говорятъ между собою объ ожидаемомъ приходѣ враговъ, и царь сообщаетъ царицѣ, какія мѣры онъ приметъ. Оле-олекчинъ подслушиваетъ разговоръ и пользуется затѣмъ полученными свѣдѣніями[2]). Въ другой алтайской сказкѣ, записанной академикомъ Радловымъ (Proben etc. I 31—59), богатырь Тэктабей-мергенъ перелетаетъ въ видѣ *ястреба* въ царство врага — Кюнъ-хана — и подслушиваетъ его разговоръ съ его женою, которымъ затѣмъ пользуется[3]). Въ одной монгольской сказкѣ богатырь Караты-ханъ, обратившись въ *крысу*, прибѣгаетъ въ стра-

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 2 (младый богатырь; былина плоха и не кончена); *Гильфердингъ*, № 15 (былина неоконченная и спутанная), *Кирша-Даниловъ*, VI. Въ лучшей былинѣ Романова (*Гильфердингъ*, № 91 = *Рыбниковъ*, I, № 1) Вольга называется *сударь*. Нѣтъ названія «богатырь» и въ былинахъ о встрѣчѣ Вольги съ Микулой.

[2]) См. Бурятскія сказки и повѣрья, собран. *Ханаловымъ*. Иркутскъ. 1889, стр. 141.

[3]) Тамъ же, стр. 154.

Digitized by Google

ну непріятеля своего Джюсунъ-хана и перегрызаетъ доспѣхи его воиновъ [1]).

Не придавая большого значенія этимъ параллелямъ, я привожу ихъ съ цѣлью указать, что походъ Вольги и въ основѣ своей и въ подробностяхъ сводится къ бродячимъ сказочнымъ мотивамъ, которые за долгое время существованія былины могли нарастать изъ разныхъ источниковъ. Но все же связь Волха-оборотня съ новгородскимъ *мѣстнымъ* сказаніемъ и отмѣченныя выше бытовыя черты въ первой половинѣ былины даютъ намъ, кажется, достаточно основаній, чтобы отнести сложеніе ея къ новгородскому эпосу.

Труднѣе въ данномъ случаѣ другой вопросъ — о времени сложенія былинъ о Вольгѣ. Здѣсь, такъ же какъ въ вопросѣ о мѣстности, должны служить устоями бытовыя данныя; но и эти устои при измѣненіяхъ, вносимыхъ въ былину устною передачей, оказываются иногда крайне шаткими. Конечно, во вниманіе должны быть приняты тѣ черты, которыя были въ *основной* редакціи былины, но и выведеніе первичнаго типа ея изъ современныхъ варіантовъ не всегда удается изслѣдователю.

Для былины о встрѣчѣ Вольги съ Микулой, какъ мы выше предположили, хронологической датой могутъ служить *гроши*, на которые Микула покупаетъ соль. Они упоминаются во всѣхъ хорошихъ варіантахъ [2]) и отсутствуютъ только въ такихъ, которые плохо помнились сказителями [3]). Поэтому нѣтъ основанія думать, чтобы эта монета не упоминалась уже въ основной редакціи былины. Если такъ, то terminus a quo для ея сложенія начало XV вѣка. *Соха* Микулы также принадлежитъ основной редакціи, а самыя раннія упоминанія о сохѣ, какъ общераспространенномъ орудіи, вытѣснившемъ болѣе ранній плугъ, относятся, по указанію Никитскаго, къ XIV вѣку. Ссылаться на мое личное впечатлѣніе, не дозволяющее мнѣ въ „идеализованномъ“ земледѣльцѣ съ его искусственнымъ отчествомъ, символизующимъ его земледѣльческій трудъ, видѣть слишкомъ архаичное созданіе, переодѣтаго потомка русскаго древняго бога земледѣлія, — я не стану, потому что такой критерій можетъ быть сочтенъ субъективнымъ. А прямого литературнаго источника для чудеснаго пахаря мы до сихъ поръ не

---

[1]) *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. VI, стр. 18.

[2]) См. *Гильфердингъ*, №№ 32, 55, 73 = *Рыбниковъ*, I, 3, 156.

[3]) Напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 45 = *Рыбниковъ*, I, 4, гдѣ Вольга и Микула *помѣнялись* ролями; *Гильфердингъ*, № 131 и 255 (гдѣ Вольга замѣненъ Иваномъ Годиновичемъ).

Digitized by Google

знаемъ, хотя въ указаніи параллелей въ другихъ литературахъ не было у насъ недостатка.

Другой вопросъ: которая изъ обѣихъ былинъ, прикрѣпившихся къ историческому имени Олега (Вольги), древнѣе? Здѣсь, кажется, возможенъ положительный отвѣтъ. Былина о Вольгѣ и Микулѣ предполагаетъ уже существованіе былины о Вольгѣ, предпринимающемъ ловы и походъ въ отдаленную страну. Безцвѣтный и недогадливый [3]) Вольга, встрѣчающійся съ Микулой, не могъ быть перенесенъ въ былину о Вольгѣ-оборотнѣ, отличающемся хитростью-мудростью. Перенесеніе возможно только обратное. Такъ, къ имени Добрыни-змѣеборца могла впослѣдствіи прикрѣпиться сказка о женѣ-волшебницѣ и дать былину о Маринкѣ, въ которой Добрынѣ не приходится вовсе играть героической роли. Личность чуднаго силача-земледѣльца выступила въ этихъ былинахъ такъ ярко на первый планъ, что совсѣмъ обезцвѣтила личность Вольги, и его похожденіе съ непокорными городами, пришедшееся къ концу былины, уже не представляло достаточнаго интереса вниманію, сосредоточенному на Микулѣ. Похожденіе Вольги и Микулы съ орѣховцами скомкано въ нѣсколько стиховъ въ дошедшихъ до насъ немногихъ пересказахъ, такъ что между началомъ былины, разсказывающимъ о рожденіи Вольги, знаменіяхъ, уходѣ звѣрей, птицъ, рыбъ, обученіи и наборѣ дружины хороброй, и окончаніемъ оказалось несоотвѣтствіе. Начало заставляетъ слушателей ожидать необычайныхъ подвиговъ отъ Вольги, но эпизодъ поглощаетъ весь интересъ, составляетъ всю суть былины, и она кое-какъ сводитъ концы съ началомъ.

---

[3]) *Рыбниковъ*, I, стр. 21: Говоритъ оратай таковы слова:
— *Глупый* Вольга Святославговичъ!

Digitized by Google

Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ[1]).

Послѣднія по времени работы, посвященныя былинамъ о Чурилѣ, принадлежатъ акад. А. Н. Веселовскому и проф. М. Г. Халанскому. Не высказываясь положительно относительно времени и мѣста сложенія былины, первый изслѣдователь останавливается на происхожденіи типа заѣзжаго щеголя Чурилы Пленковича и открываетъ въ немъ одного изъ тѣхъ греко-романскихъ „гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ болѣе грубыхъ сосѣдей блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки[2]). Существеннымъ въ пѣсняхъ (о Чурилѣ) является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго щапленія; впечатлѣніе, какое онъ производилъ на женщинъ и на Апраксію; его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ... Какъ видно — это матеріалъ новеллы, не фабліо о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами, а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giraldi Cintio“[3]).

Такимъ образомъ, видя въ Чурилѣ заѣзжаго гостя изъ франкскаго, т. е. итальянскаго Сурожа, акад. Веселовскій признаетъ за *типомъ* Чурилы весьма *почтенную древность* и созданіе его относитъ къ южнорусскому или кіевскому періоду нашей исторіи. Подтвержденіемъ южнорусскаго происхожденія типа Чурилы служитъ присутствіе его имени (въ формахъ Журило, Джурыло, Цюрыло) въ малорусской свадебной пѣснѣ[4]).

Проф. Халанскій помѣщаетъ Чурилу въ число богатырей московскаго періода вмѣстѣ съ Дюкомъ, Соловьемъ Будимировичемъ, Микулой Селяниновичемъ, Святогоромъ. „Въ мирное время, какимъ преимущественно представляется эпоха князей-собирателей Руси, естественно,

---

[1]) Напечатан. въ сборникѣ «Починъ» въ 1895 г.

[2]) Южно-русс. былины, VI—XI, стр. 81.

[3]) Тамъ же, стр. 123.

[4]) Тамъ же, стр. 124. Болѣе подробныя библіографическія указанія на малорусс. Джурылу см. въ замѣткахъ В. В. Каллаша — *Этнограф. Обозрѣніе*, кн. III, стр. 207, и V, стр. 252.

Digitized by Google

идеальными образами являются... лица съ совершенно мирными свойствами: крестьянинъ Микула Селяниновичъ, женихъ, добрый молодецъ Соловей Будимировичъ, богачъ Дюкъ Степановичъ, наконецъ, щеголь Чурило Пленковичъ и проч... Въ богатырскихъ образахъ ранняго времени иногда удавалось отыскать дѣйствительныхъ историческихъ лицъ, геройскими подвигами стяжавшихъ себѣ славную память: героями былинъ московскаго періода являются идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи" [1]). Итакъ, по мнѣнію г. Халанскаго, народная фантазія, создавшая типъ щеголя Чурилы, не опиралась въ своемъ творчествѣ на образъ пріѣзжаго изъ Сурожа фряга-итальянца, какъ думаетъ акад. Веселовскій главнымъ образомъ на основаніи своего толкованія имени отца Чурилы, Пленка (Франка). „Прозваніе Чурилы стоитъ, по мнѣнію г. Халанскаго, вѣроятно, въ связи съ былевымъ характеромъ этого богатыря. Обыкновенно онъ прозывается Пленковичъ: но въ нѣкоторыхъ варіантахъ его отчество — Щапъ Пленковичъ или Щапленковичъ. Послѣдняя форма, вѣроятно, наиболѣе древняя; она стоитъ, несомнѣнно, въ связи съ глаголомъ *щапить*, т. е. щеголять, и такимъ образомъ прозваніе Чурилы Щапленковичъ можетъ значить то же, что Щеголенковичъ или Щеголевичъ. Отсюда, съ одной стороны, какъ искаженіе, явились формы Щапленковичъ, Цыпленковичъ и сынъ Пленковичъ; съ другой, какъ забвеніе первоначальнаго значенія прозвища Чурилы, сложился образъ Пленка, гостя Сароженина, отца Чурилы [2]). Относя Чурилу къ богатырямъ московскаго періода, г. Халанскій замѣчаетъ однако: „Распространенность именъ Чурило, Журило, Цюрило въ юго-западной Руси въ пѣсняхъ и мѣстныхъ названіяхъ даетъ *большую вѣроятность* мнѣнію о южно-русскомъ происхожденіи сказаній объ этомъ богатырѣ" [3]). Итакъ г. Халанскій, повидимому (говорю такъ потому, что выраженія автора не совсѣмъ опредѣленны), предполагаетъ, что по *мѣсту* происхожденія сказанія о щеголѣ Чурилѣ относятся къ южной Руси и, слѣдовательно, *занесены* въ сѣверный великорусскій эпосъ, но переработаны не въ кіевскій періодъ нашей исторіи, а въ московскій.

Выше [4]) я привелъ данныя, свидѣтельствующія о южно-русскомъ происхожденіи *типа* Чурилы. Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду вопросъ иного рода: въ какой области Руси и въ какой періодъ были

---

[1]) Великорусс. былины кіевскаго цикла, стр. 208.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 209.

[4]) См. стр. 120 и слѣд.

Digitized by Google

сложены *дошедшія до насъ* былины о Чурилѣ? Нѣтъ ли въ ихъ содержаніи такихъ бытовыхъ чертъ, которыя могли бы дать относительно этихъ вопросовъ болѣе или менѣе опредѣленныя показанія? Вѣроятно, въ южной Руси еще въ кіевскій періодъ нашей исторіи ходили сказанія или пѣсни о Чурилѣ, но мы ихъ не знаемъ и никогда не узнаемъ. Все, что мы можемъ въ настоящее время надѣяться уяснить, должно основываться только на дошедшихъ до насъ текстахъ 30 былинъ, въ которыхъ Чурило является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Приступая къ разсмотрѣнію бытовой стороны этихъ былинъ, напомню, что съ именемъ Чурилы связаны два сюжета: пріѣздъ Чурилы въ Кіевъ и служба его при Владимирѣ, и связь Чурилы съ женой Бермяты Катериной Никуличной, оканчивающаяся въ большинствѣ былинъ смертью Чурилы.

Первый сюжетъ дошелъ до насъ въ сравнительно незначительномъ числѣ варіантовъ (6), второй представляется однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ репертуарѣ олонецкихъ сказителей. По замѣчанію Рыбникова, былина о Чурилѣ и Катеринѣ принадлежитъ къ числу „бабьихъ старинъ", которыя поются ими съ особенной любовью, а мужчинами не такъ-то охотно [1]). Эта популярность народной былины съ ея „жалостнымъ" содержаніемъ, конечно, весьма понятна среди женщинъ. Оба сюжета развиваются въ отдѣльныхъ былинахъ и не соединяются въ сводную былину. Исключеніе представляютъ двѣ былины, одна — изъ сборника Кирши Данилова [2]), другая — Рыбникова (I, 45), въ которыхъ второй сюжетъ (связь съ Катериной) прикрѣпленъ къ первому, но не доведенъ до обычнаго конца.

Былины о знакомствѣ кн. Владимира съ Чурилой сходны между собой не только въ главномъ, но и во многихъ деталяхъ, такъ что на основаніи сличенія варіантовъ можно возстановить основной типъ былины [3]). Напомню ея содержаніе.

Былина открывается обычнымъ пиромъ у князя Владимира. Когда столъ былъ въ полустолѣ, появляются толпы молодцевъ (иначе мужиковъ кіянъ) израненныхъ, избитыхъ: булавами у нихъ буйны головы пробиваны, кушаками головы завязаны. Они приносятъ князю жалобу на обидчиковъ. Они охотились на государевомъ займищѣ для князя.

---

[1]) Рыбниковъ, III, стр. XXVI.

[2]) Перепечатана у Кирѣевскаго, IV, стр. 78.

[3]) Кирѣевскій, IV, стр. 78 = Кирша Даниловъ; Рыбниковъ, I, 45, III, 24; Гильфердингъ, №№ 223, 229, 251 (не кончена), и отрывокъ былины у Кирѣевскаго, IV, стр. 86 (изъ Нижегородской губ.).

Digitized by Google

но наѣхали на нихъ какіе-то молодцы на *латинскихъ* коняхъ, въ камчатныхъ кафтанахъ, золотыхъ колпакахъ, — повыловили куницъ, *печерскихъ* лисицъ, выстрѣлили туровъ-оленей, а самихъ избили-изранили. Это понадѣлали молодцы Чуриловы. Князь не слушаетъ челобитья своихъ охотниковъ. Вслѣдъ за ними идетъ другая толпа съ такою же жалобой: это княжескіе рыболовы. На нихъ напали чужіе молодцы, повыловили бѣлую рыбу (иногда рыбу *сорогу*), а самихъ рыболововъ изранили. Князь оставляетъ и ихъ жалобу безъ вниманія. Затѣмъ приходитъ третья толпа — сокольники княжескіе. Они жалуются на то, что чужіе молодцы на государевомъ займищѣ, на потѣшныхъ островахъ, ясныхъ соколовъ и бѣлыхъ кречетовъ повыловили, а ихъ сокольниковъ, избили-изранили. Называются эти насильники дружиной Чуриловой. Тутъ князь спохватился и сталъ спрашивать, гдѣ живетъ Чурила. Бермята (или Иванъ Ивановичъ) одинъ знаетъ, что у Чурилы дворъ на рѣкѣ Сарогѣ (иначе Черегѣ, Почаѣ) пониже Малаго Кіевца, у креста Леванидова, у святыхъ мощей Борисовыхъ, и описываетъ пышность Чуриловой усадьбы. Князь съ княгиней, богатырями и дружиной въ 500 человѣкъ ѣдетъ ко двору Чурилы. Его встрѣчаетъ старикъ, отецъ Чурилы, Пленко Сароженинъ, ведетъ во свѣтлу гридню, сажаетъ за столы и угощаетъ на славу. Во время пира князь изъ окна увидѣлъ подъѣзжающую многочисленную дружину и сильно испугался; онъ думаетъ, что это ѣдетъ либо царь (ханъ) изъ орды, либо король изъ Литвы [1]). Пленко успокоиваетъ его, говоря, что это дружина его сына. Сначала ѣдетъ пышно разодѣтая толпа стольниковъ, затѣмъ ключниковъ и наконецъ, во главѣ третьей толпы, самъ Чурило, котораго красота, костюмъ и манеры описываются подробно. По пріѣздѣ Чурило идетъ въ подвалы глубокіе, беретъ золоту казну, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другое сорокъ печерскихъ лисицъ, дорогую камку хрущату, и все это подноситъ въ подарокъ князю. Князь обрадованъ и приглашаетъ Чурилу служить ему, князю, въ Кіевѣ. Чурило принимаетъ приглашеніе и становится княжескимъ стольникомъ-чашникомъ. Когда молодой красавецъ-стольникъ служилъ за столами, княгиня Апраксія, заглядѣвшись на него, разрѣзая мясо лебединое, порѣзала себѣ руку и въ свое оправданіе говоритъ женамъ боярскимъ:

Не дивуйте-ка, жены мнѣ господскія,
Что обрѣзала я руку бѣлу правую,
Я смотрючись на красоту Чурилову,

---

[1]) Гильфердингъ, № 229, и Рыбн., III, 24.

Digitized by Google

На его кудри на желтые,
На его перстни злаченые,
Помутились у меня очи ясныя!» [1])

Князь ставитъ Чурилу позовщикомъ на пиры. Когда Чурило идетъ по улицѣ, его красота производитъ неотразимое дѣйствіе на кіевскихъ женщинъ. Апраксія проситъ мужа сдѣлать Чурилу постельникомъ. Владимиръ укоряетъ княгиню и отпускаетъ неудобнаго ему Чурилу домой [2]).

Если первый слагатель былины и создалъ типъ идеальнаго красавца, богача и щеголя, то краски для этого типа онъ бралъ изъ русской дѣйствительности и окружилъ Чурилу русской бытовой обстановкой. Эта обстановка носитъ на себѣ нѣкоторыя черты времени и мѣста сложенія былины и съ этой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія. Прежде всего, кто такой Чурило по своему общественному положенію? Могли ли быть на Руси такія частныя лица съ такими дружинами, съ такими богатствами и совершать такія насилія безнаказанно? Чурило не князь, не бояринъ, какъ Дюкъ Степановичъ, а сынъ какого-то богача Пленко, живущаго почти независимо въ своей обширной усадьбѣ, чувствующаго себя по богатству и могуществу не ниже князя. Личность князя Владимира совершенно низведена съ своего пьедестала: онъ ѣдетъ къ Чурилѣ, быть-можетъ, въ надеждѣ отъ него поживиться, такъ какъ беретъ съ собой дружину, но убѣждается на мѣстѣ, что Чурилова дружина многочисленнѣе княжеской, принимаетъ угощеніе и подарки, забываетъ принесенныя ему жалобы на Чурилу и говоритъ:

«Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ,
А побольше того челобитчиковъ:
А теперь на Чурила я суда де не дамъ» [3]).

Очевидно, что князь Владимиръ, внесенный въ былину, очень далекъ отъ того эпическаго князя, котораго порученія безпрекословно справляютъ могучіе богатыри (Добрыня, Дунай, Илья Муромецъ), который при случаѣ засаживаетъ богатырей въ погреба глубокіе. Въ немъ не видно ни ласковаго краснаго солнышка стольно-кіевскаго, ни деспота съ чертами московскихъ царей или восточныхъ сказочныхъ. Это князь, лишенный всякаго значенія, какъ бы взятый напрокатъ, чтобъ быть свидѣтелемъ богатства и могущества частнаго лица. Въ созданіи

---

[1]) Рыбниковъ, III, № 24, стр. 126.
[2]) Отъѣздомъ Чурилы кончаются былины Рыбн. III, 24, Гильф., № 223, 229.
[3]) Рыбн., III, № 24, стр. 125. Срав. Гильф., № 223, столб. 1063.

Digitized by Google

такого князя сказывается не южно-русскій взглядъ на князя-дружинника, не суздальско-московскій — на князя вотчинника и деспота, а всего скорѣе новгородское представленіе о княжескомъ достоинствѣ, — о князѣ, который княжитъ, но не управляетъ. Условія новгородской жизни, дававшія возможность частному лицу посредствомъ предпріимчивости удальства и торговли скапливать значительныя богатства, достигать высокаго общественнаго положенія и независимости, всего болѣе подходятъ къ объясненію такой личности, какъ Чурило. Тѣ же условія создали боярина Ваську Буслаева, бьющагося съ своей дружиной буяновъ съ мужиками новгородскими, и купца Садка, соперничающаго богатствомъ со всѣмъ Новымъ-городомъ. Дѣйствительно, Чурило напоминаетъ того и другого типическаго новгородца. Какъ самъ Василій и его дружина творятъ насилія въ Новгородѣ, такъ дружина Чурилова обижаетъ княжескихъ охотниковъ, рыболововъ, сокольниковъ, иногда огородниковъ. Какъ Садко-купецъ хвастаетъ несмѣтными богатствами, такъ былина подробно останавливается на описаніи пышности Чурилова двора и дома и, быть-можетъ, для поясненія происхожденія этого богатства называетъ его отца *гостемъ*.

Какъ вообще новгородскія былины не знали богатырства, такъ ничего богатырскаго нѣтъ въ былинѣ о Чурилѣ. Его дружина не южно-русская дружина, бьющаяся вмѣстѣ съ княземъ со врагами и защищающая княжескія земли отъ нападеній. Это скорѣе артель промышленниковъ, дружина въ новгородскомъ смыслѣ, напоминающая дружинушку купца-промышленника Садка и еще болѣе дружину Вольги, котораго новгородское происхожденіе мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ. Дружина Чурилы занимается охотничьимъ и рыболовнымъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ: они вылавливаютъ шелковыми тенетами (путиками) пушныхъ звѣрей — соболей, горностаевъ, куницъ и *печерскихъ* лисицъ, цѣнныхъ птицъ — соколовъ, кречетовъ, лебедей — и дорогую рыбу. Отмѣтимъ здѣсь *печерскихъ* лисицъ, хорошо извѣстныхъ новгородцамъ. Хотя г. Безсоновъ поясняетъ это названіе такъ: „*печерскія*, что живутъ въ норахъ“, но нѣтъ сомнѣнія, что лисицы названы печерскими по области, въ которой онѣ были особенно обильны. Извѣстно, что принадлежавшая Новгороду Печера (Печора), лежавшая за Югрой къ западу, „заключала, какъ и въ настоящее время, въ своихъ пространствахъ множество дорогихъ пушныхъ звѣрей, а именно: горностаевъ, песцовъ, лисицъ, а изъ пернатыхъ — соколовъ, которые очень дорого цѣнились въ старое время“ [1]). Такимъ

[1]) *Никитскій* — Очерки экономической жизни Вел. Новгорода, стр. 6.

Digitized by Google

образомъ добыча Чуриловой дружины состоитъ именно изъ тѣхъ звѣрей, которыми обиловали новгородскія владѣнія и которые доставляли промышленникамъ — новгородскимъ боярамъ, купцамъ — огромныя богатства. Кладовыя Чурилы ломятся отъ множества драгоцѣнныхъ мѣховъ и дорогихъ матерій, пріобрѣтавшихся новгородцами съ запада въ обмѣнъ на пушной товаръ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ упоминается, что Чурилова дружина выловила рыбу *сорогу*. Отмѣтимъ, что это названіе рыбы, похожей на плотву, извѣстно только на сѣверѣ, такъ какъ *сорога* водится въ сѣверныхъ рѣкахъ. Названіе *сороги* было заимствовано сѣвернымъ населеніемъ у финновъ. Плотва называется по-фински сäрки, по-эстонски сäры, по-эрзя-мордовски сäргэ, мокша-мордовски сäрга, остяцки сарах (см. Веске, Славяно-финск. культур. отношенія 1890, стр. 20).

О сѣверной природѣ мѣстности сложенія былины, хотя слагатель перенесъ Чурилу въ южный Кіевъ, свидѣтельствуетъ далѣе обычное начало былины о Чурилѣ и Катеринѣ:

«Наканунѣ праздника было Христова дня,
Канунъ де честнаго Благовѣщенія.
Выпадала порошица — снѣгъ молодой.
По той де порохѣ, по бѣлому снѣжку
Не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ,
Ходилъ да гулялъ купавъ молодецъ
На имя Чурило сынъ Пленковичъ...» [1]),

Когда князья-бояре, идучи къ заутренѣ, увидѣли на снѣгу свѣжій слѣдъ, они дивуются и говорятъ:

«Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай» [2]),

какъ будто въ Кіевѣ и его окрестностяхъ водились горностаи. Трудно предположить, что слагатель единственной нашей былины, въ которой дѣйствіе совершается среди зимняго пейзажа, въ которой герой пріѣзжаетъ къ своей любовницѣ въ санкахъ, въ зимнемъ костюмѣ, шубѣ, пушистой и завѣсистой шапкѣ, былъ южанинъ. Нужно думать, что сѣверный слагатель, говоря о Кіевѣ, имѣлъ передъ глазами картины родной сѣверной природы. Южанинъ едва ли представилъ бы санный путь въ Кіевѣ наканунѣ Благовѣщенія (слѣдоват. 24 марта) [3]). Впрочемъ, въ значительномъ большинствѣ пересказовъ былины о смерти Чурилы (въ 14 изъ 18) городъ, въ которомъ совершаются его по-

[1]) Рыбниковъ, III № 27, II 23, 25; сравн. Гильфердингъ, №№ 224, 268, 309.
[2]) Кирѣевскій, IV, стр. 85 (Кирша Даниловъ).
[3]) Извѣстно, что Днѣпръ вскрывается около Кіева 16 марта.

Digitized by Google

хожденія, вовсе не названъ (Рыбн. I № 46, II 23, 24; III 25, 26, 27: Гильферд. №№ 8, 67. 189, 224, 268. Сборн. Тихонр. и Миллера №№ 45, 46, 47, 48).

Возвращаемся къ Чуриловой дружинѣ. Его молодцы разодѣты пышно и богато: на нихъ однорядочки голубъ-скурлатъ, кафтанцы камчатные, колпачки золотоверхіе, сапожки зеленъ-сафьянъ, и ѣздятъ они на коняхъ или жеребцахъ *латынскихъ* [1]). Эти латынскіе жеребцы относятъ насъ къ новгородскимъ бытовымъ условіямъ. По свойству климата и почвы коневодство не процвѣтало въ новгородскихъ областяхъ. Порода лошадей была мелка и плоха. „Хорошія породы пріобрѣтались новгородцами изъ-за границы и составляли, по словамъ проф. Никитскаго. нерѣдко предметы обычныхъ въ то время пиршественныхъ даровъ“ [2]). Новгородцы крайне нуждались въ хорошихъ коняхъ и съ трудомъ пріобрѣтали ихъ отъ нѣмцевъ, которые, однако. смотрѣли на эту торговлю крайне неодобрительно. Въ Остзейскомъ краѣ они дозволяли продавать русскимъ только такихъ лошадей, которыя стоили не больше двухъ марокъ. Вывозъ же лошадей, стоившихъ 3, 4 или 5 марокъ, положительно воспрещался и преслѣдовался [3]). Понятно. что *латынскіе*, т. е. западные. кони подъ молодцами Чурилы составляли величайшую роскошь, которую могъ себѣ дозволить только „идеальный“ богачъ. Въ этой чертѣ опять сказывается слагатель-сѣверянинъ. Слагатель-южанинъ не могъ бы не знать безчисленныхъ степныхъ табуновъ, снабжавшихъ южно-русскія дружины конями въ изобиліи. Знакомство съ нѣмецкими рыцарями — естественное среди новгородцевъ — видно въ одной былинѣ о смерти Чурилы [4]), въ которой конь Чурилы называется *рыцарскимъ*. Въ описаніи костюма Чурилы. кажется, можно отмѣтить черты новгородскаго щегольства, на которое не оставались безъ вліянія западно-европейскія. нѣмецкія моды. Хотя сапожки его — зеленъ-сафьянъ, изъ дорога сафьяна турецкаго, но не восточнаго покроя. а „баскаго покрою нѣмецкаго“ [5]). Въ одной былинѣ, записанной Е. В. Барсовымъ [6]), Чуриловы сапожки, при баскомъ нѣмецкомъ покроѣ. „щегольскаго шитья *новгородскаго*“ [7]).

---

[1]) Латынскіе кони, см. Кирѣевскій IV 79; сравн. Гильфердингъ, №№ 223, 229, 251.

[2]) Назван. сочин., стр. 74.

[3]) Тамъ же, стр. 156.

[4]) Гильферд. № 110.

[5]) Гильфердингъ, столбцы 1099, 919, 1312.

[6]) См. Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древ. Росс. 1877, кн. 3.

[7]) Варіантъ у Гильферд., столб. 1163 *новоторское* т. е. *новоторжское* шитье указываетъ также на городъ, принадлежавшій новгородцамъ.

Digitized by Google

Любопытны и подробности костюма Чурилова отца, стараго Пленка:

Изъ того ли изъ Чурилова широкаго двора
Выходилъ тутъ старый матерый человѣкъ,
Шуба та на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ *знаметомъ*,
Пуговки все вольячныя,
Литъ-то вольякъ красна золота
По тому ли по яблоку по *любскому*.
Петельки изъ семи шелковъ,
Шляпа та на старомъ съ полимажами [1]).

Иногда матерія, покрывающая шубу Пленка, называется *самитомъ* [2]). Можно предположить, что названіе *самитъ* нѣмецкаго происхожденія: это нѣмецк. sammet, старинное нѣмец. samit (въ 1349 г.), sameit — *бархатъ*. Новгородская форма *самитъ* всего ближе именно къ старинной нѣмецкой samit и, вѣроятно, вмѣстѣ съ самой матеріей перешла изъ Германіи къ новгородцамъ [3]). Въ описаніи художественно сдѣланныхъ пуговицъ *самитовой* шубы встрѣчается и другое выраженіе, свидѣтельствующее о сношеніяхъ новгородцевъ съ Западомъ. Пуговицы состоятъ изъ золотого шара (яблока), покрытаго литымъ орнаментомъ (вальякомъ). Это яблоко названо *любскимъ*, т. е. любекскимъ. Вспомнимъ, какое значеніе имѣлъ этотъ нѣмецкій городъ во внѣшней новгородской торговлѣ, отразившееся, между прочимъ, въ томъ, что новгородцы въ 1410 г. заимствовали монету отъ нѣмцевъ и на мѣсто старой кунной системы допустили нѣмецкія деньги — артиги, любки, *любскіе* пфенниги [4]). Западнаго происхожденія и Пленкова шляпа съ *полимажами*, т. е. съ плюмажемъ (plumage), украшенная перьями. Но, конечно, это слово зашло въ былину уже въ болѣе позднее время.

Въ одной былинѣ о молодости Чурилы [5]) любское яблоко замѣнено *свирскимъ*. Не умѣя объяснить эту замѣну съ бытовой стороны, отмѣчу

---

[1]) Гильфердингъ, столб. 1101.

[2]) Такова шуба на Чурилѣ. Рыбник. III, стр. 124 и I, стр. 264 (гдѣ самитъ называется *заморскимъ*).

[3]) Въ южной Руси, судя по Слову о Полку Игоревѣ, византійское названіе матеріи Ἑξαμίτος, къ которому восходитъ и нѣмецкое, существовало въ формѣ *оксамитъ*.

[4]) Въ словарѣ Даля значится: *любковыя* яблоки — лучшія, отборныя. Но прилагательное *любскій* по суф.-*скій* можетъ значить только любекскій, любечьскій, любецкій, любскій.

[5]) Гильферд. № 223, столб. 1063.

Digitized by Google

только, что прилагат. *свирскій* опять указываетъ на новгородскій культурный районъ, такъ какъ Свирь впадаетъ въ Ладожское озеро.

Выше мы сказали, что, быть-можетъ, для объясненія происхожденія Чурилова богатства, былина называетъ стараго Пленка „гостемъ сароженинномъ“ [1]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что *гостемъ* сароженинномъ является Пленко только въ одномъ варіантѣ, записанномъ отъ паромскаго старика Рыбниковымъ и Гильфердингомъ. Во всѣхъ прочихъ общественное положеніе отца Чурилова неопредѣленно: онъ называется либо просто Сароже(а)ниномъ [2]), либо сыномъ Сарожаниномъ [3]), такъ что можно думать, *гостемъ* онъ сдѣланъ однимъ только сказителемъ. Придавая значеніе этому одному варіанту и толкуя Сарожанина въ смыслѣ Сурожанина, акад. Веселовскій склоненъ видѣть въ Пленкѣ фряжскаго купца изъ Сурожа. Такое толкованіе едва ли можетъ быть поддержано текстомъ былинъ, не говоря уже объ объясненіи собственнаго имени Пленка изъ Франка, неправдоподобномъ фонетически. Пленко названъ Сарожаниномъ по рѣкѣ Сарогѣ, на которой стоитъ дворъ Чурилы [4]), и гдѣ онъ съ своей дружиной закидываетъ шелковые неводы [5]). Наши былины, повидимому, различаютъ Сарожанина отъ Сурожанина, какъ называется въ одномъ варіантѣ молодецъ Суровецъ. Въ былинѣ Кирши Данилова рѣка, на которой дружина Чурилы нападала на княжескихъ людей, названа Черегою [6]). Въ нѣкоторыхъ былинахъ (именно двухъ), хотя столкновеніе дружины Чуриловой съ княжими людьми происходитъ на Сорожѣ, дворъ Чурилы помѣщенъ на Почай-рѣкѣ у святыхъ мощей у Борисовыхъ [7]). Трудно пріурочить эпическую рѣку Сарогу или Черегу къ какой-нибудь опредѣленной рѣкѣ. Одна Сорога извѣстна въ верховьяхъ Волги. Небольшую рѣку Сарагу въ Олонецкой губерніи упоминаетъ академикъ Озерецковскій въ описаніи своего путешествія въ Олонецкой край въ 1785 г. (стр. 347). Въ писцовыхъ книгахъ 1582 г. упоминается рѣка Сорогожа въ Бѣжецкой пятинѣ Новгородской въ Весьегонскомъ уѣздѣ. На рѣкѣ Черегѣ произошла битва между Мстиславомъ Изяславичемъ новгородскимъ и Всеславомъ полоцкимъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ

---

[1]) Гильф. № 223, столб. 1062; Рыбн. Ш, № 24.
[2]) Кирѣев., IV стр. 82 (=К. Даниловъ), Рыбн.. I № 45, стр. 263; Ш, № 24.
[3]) Гильф. № 229, столб. 1101.
[4]) Рыбниковъ, I, № 45.
[5]) Гильф. №№ 223, 229. 251.
[6]) Кирѣевскій, IV, стр. 78, 80.
[7]) Гильф. № 223, Рыбн., Ш № 24.

Digitized by Google

думать, что въ древнѣйшемъ изводѣ былины, какъ и доселѣ въ большинствѣ пересказовъ, дворъ Чурилы былъ на рѣкѣ Сарогѣ, почему и отецъ его называется Сарожаниномъ, а не на Пучаѣ (Почайнѣ). Послѣднее названіе вмѣстѣ съ мощами Борисовыми вошло въ былину позднѣе, вслѣдствіе прикрѣпленія мѣстодѣйствія къ окрестностямъ Кіева и къ князю Владимиру. Насколько прикрѣпленіе наивно, видно изъ незатушеванной сказителями несообразности, состоящей въ томъ, что дворъ Чурилы помѣщенъ на Почаѣ недалеко отъ Кіева (правильнѣе было бы сказать въ самомъ Кіевѣ, если Почай рѣка = Почайнѣ), а между тѣмъ кн. Владиміръ ничего не знаетъ о такомъ близкомъ сосѣдѣ и, выслушивая жалобы на Чурилу, говоритъ:

«Глупые вы князи и бояра,
Неразумные гости торговые,
Не знаю я Чуриловой поселицы,
Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ» [1]).

Такія несообразности обыкновенно проникаютъ въ былины при прикрѣпленіи какого-нибудь сюжета къ кіевскому циклу. Если рѣка Сорога была, что весьма вѣроятно, въ основномъ изводѣ, то для объясненія названія Пленка Сарожаниномъ нѣтъ никакой нужды припоминать Сурожъ и сурожскихъ гостей.

Если изъ былины о Чурилѣ нельзя вывести, что отецъ его въ основномъ изводѣ представлялся гостемъ торговымъ, то все же нельзя не отмѣтить присутствія купецкаго элемента, которое, быть-можетъ, также говоритъ за новгородское происхожденіе былины. Въ большинствѣ варіантовъ Владиміръ отправляется въ усадьбу Чурилы не только съ князьями-боярами, но и „со купцами со гостями со торговыми“ [2]), которые также заинтересованы Чурилой, потому что потерпѣли отъ его дружины убытки и просили у князя на него „правой судъ“ [3]). Любопытную особенность былины о пріѣздѣ Чурилы въ Кіевъ составляетъ далѣе присутствіе въ ней одного мотива, указаннаго акад. А. Н. Веселовскимъ въ раввинскихъ апокрифахъ. Заглядѣвшись на красоту Чурилы, княгиня Апраксія, разрѣзая за столомъ лебедь, порѣзала себѣ руку и въ свое извиненіе говоритъ:

— Да не дивуйте ко вы жены господскіе,
Да что обрѣзала я руку бѣлу правую:
Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,

---

[1]) Рыбн., III, № 24, стр. 121. Срав. Гильф. № 229, столб. 1100.

[2]) См. Рыбников., III, № 24, стр. 122; Гильферд. №№ 223, столб. 1062; № 251, столб. 1162.

[3]) Гильферд., столб. 1100.

Digitized by Google

Да помутилисе у меня-де очи ясные,
Да смотричись-де на красоту Чурилову,
Да на его́-то на̀ кудри на желтые,
Да на его́-де на̀ перстни злаченые... [1]).

То, что здѣсь разсказывается объ Опраксѣ, сообщается въ Коранѣ о египетскихъ женахъ и прекрасномъ Юсифѣ: „онъ отвергъ любовь жены Пентефрія; ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду; возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: „Пойди и покажись имъ". Когда увидѣли онѣ его, то восхитились его красотою: „Это — не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ", сказали онѣ и — порѣзали себѣ руки... Въ еврейскомъ Sepher Hajjaschar прямо сказано, что женамъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ пальцы... [2]). Если мы припомнимъ развитіе ереси жидовствующихъ въ Новѣ-городѣ. новгородское происхожденіе рукописей распространенной редакціи Палеи, отличающейся особой полнотой библейскихъ апокрифическихъ разсказовъ, переводъ Псалтыри и части книги Есѳирь съ еврейскаго и т. п., то вторженіе талмудическаго апокрифическаго мотива въ былину, быть-можетъ, найдетъ себѣ объясненіе. Отмѣтимъ. что другой іудейскій апокрифъ — о Давидѣ и Вирсавіи — нашелъ себѣ мѣсто въ былинѣ о Добрынѣ, на которой также замѣтны слѣды новгородской обработки.

Что касается времени основного извода былинъ о Чурилѣ, насколько онъ сохранился въ дошедшихъ до насъ пересказахъ, то. если мы устранимъ упоминаніе Кіева и Владимира, мы не найдемъ въ содержаніи ни одной черты кіевскаго періода нашей исторіи. О позднемъ времени сложенія былины (XV в.) свидѣтельствуютъ многія и существенныя ея черты. Типъ Чурилы — богача-красавца, опаснаго для мужей, не исключая и князя Владимира, — продуктъ культуры богатаго города, въ которомъ развитіе промышленности и торговли отразилось на нравахъ его обитателей — въ пышности бытовой обстановки, разнузданности и насильничаніи молодыхъ людей и распущенности женщинъ. Припомнимъ, съ какими подробностями былина описываетъ роскошную усадьбу стараго Пленка съ его булатнымъ тыномъ, семидесятью теремами, стекольчатыми, рѣшетчатыми воротами, муравлеными печами, серебряными полами и проч. Не менѣе роскошна обстановка

---

[1]) Гильферд. № 223 = Рыбн. III, № 24. Срав. Кирѣев., IV, № 2, стр. 86—87 и Рыбн., I, № 45, стр. 266 прим.

[2]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 98.

Digitized by Google

„*каменныхъ* палатъ“ стараго Пермяты, и особенно много вниманія обращено на описаніе костюма чуриловскихъ молодцевъ и его самого. Это внѣшнее изящество жизни прикрываетъ глубокую нравственную распущенность. Князь изъ-за полученныхъ дорогихъ подарковъ отказываетъ выслушивать челобитья на Чурилу, княгиня готова броситься ему на шею и уговариваетъ мужа опредѣлить Чурилу къ ней въ постельники; Катерина Никулична, въ то время какъ благочестивый мужъ стоитъ у заутрени въ праздникъ Благовѣщенья, зазываетъ къ себѣ изъ окна городского Донъ-Жуана, распутничаетъ съ нимъ и изъ-за жадности, изъ нежеланія дать подарокъ дѣвушкѣ чернавушкѣ за ея молчаніе, погибаетъ, несмотря на всю свою находчивость и лживость. Чурило „сухоногое“ (какъ его презрительно называютъ мужчины) не обладаетъ ни малѣйшей отвагой: хотя онъ насильничаетъ съ дружиной надъ княжими ловцами или надъ посадскими и огородниками — тамъ, гдѣ численный перевѣсъ на его сторонѣ, и гдѣ онъ можетъ разсчитывать на безнаказанность, — онъ при приближеніи обманутаго мужа трусливо залѣзаетъ въ кованы ларцы и позволяетъ снести себѣ голову безъ всякой попытки къ сопротивленію.

Для хронологической, конечно, приблизительной даты былины о пріѣздѣ Чурилы въ Кіевъ, могла бы, пожалуй, послужить одна подробность, занесенная въ пересказъ двухъ хорошихъ сказителей, паромскаго старика и Воинова. Когда Владиміръ въ палатахъ Пленка увидѣлъ изъ окна дружину Чурилову, онъ говоритъ:

Охти мнѣ, уже куда-де буде мнѣ!
Али же тутъ ѣдетъ уже царь съ ордой,
Али тута ѣдетъ король съ Литвой?.. [1]).

Это опасеніе князя можетъ относиться къ тому времени, когда главными, наиболѣе опасными врагами Руси были татарскій ханъ (царь) и литовскій король, что относитъ насъ къ XV вѣку, къ періоду, предшествовавшему покоренію Новгорода и его разгрому Москвой (1478) и сверженію татарскаго ига (1480). Послѣдній періодъ политической независимости Новгорода, ознаменованный постоянными смутами, раздорами вѣчевыхъ партій, утратой прежнихъ гражданскихъ доблестей, развитіемъ роскоши среди богатаго боярства и купечества, представлялъ удобную почву для насильничанія богатыхъ боярскихъ сынковъ. Даже скудная словами новгородская лѣтопись вноситъ въ свой сухой дѣловой разсказъ горькую жалобу на паденіе нравственныхъ началъ

[1]) Рыбниковъ, Ш, 24, стр. 124, срав. Гильферд. № 229, столб. 1102 (Воинова).

Digitized by Google

въ родномъ городѣ: „Поднялись ябедники, стали давать ложную присягу; начались грабежи по селамъ, волостямъ и городу (подъ 1446 г.), и обратились мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ; по волостямъ нашимъ происходили частые поборы и великіе наѣзды; вездѣ слышались крикъ и рыданія, вопль, проклятіе на нашихъ старѣйшинъ и нашъ градъ за то, что не было у насъ милости и суда праваго“ [1]).

Дѣйствительно, сильно притуплено должно было быть понятіе о правѣ и законности у того слагателя былины, который, описавъ неистовство Чуриловой дружины, съ большимъ интересомъ останавливается на изображеніи пышности, красоты и богатства своего героя, отмѣчаетъ его „догадливость“, когда онъ пошелъ въ погреба за подарками для князя, и находитъ совершенно естественнымъ и заурядным, что князь, получивъ дары, не даетъ на Чурилу суда, а, напротивъ, заявляетъ, что ему подобаетъ жить при княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ. Быть-можетъ, я ошибаюсь, но, на мой взглядъ, въ обѣихъ былинахъ о Чурилѣ отражаются легкія понятія о нравственности какихъ-нибудь скомороховъ, которые любили обрабатывать пикантные сюжеты, не стѣсняясь нравственными требованіями, лишь бы позабавить публику. Любовная исторія Чурилы напоминаетъ другую, уже несомнѣнно скоморошью былину, притомъ *новгородскаго* происхожденія, о гостѣ Терентьищѣ, въ которой также обманутый мужъ проучиваетъ распутную жену, хотя не такъ жестоко, какъ благочестивый Пермята.

Въ пользу новгородскаго происхожденія былинъ о Чурилѣ, помимо вышеприведенныхъ соображеній, которыхъ доказательность я вовсе не желаю преувеличить, нельзя не отмѣтить и того факта, что Чурило извѣстенъ только въ Олонецкой губерніи и Сибири (былина К. Данилова и Гуляева).

Изъ 31 былины только одинъ небольшой отрывокъ [2]) (въ 30 стиховъ) былъ случайно записанъ въ Нижегородской губерніи. Можно думать поэтому, что, кромѣ Сибири, куда населеніе шло изъ сѣверной Россіи, былины о Чурилѣ не вышли далеко за предѣлы прежнихъ земель новгородскихъ, за область культурнаго вліянія Великаго Новгорода.

---

[1]) См. Иловайскій — Ист. Россіи, т. II, стр. 329.

[2]) См. Кирѣев., IV, стр. 86.

Digitized by Google

Къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ[1]).

Благодаря цѣлому ряду изслѣдованій по русскому эпосу литературная исторія нѣкоторыхъ былинъ уяснилась въ значительной степени. Если первоначальныя ихъ основы въ большинствѣ случаевъ еще сокрыты отъ насъ подъ позднѣйшими слоями, то по крайней мѣрѣ позднѣйшія переработки, болѣе доступныя изслѣдованію, нерѣдко могутъ быть пріурочены къ опредѣленному времени — къ періоду отъ XV—XVII вѣковъ — и опредѣленному району Россіи. Роль сѣвернаго края въ сложеніи, переработкахъ, храненіи и распространеніи былинъ выступаетъ все ярче и ярче, и широкое участіе скомороховъ во всѣхъ названныхъ дѣйствіяхъ представляется все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Не имѣя въ виду всесторонняго и детальнаго разбора былины о Соловьѣ Будимировичѣ, надъ которой уже немало поработали наши изслѣдователи — Ѳ. И. Буслаевъ, О. Ѳ. Миллеръ, А. Н. Веселовскій. М. Г. Халанскій, — я въ нижеслѣдующемъ сдѣлаю о ней лишь нѣкоторыя замѣтки, поводомъ къ которымъ послужили посвященныя ей страницы въ новѣйшемъ трудѣ проф. Халанскаго: „Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса“ [2]).

Обратимъ вниманіе прежде всего на форму былины.

Изъ десяти извѣстныхъ намъ записей ея четыре начинаются запѣвомъ или такъ называемой прибауткой (прибалуткой по олонецкому говору), не имѣющей отношенія къ содержанію былины. Такъ, сказитель Прохоровъ, пѣвшій былину о Соловьѣ Будимировичѣ Рыбникову и затѣмъ Гильфердингу, предпослалъ ей слѣдующіе стихи, начинающіеся широкимъ географическимъ размахомъ и заканчивающіеся плоской шуткой:

А мхи были болота въ поморской сторонѣ,
А гольняя щелья въ Бѣли-озерѣ,

---

[1]) Напечат. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1895 г., № 11.
[2]) II, стр. 327—336.

Digitized by Google

А тая эта зябель въ подсиверной страны,
А с...ы сарафаны по Моши по рѣки,
Да рострубисты становицы въ Каргополи,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигаринскіе... [1])

И затѣмъ уже, послѣ прибаутки, слѣдуетъ зачинъ:

Изъ-подъ дуба, дуба сыраго,
Изъ-подъ того подъ камешка сподъ яфонта,
А выходила, выбѣгала тамъ Волга мать рѣка
и проч.

Въ виду того, что сказитель Прохоровъ, знавшій 10 большихъ былинъ, прикрѣпилъ эту прибаутку только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, слѣдуетъ думать, что онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя прибаутку въ этомъ именно прикрѣпленіи, а не прикрѣпилъ ее самъ по своему произволу.

Провѣркой этому предположенію служитъ другая запись той же былины, сдѣланная Рыбниковымъ и Гильфердингомъ со словъ сказителя Потапа Антонова [2]) (у Рыбникова онъ названъ Потапомъ Трофимовымъ Потахинымъ). Въ ней находимъ ту же прибаутку съ нѣкоторыми измѣненіями:

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскову,
Щелья-каменья по сиверну страну,
Высоки горы Сорочинскія [3]).

Сказывая былину Гильфердингу, тотъ же Антоновъ перенесъ прибаутку къ концу ея въ такомъ видѣ [4]):

Мхи да болота въ Поморской стороны,
Щелья-каменья Подсѣверной страны;
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки.
Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Просмотрѣвъ репертуаръ Антонова, мы убѣждаемся, что прибаутка прикрѣплена имъ только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, а біографическія свѣдѣнія, сообщенныя о немъ Гильфердингомъ, объясняютъ, что онъ наслѣдовалъ свой репертуаръ отъ своего дѣда (умер-

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 53 = *Рыбниковъ*, I, 54.
[2]) *Гильфердингъ*, № 68 = *Рыбниковъ*, III, 32.
[3]) *Рыбниковъ*, III, 32.
[4]) *Гильфердингъ*, № 68, столб. 371.

Digitized by Google

шаго 97 лѣтъ), который въ свою очередь перенялъ былины отъ профессіональнаго пѣвца — калики Мины Ефимова. Такимъ образомъ мы имѣемъ право предположить, что въ исполненіи профессіональнаго пѣвца былинѣ о Соловьѣ предпосылалась прибаутка скоморошьяго характера, и это предположеніе снова подтверждается двумя дальнѣйшими варіантами у Рыбникова (II, 31; III. 33), представляющими ту же видоизмѣненную прибаутку передъ *зачиномъ* былины. Наконецъ, въ записи, приписываемой Киршѣ Данилову (№ 1), находимъ также прибаутку, но поэтически-возвышеннаго характера и безъ юмористическаго исхода. Это знаменитое въ нашемъ эпосѣ четырестишіе:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе [1]).

Такимъ образомъ изъ *десяти* извѣстныхъ намъ записей былины о Соловьѣ Будимировичѣ половина, и притомъ лучшія по качеству, предпосылаютъ ей прибаутку. Она отсутствуетъ въ трехъ варіантахъ Гильфердинга, записанныхъ либо отъ плохихъ сказителей (Гришина, № 36), либо отъ такихъ, которые когда-то хорошо знали былины, но затѣмъ позабыли (Захарова, Суханова, №№ 199, 208). Нѣтъ ея въ плохомъ и сильно скомканномъ варіантѣ Анфима Савинова (у Рыбникова, IV, № 11), и только одинъ, не имѣющій прибаутки, варіантъ у Рыбникова (I, 53) можетъ быть причисленъ къ хорошимъ.

Возможнымъ выводомъ изъ этихъ наблюденій представляется слѣдующій: былина о Соловьѣ Будимировичѣ была снабжена скоморошьей прелюдіей и вмѣстѣ съ нею отъ профессіональныхъ пѣвцовъ-скомороховъ перешла къ олонецкимъ крестьянамъ.

Современныя записи былины указываютъ на ея принадлежность сѣверному былинному репертуару. Соловей Будимировичъ, какъ пріѣзжій въ Кіевъ женихъ, неизвѣстенъ нигдѣ въ Россіи помимо Олонецкой

---

[1]) Однако русскій человѣкъ, неспособный выдержать слишкомъ возвышеннаго тона, и здѣсь не удержался. Нашелся шутникъ, который спародировалъ эти стихи такъ:

Высота ли, высота потолочная,
Глубота, глубота подпольная,
А и широко раздолье — передъ печью шестокъ,
Чистое поле — по подлавечью,
А и сине море — въ лохани вода.

Таково начало находившейся въ рукописи Кирши Данилова, но не напечатанной Калайдовичемъ, неприличной пѣсни Агаѳонушка. — См. 3-е изданіе Кирши Данилова, стр. XIX, примѣч. 17.

Digitized by Google

губерніи и былъ извѣстенъ въ Западной Сибири въ прошломъ столѣтіи (во времена Кирши Данилова). Если изъ современнаго района извѣстности этого сюжета еще нельзя дѣлать безспорныхъ заключеній о сѣверномъ происхожденіи былины, то все же это обстоятельство имѣетъ нѣкоторый вѣсъ при другихъ доказательствахъ сѣверной родины этого произведенія, если таковыя найдутся. Для послѣдней цѣли обратимъ вниманіе на нѣкоторыя бытовыя черты былины и прежде всего на бросающееся въ глаза ея сходство съ новгородской былиной о Садкѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Соловей Будимировичъ представляется богатымъ мореходомъ, собственникомъ кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами. У него, какъ у Садка, 30 кораблей, изъ которыхъ тотъ, на которомъ онъ ѣдетъ самъ, чудно разукрашенъ.

Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута.
Носъ корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,
Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура, литовскаго;
На томъ на черленомъ на кораблѣ
Были паруса-флаги крупчатой камки,
Снасти и кодолы были шелковыя,
Того ли были шелку шемаханскаго;
Якори-то были булатніе,
Булатъ-желѣза сибирскаго,
Сибирскаго желѣза, поморскаго.
На томъ ли черленомъ на кораблѣ
Середи корабля стоитъ зеленъ чердакъ
Зеленъ чердакъ муравленый;
Въ томъ ли зеленомъ во чердакѣ
Потолокъ обитъ чернымъ бархатомъ,
Стѣны покрыты чернымъ соболемъ;
Изнавѣшенъ зеленъ чердакъ
Куницами и лисицами
Печерскима и сибирскима,
Ушистыма и пушистыма [1]).

То же описаніе корабля, съ большими или меньшими варіаціями въ подробностяхъ, находимъ, какъ извѣстно, въ былинахъ о Садкѣ [2]). при чемъ и корабль самого Садка иногда называется Соколомъ, какъ въ пересказѣ у Кирши Данилова, корабль Соловья Будимировича.

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, № 53, стр. 318—319.

[2]) См., напримѣръ, *Гильфердингъ*, № 146, *Рыбниковъ*, III, № 42, I, № 61 и 63.

Digitized by Google

Нельзя думать, чтобы фантастически-разукрашенный корабль Соловья былъ скопированъ съ корабля Садка, или наоборотъ. Корабль съ извѣстными признаками, повидимому, общее мѣсто (locus communis), старинная эпическая картинка, которая вставлялась въ былины всякій разъ, когда дѣло шло о богатырскомъ кораблѣ. На такомъ же вычурномъ кораблѣ, какъ у Соловья и Садка, ѣдетъ Илья Муромецъ въ извѣстной былинѣ [1]). Но эта эпическая картина была создана и пошла въ ходъ въ такихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ процвѣтало судоходство, гдѣ населенію были хорошо знакомы не только лодки, но большія суда сложной конструкціи. Покойный А. А. Котляревскій видѣлъ въ этомъ эпическомъ описаніи идеализированныя черты скандинавскихъ кораблей, какъ они изображаются въ сагахъ. Допуская возможность вліянія какого-нибудь западнаго образца, все же нужно думать, что онъ далъ только канву, по которой былъ вышитъ рисунокъ въ русскомъ вкусѣ: на украшеніе корабля пошли пушныя богатства сѣверно-русскаго края — черные соболи, печерскія лисицы и куницы и хорошо извѣстныя на Руси ткани изъ шелковъ шемахинскихъ и хрущатой камки. Подробности оснастки корабля — мачты, паруса, кодолы, реи, сходни и проч. — указываютъ на знакомство слагателей эпическаго описанія съ судоходнымъ дѣломъ, а такое знакомство можетъ указывать на предпріимчивыхъ новгородскихъ судохозяевъ и ушкуйниковъ.

Отмѣтимъ другія черты спеціальнаго знакомства съ судоходнымъ дѣломъ въ былинѣ.

Говорилъ тутъ Соловей таково слово:
«Что вы, братцы дружинушки хоробрыи,
А хоробрыя дружинья Соловьёвыи!
Да слушайте-тко бо́льшаго ата̀мана-то вы,
Да дѣлайте дѣло повелёное:
А взимайте-ко шестики мѣрныи вы́,
А миряйте-ко лудья морски-то эты,
А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати» [2]).

Это щупанье лудъ, то-есть мѣстъ, усѣянныхъ подводными камнями, очевидно бытовая черта сѣвернаго мореходства, опять оказывается въ новгородской былинѣ о Садкѣ, который почти съ тѣми же словами обращается къ своей дружинѣ:

[1]) См. былины старой и новой записи II, №№ 16, 17 и приложеніе стр. 276. Сходное описаніе корабля см. въ *свадебной* пѣснѣ Архангельской губерніи въ сборникѣ *Ѳ. М. Истомина*. «Пѣсни русскаго народа». С.-Пб. 1894, стр. 131—132. Сравните также пѣсню въ «Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ *П. С. Ефименкомъ*. Часть II, стр. 112.

[2]) *Гильфердингъ*, № 53 *Рыбниковъ*, I, 54.

Digitized by Google

Ай же, дружки-братья корабельщики!
Берите-ко щупы желѣзныя,
Щупайте въ синемъ морѣ:
Нѣтъ ли луды или каменя,
Нѣтъ ли отмели песочныя? [1]).

Въ одномъ пересказѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ [2]) щупанье дна щупалами желѣзными дѣлается между прочимъ для исканія мелкаго скатнаго жемчуга. Можетъ-быть, въ основѣ этой картины лежитъ что-нибудь реальное: извѣстно, что въ Россіи перловка жемчугоносная водится въ рѣкахъ губерній Архангельской, Олонецкой, Новгородской и другихъ, и что ловля этихъ раковинъ снабжала и до сихъ поръ снабжаетъ мелкимъ жемчугомъ уборы сѣверно-русскихъ женщинъ, купчихъ, мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ. Старинные кокошники новгородскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ женщинъ густо усаживались этимъ мѣстнымъ жемчугомъ.

Продолжая сравненіе былинъ о Соловьѣ и Садкѣ, находимъ сходство въ частностяхъ плана и въ личности героя. И здѣсь и тамъ отношеніе героя — торговаго гостя — къ спутникамъ одинаковое, выражающееся въ различныхъ его приказаніяхъ дружинушкѣ: обыкновенно оба обращаются къ ней со словами: „слушайте большаго братца атамана", и значительная часть былины занята приказаніями и исполненіемъ ихъ. Соловей Будимировичъ приказываетъ: подымать паруса, щупать луды, смотрѣть въ трубки подзорныя, кидать якори, спускать сходни, строить терема въ саду у Запавы, и каждый разъ „дружинушка хоробрая слушаетъ большаго атамана и дѣлаетъ дѣло повелённое". Садко велитъ дружинушкѣ скупать всѣ товары въ Новгородѣ, строить корабли и нагружать ихъ товарами, вырѣзывать и метать въ море жеребья, — и все это немедленно приводится въ исполненіе дружиной. Аналогіи постройки обѣихъ былинъ соотвѣтствуетъ и сходство въ личности обоихъ героевъ: Садко — богатый купецъ, собственникъ кораблей съ дорогими товарами и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный гусляръ; Соловей Будимировичъ сходенъ съ нимъ и въ томъ и въ другомъ. Хотя онъ называется гостемъ торговымъ только въ былинѣ Кирши Данилова, хотя цѣль его пріѣзда въ Кіевъ не торговая, но его корабли наполнены товарами; онъ строитъ (по двумъ былинамъ) [3]) при теремахъ и *гостиный дворъ*, платитъ товарную пошлину въ таможнѣ

---

[1]) *Рыбниковъ*, III, № 41, стр. 242.
[2]) *Рыбниковъ*, II, 31.
[3]) *Рыбниковъ*, II 31, стр. 190; *Гильфердингъ*, № 199, столб. 953

Digitized by Google

со всѣхъ кораблей 7 тысячъ [1]), и въ той же былинѣ Кирши Данилова по отъѣздѣ Соловья Давидъ Поповъ заявляетъ князю:

«Я де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны
На его жъ царское величество».

Такимъ образомъ пріѣзжій богатый женихъ, подносящій кіевскому князю, княгинѣ и Запавѣ драгоцѣнные подарки со своихъ кораблей: черныхъ соболей, бурнастыхъ лисицъ, хрущатую камку съ хитрымъ заморскимъ узоромъ, мисы золота, серебра и жемчуга, благодаря именно этимъ аксессуарамъ, могъ представляться нѣкоторымъ сказителямъ торговымъ гостемъ. Съ другой стороны, Соловей является искуснымъ гусляромъ: сходя по сходнѣ золоченой съ корабля, онъ беретъ съ собой свой инструментъ — гуселки яровчатыя [2]), и когда Запава Путятична, подойдя къ построенному имъ терему, подслушиваетъ, то

Въ томъ терему стучитъ и гремитъ,
Пѣсни поетъ и гусли играетъ
Младъ Соловей сынъ Будимировичъ:
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другіе ведетъ отъ Еросолима,
А всѣ малые припивки за синя моря,
За синяго моря Волынскаго,
Изъ-за того Кодольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго» [3]).

Можетъ-быть, *тонцы изъ Новагорода,* упоминаемые въ трехъ пересказахъ былины, также одинъ изъ слѣдовъ ея новгородскаго происхожденія, которое мнѣ представляется вѣроятнымъ уже по вышеразсмотрѣннымъ ея аналогіямъ съ *новгородской* былиной о Садкѣ, такомъ же торговомъ гостѣ и гуслярѣ.

Если таково происхожденіе былины въ той версіи, которая дошла до насъ въ 10 варіантахъ, то прикрѣпленіе Соловья Будимировича къ кіевскому циклу не можетъ быть выдвигаемо въ пользу кіевскаго происхожденія былины. Приписывать былинѣ такую глубокую древ-

[1]) *Кирша Даниловъ,* № I.
[2]) *Гильфердингъ,* № 68, столб. 368. *Рыбниковъ,* III, 32.
[3]) *Рыбниковъ,* I 53; срав. *Рыбниковъ,* IV, № 11, стр. 59; III, № 33 стр. 196; *Гильфердингъ,* № 68.

Digitized by Google

ность только потому, что дѣйствіе ея совершается въ Кіевѣ при князѣ Владимирѣ, едва ли возможно. Эпическое прикрѣпленіе къ Кіеву не стерло въ былинѣ чертъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія, и онѣ обнаруживаются даже въ географическихъ подробностяхъ нѣкоторыхъ пересказовъ. Какъ въ былинахъ о Садкѣ, упоминающихъ Неву и Ладожское озеро, подъ синимъ моремъ, въ которое выѣзжаютъ его корабли, должно разумѣть море ближайшее къ Новгороду — Балтійское, такъ тѣ же мѣста встрѣчаются въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ:

Исподъ дуба, дуба сыраго,
Исподъ той березы сподъ накляпины,
Матушка Нева широко прошла,
Устьемъ выпадала во сине море во Вирянское.
По синему морю корабли бѣжатъ,
Одинъ-то корабликъ изукрашенъ былъ» и проч. [1]).

Въ другомъ пересказѣ [2]) тридцать кораблей бѣгутъ по морю Веряйскому, которое, впрочемъ, тутъ же названо также Дунайскимъ. Названіе Вирянское или Веряйское, конечно, позднее искаженіе имени *Варяжское*. По эпической наивности и по малому знанію географіи, пѣвецъ былины не затруднялся путешествіемъ Соловья Будимировича по Варяжскому морю, долженствовавшимъ привезти его въ Кіевъ. Вообще географія былины по отдѣльнымъ пересказамъ крайне путанная, и едва ли она была осмысленнѣе въ основной редакціи. Корабли Соловья прибываютъ въ Кіевъ то по Волгѣ [3]), то по морю Турецкому [4]), то по морю Волынскому [5]) (искаженіе Хвалынскаго), то по какому-то неопредѣленному синему морю отъ славнаго города Леденца [6]) то по морю Дунайскому [7]) (то-есть Черному). Только въ двухъ, и по странной случайности самыхъ плохихъ пересказахъ, у Гильфердинга [8]) упоминается Нѣпра, хотя все же нѣтъ ясныхъ представленій о предѣлахъ плаванья Соловья, то есть откуда онъ выѣзжаетъ и какимъ путемъ попадаетъ въ Кіевъ. Видно, что слагатель, прикрѣпившій мѣсто дѣйствія былины къ Кіеву, имѣлъ смутное понятіе и о теченіи Днѣпра.

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, № 11.
[2]) *Гильфердингъ*, № 208.
[3]) *Гильфердингъ*, № 53; *Рыбниковъ*, I, 54.
[4]) *Рыбниковъ*, II, 31.
[5]) *Рыбниковъ*, I, 53.
[6]) *Кирша Даниловъ*, № I.
[7]) *Гильфердингъ*, № 68; *Рыбниковъ*, III, 33.
[8]) *Гильфердингъ*, №№ 36 и 199.

Digitized by Google

Что, напримѣръ, можно извлечь изъ слѣдующихъ географическихъ указаній одного изъ обоихъ пересказовъ, упоминающихъ Нѣпру?

«Ай изъ-за тóго острова Кадойлова,
Ай изъ-подъ тóго вязу съ-подъ черлёнаго,
Ай изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ тóго кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
А устьемъ выпадала въ море Черное,
Въ Черное море во Турецкое.
А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки
Вылеталъ, выѣзжалъ младъ хупавъ молодецъ (откуда?),
Молодъ Соловей сынъ Будимировичъ.
Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
А за славное онъ за синё море,
Да ко славному городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру» и проч. [1]).

Здѣсь Соловей, выѣзжая неизвѣстно откуда по Днѣпру въ Черное море, попадаетъ, не поворачивая назадъ, въ Кіевъ въ полномъ противорѣчіи съ географіей. Такого противорѣчія нѣтъ въ былинѣ Кирши Данилова, гдѣ корабль Соловья Будимировича пристаетъ въ Днѣпрѣ подъ Кіевомъ, выѣхавъ изъ загадочнаго города Леденца.

Вообще попытки объяснить географическія показанія былины до сихъ поръ не привели ни къ чему мало-мальски вѣроятному. Имя острова Кодольскаго (или островов Кодольскихъ) находится, повидимому, въ связи съ названіемъ *кодолы* — толстые канаты, которое встрѣчается въ той же былинѣ: *Кодольскіе* острова, можетъ-быть, такіе, гдѣ запасались *кодолами*, и мы напрасно станемъ искать ихъ на картѣ. Попытка проф. Халанскаго объяснить городъ Леденецъ въ связи съ сербскимъ и болгарскимъ эпическимъ Ледяномъ (Леђан, Леген) градомъ мнѣ не кажется удовлетворительной. „Происхожденіе и значеніе эпическаго имени Ледяна — Легена — Леденца, говоритъ проф. Халанскій, становится совершенно понятнымъ въ связи съ средневѣковымъ германскимъ эпосомъ; въ этомъ послѣднемъ мы находимъ ключъ къ простому и понятному объясненію этого названія: Леђан — Леденецъ есть Islant, то-есть Ледяной городъ, а первоначально Ледяной островъ или Ледяная земля, страна" [2]). Такимъ образомъ сербскій и русскій эпическій городъ представляетъ результатъ неточнаго перевода названія Исландія. Будто бы это такъ просто и понятно? Въ пользу своего предположенія проф. Халанскій цитируетъ только одно мѣсто изъ

[1]) *Гильфердингъ*, № 199.

[2]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Марко, II, стр. 317.

Digitized by Google

Саксона грамматика, въ которомъ говорится объ Исландіи: insula quae Glacialis dicitur. Но изъ того, что Саксонъ грамматикъ въ своей латыни далъ объясненіе имени острова, еще нельзя предполагать, вмѣстѣ съ г. Халанскимъ, что „вѣроятно оно (то-есть Islant) переводилось такимъ образомъ и въ устной средневѣковой поэзіи германской и славянской". Если подъ средневѣковой германской поэзіей авторъ имѣетъ въ виду пѣснь о Нибелунгахъ, въ которой (авентюры VI—VIII) въ разсказѣ о женитьбѣ Гунтера на Брунхильдѣ послѣдняя живетъ въ Islant'ѣ, то здѣсь никакого перевода имени нѣтъ, такъ какъ оно и безъ того понятно и географически и этимологически. Такимъ образомъ, рѣчь можетъ быть только о славянскомъ переводѣ имени Islant, будто бы проникшаго къ южнымъ славянамъ вмѣстѣ съ сюжетомъ о Гунтерѣ и Брунхильдѣ, отразившимся на пѣсняхъ типа „Женитьба Душана". Но такой славянскій переводъ крайне подозрителенъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) для перевода собственнаго имени страны столько же мотивовъ, сколько для перевода собственныхъ именъ лицъ. При обработкѣ иностраннаго сюжета слагатели народныхъ эпическихъ пѣсенъ обыкновенно замѣняютъ чуждыя имена своими родными, вводя сюжетъ въ свой эпическій циклъ, либо подгоняютъ ихъ народной этимологіей подъ родныя сходныя по звукамъ слова; 2) если бы мы допустили уже сербскій переводъ имени Islant, то ожидали бы найти настоящій переводъ, то-есть лѐдна зѐмља или лѐдена зѐмља (ледяная страна), а не странное имя Леђан. Спрашивается, почему страна стала городомъ и притомъ *латинскимъ* (У Леђану граду латинскоме), почему далѣе отъ имени Леђан пошло прилагательное леђанско, прикрѣпляемое въ пѣсняхъ къ какому-то полю (Па он оде низ поље Леђанско [1])? Все это крайне загадочно. Но нужно еще доказать, что сербскій Леђан имѣетъ отношеніе къ нашему Леденцу. Вѣдь имя города Леденца встрѣчается только однажды въ нашемъ эпосѣ, только въ варіантѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ у Кирши Данилова. Въ пересказѣ у Рыбникова (II, № 31) вмѣсто города Леденца находимъ землю Веденецкую. „Леденецъ и Веденецкая земля, справедливо замѣчаетъ А. Н. Веселовскій, несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла — рѣшить трудно: можетъ-быть, Веденецкое вмѣсто Венедецкое? сл. въ Сказаніи о кіевскихъ богатыряхъ (рукопись Е. Барсова): камки венецкие, и въ нашей лѣтописи: „Корлязи, Вендици, Фрягове". Леденецъ легко бы объяснить

[1]) См. Словарь *В. С. Караджича*, s. v.

Digitized by Google

искаженіемъ Веденца" [1]). Это подозрѣніе, на нашъ взглядъ, весьма основательное, побуждаетъ насъ воздержаться отъ сближенія нашего Леденца съ южно-славянскимъ Леђан'омъ, какъ бы ни объяснялось имя послѣдняго. Не останавливаясь долѣе на географическихъ данныхъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ, замѣтимъ въ заключеніе, что они не даютъ никакихъ доказательствъ въ пользу южно-русскаго ея происхожденія.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми признаками былины о Соловьѣ Будимировичѣ, которые указываютъ на ея сѣверное (новгородское) происхожденіе. Посмотримъ теперь, противорѣчатъ ли этому предположенію результаты изслѣдованія ея содержанія и изложенія. Академикъ А. Н. Веселовскій видитъ въ былинѣ разсказъ о брачной поѣздкѣ, богато разукрашенный символикой нашихъ свадебныхъ пѣсенъ. Такъ, Соловей проситъ отвести ему загонъ земли „непаханой, неораной", въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орѣшеньѣ; онъ хочетъ вырубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвичества — садомъ виноградомъ [2]); игра жениха на гусляхъ, игра его съ невѣстой въ шахматы — черты символики любви; мѣсяцъ, солнце, звѣзды въ теремѣ напоминаютъ такой же параллелизмъ колядокъ и т. п. Словомъ, говоритъ А. Н. Веселовскій, брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ — разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символики" [3]). Усвоивъ этотъ взглядъ, проф. Халанскій развиваетъ его дальше. „Былина о Соловьѣ Будимировичѣ стоитъ въ самой тѣсной связи съ *великорусскими* свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняется какъ общій смыслъ былины, такъ и значеніе отдѣльныхъ частностей ея" [4]). Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ пріѣзжаетъ изъ-за моря, сваты являются купцами-корабельщиками, женихъ — соловьемъ, залетѣвшимъ въ садъ невѣсты, или строителемъ терема [5]); иногда онъ представляется играющимъ на гусляхъ, а невѣста слушающей его игру; иногда невѣста проигрываетъ жениху свою волюшку въ шахматы; иногда женихъ увозитъ суженую

---

[1]) Южно-русскія былины, II, стр. 77.

[2]) Тамъ же, I, стр. 67.

[3]) Южно-русскія былины, стр. 78.

[4]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 148.

[5]) Въ свадебной пѣснѣ изъ Архангельской губерніи, записанной *Ѳ. М. Истомынымъ*, женихъ, уподобляемый соловью, обѣщаетъ построить невѣстѣ въ саду сѣни новыя. См. Пѣсни русскаго народа, 1894, стр. 97 и слѣд.

Digitized by Google

на кораблѣ и т. п. Словомъ, по мнѣнію проф. Халанскаго, „связь былины о Соловьѣ Будимировичѣ со свадебной народной поэзіей такъ жива и такъ глубока, что не можетъ, кажется, имѣть мѣста мысль о литературномъ заимствованіи ея сюжета“ [1]). Однако дальнѣйшія изслѣдованія проф. Халанскаго заставили его значительно ограничить этотъ взглядъ. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ онъ указываетъ на замѣчательное сходство между былиной и книжной повѣстью о Василіи златовласомъ, королевичѣ чешской земли, при чемъ предпосылаетъ детальному сравненію слѣдующее замѣчаніе: „Большое сходство между этими произведеніями едва ли, впрочемъ, зависитъ отъ непосредственнаго вліянія перваго на вторую; по всей вѣроятности, оба восходятъ къ какому-то общему прототипу, заключающемуся въ обширномъ матеріалѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній“. Дѣйствительно, сходство и въ общемъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ бросается въ глаза [2]).

Отсылая къ подробному сравненію, сдѣланному проф. Халанскимъ, выдвинемъ лишь главныя черты сходства. Королевичъ Василій Прекрасный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиместры, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собой великіе дары и, переодѣтый простымъ матросомъ, ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу гость Василій) проситъ у короля мѣсто построить дворецъ близъ королевскихъ палатъ; дворецъ его дивно разукрашенъ; Василій-королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусляхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее притти къ себѣ во дворецъ. Слѣдуетъ наказаніе королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василья, и его отъѣздъ, хлопоты обезчещенной королевны о прощеніи, вторичный пріѣздъ Василья и свадьба. Сопоставленіе обоихъ произведеній приводитъ проф. Халанскаго къ слѣдующему новому взгляду: „Иностранное происхожденіе основы великорусской былины о Соловьѣ Будимировичѣ, при наличности столь сходной съ ней Повѣсти о Василіи Златовласомъ, должно быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ есть, слѣдовательно, передѣлка неизвѣстнаго западнаго сказанія о свадебной поѣздкѣ заморскаго витязя, быть-можетъ, царевича („Отъ того де *царя* вѣдь *заморскаго*“, варіантъ Кирши), прельщающаго невѣсту своей музыкой и великолѣпіемъ обстановки своей жизни“ [3]). Приведенныя же раньше самимъ проф.

---

[1]) Названное сочиненіе, стр. 160.

[2]) Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса, II, стр. 327.

[3]) Наз. соч., стр. 334.

Digitized by Google

Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсенъ къ былинѣ „теперь получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса подражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскимъ эпосомъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ“ [1]).

Новое объясненіе проф. Халанскаго и мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Дѣйствительно, я въ своемъ курсѣ по русскому народному эпосу (1892—1893 годовъ) уже проводилъ ту мысль, что сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былиной о Соловьѣ Будимировичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самого сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой-нибудь сказки. Вѣдь сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добываніи невѣстъ. Слагатели свадебныхъ пѣсенъ, иногда профессіональные пѣвцы, для пріукрашенія, идеализированія бытовой стороны, могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой-нибудь королевичъ пріѣзжаетъ свататься на пышномъ кораблѣ, строитъ, иногда по требованію отца невѣсты, чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ невѣсту, или женихъ является искуснымъ музыкантомъ, или играетъ въ шахматы, при чемъ невѣста является ставкой, и т. п. Можно согласиться съ словами проф. Халанскаго (въ первой его книгѣ), что „средства для созданія эпическаго образа (Соловья Будимировича) были всѣ у себя дома, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи“ [2]), но эти *домашніе* символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ, отчасти по крайней мѣрѣ, къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсенъ, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ, не найдется ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Въ настоящее время такая сказка указана проф. Халанскимъ въ старинной передѣланной съ иноземнаго (польскаго?) повѣсти о Василіи Златовласомъ, чешскомъ королевичѣ, и остается лишь точнѣе уяснить отношеніе повѣсти къ былинѣ. Проф. Халанскій покуда считаетъ лишь возможнымъ предположить, что обѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 335.

[2]) Великор. былины Кіевскаго цикла, 166.

Digitized by Google

восходятъ къ какому-то общему западному прототипу. Дѣйствительно, пока не выяснено отношеніе Повѣсти къ ея непосредственному оригиналу, еще не найденному [1]), трудно говорить опредѣлительно, легла ли именно она въ основу нашей былины, или только нѣкоторыми чертами своими повліяла на переработку былины, которая могла раньше содержать, при родственности сюжета, другія черты, или, наконецъ, обѣ восходятъ къ одному прототипу. Вѣроятно, впослѣдствіи эти вопросы уяснятся при помощи новыхъ находокъ въ области фольклора, а въ ожиданіи этого я пока могу обратить вниманіе на нѣкоторыя былинныя данныя, указывающія на извѣстность Повѣсти о Василіи Златовласомъ нашему сѣверному населенію, хранившему былины и вносившему въ нихъ при ихъ передачѣ нерѣдко черты изъ лубочныхъ сказокъ и рукописныхъ повѣстей. Такъ, мнѣ кажется вѣроятнымъ отношеніе былиннаго *прекраснаго* царя Василія Окульевича, похитителя Соломоновой жены, къ *прекрасному* Василію-королевичу. Припомнимъ, помимо *нѣкотораго* сходства въ обстановкѣ обоихъ разсказовъ, слѣдующія черты Повѣсти. Василій Златовласый, королевичъ, когда пришло ему время жениться, „желая сего еже бы ему такову супружницу поняти подобну себѣ красотою и мудростію и начатъ спрашивати купеческихъ людей, которые ѣздятъ по многимъ землямъ и царствомъ и королевствомъ, гдѣ кто знаетъ ему подобную дѣвицу красотой и разумомъ, и нѣкто отъ гостей, именемъ *Василій*“, разсказываетъ ему о дочери французскаго короля, какъ о дѣвицѣ его вполнѣ достойной. Сравнимъ съ этимъ начало былины о Василіи Окульевѣ изъ сборника Ефименка [2]). *Прекрасный* царь Василій Окульевичъ на пиру спрашиваетъ, не знаетъ ли кто изъ присутствующихъ для него невѣсты его достойной. На его запросъ откликается одинъ молодецъ по прозванію *Василій Пустоволосовичъ* и заявляетъ, что знаетъ для него невѣсту (жену Соломона). Не странно ли такое совпаденіе? И въ повѣсти и въ былинѣ женихъ называется Василіемъ *прекраснымъ*, и здѣсь и тамъ на вопросъ жениха даютъ отвѣтъ молодцы также Василія. Въ былинѣ второй Василій называется почему-то *Пустоволосовичъ*. Не реминисцен-

[1]) До сихъ поръ *Повѣсть* издана по одному лишь списку XVIII вѣка изъ бывшаго древнехранилища Погодина. См. Предисловіе къ изданію ея И. Шляпкина, «Памятники древней письменности». С.-Пб., 1882. Разборъ ея содержанія, но безъ указанія на сходство ея съ былиной о Соловьѣ Будимировичѣ, принадлежитъ академику А. Н. Веселовскому (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 62).

[2]) См. Былины стар. и нов. записи, II, № 67.

Digitized by Google

ція ли это Василія *Златовласаго* съ неудачнымъ перенесеніемъ искаженнаго признака (волосъ) на другого Василія?

Далѣе въ *Повѣсти* идетъ разсказъ о снаряженіи корабля, на которомъ ѣдутъ за невѣстой гость Василій и королевичъ Василій, первый въ качествѣ начальника, второй — переодѣтый матросомъ, но въ сущности главнымъ распорядителемъ-инкогнито. Въ былинѣ то же снаряженіе корабля для увоза Соломониды, но ѣдетъ одинъ Василій Пустоволосовичъ. Въ Повѣсти королевна Полиместра идетъ заманенная разсказомъ о диковинкахъ во дворецъ Василія Златовласаго; въ былинѣ Василій Пустоволосовичъ заманиваетъ диковинками Соломониду на свой корабль.

Конечно, изъ этихъ аналогій и совпаденій въ нѣкоторыхъ именахъ мы не станемъ выводить, что въ основѣ былины о Василіи Окульевичѣ лежитъ Повѣсть о Василіи Златовласомъ. Но нужно думать, что при однородности сюжетовъ между ними произошло соприкосновеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые сказители былины при сказываніи ея припоминали смутно нѣкоторыя черты Повѣсти о Василіи Златовласомъ и переносили ихъ въ былину. Такъ, напримѣръ, въ болѣе раннихъ версіяхъ былины царь-похититель Соломониды могъ называться иначе, и его посолъ не назывался Василіемъ, какъ въ варіантѣ Ефименка[1]). Но подъ вліяніемъ *Повѣсти,* гдѣ дѣйствуютъ *два* Василія, царь и посолъ одинаково получили (по крайней мѣрѣ въ пересказѣ Арханг. губерніи) это имя. Вѣроятно этимъ же вліяніемъ объясняется, что и былина о сватовствѣ князя Владимира (былина о Дунаѣ), представляя по своему началу (пиръ, вопросъ князя о достойной его невѣстѣ) нѣкоторое сходство съ былиной о Василіи Окульевичѣ, притянула къ себѣ въ нѣкоторыхъ пересказахъ имя Василія. Такъ, въ одномъ варіантѣ у Рыбникова[2]) Дунай, отправляемый сватомъ къ королю литовскому, беретъ съ собою *Василія* Казимировича, а послѣдній прихватываетъ еще *Василія паробка заморскаго.* Такимъ образомъ и здѣсь совершенно некстати оказалось *два* Василія, изъ которыхъ второй — заморскій — особенно напоминаетъ гостя Василія *Повѣсти*, который ѣздилъ по многимъ землямъ и царствамъ.

Такого рода слѣды вліянія книжныхъ повѣстей и лубочныхъ сказокъ на отдѣльные пересказы былинъ позволяютъ надѣяться, что при

---

[1]) Посолъ по другимъ варіантамъ называется Ивашка поваренный (Был. ст. и нов. зап., № 66).

[2]) I, № 31.

Digitized by Google

болѣе детальномъ знакомствѣ съ тѣми рукописными тетрадками, которыя до сихъ поръ ходятъ по рукамъ простонародья въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Томской), мы получимъ возможность объяснить нѣкоторыя детали былинныхъ текстовъ и составимъ себѣ болѣе отчетливое понятіе о процессѣ самаго сложенія былинъ, такъ какъ намъ уже давно стало ясно, послѣ наблюденій Гильфердинга, что сказитель былины является *до нѣкоторой степени* каждый разъ ея слагателемъ. Пока же ограничимся только тѣмъ выводомъ, что Повѣсть о Василіи Златовласомъ, хотя доселѣ извѣстная по одной рукописи, несомнѣнно ходила (быть-можетъ, ходитъ еще доселѣ) по рукамъ сказителей Архангельской и Олонецкой губерній и отразилась на нѣкоторыхъ пересказахъ былинъ о сватовствѣ или увозѣ невѣстъ.

Возвращаясь къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, замѣтимъ, что изслѣдованіе историко-литературной ея стороны не противорѣчитъ нашему предположенію о ея сѣверномъ (новгородскомъ) происхожденіи, а напротивъ, скорѣе подтверждаетъ его. Если въ основѣ ея лежитъ тотъ же западный прототипъ, который въ болѣе подробной обработкѣ находимъ въ переводной или передѣланной повѣсти о Василіи-королевичѣ Златовласомъ, то по пути съ Запада этотъ прототипъ былины, вѣроятно, не миновалъ того района Руси, который состоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Западной Европѣ. При обработкѣ этого сюжета въ былину, эпическіе, изстари установленные мотивы того края, гдѣ эта обработка совершилась, должны были наложить на нее свою печать. Такова выработавшаяся, конечно, въ новгородской эпикѣ картина чудеснаго корабля, пригодившаяся слагателю былины, такъ какъ въ сюжетѣ дѣло шло о морскомъ путешествіи за невѣстой. Пригодился, хотя бы только для обстановки, и другой эпическій образъ новгородскаго творчества. Это — обликъ матери Соловья Будимировича, той матерой вдовы, того типа властной, самостоятельной и уважаемой женщины, который, какъ я старался показать въ другой работѣ, возникъ на новгородской почвѣ, какъ эпическій отголосокъ новгородской культуры, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ верхнихъ классовъ, правами и вліяніемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ. Вглядимся въ фигуру матери Соловья: она надѣлена тѣми же чертами, какія характеризуютъ матерей новгородскихъ героевъ — Василія Буслаева, Хотѣна Блудовича [1]) и Добрыни

[1]) См. слѣдующій очеркъ.

Digitized by Google

Никитича. Въ одномъ пересказѣ (Кирши Данилова) она раздѣляетъ съ ними даже имя — *Амельфы Тимоѳеевны*. Сынъ относится къ матери съ тою любовью и почтеніемъ, какъ буйный Васька Буслаевъ или вѣжливый Добрыня Никитичъ. Мать сопровождаетъ любимаго сына на кораблѣ, она сидитъ въ роскошно устроенной рубкѣ, и дорогой сынъ

Игралъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшалъ свою родитель-матушку [1]).

По пріѣздѣ въ Кіевъ Соловей строитъ для матери роскошный особый теремъ, чтобы его веселая дружина не безпокоила ея. Въ этомъ теремѣ изъ уваженія къ матери-вдовѣ шепоткомъ говорятъ, ибо тамъ

«Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливатъ за сына за любимаго,
За млáдаго сына Гудимировà» [2]).

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ мать Соловья не носитъ имени: въ трехъ [3]) — она называется Ульяной Васильевной или Григорьевной; въ одномъ — сибирскомъ — Амельфой Тимоѳеевной. Совпаденіе трехъ пересказовъ въ имени Ульяны указываетъ на его прочность, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ районѣ (Толвуй, Пудога, Кижи), и нуждается въ объясненіи, такъ какъ имя Ульяны далеко не такое распространенное, какъ Марья, Авдотья, Анна и друг. Въ видѣ догадки могу предположить слѣдующее. Если мы припомнимъ, что въ изображеніи матери Соловья особенно подчеркнуто ея благочестіе (она постоянно молится за сына), то, быть-можетъ, выборъ имени для этой благочестивой матери объясняется извѣстностью въ народѣ имени Ульяны (Ульяніи) Муромской, этой идеальной жены и матери, пользовавшейся и при жизни, и по смерти высокимъ почетомъ на Руси за подвиги благочестія и беззавѣтной любви къ ближнимъ. Житіе Ульяніи, какъ извѣстно, подробно изложено въ книжной *Повѣсти* о ней, нерѣдко встрѣчающейся въ рукописяхъ. Ходила молва о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ ея гроба. Если мы вспомнимъ, что Ульянія скончалась въ 1604 году, то получаемъ приблизительную хронологическую дату для внесенія ея имени въ текстъ нѣкоторыхъ пересказовъ: вѣроятно, популярность Ульяніи, возросшая особенно послѣ ея смерти, подсказала сказителямъ имя для благочестивой и любящей матери Соловья Буди-

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 36. Столб. 173.

[2]) *Гильфердингъ*. Столбецъ 370; ср. столбцы 287, 954, 978. *Рыбниковъ*. II, стр. 191. III, стр. 192.

[3]) *Рыбниковъ*. I, 53; II, 31. *Гильфердингъ*, № 36.

Digitized by Google

мировича. Болѣе раннимъ ея именемъ, быть-можетъ, было общее эпическое имя Амельфы Тимоѳеевны, ушедшее въ Сибирь въ былинѣ, попавшей въ XVIII вѣкѣ въ сборникъ Кирши Данилова.

Введя въ былину эпическую матерь-вдову, слагатель, по крайней мѣрѣ въ дошедшей до насъ редакціи былины, не сумѣлъ дать ей какую-нибудь роль въ разсказываемомъ событіи.

Во всѣхъ олонецкихъ былинахъ мать Соловья только молится въ своемъ теремѣ и не принимаетъ никакого участія въ сватовствѣ сына. Только въ одномъ пересказѣ [1]) упоминается, что

«Матушка его поклонъ ведетъ
Къ молодой княгинѣ ко Опраксины,
Подаетъ тую камочку узорчатую».

Другіе пересказы не придаютъ матери никакой активной роли, такъ что является вопросъ, для чего, вообще, она была введена. На этотъ вопросъ, какъ на многіе другіе, дошедшія до насъ былины не даютъ возможности отвѣтить положительно. Имѣемъ ли мы здѣсь примѣръ утраты части содержанія или примѣръ непродуманности плана? Сибирская былина (Кирши Данилова) одна умѣетъ мотивировать присутствіе матери: она взята, очевидно, чтобы дать сыну совѣтъ относительно невѣсты, и когда она провѣдала о слишкомъ поспѣшномъ обмѣнѣ перстнями Соловья съ Запавой, то властно вступилась и свадьбу *посрочила*:

«Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгуешься,
Тогда и на Запавѣ женишься».

Однако, мы не можемъ быть увѣрены, что сибирская запись прошлаго вѣка сохранила намъ былину именно въ ея древнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Отъѣздъ Соловья за море по желанію матери, увѣреніе князя Владимира коварнымъ Давидомъ *Поповымъ* въ несчастіи, постигшемъ жениха его племянницы, готовящаяся свадьба Запавы съ Давидомъ Поповымъ, возвращеніе Соловья, его переодѣванье и узнанье невѣстой, насмѣшка надъ неудачей Попова („Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать!") — все это такъ близко совпадаетъ съ разсказомъ о предупрежденномъ выходѣ замужъ жены отсутствующаго Добрыни за Алешу Поповича, что естественно является предположеніе, не прикрѣпилъ ли сибирскій сказитель это окончаніе, пользуясь готовымъ

---

[1]) *Рыбниковъ*, III, стр. 189.

Digitized by Google

образцомъ, просто изъ желанія распространить былину, которая, справедливо, представлялась ему слишкомъ бѣдной дѣйствіемъ.

Резюмируя предложенныя выше замѣчанія, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Былина о Соловьѣ Будимировичѣ — одна изъ новеллъ новгородской эпики — представляетъ переработку какого-то сказочнаго сюжета о свадебной поѣздкѣ въ былину кіевскаго цикла. На личностяхъ героя и его матери отразились черты новгородскихъ эпическихъ типовъ (Садка, Амельфы), планъ былины особенно близокъ къ былинѣ о Садкѣ, описаніе корабля взято изъ пѣсеннаго запаса, какъ передвижная эпическая картинка. Время созданія приблизительно XV и XVI вѣка, хотя имя Соловья Будимировича, быть-можетъ, старинное эпическое. Наконецъ, присутствіе прелюдіи (прибаутки) указываетъ на „веселыхъ людей", старинныхъ скомороховъ, какъ на ея исполнителей и, быть-можетъ, слагателей, отъ которыхъ, съ паденіемъ скоморошества, былина перешла къ олонецкимъ сказителямъ.

Digitized by Google

Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ [1]).

Былина о Хотѣнѣ Блудовичѣ не была до сихъ поръ предметомъ спеціальнаго анализа. О ея сюжетѣ и личности Хотѣна Блудовича, не встрѣчающейся ни въ одномъ другомъ эпическомъ сюжетѣ, наши изслѣдователи говорили какъ бы мимоходомъ, распространяясь больше о характерѣ разсказаннаго въ былинѣ происшествія, чѣмъ о тѣхъ вопросахъ, которые представляются главными при анализѣ каждаго литературнаго народнаго произведенія, то-есть вопросахъ о времени ея сложенія и районѣ ея распространенія. „Исторія Хотѣна Блудовича, — говоритъ П. А. Безсоновъ, — есть внутренняя исторія древняго города, накипь разбогатѣвшей и досужей столичной жизни, въ ея обыденности, съ ея общественными и семейными отношеніями, съ ея своеобразнымъ щегольствомъ и соблазномъ, ежедневными радостями и бѣдами, среди князей и княжичей, бояръ и дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей и всѣхъ посадскихъ людей. Лицо Хотѣна довольно безцвѣтно: онъ поднялся богатыремъ и возведенъ на поприще богатырской дѣятельности благодаря только спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцовъ, воспитаніемъ дѣтей, средствами ихъ жизни; это начало и зародышъ послѣдующаго мѣстничества, борьбы сословій, пытавшихся подняться надъ остальнымъ народомъ, съ своими узкими интересами" [2]). Однако этому „зародышу послѣдующаго (московскаго) мѣстничества" г. Безсоновъ, повидимому, склоненъ придать очень солидную древность. Онъ считаетъ Хотѣна сыномъ того воеводы Блуда, который измѣнилъ Ярополку въ интересахъ князя Владимира въ 980 году. „Лѣтопись подъ 980 годомъ говоритъ, что за услугу Владимиръ обѣщалъ Блуду — „имѣть тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене", послѣ чего ниже лѣтописецъ прибавляетъ: „Блудъ преда князя своего, и пріимъ отъ него чьти многи". Сообразно тому, — продолжаетъ г. Безсоновъ, — и пѣсня передаетъ о сынѣ Блуда Хотѣнѣ: „Многіе

[1]) Напечат. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1895 г., № 3.
[2]) Пѣсни *Кирѣевскаго*, вып. IV, стр. LV.

Digitized by Google

пожитки остались ему отъ своего родимаго батюшки"; и сама вдова его называется „честно-Блудова жена". Но со смертью временщика пала и слава его: его стали называть „мужище-Блудище", и знатный родъ не помѣшалъ въ сынѣ его видѣть „уродища", искавшаго только, гдѣ бы хорошенько пообѣдать: въ этомъ завязка исторіи Хотѣна" [1]). Такимъ образомъ отчество Блудовичъ и наличность князя Владимира казались проф. Безсонову достаточной гарантіей сѣдой древности сложенія былины о Хотѣнѣ. Никакихъ сомнѣній въ исконной принадлежности Хотѣна къ богатырямъ Владимирова цикла изслѣдователю не представляется. Такія сомнѣнія не являлись и у другихъ изслѣдователей эпоса въ 60-хъ годахъ при неподорванномъ еще критикой понятіи о чудесахъ народной памяти, господствовавшемъ въ средѣ романтиковъ-народности. Взглядъ Безсонова на древность Былины или, по крайней мѣрѣ, ея основы раздѣлялъ и О. Миллеръ [2]). Огромный хронологическій скачокъ, отъ временъ Владимира къ московскому періоду, сдѣлалъ проф. Халанскій. Онъ, не колеблясь, относитъ Хотѣна Блудовича къ числу богатырей московскаго времени: „Былина о Хотѣнѣ, — говоритъ онъ, — переноситъ насъ въ среду чваннаго и спесиваго московскаго боярства, съ его вѣчными пустыми спорами о мѣстничествѣ". Она принадлежитъ къ числу такихъ, въ которыхъ „Кіевъ и Владиміръ не болѣе какъ псевдонимы, такъ что господствующее мнѣніе о принадлежности ихъ кіевскому періоду русской исторіи не имѣетъ за собою ни малѣйшаго основанія" [3]).

Въ виду того, что оба взгляда на былину и ея героя не основаны на болѣе или менѣе подробномъ анализѣ ея содержанія и деталей, считаемъ не лишнимъ предложить нѣкоторыя соображенія о мѣстѣ и времени ея происхожденія, предпославъ имъ разборъ ея содержанія.

Личность Хотѣна не принадлежитъ къ числу популярныхъ въ нашемъ эпосѣ: онъ является дѣйствующимъ лицомъ только въ одной былинѣ и притомъ, судя по числу и мѣсту записей, не особенно распространенной. Изъ 16-ти извѣстныхъ намъ записей 14 принадлежатъ олонецкому былинному репертуару [4]), 1 происходитъ изъ Онеги [5]), 1 оказалась въ сборникѣ, приписываемомъ Киршѣ Данилову,

---

[1]) Назв. соч., стр. LVII.

[2]) Илья Муромецъ, стр. 363 и слѣд. «Это повѣсть временъ родовыхъ съ позднѣйшимъ наслоеніемъ варяжско-дружиннымъ» (стр. 369).

[3]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 144.

[4]) *Рыбниковъ*, I, 43, 44 (52); II, 22; III, 28; IV, 7, 8. *Гильфердингъ*, №№ 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308.

[5]) *Кирѣевскій*. Вып. IV, стр. 72 и слѣд.

Digitized by Google

то-есть принадлежала сибирскому репертуару XVIII вѣка [1]). Итакъ въ настоящее время Хотѣнъ извѣстенъ только нѣкоторымъ сказителямъ Олонецкой и Архангельской губерній и былъ не безызвѣстенъ сибирскимъ сказителямъ прошлаго столѣтія. За предѣлами названныхъ губерній ни одна запись былины о Хотѣнѣ не попала въ печать. Малоизвѣстность Хотѣна видна и изъ того, что его имя обыкновенно не встрѣчается тамъ, гдѣ перечисляются богатыри при Владимирѣ или въ дружинѣ Ильи Муромца на заставѣ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ лишь одна запись сюжета о гибели богатырей на Сафатъ-рѣкѣ. Это — извѣстная запись поэта Л. Мея, сдѣланная имъ въ 1840 году отъ сибирскаго казака Ивана Андреева и напечатанная въ первый разъ въ *Сынѣ Отечества,* 1856 г., № XXVII, стр. 96 и слѣд. Запись, перечисляющая въ началѣ „семь удалыхъ русскихъ *витязей (!)*", изобилуетъ до такой степени литературными подправками, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скорѣе похожа на *переложеніе,* чѣмъ на простую запись. И вотъ въ ней одной упоминается Годенко Блудовичъ въ обществѣ Василія Казимировича, Василія Буслаевича, Ивана Гостинаго сына (о которомъ, замѣтимъ, какъ о *богатырѣ,* не знаетъ нашъ эпосъ), Алеши Поповича, Добрыни и казака Ильи Муромца [2]). Не заподозрѣвая точности Л. Мея, можемъ только предположить, что сказитель въ данной былинѣ случайно вставилъ имя Годена, чтобы пополнить число *семи* богатырей, такъ же случайно, какъ имя Ивана Гостинаго или Василія Буслаева, никогда не являющагося въ дружинѣ Ильи Муромца.

Недостаточность количества записей не искупается и качествомъ послѣднихъ. Изъ 16 пересказовъ только 3 [3]) отличаются нѣкоторою полнотою; остальные неудовлетворительны либо по неполнотѣ, либо по явнымъ искаженіямъ, либо по вставкамъ. Изложимъ содержаніе по наиболѣе полной редакціи, держась ближе всего пересказа сказителя Іевлева (*Рыбниковъ,* IV, № 7).

Былина открывается обычнымъ пиромъ у князя Владимира въ Кіевѣ. На пиру честна Блудова вдова налила чару меду сладкаго, подошла къ честной вдовѣ Часовой и, поднося ей чару, посваталась

На честной дѣвицѣ на Чайной Часовичной
За своего за сына за любимого,
За того Хотенушку за Блудовича.

---

[1]) *Кирша Даниловъ,* № 16; перепечатана въ пѣсняхъ *Кирѣевскаго,* вып. IV, стр. 68 и слѣд.

[2]) Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ,* III, стр. 108.

[3]) *Рыбниковъ,* IV, № 7 и 8; *Гильфердингъ,* № 308.

Digitized by Google

Выслушавъ сватанье, Часовая вдова взяла чару, плеснула ее Блудовой въ очи и облила ей шубу камчатную. Затѣмъ стала позорить ея мужа и сына:

«Какъ твой былъ мужище-то Блудище:
Блудъ блудилъ по Новугороду;
А сынище-то твой уродище:
Ѣздитъ по городу, уродуетъ
Со своимъ съ паробкомъ любимымъ,
Ищетъ бобоваго зернышка,
А гдѣ бы-то Хотену обѣдъ снарядить».

Въ другихъ пересказахъ Часовая вдова говоритъ, что она рода именитаго, княженецкаго, а Блудова роду нищетнаго, кошельчата [1]). Далѣе Часовая выхваляетъ затворничество своей дочери и ея защитниковъ 9 братьевъ, которые ѣздятъ въ чистомъ полѣ полякуютъ:

«Полонятъ они Хотенку во чистомъ полѣ,
И привяжутъ ко стремени сѣдяльному,
И привезутъ Хотенку ко мнѣ на лицо:
Захочу — его кладу въ повары,
Захочу — кладу его въ конюхи,
Захочу — продамъ на боярскій дворъ».

Огорченная и обезчещенная Блудова идетъ домой. встрѣчаетъ сына, который разспрашиваетъ ее, что съ нею, и подробно разсказываетъ ему объ обидѣ, полученной на пиру отъ Часовой.

„Я ей эту насмѣшку отсмѣюсь“, говоритъ Хотѣнъ, беретъ съ собой паробка любимаго и ѣдетъ къ терему, гдѣ сидитъ Чайна Часовична. Онъ ударяетъ такъ сильно палицей булатной по терему, что сломалъ ворота, сбилъ верхушку, развалилъ печку, разбилъ окна. Затѣмъ онъ самъ сватается, сопровождая сватанье угрозою, что если Чайна съ чести за него не пойдетъ, онъ силою возьметъ ее за своего паробка. Настращавъ дѣвицу, Хотѣнъ ѣдетъ въ поле, ставитъ шатеръ и ложится отдыхать, приказавъ паробку стоять ко Новгороду, глядѣть ко Кіеву и, когда подъѣдутъ братья Чайны, разбудить его. Однако паробокъ не разбудилъ Хотѣна, поѣхалъ одинъ на встрѣчу Часовичамъ, первыхъ трехъ конемъ потопталъ, трехъ другихъ копьемъ скололъ, трехъ братьевъ въ полонъ взялъ и привезъ къ шатру Хотѣнову. Проснувшись, Хотѣнъ попрекнулъ паробка, что онъ его не разбудилъ, и затѣмъ поѣхалъ съ плѣнниками къ Часовой вдовѣ. Увидѣвъ подъѣзжающаго Хотѣна, она насыпала чашу красна золота, другую чиста серебра, третью скатна жемчуга и отнесла къ князю

[1]) *Рыбниковъ*, IV, № 8; *Гильфердингъ*, № 164.

Digitized by Google

Владимиру, чтобы онъ далъ ей воинскую силу (40.000). Увидя подходящую силу, Хотѣнъ устрашилъ ее грозными словами и, вмѣсто того, чтобы драться, велѣлъ ей перевязаться поясами, вернуться домой и кричать, что ихъ всѣхъ забралъ въ плѣнъ Хотѣнъ Блудовичъ. Наемная сила послѣдовала его приказу. Тогда Часовая опять бросилась къ Владимиру и просила его назвать ея дочь своею родною племянницей и выдать за Хотѣна. Князь Владимиръ завелъ пиръ и на немъ упрекнулъ Хотѣна за то, что онъ смѣется надъ его родной племянницей Чайной Часовичной. Однако Хотѣнъ не сдался тотчасъ: онъ поставилъ среди княжескаго двора свой костыль (въ другихъ пересказахъ копье) и сказалъ князю, что тогда только возьметъ за себя его племянницу, когда онъ обсыплетъ костыль съ низу до верху златомъ и серебромъ и отпишетъ ему, Хотѣну, семь городовъ. Въ другихъ пересказахъ обсыпаетъ золотомъ копье не князь, а вдова Часовая [1]). Иногда обсыпанья копья нѣтъ, и Хотѣнъ, по ходатайству князя, ведетъ Чайну въ Божью церковь [2]).

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя подробности былины по варіантамъ.

Имя героя варьируется по пересказамъ: Хотенъ, Хотинъ, Хотенушка [3]), Хотей [4]), Котенушка [5]), Горденъ [6]), Котёнко [7]), Фотенчикъ Збудовичъ [8]), Ѳадей Игнатьевичъ [9]), наконецъ, въ одной былинѣ (Рыбниковъ, III, 52) похожденіе Хотѣна приписано Дюку Степановичу. Наиболѣе устойчива форма Хотѣнъ, которая, повидимому, принадлежала основной былинѣ: изъ нея можно объяснить ласкательныя съ перемѣной Х на К: Хотенушка, Котенушка, Котенко; изъ ея видоизмѣненія Хотей произошла форма Ѳадей (съ переходомъ Х въ Ф, какъ въ формѣ Фотенчикъ). Имя Горденъ у Кирши Данилова явилось изъ желанія отмѣтить *гордость* богатыря и, несмотря на старину записи, не внушаетъ довѣрія.

Имя Хотѣнъ, по словамъ проф. А. И. Соболевскаго (*Живая Старина*, 1890, Вып. II, стр. 101), довольно распространенное въ древней

---

1) *Рыбниковъ*, IV, № 8.
2) *Гильфердингъ*, № 308.
3) *Гильфердингъ*, № 84 = *Рыбниковъ*, I, 43.
4) *Гильфердингъ*, № 308; *Рыбниковъ*, IV, № 8.
5) *Рыбниковъ*, III, 28.
6) *Кирша Даниловъ*, № 16.
7) *Гильфердингъ*, № 19, 164.
8) *Гильфердингъ*, № 282.
9) *Гильфердингъ*, № 277.

Digitized by Google

Руси. Одинъ Хотѣнъ упоминается въ писцовой книгѣ Шелонской пятины 1584—1585 г.; извѣстны современныя русскія мѣстныя названія деревень *Хотѣново* (3 въ Ярославской и по одной во Владимирской, Костромской, Олонецкой и Тверской губерніяхъ). Происхожденіе имени отъ глагола *хотѣть* (какъ Жданъ при ждати) подтверждается областнымъ прилагательнымъ *хотѣнъ*. Нужно думать, что слагатель былины чувствовалъ эту связь имени Хотѣна съ глаголомъ и что оно представлялось ему удачнымъ для характеристики богатыря, либо какъ *желаннаго*, единственнаго сына, либо какъ человѣка съ сильной волей, твердо настаивающаго на своемъ хотѣньѣ (срав. варіантъ Хотѣй). Отчество *Блудовичъ*, только въ 3-хъ плохихъ пересказахъ замѣненное отчествомъ Збудовичъ, Игнатьевичъ, говоритъ въ пользу исконности формы Блудова вдова и устраняетъ другія формы: Збудова, Блудна. Наиболѣе архаичной формой имени вдовы-соперницы представляется *Часова;* въ формѣ Чесова̀ звукъ *а* перешелъ въ *е* вслѣдствіе сильнаго ударенія на конечномъ *а*. Едва ли въ основной былинѣ вдовы носили имена при отчествахъ, хотя въ одномъ пересказѣ (впрочемъ, плохомъ) при отчествахъ поминаются и имена: *Авдотья* Блудова и *Маринка* Часова (Гильфердингъ, № 19). Больше разнообразія въ имени дочери вдовы Часовой: всего чаще она называется Чайна Часовична [1]); затѣмъ встрѣчаются имена: Офимья [2]), Катерина [3]), Устинушка [4]), Авдотья [5]), Чадиночка [6]). Думаемъ, что исконнымъ именемъ было Чайна, то-есть Чаяна (отъ глагола чаять), имя, представляющее какъ бы параллель къ имени Хотѣна: какъ онъ единственный *желанный* сынъ, такъ она единственная *чаянная* дочка, которой родители не могли начаяться, дождаться. Если это такъ, то самый выборъ именъ сына и дочери интересенъ: это имена съ извѣстной мыслью, такъ сказать, тенденціозныя, вродѣ Стародумовъ, Правдиныхъ, Честоновъ, Милоновъ сцены XVIII вѣка. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, и отчество Блудовичъ дано Хотѣну, какъ кличка по шерсти: вспомнимъ, какъ, по словамъ Часовой, онъ „уродуетъ“ по городу. Впрочемъ, имя Блудъ, какъ личное, хорошо засвидѣтельствовано, помимо Блуда Ярославова воеводы, котораго, конечно, нѣтъ надобности привлекать, какъ отца Хотѣна. Отмѣ-

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, № 7, 8; II, 22. *Гильфердингъ*, №№ 164 и 19.
[2]) *Рыбниковъ*, I, 44; III, 28.
[3]) *Кирѣевскій*, IV, 72.
[4]) *Гильфердингъ*, № 126.
[5]) *Кирша Даниловъ*, № 16.
[6]) *Гильфердингъ*, № 308.

Digitized by Google

тимъ, напримѣръ, въ виду дальнѣйшихъ соображеній, что въ Новгородѣ существовала улица *Блудова* [1]).

Въ изложенномъ выше пересказѣ не Хотѣнъ, а его паробокъ является виновникомъ смерти сыновей Часовой вдовы. Но въ значительномъ числѣ варіантовъ онъ самъ убиваетъ шестерыхъ Часовичей и трехъ беретъ въ плѣнъ [2]). Послѣ такой кровавой расправы съ Часовичами Хотѣну, по взгляду нѣкоторыхъ сказителей, неудобно было жениться на ихъ сестрѣ. И вотъ для соблюденія нѣкотораго нравственнаго приличія въ одномъ пересказѣ (изъ Онеги) была сдѣлана вставка, интересная для насъ тѣмъ, что она характеризуетъ матеріалъ, изъ котораго черпали сказители мотивы, вносимые въ былины. Помня сказки о живой и мертвой водѣ и о ея добываніи, сказитель придумалъ этимъ способомъ оживить убитыхъ Часовичей. Когда Часова вдова, лишившись сыновей, покорилась, поднесла Хотѣну золота, скатна жемчуга, ширинку и назвала его зятемъ любимымъ, Хотѣнъ поворачивалъ коня въ чисто поле, отсѣкъ коню голову, выпустилъ внутренности и залегъ внутри коня. Прилетѣли вороны клевать внутренности, Хотѣнъ схватилъ молодого ворона за ногу; старый воронъ человѣчьимъ голосомъ сталъ просить Хотѣна отпустить вороненка, и Хотѣнъ обѣщалъ исполнить его просьбу, если онъ принесетъ ему живой и мертвой воды. Добывъ такимъ образомъ воду, Хотѣнъ оживилъ своего коня и шурьяковъ, послѣ чего сыгралъ свадьбу [3]).

Разсмотримъ теперь нѣкоторыя бытовыя черты, содержащіяся въ былинѣ, и поищемъ въ нихъ отвѣта на вопросъ о мѣстѣ и времени ея сложенія.

Былина разсказываетъ о городскомъ событіи, но не государственнаго, а частнаго, семейнаго значенія. Начинается скандаломъ, произведеннымъ за пиромъ у князя богатой вдовой; скандалъ ведетъ къ мщенію: за мать вступается сынъ, совершаетъ насиліе, убійства, но кое-какъ дѣло улаживается при вмѣшательствѣ князя. Это — безсмѣнный эпическій князь Владиміръ, и событіе совершилось въ его столѣномъ городѣ. Какимъ же представленъ князь Владиміръ, какую роль заставляетъ его играть слагатель былины? Точно такую, какую играетъ князь Владиміръ въ былинахъ о Чурилѣ или Дюкѣ. Это не могу-

---

[1]) *Красовъ, Ив.*, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, 1851. См. *Москвитянинъ*, 1851, декабрь, стр. 465.

[2]) *Рыбниковъ*, IV, 8; I, 44; II, 22; *Гильфердингъ*, 282, 308; *Кирѣевскій*, IV, 72 и слѣд.

[3]) *Кирѣевскій*, IV, стр. 76 и слѣд.

Digitized by Google

щественный, но ласковый князь, угощающій своихъ богатырей и дающій имъ порученія, а иногда и сажающій ихъ въ погреба глубокіе. Это князь почти безъ значенія. У него на пиру, передъ его глазами поссорились двѣ богатыя вдовы: одна плескаетъ въ другую виномъ и позоритъ ея родъ. А князь какъ бы въ сторонѣ: о его, казалось бы, необходимомъ вмѣшательствѣ нѣтъ и помину. Онъ не оскорбленъ скандаломъ, не вступается за обиженную гостью, и она, обезчещенная, идетъ домой. За нее вступается сынъ. Очевидно, въ городѣ князя Владимира полное самоуправство. Какъ Чурило со своими молодцами насильничаетъ надъ княжескими людьми, такъ Хотѣнъ, по словамъ Часовой, ѣздитъ по городу *уродуетъ* и, чтобы отомстить за обиду матери, ломаетъ терема Часовой, убиваетъ или беретъ въ плѣнъ ея сыновей, требуетъ за нихъ выкупа, прогоняетъ посланныхъ противъ него княжихъ людей, наконецъ, когда князь назвался дядей Чайны, заставляетъ его обсыпать копье или костыль золотомъ, — и князь все это терпитъ, уступая по первому слову и Хотѣну и Часовой вдовѣ, которая настаиваетъ, чтобы онъ устроилъ пиръ и ходатайствовалъ за Чайну предъ расходившимся городскимъ насильникомъ. Въ одномъ пересказѣ былины (*Гильфердингъ*, № 19) дѣло доходитъ то того, что когда Часова проситъ князя Владимира похлопотать передъ Котёнкомъ Блудовымъ, чтобы онъ взялъ ея дочь за себя, а не за своего паробка, Котёнко иронически говоритъ о князѣ:

«Кто же отъ бѣды да откупается, —
Стольной князь да накупается»

и былина кончается тѣмъ, что

«Прирубилъ онъ, прирубилъ да до единой головы
У Маринушки да Часовой вдовы,
Ай сплѣнилъ-то онъ девять сыновъ,
Покорилъ-то стольнаго князя Владимира,
Взялъ Чайну дѣвицу Часовичну
Замужъ за служку за Панютушку».

Очевидно, слагатель былины о Хотѣнѣ прихватилъ князя Владимира въ свою пѣсню какъ эпическое имя, пользуясь для былинной обработки новаго сюжета общеизвѣстнымъ зачаломъ о пирѣ князя Владимира въ Кіевѣ. Но этотъ „псевдонимъ“ покрываетъ не московскія, а новгородскія представленія о князѣ, и все событіе, разсказанное былиной, носитъ яркія черты городской жизни Великаго Новгорода въ періодѣ, предшествовавшемъ его политическому паденію. Дѣйствительно, по разгулу и самоуправству Хотѣнъ Блудовичъ живо

Digitized by Google

напоминаетъ Ваську Буслаева: онъ однимъ съ нимъ масломъ мазанъ. Вдова Часова даетъ ему тотъ же аттестатъ, который получаетъ Васька отъ новгородскихъ мужиковъ. И аттестатъ оказывается вѣренъ. Какъ Васька со своими присными Потанюшкой, Васенькой Хроменькимъ или Ѳомушкой разгоняетъ всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, такъ Хотѣнъ со своимъ паробкомъ любимымъ избиваетъ Часовичей и прогоняетъ цѣлую рать князя или мужиковъ-должниковъ вдовы Часовой. Немудрено, что по сходству личностей и, какъ я предполагаю, новгородскому же происхожденію былины о Хотѣнѣ, и любимымъ паробкомъ Хотѣна оказывается какой-то *Панюточка* [1]), вѣроятно, тотъ же *Потанюшка* въ нѣсколько перевранной формѣ имени. Замѣтимъ тутъ же, кстати, что названіе *паробокъ* было именно въ новгородскомъ краѣ обычнымъ названіемъ для челядинцевъ [2]). Продолжимъ дальше параллель между Васькой Буслаевымъ и Хотѣномъ. У Васьки, не вѣрящаго ни въ сонъ ни въ чохъ, есть одна высокосимпатичная черта: онъ слушается одной матерой вдовы Амельфы Тимоѳеевны, своей матушки родимой. Хотѣнъ также высоко уважаетъ мать: онъ совершаетъ всѣ свои подвиги, чтобы отомстить за ея обиду. Нѣкоторые пересказы даже кончаются тѣмъ, что онъ приводитъ къ матери Чайну Часовну и говоритъ:

«Свѣтъ государынь моя матушка!
Эту насмѣшку ты ей отсмѣйся,
И втрое ты, вдвое и впятеро,
Хоть въ портмойницы клади, хоть въ бѣломойницы [3]).

Какъ въ былинѣ о Василіи Буслаевѣ дѣйствующимъ лицомъ, прекращающимъ своимъ авторитетнымъ словомъ кровопролитіе, является женщина, мать Василія, такъ почти главная роль въ былинѣ о Хотѣнѣ принадлежитъ двумъ честнымъ вдовамъ: одна сильна и родомъ, и богатствомъ, и девятью сыновьями, другая находитъ защиту у своего единственнаго удальца-сына. Эти честны вдовы нисколько не похожи на московскихъ затворницъ-боярынь, которымъ и не было бы мѣста на княжемъ пиру съ богатырями: это женщины самостоятельныя, властныя и вліятельныя. Такіе типы, какъ мать Васьки Буслаева или Часова-вдова, могли быть извѣстны только въ Новгородѣ, гдѣ женщины въ высшемъ классѣ пользовались гораздо большей свободой и въ семьѣ

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 19, *Рыбниковъ*, I, 44; II, 22.

[2]) *Никитскій*, Очерки экономической жизни Великаго Новгорода, стр. 45. Паробокъ у Хотѣна упоминается въ былинахъ *Рыбникова*, I, 43, III, 28, IV, 7.

[3]) *Гильфердингъ*, № 282, ср. 308.

Digitized by Google

и въ обществѣ, чѣмъ въ отатарившейся Москвѣ. По однимъ пересказамъ, какъ мы видѣли, Часова-вдова княжескаго рода, даже сестра Владимира: этимъ объясняется, что она получила отъ него силу ратную, которую высылаетъ на Хотѣна. Но иногда сказители объясняютъ себѣ иначе, и опять-таки согласно съ условіями новгородской жизни, появленіе ратной силы въ распоряженіи Часовой. Часовая, какъ богатая женщина, называемая иногда купецъ-жена [1]), имѣетъ многихъ должниковъ. Когда понадобились ей люди на Хотѣна, она

«Бросалась въ сундуки окованыя,
Вымала вѣдь записи крѣпкія,
По которымъ были денежки раздаваны,
Собрала мужиковъ своихъ должниковъ:
— А вы мужики, мои должники!
Убейте Хотѣя во чистомъ поли,—
Во всѣхъ то васъ денежкахъ Господь проститъ» [2]).

Въ другомъ пересказѣ говорится, что Часова-вдова

Богатая бабища была упрямая,
Она наняла силы сорокъ тысячей [3]).

Итакъ, вотъ какого происхожденія сила Часовой: это не „дружина хоробрая“ княжеская или земская, а наемники, которыхъ богатому человѣку, боярину или купцу, всегда можно было набрать за плату среди новгородской буйной вольницы. Такъ и Васька Буслаевъ набираетъ себѣ шайку удальцовъ, выставивъ чаны зелена вина у себя на дворѣ.

Такимъ образомъ, хотя въ былину о Хотѣнѣ введенъ князь Владиміръ, хотя дѣйствіе совершается въ Кіевѣ, но это эпическое пріуроченіе крайне слабо и неискусно. Чувствуется, что слагатель представлялъ себѣ общественныя отношенія и условія своего города: номинальнаго князя безъ сильной дружины, богатыхъ боярскихъ или купеческихъ вдовъ, гульливыхъ молодцевъ-повольниковъ, „уродующихъ“ по городу со своими паробками, мужиковъ, находящихся по долгамъ въ зависимости у богачей и всегда готовыхъ по ихъ зову предоставить свои кулаки въ ихъ распоряженіе, и т. п. Все это живо напоминаетъ общественный складъ Новгорода. Немудрено поэтому встрѣтить въ одномъ изъ лучшихъ пересказовъ былины о Хотѣнѣ такую странную обмолвку. Дѣйствіе пріурочено къ Кіеву, а, по словамъ Часовой, отецъ Хотѣна жилъ въ Новгородѣ:

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 43 = *Гильфердингъ*, № 84; *Рыбниковъ*, III, 28.
[2]) *Гильфердингъ*, № 308, ср. № 282.
[3]) *Рыбниковъ*, IV, № 8.

Digitized by Google

«Дойдетъ ли Чайну Часовичну взять за себя,
За своего Хотенушку за Блудовича!
Какъ твой былъ мужище-то Блудище:
Блудъ блудилъ по *Новугороду*» [1]).

И та же обмолвка съ очень неудачной подправкой встрѣчается въ томъ же пересказѣ нѣсколько дальше:

И поѣхалъ Хотенка во чисто поле,
Пораздернулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился во шатрикъ спать,
А паробка поставилъ ко бѣлу шатру:
«Стой-ко, паробокъ, ко Новугороду,
«Востренько гляди ко городу ко Кіеву
«Какъ выѣдутъ Часовичи въ чисто поле» [2]).

Можетъ-быть, Новгородъ сохраненъ здѣсь, какъ слѣдъ болѣе ранней редакціи, а поправка внесена кіевскимъ пріуроченіемъ. Есть одинъ пересказъ любопытный тѣмъ, что въ немъ не упоминается пиръ у князя Владимира, хотя дѣйствіе совершается въ городѣ Кіевѣ: „Честной“ пиръ идетъ неизвѣстно у какого лица, и о Владимирѣ нѣтъ помину [3]). Можетъ-быть, и здѣсь слѣды не полнаго пріуроченія къ кіевскому циклу. Во всякомъ случаѣ личность князя Владимира настолько второстепенна, что сказитель (Кузьма Романовъ) могъ о ней и забыть. Былина разсказываетъ, что вдова Часовая наняла силу „подневольную“ и послала девятерыхъ сыновей противъ Хотѣна.

«Силу эту ёнъ въ полонъ забралъ,
А наемныхъ всѣхъ прирубилъ-пригубилъ,
А девять сыновей подъ мечъ склонилъ».

Наконецъ, въ одномъ пересказѣ [4]) событіе разсказано безъ всякаго пріуроченія къ Кіеву и князю Владимиру: городъ, гдѣ ведется пиръ, и лицо, которое его задаетъ, не названы.

Кромѣ вышеуказанныхъ бытовыхъ чертъ, въ пользу новгородскаго происхожденія былины можно привести еще слѣдующее наблюденіе. Уже въ „Экскурсахъ“ [5]) я обратилъ вниманіе на то, что новгородскій эпосъ не зналъ богатырей, и даже это имя не встрѣчается въ новгородскихъ старинахъ. Подтвержденіе этому находимъ и въ разсматриваемой былинѣ: ни въ одномъ изъ ея 16-ти пересказовъ сказители не прикрѣпили къ имени Хотѣна названія *богатырь*. Онъ называется

---

[1]) *Рыбниковъ*, IV, № 7, стр. 37.
[2]) Тамъ же, стр. 40.
[3]) *Рыбниковъ*, II, 22.
[4]) *Гильфердингъ*, № 227.
[5]) Стр. 227.

Digitized by Google

либо молодымъ Хотѣнушкой Блудовичемъ, либо добрымъ молодцемъ, согласно съ тѣми же эпитетами сходнаго съ нимъ по типу Васьки Буслаева. Кіевское пріуроченіе, явившееся механически вмѣстѣ съ обычнымъ пиромъ Владимира, привело только къ тому, что въ началѣ нѣкоторыхъ былинъ [1]), какъ *общее мѣсто,* упоминаются на пиру „князья-бояры и сильные могучіе богатыри"; но въ дальнѣйшемъ разсказѣ не называются поименно никакіе богатыри Владимира, и слово богатырь вообще вовсе не встрѣчается. Нельзя не отмѣтить и отсутствія другого понятія, характеризующаго такъ называемый богатырскій эпосъ, былины кіевскаго цикла. Въ былинѣ о Хотѣнѣ не упоминается „дружина хоробрая". Когда вдова Часовая проситъ у Владимира помощи, она говоритъ ему:

«Ай же ты, солнышко, Владимиръ стольно-кіевскій!
Ты пришли-ка даровья драгоцѣнныя,
Дай-ка мнѣ *силушки шесть полковъ*
Поимать молода Хотёна честно-Блудова» [2]).

Въ другихъ пересказахъ, гдѣ кромѣ сыновей Часовой дѣйствуетъ посторонняя помощь, она называется либо просто *силой* [3]), либо это мужики-должники [4]), либо бурлаки [5]).

Разсмотрѣвъ бытовую сторону былины о Хотѣнѣ, резюмируемъ выводы, которые представляются намъ вѣроятными относительно района ея происхожденія и времени ея сложенія.

Сюжетъ ея представляетъ мало чудеснаго и сказочнаго, такъ что едва ли можно питать надежду уяснить литературную исторію этого сюжета какими-нибудь иноземными сказочными или пѣсенными параллелями. Пѣсня разсказываетъ о ссорѣ двухъ городскихъ фамилій, начавшейся на пиру и кончившейся дракой, убійствомъ и свадьбой. Все это несложное событіе разсказано съ такими реальными жизненными чертами, хотя кое-гдѣ и пріукрашенными фантазіей, что намъ представляется вѣроятной „историческая" основа былины. Думаемъ, что нѣчто близкое къ содержанію былины дѣйствительно произошло въ Новгородѣ: одинъ изъ такихъ городскихъ скандаловъ, въ которомъ фигурировали представители выдающихся фамилій, почему-либо надѣлалъ много шума и въ свое время былъ разсказанъ пѣснью.

---

[1]) *Гильфердингъ,* № 126, 164, 282; *Рыбниковъ,* IV, 7, 8.
[2]) *Рыбниковъ,* I, 44, стр. 259.
[3]) *Рыбниковъ,* IV, 7, 8.
[4]) *Гильфердингъ,* № 308, 282.
[5]) *Гильфердингъ,* № 164.

Digitized by Google

Матеріалъ для пѣсни былъ данъ самымъ событіемъ, характеръ же ея опредѣлялся вкусами слагателя и городской публики, падкой до скандаловъ. Слушателямъ нравился разсказъ, какъ двѣ честныя вдовы поругались на пиру, какъ удалой добрый молодецъ отомстилъ за насмѣшку надъ отцомъ и матерью, какъ онъ унизилъ богатую гордую вдову и заставилъ ее смириться. Пикантность пѣснѣ придавало то обстоятельство, что слушатели знали о комъ идетъ рѣчь и раздѣляли симпатіи слагателя къ удалому молодцу. Спрашивается, однако, почему въ пѣснѣ новгородской (какъ мы предполагаемъ) оказывается кіевское пріуроченіе, котораго не находимъ въ былинахъ о Садкѣ и Василіи Буслаевичѣ. Гипотетическимъ отвѣтомъ на это могло бы быть слѣдующее. Нельзя ли предположить, что первый слагатель пѣсни, одинъ изъ городскимъ поэтовъ, счелъ нужнымъ замаскировать лица, предоставивъ ихъ узнать догадкѣ слушателей. На такой пріемъ какъ-будто намекаютъ имена, похожія на подобранныя съ цѣлью: Хотѣнъ Блудовичъ, Чайна. Впослѣдствіи же, когда пѣсня уже считалась старою, когда городское событіе, лежавшее въ ея основѣ, было давно забыто, какой-нибудь изъ сказителей ввелъ Хотѣна, какъ умѣлъ, въ кіевскій циклъ, прикрѣпивъ пѣсню ко Владимиру обычнымъ пиромъ и разукрасивъ ее гиперболическими чертами. Но это прикрѣпленіе, какъ мы видѣли, сдѣлано на живую нитку и могло не проникнуть во всѣ ходившіе въ народѣ изводы пѣсни. Предполагаемую передѣлку старинной пѣсни въ былину Владимирова цикла я склоненъ приписать скоморохамъ, которые между прочимъ завѣдывали и эпическимъ репертуаромъ и по профессіи занимались такой работой. Нѣкоторыя интересныя черты былины, нравившіяся грубоватымъ вкусамъ слушателей, могли побудить „веселыхъ людей“ внести старинную пѣсню въ свой репертуаръ и наложить на нее свой пошибъ. Быть-можетъ, по скоморошьей традиціи, одинъ изъ хорошихъ сказителей, пѣвшихъ былину о Хотѣнѣ Рыбникову (Сарафановъ), окончилъ ее слѣдующей юмористической присказкой:

«И още на томъ на почестномъ пиру
Жена мужу говоритъ таковы слова:
Всѣ люди сидятъ, будто свѣчки горятъ.
Мой-то мужъ на покрасу сѣлъ,
Бороду закуситъ, усъ разлощитъ,
Усъ разлощитъ, глаза вытаращитъ.
Глядитъ на меня, будто чортъ на попа,
А я на него помилѣе того» [1]).

Рыбниковъ, III, № 28, стр. 147.

Digitized by Google

Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ [1]).

Иванъ Гостиный принадлежитъ къ dii minores нашего эпоса. До года изданія 3-го выпуска пѣсенъ П. Кирѣевскаго (61 г.) объ Иванѣ Гостиномъ извѣстны были только двѣ былины: одна въ сборникѣ Кирши Данилова (№ 4), другая — записанная въ фрагментарномъ состояніи Кирѣевскимъ въ Валдайскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Когда вскорѣ затѣмъ Рыбниковымъ, а за нимъ Гильфердингомъ былъ открытъ богатый былинный репертуаръ Олонецкой губерніи, обоимъ изслѣдователямъ удалось записать не болѣе 5 варіантовъ былины объ Иванѣ Гостиномъ и притомъ отъ сказителей довольно посредственныхъ. Въ репертуарѣ выдающихся знатоковъ былинъ — Рябинина, Калинина, Романова, Касьянова, Фепонова, Прохорова, Щеголенка и др. — былины объ этомъ лицѣ не оказалось. Это уже одно свидѣтельствуетъ о томъ, что похожденіе Ивана Гостинаго не пользовалось широкой популярностью. Дѣйствительно, былина о немъ почти лишена дѣйствія: Иванъ Гостиный не совершаетъ никакихъ подвиговъ; онъ только счастливый собственникъ чудеснаго коня, превосходящаго всѣхъ коней князя Владимира. Весь интересъ былины сосредоточивается на сценаріи: описаніи коня, приготовленіи его къ состязанію и выигрышѣ заклада, даже безъ скачки. Такая былина могла представлять интересъ, главнымъ образомъ, среди любителей и цѣнителей лошадей. Иванъ Гостиный — эпическій предокъ богатаго россійскаго купечества, увлекающагося лошадинымъ спортомъ. Самъ по себѣ онъ всего менѣе герой, такъ какъ находится въ полной зависимости отъ своего бурушка косматаго, который служитъ ему службу, какъ многочисленнымъ другимъ Иванамъ нашихъ сказокъ. Почему одинъ изъ такихъ сказочныхъ эпизодовъ, краткихъ и малосодержательныхъ, получилъ такъ называемый moule épique, былъ обработанъ въ былину Владимирова цикла — это вопросъ, на который мы едва ли когда-нибудь найдемъ положи-

---

[1]) Напечат. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1896 г., № 4.

Digitized by Google

тельный отвѣтъ. Конечно, мы можемъ предполагать, какъ академикъ А. Н. Веселовскій, что дошедшая до насъ былина о состязаніи Ивана Гостинаго съ Владиміромъ конями только эпизодъ, отторгнутый отъ болѣе подробнаго разсказа о похожденіяхъ этого лица, но эти предположенія, какъ увидимъ ниже, заслуживаютъ болѣе вниманія по остроумію и смѣлости комбинацій, чѣмъ по доказательности.

Несмотря на существованіе пяти олонецкихъ записей и одной новой сибирской (С. И. Гуляева), до сихъ поръ варіантъ Кирши Данилова можетъ считаться болѣе полнымъ и долженъ быть поставленъ на первое мѣсто при возстановленіи древнѣйшаго вида былины. Припомнимъ его содержаніе и затѣмъ разсмотримъ другія записи.

Обычный пиръ у князя Владимира въ Кіевѣ. Князь вызываетъ желающаго состязаться въ скачкѣ съ его 300 жеребцовъ и особенно съ тремя похвалеными:

«Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И которой полоненъ воронко̀ въ Большой ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Какъ у мо̀лода Тугарина Змѣевича».

Скакать надо изъ Кіева до Чернигова „промежъ обѣдней и заутренею". Обычное хороненіе большаго за меньшаго нарушается тѣмъ, что присутствующій на пиру Иванъ Гостиной сынъ принимаетъ княжескій вызовъ. Повторивъ полностью слова князя объ его жеребцахъ, онъ бьется о великъ закладъ,

— Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
О своей буйной головѣ. —

За князя Владимира держатъ поруки крѣпкія во 100 тысячахъ не только князья и бояре, но и гости корабельщики, повидимому, ближайшіе товарищи такого же гостя Ивана; за Ивана поручился одинъ владыка черниговскій, почему-то очутившійся на пиру у князя въ Кіевѣ и почему-то заинтересовавшійся такимъ спортомъ, неприличествующимъ высокой духовной особѣ. По совершеніи *письменнаго* акта, Иванъ идетъ въ конюшню, падаетъ своему бурочкѣ-косматочкѣ-троелѣточкѣ въ право копытечко, плачетъ, что рѣка течетъ, и разсказываетъ коню о своемъ закладѣ. Конь человѣческимъ голосомъ говоритъ Ивану, что онъ не боится ни сива жеребца ни кологрива, а въ задоръ войдетъ и у воронка уйдетъ. Затѣмъ даетъ хозяину такое наставленіе:

— Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои

Digitized by Google

И сорочинскимъ пшеномъ корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные,
И тѣ часы урочные,
Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
По тебя-то Ивана Гостинаго,
Чтобы бѣгати-скакати на добрыхъ коняхъ,—
Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану, де, я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На всѣ стороны побрасывати,
Князи-бояра подивуются.
И ты будешь живъ, шубу наживешь,
А не будешь живъ, — будто нашивалъ.—

Иванъ сдѣлалъ все по приказу коня. Его бурушка, выхватывая копытами по соболю изъ шубы, рявкалъ притомъ по-туриному и шипѣлъ по-змѣиному. Эффектъ произошелъ поразительный:

Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ Золоту орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ;
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе
Окарачъ они по двору наползалися;
А Владимиръ князь съ княгинею печаленъ сталъ,
. . . . . .
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
Уведи ты уродья со двора долой:
Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраныя .

Эти слова понимаемъ мы такъ, какъ О. Миллеръ, то-есть, что князь объявляетъ закладъ съ обѣихъ сторонъ упраздненнымъ, то-есть дѣлаетъ попытку отказаться отъ обязательства [1]). Но въ пользу Ивана принимаетъ мѣры его поручитель.

---

[1]) *Простъ* въ значеніи *порожній, пустой;* срав. рублемъ *простъ* сталъ, — то-есть, утраченъ рубль. Что ступишь то рублемъ простъ. См. Толковый словарь Даля s. v.

Digitized by Google

Втапоры владыка Черниговскій,
У великаго князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими:
— А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.—

Отмѣтимъ нѣкоторыя черты этой записи прошлаго столѣтія.

При перечисленіи трехъ похваленыхъ жеребцовъ князя Владимира упоминается, какъ лучшій, воронко, отнятый Ильей Муромцемъ у Тугарина Змѣевича въ Большой Ордѣ. Это — любопытное указаніе на извѣстность слагателю одного изъ варіантовъ той старинной былины, которая дошла до насъ въ записяхъ XVII и XVIII вѣковъ и разсказываетъ о поѣздкѣ русскихъ богатырей, съ Ильей Муромцемъ во главѣ, въ Царьградъ, гдѣ Илья беретъ въ плѣнъ Тугарина и отбираетъ у него коня. Современному былинному репертуару Олонецкой губерніи этотъ сюжетъ неизвѣстенъ, но на прежнюю извѣстность его указываетъ нахожденіе рукописной записи XVII вѣка этой былины въ Турчасовской волости Олонецкой губерній [1]). Можно поэтому предположить, что варіантъ Кирши попалъ въ Сибирь еще въ то время, когда былина о похожденіи Ильи съ Тугариномъ, именно о полоненіи Ильею чуднаго коня, входила въ репертуаръ сѣверныхъ сказителей. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что другая *сибирская* же запись былины объ Иванѣ Гостиномъ сохранила ту же подробность о происхожденіи третьяго коня Владимирова. По этой былинѣ, записанной Гуляевымъ [2]), князь говоритъ:

«Кто изъ васъ, бояры, охочъ пиво пить?
Кто изъ васъ охочъ пить зелено вино?
Кто изъ васъ охочъ пить сладкій медъ?
Кто охочъ скакать на добромъ конѣ,
Отъ Кіева скакать до Чернигова
Тридевяносто мѣрныхъ верстъ,
Съ моимъ-то со первымъ синегривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то со вторымъ кологривымъ жеребцомъ,
Съ моимъ-то третьимъ полоненымъ воронкомъ,
Который полоненъ въ хороброй Литвѣ
У татарина Тугарина Измѣевича?
Полонилъ воронка Илья Муромецъ,
Воронкомъ онъ князя жаловалъ».

Царьградъ (Богатырское Слово), Большая Орда (Кирша Даниловъ) и Литва (Гуляевъ) свободно замѣняютъ другъ друга: извѣстно, что наша эпическая географія во всѣхъ этихъ мѣстахъ знаетъ татаръ.

---

[1]) См. *Е. Барсова* — Богатырское слово, стр. 5.

[2]) Русскія былины старой и новой записи, отд. II, стр. 190 и слѣд.

Digitized by Google

Въ отличіе отъ обѣихъ сибирскихъ былинъ и старинныхъ записей XVII и XVIII вѣковъ, современныя олонецкія былины уже не знаютъ, что лучшій конь князя Владимира принадлежалъ прежде Тугарину Змѣевичу. Только одна запись (Гильфердингъ, № 307 Швецова), называющая Ивана Гостинаго Иваномъ Годиновичемъ и посадившая вмѣсто князя Владимира въ Кіевѣ князя Ивана Васильевича, запомнила „полоненаго воронка Ильи Муромча", хотя уже не знаетъ, у кого онъ былъ полоненъ. Позволяемъ себѣ вывести, что разсмотрѣнная подробность обѣихъ сибирскихъ записей (Кирши Данилова и Гуляева) черта древняя, принадлежавшая первоначальной редакціи былины.

Другая интересная черта варіанта Кирши Данилова — роль владыки Черниговскаго: онъ одинъ беретъ на поруки Ивана Гостинаго. Въ другихъ записяхъ [1]) былины упоминается письменный договоръ съ рукоприкладствомъ, но не говорится о личныхъ поручителяхъ. Однако, по странному капризу памяти, сказитель именно того одного варіанта, въ которомъ Иванъ названъ *Годиновичемъ* и Владимиръ замѣненъ Иваномъ Васильевичемъ, упомнилъ подробность о поручительствѣ, причемъ, horribile dictu, мѣсто почтеннаго владыки Черниговскаго занимаютъ личности всего менѣе почтенныя:

Написали записи крѣпкія,
Къ записямъ-то руки прикладывали,
По князѣ-то всѣ поручаются,
По Иванѣ-то никто не поручается,
Поручилося двѣ голи двѣ кабацкія [2]).

Введя такихъ поручителей, слагатель долженъ былъ ихъ отблагодарить. Получивъ съ князя „золоту казну", Иванъ

Зашелъ въ конторы питейныя,
Откупилъ двѣ бочки зелена вина:
«Гой вы есть мои поручители!
Пейте зелено вино безденежно» [3]).

Введеніе голей кабацкихъ какъ въ эту, такъ и въ другія былины должно быть отнесено на счетъ работы старинныхъ „веселыхъ людей скомороховъ", внесшихъ въ изобиліи кабацкій и гривуазный элементъ въ нашъ былевой эпосъ. А что скоморохи дѣйствительно внесли былину объ Иванѣ Гостиномъ въ свой репертуаръ, это видно изъ

---

[1]) *Рыбниковъ*, III, № 34; *Гильфердингъ*, № 135.
[2]) *Гильфердингъ*, столбецъ 1307.
[3]) Тамъ же, столбецъ 1309.

Digitized by Google

весьма типическаго запѣва, которымъ открывается былина въ варіантѣ, записанномъ въ Новгородской губерніи:

«Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро̀ пива было̀:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте» и т. д.).

Немудрено, что какой-нибудь скоморохъ, другъ-пріятель голей кабацкихъ, выдвинулъ ихъ на почетное мѣсто поручителей за Ивана на княжескомъ пиру въ Кіевѣ. Посадилъ ли сказитель голей кабацкихъ прямо на мѣсто какого-нибудь иного поручителя — трудно сказать. Можно только думать, что въ наиболѣе древнемъ изводѣ былины поручители упоминались, и что въ противоположность другимъ записямъ запись Кирши Данилова, а также Гильфердинга № 307 сохранила черту старины. Отмѣтимъ, что роль владыки Черниговскаго не unicum въ нашемъ эпосѣ: тотъ же владыка, при сходныхъ обстоятельствахъ, держитъ одинъ противъ всѣхъ сторону Алеши Поповича, когда этотъ богатырь вызываетъ на бой Тугарина Змѣевича въ Кіевѣ:

Втапоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги
И всѣ за Тугарина поруки держатъ,
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесятъ, крестьяне по пяти рублевъ,
Тутъ же случилися гости купеческіе,—
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ владыка Черниговскій [1]).

Это мѣсто въ былинѣ изъ того же сборника Кирши Данилова можетъ служить комментаріемъ къ поступку владыки Черниговскаго въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ. Очевидно, въ послѣдней былинѣ недоговорено, что гости-корабѐльщики „три корабля свои подписывали“ подъ князя Владимира въ его закладѣ съ Иваномъ Гостинымъ. Эти самые 3 корабля, когда князь проигралъ пари, велитъ владыка Черниговскій захватить на быстромъ Днѣпрѣ, не довѣряя честности гостей-корабельщиковъ, при чемъ заявляетъ, что князья и бояре (поручившіеся не товарами, а деньгами) никуда отъ насъ (то-есть вла-

---

[1]) *Кирѣевскій*, III, стр. 1.
[2]) *Кирша Даниловъ* № 7 = *Кирѣевскій*, II, стр. 77.

Digitized by Google

дыки и Ивана) не уйдутъ. Личность владыки Черниговскаго съ его властною ролью въ Кіевѣ уже забыта въ олонецкихъ записяхъ былины объ Иванѣ Гостиномъ, но сохранилась, какъ черта старины, судя по сборнику Кирши Данилова, въ сибирской колоніи нашего эпоса.

Для исторіи позднѣйшей передѣлки былины объ Иванѣ Гостиномъ, постигшей ее въ устахъ олонецкихъ сказителей въ періодъ, послѣдовавшій за перенесеніемъ ея въ Сибирь, имѣетъ значеніе и присутствіе купецкаго элемента въ варіантѣ Кирши Данилова: на пиру у князя Владимира сидятъ не только князья-бояре и русскіе могучіе богатыри, но и гости-корабельщики, которыхъ корабли съ товарами заморскими стоятъ на Днѣпрѣ. Ни въ одной изъ олонецкихъ записей эти гости торговые не упоминаются. Спрашивается, внесены ли они сибирскимъ сказителемъ въ XVIII вѣкѣ или, наоборотъ, позабыты олонецкими, другими словами, присутствовали ли гости-корабельщики въ древнѣйшемъ изводѣ былины. Я склоненъ думать, что въ олонецкихъ варіантахъ въ данномъ случаѣ произошла утрата старинной черты подъ вліяніемъ обычнаго зачина былинъ кіевскаго „богатырскаго“ эпоса. Въ огромномъ большинствѣ этихъ былинъ, гдѣ разсказъ идетъ о подвигахъ того или другого богатыря, находимъ вылившуюся въ установленную форму эпическую картину пира Владимира съ князьями-боярами, русскими могучими богатырями или паленицею удалою. Въ такихъ былинахъ съ *боевымъ* содержаніемъ купцамъ, гостямъ-торговымъ нѣтъ мѣста. Немудрено, что при значительномъ вліяніи стереотипныхъ эпическихъ картинокъ въ нашемъ устномъ эпосѣ въ данномъ случаѣ олонецкіе сказители опустили одну характерную подробность былины объ Иванѣ, подобно тому, какъ глухое воспоминаніе о личномъ поручителѣ за Ивана побудило дать эту роль двумъ голямъ кабацкимъ. Труднѣе было бы объяснить мотивы, по которымъ сибирскій сказитель XVIII вѣка вставилъ въ свой пересказъ былины гостей-корабельщиковъ и владыку Черниговскаго, если бы этихъ личностей не было въ древнѣйшей редакціи. Нельзя не отмѣтить, что и въ наличныхъ олонецкихъ записяхъ купецкій элементъ еще не вывѣтрился окончательно. Самъ герой былины *Гостиный* сынъ: коня своего онъ пріобрѣлъ не богатырскимъ способомъ, а куплею, какъ торговый человѣкъ, имѣющій дѣло съ иностранными землями. О своемъ конѣ онъ говоритъ князю:

Есть у меня маленькой бурушко,
Селяточкомъ купленъ былъ *за моремъ*,

Digitized by Google

За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
Съ пошлиной съ провозомъ сталъ въ тысящу [1]).

Такимъ образомъ Иванъ Гостиный хорошо знакомъ съ купецкими дѣлами, съ покупкой за моремъ, съ пошлиной и съ провозомъ. Какъ богатый гость, онъ щеголяетъ дорогимъ костюмомъ — шубой соболиной въ три тысячи съ пуговками въ пять тысячей. Мало того, какъ купецъ-самодуръ, щеголяетъ пренебреженіемъ къ драгоцѣнной одеждѣ. Ему хочется произвести эффектъ богатствомъ:

Сталъ онъ коня по двору поваживать,
Сталъ конь его за шубку похватывать,
По черному соболю подергивать,
Тутъ всѣ собрались князи-бояра,
Всѣ стоятъ, всѣ дивуются,
Всѣ говорятъ таково слово:
— Глупый Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортитъ твою шубу добрый конь:
— Этой бы ты шубой подарилъ князя Владимира,
— Онъ простилъ бы тебя во великой вины.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ имъ не съ упадкою:
«Глупые вы, князи и бояра!
«Живъ молодецъ, — шубу наживу,
«А помретъ молодецъ, — шубу держивалъ» [2]).

Здѣсь съ одной стороны купецкое щеголянье богатствомъ, съ другой — взглядъ бояръ на Ивана, какъ на купца, который, по обычаю, долженъ былъ бы роскошную вещь поднести князю.

Согласно съ купецкимъ обычаемъ, и закладъ Ивана съ княземъ носитъ дѣловой характеръ. Въ большинствѣ пересказовъ тщательно отмѣчается, что договоръ заключается на *письмѣ* съ рукоприкладствомъ:

Тутъ скоро написали письма крѣпкія
И приложили ручки бѣлыя [3]).

Имѣя въ виду эти „купецкія“ черты современныхъ олонецкихъ пересказовъ, думаемъ, что варіантъ Кирши Данилова, упоминающій на ряду съ этими подробностями еще корабельщиковъ на пиру Владимира и личнаго поручителя за Ивана, сохранилъ черты большей древности.

При обзорѣ олонецкихъ варіантовъ былины мы можемъ ограничиться лишь такими отдѣльными подробностями, которыхъ нѣтъ въ

[1]) *Гильфердингъ*, № 307, столб. 1307.
[2]) *Рыбниковъ*, III, стр. 199.
[3]) *Рыбниковъ*, III, 198, ср. *Гильфердингъ*, №№ 135, 307. *Кирша Даниловъ*, № 7.

Digitized by Google

былинѣ Кирши Данилова, и поставить вопросъ, входили ли они въ основной изводъ.

Такъ, въ фрагментарномъ варіантѣ, записанномъ Кирѣевскимъ въ Новгородской губерніи, изображается скачка коня Ивана Гостинаго. но не взапуски съ конями князя Владимира, а въ Кіевъ, хотя неизвѣстно откуда.

Онъ бѣгомъ побѣгалъ по пятидесятъ верстъ,
Скокомъ поскакалъ по семидесятъ верстъ.
Въ тотъ ли то городъ Кіевскій,
Въ Кіевскій въ Володимирскій:
Засипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному:
Вся это вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменнымъ полатамъ разбѣжалися...[1])

Въ пересказѣ у Кирши Данилова Иванъ Гостиный не скачетъ на конѣ ко двору князя, но ведетъ его „за шелковъ поводокъ". Такимъ же способомъ доставляетъ Иванъ Гостиный коня въ варіантахъ Гильфердинга №№ 133, 135. Но въ пересказахъ Гильфердинга № 307, Рыбникова, III, стр. 199, и Былинъ старой и новой записи, № 55, Иванъ *пріѣзжаетъ* къ князю на своемъ конѣ. Кажется, *приведеніе* коня архаичнѣе: оно болѣе удобно для дальнѣйшей детали, именно той, что ведомый на поводу дикій конь выхватываетъ ударами копытъ по черному соболю изъ шубы пѣшаго хозяина. Чтобы сохранить эту оригинальную подробность, сказителю Андрею Иванову (или его учителю) пришлось нѣсколько распространить разсказъ: конь Ивана выхватываетъ у него по соболю изъ шубы, въ то время когда хозяинъ водитъ его на поводу по своему двору, куда, конечно, понадобилось привести и князей-бояровъ, такъ какъ иначе безъ такихъ свидѣтелей поступокъ коня былъ бы безцѣленъ. Затѣмъ уже на другой день Иванъ осѣдлываетъ коня и скачетъ на немъ ко двору князя[2]). Другой сказитель (или его источникъ) Швецовъ заставляетъ Ивана, прискакавъ на княженецкій дворъ не воротами, а прямо черезъ стѣну городовую, поставить коня середи двора и „порывать" (то-есть попихивать) его шубой соболиною, при чемъ цѣль попихиванья не ясна, такъ какъ сказитель не упомянулъ о выдергиваніи конемъ соболей изъ шубы. Наконецъ, неизвѣстный сказитель варіанта, записаннаго Гуляевымъ въ Барнаулѣ, увлекшись, какъ и раньше названные, готовой эпической

[1]) *Кирѣевскій*, III, стр. 4.
[2]) *Рыбниковъ*, III, стр. 198 и 199.

Digitized by Google

картинкой сѣдланія коня и скачки черезъ стѣну, не сумѣлъ сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Андрей Ивановъ, картину порчи конемъ соболиной шубы своего хозяина. Позволяемъ себѣ вывести, что эта подробность принадлежала древнѣйшей редакціи былины.

Въ одномъ только олонецкомъ пересказѣ (Швецова), съ Иваномъ Годиновичемъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ и съ голями-поручителями, оказывается у Ивана Годиновича матушка родимая, которая по возвращеніи его съ пира ставитъ ему обычные эпическіе вопросы:

«Что же ты не веселъ, не радошенъ пришолъ?
Мѣсто было тебѣ не по разуму,
Али чара-то была развѣ не рядовая,
Княгиня въ пиру развѣ обезчестила тебя?

Иванъ разсказываетъ ей о своемъ закладѣ, и она даетъ ему совѣтъ пойти въ конюшню и пасть коню въ ноги [1]).

Не трудно догадаться, что мать внесена сюда по эпической аналогіи, вѣроятнѣе всего изъ былинъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ, которому мать даетъ извѣстный совѣтъ. Выводить изъ одного, и притомъ довольно плохого, варіанта, что мать принадлежала основному изводу, нѣтъ основанія.

Наконецъ, въ одномъ пересказѣ (Рыбниковъ, III, № 34, стр. 200) за обычнымъ концомъ слѣдуетъ еще добавка. Расплатившись съ Иваномъ Гостинымъ, князь Владиміръ говоритъ ему:

— Душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Подарки-тко мнѣ добра коня:
— Мнѣ-ка князю не на комъ повыѣхать.
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ ему не съ упадкою:
«Ты Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Мой конь купленъ въ Большой Орды,
Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
Развѣ Владиміра конемъ подарить?»
Какъ подарилъ Владиміра добрымъ конемъ,
Владиміръ князь стольно-кіевскій
Сказалъ своимъ конюхамъ:
— Подите-тко, мои конюхи,
— Возьмите вы коня добраго
— Душки Ивана Гостинаго,
— Сведите въ конюшню бѣлодубову,
— Кормите пшеной бѣлояровой
— И пойте медомъ сладкіимъ.
Скоро прибѣгаютъ его конюхи,

[1]) *Гильфердингъ*, № 307, столб. 1307.

Digitized by Google

Творятъ жалобу великую:
«Конь душки Ивана Гостинаго
Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
И засвисталъ онъ по змѣиному,
И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ».
Владимиръ князь стольно-кіевскій
Сказалъ душки Ивану Гостиному:
— Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобенъ, поѣзжай домой! [1])

Относительно этой развязки можно согласиться съ мнѣніемъ акад. А. Н. Веселовскаго, что она „несомнѣнно собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣриный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былины, гдѣ онъ впервые является во дворѣ князя; что онъ купленъ жеребеночкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная; одинъ изъ коней, состязающихся съ бурушкой, „полоненъ... въ Большой Ордѣ“ [2]). Прибавимъ, что противъ исконности такой развязки говоритъ уже то обстоятельство, что она встрѣчается только въ одномъ, и притомъ довольно плохомъ, пересказѣ. Въ основной редакціи, согласно со всѣми прочими варіантами, дѣло кончалось немедленнымъ отъѣздомъ Ивана Гостинаго изъ Кіева послѣ выиграннаго заклада.

Просмотрѣвъ всѣ записи былины, мы можемъ повторить убѣжденіе, высказанное уже раньше, что наиболѣе близкой къ основной редакціи оказывается запись XVIII вѣка, вошедшая въ сборникъ Кирши Данилова. Всѣ записи XIX вѣка представляютъ старинную былину на разныхъ ступеняхъ послѣдовательнаго искаженія, состоящаго частью въ утратѣ нѣкоторыхъ подробностей, частью во введеніи новыхъ, почерпнутыхъ изъ готоваго эпическаго матеріала. Поэтому эта запись и особенно тѣ черты ея, которыя раздѣляются другими, можетъ дать наиболѣе надежный матеріалъ для изученія бытовой стороны былины и заключеній о мѣстѣ и времени ея сложенія.

Въ прежнее время, при господствѣ представленія о чудесности народной памяти, изслѣдователи эпоса могли бы указать въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ цѣлый рядъ такихъ деталей, которыя прикрѣпляютъ ее къ кіевскому періоду нашей исторіи. Не говоря уже о князѣ Владимирѣ и Кіевѣ, былина помнитъ городъ Черниговъ, даетъ цифровое указаніе его разстоянія отъ Кіева, помѣщаетъ владыку черниговскаго

[1]) *Рыбниковъ*, III, стр. 201.
[2]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 42.

Digitized by Google

за столомъ у кіевскаго князя и заставляетъ владыку захватить корабли съ товарами на Днѣпрѣ. Все это какъ будто точныя географическія указанія, какъ будто намеки на историческія отношенія Кіева къ Чернигову въ XI или XII вѣкѣ. Можно припомнить обширную торговлю Кіева, собиравшую въ его пристани корабли съ привозными товарами; можно припомнить соперничество черниговскаго и кіевскаго стола и этимъ объяснить поступокъ черниговскаго владыки. Но едва мы отрѣшимся отъ мысли объ обиліи кіевскаго наслѣдія въ современныхъ былинахъ и отъ увѣренности въ чрезвычайной сохранности нашего устнаго эпоса, какъ всѣ эти географическіе и хронологическіе устои окажутся весьма шаткими.

Для слагателя древнѣйшаго типа былины объ Иванѣ, дальше котораго мы не имѣемъ возможности итти, Черниговъ былъ такимъ же эпическимъ городомъ, какъ Кіевъ. Имя Чернигова дошло дѣйствительно какъ эпическій отголосокъ къ позднимъ сѣвернымъ слагателямъ былинъ такъ называемаго „кіевскаго" цикла, но эти слагатели уже ничего не знали объ этомъ городѣ, отторгнутомъ отъ Руси въ теченіе трехъ столѣтій (со 2-й половины XIV вѣка до 1654 года). Нерѣдкое упоминаніе его на ряду съ Кіевомъ въ старинныхъ пѣсняхъ, указаніе на его богатство вводило въ представленіе какого-нибудь скоморохабахаря XVI или XVII вѣка только такія черты: Черниговъ — городъ старый, богатый, лежащій гдѣ-то недалеко отъ Кіева. Эти неопредѣленныя черты не стѣсняли, по незнанію географіи и исторіи, его воображенія: онъ могъ говорить о королѣ черниговскомъ [1]), о какой-то черниговской рѣкѣ или горѣ, смотря по требованію своего сюжета. Историческій новгородецъ Ставръ пріѣзжаетъ въ Кіевъ изъ стольнаго града Чернигова, гдѣ осталась его жена [2]), и получаетъ этотъ городъ въ даръ отъ князя Владимира [3]). Такъ была приспособлена несомнѣнно старинная новгородская пѣсня къ былинамъ Владимирова цикла. Нѣтъ основанія думать поэтому, что тотъ же городъ въ былинѣ объ Иванѣ представляетъ древнее кіевское наслѣдіе и что слагатель, вводя въ дѣйствіе владыку черниговскаго, руководился какимъ-нибудь историческимъ воспоминаніемъ о значеніи именно этого владыки въ старинныя времена. Однако все же роль владыки черниговскаго въ этой и другихъ былинахъ настолько характерна, что нуждается въ объясненіи. Замѣчательно, что во всѣхъ былинахъ, гдѣ онъ выводится, онъ

[1]) *Кирѣевскій*, III, 111.
[2]) *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, № 55, стр. 12.
[3]) Тамъ же, II, № 58; 30.

Digitized by Google

является какъ бы протестующимъ противъ князя или его сторонниковъ. Такъ, онъ одинъ ручается за Алешу Поповича противъ князей и бояръ, которые всѣ поручились за любимца княгини Апраксѣевны Тугарина Змѣевича [1]); онъ одинъ въ пику Владимиру беретъ на поруки пріѣзжаго Дюка Степановича противъ княжескаго любимца Чурилы. Когда Владимиръ, назвавъ Дюка „захвасливымъ", предлагаетъ ему биться съ Чурилой о закладъ въ томъ, что они три года будутъ ѣздить всякій день на смѣнныхъ коняхъ и въ смѣнныхъ платьяхъ, то

«Ударили они о великъ закладъ.
По тоёмъ было Чурилѣ по Пленковицѣ
Держали поруку-то двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черниговымъ.
А по тоемъ было по молодомъ бояринѣ
По немъ не было никаковой поруку́шки,
Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его батюшка» [2]).

Трудно сказать, въ какомъ былинномъ сюжетѣ раньше всего явился владыка Черниговскій, но присутствіе его въ трехъ былинахъ при сходныхъ обстоятельствахъ, когда симпатичное слагателю лицо бьется объ закладъ съ несимпатичнымъ (Тугариномъ, Чурилой, Владимиромъ), указываетъ на то, что владыка, протестующій противъ князя и его сторонниковъ, сталъ лицомъ типическимъ въ нашемъ эпосѣ. Если мы будемъ искать исторической основы этого эпическаго типа, то, на нашъ взглядъ, ее всего скорѣе можно найти на сѣверѣ, въ новгородскихъ отношеніяхъ. Мы знаемъ, какое высокое значеніе имѣлъ владыка Новгорода Великаго въ его государственномъ строѣ, принизившемъ значеніе князя [3]). Съ этой точки зрѣнія будетъ понятна властная и самостоятельная роль черниговскаго владыки при княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ.

Вводя эту личность въ былину Кіевскаго цикла и потому называя его черниговскимъ, сѣверно-русскій слагатель, не стѣсняясь исторіей,

---

[1]) *Кирѣевскій*, II, стр. 77.

[2]) *Гильфердингъ*, № 152 (столб. 719), ср. *Рыбниковъ*, I, 49.

[3]) Вспомнимъ, что при частой смѣнѣ князей у новгородцевъ единственной прочной и обширной властью въ государствѣ была власть владыки. Безъ его благословенія не предпринималось ни одно важное дѣло. Онъ участвовалъ въ договорахъ съ русскими князьями и иноземными правительствами. Онъ своимъ вмѣшательствомъ нерѣдко прекращалъ вооруженныя столкновенія городскихъ партій и былъ энергичнымъ защитникомъ новгородскихъ правъ противъ притязаній суздальскихъ и затѣмъ московскихъ князей.

Digitized by Google

хронологіей и географіей, представлялъ себѣ эпическаго владыку съ мощью и авторитетомъ новгородскаго архіепископа, нерѣдко властно выступавшаго противъ князя и своимъ вмѣшательствомъ прекращавшаго усобицы и народныя смуты. Такой владыка могъ дѣйствительно велѣть своимъ людямъ захватить корабли въ княжей столицѣ, не справляясь съ волею князя, и не хвастливо заявить, что князья и бояре никуда отъ него не уйдутъ. Итакъ я склоненъ думать, что былинный типъ властнаго черниговскаго владыки не наслѣдіе южнорусскаго періода, а созданіе сѣверно-русскаго творчества, воплотившаго воспоминанія объ историческомъ значеніи новгородскихъ владыкъ.

Если, исходя изъ предположенія о сѣверномъ и позднемъ происхожденіи былины, мы поищемъ бытовыхъ слѣдовъ, его подтверждающихъ, то можемъ указать на *купецкій* характеръ пѣсни. Ея герой — сынъ богатаго купца, щеголяющій драгоцѣнной собольей шубой и дорогимъ, купленнымъ за моремъ, конемъ. Вспомнимъ при этомъ дороговизну коней въ новгородскихъ земляхъ, куда лучшіе приходили съ запада отъ иностранцевъ съ уплатой значительной пошлины и стоимости провоза („проводинъ") [1]. Въ Кіевѣ, за столомъ князя, сидятъ и торговые гости, а корабли ихъ съ заморскими товарами стоятъ въ пристани. При дворѣ устраивается пари и, согласно съ обычаемъ новгородскихъ дѣльцовъ, скрѣпляется записью и рукоприкладствомъ. Вѣдь новгородцы всегда славились какъ люди „письменные", и новгородскія эпическія лица, какъ Садко, Василій Буслаевъ — люди грамотные. Помимо внѣшней обстановки и внутренняя сторона былины какъ будто говоритъ въ пользу нашего толкованія. Это — отношеніе личности героя къ обществу, то значительное развитіе личнаго начала, которое вызывалось новгородскимъ государственнымъ строемъ и культурою. Былина прославляетъ личное богатство торговаго гостя Ивана, какъ былина о Садкѣ богатомъ гостѣ; какъ Садко соперничаетъ съ Новгородомъ богатствомъ, какъ Василій Буслаевъ — силою-удалью, такъ Иванъ Гостиный бьется объ закладъ противъ князя и всѣхъ его поручителей, въ томъ числѣ и людей своего сословія, торговыхъ гостей. Какъ *новгородскій* Микула Селяниновичъ на своей соловой кобылкѣ обгоняетъ князя и просвѣщаетъ его насчетъ цѣны своей кобылки, такъ Иванъ Гостиный посрамилъ князя Владимира своимъ „бурушкой косматымъ", разогнавшимъ всѣхъ княжескихъ коней, и говоритъ о его стоимости. Словомъ, въ былинѣ объ Иванѣ

[1]) Ср. Латынскіе кони щеголя Чурила.

Digitized by Google

Гостиномъ мы находимъ знакомые мотивы несомнѣнныхъ новгородскихъ былинъ. Быть-можетъ, новгородскимъ происхожденіемъ былины объясняется и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что эта пѣсня, принадлежащая къ числу наименѣе популярныхъ даже въ современномъ средоточіи устной эпической традиціи, была однако записана *въ Новгородской* губерніи, которая, кромѣ ея, дала еще только одно краткое и испорченное начало былины о Добрынѣ [1]), также исконномъ новгородскомъ эпическомъ персонажѣ.

Переходимъ теперь къ другому сюжету, прикрѣпленному въ нашемъ эпосѣ къ имени Ивана Гостинаго. Этотъ сюжетъ извѣстенъ въ двухъ записяхъ — Рыбникова и Гильфердинга, сдѣланныхъ со словъ одного и того же сказителя — Ѳедора Никитина [2]), при чемъ сличеніе обѣихъ записей показываетъ, что сказитель зналъ былину нѣсколько тверже, когда былъ моложе. Передаемъ содержаніе пѣсни по первой записи.

Нравственныя свойства Ивана Гостинаго указываются въ самомъ началѣ былины:

«Отъ батюшки было отъ умнаго
И отъ матушки отъ разумныя
Зародилось чадо неразумное,
Испоимени Иванушко Гостиный сынъ».

Когда умеръ родимый батюшка, эпическая честна-вдова Офимья Александровна посылаетъ сына торговать за сине море и наказываетъ:

«И станешь торговать ты, чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Испоимени Иванушко Гостиный сынъ,
Отнюдь не ходи ты на царевъ кабакъ,
Ты не пей-ка, чадо, зелена вина
И не имѣй союзъ со дѣвками к . . . . . и
И со тѣма со женками со б . . . . . и,
И со тѣма голями кабацкими».

При вторичномъ пересказѣ Никитинъ опустилъ ту подробность, что мать посылаетъ сына за сине море, поэтому нѣтъ и стиха: „и станешь торговать ты, чадо милое".

Иванъ поѣхалъ торговать разными товарами за море, но, не послушавъ наставленія матери,

Пропилъ, прогулялъ все отцовское имѣніе,
И всѣ промоталъ товары заморскіе
И отдалъ въ закладъ черны корабли.

---

[1]) *Кирѣевскій*, II, стр. 1 и 2.
[2]) *Рыбниковъ*, IV, № 13 = Гильфердингъ, № 172, стол. 873.

Digitized by Google

О закладѣ кораблей въ виду отсутствія поѣздки за море второй пересказъ, конечно, не упоминаетъ.

Услыхавъ о поведеніи сына, Офимья Александровна пріѣзжаетъ за сине море, за тѣ ли города иностранные и добирается чада своего любимаго. Оказывается, что въ иностранныхъ городахъ, согласно эпической наивности, все устроено по-русски: тутъ и царевъ кабакъ, и народъ православный, и голи кабацкіе. Придя къ кабаку, честна вдова испроговоритъ таково слово:

«Ай же вы, народъ православный,
Ай же вы, голи кабацкіе!
Не видали ли вы моего чада милаго,
Чада милаго и сына любимаго,
По имени Иванушка Гостинаго?»

Голи кабацкіе немедленно указываютъ, что чадо милое сидитъ за стойкой во царевомъ кабакѣ и кушаетъ зелено вино. Мать входитъ въ кабакъ, бьетъ челомъ сыну со слезами, затѣмъ, взявъ его за руки бѣлыя, ведетъ на пристань корабельную къ синю морю, ко солоному и обращается къ купцамъ заморскимъ:

«Ай же вы, купцы заморяна,
Вы заморяна и Вавилоняна!
Вы купите у меня чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
По имени Ивана Гостинаго,
И дайте вы за него пятьсотъ рублей».
Испроговорятъ купцы заморяна [1]):
— Ай же ты, честна вдова, Офимья Александровна!
— Ты не вора ли продаешь, не разбойника
— И не ночного ли ты подорожника?

Послѣ утвердительнаго отвѣта, что Иванъ ея родной сынъ, послѣдній, проливая слезы, говоритъ купцамъ [2]):

— И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
— И что было бы моей матушкѣ
— И до гробной доски ей да не скитатися.

Затѣмъ сынъ прощается съ матерью:

— Ты прощай-ка, прощай, родна матушка,
— Честна вдова Офимья Александровна!
— По закону была родна матушка,
— А по житью-бытью змѣя лютая,
— Змѣя лютая, подколодная.
Тутъ простилася родна матушка
Со своимъ ли чадомъ милымъ.

---

[1]) Приводимъ здѣсь стихи въ послѣдовательности 2-го пересказа, но по тексту 1-го.

[2]) По 2-му пересказу.

Digitized by Google

Сказывая былину вторично, Никитинъ покончилъ ее на этомъ; но въ первомъ пересказѣ помнилъ еще заключительныя слова матери, которыми слагатель старался примирить слушателей съ ея поступкомъ:

Прокатилася слеза изъ ясныхъ очей,
Во слезахъ она словцо промолвила:
«Не дивитесь вы, народъ православный,
«Что продала я своего чада милаго,
«По имени Иванушка Гостинаго.
«Не кормитель онъ былъ родной матери,
«А разоритель былъ золотой казны,
«А за проступокъ я его и продала».

Такимъ образомъ былина кончается попыткой поддержать авторитетъ матери „честной вдовы", что согласно съ высокимъ значеніемъ этого лица въ нашемъ сѣверномъ эпосѣ. Положимъ, что слагатель съ его эпическимъ міросозерцаніемъ остается какъ бы въ сторонѣ, заставляя говорить поперемѣнно мать и сына въ этомъ трагическомъ конфликтѣ, но именно то, что за матерью остается *послѣднее* слово, какъ бы ослабляетъ жестокость ея поступка: она оправдываетъ его безпутствомъ сына, — не кормителя матери, а разорителя. Невыдержанностью отличается характеръ сына по эпической случайности. Съ одной стороны онъ, чувствуя свое безпутство, даже продаваемый матерью въ неволю, заботится объ ея интересахъ, проситъ купцовъ дать за него 1000 р., чтобы обезпечить матушку до гробовой доски; съ другой — тутъ же называетъ мать змѣею лютой. Эту невыдержанность можно объяснить себѣ тѣмъ, что слагатель-сказитель въ данномъ случаѣ некстати припомнилъ подобное же обращеніе другого сына къ матери, которая дѣйствительно была для него змѣею лютой. Вспомнимъ, напримѣръ, тотъ широко-извѣстный пѣсенный сюжетъ, въ которомъ мать либо оклеветываетъ сноху и подводитъ ее подъ ножъ сына, либо сама убиваетъ ее (князь Михайло). Въ одной пѣснѣ на 1-ю тему, молодецъ, убивъ жену, идетъ къ матери и говоритъ:

«Что не мать ты мнѣ и не матушка,
А змѣя же ты подколодная!» [1]).

Приведенная пѣсня объ Иванѣ Гостиномъ интересна по своему бытовому содержанію. Она выставляетъ широко распространенный у

---

[1]) Воронежская Бесѣда, 1861 г. Срав. *Кирѣевскій*, вып. V, стр. 72 (князь Михайло); тамъ же, прибавленіе, стр. 35. *А. Соболевскій* — Великорусскія народныя пѣсни, I, стр. 121, 130, 131. Сестра хочетъ отравить брата, онъ узнаетъ объ этомъ и, говоря: «не сестра ты мнѣ родимая, что змѣя ты подколодная», — убиваетъ ее. Тамъ же, стр. 193.

Digitized by Google

насъ и въ жизни и въ пѣсняхъ типъ безпутнаго добраго молодца, гибнущаго отъ зелена вина. Къ тому же типу въ эпосѣ принадлежатъ Потокъ Михайловичъ и Василій пьяница, не говоря уже о голяхъ кабацкихъ, пріятеляхъ Ильи Муромца. Идея пѣсни та же, что въ Горѣ-злосчастіи, то-есть печальная судьба молодца безумнаго, не слушающаго родительскаго наставленія. По совпаденію въ основной идеѣ все начало пѣсни представляетъ въ пересказѣ Никитина дословное повтореніе начала пѣсни о „Горѣ", какъ показываетъ сличеніе:

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ разумноя,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо, неразумноё,
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко, чадо, на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь, чадо, да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знайся ты, чадо, со жонками со б.....и,
«И что ли со тѣма со дѣвками со к.....и».
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкими,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со б.....и,
Ай со тѣма-ли-то со дѣвками со к.....и.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да горе привязалоси и т. д. [1]).

Различіе въ судьбѣ молодца безыменнаго пѣсни „Горе" и пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ въ томъ, что тамъ непослушаніе родителямъ доводитъ сына до монастыря, въ которомъ онъ укрывается отъ преслѣдованія горя, здѣсь до продажи въ неволю на чужую сторону.

Пѣсня представляетъ законченное цѣлое: мать оправдываетъ свой поступокъ передъ православными съ нравственной стороны, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ данной пѣснѣ мы имѣемъ только начало болѣе обширной, изображавшей дальнѣйшую судьбу сына, проданнаго въ неволю заморскимъ купцамъ. Вся сила пѣсни лежитъ въ ея трагической развязкѣ, въ томъ нравственномъ вопросѣ, который разрѣшается съ такою эпическою объективностью діалогомъ матери и сына и заключительными словами первой. Слагатель ея вовсе не рисовалъ въ своемъ воображеніи дальнѣйшую судьбу сына: печальный тонъ пѣсни именно зависитъ отъ этой неизвѣстности, отъ того грустнаго представленія, которое во всемъ нашемъ пѣснотвор-

---

Гильфердингъ, № 177, столб. 886.

Digitized by Google

чествѣ связано съ чужедальной стороной. Говоримъ это въ виду того, что акад. Веселовскій, указывая на нѣкоторыя противорѣчія въ пѣснѣ, предполагаетъ въ ней передѣлку чего-то другого и начало болѣе обширной былины. „Изложеніе сообщенной нами былины, — говоритъ онъ, — представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить на-ново удержавшіеся въ памяти отрывки... Прежде всего пьянство Ивана, можетъ-быть, такой же поздній мотивъ (?), какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Васильемъ. Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ, можно бы объяснить особенною устойчивостью былиннаго эпитета; но эта устойчивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ, очевидно, черезъ край: „по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая", говоритъ Иванъ, проданный въ рабство, а былина поетъ о прощаньѣ матери съ „любимымъ" сыномъ и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него цѣну вдвое большую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! *Необходимо* предположить въ просьбѣ Ивана сознаніе своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и можетъ побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты „милый", „любимый", объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Все это могло быть забыто и спутано, и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, со внесеніемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу" [1]).

Въ основѣ этихъ соображеній уважаемаго академика лежитъ желаніе реставрировать содержаніе пѣсни такъ, чтобы оно болѣе согласовалось съ предполагаемымъ литературнымъ источникомъ. Академикъ Веселовскій сближаетъ наши пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ съ старофранцузскимъ романомъ объ Иракліи (на чемъ остановимся ниже); а въ послѣднемъ мать съ согласія сына продаетъ его не за его безпутство, а Бога ради, чтобы раздѣлить полученныя деньги между бѣдными. При этомъ сынъ самъ набиваетъ себѣ цѣну, указывая на свои чудесныя способности: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. Поэма въ дальнѣйшемъ занимается подробно судьбою проданнаго Ираклія. Однако, если бъ А. Н. Веселовскимъ не руководило представленіе о старо-французской поэмѣ, онъ легко помирился

---

[1]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 4[illegible] и слѣд.

Digitized by Google

бы съ тѣми противорѣчіями въ текстѣ нашей пѣсни, которыя кажутся ему результатомъ искаженія чего-то болѣе логически-разумнаго.

Предполагается, во-первыхъ, что пьянство героя поздній мотивъ. Онъ неудобенъ, потому что ничего подобнаго нѣтъ въ поэмѣ о благочестивомъ Иракліи. Поэтому и продажа сына матерью должна была въ прототипѣ быть мотивирована чѣмъ-нибудь другимъ, какъ-нибудь въ родѣ того, что разсказываетъ французская поэма. Такое предположеніе, конечно, совершенно измѣняетъ нравственный обликъ Ивана, а между тѣмъ типъ гулящаго добра молодца одинъ изъ самыхъ любимыхъ нашимъ пѣснотворствомъ.

Выше мы указали, что тотъ же типъ живетъ въ народной повѣсти и пѣснѣ о Горѣ-злосчастіи и что начало послѣдней почти буквально совпадаетъ съ пѣснею объ Иванѣ. Къ чему же, спрашивается, намъ видѣть въ послѣдней „новую призрачную цѣльность", а не старую, исконную? Академикъ Веселовскій указываетъ на противорѣчія, но нѣкоторыя самъ объясняетъ устойчивостью былинныхъ эпитетовъ, а одно дѣйствительное противорѣчіе — названіе сыномъ своей матери змѣею лютою — мы выше объяснили, какъ неудачный взносъ изъ другой пѣсни съ нѣсколько сходной ситуаціей. Остается кажущаяся академику Веселовскому странною забота сына о матери, его просьба купцамъ, чтобъ они за него дали ей не 500, а 1000 руб., чтобы обезпечить ея старость. Но эта именно черта представляется мнѣ глубоко народною: сынъ, сознавая свою вину предъ матерью, для которой былъ не кормильцемъ, а разорителемъ, примиряясь со своею судьбой, хочетъ исправить причиненное ей разоренье хоть тѣмъ, что, жертвуя своею свободой, по крайней мѣрѣ обезпечиваетъ ея старость. Это сознаніе своей виновности предъ матерью, это равнодушіе къ своей личной судьбѣ — черта свойственная именно нашимъ русскимъ „добрымъ молодцамъ", черта жизненная, увѣковѣченная типичными образами нашихъ романистовъ-бытописателей. Предполагать, что продаваемый пропившійся молодецъ сознавалъ свою цѣнность, вовсе не *необходимо*, какъ думаетъ академикъ Веселовскій; сынъ цѣнится лишь постольку, поскольку вырученная за него цѣна можетъ пособить разоренной имъ матери. Вообще если бъ пѣсня была передѣлкой какой-то другой, болѣе пространной, въ которой излагались бы, какъ въ старо-французской поэмѣ, похожденія проданнаго матерью сына, обладающаго дивными дарами, то, во-первыхъ, мы не сумѣли бы объяснить, почему отъ этой интересной пѣсни упомнилось только начало и притомъ съ передѣлкой и типа героя и мотивовъ его продажи матерью; во-

Digitized by Google

вторыхъ, почему въ передѣлкѣ (а мы знаемъ, какъ неумѣло онѣ совершаются въ народномъ пѣснотворствѣ) не сохранилось болѣе яркихъ слѣдовъ прототипа.

Исходя изъ убѣжденія, что разсматриваемая пѣсня объ Иванѣ Гостиномъ не отрывокъ, а произведеніе цѣльное, опредѣлимъ его отношеніе къ нашему былевому эпосу. Собственно говоря, названіе „былины" можетъ быть приложено къ ней только съ извѣстными ограниченіями, какъ, напримѣръ, къ пѣснѣ о Ванькѣ-ключникѣ, о Молодцѣ и худой женѣ, о Горѣ-злосчастіи. Пѣсня не введена ни въ кіевскій, ни въ новгородскій циклъ: въ противоположность былинамъ въ ней прежде всего не указывается даже города, гдѣ жилъ Иванъ Гостиный. Слагатель воспользовался эпическимъ матеріаломъ лишь для именъ: мать молодца вылилась въ знакомую эпическую форму матерой вдовы и получила имя Офимьи Александровны, которое иногда носитъ мать Добрыни[1]); добрый молодецъ, хотя могъ бы остаться безыменнымъ, какъ въ пѣснѣ о Горѣ, названъ Иваномъ Гостинымъ, весьма удачно, потому что типъ гулящихъ, безпутныхъ сыновей встрѣчался особенно часто въ старину (какъ и теперь) въ средѣ купецкихъ сынковъ. Кромѣ имени дѣйствующаго лица, пѣсня ничѣмъ не связана съ вышеразсмотрѣнною былиной о состязанія Ивана Гостинаго съ княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ, и попытка связать оба произведенія такъ, какъ дѣлаетъ это академикъ Веселовскій, предполагая, что первое есть начало карьеры Ивана, а второе — продолженіе, представляется намъ неубѣдительною. Съ такимъ же правомъ могли бы мы связать между собою всѣ 4 былины о Добрынѣ и предположить, что онѣ представляютъ фрагменты цѣльной поэмы, содержавшей его эпическую біографію. Такое соединеніе пѣсенъ, лишенныхъ внутренней связи, дѣлается академикомъ Веселовскимъ для того, чтобы найти въ нашемъ эпосѣ, хотя бы во фрагментахъ, тотъ литературный источникъ, который напомнили изслѣдователю нѣкоторыя черты обѣихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ. Далѣе мы остановимся подробнѣе на толкованіи, предложенномъ А. Н. Веселовскимъ, а теперь ограничимся заключеніемъ, что пѣсня объ Иванѣ, проданномъ за пьянство матерью, во-первыхъ, вполнѣ законченное произведеніе; во-вторыхъ, воспринявшее только нѣкоторые эпическіе образы и имена, но не введенное въ былевой эпосъ, въ-третьихъ, не имѣющее другой связи, кромѣ имени дѣйствующаго лица, съ *былиной* объ Иванѣ Гостиномъ.

---

[1]) См. *Кирѣевскій* — II, стр. 2, 14, 19—21, 40, 57.

Digitized by Google

Пѣсня объ Иванѣ представляется намъ надѣленною яркими чертами быта, но сложенною въ такихъ мѣстахъ, гдѣ былинные образы были хорошо знакомы населенію. Властная мать Ивана живо напоминаетъ новгородскую матеру вдову — мать Василія Буслаева, Хотѣна Блудовича или Добрыни. Вспомнимъ, какъ покоренъ матери буйный Васька Буслаевъ, котораго она запираетъ въ погребъ или обуздываетъ въ разгарѣ драки. Представленіе Ивана купецкимъ сынкомъ, кутилою, закладывающимъ за моремъ корабли и пропивающимъ товары, могло соотвѣтствовать новгородской дѣйствительности: мы знаемъ, какова была новгородская молодежь особенно въ богатомъ классѣ. Продажа людей въ кабалу за долги фактъ слишкомъ извѣстный старинной Руси, чтобы нуждаться въ какомъ-нибудь литературномъ источникѣ. Продажа людей за море иностраннымъ купцамъ была особенно удобна въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, гдѣ постоянно жили иноземные купцы. Новгородскія лѣтописи занесли нѣсколько случаевъ отдачи новгородцами дѣтей иноземнымъ гостямъ, вызванные, впрочемъ, крайностью, голодовкою [1]). Такимъ исключительнымъ случаемъ (иначе пѣсня не имѣла бы raison d'être) могла быть и продажа сына матерью за безпутство и разореніе отцовскаго наслѣдія. Если при этомъ купцы называются здѣсь не только заморянами, но и *вавилонянами*, то опять-таки не нужно предполагать, вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ, что эти „вавилоняне" забрались въ пѣсню изъ литературнаго прототипа [2]). Слагатель или одинъ изъ сказителей пѣсни могъ простодушно украсить купцовъ этимъ эпитетомъ по воспоминанію о библейскихъ купцахъ-вавилонянахъ, которымъ братья (см. стихъ объ Іосифѣ) продали Іосифа.

Такимъ образомъ, если, какъ мы старались уяснить, пѣсня объ Иванѣ, проданномъ матерью, не представляетъ отрывка или начала болѣе обширной пѣсни, если она не противорѣчитъ русскому реальному быту или, по крайней мѣрѣ, эпическому, если фабула ея передается лишь кратко и весь интересъ сосредоточенъ на психической сторонѣ — на чувствованіяхъ сына и матери, то нѣтъ достаточнаго основанія предполагать за нею иноземный литературный источникъ.

Что касается *былины* о состязаніи Ивана Гостинаго съ княземъ Владиміромъ, то не стану отрицать возможность того, что въ ея основѣ лежитъ какой-нибудь литературный источникъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) *Никитскій* — Очерки экономической жизни Великаго Новгорода, стр. 30.

[2]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 66.

Digitized by Google

долженъ сознаться, что гипотетическое указаніе такого источника, сдѣланное академикомъ Веселовскимъ въ его статьѣ „Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старо-французскій романъ объ Иракліи“, мнѣ въ настоящее время кажется неубѣдительнымъ. Разсмотримъ ходъ его сопоставленій и доказательствъ.

Изложивъ по варіантамъ вышеразсмотрѣнную былину, изслѣдователь привлекаетъ въ видѣ комментарія къ ней нѣкоторыя сказки объ Иванѣ-царевичѣ, крестьянскомъ сынѣ и царскомъ крестникѣ — именно мотивъ добыванія героемъ коня изъ подземелья или куплей шелудиваго, но оказавшагося чуднымъ, жеребенка. Упоминается далѣе и Иванъ крестьянскій сынъ, рожденный послѣ трехлѣтняго безплодія родителей богатырскій сидень, ощутившій въ себѣ силу, какъ Илья Муромецъ, послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ [1]. „Существовалъ ли въ былинной поэзіи подобный разсказъ о пріобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ, — продолжаетъ А. Н. Веселовскій, — этого мы пока не знаемъ; зато сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пѣлось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣльное“ [2].

Первый отрывокъ, приводимый изслѣдователемъ, это — упомянутая нами выше фрагментарная былина о состязаніи Ивана Гостинаго съ Владиміромъ, записанная въ Новгородской губерніи. Въ этомъ фрагментѣ акад. Веселовскій отмѣчаетъ помѣщенные послѣ скоморошьяго запѣва странные стихи:

Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ;
Въ этомъ насадничкѣ сынъ со матерью,
Пью они ѣдя, прохлаждаются,
Промежду собою похваляются.

Эта похвальба, какъ видно изъ дальнѣйшаго, совершается не между сыномъ и матерью, а въ Кіевѣ на пиру Владиміра среди его богатырей. „Въ этой сборной и, очевидно, испорченной пѣснѣ одна подробность отзывается чѣмъ-то древнимъ,—памятью о какой-то *матери* Ивана Гостинаго сына. Дѣйствительно: о ней и о ея сынѣ сохранилась одна интересная былина“ [3]. Слѣдуетъ текстъ пѣсни о продажѣ Ивана Гостинаго матерью и указаніе на ея противорѣчія, на чемъ мы уже останавливались. Считая, какъ мы видѣли, эту пѣсню нача-

[1]) Названное сочиненіе, стр. 44.
[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тамъ же, стр. 47.

Digitized by Google

ломъ болѣе подробной пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ, акад. Веселовскій говоритъ: „Пока мы выяснили себѣ только следующее: Иванъ Гостиный сынъ—сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе (sic) мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира; онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней и остается побѣдителемъ бѣга“ [1]). Далѣе изслѣдователь сообщаетъ *кстати* (какъ самъ выражается) содержаніе сказки-былины о другомъ Иванѣ — удовкинѣ сынѣ (хотя и не Гостиномъ). Это извѣстная пѣсня о томъ, какъ Иванъ, принимая различные образы, прячется на пари отъ царя Волшана, обладателя волшанской книги. Помогаетъ Ивану Могуль-птица, и герой женится на царской дочери. Конечно, сказка понадобилась акад. Веселовскому ради нѣкоторыхъ подробностей. Каковы же онѣ?

„Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостиный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ церковнославянскимъ влъхвъ; его волшанскія книги — волшебныя. Нарицательное „Волшанъ“ сложилось подъ впечатлѣніемъ идей волшебства, приведенныхъ въ разсказѣ; трудно представить себѣ (почему?), чтобы оно съ самаго начала стояло какъ имя собственное; естественнѣе предположить (почему?), что оно прислонилось къ какому-нибудь болѣе древнему, созвучному. Древне-русская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея. Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ Волотомономъ названъ византійскій императоръ; съ другой стороны варіанты этого имени приводятъ насъ отъ Волотомана къ Волотомиру, Володимиру — Владимиру. Гостиный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира. могъ впервые проявиться въ окруженіи какого-нибудь константинопольскаго Волотомона — Волшана; первый стать на мѣсто второго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претвориться въ былину южно-русскаго цикла. Пока (осторожно добавляетъ А. Н. Веселовскій) это лишь одно теоретическое построеніе, отчасти лишь поддержанное предположенною нами генеалогіей пѣсенъ о Саулѣ Леванидовичѣ“ [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 50. Не совсѣмъ точно, такъ какъ *бѣга* собственно не было.
[2]) Названное сочиненіе, стр. 51—52.

Digitized by Google

Итакъ вотъ для какихъ тонкихъ соображеній понадобилось изслѣдователю привлечь сказку-былину объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ. Первый взглядъ на нее не обнаруживаетъ въ ея содержаніи ни малѣйшаго сходства съ былиной объ Иванѣ Гостиномъ, съ которымъ Иванъ удовкинъ сынъ совпадаетъ только въ имени (какъ со всѣми сказочными Иванами) и въ томъ, что онъ сынъ вдовы, хотя и не купецкой. Въ похожденіяхъ обоихъ Ивановъ нѣтъ ничего сходнаго: одинъ бьется объ закладъ съ Владимиромъ, что перескачетъ его коней; другой добываетъ себѣ дочь царя Волшана исполненіемъ трудной задачи — оборотничествомъ. Но если теперь и нѣтъ между обѣими пѣснями ничего общаго, то слѣдуетъ пѣсню объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ только перестроить мысленно вмѣстѣ съ акад. Веселовскимъ — предположить, что Волшанъ смѣнилъ князя Владимира, а въ былинѣ Владимиръ сѣлъ на мѣсто Волотомона константинопольскаго царя, при чемъ Кіевъ сталъ на мѣсто Константинополя, и мы получимъ въ отдаленной перспективѣ, какъ основу обоихъ русскихъ произведеній, греческую сказку-былину, которая могла на русской почвѣ разбиться на пѣсни объ Иванахъ — Гостиномъ и удовкинѣ сынѣ.

Въ предполагаемомъ иноземномъ прототипѣ герой является знатокомъ женщинъ. Поэтому акад. Веселовскій не забываетъ далѣе отмѣтить, что Иванъ Гостиный въ одной былинѣ Кирши Данилова, № 4, о женитьбѣ Владимира указываетъ князю невѣсту въ Золотой Ордѣ, Афросинью (очевидно Апраксію) королевишну, дочь Етмануйла Етмануйловича. „Въ виду послѣдующихъ параллелей, — прибавляетъ онъ, — намъ была бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кирши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище „Гостиный сынъ“ здѣсь едва ли не случайное: существеннѣе имя Ивана, появленіе котораго въ роли знатока невѣстъ мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ“ [1]). Спрашивается, почему прозвище „Гостиный“ можетъ быть случайное, а имя Иванъ болѣе существенно? Потому, слѣдуетъ думать, что въ предполагаемомъ акад. Веселовскимъ прототипѣ личность, соотвѣтствующая Ивану, не купецъ, а мудрый Ираклій. Между тѣмъ выборъ именно *Гостинаго* сына въ указатели невѣсты для Владимира естественно можетъ быть мотивированъ тѣмъ, что гости торговые знаютъ чужія земли. Вѣдь въ нашихъ былинахъ не разъ, гдѣ дѣло идетъ

[1]) Тамъ же, стр. 53.

Digitized by Google

объ указаніи иноземной невѣсты, являются лица, проживавшія въ чужихъ земляхъ [1]).

Въ заключеніе обзора содержанія пѣсенъ и нѣкоторыхъ сказокъ объ Иванѣ акад. Веселовскій изъ всего этого разнороднаго матеріала строитъ слѣдующую схему, которой вѣроятность и послѣдовательность выяснятся лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями.

1) „Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ родителей вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть-можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (сказка о доставаніи коня; былина о удовкинѣ сынѣ)". Замѣтимъ тутъ же, что оба Ивана, съ которыми происходятъ событія, намѣчаемыя схемой, во-первыхъ, не имѣютъ ничего, кромѣ имени, общаго между собой, во-вторыхъ, ничего общаго съ былиннымъ Иваномъ Гостинымъ.

2) „Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ)". Слѣдовало бы прибавить существенную черту — „за распутство".

3) „Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, взапуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ)". Здѣсь опять комбинація похожденій двухъ разныхъ Ивановъ, которыхъ тожество ничѣмъ не доказано.

4) (?) „Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впослѣдствіи невѣрной женой". Послѣдній пунктъ схемы сопровождается самимъ изслѣдователемъ вопросительнымъ знакомъ.

Это пока апріорное построеніе, по словамъ акад. Веселовскаго, можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности [2]). Какія же это данныя?

Сначала пересказывается содержаніе новогреческой сказки о мудромъ старцѣ, въ которой предполагается варіантъ утраченнаго византійскаго разсказа о чудесномъ мальчикѣ. Далѣе другой варіантъ разсказа о мудромъ грекѣ передается извлеченіемъ изъ Cento Novelle antiche. „Какъ византійская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староиталіанскомъ памятникѣ, такъ и византійское же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Иракліи" (написанной въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса), говоритъ далѣе [3]) акад. Веселовскій и

[1]) Дунай, гость Василій въ былинѣ о Соломонѣ.
[2]) Тамъ же, стр. 54.
[3]) Названное сочиненіе, стр. 58.

Digitized by Google

излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ частей послѣдней по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ нумерамъ схемы, установленной имъ для древнихъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Послѣдуемъ за авторомъ, нѣсколько, ради краткости, сгущая его изложеніе, безъ ущерба, впрочемъ, для предполагаемой имъ доказательности.

1) Въ Римѣ у одного благочестиваго сенатора Миріадоса и жены его Казине не было дѣтей въ теченіе семи лѣтъ. По усердной ихъ молитвѣ, ангелъ говоритъ имъ, при какихъ условіяхъ они родятъ сына. Условія исполняются. Родится мальчикъ (Ираклій), надѣленный Богомъ тремя дарами: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. Нѣкоторыя черты этого разсказа, какъ видно, соотвѣтствуютъ первому параграфу схемы разсказа объ Иванѣ,—но не объ Иванѣ Гостиномъ, о чудесномъ рожденіи котораго и чудесныхъ дарахъ былина ничего не знаетъ.

2) По смерти отца мальчикъ остался 10 лѣтъ. Мать раздаетъ все свое достояніе на упокой души мужа, основываетъ, съ согласія сына, больницы, монастыри, надѣляетъ нищихъ, сиротъ и проч. Разорившись, она съ согласія сына рѣшаетъ его продать и ведетъ на главный базаръ города. Подсмѣивающемуся надъ высокою цѣной царскому сенешалю мальчикъ говоритъ о своихъ трехъ дарахъ, и тотъ покупаетъ его для царя. Мать и сынъ разстаются со слезами. Мать раздѣляетъ полученную сумму между бѣдными, а сама идетъ въ монастырь. Мальчика ведутъ къ царю, который хочетъ испытать правдивость его заявленія. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоцѣнные камни, какіе только находились въ Римѣ, а Ираклію приказываетъ выбрать изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоилъ. Мальчикъ, забраковавъ всѣ эти камни, покупаетъ на торгу камень, случайно найденный на дорогѣ, но надѣленный, какъ оказалось, чудесными свойствами.

Изъ подробностей этого параграфа только продажа сына матерью оказывается въ пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ. Но мы видѣли, что мотивы продажи и обстановка — совершенно другіе. Объ умѣньи героя различать камни, въ чемъ и заключается интересъ разсказа объ Иракліи, наша былина ничего не знаетъ.

3) Слѣдуетъ испытаніе Ираклія по лошадиной части. Мальчикъ покупаетъ за дорогую цѣну на базарѣ жеребенка, который, по его увѣренію, перегонитъ трехъ лучшихъ царскихъ коней, если выдержать его въ продолженіе года. Императоръ не хочетъ ждать. Жеребенокъ

Digitized by Google

оказался такимъ, какъ говорилъ Ираклій, но, выдержавъ испытаніе, сталъ никуда не годенъ отъ чрезмѣрнаго напряженія.

Нѣкоторыя черты романа дѣйствительно напоминаютъ былину объ Иванѣ Гостиномъ, но со слѣдующими ограниченіями. Былина ничего не знаетъ о происхожденіи Иванова коня; покупка шелудиваго жеребенка приписывается не ему, а Ивану — крестьянскому сыну. Ильѣ Муромцу, и вообще обычная черта въ сказкахъ, такъ сказать locus communis, не попавшая однако въ разсматриваемую былину. Затѣмъ въ былинѣ собственно скачки нѣтъ, какъ въ романѣ: конь Ивана Гостинаго однимъ ржаніемъ и страшнымъ видомъ разгоняетъ всѣхъ коней Владимира и устрашаетъ зрителей.

4) Третье испытаніе Ираклія — выборъ достойной императора невѣсты. Отвергнувъ всѣхъ съѣхавшихся по императорскому указу родовитыхъ дѣвушекъ, Ираклій рекомендуетъ императору дочь бѣднаго сенатора Аѳинаиду, случайно имъ встрѣченную. Императоръ женится на Аѳинаидѣ и 7 лѣтъ живетъ съ ней счастливо. Затѣмъ слѣдуетъ пространный разсказъ объ измѣнѣ Аѳинаиды, влюбившейся во время его продолжительнаго отсутствія въ прекраснаго Парида. Подробности послѣдняго эпизода романа и самъ акад. Веселовскій считаетъ лишнимъ приводить, потому что для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостиномъ сынѣ этотъ эпизодъ предлагаетъ наименѣе матеріала. „Только въ *одномъ* пересказѣ былины (о Дунаѣ) Иванъ указываетъ Владимиру на Апраксію, какъ Ираклій императору на Аѳинаиду; Аѳинаида влюбляется въ Парида, какъ Апраксія, напримѣръ, въ Чурилу, котораго легко было бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ“ [1])...

„Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сличенные съ соотвѣтствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, они представляютъ существенно то же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного (?) лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разсказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью эпизоды одного и того же дѣйствія“.

---

[1]) Названное соч. стр. 65.

Digitized by Google

На это можемъ замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, мы видѣли, что Иваны, вокругъ которыхъ сгруппированы событія построенной А. Н. Веселовскимъ схемы, — разныя лица, герои различныхъ по сюжету разсказовъ; во-вторыхъ, также видѣли, что Иванъ Гостиный, продаваемый матерью, не связанъ ничѣмъ, кромѣ имени, съ Иваномъ Гостинымъ, состязающимся съ княземъ Владиміромъ; въ-третьихъ, что Иванъ Гостиный не обладаетъ никакими чудесными дарами, какъ Ираклій, и только богатый собственникъ чуднаго коня, отличаясь и въ этомъ отъ Ираклія, который покупаетъ жеребенка для императора, чтобъ доказать свое умѣнье различать коней. Вообще въ основѣ романа объ Иракліи лежитъ широкораспространенный въ сказочной литературѣ сюжетъ о (трехъ) дивныхъ способностяхъ героя, извѣстный и на востокѣ и на западѣ, но не отразившійся именно въ нашей былинѣ. Чтобы доказать его наличность, изслѣдователю приходится подбирать схему по кусочкамъ изъ разныхъ сказокъ о разныхъ Иванахъ, и все-таки ему, при всемъ остроуміи, удалось подобрать лишь нѣкоторыя части разбившагося предполагаемаго прототипа, между тѣмъ какъ самая существенная черта сюжета — наличность чудесныхъ даровъ у сказочнаго героя — не оставила яркихъ слѣдовъ даже въ этихъ фрагментахъ. Для насъ по крайней мѣрѣ очевидно, что работа реставраціи, хотя и очень искусная, предпринята была по невѣрному рисунку и потому не можетъ быть удачна. Дальнѣйшія же предположенія акад. Веселовскаго, что въ основѣ былинъ объ Иванѣ Гостиномъ лежитъ греческій разсказъ или пѣсня, перешедшая на русскую почву и здѣсь обдѣланная въ былину Владимирова цикла, кажутся мнѣ неправдоподобны уже по различію моего основного взгляда на нашъ былевой эпосъ. Согласно съ этимъ взглядомъ и предложеннымъ выше разборомъ, я не могу видѣть въ былинѣ наслѣдіе южно-русскаго или кіевскаго періода нашей исторіи.

Обѣ пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сохранили, какъ мы видѣли, довольно яркіе слѣды своего сѣверно-великорусскаго, вѣроятно, новгородскаго происхожденія, и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что типъ Ивана Гостинаго и былина о немъ — произведеніе южной Россіи домонгольскаго періода. Искать хронологическихъ указаній въ устномъ эпосѣ, воспринимающемъ слѣды разныхъ послѣдовательныхъ поколѣній слагателей-сказителей, конечно, очень трудно, но въ видѣ гипотезы укажемъ въ заключеніе на одинъ фактъ, который при предположеніи сѣвернаго происхожденія былины, быть-можетъ, опредѣляетъ время ея сложенія. Въ древнѣйшемъ и лучшемъ варіантѣ былины у Кирши

Digitized by Google

Данилова Владимиръ называется не просто княземъ, но *великимъ* княземъ. Это указывало бы на сложеніе былины еще раньше царскаго періода, то-есть XVI вѣка. Въ любопытномъ же варіантѣ Швецова (Гильфердингъ № 307) мѣсто Владимира занимаетъ Иванъ Васильевичъ, но не грозный царь, а *князь*, то-есть Иванъ III, покоритель Новгорода. Если мы припомнимъ, что этотъ варіантъ единственный изъ олонецкихъ сохранилъ личнаго поручителя за Ивана (хотя владыка черниговскій замѣненъ голями кабацкими) и одинъ указаніе на прежнюю принадлежность третьяго коня княжескаго Ильѣ Муромцу, то, быть-можетъ, рискнемъ придать нѣкоторое значеніе и тому факту, что Владимиръ замѣненъ здѣсь *княземъ* Иваномъ Васильевичемъ. Не есть ли это отголосокъ такого вида былины, въ которомъ еще не было кіевскаго пріуроченія или для него дѣлалась только попытка? Комбинируя оба указанія — *великаго* князя сибирскаго стариннаго варіанта и *князя* Ивана Васильевича — олонецкаго, — придемъ къ предположенію, что основная былина была сложена въ новгородскихъ земляхъ въ правленіе великаго князя Ивана Васильевича, почему, быть-можетъ, и эпическій князь Владимиръ представляетъ въ ней такую некрасивую и смѣшную фигуру и терпитъ непріятность отъ владыки. Впрочемъ, повторяемъ, что эти указанія въ текстѣ былины могутъ быть призрачны и получить другое объясненіе. Въ XV или XVI вѣкѣ сложена былина — этого мы никогда не узнаемъ съ точностью. Но весь предыдущій разборъ ея содержанія и бытовой стороны, кажется намъ, достаточно уяснилъ, что въ ней нельзя видѣть, какъ предполагаетъ акад. Веселовскій, „глухого, невнятнаго отголоска“ какого-то южно-русскаго разсказа, представляющаго въ свою очередь передѣлку византійскаго прототипа.

Digitized by Google

Къ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ [1]).

Былина о Ставрѣ Годиновичѣ принадлежитъ репертуару олонецкихъ и сибирскихъ сказителей, и лишь одинъ варіантъ ея доселѣ былъ записанъ во Владимирской губерніи. Изъ 19-ти извѣстныхъ намъ записей 15 принадлежатъ Олонецкой губерніи, 3—Сибири [2]). Послѣднія, какъ увидимъ ниже, представляютъ особую редакцію, отношеніе которой къ редакціи олонецкой не лишено значенія для исторіи сложенія былины. Въ нижеслѣдующемъ я имѣю въ виду заняться именно этимъ вопросомъ и затѣмъ попытаюсь опредѣлить мѣсто и время сложенія первоначальной пѣсни о Ставрѣ.

Типомъ былинъ 1-й группы, или *олонецкой,* можетъ служить былина Рыбникова II, № 20=Гильферд. № 151, которой содержаніе считаю нужнымъ напомнить.

Пиръ у князя Владимира съ обычнымъ хвастаньемъ пирующихъ. Не хвастаетъ одинъ Ставеръ Годиновичъ, пріѣхавшій изъ земли ляховицкія. На вопросъ Владимира, отчего онъ одинъ не хвастаетъ, Ставеръ говоритъ, что не считаетъ для себя похвальбою то, что у него золота казна не тощится, добрые комони не ѣздятся, что у него много городовъ и селъ, славна матушка и что его молода жена всѣхъ князей-бояръ повыманитъ (обманетъ) и самого князя Владимира съ ума сведетъ. За послѣднія слова Ставра сажаютъ въ глубокъ погребъ. „Свой человѣкъ", бывшій при Ставрѣ, спѣшитъ съ извѣстіемъ о его злоключеніи къ его молодой женѣ Василистѣ Никуличнѣ. Она отрѣзываетъ себѣ волосы, переодѣвается въ мужское платье и съ небольшою дружиной ѣдетъ въ Кіевъ. Здѣсь она выдаетъ себя за Василія

---

[1]) Напечат. въ «Этнографическомъ обозрѣніи», 1893 г., кн. XVIII.

[2]) Рыбниковъ, I, 41, 42; II, 19, 20, 21; IV, 6. Гильфердингъ, №№ 7, 16 (гдѣ Илья Муромецъ по ошибкѣ поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру), 21, 109, 140, 151 и 169. Кирша Даниловъ, № XIV. Былины старой и новой записи, №№ 56, 57, 58, 59. *М. Бережковъ.* Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ во Владимирской губерніи. Нѣжинъ, 1895, стр. 6—11. «Василиса Микулишна и Ставръ Одиновичъ».

Digitized by Google

Никулича, сына короля ляховицкаго, и цѣлью своего пріѣзда объявляетъ доброе дѣло — сватовство за дочь Владимира. Князь идетъ посовѣтоваться съ княжною, которая не названа. Княжна по примѣтамъ заподозрѣваетъ въ пріѣзжемъ женихѣ женщину. Слѣдуютъ испытанія пола: 1) парна баенка, 2) ложни, 3) стрѣлянье въ золотое кольцо, 4) борьба съ *дворянами* княжескими. Василиста удачно выдерживаетъ всѣ испытанія и уже съ угрозой требуетъ согласія Владимира, которое князь и даетъ. На пиру женихъ сидитъ невеселъ и проситъ у Владимира гусельщиковъ. „Младые загусельщики" своею игрою не развѣяли тоски жениха, и онъ напоминаетъ Владимиру, что лучше всѣхъ гораздъ играть въ гусли Ставеръ Годиновичъ, посаженный Владимиромъ въ погребъ. Князь, чтобъ не разгнѣвить жениха, выпускаетъ Ставра, который игрой развеселилъ Василисту. Она намекаетъ ему скабрезными загадками (чернильница и перо, сваечка и кольцо) на то, что она его переодѣтая жена. Ставеръ не догадывается. Тогда она проситъ Владимира отпустить съ нею Ставра съѣздить въ шатры, посмотрѣть ея дружину. Владимиръ соглашается. Василиста переодѣвается въ шатрѣ въ женское платье, и Ставеръ наконецъ признаетъ жену. Пристыдивъ Владимира, что онъ былъ готовъ отдать дѣвчину за женщину, Василиста уѣзжаетъ съ мужемъ домой въ землю ляховицкую.

Прочіе олонецкіе пересказы довольно близки къ приведенному и представляютъ различія лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующія:

1) Ставеръ носитъ отчества *Стогодиновичъ* (Гильферд. № 109), *Гординовичъ* (Гильф. № 21).

2) Жена Ставра въ одномъ пересказѣ (Гильф. № 21) названа Настасьей Микулишной, какъ зовется иногда жена Данилы Ловчанина и Добрыни, — смѣшеніе, какъ указалъ акад. А. Н. Веселовскій [1]), тѣмъ болѣе понятное, что и Данилѣ эпосъ даетъ въ жены Василису Никуличну, которая, узнавъ о злоумышленіи Владимира противъ ея мужа, посланнаго княземъ на смертный подвигъ,

Скидавала съ сея платье свѣтное,
Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка свово Данилушка [2]).

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ, стр. 44.
[2]) Кирѣевскій III, № 2, стр. 35.

Digitized by Google

Твердо держится отчество Василисы *Никулична* [1]). Въ былинахъ нигдѣ отецъ ея не отождествляется съ Микулой Селяниновичемъ. Только сказитель Рябининъ, какъ читаемъ въ примѣчаніи у Рыбникова (I, стр. 243), сказавъ, что Василиста поборола всѣхъ борцовъ Владимира, пояснилъ: „Ильи Муромца еще не было при князѣ Владимирѣ, а Добрынюшка Никитичъ былъ слабѣе и меньшой дочери Микулы Селяниновича Настасьи". Если Рябининъ здѣсь слѣдовалъ традиціи, то фактъ родства Василисты съ Микулой заслуживаетъ вниманія. Замѣчу кстати, что имя Микулы Селяниновича внесено въ былину Гильферд. № 21, какъ имя Ставрова служки, принесшаго его женѣ извѣстіе о его заточеніи. Не есть ли и это указаніе на какое-то отношеніе Василисты къ Микулѣ Селяниновичу?

3) Переодѣвшись мужчиной, жена Ставра называетъ себя то „царевичемъ изъ земли Ляховецкія" (Рыбн. I, № 42), то „королевскимъ племянникомъ изъ земли Тальянской" (Гильф. № 140), то „посломъ изъ земли Веденецкія того острова Кодольскаго" (Рыбн. II, № 19), то „посломъ земли Гленскія" (Рыбн. I. № 41. II. № 21), или „Золотой Орды", или изъ земли „Турецкой" (Былины стар. и нов. записи № 58). Земля Веденецкая и островъ Кодольскій зашли, можетъ-быть, изъ былинъ о Соловьѣ Будимировичѣ. Ставеръ самъ пріѣзжаетъ изъ Ляховецкой или Политовской земли (Гильферд. № 151), но также изъ Чернигова (Рыбн. II, № 19), какъ гость черниговскій (Гильф. № 140), и возвращается въ этотъ городъ (Рыбн. II, № 19).

Сибирская группа записей отличается отъ первой нѣкоторыми существенными чертами. Пересказъ, записанный кн. Костровымъ [2]), наиболѣе подробенъ вначалѣ. Открывается онъ обычнымъ пиромъ у Владимира. На пиру отсутствуетъ одинъ бояринъ — Ставръ Гудимовичъ. Князь посылаетъ за нимъ съ грамоткой. Ставръ пріѣзжаетъ, принимаетъ участіе въ пирѣ и, слушая обычное хвастанье бояръ, говоритъ тихо своему товарищу, что у него (Ставра) широкій дворъ лучше, чѣмъ у князя Владимира, при чемъ описываетъ свои свѣтлицы; затѣмъ хвалится казной, жемчугомъ и красотой жены. Слуги Владимира доносятъ князю о хвастовствѣ Ставра. Князь велитъ посадить его въ погребъ, снарядить къ его двору посла, который долженъ *опечатать дворъ* и привезти въ Кіевъ Ставрову молоду жену Василису Васильевну. Вѣсть о заключеніи мужа ранѣе доходитъ до Василисы.

---

[1]) Только въ былинѣ кн. Кострова жена Ставра — *Васильевна*.

[2]) Русскія былины старой и новой записи, отд. II, № 57.

Digitized by Google

Она переодѣвается въ мужскую одежду, называетъ себя *грознымъ посломъ* Золотой Орды и ѣдетъ въ Кіевъ со свитою великою. На полупути она встрѣчаетъ посла изъ Кіева. Оба посла — кіевскій и ордынскій — слѣзаютъ съ коней, цѣлуются, разбиваютъ шатеръ въ полѣ и пируютъ, при чемъ узнаютъ другъ отъ друга, куда кто ѣдетъ и зачѣмъ. Василиса объявляетъ, что ѣдетъ требовать съ Владимира дани за 12 лѣтъ и на слова кіевскаго посла, что онъ ѣдетъ за Ставровой молодой женой, говоритъ, что Ставровъ дворъ запертъ и ни его ни жены въ немъ нѣтъ. Кіевскій посолъ ѣдетъ обратно и подготовляетъ князя къ пріѣзду посла изъ Золотой Орды. Въ пересказѣ Кирши Данилова описываются приготовленія для встрѣчи грознаго посла:

А и тутъ больно князь запечалился;
Кидалися, металися:
По улицѣ метутъ, ельникъ ставили;
Передъ воротами ждутъ посла
Изъ дальной Орды Золотой земли..

Въ былинѣ Гуляева [1]) читаемъ:

И велѣлъ онъ (Владимиръ) очистить 50 фатеръ,
А самъ посолъ ко ласкову князю Владимиру
Въ княженецкій дворъ.

Въ этой детали *сибирскихъ* былинъ еще живо чувствуется страхъ, внушаемый татарскими послами.

Посолъ пріѣзжаетъ. Владимиръ опечаленъ. Княгиня Апраксѣевна подозрѣваетъ по примѣтамъ въ послѣ женщину и говоритъ объ этомъ Владимиру. Князь предлагаетъ послу *побороться* съ его богатырями, которые при этомъ перечисляются.

Посолъ поборолъ всѣхъ. Владимиръ плюетъ съ досады и обзываетъ княгиню глупою. Апраксѣевна настаиваетъ на своемъ убѣжденіи. Владимиръ предлагаетъ послу состязаться въ *стрѣльбѣ*. Отъ выстрѣловъ богатырей Владимира сырой дубъ только шатается: стрѣла посла расщепила его въ черенья ножовые. Досада Владимира и 3-е испытаніе искусства посла въ игрѣ въ *шахматы*. Посолъ обыгралъ князя и требуетъ дани за 12 лѣтъ. Владимиръ, не имѣя достаточно, чтобъ уплатить дань, отдаетъ себя головою вмѣстѣ съ княгинею. Посолъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у князя гусляра. Владимиръ вспоминаетъ о Ставрѣ, какъ объ искусномъ гуслярѣ, и велитъ его привести. Ставръ играетъ, посолъ требуетъ его себѣ вмѣсто дани, и Владимиръ

---

[1]) Р. былины стар. и нов. записи, отд. II, № 56.

Digitized by Google

съ радостію соглашается. Дѣло кончается пиромъ и отъѣздомъ Василисы съ мужемъ.

Въ пересказѣ Гуляева отмѣтимъ, что князь Владиміръ, посадивъ Ставра въ шанцы глубокіе, посылаетъ къ его двору въ Черниговъ Добрыню и Алешу, съ приказомъ привезти къ нему Василису нечестно. Какъ въ обоихъ другихъ сибирскихъ пересказахъ (кн. Кострова и Кирши Данилова), Василиса выдаетъ себя за грознаго посла и побораетъ Алешу и Добрыню. Пересказъ скомканъ: стрѣлянья и игры въ шахматы нѣтъ.

Недавно былъ изданъ М. Бережковымъ любопытный варіантъ былины о Ставрѣ Одиновичѣ, записанный имъ въ селѣ Бережкѣ Юрьевскаго уѣзда, Владимирской губерніи. По сличеніи новой записи съ раньше извѣстными оказывается, что она ближе примыкаетъ къ сибирскимъ пересказамъ, чѣмъ къ олонецкимъ. Къ сожалѣнію, память сказительницы (просвирни К. А. Бережковой) не сохранила многихъ стиховъ, и былина является въ печати со значительными пропусками. Разсмотримъ вкратцѣ ея содержаніе.

Пиръ у князя Владимира и обычная похвальба пирующихъ, но оригинально, что Ставёръ Одиновичъ уже здѣсь на пиру изображенъ гусляромъ:

Одинъ, дескать, младъ Ставёръ,
Младъ Ставёръ Одиновичъ,
Только по краишку похаживаетъ,
Въ звончатыя гусолечки поигрываетъ
Найгрушки [1]) іерусалимскія,
Пѣсенки поетъ отъ Царя города.
«По Божьей по милости,
«По женней по участи,
«Али мнѣ нечѣмъ похвалитися?
Есть у меня молодая-то жена,
«Млада Василиса Микулишна;
«Молодцы во дворцѣ не старѣются,
«Добрые кони не ѣздятся,
«Злата казна не точится [2])».
— «Почемъ молодцы не старѣются?
— «Потомъ молодцы не старѣются:
«Платье на нихъ перемѣнное.
«Сапожки на нихъ зеленъ сафьянъ,
«Съ носика у нихъ хоть яйцо покати,
«А подъ пятки у нихъ воробей проскочи.
— Почемъ добры кони не ѣздятся?

---

[1]) Напечатано: «На игрушки іерусалимскія».
[2]) Вѣроятно: не тощится.

Digitized by Google

— «Потомъ добры кони не ѣздятся:
«Стараго продамъ, молодого куплю.
— «Почемъ злата казна не точится?
— «Потомъ казна не точится:
«Скуднымъ, бѣднымъ я въ долгъ отдаю,
«Тѣмъ же я ростомъ годъ проживу».

Бояре доносятъ царю Владиміру о похвальбѣ Ставра. Царю это показалось за досаду великую, и онъ велитъ посадить Ставра въ погребъ и уморить голодной смертью. Отъ посланнаго Ставромъ скораго гонца жена его въ Черниговѣ Василиса Микулишна узнаетъ объ участи мужа, переодѣвается *посломъ* (Василіемъ Ивановичемъ), и съ 300 молодцевъ ѣдетъ въ Кіевъ. На пути она встрѣчается съ гонцомъ Прокофеемъ, посланнымъ княземъ Владиміромъ съ цѣлію привезти въ Кіевъ Ставрову жену и описать его имущество.

Что возговоритъ Василій посолъ:
«Съѣдемся, воротимся среди пути-дороженьки,
«Нѣтъ де Василисы Микулишны:
«Какъ послышала невзгодушку великую,
«Уѣхала она въ землю вятскую
«Ко грозному королю корлятскому» [1]).

Пріѣздъ въ Кіевъ и пріемъ посла Владиміромъ сказительница не помнила. Далѣе слѣдуетъ испытаніе посла въ *стрѣльбѣ* и *борьбѣ*. Посолъ, выдержавъ оба испытанія, говоритъ князю:

«Гой еси, Владиміръ князь!
«Тѣшилъ я тебя, такъ потѣшь-ко ты меня:
«Выпусти Ставра Одиновича!

Далѣе сказительница помнила лишь въ отрывкахъ, что переодѣтая Ставрова жена задавала мужу загадки (игра въ свайки) и что жена Владиміра, Марья Темрюковна (sic), заподозрѣла въ послѣ переодѣтую женщину. Былина обрывается на выраженіи недовѣрія Владиміра къ словамъ жены:

Что возговоритъ Владиміръ князь:
«Бабій-то разумъ не какъ мужиковъ,
«Волосъ-то дологъ, да умъ коротокъ».

При сравненіи *сибирскихъ* былинъ (и выше разсмотрѣнной владимірской) съ *олонецкими*, между тѣми и другими оказывается одно

---

[1]) Можетъ-быть, земля вятская и король корлятскій явились какъ продуктъ послѣдовательнаго искаженія. Не пѣлось ли раньше такъ:

«Уѣхала она въ землю въ лядскую,
«Ко грозному королю ко лядскому.

Digitized by Google

существенное различіе, помимо мелкихъ деталей. Въ *сибирской* группѣ жена Ставра, подъ видомъ грознаго посла, требуетъ дани отъ Владимира, побѣждаетъ его богатырей въ стрѣльбѣ и борьбѣ, а его самого въ шахматной игрѣ и вынуждаетъ его, взамѣнъ дани, выдать Ставра. О полѣ посла догадывается не княжеская дочь, о которой нѣтъ и рѣчи, а княгиня Апраксѣевна. Въ *олонецкой* группѣ Ставрова жена подъ видомъ посла или королевича *сватается* за княжескую дочь или племянницу. Испытаніе пола производится не только борьбою и стрѣльбою, но постелью и банею. Окончаніе въ обѣихъ группахъ одинаково.

Является вопросъ, которая изъ обѣихъ группъ пересказовъ архаичнѣе, и есть ли возможность, за всѣми искаженіями и приращеніями, которымъ подвергаются отдѣльные пересказы, проникнуть къ тому пѣсенному оригиналу, отъ котораго отправилось все дальнѣйшее развитіе.

Разсмотрѣвъ всѣ варіанты былины, кромѣ 3-хъ ему неизвѣстныхъ (кн. Кострова, Гуляева и Бережкова), акад. А. Н. Веселовскій предположилъ, что древнѣйшій видъ пѣсни былъ близокъ къ варіанту Кирши Данилова и содержалъ слѣдующія черты:

1. Ставръ хвастаетъ, посаженъ въ тюрьму.
2. Василиса является посломъ съ требованіемъ дани.
3. Испытанія пола: стрѣльба, борьба, игра въ шахматы (о дань).
4. Ставръ выпущенъ изъ темницы, играетъ на пиру. Василиса выпрашиваетъ его у Владимира [1]).

Мы видѣли, что та же схема представлена, кромѣ былины Кирши Данилова, еще былиной кн. Кострова и отчасти Гуляева, и назвали эту группу *сибирской*. По сравненію со схемой другой группы — олонецкой — она менѣе сложна, и отдѣльныя подробности достаточно мотивированы логически и достаточно связаны между собой. Изъ этой схемы можно выводить вторую редакцію, болѣе сложную, и отчасти уяснить процессъ осложненія. По мнѣнію акад. А. Н. Веселовскаго, эта схема осложнилась мотивами сказки весьма извѣстной и у насъ, и въ западной Европѣ, и на Востокѣ,— сказки о дѣвушкѣ-воинѣ (хотя названіе не совсѣмъ точно). Въ разныхъ версіяхъ сказки встрѣчаются испытанія пола *баней* и *постелью* или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого. Такъ, въ одной сказкѣ у Худякова (II № 60) солдатъ, подозрѣвающій въ своемъ сослуживцѣ дѣвушку, ложится съ нею на свѣже-скошенное

---

[1]) См. Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. Пр. 1890, мартъ, стр. 52.

Digitized by Google

сѣно: подъ мужчиной оно остается зеленымъ, подъ женщиной почернѣетъ. Въ другой русской сказкѣ (Аѳанасьева, вып. I-й, стр. 34—37, изд. 1858 г.) царь Бархатъ, чтобъ испытать полъ Василія Васильевича (переодѣтой поповой дочери Василисы), приглашаетъ ее пойти въ баню, но былъ такъ же обманутъ ею, какъ Владиміръ Василисой Никуличной. Эти мотивы сказки о переодѣтой дѣвушкѣ, испытуемой главнымъ образомъ *баней* и *постелью*, были включены въ схему болѣе древней пѣсни о Ставрѣ: изъ грознаго посла, пріѣхавшаго за данью, сталъ посолъ или королевичъ-*женихъ*. Свататься онъ долженъ естественно за дочь или племянницу князя Владиміра. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины эта дѣвица даже не названа по имени [1]); въ другихъ она получаетъ различныя имена: Анны Владиміровны [2]), Машуты Владиміровны [3]), Забавы Владиміровны [4]), Настасьи Владиміровны [5]), Любови Путятичны [6]). Это отсутствіе собственнаго имени дочери или племянницы князя въ большинствѣ былинъ и разногласіе въ ея имени въ 5 былинахъ показываютъ, что мотивъ *сватанья* вошелъ сравнительно поздно и имена подбирались случайно, при чемъ нѣкоторыя (Забава, Настатья, Любовь Путятична) брались сказителями изъ былинныхъ женскихъ именъ.

Въ той схемѣ пѣсни, гдѣ посолъ являлся грознымъ насильникомъ, естественны были испытанія его силы (борьбой съ богатырями, стрѣльбой въ цѣль), прежде чѣмъ князь соглашался на отдачу дани. Когда посолъ сталъ женихомъ, тогда сомнѣнія въ полѣ получаютъ особую пикантность. Невѣста опасается быть выданной за женщину, и испытанія пола выступаютъ на первый планъ (баня, постель). Такимъ образомъ къ прежнимъ испытаніямъ силы, которыя по консервативности эпоса сохранились, присоединяются еще два другія, и былина осложняется, такъ что получается уже всего 4 (даже пять — шахматы) испытанія: *баня, постель, стрѣльба, борьба*. Конечно, число и порядокъ испытаній варьируются въ зависимости отъ памяти сказителя. Иногда пропускается одно, иногда другое. При внесеніи мотивовъ изъ той сказочной формулы, въ которой выступали „догадки женскія", оказалось необходимымъ ввести въ начало былины ту подробность, что Ставръ на пиру князя хвастаетъ именно хитростью-мудростью своей

---

[1]) Рыбн. I 41, II 21, IV 6; Гильфердингъ №№ 7, 109, 151.
[2]) Гильф. № 21.
[3]) Гильф. № 169.
[4]) Рыбн. I № 42.
[5]) Гильф. № 140.
[6]) Рыбниковъ, II № 19.

Digitized by Google

жены, а не только своимъ богатствомъ (конями, платьемъ, дворомъ). Естественно, что при передѣлкѣ основной характеръ былины значительно смягчился. Въ первой редакціи Владимиръ засаживаетъ Ставра въ погребъ, велитъ опечатать его дворъ и насильно привезти къ себѣ его жену. Это дѣло серіозное и похоже на готовящуюся трагедію: оно угрожаетъ разрѣшиться такъ, какъ дѣло князя Владимира съ женою Данилы Ловчанина, окончившееся двойнымъ самоубійствомъ — мужа и жены. Поэтому и Василиса является грознымъ посломъ, устрашающимъ князя и его богатырей. Въ болѣе позднемъ изводѣ все дѣло принимаетъ шутливый, комическій характеръ. Ставра посадили за то, что онъ похвасталъ, что жена его проведетъ бояръ Владимира и самого князя. Сажая его, иногда бояре говорятъ, какъ бы въ шутку: „пущай-ка Ставрова молода жена Ставра изъ погреба выручитъ!“ [1]). Затѣмъ комическій элементъ вносится сватаньемъ женщины за дѣвицу, испытаніями пола въ банѣ и на постели, скабрезными загадками Василисы и конечной насмѣшкой ея надъ недогадливостью князя. Все это придаетъ, на мой взглядъ, второму изводу, еще болѣе чѣмъ первому, характеръ скоморошеской работы. Думаю, что эти „веселые люди“, кстати и упоминаемые въ былинѣ (ихъ вызываютъ играть на свадебномъ пиру), вносили въ нашъ пѣсенный репертуаръ именно подобные пикантные сюжеты и уснащали ихъ красными словцами и двусмысленными загадками, которыя такъ же нравились публикѣ того времени, какъ и нашего.

Объясняя такимъ процессомъ осложненія отношеніе между сибирской и олонецкой группой пересказовъ, мы, конечно, должны отказаться отъ мысли найти въ сказочной литературѣ Запада и Востока такую сказку, которая могла бы соотвѣтствовать всему сложному содержанію большинства былинъ о Ставровой женѣ. Можно указать лишь отдѣльные мотивы въ разныхъ сказкахъ сходнаго сюжета (какъ мы упомянули уже мотивъ *бани* и *постели* для испытанія пола), своеобразно комбинированные въ нашей былинѣ. Подобныхъ „параллелей“, въ сущности мало разъясняющихъ процессъ сложенія былины, было указано очень много нашими изслѣдователями: О. Миллеромъ, В. Стасовымъ, И. Созоновичемъ, акад. Веселовскимъ, Г. Н. Потанинымъ. Всего болѣе матеріала можно найти въ книгѣ г. Созоновича: „Пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ“.

Такъ, въ одной сербской пѣснѣ поется, что единственная дочь

---

[1]) Рыбниковъ, II № 20.

Digitized by Google

старика Златія пошла вмѣсто него на войну, переодѣвшись воиномъ, и была сдѣлана визиремъ. Молодой Омеръ догадывается о ея полѣ, пишетъ объ этомъ своему отцу, который совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ испытаніямъ: а) метать булаву, б) бросать камни, в) зазвать въ зеленый садъ и пригласить валяться по зеленой травѣ (подъ дѣвушкой трава будетъ смята), г) купаться въ рѣкѣ. Дѣвушка удачно выдерживаетъ всѣ испытанія [1]). Сходныя испытанія пола встрѣчаются въ пѣсняхъ и сказкахъ хорватскихъ, болгарскихъ, чешско-словенскихъ и проч., извѣстны и въ германо-романскихъ и восточныхъ сказкахъ. Но между этими пѣснями и сказками нѣтъ ни одной, которая была бы особенно близка къ наиболѣе типическимъ чертамъ былины. Если мы находимъ совпаденіе въ цѣли переодѣванія женщины въ мужчину, то не совпадаютъ подробности испытанія пола, и наоборотъ — при совпаденіи подробностей нѣтъ тождества въ основной фабулѣ.

Наибольшее сходство въ основномъ мотивѣ — освобожденіи мужа переодѣтой женой—представляетъ сербская пѣсня: *Люба хайдук Вукосава* [2]). Содержаніе ея таково: турокъ изъ Удбинья, Бойчичъ Алиле, охотясь съ своими ловцами, захватилъ хайдука Вукосава и держитъ его три года въ темницѣ. Вукосавъ, отчаявшись въ своемъ освобожденіи, написалъ матери, сестрѣ и женѣ письмо, въ которомъ онъ разрѣшаетъ женѣ выйти замужъ за другого. Прочитавъ письмо, мать и сестра заплакали, а жена усмѣхнулась. Она остригла себѣ волосы, надѣла мужскую одежду, вооружилась съ ногъ до головы, осѣдлала коня и поѣхала въ Удбинье ко двору Бойчича Алія. Когда послѣдній выбѣжалъ, чтобъ принять ея коня, она ударила Алія и грозно закричала, какъ онъ смѣетъ у себя держать плѣнника и не отдаетъ его султану. Сама она называетъ себя султанскимъ посломъ. Запуганный Бойчичъ Алій униженно принимаетъ и угощаетъ мнимаго посла. На другой день она одна подъѣхала къ тюрьмѣ, убила сторожа, разбила дверь булавой. „Выходи, султанскій человѣкъ, — закричала она: — царь послалъ меня привести тебя и Алія къ нему!“ Хайдукъ, изнемогшій отъ долгаго заключенія, потерялъ голову и не узналъ жены. Она раза два ударила его булавой, чтобъ не возбудить подозрѣнія. Затѣмъ велѣла Бойчичу привести коня для хайдука и для самого себя. Турокъ приводитъ изъ дому коня, приноситъ кованую саблю и кошелекъ съ 500 дукатовъ. „Вотъ тебѣ, царскій посолъ, только не веди меня

---

[1]) См. Русс. Филолог. Вѣстникъ, 1886, № 2, стр. 379.

[2]) *Вук. Стеф. Караджич*—Српске народне пјесме, кн. Ш, стр. 348, изд. 1846 г.

Digitized by Google

къ царю". Тогда она посадила мужа на коня и, взявъ деньги, ускакала съ мужемъ изъ Удбинья. Достигши лѣса, она спрашиваетъ мужа: „Узнаешь ли ты это оружіе?" Мужъ говоритъ, что узнаетъ, и спрашиваетъ, откуда царскій посолъ добылъ его. „Твоя жена принесла мнѣ его, я взялъ ее себѣ въ жены". Вукосавъ въ отчаяніи, и тогда только жена открылась ему.

О. Миллеръ, а за нимъ проф. Созоновичъ приводятъ еще нѣкоторыя южно-славянскія пѣсни, развивающія тотъ же мотивъ — освобожденіе невѣстой или женой изъ темницы жениха или мужа посредствомъ переодѣванія [1]). Можно думать, что подобный „бродячій" сюжетъ былъ положенъ въ основу наиболѣе ранней доступной намъ редакціи нашей былины. Но откуда заимствовалъ нашъ эпосъ этотъ сюжетъ — этого не удалось до сихъ поръ уяснить. Г. Созоновичъ съ большой увѣренностью заявляетъ, что оригинальность русской былины о Ставрѣ ограничивается лишь двумя эпическими loci communes — пиромъ у Владимира и хвастовствомъ Ставра. „Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, — говоритъ авторъ, — она *цѣликомъ* повторяетъ содержаніе пѣсенъ сербско-болгарскихъ, при чемъ иногда совпадаетъ съ ними дословно. Пѣсни эти разработали сюжетъ объ освобожденіи мужа женою изъ темницы и *повліяли на сформированіе* русской былины, а сверхъ того къ нимъ были притянуты разсказы о дѣвушкѣ-воинѣ, уже осложненные мотивомъ объ испытаніи пола переодѣтой женщины. Вся разница русскаго произведенія, вновь возникшаго путемъ такого скрещиванія *двухъ* самостоятельныхъ мотивовъ, исчерпывается лишь незначительными подробностями, оказывающимися наслоеніемъ послѣдняго времени [2]). Какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, русскія былины про Ставра воспроизводятъ, по мнѣнію г. Созоновича, собственно южно-славянскія пѣсни, попавшія на Русь въ то время, когда имя новгородскаго Ставра еще не забылось въ устахъ народа. Южнославянскою частью былины по преимуществу слѣдуетъ считать *вторую* половину разсказа: сватовство за дочь Владимира, испытаніе пола и признаніе супруговъ — вотъ элементы, *несомнѣнно* заимствованные. *Первая* часть повѣствованія, обнимающая заключеніе провинившагося богатыря и освобожденіе его воинственной женщиной, представляется (г. Созоновичу) мѣстно-русскимъ преданіемъ, заслуживающимъ названіе *былины*. Она такъ проста по своему замыслу и настолько связана съ

---

[1]) См. О. Миллеръ — Илья Муромецъ, стр. 635—638.

[2]) Русск. Фил. Вѣстникъ, 1886, № 2, стр. 325.

Digitized by Google

дѣйствительнымъ бытомъ (sic), что, не рискуя далеко уклониться отъ истины, можно утверждать независимое возникновеніе такихъ былей какъ у южныхъ славянъ, такъ и на Руси. Лишь съ того момента, когда быль эта осложняется прибавочными мотивами, мы начинаемъ предполагать заимствованіе. Оно на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто [1]).

Славянская гипотеза г. Созоновича представляется мнѣ далеко не убѣдительной [2]):

1. Сходство между южно-славянскими, приводимыми г. Созоновичемъ, пѣснями и нашей былиной, вовсе не столь близкое, чтобы можно было первыя считать источникомъ второй.

2. Г. Созоновичъ *славянской,* т. е. заимствованной частью былины считаетъ 2-ю половину разсказа: сватовство за дочь Владимира, испытаніе пола. Но въ южно-славянскихъ, приводимыхъ имъ, пѣсняхъ именно и нѣтъ сватовства женщины за женщину. Въ нихъ (какъ и во множествѣ не славянскихъ) есть мотивъ испытанія пола, но въ нихъ онъ встрѣчается въ сюжетѣ „освобожденія", а не сватовства. Считаться источникомъ русской былины южно-славянскій пѣсенный эпизодъ *испытанія пола* имѣетъ столько же правъ, какъ тотъ же мотивъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ.

3. Страннымъ представляется мнѣніе г. Созоновича, что первая часть былины — освобожденіе провинившагося богатыря воинственной женщиной — можетъ назваться былью. Какія данныя русскаго быта говорятъ намъ о воинственныхъ женщинахъ-богатыршахъ? Существовали ли такія богатырши въ дни сложенія былины о Ставрѣ?

4. Далѣе, эти южно-славянскія пѣсни попали на Русь въ то время, когда имя новгородскаго Ставра еще не забылось въ устахъ народа. Спрашивается: правдоподобно ли это? Историческій Ставръ, новгородскій сотскій, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ 1-й четверти XII вѣка (1118 г.). Трудно допустить, чтобы реальныя черты этого заключенія, обстоятельства, его вызвавшія и сопровождавшія, хранились долго въ народной памяти. Событіе это, далеко не важное само по себѣ, могло запомниться только подъ тѣмъ условіемъ, что Ставръ сталъ сюжетомъ какого-нибудь народнаго разсказа, быть-можетъ уже пѣсни, которая была сложена, очевидно, не слишкомъ поздно послѣ событія, не черезъ 2—3 столѣтія, а еще въ томъ же XII вѣкѣ. Мы не знаемъ изъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 327.

[2]) См. также возраженія акад. Веселовскаго противъ гипотезы г. Созоновича. Журн. Мин. Нар. Пр., 1890, мартъ.

Digitized by Google

лѣтописи о судьбѣ Ставра, былъ ли онъ освобожденъ Владимиромъ-Мономахомъ изъ темницы. Но въ виду того, что былины разсказываютъ не о гибели, а объ освобожденіи, кажется слѣдуетъ думать, что это освобожденіе такъ или иначе состоялось и дало поводъ къ эпической разработкѣ этого событія, т. е. внесенію въ разсказъ странствующаго сюжета о мужѣ, освобождаемомъ изъ тюрьмы переодѣтою женою. Мы никогда не узнаемъ подробностей этой основной (предполагаемой) редакціи, но должны допустить ея существованіе, какъ основы дальнѣйшихъ переработокъ. Итакъ, въ то время, когда на Руси уже существовалъ *эпическій* народный разсказъ о Ставрѣ, на Русь (по мнѣнію г. Созоновича) явились южно-славянскія пѣсни. Но какія? Самъ г. Созоновичъ устранилъ генеалогическое отношеніе между южно-славянскими пѣснями о женѣ, выручающей мужа изъ темницы, и *сюжетомъ* русской былины: пѣсни и наша былина независимы другъ отъ друга. Значитъ, на Русь были занесены отъ южныхъ славянъ пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ съ „испытаніями пола". Но самъ г. Созоновичъ въ другихъ мѣстахъ изслѣдованія высказываетъ мнѣніе, что мотивъ „испытанія пола" — романскаго происхожденія, вошедшій въ южно-славянскія пѣсни. Какимъ образомъ южно-славянскія пѣсни успѣли сложиться, осложниться романскимъ мотивомъ и перенестись на Русь приблизительно къ XII вѣку — все это остается неразъясненнымъ г. Созоновичемъ.

5. Противъ славянской гипотезы, на мой взглядъ, говоритъ и одна характерная черта нашего Ставра: онъ представленъ въ былинѣ искуснымъ гусляромъ, и съ этимъ его талантомъ отчасти связано его освобожденіе изъ темницы: его выводятъ оттуда для игры на гусляхъ. Для этой черты, являющейся какъ въ *сибирской,* такъ и въ *олонецкой* редакціи былины, не нашлось параллели въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, хотя г. Созоновичъ и заявляетъ, что „наша былина цѣликомъ повторяетъ содержаніе пѣсенъ сербо-славянскихъ".

Полной параллели Ставру-гусляру не оказалось и въ сказкахъ и пѣсняхъ другихъ народовъ. Нѣчто отчасти похожее указалъ О. Миллеръ, а за нимъ А. Н. Веселовскій въ нѣмецкой пѣснѣ о „римскомъ графѣ" (der Graf von Rom), извѣстной въ Германіи въ нѣсколькихъ варіантахъ и съ разными именами дѣйствующихъ лицъ. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе [1]): римскій графъ (безъ точнѣйшаго опредѣленія имени) отправляется въ Палестину на поклоненіе св. гробу, но попадаетъ

[1]) О. Миллеръ. Назв. соч., стр. 638—639.

Digitized by Google

въ плѣнъ къ *одному* королю. Тотъ не хочетъ его освободить ни на какихъ условіяхъ — развѣ только за нимъ пришла бы его жена (это напоминаетъ отношенія Владимира къ женѣ Ставра, которую онъ желалъ привесть въ Кіевъ). Рыцарь, конечно, не согласенъ на такой позоръ. Онъ пишетъ женѣ письмо о своемъ положеніи. Она придумываетъ отправиться выручать мужа подъ видомъ монаха. При этомъ она пользуется своимъ умѣньемъ играть на гусляхъ и, допущенная къ королю, очаровываетъ его своей игрой. Монахъ-музыкантъ проживаетъ у короля 4 недѣли; ему предлагаютъ въ награду за игру всякія сокровища, но онъ отказывается отъ всего этого, выпрашиваетъ себѣ узника, вспахивающаго королевское поле, т. е. римскаго графа. Получивъ, такимъ образомъ, свободу, графъ возвращается домой, куда жена прибыла раньше его. Онъ упрекаетъ жену, что она, по полученіи его письма, не предприняла ничего для его освобожденія. Тутъ она выноситъ ему то монашеское платье, въ которомъ была у короля, и объявляетъ мужу, что чудесный монахъ-гусляръ — это была она.

Съ этой старинной нѣмецкой пѣснею совпадаетъ близко по содержанію русская сказка „Царица-гусляръ“ [1]), которую даже О. Миллеръ заподозрѣлъ въ нѣмецкомъ происхожденіи: нѣкоего царя, отправившагося на богомолье въ Святую землю, забралъ тамъ въ плѣнъ и засадилъ въ темницу *проклятый король*. Плѣнникъ написалъ женѣ письмецо: „Продавай все наше имѣніе да пріѣзжай выкупать меня изъ неволи“. Она же остригла свои косы, нарядилась гусляромъ и отправилась къ „проклятому“ королю. Игра гусляра понравилась королю, и онъ спросилъ, наконецъ: „Что тебѣ за труды?“ — „А пожалуй мнѣ, государь, единаго невольника; ихъ много у тебя въ темницѣ насажено, а мнѣ нуженъ товарищъ въ дорогѣ“. Король согласился, и мнимый гусляръ выбралъ своего мужа. Вернувшись домой, царь вздумалъ судить жену свою за то, что она не явилась къ нему на выручку. Тогда царица, нарядившись опять гусляромъ, вышла къ царю и заиграла, потомъ сбросила съ себя верхнюю одежду, и всѣ сейчасъ же узнали ее и поняли, кто освободилъ царя.

Приведенная нѣмецкая пѣсня и русская сказка (вѣроятно книжнаго происхожденія), представляя варіантъ широкораспространеннаго сказочнаго сюжета — освобожденіе мужа переодѣтою женою — содержитъ еще мотивъ „игранія на гусляхъ“, но не въ той связи, въ какой этотъ мотивъ является въ былинѣ о Ставрѣ: играетъ переодѣтая

---

[1]) Аѳанасьевъ, VII, № 21.

Digitized by Google

мужчиной жена, а не посаженный въ тюрьму мужъ. Однако мы можемъ представить себѣ, что въ числѣ сказокъ того же типа была и такая комбинація деталей, въ которой игралъ на гусляхъ именно мужъ и, благодаря этому искусству, былъ выученъ женою (какъ въ нѣмецкой пѣснѣ мужъ выученъ женою благодаря гуслямъ) — и сказка съ такой комбинаціей деталей могла бы пригодиться составителю первой редакціи былины о Ставрѣ, какъ матеріалъ для былинной обработки преданія о заключеніи Ставра въ темницу и его освобожденіи. Если искусникомъ играть на гусляхъ былъ сдѣланъ Ставръ, то его переодѣтая жена должна была уже не гуслями, а другими средствами выручать мужа, и здѣсь могъ припомниться и пригодиться извѣстный нашему эпосу типъ женщины-поляницы, сильной въ борьбѣ и мѣткой въ стрѣльбѣ (какъ, напр., жена Дуная, Добрыни).

Нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ восточныхъ „параллелей" женѣ Ставра въ изслѣдованіяхъ В. В. Стасова и Г. Н. Потанина. Не считая нужнымъ подробно излагать ихъ сопоставленій, ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. Оба изслѣдователя ищутъ и находятъ оригиналъ фабулы, положенной въ основу былины, на Востокѣ. В. В. Стасовъ нашелъ этотъ оригиналъ въ алтайской пѣснѣ объ Алтаинъ-Саинъ-Саламѣ, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается мотивъ переодѣванья женщины (сестры героя) въ мужское платье и стрѣляніе въ цѣль, — при несходствѣ во множествѣ другихъ подробностей съ деталями былины. Разборъ соображеній г. Стасова сдѣланъ О. Миллеромъ [1]). Сопоставленія Г. Н. Потанина, въ его статьѣ „Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ" [2]), представляются мнѣ также мало доказательными для *восточной* гипотезы. Авторъ ищетъ ближайшихъ параллелей былины въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэръ-ханѣ, въ тюркскихъ и бурятскихъ сказкахъ. Нельзя отрицать сходства въ нѣкоторыхъ мотивахъ (переодѣваніе женщины въ мужское платье, сватовство женщины за женщину, стрѣлянье въ цѣль, испытаніе пола); но ни въ одномъ разсказѣ они не являются въ той комбинаціи, какъ въ былинѣ, и притомъ эти мотивы ни въ одной сказкѣ не являются соединенно, а встрѣчаются *порознь* — по одному или по два въ различныхъ сказкахъ. Существеннымъ отличіемъ отъ былины даже той (тюркомонгольской) сказки, которую Г. Н. Потанинъ ставитъ всего ближе къ былинѣ, является то, что въ ней не жена спасаетъ мужа, а сестра брата, притомъ

---

[1]) Назв. соч., стр. 643 и слѣд.

[2]) Этнограф. Обозрѣніе, кн. X, стр. 40—49.

Digitized by Google

умершаго, т. е. содѣйствуетъ его воскрешенію. Она, подъ видомъ мужчины, сватаетъ для покойника двухъ или трехъ невѣстъ, дѣвушекъ, имѣвшихъ способность воскрешать мертвыхъ, и, такимъ образомъ, возвращаетъ жизнь брату, а сама обращается въ зайца. Очевидно, мы стоимъ очень далеко отъ мотивовъ былины.

Просмотръ всѣхъ приведенныхъ доселѣ „параллелей" убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ даютъ весьма мало для уясненія литературной исторіи былины о Ставрѣ. Мы не можемъ среди сказокъ и пѣсенъ Востока, Запада и Юга указать ни на одну, послужившую источникомъ старѣйшей извѣстной намъ (сибирской) редакціи былины, не можемъ даже указать болѣе или менѣе точно, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать этого источника — въ южномъ, западномъ или восточномъ. Быть-можетъ, мы подойдемъ ближе къ рѣшенію этого вопроса, если поставимъ сначала вопросъ о *мѣстѣ* и *времени* сложенія нашей былины.

Прежде всего вспомнимъ, что освобождаемое Василисою Микуличною лицо носитъ имя извѣстное изъ лѣтописи. Ставръ жилъ въ XI—XII вѣкѣ и былъ гражданиномъ новгородскимъ. Подъ 1118 годомъ 1-я новгородская лѣтопись занесла о немъ слѣдующую замѣтку: „Приведе Володимеръ (Мономахъ) вся бояры новогородскыя Кыеву и заводи я къ честьному кресту и пусти я домовь, а иныя у себе остави; разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю и на сочьского на Ставра и затоци я всѣ". Вотъ все, что исторически извѣстно о Ставрѣ — ни въ одной другой лѣтописи *кромѣ новгородской* не упоминается поступокъ съ нимъ Владимира Мономаха. Но, при всей скудости извѣстій, между лѣтописнымъ и былиннымъ Ставромъ трудно отрицать связь. Въ былинахъ основой разсказа также является гнѣвъ на Ставра Владимира и заточеніе въ погреба глубокіе. Въ пересказахъ Кирши Данилова и кн. Кострова (наиболѣе архаичныхъ) Ставеръ называется бояриномъ, какъ новгородскій сотскій Ставръ. Есть поэтому основаніе думать, что въ основѣ современной былины о Ставрѣ, прошедшей черезъ нѣсколько фазисовъ передѣлокъ, лежитъ нѣчто очень древнее — разсказъ или историческая пѣсня о реальномъ лицѣ и событіи начала XII вѣка. Но въ какомъ районѣ Руси должна была сложиться эта основная пѣсня о Ставрѣ? Мы видѣли, что имя Ставра почти неизвѣстно въ центральной Руси и приволжскихъ губерніяхъ: оно извѣстно только въ районѣ новгородскаго культурнаго вліянія — Олонецкой губерніи — и занесено изъ сѣверныхъ же губерній Европейской Россіи въ Сибирь. Историческій Ставръ также упоминается

Digitized by Google

только въ новгородской лѣтописи. Слѣдовательно, это лицо и его заключеніе Владимиромъ въ тюрьму вызывало интересъ только въ новгородской области; да оно и понятно въ виду того, что Ставръ былъ новгородскимъ сотскимъ. При исторически извѣстныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ Новгорода къ Кіеву крутой поступокъ кіевскаго князя (какимъ былъ въ 1118 г. Владиміръ Мономахъ) съ новгородскимъ именитымъ гражданиномъ долженъ былъ задѣть за живое новгородскій патріотизмъ и могъ послужить стимуломъ къ сложенію разсказа или пѣсни, въ которой кіевскій князь Владиміръ получилъ нелестную для него роль. Вспомнимъ, что, засадивъ Ставра въ Кіевѣ, Владиміръ Мономахъ сдѣлалъ именно то, противъ чего впослѣдствіи такъ возставали новгородцы, постоянно требовавшіе отъ своихъ князей, чтобъ они судили новгородцевъ не иначе, какъ въ Новгородѣ, и не вызывали ихъ на судъ въ другіе города. Все это говоритъ въ пользу того, что основная пѣсня о Ставрѣ была сложена въ Новгородской области и лишь гораздо позже, въ періодъ московскій, вошла въ такъ называемый кіевскій былинный циклъ. Прикрѣпиться къ послѣднему она могла тѣмъ легче и удобнѣе, что въ основной пѣснѣ уже дано было имя князя Владимира (Мономаха), совпадавшее съ именемъ безсмѣннаго эпическаго кіевскаго князя Владимира Сеславьича.

Помимо этого общаго соображенія о новгородскомъ происхожденіи былины о Ставрѣ, въ пользу его можно привести, кажется, нѣкоторыя частныя черты въ дошедшихъ до насъ пересказахъ.

Несмотря на то, что переодѣтая Василиса Никулична *побораетъ* борцовъ кн. Владимира, типическихъ чертъ богатырства, извѣстныхъ въ былинахъ о кіевскихъ богатыряхъ, былина о Ставрѣ почти не представляетъ. Мы не видимъ вокругъ Владимира настоящихъ богатырей: онъ предлагаетъ послу потѣшиться — побороться съ его *дворянами* [1]) или *боярами* или *борцами удалыми молодцами* [2]). Жена Ставра, въ одной былинѣ [3]), „окрутилась да по рыцарску", и Владиміръ не знаетъ, кого изъ *рыцарей* послать противъ нея [4]). Если иногда борцы и названы богатырями [5]), то это не общеизвѣстные кіевскіе богатыри — ихъ имена не упоминаются. Въ пересказѣ Кирши Данилова

---

[1]) Гильф. №№ 7, 151.
[2]) Гильф. № 169.
[3]) Гильф. 109. Рыбн. II, № 19.
[4]) Тамъ же, столб. 617.
[5]) Рыбн. II. 20.
[6]) Рыбн. IV, № 6, стр. 33; Кирша Даниловъ № XIV.

Digitized by Google

говорится о какихъ-то нарочныхъ борцахъ, удалыхъ молодцахъ Притченкахъ (?) и Хапилонкахъ (?) [1]). Въ варіантѣ кн. Кострова при Владимирѣ упоминаются слѣдующіе богатыри: Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Кунгуръ Самородовичъ, Суханъ Дементьевичъ, Самсонъ Колывановичъ и ребята Хапиловы. Случайность подбора богатырей явствуетъ уже изъ того, что переодѣтая жена Ставра оказывается сильнѣе перваго русскаго богатыря Ильи Муромца. Въ пересказѣ, записанномъ Гуляевымъ, Василиса побораетъ Добрыню и Алешу.

Итакъ, только въ двухъ сибирскихъ пересказахъ мы находимъ внесенными въ былину о Ставрѣ имена извѣстныхъ кіевскихъ богатырей, во всѣхъ же олонецкихъ варіантахъ настоящіе богатыри отсутствуютъ. Можно думать поэтому, что Добрыня и Алеша, Илья Муромецъ и проч., попали въ сибирскіе пересказы позднѣе и что въ раннемъ изводѣ былины не было даже названія *богатырь*, котораго вообще не было въ новгородскомъ эпосѣ.

Если родство Василисы съ Микулой Селяниновичемъ основано на традиціи, то это приводило бы былину въ связь съ личностью новгородскаго эпоса, такъ какъ принадлежность Микулы послѣднему, какъ я старался доказать въ другой статьѣ, имѣетъ очень многое за себя. Вспомнимъ кстати, что въ одномъ пересказѣ (Гильф. № 7) извѣстіе о заключеніи Ставра привозитъ Василисѣ *Микулка Селяниновичъ*.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ Ставръ представленъ съ замашками купца, въ родѣ новгородскаго Садка. Хвастая своими богатствами, онъ говоритъ и о своихъ торговыхъ операціяхъ:

Которы жеребчики получше,
На тѣхъ самъ ѣзжу;

[1]) Хапилонки, вѣроятно, дублетъ братьевъ Хапиловыхъ, упоминаемыхъ также въ сибирской былинѣ (Кирши) въ числѣ могучихъ кіевскихъ богатырей Владимира:

Самсонъ богатырь Колывановичъ,
Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,
Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братьевъ Збродовичи.
Еще мужики были Залѣшана,
А еще два брата Хапиловы (Кир. I, стр. 45).

Имя Хапиловы напоминаетъ *Хопыльскій* рядъ въ Новгородѣ, въ которомъ, по мнѣнію Никитскаго, сосредоточивались торговцы восточными азіатскими товарами. (Очерки эконом. жизни Великаго Новгорода, стр. 96). *Хопыли, Хопыльскіе* гости встрѣчаются также въ Твери и Москвѣ еще въ самомъ началѣ XIV в. Они находятся въ тѣсной связи съ татарами. Когда именно въ Твери татары подверглись избіенію, то послѣднее одинаково было распространено и на хопыльскаго гостя. (Тамъ же стр. 169).

Digitized by Google

Которы жеребчики похуже,
Сгоню на рыночекъ,
Князьямъ-боярамъ повыпродамъ
И возьму за нихъ цѣну полную.
Оттого у Ставра золота казна не тощится,
Не тощится, малы денежки не держатся [1]).

Здѣсь отъ словъ Ставра такъ и вѣетъ новгородскимъ промышленнымъ духомъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и то, что князь Владиміръ (въ одной былинѣ) даетъ Ставру награду наиболѣе цѣнную для предпріимчиваго гостя торговаго:

За твою великую за похвальбу
Торгуй въ нашемъ городѣ во Кіевѣ,
Во Кіевѣ во градѣ вѣкъ *безпошлинно!* [2]).

Въ томъ, что богатства (дворы, села, кони, платье) Ставра возбуждаютъ алчность князя Владиміра, приказывающаго опечатать его дворъ, кажется, можно видѣть историческую бытовую черту. Богатства новгородскія всегда кололи глаза князьямъ сосѣднимъ и дальнимъ (кіевскимъ, черниговскимъ, суздальскимъ), и Великому Новгороду всего чаще приходилось откупаться дорогой цѣной отъ ихъ покушеній. *Новгородская* точка зрѣнія на кіевскаго князя сказывается и въ смѣшной роли, приписываемой былиной князю Владиміру, котораго „съ ума свела“ ловкая баба.

Итакъ мнѣ кажется, что мы имѣемъ достаточно данныхъ видѣть въ былинѣ о Ставрѣ произведеніе новгородскаго творчества. Что касается времени ея сложенія, т. е., говоря точнѣе, передѣлки *предполагаемой* старинной новгородской пѣсни о Ставрѣ въ былину, то даже наиболѣе архаическую (сибирскую) редакцію съ „грознымъ посломъ“ мы, повидимому, должны считать возникшею не позже XV-го вѣка или, по крайней мѣрѣ, того періода, когда татарскіе послы представлялись еще страшными для Россіи. Такое хронологическое пріуроченіе подтверждается нѣкоторыми чертами содержанія, къ которымъ отношу слѣдующія: яркое описаніе страха, испытываемаго княземъ при извѣстіи о наѣздѣ грознаго посла изъ Золотой Орды, поспѣшныя приготовленія къ его встрѣчѣ (ельники), наушничанье бояръ, подслушивающихъ за столомъ обидныя для княжескаго самолюбія похвальбы Ставра и доносящихъ объ этомъ князю, приказъ князя запечатать дворъ Ставра, — все это отзывается чертами времени.

---

[1]) Рыбн. II, № 21, стр. 115. Былины старой и новой записи № 58.
[2]) Рыбн. II, № 20, стр. 112. Ср. Гильф, № 151, столб. 774.

Digitized by Google

Эта первая доступная намъ передѣлка основной пѣсни могла зайти въ Сибирь предположительно въ XVI или XVII в. вмѣстѣ съ движеніемъ туда русскаго населенія и сохранилась въ 3-хъ сибирскихъ намъ извѣстныхъ пересказахъ. Послѣдующая передѣлка произошла, вѣроятно, не раньше XVI, XVII вв. и дошла до насъ въ пересказахъ, записанныхъ въ Олонецкой губерніи. Обѣ передѣлки представляютъ работу нашихъ старинныхъ скомороховъ, этихъ хранителей и пополнителей эпическаго былевого репертуара, сдавшихъ его затѣмъ олонецкимъ сказителямъ.

Въ связи съ предполагаемымъ новгородскимъ происхожденіемъ былины долженъ быть поставленъ вопросъ объ источникахъ ея фабулы. Съ какой стороны въ районъ новгородскаго культурнаго вліянія зашелъ сказочный сюжетъ, разработанный въ былинѣ? Предполагать восточный путь перехода—нѣтъ основанія, какъ мы видѣли изъ разбора параллелей, приводимыхъ Г. Н. Потанинымъ. Сомнительнымъ представляется мнѣ и выдвигаемое проф. Созоновичемъ южно-славянское происхожденіе сюжета. Нѣсколько болѣе вѣроятнымъ кажется западный путь. Вспомнимъ близкое и постоянное отношеніе Новгорода къ Германіи, проживаніе нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, *рыцарскую* округу Василисы и упоминаніе рыцарей Владимира (въ одной былинѣ), указанное выше сходство нѣмецкой старинной (*напечатанной* уже въ XV в.) пѣсни о римскомъ графѣ съ былиной, помимо сюжета, въ участіи гуслей при освобожденіи узника. Все это, повидимому, говоритъ въ пользу запада. Но, конечно, это только возможная гипотеза, которая можетъ получить подкрѣпленіе только въ томъ случаѣ, если будутъ найдены недостающія теперь посредствующія звенья между новгородской былиной и западными (напр. германскими) однородными сказками или пѣснями. А можетъ-быть, новыя находки въ области фольклора устранятъ и западную гипотезу и заставятъ насъ иначе взглянуть на тѣ выводы, которые я выставляю только какъ возможные.

Digitized by Google

Къ былинамъ о Садкѣ[1]).

Былины о Садкѣ богатомъ гостѣ, принадлежащія въ настоящее время исключительно олонецкому былинному репертуару, немногочисленны[2]). Изъ *девяти* извѣстныхъ намъ варіантовъ, полными, т. е. содержащими всѣ подробности эпической біографіи Садка, могутъ быть названы только два[3]). Въ нихъ однихъ Садко является сначала бѣднымъ гусляромъ, который обогащается покровительствомъ морского царя, живущаго въ Ильмень-озерѣ. Всѣ остальные варіанты уже знаютъ Садка за новгородскаго богача-купца и открываются его похвальбой скупить всѣ товары новгородскіе. Припомнимъ содержаніе былины по наиболѣе полному варіанту (Сорокина).

Въ славномъ Новѣгородѣ жилъ гусельщикъ Садко, спотѣшавшій своею игрою на пирахъ купцовъ и бояръ. Три дня подъ рядъ не звали его на пиры. Соскучилось Садку, и пошелъ онъ на берегъ Ильмень-озера, сѣлъ на бѣлъ-горючъ камень и игралъ на гусляхъ съ утра до вечера. Къ вечеру вдругъ поднялись на озерѣ волны, вода съ пескомъ *смутилася*, и Садко, испугавшись, пошелъ домой въ Новгородъ. На другой день повторилось то же самое. На третій — изъ озера поднялся царь Водяной и благодарилъ Садка за его игру. Онъ говоритъ гусляру, что его завтра позовутъ на почестенъ пиръ, гдѣ каждый будетъ хвастать, чѣмъ можетъ. Пусть и Садко похвастаетъ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба „золотыя перья“ и побьется съ богатыми купцами объ закладъ, при чемъ самъ пусть прозакладуетъ свою буйную голову, а съ купцовъ потребуетъ лавки съ дорогими товарами. Царь Водяной обѣщаетъ послать въ тоню Садка троекратно по рыбѣ златоперой. Все произошло такъ, какъ сказалъ царь Водяной. Садко выигралъ

---

[1]) Въ предлагаемый очеркъ вошла *отчасти* статья «Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ», напечатанная въ Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1879 г. часть CCVI.

[2]) *Рыбниковъ* I №№ 61, 62, 63, 64; III №№ 41 (—Кирѣевскій V стр. 241—48) 42; Гильфердингъ №№ 70, 146, —74.

[3]) *Гильфердингъ* № 70 (Сорокина) и Рыбниковъ I № 64.

Digitized by Google

6 лавокъ въ гостиномъ ряду, сталъ торговать, разбогатѣлъ, женился и выстроилъ роскошныя палаты бѣлокаменныя. Однажды, собравъ къ себѣ на пиръ купцовъ, господъ новгородскихъ и пригласивъ настоятелей Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева, Садко, среди хвастовства гостей, похвасталъ, что на свою несчетну казну скупитъ всѣ товары въ Новгородѣ. Присутствующіе ударились объ закладъ о тридцати тысячахъ. На другой день Садко посылаетъ по городу свою дружину скупать товары. Къ вечеру все было скуплено. Однако на другой день въ городѣ появились вновь товары въ гостиномъ ряду. Садко скупилъ все. Но на третій день подвезли товары московскіе. Садко долженъ сознаться, что ему не выкупить товаровъ со всего свѣту бѣлаго, и отдаетъ тридцать тысячъ.

Затѣмъ Садко нагружаетъ новгородскими товарами 30 кораблей и ѣдетъ торговать.

Ай какъ на своихъ на черныхъ на карабляхъ,
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
Ай со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплылъ да въ Неву рѣку,
Ай какъ со Невы рѣки какъ выѣхалъ на синё морё.
Ай какъ ѣхалъ онъ по синю морю,
Ай какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду [1]).

Распродавъ товары и нагрузивъ корабли золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, Садко снова выплылъ въ сине море. Тутъ приключилась ему неудача. Несмотря на сильный вѣтеръ, рвавшій паруса, корабли вдругъ остановились — и ни съ мѣста. Догадываясь, что морской царь требуетъ дани, Садко велитъ бросить въ море бочку-сороковку золота. За нею слѣдуетъ бочка серебра и жемчуга, но все напрасно. „Видно, морской царь требуетъ живой головы“, рѣшаетъ Садко и велитъ дружинѣ метать жеребьи. Жеребьи упорно указываютъ, что морской царь требуетъ себѣ самого Садка. Убѣдившись, что отъ судьбы не уйдешь, онъ дѣлаетъ распоряженіе передъ смертью:

Ай какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьимъ церквамъ,
Ай какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братіи,
А какъ ино имѣньицо онъ отписывалъ да молодой жены,
Ай достальнёё имѣнье отписывалъ дружинѣ онъ хоробрыей».

Затѣмъ, захвативъ съ собой гусли, онъ велѣлъ себя спустить въ море на дубовой доскѣ. Немедленно корабли понеслись будто черные

---

[1]) Гильфердингъ, столб. 392.

Digitized by Google

вороны, а Садко остался на морѣ. Отъ страха великаго онъ заснулъ и проснулся на днѣ моря. Здѣсь онъ увидѣлъ въ палатахъ бѣлокаменныхъ морского царя, который объявилъ ему, что вытребовалъ его, чтобъ послушать его игры. Слѣдуетъ пляска морского царя, разволновавшая море, вслѣдствіе чего тонутъ корабли и гибнетъ много народа православнаго. Микола угодникъ выслушалъ молитвы гибнущихъ, явился въ видѣ старца сѣдатаго на днѣ моря и велитъ Садку прекратить игру, оборвавъ струны гуслей и сломавъ шпенечки. Пляска царя морского прекращается, но онъ хочетъ оставить у себя Садка, женивъ его на морской дѣвицѣ. По совѣту Миколы, Садко изъ предложенныхъ ему на выборъ дѣвицъ выбираетъ Чернаву. Послѣ свадебнаго пира онъ заснулъ и, проснувшись, очутился въ своемъ городѣ лежащимъ на крутомъ кряжу у берега рѣки Чернавы. Въ то же время по Волхову подъѣжаютъ его корабли съ казною.

Въ благодарность за спасенье Садко

«Ай какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николы да Можайскому,
Ай какъ другую церковь сдѣлалъ Пресвятыя Богородицы.
Ай топерь какъ вѣдь да послѣ этого
Ай какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
Ай о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синё морё,
Ай какъ сталъ проживать во своёмъ да онъ во городѣ»[1]).

Таково содержаніе былины въ этомъ лучшемъ варіантѣ, отличающемся полнотою и логичностью плана. Въ прочихъ олонецкихъ варіантахъ, большей частью плохихъ, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты. Такъ, скупаніе Садкомъ товаровъ въ городѣ въ нѣкоторыхъ былинахъ достигаетъ своей цѣли. Онѣ открываются тѣмъ, что Садко безъ всякаго спора съ новгородцами, посылаетъ скупить всѣ товары и, нагрузивъ ими корабли, ѣдетъ торговать[2]). Въ трехъ варіантахъ[3]) вставленъ эпизодъ, извѣстный изъ сказокъ, — споръ морского царя съ царицей о томъ, что́ на Руси дороже: булатъ или золото. Садко, призванный судьею, рѣшаетъ споръ въ пользу булата. Въ одномъ варіантѣ[4]) роль Миколы Можайскаго беретъ на себя Поддонная царица: она, жалѣя христіанскія души, гибнущія на морѣ отъ пляски морского царя, совѣтуетъ Садку порвать струны гуслей и затѣмъ даетъ

[1]) Гильфердингъ, столб. 399.
[2]) *Рыбниковъ*, I 61, 63; III 41.
[3]) *Рыбниковъ*, I 62, III 41 и 42.
[4]) *Рыбниковъ*, III, 41.

Digitized by Google

ему же совѣтъ относительно выбора невѣсты. Въ одномъ отрывкѣ [1]) споръ морского царя съ царицей кончается трагически: за противорѣчіе царь схватилъ саблю острую и отсѣкъ царицѣ буйну голову. Очевидно, сказитель не кстати внесъ эту подробность изъ былины о Вольгѣ и Турецъ-Санталѣ. Покончивъ съ царицей, царь отдаетъ за Садка любимую дочь и самъ велитъ ей проводить его на святую Русь. Очутившись на землѣ, Садко

Поклонился и распростился съ ёй:
«Ты прощай, царевна морская:
Я тебѣ женихомъ не пришелъ,
А ты мнѣ въ невѣсты не пришла .

Болѣе интересныхъ подробностей представляютъ обѣ былины о Садкѣ въ сборникѣ Кирши Данилова (№№ 26 и 44). Въ одной Садко является не природнымъ новгородцемъ, а пріѣзжимъ въ Новгородъ съ Волги молодцемъ, знающимъ эту рѣку съ вершины до нижняго царства Астраханскаго. Садко гулялъ по Волгѣ 12 лѣтъ, но не называется купцомъ и, повидимому, промышлялъ чѣмъ-то инымъ. О товарахъ его нѣтъ и помину. Былина ничего также не знаетъ о немъ какъ о гуслярѣ.

Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ,
Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой,.
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга рѣка!
А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошолъ;
А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать».

Волга шлетъ съ нимъ поклонъ своему брату Ильменю.

Прійдя пѣшкомъ къ Новгороду, Садко, остановившись на берегу Ильменя, поклонился и передалъ челобитье отъ Волги. Изъ Ильменя выходитъ добрый молодецъ, спрашиваетъ Садка, какъ онъ знаетъ его сестру Волгу, и совѣтуетъ ему просить у новгородцевъ работниковъ съ тремя неводами, обѣщая Садку хорошій уловъ рыбы въ озерѣ. Дѣйствительно, уловъ былъ богатый: рыбою наполнили погреба глубокіе, а черезъ нѣсколько дней рыба обратилась въ золотыя и серебряныя деньги. Садко благодаритъ Ильмень-озеро и проситъ научить его, какъ ему жить въ Новгородѣ. По совѣту Ильменя, онъ начинаетъ водиться съ таможенными и посадскими и поступаетъ въ братчину Никольщину. Далѣе слѣдуетъ споръ Садка съ новгородцами

[1] *Рыбниковъ*, I № 62.

Digitized by Google

и удачное скупаніе товаровъ. Скупивъ все, даже черепаны и гнилые горшки, Садко иронически замѣчаетъ:

«Пригодятся ребятамъ черепками играть,
Поминать Садку, гостя богатаго!
Что не я, Садко, богатъ, — богатъ Новгородъ
Всякими товарами заморскими
И тѣми черепанами, гнилыми горшки!»

Сказитель-слагатель этой былины, вѣроятно долго жившей въ восточныхъ краяхъ Россіи, не имѣлъ никакихъ новгородскихъ симпатій. Въ его передачѣ Садко представляется волжскимъ удалымъ молодцемъ, пришельцемъ, обогатившимся въ Новгородѣ и притомъ издѣвающимся надъ его жителями. Въ другой общеизвѣстной былинѣ Кирши Данилова, гдѣ разсказано морское приключеніе Садка на Хвалынскомъ (т. е. Каспійскомъ) морѣ, онъ является кореннымъ новгороддемъ, прихожаниномъ церкви Николы Можайскаго. Очутившись на берегу Волхова, онъ узнаетъ свою приходскую церковь.

Перейдемъ къ разбору былины.

Есть основаніе думать, что древнѣйшей ея основой была пѣсня объ историческомъ лицѣ. Садко, какъ извѣстно, упоминается въ новгородской и псковской лѣтописяхъ какъ строитель церкви свв. Бориса и Глѣба, хотя въ хронологическихъ указаніяхъ лѣтописи вышла какая-то путаница [1]). Наиболѣе вѣроятно отнесеніе этой постройки къ 1167 году лѣтописями новгородской 1 и 3. Въ *первой* строитель *каменной* церкви названъ Съдко Сытинець (варіантъ Сотко Сытиничь). Въ *третьей* точнѣе опредѣляется мѣстоположеніе ея: „Въ лѣто 6675 (1167) въ Великомъ Новгородѣ на Софійской сторонѣ, заложи церковь каменну святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба въ Околоткѣ Сотко Сытиничь, въ каменномъ городѣ-дѣтинцѣ". Слѣдуетъ думать, что построенная Съдкомъ близъ св. Софіи каменная церковь долго была въ городскомъ населеніи связана съ его именемъ какъ богатое сооруженіе частнаго лица. *Каменныхъ* церквей въ XII вѣкѣ было еще немного, и, конечно, рѣдко частныя лица предпринимали такія капитальныя постройки. Имя этого историческаго храмоздателя (въ Софійскомъ Временникѣ онъ называется *Сотко богатой*) запомнила новгородская былина, въ которой Садко богатый гость также является строителемъ

---

[1]) См. попытку разобраться въ свидѣтельствахъ новгородскихъ лѣтописей о Садковой церкви, сдѣланную П. А. Безсоновымъ. Пѣсни Кирѣевскаго. Выпускъ 5-й, стр. LVII—LXIII.

Digitized by Google

то одной, то двухъ, то даже трехъ церквей. Когда Садко разбогатѣлъ, — читаемъ мы въ былинѣ Кирши Данилова (№ 26), —

И вложилъ ему Богъ желанье въ ретиво сердце.
Шелъ Садко, Божій храмъ соорудилъ
А и во имя Софіи премудрыя.
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Мѣстны иконы изукрашивалъ,
Чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.

Та же былина приписываетъ ему далѣе постройку еще двухъ церквей: Стефана архидіакона и Николая Можайскаго.

Новгородскій эпосъ называетъ Садка богатымъ *гостемъ*, упоминаетъ его лавки, корабли съ товарами, его поѣздки заморскія, особенно по синему морю или Веряйскому (т. е. Варяжскому, Балтійскому). Лѣтопись не называетъ Съдка торговымъ гостемъ, но нетрудно предположить, что историческій Сотко свои богатства, давшія ему средства построить каменный храмъ, пріобрѣлъ, какъ многіе другіе новгородскіе богачи, путемъ обширной внѣшней торговли.

Итакъ новгородское преданіе, составившее первоначальную основу былины, разсказывало что-то объ одномъ изъ богатыхъ новгородскихъ торговцевъ XII вѣка, связавшаго свое имя съ сооруженіемъ каменной церкви и предпринимавшаго обширные торговые обороты. Посмотримъ теперь, какіе сказочные мотивы прикрѣпились къ имени этого историческаго лица.

Уже въ одной статьѣ (по поводу теоріи В. В. Стасова), напечатанной мною въ 1871 году [1]), я высказалъ предположеніе, что въ былинномъ Садкѣ слились двѣ личности — эпическаго гусляра, плѣняющаго своею игрою морского царя, и богатаго новгородскаго купца. Въ нѣкоторыхъ былинахъ (напр. Рыбниковъ II 62, Кирша Даниловъ № 26) о Садкѣ, какъ о гуслярѣ, вовсе не упоминается. *Въ первой* изъ названныхъ былинъ Садко, хотя и спускается въ морѣ, но не играетъ тамъ на гусляхъ; *во второй* — Садко обогащается не за игру на гусляхъ, а за переданное имъ Ильменю челобитье отъ его сестры Волги. Отъ смѣшенія обѣихъ личностей — гусляра и купца — происходитъ та неясность представленія, которая получается читателемъ былинъ о Садкѣ. Какъ гусляръ, Садко является въ тѣсной связи съ морскимъ царемъ, и оба персонажа должны разсматриваться вмѣстѣ. Какъ купецъ, Садко состязается въ богатствѣ съ Новгородомъ, строитъ

[1]) Въ «Бесѣдахъ въ Обществѣ любителей россійской словесности». Вып. III.

Digitized by Google

корабли, записывается въ братчину Никольщину, строитъ церкви, палаты и проч. Поищемъ сначала объясненія типа Садка-гусляра и поклонника его таланта морского царя.

Нужно вспомнить, что на берегахъ озера Ильменя мы стоимъ на финской почвѣ, которую оглашала чудесная игра Вейнемейнена, что изъ озера появлялся царь морской Ahti, и что въ близкой Олонецкой губерніи были записаны Лённротомъ высоко-поэтическія руны, въ которыхъ главную роль играетъ національный герой и, какъ полагаютъ, древній богъ финновъ, пѣвецъ Вейнемейненъ [1]). Просматривая эти руны и мѣстныя финскія и эстскія сказанія, мы открываемъ цѣлый рядъ аналогій съ нѣкоторыми чертами новгородской былины о Садкѣ.

Начнемъ съ имени озера. Названіе Ильмень есть финское имя озера Ilmjärw, что̀ значитъ Wettersee (Ilma — воздухъ, погода, järw — озеро), то-есть озеро, предсказывающее или производящее погоду. У финновъ и эстовъ существуетъ убѣжденіе, что извѣстные ручьи, рѣки и озера могутъ производить дожди и порождать бурю, особенно если бросить что-нибудь въ ихъ воду. На вопросъ Крейцвальда, какъ можетъ погода зависѣть отъ воды, онъ получилъ отвѣтъ: „Это наша старая вѣра,—намъ такъ передавали старики“ [2]). Эсты въ Дерптскомъ округѣ тщательно вычищаютъ ежегодно русло ручья Wöhhanda, протекающаго черезъ Ильмень-озеро [3]), наблюдаютъ его для предсказанія погоды и приносятъ въ жертву богу ручья, иногда являющемуся въ видѣ *мо́лодца съ синимъ и желтымъ чулкомъ на ногахъ,* черныхъ быковъ. Въ прежнія времена его умилостивляли даже приношеніемъ въ жертву дѣтей. Въ силу такого вѣрованія о связи воды съ погодой, Ильмень получилъ свое имя „Озеро погоды“ и считался священнымъ озеромъ [4]). То же слово ilma находимъ въ имени одного изъ героевъ Калевалы — Ilmarinen'a (уменьшит. отъ Ilmari), также древняго бога, котораго, по свидѣтельству епископа Агриколы, молили о попутномъ вѣтрѣ [5]). Финскія сказанія, ходившія о священномъ озерѣ Ильменѣ, конечно, должны были стать извѣстными славянскому населенію, пе-

---

[1]) Всего лучше помнятъ старинныя руны въ русской Кареліи, въ Архангельской (приходъ Вуоккиньемн) и Олонецкой губ. (въ Реполѣ и Химолѣ), а также на западныхъ берегахъ Ладожскаго озера. Въ 1883 г. руны были записаны въ значительномъ количествѣ К. Крономъ на западѣ отъ Петербурга и въ Эстляндіи.

[2]) *Kreutzwald* u. *Neus*, Mythische u. Magische Lieder der Esten, p. 114.

[3]) У Кастрена сообщается, что ручей Wöhhanda истекаетъ въ приходѣ Odempä, у деревни Ilmegerve и впадаетъ, соединяясь съ Меддой, въ озеро Пейпусъ (а не въ Ильмень, какъ у Крейцвальда).

[4]) *Kreutzwald*, стр. 113; *Neus*, Estnische Volkslieder, I, стр. 58.

[5]) *Castren*, Finn. Mythologie, стр. 305.

Digitized by Google

рейти къ нему вмѣстѣ съ почвой, къ которой они были прикрѣплены, и слиться съ его родными преданіями. Вотъ, напримѣръ, одно преданіе объ озерѣ Ильменѣ, повидимому перешедшее къ новгородцамъ отъ туземнаго населенія. „Съ западной стороны впадаетъ въ Ильмень небольшая рѣчка, называемая *Черный ручей*. Въ давнее время поставилъ кто-то на Черномъ ручьѣ мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: „Было де намъ просторно и привольно, а теперь лихой человѣкъ отнимаетъ у насъ воду". И вотъ что случилось: одинъ изъ новгородскихъ обывателей ловилъ удочкою рыбу на Черномъ ручьѣ; подходитъ къ нему незнакомецъ, одѣтый весь въ черное, поздоровался и говоритъ: „Сослужи мнѣ службу, такъ я укажу тебѣ такое мѣсто, гдѣ рыба кишмя кишитъ".—„А что за служба?"— „Какъ будешь ты въ Новгородѣ, встрѣтишь тамъ высокаго, плотнаго мужика въ *синемъ* кафтанѣ со сборами, въ широкихъ *синихъ* шароварахъ и высокой *синей* шапкѣ; скажи ему: дядюшка Ильмень-озеро. Черный ручей тебѣ челобитье прислалъ и велѣлъ сказать, что на немъ мельницу построили. Какъ ты, молъ, прикажешь, такъ и будетъ". Новгородецъ обѣщалъ исполнить просьбу, а черный незнакомецъ указалъ ему мѣсто, гдѣ скопилось рыбы тьма-тьмущая. Съ богатою добычей воротился рыболовъ въ Новгородъ, повстрѣчалъ мужика въ синемъ кафтанѣ и передалъ ему челобитье. Отвѣчалъ Ильмень: „Снеси мой поклонъ Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будетъ!" Исполнилъ новгородецъ и это порученіе, и вотъ разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря, и яростныя волны снесли мельницу" [1]). Въ этомъ преданіи дядюшка Ильмень-озеро, въ синемъ кафтанѣ, шароварахъ и шапкѣ, напоминаетъ молодца изъ ручья Wöhhanda въ *синихъ* и желтыхъ чулкахъ. Про тотъ же священный ручей эсты разсказываютъ, что одинъ нѣмецъ-помѣщикъ вздумалъ построить на немъ мельницу, и оттого будто бы началась дурная погода, которая продолжалась очень долго. Кончилось тѣмъ, что народъ сжегъ мельницу, и немедленно послѣ этого наступила хорошая погода [2]).

Переходя теперь къ сказаніямъ о Садкѣ, остановимся прежде всего на личности морского царя. Въ былинахъ онъ носитъ разныя названія, то царя-водяника [3]), то поддоннаго царя [4]), то морского или замор-

---

[1]) *Вѣстн. Р. Геогр. Общ.* 1853, I, смѣсь, стр. 25—26.
[2]) *Castren*, стр. 71.
[3]) *Рыбниковъ*, I, 368.
[4]) *Рыбниковъ*, III, 242.

Digitized by Google

скаго царя [1]). Всюду, однако, онъ изображается *царемъ,* при чемъ описывается дворецъ, поддонная царица Водяница и толпы морскихъ дѣвъ. Въ былинахъ упоминается его богатство; онъ даетъ въ приданое за дочерью

Одну бочку чиста серебра,
Другую бочку красна золота,
Третью бочку скатна жемчуга [2]).

Эти богатства составляются, между прочимъ, изъ дани, которую ему должны платить мореходы: Садко, изъ остановки корабля на синемъ морѣ, заключаетъ, что царь морской, видно, дани требуетъ, и спускаетъ въ море сначала бочку сороковку чиста серебра, а потомъ такую же бочку красна золота [3]). Жилище царя помѣщается то неопредѣленно въ синемъ морѣ, то на островѣ, то въ Ильмень-озерѣ [4]). Царь морской любитъ музыку, восторгается при ея звукахъ и щедро награждаетъ музыканта богатымъ уловомъ рыбы.

Онъ — властелинъ надъ рыбами и загоняетъ ихъ въ неводы тѣхъ людей, которымъ покровительствуетъ. Для довершенія его характеристики слѣдуетъ упомянуть, что онъ любитъ женить въ синемъ морѣ и имѣетъ въ своей свитѣ толпу морскихъ или водяныхъ дѣвушекъ.

Всѣ эти черты характеризуютъ и финскаго морского бога Ahti или Ahto. Ahti принадлежалъ у финновъ къ числу великихъ боговъ, представляется маститымъ старцемъ (ukko, vanhin) съ травяною бородой, носитъ эпитетъ царя волнъ (oaltojen kuningas) и владычествуетъ надъ водами и рыбами. Его богатства считаются неисчислимыми и состоятъ изъ большихъ кусковъ миѳической драгоцѣнности Сампо, которая съ лодки Вейнемейнена упала къ нему на дно морское. Въ одной рунѣ Калевалы (43, ст. 267 и слѣд.) мы читаемъ:

Такъ погрузились эти куски,
Большіе осколки Сампо,
Подъ тихія воды,
На черную тину.
Они остались на богатство водѣ,
На кладъ племени Ахтову;
Оттого вовѣки вѣковъ,
Доколѣ свѣтитъ золотой мѣсяцъ,
Есть въ водѣ богатство,
Клады у морского Ахто.

---

[1]) *Рыбниковъ,* I, 371, 377.
[2]) *Кирѣевскій,* V, 41.
[3]) *Рыбниковъ,* I, 375.
[4]) *Рыбниковъ,* I, 371.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ Ahti царствуетъ надъ водами его жена Wellamo (иначе Wellimo, Wellimys), добрая, щедрая хозяйка, благорасположенная къ людямъ. Она соотвѣтствуетъ нашей царицѣ морской, помогающей, по одному варіанту, Садку выбраться на Божій свѣтъ. Царя и царицу окружаютъ толпы водныхъ дѣвъ, которыя называются Wellamon neiot — дѣвами Велламо. Въ 5-й рунѣ (стр. 29—35) мы читаемъ:

Тамъ живетъ племя Ахтово,
Валяются дѣвицы Велламо,
Сидятъ онѣ въ маленькой избушкѣ,
Въ тѣсной комнатѣ,
Подъ узорчатымъ камнемъ,
Подъ толстой скалой.

Одной изъ такихъ дѣвъ стала невѣста Вейнемейнена, бросившаяся въ море изъ нежеланія выйти замужъ за стараго пѣвца. Превращеніе ея въ рыбу и жизнь въ морѣ показываютъ, что она, подобно Вейнемейнену, была личностью божественною, получившею впослѣдствіи человѣческую окраску.

Царь морской Ахто охотникъ до музыки. Когда Вейнемейненъ разсказываетъ 41-я руна (ст. 133 слѣд.), сталъ играть на своей арфѣ на берегу моря, то

Ахто, царь волнъ,
Старецъ водъ, травяная-борода,
Выбирается на поверхность воды,
Бросается на кувшинчики,
Слушаетъ веселые (звуки),
Говоритъ такія слова:
«Ничего подобнаго я не слыхивалъ
«Вовѣки вѣковъ
«Этой игрѣ Вейнемейнена,
«Веселымъ (звукамъ) вѣчнаго пѣвца».

Не напоминаетъ ли это морского царя, слушающаго изъ озера Ильменя игру гусляра Садка?

Какъ нашъ царь морской радъ случаю залучить къ себѣ Садка, чтобы послушать его гуслей, такъ Ахто радъ овладѣть арфой Вейнемейнена:

Сильно дули тогда вѣтры,
Хлестали лодку волны,
Унесли онѣ арфу изъ щучьей кости,
Кантелю изъ рыбьихъ плавниковъ,
На добро племени Велламо,
На вѣчное веселіе народа Ахтова;

Digitized by Google

Ахто увидалъ ее изъ волнъ.
На водѣ дѣти Ахтовы
Взяли прекрасный инструментъ,
Унесли къ себѣ домой [1]).

Эта таинственная поэтическая связь музыки съ водою, выражающаяся въ греческомъ преданіи объ Аріонѣ, спасенномъ дельфинами, или въ преданіи о Садкѣ, изображается чрезвычайно ярко въ одной эстской народной пѣснѣ о *сынѣ скалы*. Какая-то дѣвушка, по справедливому замѣчанію Крейцвальда, напоминающая богиню Сальме, поетъ, что пошла она качаться на берегъ моря, и что ея уборы (ожерелье, перлы, цѣпи) были унесены въ море.

Помощь принесъ ей сынъ скалы,
Пѣвецъ со шведскою арфой:
«Чего плачешь ты, нѣжная,
«Чего рыдаешь, дѣвица?»

Она разсказала ему о своей утратѣ.

«Не плачь, дорогая,
«Не горюй, милая!
«Ужъ мы разыщемъ воровъ,
«Ужъ откроемъ грабителей».
Началъ ударять онъ по арфѣ:
Зазвенѣли струны арфы,
Зазвучали звуки пѣсни.
Въ удивленьи слушало море,
Волны остановились въ своемъ движеніи,
Смотрѣли облака съ тоскою.
Поднялась щука изъ моря,
Высоко ласточка надъ водою,
Изъ тины появилась піявка;
Принесли мой уборъ на рогожку и т. д. [2]).

Издатель эстскихъ пѣсенъ Крейцвальдъ видитъ въ этомъ сынѣ скалы (kaljo poisi) эпитетъ національнаго героя эстовъ — Калевипоега, который соотвѣтствуетъ отчасти музыканту Вейнемейнену и обладаетъ такимъ же искусствомъ въ игрѣ на арфѣ [3]).

Подобно тому какъ царь морской въ нашей былинѣ даетъ Садку богатый уловъ рыбы, составляющій основу Садкова богатства, такъ и богъ Ahti загоняетъ рыбу въ сѣти Вейнемейнена. Въ Калевалѣ разсказывается, что огонь, павшій на землю, былъ проглоченъ на озерѣ Alue рыбою. Вейнемейненъ съ Ильмариненомъ сплели сѣти и стараются

---

[1]) Kalevala—Runo 42, vv. 483—493.
[2]) *Kreutzwald*, стр. 44 и слѣд.
[3]) См. Kalewipoeg, III, 520 и слѣд.

Digitized by Google

выловить эту рыбу. Для удачнаго улова пѣвецъ обращается съ молитвой къ Ахто:

Ахто, хозяинъ волнъ,
Властитель сотенъ омутовъ,
Возьми жердь въ пять саженъ,
Ищи шестъ въ семь саженъ,
Чтобы имъ морскіе хребты разслѣдовать,
Дно морское перещупать,
Загонять костистую (то-есть рыбью) стаю
Туда, гдѣ мы неводъ вытащимъ,
Гдѣ сотню поплавковъ опустимъ,
Изъ рыбообильныхъ становъ,
Изъ лососиныхъ ямъ,
Изъ великихъ пучинъ морскихъ,
Отъ темныхъ глубинъ,
Куда никогда не свѣтитъ солнце [1]).

Ахто исполнилъ просьбу Вейнемейнена, и послѣ *троекратной* закидки невода въ числѣ массы рыбы попалась и щука, проглотившая огонь [2]). Не напоминаетъ ли эта щука съ огнемъ во чревѣ нашу рыбу золотое-перо, загнанную царемъ морскимъ въ неводъ Садка? [3])

Если такимъ образомъ финскій богъ Ahti близко напоминаетъ намъ морского царя, то прототипъ Садка-гусляра можно видѣть въ музыкантѣ и пѣвцѣ Вейнемейненѣ. Дѣйствительно, въ Садкѣ богатомъ гостѣ чисто-музыкальная сторона является какъ бы внѣшнею прибавкой, не составляетъ его существенной черты, какъ новгородскаго купца-промышленника, котораго народъ помнитъ по его богатству, кораблямъ, состязанію съ Новгородомъ, постройкѣ церквей и т. п. Вейнемейненъ же у финновъ и особенно эстскій Ваннемуйне является широко-извѣстнымъ типомъ дивнаго музыканта, чарующаго всю природу звуками кантели или арфы. Личность этого музыканта, любящаго изливать свою тоску на берегу моря или озеръ, занимаетъ самое видное мѣсто въ финскихъ и эстскихъ сказаніяхъ, воплощая въ себѣ національный характеръ пѣснелюбиваго финскаго племени [4]). Эстскій Ваннемуйне не просто пѣвецъ древности: онъ божественнаго происхожде-

---

[1]) Kalev. Runo 48, ст. 135 слѣд.

[2]) Ib., ст. 197 слѣд.

[3]) Ahti былъ извѣстенъ и у эстовъ, и по его имени названо озеро Ahtijärw близъ рѣки Muna-mägi; см. *Wiedemann*, Aus dem inneren u. äusseren Leben der Esten, стр. 418. 1864 г.

[4]) См. *Verhandl. d. gel. Est. Gesel.*, II B., 4 Heft, p. 72 и слѣд.: Die Sage von Wannemuine.

Digitized by Google

нія, созданіе верховнаго бога (древняго отца — wana issa или wana taat) и участникъ въ твореніи и украшеніи міра. Вотъ что разсказываетъ о немъ эстское народное преданіе. Древній отецъ жилъ на своемъ высокомъ небѣ; въ его чертогахъ блистало свѣтлое солнце. Онъ создалъ богатырей, чтобы они служили ему совѣтомъ, искусствомъ и силою. Самый старшій между ними былъ Ваннемуйне. Богъ создалъ его старцемъ съ сѣдыми волосами и бородой и одарилъ его глубокою мудростью; но сердце у него было молодое, и онъ обладалъ дивнымъ даромъ творчества и пѣнія. Когда бога обременяли заботы, Ваннемуйне игралъ на своей чудной арфѣ и пѣлъ пѣсни... Другіе богатыри — помоложе — были Ильмариненъ, искусный кузнецъ, и Леммекюне (фин. Lemminkäinen), веселый юноша. Древній отецъ рѣшилъ сотворить міръ и сообщилъ это своимъ богатырямъ. Они изумились, но отвѣтили: „Что ты порѣшилъ въ своей мудрости, то не можетъ быть худо". Пока они спали, отецъ создалъ міръ и опочилъ отъ трудовъ. Когда они проснулись и увидѣли твореніе, то протирали себѣ глаза. Затѣмъ Ильмариненъ взялъ кусокъ стали, выковалъ сводъ неба и протянулъ его надъ землею, укрѣпивши на немъ свѣтлыя звѣзды и мѣсяцъ. Изъ передней старика взялъ онъ свѣтильникъ и укрѣпилъ его къ своду такъ искусно, что онъ могъ подниматься и опускаться. Ваннемуйне въ восторгѣ запѣлъ пѣсню подъ арфу и сталъ плясать по землѣ; за нимъ полетѣли стаи птицъ, и гдѣ нога его касалась земли, тамъ вырастали цвѣты, а гдѣ онъ пѣлъ, *сидя на камнѣ* [1]), тамъ вырастали деревья [2]).

Другое, не менѣе поэтическое эстское преданіе разсказываетъ о томъ, какъ старый Ваннемуйне прельстилъ своею игрою трехъ дѣвицъ: но когда онъ сталъ ихъ поочередно сватать за себя, всѣ три отказали ему, какъ старику. Долго горевалъ старый пѣвецъ, сидя одинокимъ въ лѣсу, наконецъ пошелъ и *сѣлъ на берегу озера Эндла,* выражая свою грусть въ чудныхъ пѣсняхъ. Вѣроятно, въ награду за пѣніе (о чемъ преданіе умалчиваетъ), находитъ онъ вдругъ въ травѣ новорожденную дѣвочку, которая, можно думать, была ему послана озеромъ, такъ какъ найдена была на берегу (при этомъ можно вспомнить красавицу Чернаву, на которой хочетъ женить Садка морской царь). Ваннемуйне, съ согласія древняго отца, принимаетъ дѣвочку себѣ дочерью, утѣхой своей старости. Онъ передалъ ей даръ поэти-

---

[1]) Вспомнимъ Садка, сидящаго на бѣлъ-горючъ-камнѣ.

[2]) См. *Verhandlungen d. g. Est. G.*, II B., 2 Heft, стр. 63 слѣд., статья *Fählmann* Wie war der heidnische Glaube der alten Esten beschaffen?

Digitized by Google

ческаго творчества, и Ютта (такъ звали ее), по народному преданію, еще до сихъ поръ живетъ на берегу озера Эндла [1]) и покровительствуетъ рыбамъ и птицамъ. Въ этомъ преданіи опять находимъ знакомый мотивъ — дивнаго музыканта, играющаго на берегу озера [2]).

Другую черту, указывающую на связь музыки съ водою, можно видѣть въ самомъ происхожденіи кантели финскаго Вейнемейнена. Она сама морского происхожденія, — она сдѣлана изъ щучьихъ костей. Когда Вейнемейненъ съ Ильмариненомъ и Леммикейненомъ ѣдутъ въ Похіолу добывать Сампо, ихъ лодка останавливается близъ водопада на спинѣ огромной щуки и не можетъ сдвинуться съ мѣста [3]). Богатыри выловили щуку, распластали ее, и изъ челюстей ея Вейнемейненъ устроилъ себѣ кантелю [4]). Эта кантеля впослѣдствіи упала въ море съ лодки и стала снова достояніемъ морского бога Ахто, который былъ царемъ надъ *рыбами*. Подобно тому и гуселки яровчаты Садка сломаны имъ въ водѣ и остались въ поддонномъ царствѣ.

Если мы примемъ во вниманіе всѣ эти аналогическія черты между былиной о Садкѣ и сказаніями о Вейнемейненѣ и притомъ вспомнимъ, какое важное мѣсто занимаетъ Вейнемейненъ въ финскихъ и эстскихъ миѳахъ и народныхъ преданіяхъ, то едва ли найдемъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что Садко-гусляръ — отголосокъ финскаго пѣвца, а нашъ морской царь — водяной богъ Ахто. Конечно, намъ могутъ сказать, что не зачѣмъ прибѣгать къ теоріи заимствованія, когда у насъ въ былинахъ есть свои гусляры, а въ нашихъ рѣкахъ и болотахъ живутъ свои водяные. Но если мы вглядимся въ этихъ нашихъ гусляровъ и водяныхъ, то увидимъ, что они toto coelo отличаются отъ Садка и морского царя. Наши русскіе водяные „съ одутловатымъ

---

[1]) *Verhandlungen d. g. Est. G.*, B. II, Heft. 4, p. 74.

[2]) На утишающее, успокоивающее вліяніе Вейнемейнена на воду указываетъ финское выраженье для морского затишья, штиля: Väinämöiseu tiä — путь В—на, Väinämöisen kulku — дорога или ходъ Вейнемейнена. См. ст. *Я. Гримма* о Калевалѣ въ *Höfer's Zeitschr. f. d. Wiss. d. Spr.*, I, p. 54.

[3]) Срав. остановку Садкова корабля среди моря. Мотивъ остановки корабля среди моря по волѣ водяного является и въ финскихъ сказкахъ. Напримѣръ, въ собраніи *Эрика Рудбека* (Suomen Kansan Satuja ja Tarinoita) читается сказка, записанная въ Пангаярви въ Кареліи, «Обѣщанныя водяному (Wetehinen) дѣти», гдѣ разсказывается, что корабль одного короля былъ остановленъ среди моря водянымъ и тронулся лишь тогда, когда король обѣщалъ водяному то, что родилось у него дома въ его отсутствіе (см. *Mélanges russes*, T. II, 6-me livr. 1855, p. 608. Ср. тотъ же мотивъ въ русскихъ сказкахъ — *Аѳанасьевъ*, V, № 31, VIII, стр. 397, V, 23, VI, 48, 49, 60, 61.

[4]) Kalevala — Runo 40.

Digitized by Google

брюхомъ и опухшимъ лицомъ" [1]), живущіе въ омутахъ, особенно около мельницъ, извѣстные пьяницы, посѣщающіе шинки, гдѣ пьянствуютъ и играютъ въ кости [2]), ворующіе лошадей и коровъ и топящіе людей, совершенно отличны отъ былиннаго морского царя и финскаго бога Ахто, который относится благосклонно къ людямъ, любитъ ихъ и помогаетъ въ бѣдѣ [3]). Наши водяные, злые водные духи, соотвѣтствуютъ такой же категоріи финскихъ водяныхъ демоновъ, которыхъ называютъ vetehinen (отъ vesi — вода). Знатокъ финской миѳологіи Кастренъ замѣчаетъ, что vetehinen и по понятію, и по этимологіи именно соотвѣтствуетъ русскому водяному, и даже предполагаетъ, что представленіе объ этихъ существахъ было заимствовано финнами изъ русской миѳологіи, въ которой *водяной* играетъ гораздо болѣе значительную роль, нежели vetehinen въ финской [4]). Ни отъ Кастрена ни отъ Аѳанасьева не скрылось глубокое различіе между водяными и морскимъ царемъ, и нашъ миѳологъ называетъ послѣдняго славянскимъ Нептуномъ [5]). Мы ничего не имѣли бы противъ *славянскаго Нептуна,* если бы личность морского царя была лучше засвидѣтельствована въ русскихъ миѳическихъ вѣрованіяхъ. Но мы знаемъ его только изъ былинъ [6]), а въ нихъ слишкомъ опасно отыскивать русскую миѳологію. Связь морского царя съ музыкой, совершенно отдѣляющая его отъ водяныхъ, о музыкальныхъ симпатіяхъ которыхъ ничего неизвѣстно, тѣсно сближаетъ его съ финскимъ Ahti и служитъ — для насъ по крайней мѣрѣ — достаточнымъ доказательствомъ вторженія его въ русскую былину изъ финскихъ сказаній. Морского царя нельзя оторвать отъ гусляра Садка: они представляютъ группу, вошедшую соединенно въ нашъ эпосъ. Да и Садко не такой гусляръ, какимъ являются, напримѣръ, Добрыня или Ставръ при княжескомъ дворѣ въ Кіевѣ. Гусляръ, который чаруетъ своею игрою морского царя и доводитъ его до изступленной пляски на днѣ моря, — не тотъ случайный гусляръ, который, забавляя князя Владимира,

Сыгрышъ играетъ Царя-града,
Тонцы наводитъ Іерусалима,

---

[1]) *Аѳанасьевъ,* Поэтич. Воззрѣнія, II, 237.
[2]) Ib. 238.
[3]) *Castren,* Finnische Mythologie, 83.
[4]) Ib., p. 85.
[5]) Поэтич. Воззрѣнія, II, 215.
[6]) И изъ немногихъ сказокъ, гдѣ онъ, впрочемъ, является съ другимъ характеромъ, чѣмъ въ былинахъ.

Digitized by Google

Величаетъ князя со княгинею,
Сверхъ того играетъ еврейскій стихъ [1]).

Гусляра типа Садка не знала и не создала кіевская Русь: этотъ типъ — произведеніе новгородскаго былиннаго творчества, навѣянный мѣстными сказаніями о дивномъ музыкантѣ, которыя ходили въ сѣверной Руси. Мотивъ игры Садка на берегу Ильменя, на бѣломъ горючемъ камнѣ, и появленіе на сценѣ морского царя — unicum въ нашей былинной поэзіи, а этотъ мотивъ, какъ мы видѣли, напротивъ того, *распространенъ* у финновъ и эстовъ. Все это, повидимому, говоритъ въ пользу нашего предположенія объ отголоскахъ финскихъ сказаній въ новгородской былинѣ. Объяснить, какимъ образомъ этотъ отголосокъ финскихъ сказаній вошелъ въ новгородскій эпосъ, — не трудно. Новгородскіе славяне, сосѣди финскаго коренного населенія, постоянно сталкиваясь съ нимъ, должны были невольно усвоить себѣ популярнѣйшую личность финскаго водяного царя и пѣвца Вейнемейнена. А насколько распространены были вѣрованія въ водяного царя среди финновъ въ древности, можемъ судить по тому, что и въ настоящее время среди кореловъ это вѣрованье бытуетъ въ полной свѣжести, какъ свидѣтельствуетъ Н. Лѣсковъ въ одной статьѣ, напечатанной въ „Живой Старинѣ“ въ 1893 году [2]). Какъ былинный морской царь имѣетъ палаты на днѣ моря, такъ и у каждаго водяника (ведэхинэ, вези-кунингуой, т. е. водяного царя) въ своемъ озерѣ или рѣкѣ есть свой собственный дворецъ. Палаты его очень роскошны и сдѣланы изъ такого чистаго хрусталя, какъ первый осенній ледъ... Подъ водой у водяника цѣлое хозяйство. Онъ живетъ здѣсь какъ богатый помѣщикъ, не зная ни въ чемъ нужды и лишеній“ [3]). Кореляки утверждаютъ, что водяной царь иногда выходитъ изъ своего озера: „Въ жаркіе дни, въ тихую погоду, водяникъ нерѣдко всплываетъ на поверхность воды, садится на камень и начинаетъ расчесывать гребнемъ свои косматые длинные волосы. Въ такомъ положеніи его видѣли очень многіе изъ крестьянъ и преимущественно бабы“ [4]). Какъ нашъ морской царь имѣетъ семью, такъ у корельскаго водяного царя бываютъ дѣти: кореляки разсказываютъ, какъ однажды сынъ его случайно попалъ въ сѣти рыбакамъ и, къ счастью, былъ ими отпущенъ къ отцу [5]). Въ

---

[1]) *Кирша Даниловъ*, 132 и 133.
[2]) Вып. III, отдѣлъ V «Представленія кореляковъ о нечистой силѣ».
[3]) Назв. соч., стр. 417.
[4]) Тамъ же, стр. 116.
[5]) Тамъ же, стр. 417.

Digitized by Google

видѣ примѣра перехода корельскихъ вѣрованій къ русскому населенію можно привести заонежскія вѣрованія въ *лембоевъ*. Среди финскихъ злыхъ духовъ извѣстны бѣсы, называемые Lempo, представители зла на землѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова [1]). Обитатели Похіолы, этой эпической страны колдуновъ и бѣсовъ, которой противополагается Калевала, родина финскихъ богатырей, называются Lemmon Kansa (народомъ Лемпо) [2]). Этихъ финскихъ бѣсовъ не трудно узнать въ лембояхъ, которые, по заонежскимъ повѣрьямъ, живутъ на Ишь-горахъ и Мянь-горахъ. У нихъ тамъ цѣлыя села съ переселками и города съ пригородами. Лембои женятся между собою, распложаются, а все имъ мало: дня не проходитъ, чтобы не похищали людей, въ особенности дѣтей, которыя закляты родителями [3]). Заонежское населеніе разсказываетъ много случаевъ такихъ похищеній.

Если финское населеніе передало нѣкоторыя свои вѣрованія сосѣднему русскому и, какъ мы предполагаемъ, дало своими сказаніями о водяномъ царѣ и дивномъ музыкантѣ матеріалъ для эпическихъ личностей морского царя и гусляра Садка, то въ болѣе позднія времена Корела, переставъ быть „проклятой", какъ ее честитъ нашъ эпосъ, усвоила многія русскія былины и въ томъ числѣ былину о Садкѣ. Одинъ варіантъ ея былъ записанъ Рыбниковымъ отъ кореляка [4]). Такъ поквитались между собою въ данномъ случаѣ оба племени!

Если для уясненія типа Садка-гусляра и морского царя нѣкоторыя матеріалъ даютъ финскія преданія о пѣвцѣ Вейнемейненѣ и морскомъ богѣ Ахто, то параллели для подробностей былинной фабулы, прикрѣпленной къ имени новгородскаго купца Садка, нужно искать частью въ мѣстныхъ легендахъ, частью въ международныхъ бродячихъ сказочныхъ сюжетахъ.

Среди новгородскихъ купцовъ и промышленниковъ, постоянно имѣвшихъ дѣло съ моремъ, должны были быть широко распространены легенды о случаяхъ чудеснаго спасенія мореходовъ заступничествомъ святыхъ, особенно покровителя мореходовъ св. Николы. По русскимъ народнымъ вѣрованіямъ, св. Никола слыветъ скорымъ помощникомъ на водахъ и даже называется *морскимъ* и *мокрымъ*. Особенно распространенъ культъ его у насъ на Сѣверѣ среди населенія, промышляющаго на рѣкахъ и на морѣ. Здѣсь, вѣроятно, сложилась пословица: всѣмъ

---

[1]) Castren—Finnische Mythologie, 110.
[2]) Тамъ же, стр. 247.
[3]) *Рыбниковъ*, часть IV, Заонежскія повѣрья, стр. 220.
[4]) *Рыбниковъ*, III, 41.

Digitized by Google

богамъ по сапогамъ, а Николѣ болѣ, что ходитъ болѣ. А это потому, что „отъ Холмогора до Колы — тридцать-три Николы". Отсюда понятно, что купецъ-мореходъ Садко поступаетъ въ братчину Никольщину, и что избавителемъ его изъ царства морского царя является св. Никола можайскій, котораго икону Садко захватилъ съ собою (по одной былинѣ), садясь на доску. Для этой послѣдней черты спасенія гибнувшаго и плывущаго на доскѣ человѣка можно припомнить нѣкоторыя новгородскія и ростовскія легенды. Когда новгородцы, подозрѣвая архіепископа Іоанна въ развратной жизни, хотѣли его погубить, то посадили его на плотъ и пустили по Волхову; но плотъ чудодѣйственно пошелъ вверхъ противъ теченія и самъ собою остановился близъ Юрьева монастыря. По другой новгородской легендѣ объ Антоніи римлянинѣ, этотъ святой будто бы приплылъ изъ Италіи на камнѣ подъ самый Новгородъ [1]). Но особенно близко по нѣкоторымъ частностямъ къ былинѣ чудо блаженнаго Исидора ростовскаго, какъ было указано проф. Халанскимъ и акад. Веселовскимъ.

„Сотворися бо чудо дивно и незабвенія достойно: купцы нѣцыи по морю с куплею своею в кораблѣ плаваніе творяху, и внезапу на нѣкоем мѣстѣ корабль ста, и не можаше двигнутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же в нем бывшіи, отчаяшася живота своего, и ожидаху смерти; таже умыслиша метнути жребія, кого ради корабль ста, и волнами разбиваемый есть, и паде жребій на единого от них купца из града Ростова, идѣже святый Исидор жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша в море, и двигнуся скоро корабль от онаго мѣста, а человѣк той на доцѣ волнами носимый уже во вратѣх смертных бѣ, ни от кого же чающи помощи: и се внезапу предста ему угодник Божій Исидор, по морю яко по суху ходяй и глаголяй к нему: знаеши ли мя человѣче? Купец же едва проглаголати возмог, рече: о рабе Божій, Исидоре! в нашем градѣ жительствуяй, не остави мене в мори сем погружаема, но помози мнѣ окаянному и избави мя от горькія смерти. Святый же взял его за руку и на доскѣ оной посади и бяше ему дска, аки ладія, верху воды непогрязновенно плавающая. Святый же управляя ю погна скоро вслѣд корабля и достиг до того, всади в корабль человѣка цѣла, здрава и ничим же врежденна. Запрети ему глаголя: ни кому же повѣдай о мнѣ, но сказуй, яко божественная сила избави тя от глубины морскія" [2]).

---

[1]) *Буслаевъ* — Народ. поэзія, стр. 25.

[2]) *М. Халанскій* — Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 70—71 (изъ

Digitized by Google

Итакъ можно думать, что съ именемъ купца Садка связалось въ Новгородѣ легендарное преданіе о спасеніи его на морѣ заступничествомъ св. Николы, которому, по былинѣ, онъ и строитъ церковь. Быть-можетъ, такая легенда соотвѣтствовала какому-нибудь дѣйствительному событію въ его неизвѣстной намъ жизни. Но въ дальнѣйшемъ развитіи эта легенда спуталась съ эпизодами сказочныхъ сюжетовъ, изъ которыхъ главный — пребываніе героя на днѣ моря въ водяномъ царствѣ и его женитьба на морской дѣвѣ. И въ нашихъ сказкахъ и въ сказкахъ другихъ народовъ можно указать немало параллелей фабулѣ нашей былины, именно тому мотиву, что подземный или подводный царь, получивъ въ свое царство героя, хочетъ удержать его, женивъ его на близкомъ себѣ существѣ, обыкновенно на своей дочери; но затѣмъ герою удается выбраться на землю. Ограничусь лишь двумя примѣрами.

Киргизское сказаніе о властителѣ водъ Уббе, приведенное акад. Веселовскимъ [1]), изъ сборника демонологическихъ разсказовъ киргизъ Миропіева [2]), разсказываетъ, что одинъ человѣкъ, по имени Аманъ-Кулъ, пойдя, по просьбѣ жены, за водою, вздумалъ нырнуть въ рѣку. Здѣсь его схватилъ посолъ властителя водъ Уббе и утащилъ на дно. Аманъ-Кулъ по приказанію Уббе служилъ у него нѣсколько лѣтъ отличился въ борьбѣ со змѣемъ и сталъ визиремъ. Въ подводномъ царствѣ онъ полюбилъ дочь другого визиря и былъ взаимно любимъ ею. Однажды, когда царь водяной, призвавъ къ себѣ Аманъ-Кула, обѣщалъ ему исполнить, что бы онъ ни пожелалъ, тотъ отвѣчалъ, что у него два желанія: одно — возвратиться на землю, другое — взять за себя дочь визиря. Такъ какъ они не совмѣстимы, — Аманъ-Кулъ выбираетъ послѣднее, женится на своей возлюбленной и еще нѣсколько лѣтъ остается на службѣ у водяного царя... Жена его, съ которой онъ жилъ мирно, не показывала ему ключа отъ одного сундука; однажды, въ ея отсутствіе, Аманъ-Кулъ досталъ забытый ею ключъ, открылъ сундукъ и нашелъ тамъ одну лишь зеленую палку. Не зная ея свойства, онъ положилъ ее снова въ сундукъ, а ключъ на прежнее мѣсто. Однажды, когда онъ снова раздумался о возвращеніи на родину и легъ спать, вспомнивъ предварительно всемогущаго Бога, ему явился человѣкъ чернаго цвѣта съ бѣлой чалмой на головѣ и сказалъ: „Сынъ

Четьихъ-Миней св. Димитрія ростовскаго); *А. Н. Веселовскій* — «Былина о Садкѣ» въ жур. М. Нар. Пр. 1886, декабрь, стр. 276.

[1]) Мелк. замѣтки къ былинамъ. Журн. М. Нар. Просв. 1890, мартъ, стр. 2.

[2]) Зап. И. Р. Геогр. О-ва по этнографіи. Т. X, вып. 3, стр. 27.

Digitized by Google

мой, не печалься! Если ты возьмешь эту зеленую палку изъ сундука и, произнеся *бисмилля,* ударишь ею по землѣ, то благополучно вернешься на родину". Такъ и сдѣлалъ Аманъ-Кулъ: какъ ударилъ палкой, вышелъ изъ воды въ томъ мѣстѣ, гдѣ опустился; на берегу лежала и одежда, которую онъ скинулъ, и ведро, полное воды. Когда онъ вернулся домой, жена не хотѣла ему вѣрить: такъ мало времени въ дѣйствительности прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ. При помощи чудесной палки Аманъ-Кулъ разбогатѣлъ и сталъ царемъ въ своемъ городѣ.

Здѣсь Уббе соотвѣтствуетъ нашему водяному царю, чудесная палка, обогатившая Аманъ-Кула, — чудесному улову рыбы, посланному Садку водянымъ царемъ, личность, дающая въ морѣ совѣтъ Аманъ-Кулу, — Николѣ можайскому, дочь визиря — Чернавѣ.

Въ киргизской сказкѣ нѣтъ мотива игры героя на музыкальномъ инструментѣ въ подземномъ царствѣ. Но этотъ мотивъ нерѣдко встрѣчается въ народныхъ сказаніяхъ. Можно припомнить хотя бы извѣстную русскую сказку „Скрипачъ въ аду", въ которой разсказывается, какъ скрипачъ попалъ въ преисподнюю, принужденъ былъ играть чертямъ на скрипкѣ и выбрался на землю только тогда, когда послѣ произнесенныхъ имъ словъ „Господи помилуй" у него лопнули струны на скрипкѣ [1]).

Вышеприведенныя параллели имѣли цѣлью показать, что отдѣльныя черты, входящія въ содержаніе нашей былины о Садкѣ, именно: остановка корабля, спускъ героя въ подводное царство, игра предъ подводнымъ царемъ, женитьба, — не что иное какъ бродячіе сказочные мотивы, прикрѣпившіеся къ историческому имени новгородскаго купца XII вѣка. Но каковы были ближайшіе источники былины — этого, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы уяснить не въ состояніи. Академикъ Веселовскій [2]) приводитъ параллель одному эпизоду былины о Садкѣ изъ стариннаго французскаго прозаическаго романа „Tristan le Léonois", тѣмъ болѣе интересную, что герой носитъ имя *Sadoc*. Вотъ содержаніе одного эпизода похожденій этого лица.

Садокъ, племянникъ Іосифа Аримаѳейскаго, убилъ своего шурина, покушавшагося на честь его жены. Съ нею вмѣстѣ онъ ѣдетъ на кораблѣ. Поднимается буря, и кораблю грозитъ сильнѣйшая опасность. Одинъ старѣйшина корабля говоритъ корабельщикамъ, что Господь

---

[1]) Сказки Аѳанасьева, V, № 47.

[2]) См. статью «Былины о Садкѣ», въ журн. Мин. Нар. Просв. 1886, № 12.

Digitized by Google

послалъ бурю ради грѣховъ какого-нибудь изъ пассажировъ. Одинъ матросъ, умѣвшій гадать, узнаетъ по жребію, что виновникъ бури Садокъ. Тогда корабельщики требуютъ, чтобъ онъ оставилъ корабль, такъ какъ не хотятъ погибнуть изъ-за него. Онъ проситъ ихъ оберегать его ни въ чемъ неповинную жену, дочь вавилонскаго царя, а самъ бросается въ море. Буря немедленно утихла.

Сходство эпизодовъ франц. романа и былины бросается въ глаза и еще усиливается сходствомъ именъ. Наше имя Садко, Сатокъ — еврейскаго происхожденія (евр. Цадокъ — справедливый), какъ и имя Садокъ франц. романа.

Акад. Веселовскій далѣе указываетъ и на то, что старофранцузскій романъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи представляетъ нѣсколько подробностей, интересныхъ для нашего эпоса. Садокъ не погибаетъ, а спасается на утесистый островъ, гдѣ проводитъ 3 года у одного пустынника въ постѣ и покаяніи. Между тѣмъ жена его, вавилонская царевна Chelynde, оставшаяся отъ него беременною, родитъ прекраснаго мальчика при дворѣ Thanor'a, короля корнуэльскаго, одного изъ многихъ любовниковъ, чередовавшихся въ ея привязанности. Мальчикъ воспитывался у короля, какъ его сынъ, и впослѣдствіи сталъ извѣстенъ подъ именемъ Аполлона — Apollo l'aventureux. Изъ многочисленныхъ похожденій его можно отмѣтить, что онъ встрѣчается враждебно съ своимъ отцомъ Садокомъ, котораго не знаетъ, и убиваетъ его. Здѣсь мы имѣемъ одну изъ версій широкораспространенной фабулы боя отца съ сыномъ. Любопытно, что богатырскій сынъ нашего эпоса, бьющійся съ Ильей Муромцемъ — Борисъ, Сокольникъ, Збутъ, Соловникъ — носитъ въ одной былинѣ (Гильфердинга № 246) имя *Аполлонища,* и акад. Веселовскій склоненъ приводить это имя въ связь съ Apollo французъ. романа.

„Ограничиваясь однимъ разсказомъ о Садокѣ, можно предположить, — говоритъ акад. Веселовскій [1]), — что и романъ и былина независимо другъ отъ друга восходятъ къ одному источнику — повѣсти или легендѣ, въ которыхъ это имя уже находилось. Еврейское имя Садокъ указываетъ на еврейскую среду, которой вліяніе замѣтно въ новгородской литературѣ. Вспомнимъ нѣкоторые талмудическіе апокрифы, пробравшіеся въ наши былины. Древнѣйшій еврейско-русскій глоссарій, съ объясненіемъ еврейскихъ словъ въ Евангеліи, Апостолахъ, Псалтыри и проч., былъ написанъ въ 1282 г. для *новгородскаго* архіепископа Климента;

---

[1]) Назван. соч., стр. 283.

Digitized by Google

въ переводѣ пророковъ съ толкованіями, писанномъ въ *Новгородѣ* въ 1047 году попомъ Упыремъ, истолкованы еврейскія имена пророковъ. Развитіе такъ называемой жидовской ереси въ Новгородѣ должно было повліять на знакомство съ еврейскимъ языкомъ, на появленіе новыхъ переводовъ ветхозавѣтныхъ книгъ, которыми пользовались и еретики. Съ религіознымъ вліяніемъ могло быть связано и посильное вліяніе литературное: древне-русская Палея открыла именно въ эту пору доступъ въ свой составъ новыхъ талмудическихъ повѣстей; спустившись степенью ниже, въ сферу болѣе низменныхъ поэтическихъ интересовъ. мы найдемъ тамъ, гипотетически, мѣсто и для какой-нибудь легенды или сказки, пересказанной выкрестомъ-евреемъ. Совпаденіе имени вызвало прикрѣпленіе къ Садку той легенды, которая затѣмъ явилась и однимъ изъ эпизодовъ французскаго романа".

Результаты, къ которымъ сводится разборъ былины о Садкѣ, были бы слѣдующіе:

1. Матеріаломъ для нихъ послужили, съ одной стороны, финскія, усвоенныя русскимъ населеніемъ, сказанія о дивномъ музыкантѣ (Вейнемейненѣ), любимцѣ морского бога Ахто; съ другой — глухія преданія объ историческомъ лицѣ Садкѣ (XII в.), богатомъ купцѣ, строителѣ каменной церкви свв. Бориса и Глѣба.

2. На это имя, кромѣ сказаній о Вейнемейненѣ, наслоилась легенда о чудесномъ спасеніи на морѣ и *сказка* о пребываніи героя въ подводномъ царствѣ, игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, женитьбѣ на подводномъ существѣ и благополучномъ выходѣ безъ жены на Божій свѣтъ.

3. Вслѣдствіе совпаденія въ именахъ легенда о спасеніи новгородскаго купца Садка на морѣ св. Николаемъ подверглась вліянію одного эпизода разсказа о Садокѣ — грѣшникѣ, брошенномъ въ море, но спасшемся на островѣ и покаявшемся въ своемъ грѣхѣ.

Происхожденіе этого разсказа о морскомъ похожденіи Садока и время, къ которому должно отнести его сближеніе съ новгородскимъ сказаніемъ о Садкѣ, представляютъ вопросъ, еще не вполнѣ разъясненный въ исторіи былины.

Digitized by Google

Былина о Батыѣ[1]).

Спорный вопросъ о томъ, какъ велико наслѣдіе старины, полученное сѣверно-русскимъ былевымъ эпосомъ отъ южно-русскаго періода нашей исторіи, можетъ быть уясненъ только детальнымъ анализомъ былинъ, содержащихъ событія, прикрѣпленныя къ древнимъ историческимъ именамъ.

Такова былина о нашествіи Батыги, т. е. Батыя. Во всей нашей исторіи не было болѣе страшнаго, рокового событія, которое могло бы произвести болѣе потрясающее впечатлѣніе на воображеніе нашихъ предковъ, чѣмъ этотъ опустошительный ураганъ, пронесшійся почти надъ всѣми землями Руси, поглотившій сотни тысячъ человѣческихъ жизней, покрывшій наше отечество пожарищами, развалинами и поработившій остатки населенія ненавистному татарскому игу.

Глубокая скорбь народная слышится и въ скудныхъ словами извѣстіяхъ нашихъ лѣтописей о 1237—40 годахъ и въ болѣе пространныхъ и краснорѣчивыхъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Несомнѣнно, разсказы современниковъ или ближайшаго поколѣнія о страшной бѣдѣ русской земли отлились и въ поэтическія формы — пѣсенъ, воспѣвавшихъ, быть-можетъ, отдѣльные эпизоды, поразившіе народное воображеніе въ тѣхъ или другихъ областяхъ Руси. Донеслось ли до насъ что-нибудь изъ этихъ древнихъ пѣсенъ въ современной былинѣ, записанной въ XIX столѣтіи, — вотъ вопросъ, на который невольно наводитъ извѣстная былина о Батыгѣ. Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ повести къ разъясненію скрытой отъ насъ исторіи сложенія и сохраненія былинъ.

Записи былины о Батыгѣ далеко не многочисленны. Изъ восьми варіантовъ сборника Гильфердинга[2]) *три* представляютъ повторенія

[1]) Напечат. въ сборникѣ «Починъ», издан. Обществомъ любителей Россійской словесности, т. II-й 1896 г.

[2]) №№ 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.

Digitized by Google

записей Рыбникова [1]); сверхъ того, въ сборникѣ Рыбникова находятся еще 3 записи былины того же сюжета [2]), *одна* (изъ Нижегородской губ.) въ сборникѣ Кирѣевскаго [3]), и *три* въ сборникѣ Тихонравова и Миллера [4]). Всѣ эти 15 записей, восходящія къ одной редакціи, посвящены подвигамъ богатыря Василія Игнатьевича или Василія пьяницы. О другихъ былинахъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ также является Батыга, скажемъ ниже.

Установить довольно точно содержаніе основного извода былины позволяютъ намъ лучшія записи, къ которымъ мы относимъ четыре: 2 въ сборникѣ Гильфердинга (№№ 66 и 60) и 2 въ сборникѣ Рыбникова (II, 11 и I, 29).

Былина открывается оригинальнымъ запѣвомъ, представляющимъ unicum въ нашемъ эпосѣ. Это знаменитый запѣвъ о турахъ златорогихъ:

«Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Еландіева (Леванидова),
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ градъ
И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красна дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
«Здравствуй, турица, родна матушка!»
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали?»

Туры разсказываютъ матери о видѣнномъ чудѣ.

«Говоритъ тутъ турица, родна матушка:
— Ужъ вы глупые, туры златорогіе!
Ничего вы, дѣточки, не знаете:
Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая,
По той ли по вѣрѣ христіанскія, —
Будетъ надъ Кіевъ градъ погибель».

Затѣмъ запѣвъ переходитъ непосредственно въ зачинъ самой былины, такъ что даже трудно сказать, гдѣ онъ кончается.

---

[1]) № 60—Рыб. II, 10; № 66—Рыб. III, 37; № 116—Рыб. II 65.
[2]) I № 29, II № 11 и 65.
[3]) II, стр. 93—96.
[4]) II №№ 38, 39 и 40.

Digitized by Google

«Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ,
И съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
И съ зятемъ Тараканникомъ и съ Каранниковымъ,
И съ думнымъ дьякомъ воромъ-выдумщикомъ» и проч. [1]).

У всѣхъ четырехъ — Батыги, его сына, зятя и дьяка — по сорока тысячъ рати. Подступивъ къ Кіеву, Батыга требуетъ у князя Владимира супротивника-поединщика. У князя, какъ на грѣхъ, богатырей не случилося; всѣ они въ разъѣздахъ: Илья, Самсонъ, Святогоръ, Добрыня, Олеша. Въ Кіевѣ оставался только добрый молодецъ Василій Игнатьевичъ, горькій пьяница, живмя-жившій въ кабакѣ, промотавъ и житье-бытье свое и приданое женино. Услыхавъ о требованіи Батыги, Василій приходитъ къ князю и проситъ дать ему опохмелиться. Владимиръ угощаетъ его чарой въ $1^1/_2$ ведра. „Поправившись", Василій почувствовалъ, что можетъ на конѣ сидѣть и саблей владѣть. Онъ выѣзжаетъ за стѣну и стрѣляетъ въ татарскій станъ, цѣлясь по тремъ лучшимъ головамъ. Тремя стрѣлами онъ убиваетъ сына, зятя Батыги и его дьяка. Разгнѣванный Батыга отправляетъ въ Кіевъ посла съ требованіемъ немедленной выдачи стрѣлявшаго. Василій добровольно отправляется въ станъ Батыги, проситъ у него прощенія въ своей винѣ, снова опохмеляется и обѣщаетъ Батыгѣ взять для него Кіевъ-градъ, если онъ дастъ ему силы сорокъ тысячей. На тѣ рѣчи Батыга обнадѣялся и давалъ ему силы сорокъ тысячей. Отъѣхавъ съ войскомъ, Василій избиваетъ всю татарскую рать, возвращается къ Батыгѣ и говоритъ ему, что хотя и потерялъ 40 тысячъ войска, но зато высмотрѣлъ, гдѣ въ Кіевѣ ворота не заложены, и теперь возьметъ городъ, если Батыга дастъ ему еще силы 40 тысячей. Батыга снова повѣрилъ обману; Василій опять истребилъ все войско и обманомъ получилъ новыя 40 тысячей силы, которыя постигла та же участь. Тутъ только Батыга увидѣлъ свою бѣду неминучую и спѣшно поѣхалъ въ свою землю, заклинаясь никогда впредь не бывать подъ Кіевомъ.

«Не дай Богъ бывать болѣ подъ Кіевомъ,
Ни мнѣ-то бывать, ни дѣтямъ моимъ,
Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ!»

Таково содержаніе былины по 4-мъ лучшимъ пересказамъ. Въ прочихъ разсказъ болѣе скомканъ въ подробностяхъ, спутанъ, и если въ нихъ есть нѣкоторыя новыя детали, то не важныя. Отмѣтимъ нѣкоторыя.

---

[1]) Рыбниковъ II, № 11 (зап. отъ старика-калики изъ деревни Красныя Ляги, Каргопольск. уѣзда).

Digitized by Google

Въ былинѣ Гильфердинга № 41 и Рыбн. II № 10 князь Владиміръ вовсе не упоминается. Василій пьяница дѣйствуетъ по собственной иниціативѣ. Но обѣ былины такъ плохи и кратки, что забвеніе князя Владимира нужно поставить на счетъ плохой памяти сказителей (Прохорова и Слѣпого Ивана). Князь несомнѣнно упоминался въ основномъ изводѣ былины.

Въ былинѣ Гильфердинга № 18 (плохой и краткой) находимъ ту подробность, что вслѣдъ за требованіемъ Батыги выдачи стрѣлка, караульные солдаты докладываютъ *царю* Владиміру о мѣстопребываніи Василія въ кабакѣ и, по его приказу, приводятъ пьяницу, который затѣмъ у царя опохмеляется чарой въ полпята ведра. Въ былинѣ Гильфердинга № 231 (Воинова) о стрѣлявшемъ въ татаръ пьяницѣ Василіи Васильевичѣ (не Игнатьевичѣ) докладываютъ князю какіе-то солдаты *буфетные*. Приведенному изъ кабака Василію князь говоритъ:

«Ай же ты голь кабацкая!
Не ты ли билъ силу Батыгину?
Поѣзжай-ко ко Батыги со отвѣтомъ самъ» [1]).

Въ былинѣ Гильфердинга № 258 (Лядкова) Василій Игнатьевичъ, вмѣсто трехъ разъ, сразу беретъ у Батыги 300000 *арміи* и избиваетъ ее, махая татариномъ [2]). Пріемъ избіенія взятъ изъ другихъ былинъ.

Въ краткой и плохой былинѣ Рыбникова (II № 65), скомкавшей все содержаніе въ 73 стихахъ, Василій бьется мечомъ съ самимъ Батыгой и убиваетъ его, а затѣмъ Тараканчика, дьячка и все войско татарское. Владиміръ встрѣчаетъ побѣдителя у Златыхъ воротъ, ведетъ въ гридню и заводитъ пиръ. Изъ сопоставленія большинства записей можно вывести, что основная былина не кончалась смертью Батыги, а уходомъ его. Но иногда, какъ въ упомянутой записи [3]), добавлена и смерть Батыги.

Любопытно для процесса нарастанія подробностей отмѣтить, что сказитель Потапъ Антоновъ, окончившій былину бѣгствомъ Батыги, когда сказывалъ ее Рыбникову [4]), значительно продолжилъ ее въ записи Гильфердинга. Когда Батыга съ обычнымъ заклятіемъ отъѣзжаетъ отъ Кіева, Василій ѣдетъ за нимъ въ сугонъ, чтобъ съ нимъ перевѣдаться за то, что онъ, не простившись, уѣхалъ восвояси. Они бьются на саблях, Василій снимаетъ у Батыги буйну голову, изби-

---

[1]) Столб. 1118.
[2]) Столб. 1183.
[3]) Ср. также Тихонр. и Миллеръ II № 40.
[4]) III, стр. 296.

Digitized by Google

ваетъ его остальную силу, возвращается въ Кіевъ и пируетъ у Владимира 12 денъ. Вслѣдствіе такихъ дополненій второй пересказъ Антонова почти на 100 стиховъ длиннѣе перваго. Такъ разнятся тексты былинъ въ устахъ однихъ и тѣхъ же сказителей.

Въ посредственной былинѣ, записанной Гуляевымъ въ Барнаульскомъ округѣ [1]), вмѣсто Батыги подступаетъ къ Кіеву Подольскій царь, не названный по имени. Владимиръ посылаетъ слугъ вѣрныхъ за Васенькой, голью-кабацкой. Василій выѣзжаетъ, избиваетъ силу Подольскаго царя и гонится за нимъ. Однако, его останавливаетъ вѣщій конь словами:

«Не бѣгай ты, Васинька, голь кабацкая,
Не бѣгай ты въ землю басурманскую,
Земля басурманская хитра-мудра,
Не быть намъ обоимъ живымъ».

Послушавшись коня, Василій возвращается въ Кіевъ, гдѣ, вмѣсто награды, испрашиваетъ у князя три погреба:

«Первый погребъ зелена вина,
Второй погребъ пива пьянова,
Третій погребъ сыты медвяныя!»

Подробности въ томъ же кабацкомъ вкусѣ находимъ въ записи крест. Касьянова, Олонецк. губ. [2]). Голи кабацкія, при приступѣ Батыги, говорятъ князю Владиміру о Василіи, лежащемъ въ кабакѣ на печи. Князь Владиміръ самъ идетъ по кружаламъ государевымъ, „по тѣмъ царскимъ кабакамъ“ и находитъ Василія. Василій жалуется, что у него трещитъ буйна голова, и проситъ чаши похмельной. Дальнѣйшій разсказъ кратко передаетъ обычное содержаніе былины.

Всѣ доселѣ разсмотрѣнныя записи принадлежатъ олонецкому и одна (Гуляева) сибирскому репертуару. Изъ центральныхъ губерній былина записана лишь въ Нижегородской [3]) и, какъ всѣ былины средней Россіи, не отличается ни полнотой ни обиліемъ деталей. Запѣвъ о турахъ, сохранившійся во всѣхъ олонецкихъ былинахъ (кромѣ неполной Рыб. II 10), отсутствуетъ. Зять Батыги Лукаперъ богатырь попалъ сюда изъ сказки о Бовѣ. Василій носитъ отчество Казнѣровичъ по смѣшенію съ другимъ богатыремъ. Кабацкія подробности развиты. Владиміръ велитъ князьямъ-боярамъ позвать Василья. Тѣ идутъ въ кабакъ и грубо зовутъ Василья къ князю. Василій запираетъ две-

[1]) Тихонравовъ и Миллеръ II. № 39.
[2]) Тихонравовъ и Миллеръ № 38.
[3]) Кирѣевскій II, стр. 93.

Digitized by Google

ри кабака, снимаетъ съ бояръ платье свѣтлое, бьетъ ихъ и гонитъ нагихъ ко двору князя, который издѣвается надъ ними. Затѣмъ князь самъ идетъ къ Василію въ кабакъ, кланяется ему и проситъ защиты. Василій троекратно пьетъ, чтобъ опохмелиться, чары Ильи Муромца въ полсема ведра, Добрыни Никитича въ полпята и Олеши Поповича въ полтретья ведра, затѣмъ идетъ на Батыя, попадаетъ стрѣлою Лукаперу въ правый глазъ и предлагаетъ Батыю взять Кіевъ; на этомъ былина обрывается. Отмѣтимъ, что Батый въ этой былинѣ носитъ отчество *Кайманович*ъ, о которомъ скажемъ ниже.

Къ числу былинъ о Батыгѣ можетъ быть отчасти привлечена одна былина сборника Кирши Данилова, хотя басурманскій царь въ ней названъ Калиномъ [1]) и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ въ другихъ былинахъ о Калинѣ, является Илья Муромецъ. Василій пьяница приплетенъ къ началу былины. Когда по приходѣ Калина съ его зятемъ Сартакомъ и сыномъ Лоншекомъ въ Кіевѣ богатырей не случилося, Василій пьяница пускаетъ стрѣлу съ башни наугольной и попадаетъ въ правый глазъ зятю Калинову, Сартаку. Калинъ требуетъ выдачи стрѣлявшаго. Но Василію не приходится итти. Во-время подоспѣваетъ Илья Муромецъ, и былина, совсѣмъ забывъ о Василіи, разсказываетъ подвиги главнаго русскаго богатыря.

Просмотрѣвъ всѣ варіанты былины о Василіи и Батыгѣ, мы видимъ, что основной ея типъ довольно бѣденъ содержаніемъ. Подвиги Василія описываются кратко: больше вниманія сосредоточивается на его пребываніи въ кабакѣ и многократномъ опохмеленіи то въ гридницѣ князя Владимира, то въ станѣ Батыя. Это смакованіе кабацкой сцены и зелена вина уже само указываетъ и на слагателей былины и на среду, для увеселенія которой она сложена. Это — грубая среда любителей „кружала государева“, кабацкихъ засѣдателей, „веселыхъ людей“ скомороховъ. Дѣйствительно, лучшіе пересказы былины до сихъ поръ носятъ слѣды ея скоморошья происхожденія, кончаясь шутливой прибауткой въ ихъ вкусѣ. Такъ, калика Латышевъ послѣ заклинанья Батыги окончилъ былину слѣдующей прибауткой;

«Сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ;
Церковное пѣнье въ Москвѣ-городѣ;
Славный звонъ въ Новѣ-городѣ;
Сладкіе поцѣлуи Новоладожанки;
Гладкіе мхи къ синю морю подошли;
Щельё-каменьё въ сѣверной сторонѣ;

[1]) К. Даниловъ № 24, у Кирѣевскаго I, стр. 70—76.

Digitized by Google

Широкіе подолы Олонецкіе;
Дубяные сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ;
Обо... подолы по Мошѣ по рѣкѣ;
Рипсоватые подолы Почезерочки;
Рядные сарафаны Кенозерочки;
Пучеглазыя молодки Слобожаночки;
Толстобрюхія молодки Лексимозерочки;
Малошальскій попъ до солдатовъ добръ.
Дунай, Дунай,
Болѣ пить (т. е. пѣть) впередъ не знай!» [1])

Сказитель Фепоновъ прибавилъ ту же прибаутку къ своей былинѣ съ нѣкоторыми измѣненіями, замѣтивъ, что его учитель, калика Мѣщаниновъ, пѣвалъ эту „небылицу“ имено послѣ этой былины:

Ай чистыи поля были ко Опскову,
А широки роздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскіи,
А церковно-то строенье въ каменной Москвы,
Колокольнёй-отъ звонъ да въ Новѣ-городѣ,
Ай тёртыя калачики Валдайскія,
Ай щапливы щеголиви въ Ярослави городи,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозёрской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику,
А широки подолы Пудожаночки,
Ай дублёны сарафаны по Онеги по рѣки,
Толстобрюхіе бабенки Лёшмозёрочки,
Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай» [2]).

Наконецъ, сказитель Антоновъ въ своемъ пересказѣ былины Рыбникову (точнѣе его сотруднику) добавилъ прибаутку въ еще болѣе сжатомъ видѣ:

«Что ни лучшіе богатыри во Кіевѣ,
Золота казна во Черниговѣ,
А цвѣтно платье во Новѣгородѣ,
А хлѣбны запасы во Смоленцѣ городѣ.
А мхи да болота во Заморской стороны,
А раструбисты сарафаны по Мошѣ по рѣкѣ,
А худые сарафаны въ Каргопольской стороны!» [3]).

Если мы просмотримъ біографіи сказителей, добавившихъ прибаутку, то увидимъ, что они переняли свои былины отъ спеціальныхъ

[1]) Рыбн. II, № 11, стр. 44. Та же прибаутка въ сокращеніи въ былинѣ Рыбн. I № 29.

[2]) Гильферд., № 60, столб. 325.

[3]) Рыбн. III, № 37, стр. 226.

Digitized by Google

пѣтарей-каликъ. Такъ, Антоновъ Потапъ научился былинамъ отъ слѣпого калики Мины Ефимова [1]); Латышевъ — самъ калика по профессіи: Фепоновъ учился у *калики* Петра Мѣщанинова и самъ, будучи слѣпъ, отчасти питается подаяніемъ за пѣніе духовныхъ стиховъ [2]). Въ виду того, что прибаутка сопровождаетъ разсматриваемую былину въ лучшихъ пересказахъ, встрѣчаясь, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ посредственныхъ [3]), можно заключить, что она составляла заключительную часть въ основномъ изводѣ точно такъ же, какъ началу былины предпосылался оригинальный запѣвъ съ картиной встрѣчи туровъ златорогихъ съ турицею подъ стѣнами Кіева.

Итакъ, въ разсматриваемой былинѣ, которой составъ опредѣляется лучшими пересказами, мы имѣемъ вполнѣ законченное произведеніе, какъ бы ничтожно ни было его художественное значеніе. Соотвѣтственно обычному типу былины, оно состояло изъ вступленія или зачина, повѣствовательной или главной части и заключенія. Въ такомъ видѣ, съ конечной прибауткой, былина пѣлась профессіональными пѣвцами-каликами, наслѣдовавшими ее изъ репертуара другихъ болѣе искусныхъ исполнителей скомороховъ. Послѣдняя дошедшая до насъ редакція былины носитъ несомнѣнные признаки ихъ работы, — работы, прибавимъ, далеко не высокаго достоинства. Однако, эта послѣдняя обработка сюжета о нашествіи Батыги предполагаетъ другую, болѣе древнюю, старую погудку, передѣланную скоморохами на новый ладъ, и если бы мы могли узнать что-нибудь объ этомъ древнѣйшемъ изводѣ то составили бы себѣ нѣкоторое понятіе о пріемахъ творчества нашихъ профессіональныхъ пѣтарей-слагателей былинъ XVI и XVII вв.

Спрашивается, однако, почему подъ дошедшей до насъ былиной слѣдуетъ предполагать нѣчто болѣе древнее, служившее отчасти матеріаломъ для новой постройки. Подтвержденіе этому предположенію мы видимъ въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи вступленія или запѣва былины съ ея содержаніемъ. Дѣйствительно, въ запѣвѣ разсказывается, что Мать Пресвятая Богородица, стоя на стѣнѣ городовой, читаетъ Евангеліе и горько плачетъ:

Она вѣдаетъ невзгодушку надъ Кіевомъ,
Она вѣдаетъ невзгодушку великую» [4]).

---

[1]) Гильферд., столб. 334.
[2]) Гильфердингъ, столб. 295.
[3]) Рыбн., I № 29, Гильферд., № 231, столб; 1119; № 18, столб. 119; № 41, столб. 207.
[4]) Гильф., № 60, ст. 322.

Digitized by Google

Или:

«Это плакала стѣна городовая,
Она слышала побѣду надъ Кіевомъ» [1]).

Или:

«Не красная дѣвица тутъ плакала,
Тутъ плакала Сама Мать Богородица,
Тужила-то о вѣрѣ христіанскія» [2]).

Или:

«Она плакала о вдовахъ, о сиротахъ, о бѣдныхъ о головахъ» [3]).

Или:

«А ходила-та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая,
По той ли по вѣрѣ христіанскія,
Будетъ надъ Кіевъ градъ погибельё» [4]).

Итакъ, былина открывается чудесной легендой: заступница Кіева — Пресвятая Богородица, плачетъ о судьбѣ города, зная предстоящую ему погибель: она горюетъ о вѣрѣ христіанской, о вдовахъ и сиротахъ. Такое знаменіе не можетъ не исполниться. Пресвятая Богородица не можетъ ошибиться. Городъ долженъ пасть, и, дѣйствительно, послѣ погрома Батыева Кіевъ лежалъ въ развалинахъ. И что же? Вмѣсто описанія ужасной судьбы Кіева, предвѣщаемой вступительной печальной легендой, мы въ былинѣ находимъ нѣчто совсѣмъ несообразное со вступленіемъ. Предчувствіе Богородицы не оправдалось: Кіевъ остался цѣлъ, даже несмотря на отсутствіе его главныхъ защитниковъ — богатырей. Огромныя силы Батыги, его сына, зятя и дьяка (отъ 120 до 130 тысячъ) шутя искрошилъ кабацкій засѣдатель Василій пьяница. Ожидавшаяся драма разрѣшилась фарсомъ. Вниманіе разсказчика объ обложеніи Кіева Батыгой сосредоточивается не столько на этомъ событіи и на боѣ Василія, сколько на процессѣ испиванія Васькой непомѣрныхъ чаръ зелена вина. Видно, что кружало — главный центръ притяженія для составителя былины, что она и создана въ кабакѣ, въ чаду винныхъ паровъ. Послѣдній ея слагатель жилъ въ такое время, когда Русь уже торжествовала надъ татарами, когда они уже не представлялись грозной, непобѣдимой силой, подъ которой

---

[1]) Гильф., № 181, ст. 893.
[2]) Гильф., № 231, ст. 1117.
[3]) Гильф., № 258, ст. 1180.
[4]) Рыбн., II, № 11, стр. 40.

Digitized by Google

нѣкогда стонали предки. Понятія *своего* времени, пробудившуюся въ московскомъ царствѣ національную гордость слагатель простосердечно переносилъ въ прошедшее, ко временамъ Батыи. Изъ грознаго завоевателя онъ сдѣлалъ шутовского царя басурмана, глупаго труса, бѣгущаго безъ оглядки отъ русскаго кабацкаго героя. Не смущаясь полнымъ несоотвѣтствіемъ печальнаго тона запѣва съ замышляемымъ разсказомъ о богатырѣ-пьяницѣ, слагатель взялъ изъ старинной пѣсни легендарное зачало и, какъ умѣлъ, придѣлалъ къ нему новый разсказъ, пользуясь кое-гдѣ матеріалами изъ стараго. Мы никогда не будемъ въ состояніи точно уяснить, какіе это были матеріалы. Но все же считаемъ нелишнимъ поискать въ былинѣ крупицъ старины...

Прежде всего, мы предполагаемъ, что вступительная картина — встрѣча туровъ съ турицею и плачущая Богородица, съ книгой евангельскою — остатокъ старинной легенды. Въ основѣ легенды лежитъ представленіе о томъ, что городъ Кіевъ былъ посвященъ охранѣ Богородицы, какъ Константинополь. Вспомнимъ слова, приписываемыя Андрею Юродивому, что Константинополь вданъ даромъ Богородицѣ и никто его не отниметъ у нея. Многіе языки приступятъ къ стѣнамъ его, но сокрушать роги свои и отойдутъ со срамомъ [1]). Вспомнимъ, что спеціальной стоятельницей за Новгородъ была св. Софія и что судьбу города легенда приводила также въ связь съ фресковымъ образомъ Спасителя въ этомъ храмѣ, написаннаго со сжатою рукою. Но лучшимъ комментаріемъ къ плачущей Богородицѣ нашей былины можетъ служить новгородская легенда въ повѣсти о побѣдѣ новгородцевъ надъ суздальцами. Повѣсть разсказываетъ, что раздраженный на Новгородъ Андрей Боголюбскій послалъ сына Романа со всей силою суздальскою и князя Мстислава со смольнянами, рязанцевъ, муромцевъ, полочанъ, торопчанъ, переяславцевъ и ростовцевъ на Новгородъ. Всѣхъ князей было 72. Новгородцы въ скорби сѣтовали и молились Богу. Суздальцы стояли подъ городомъ 3 дня. На 3-ю ночь новгородскій владыка Іоаннъ услышалъ гласъ, указавшій ему на икону Богородицы на Ильинѣ улицѣ. Икона была перенесена на стѣну. При нападеніи суздальцевъ, ликъ Богородицы оросился слезами, которыя владыка принялъ на фелонь. Тогда Господь разгнѣвался на осаждавшихъ, они ослѣпли и стали побивать другъ друга. Такъ Богородица спасла Новгородъ своими слезами [2]). Намекъ на подобную старинную легенду о Богородицѣ нужно видѣть въ былинномъ зачалѣ. Наши изслѣдователи уже давно привели

[1]) *Сахаровъ*. Эсхатологич. сочиненія и проч., стр. 89.
[2]) Памятники старин. русск. литер. Вып. I, стр. 241—2.

Digitized by Google

спутанную картину былины — съ образомъ не то плачущей стѣны, не то Богородицы — въ связь съ кіевской легендой о мозаичномъ образѣ Богородицы на восточной стѣнѣ Софійскаго собора, извѣстномъ подъ названіемъ „Нерушимая Стѣна". Названіе объясняется тѣмъ. что при разрушеніи собора стѣна съ этимъ древнимъ образомъ уцѣлѣла, и Богородица съ молитвенно поднятыми дланями долгіе годы послѣ погрома печально смотрѣла на развалины „матери городовъ русскихъ" [1]). Легенда о Богородицѣ, скорбящей о судьбѣ Кіева, должна была сложиться вслѣдъ за разгромомъ города Батыемъ въ 1240 году, и такимъ образомъ, мы имѣемъ приблизительную хронологическую дату по крайней мѣрѣ для поэтической и грустной картины, открывавшей собою древнюю историческую пѣсню о нашествіи Батыя на Кіевъ.

Поищемъ другихъ слѣдовъ древнихъ пѣсенъ о событіяхъ роковыхъ 1237—1240 годовъ въ книжныхъ сказаніяхъ и повѣстяхъ. Мы имѣемъ въ виду прежде всего „Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань", вошедшую въ нѣкоторые поздніе лѣтописные своды и находимую въ нѣсколькихъ сборникахъ, большею частью рядомъ съ повѣстью о корсунскомъ образѣ Николая чудотворца Заразскомъ. Пользуясь текстомъ „повѣсти", изданнымъ акад. Срезневскимъ [2]), мы отмѣтимъ тѣ черты разсказа, въ которыхъ можно подозрѣвать народную эпическую основу. Какъ варіантомъ, мы воспользуемся вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ пространнымъ Сказаніемъ о Батыевомъ приходѣ на Русь въ 1237 году, помѣщеннымъ во всѣхъ древнихъ и старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ. Для нашей цѣли — указанія тѣхъ эпизодовъ разсказа, которые отзываются народной эпикой, — воспользуемся пространнымъ „Сказаніемъ", взятымъ Сахаровымъ изъ Софійскаго временника и Костромской лѣтописи [3]).

Напомнимъ вкратцѣ содержаніе „Повѣсти о приходѣ батыевой рати на Рязань".

Безбожный Батый въ 1237 г. съ огромнымъ войскомъ прибылъ къ рязанскимъ предѣламъ и сталъ на р. Воронежѣ (въ Сказаніи — на Онузѣ). Затѣмъ онъ посылаетъ къ рязанскому князю Юрію Ингоревичу *бездѣльныхъ* пословъ, съ требованіемъ десятины во всемъ: въ князьяхъ, людяхъ, коняхъ. Въ Сказаніи — послами Батыя является *жена чаро-*

---

[1]) См. объ образѣ «Нерушимая Стѣна» у *Закревскаго* — Описаніе Кіева. 1867, т. II, стр. 790 и слѣд.

[2]) «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ». Приложеніе къ XI т. запис. И. А. наукъ, № 2, 1867, стр. 81—90.

[3]) «Сказанія русск. народа», т. I, кн. IV, стр. 45—56, изд. 1841 г.

Digitized by Google

дѣвицу и съ нею два мужа. Требованіе десятины распространено нѣкоторыми народно-поэтическими чертами: десятина требуется въ князьяхъ, въ людяхъ, въ коняхъ: бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. И жену чародѣицу, и пространное перечисленіе мастей коней — слѣдуетъ отнести къ чертамъ старинной пѣсни. Далѣе рязанскимъ князьямъ, выѣхавшимъ въ Воронежъ навстрѣчу Батыю, влагается въ уста эпическій отвѣтъ: „Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ". Затѣмъ въ „Повѣсти" и „Сказаніи" кратко разсказывается, какъ рязанскіе князья просили помощи у великаго князя Юрія владимирскаго, и какъ онъ отказалъ имъ. Не получивъ подмоги, рязанскіе князья рѣшаются „утолить" безбожнаго царя дарами и моленьями великими, и Юрій посылаетъ къ нему своего сына Ѳеодора съ другими князьями. Батый принялъ дары, обѣщалъ не воевать рязанскую землю, но сталъ глумиться надъ пріѣхавшимъ посольствомъ и просить у рязанскихъ князей ихъ дочерей и сестеръ себѣ на ложе. Нѣкій изъ вельможъ рязанскихъ сказалъ Батыю, что у князя Ѳеодора жена красавица и царскаго рода. Батый, обратившись къ Ѳеодору, сказалъ: „Дай мнѣ, князь, видѣть жены твоей красоту". Оскорбленный князь Ѳеодоръ, „посмѣявся" (Сказан.), сказалъ: „Не подобно есть намъ, христіанамъ, къ тебѣ нечестивому царю водить жены своя на блудъ; аще преодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши". Безбожный царь велитъ убить князя Ѳеодора, а тѣло его выбросить звѣрямъ и птицамъ на растерзаніе. Перебиты были и спутники Ѳеодора. Только одинъ — пѣстунъ, именемъ Аполоница — укрылся и спряталъ тѣло своего убитаго князя. Затѣмъ онъ поспѣшилъ къ женѣ Ѳеодора, княгинѣ Евпраксіи, чтобъ сообщить ей печальную вѣсть. При пріѣздѣ гонца княгиня Евпраксія стояла „въ превысоцѣмъ храмѣ своемъ" (Сказ.), т. е. въ *высокихъ хоромахъ* и держала на своихъ „бѣлыхъ" рукахъ (Сказ.) *„любезное"* чадо свое. Она поджидала своего *„ласковаго и любимаго"* супруга. Услыхавъ отъ Аполоницы, что ея мужъ „любви ея ради и красоты" убитъ Батыемъ, Евпраксія, *„наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего и съ сыномъ своимъ, съ княземъ Иваномъ, на среду земли, и заразися до смерти"*.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что трогательный эпизодъ о смерти Ѳеодора и Евпраксіи въ изложеніи книжника основанъ на народной пѣснѣ. Черты народнаго стиля сквозятъ доселѣ въ отдѣльныхъ образахъ и выраженіяхъ: детальное перечисленіе дани конями, высокій теремъ Евпраксіи, бѣлыя руки, любезное чадо — все это хорошо извѣстные образы народной поэзіи. Да и самое содержаніе эпизода,

Digitized by Google

какъ было указано изслѣдователями эпоса[1]), сильно напоминаетъ былину о Данилѣ Ловчанинѣ и его женѣ. Чтобъ уяснить это сходство, отмѣтимъ слѣдующія общія черты:

1. Роль рязанскаго вельможи, сказавшаго Батыю о красотѣ жены князя Ѳеодора, въ былинѣ исполняетъ коварный Мишатка Путятичъ, который говоритъ князю Владиміру о красотѣ жены Данила Ловчанина и соблазняетъ князя ею овладѣть.

2. Въ сказаніи Батый убиваетъ кн. Ѳеодора, въ былинѣ Владиміръ губитъ Данилу не прямо, а посылаетъ его на охоту съ труднымъ порученіемъ и содѣйствуетъ его гибели (самоубійству).

3. Какъ Евпраксія, узнавъ о смерти мужа, кончаетъ жизнь самоубійствомъ, такъ и жена Данилы Ловчанина.

Вслѣдъ за эпизодомъ о Ѳеодорѣ и Евпраксіи, повѣсть обычнымъ украшеннымъ книжнымъ стилемъ изображаетъ сборы Юрія Ингоревича, влагая въ его уста благочестивыя молитвы и увѣщанія къ воинамъ. Онъ посѣщаетъ церкви, даетъ послѣднее цѣлованіе супругѣ Агриппинѣ Ростиславнѣ, принимаетъ благословеніе отъ епископа и выступаетъ противъ Батыя. Описаніе боя ограничивается довольно блѣдными чертами. Сѣча была зла и ужасна. Батый видѣлъ, что „господство рязанское крѣпко и мужественно билось и убоялся". Но противъ гнѣва Божія что постоитъ! Одинъ русскій бился съ тысячею, а два съ тьмою. Битва кончилась полнымъ пораженіемъ и избіеніемъ рязанскихъ князей: Георгія Ингоревича, Давида, Глѣба, Всеволода Пронскаго и др. Далѣе слѣдуетъ взятіе Рязани и ужасное опустошеніе всей области, послѣ чего Батый идетъ на Суздаль и Владиміръ. Здѣсь разсказъ прерывается вставкой — эпизодомъ о подвигахъ Евпатія Коловрата, — въ которой снова можно подозрѣвать отдѣльную пѣсню.

Одинъ изъ вельможъ рязанскихъ (въ Сказаніи *русскихъ*), Евпатій Коловратъ, въ то время былъ въ Черниговѣ съ княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ, собирая для него дань. Услыхавъ о приходѣ безбожнаго царя Батыя, онъ съ малой дружиной погналъ въ землю Рязанскую и увидѣлъ, что городъ въ развалинахъ, государи побиты, множество народа посѣчено, пожжено или потоплено въ рѣкѣ. И вскричалъ Евпатій въ горести души своей и распалился въ сердцѣ. Собралъ онъ 1700 человѣкъ дружины, изъ людей, которыхъ Богъ сохранилъ, и погналъ вслѣдъ безбожному царю Батыю, рѣшившись „испить смертную чашу съ своими государями равно". Едва догнавъ Батыя въ землѣ Суздаль-

[1]) *М. Г. Халанскій*, «Великорусск. былины кіевскаго цикла», стр. 82. См. также наши «Экскурсы», стр. 26.

Digitized by Google

ской, онъ внезапно напалъ на его станъ и началъ сѣчи татаръ безъ милости. „И сметоша всѣ полки татарскыя. Татарове же сташа *яко пияны,* а ли неистовый Еупатій тако ихъ бьяше, яко и мечи притупишася и емля татарскія мечи и сѣчаше ихъ. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатій *сильныя* полки татарскыя проѣзжая бьяше ихъ нещадно и ѣздя по полкамъ татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поимаша отъ полку Еупатіева пять человѣкъ воиньскихъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ царю Батыю. И царь Батый нача вопрошати. *„Коея вѣры есте вы и коея земля* и что мнѣ много зла творите?“ Они же рѣша: „Вѣры кристіянскія есвѣ, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а отъ полку Еупатіева Коловрата, посланы отъ князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя сильна царя почтити и честно проводити, и честь тобѣ воздати, да не подиви, царю, не успѣвати наливати чашу на *великую силу рать* татарскую“. Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурича своего Хостоврула (*Таврула*) на Еупатія, а съ нимъ сильныя полки татарскіе. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатія жива предъ царя привести. И ступишася сильныя полки татарскія, хотя Еупатія жива яти. Хостоврулъ же съѣхася въ Еупатіемъ. Еупатей же исполинъ силою (наѣхавъ) и разсѣче Хостоврула *на полы до сѣдла,* и начаша сѣчи силу татарскую. И многихъ тутъ нарочитыхъ богатырей батыевыхъ побилъ, овихъ на полы пресѣкоша, а иныхъ до сѣдла краяша. Татарове возбояшася, видя Еупатія крѣпка исполина, и навадиша на него множество пороковъ и начаша бити по немъ съ сточисленныхъ пороковъ и едва убиша его и принесоша тѣло его предъ царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи (ординскіи) и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству. Они же рекоша царю: *„Мы со многими цари во многихъ земляхъ на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удальцовъ и рѣзвецовъ не видали, ни отци наши возвѣстиша намъ“.* Сіи бо люди крылатии и не имѣюще смерти тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бьяшася. единъ съ тысящею, а два съ тмою. Ни единъ отъ нихъ можетъ съѣхати живъ съ побоища. Царь Батый, зря на тѣло Еупатіево, и рече: „О Коловрате Еупатіе! *Гораздо еси меня поскепалъ малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды* побилъ еси, и многие (полки) падоша. Аще бы у меня такій служилъ. *держалъ быхъ его противъ сердца своего“.* И даша тѣло Еупатіево его дружинѣ останной, которые поиманы на побоищѣ, и веля ихъ царь Батый отпустити, ни чемъ вредити“...

Digitized by Google

И содержаніе, и форма, и мѣсто приведеннаго эпизода объ Евпатіи Коловратѣ — показываютъ, что передъ нами переданная прозой народная пѣсня рязанскаго происхожденія, вставленная въ повѣсть о Батыевомъ нашествіи. Интересно отмѣтить мѣсто этой вставки. Авторъ „Повѣсти“ о разореніи Рязани Батыемъ помѣстилъ ее послѣ разсказа о разореніи Рязани, когда Батый пошелъ къ Суздалю и Владиміру. Подвигъ Евпатія является хоть отчасти мщеніемъ рязанскаго удальца Батыю за убіеніе князей, разореніе родной области. Фантазія народная старалась всячески разукрасить этотъ подвигъ, отдохнуть на немъ послѣ ужасныхъ претерпѣнныхъ отъ Батыя бѣдствій, возмутившихъ и оскорбившихъ народную гордость. Другое мѣсто далъ тому же преданію составитель пространнаго сказанія о нашествіи Батыя на русскую землю. Передавъ печальную судьбу Рязани и ея княжескаго дома, онъ переходитъ къ описанію событій въ Суздальской области: разсказываетъ о боѣ при Коломнѣ, взятіи татарами Москвы, Суздаля, Владиміра, разореніи всей Ростовской и Суздальской земли и описываетъ скорбь великаго князя Юрія. Только здѣсь помѣщаетъ онъ разсказъ о подвигѣ Евпатія Коловрата и затѣмъ снова возвращается къ великому князю Юрію и описываетъ битву при Сити, въ которой палъ князь Юрій Всеволодовичъ и князь Василій Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ и замученъ. Ясно, что эпизодъ о Коловратѣ болѣе умѣстенъ тамъ, гдѣ его вводитъ авторъ *повѣсти* о разореніи Батыемъ Рязани. Мы не входимъ въ соображенія, почему авторъ пространнаго „Сказанія“ передвинулъ его на другое мѣсто: для насъ достаточно того, что разсказъ объ Евпатіи представляетъ отдѣльное цѣлое, отдѣльную пѣсню, которою пользовались составители украшенныхъ историческихъ повѣстей.

Типическія черты пѣсни проглядываютъ до сихъ поръ въ ея книжной обработкѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя черты народной эпики.

Евпатій съ своей ничтожной дружиной „проѣзжаетъ сильные полки татарскіе“, какъ Илья Муромецъ или Ермакъ; татары шатаются какъ *пьяные;* приведеннымъ къ нему воинамъ Коловрата изумленный ихъ храбростью Батый ставитъ обычные эпическіе вопросы: „Коея вѣры есте и коея земля?“ Тѣмъ же эпическимъ духомъ вѣетъ отъ ихъ ироническаго отвѣта, что они „посланы княземъ его, сильнаго царя, почтити и честно проводити“, и чтобы онъ простилъ, что они не успѣваютъ чашу наливать на великую *силу-рать* татарскую [1]). Удивленіе

---

[1]) Отмѣтимъ тутъ же тавтологическое выраженіе «сила-рать».

Digitized by Google

Батыя мужественному отвѣту плѣнниковъ, похвальба Хостоврула привести Евпатія живьемъ къ царю, бой Евпатія съ Хостовруломъ, причемъ рязанскій удалецъ, какъ эпическіе кіевскіе богатыри, разсѣкаетъ нахвальщика наполы до сѣдла, сознаніе татарскихъ мурзъ при тѣлѣ Коловрата, что они во многихъ земляхъ и на многихъ браняхъ бывали, а такихъ удальцовъ и рѣзвецовъ не видали [1]) — все это черты, знакомыя нашимъ былинамъ. Наконецъ, какъ позднѣйшія пѣсни о Батыгѣ кончаются его жалобой на русскихъ богатырей, такъ и старинная рязанская пѣсня содержитъ въ заключеніи жалобу Батыя на Коловрата за то, что онъ его „гордздо поскепалъ, много богатырей его сильной орды побилъ", и сознаніе басурманскаго царя, что у него нѣтъ богатырей, равныхъ Коловрату. Батыю приписываетъ пѣсня даже нѣкоторое великодушіе, вызванное удивленіемъ подвигамъ русскаго богатыря.

Итакъ въ эпизодѣ объ Евпатіи Коловратѣ нельзя не видѣть драгоцѣннаго остатка народной исторической пѣсни, если не современной, то, вѣроятно, по сложенію близкой ко времени событія. Вмѣстѣ съ эпизодомъ о смерти Ѳеодора и княгини Евпраксіи, книжный разсказъ объ Евпатіи можетъ служить яркимъ образчикомъ историческихъ эпическихъ пѣсенъ, сложенныхъ въ народной или дружинной средѣ въ томъ поколѣніи, которое либо было свидѣтелемъ татарскаго погрома, либо слышало о немъ изъ устъ современнаго событію поколѣнія. Мы не думаемъ, чтобы въ дружинахъ или въ народѣ въ то время существовали пространныя историческія пѣсни о разореніи всей русской земли нашествіемъ Батыя, нѣчто въ родѣ того связнаго разсказа, который представляли объ этомъ событіи книжныя повѣсти, вошедшія въ лѣтописные своды. Погромъ былъ такъ ужасенъ, побѣдоносное шествіе Батыя было такимъ рядомъ пораженій русскихъ дружинъ, что на такомъ сюжетѣ, крайне непріятномъ для національной гордости, не могъ остановиться народный поэтъ. Но, отвращаясь отъ печальнаго сюжета въ цѣломъ, народное преданіе должно было искать утѣшенія, душевнаго отдыха въ частностяхъ, и такими частностями, между прочимъ, являются пѣсни о Ѳеодорѣ и Евпраксіи и о подвигѣ Евпатія Коловрата. Мученическая смерть князя Ѳеодора, защищавшаго честь жены, и трагическая смерть любящей жены при извѣстіи о гибели любимаго мужа — вотъ эпизодъ, исторически не имѣвшій значенія, но своею нравственной стороною глубоко запечатлѣвшійся въ народной памяти и давшій прекрасный сюжетъ для печальной пѣсни.

---

[1]) Отмѣтимъ глагольныя риѳмы.

Digitized by Google

Точно такъ же исторически ничтожная, но удачная для русскихъ, стычка съ однимъ изъ татарскихъ отрядовъ (предполагая, что въ разсказѣ о Коловратѣ есть хоть ничтожная крупица исторіи) должна была въ годину страшнаго бѣдствія нѣсколько подбодрить угнетенное народное настроеніе, и народъ создалъ богатырскую пѣсню, всячески пріукрашающую рязанскаго удальца.

Все это психологически вполнѣ естественно; но намъ интересно знать, дошло ли что-нибудь изъ этихъ древнихъ пѣсенъ до нашего сѣвернаго эпоса, разсказывающаго, какъ мы видѣли, о нашествіи Батыги. Теперь, когда мы разсмотрѣли остатки старинныхъ пѣсенъ въ передѣлкахъ книжниковъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ насъ затруднить. Почти ничего, кромѣ нѣкоторыхъ именъ, что̀ снова подтверждаетъ общеизвѣстный фактъ, что *имена* въ нашемъ эпосѣ, какъ и въ другихъ народныхъ устныхъ произведеніяхъ, — древнѣе фабулъ, къ нимъ прикрѣпленныхъ. Разсмотримъ эти имена.

Въ „Экскурсахъ" я уже высказалъ предположеніе, что имя нашей безсмѣнной эпической кіевской княгини Опраксы, Опраксѣевны—ведетъ свое происхожденіе отъ имени рязанской княгини, извѣстной въ преданіяхъ о Батыгѣ, при чемъ имя совершенно отдѣлилось отъ нравственныхъ свойствъ исторической личности, носившей его. „Типъ вѣрной жены, угрожаемой сластолюбивымъ царемъ и кончающей жизнь самоубійствомъ при извѣстіи о смерти мужа, перешелъ въ нашемъ эпосѣ къ Василисѣ, женѣ Данилы Ловчанина, а имя — одно безъ всякихъ другихъ чертъ, оторванное отъ исторической княгини, — прикрѣпилось къ женѣ кн. Владимира, полной противоположности исторической Евпраксіи по нравственнымъ свойствамъ. Очевидно, это могло произойти значительно позже XIII вѣка, когда имя Евпраксіи уже было отдѣлено отъ историческаго событія, связаннаго съ нимъ, когда оно ничего уже не говорило народному воображенію, кромѣ того, что это была какая-то *извѣстная* княгиня, чѣмъ-то и когда-то прославившаяся. А такъ какъ въ эпосѣ единственной княгиней является жена былиннаго князя Владимира (какъ онъ самъ — единственнымъ княземъ), то не мудрено, что какой-нибудь слагатель, а за нимъ другіе, назвалъ эту княгиню именно Апраксіей (Опраксой) [1]) Итакъ сохраненіе въ нашихъ былинахъ имени Опраксы и замѣчательное сходство сюжета былины о Данилѣ и Василисѣ съ сказаніемъ о Ѳеодорѣ и Евпраксіи, хотя въ былинѣ некрасивая роль Батыя и перенесена на князя Владимира.—

[1]) «Экскурсы», стр. 26 и 27.

Digitized by Google

все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ болѣе раннемъ періодѣ нашего эпоса въ немъ была популярна пѣсня о гибели Ѳеодора и Евпраксіи при нашествіи Батыя на рязанскую землю.

Изъ другой разсмотрѣнной старинной рязанской пѣсни — объ Евпатіи Коловратѣ — вѣроятно, зашло въ былины имя *Таврульевичъ*. Вспомнимъ, что въ „Повѣсти" главнымъ богатыремъ и нахвальщикомъ при Батыѣ является Хостоврулъ (или Таврулъ). Въ былинахъ *отчество* Таврульевичъ нерѣдко. Такъ (въ былинѣ Кирши Данилова № 6) Волхъ Всеславьевичъ, пробравшись въ Индѣйское царство, беретъ за руки царя Салтыка *Ставрульевича,* ударяетъ имъ о кирпищатъ полъ и расшибаетъ его въ крохи. Въ „Гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ Даниловичѣ" татарскій царь, подступившій къ Кіеву и разбитый малолѣтнимъ Михаиломъ, названъ Бахметомъ сыномъ *Таврульевичемъ* [1]). Наконецъ, въ старинной тверской пѣснѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ татарскій царь носитъ имя Возвяга *Таврольевича* [2]).

Можетъ-быть, изъ какой-нибудь старинной пѣсни о Батыѣ вошло въ одну современную былину, записанную въ Архангельской губ., отчество Каймановичъ:

«Подступаетъ къ намъ подъ Кѣевъ царь Батый,
Царь Батый онъ жа Каймановичъ» [3]).

Сходное по звукамъ имя Кайданъ носитъ одинъ изъ братьевъ Батыя въ пространномъ сказаніи о нашествіи Батыя на русскую землю [4]).

Наконецъ, можетъ быть поставленъ вопросъ — не изъ старинныхъ ли пѣсенныхъ источниковъ вошло въ былину о Батыгѣ имя богатыря Василія пьяницы. Акад. Веселовскій весьма правдоподобно объяснилъ, почему къ имени Василія прикрѣпился типъ человѣка упьянсливаго; но можно колебаться въ рѣшеніи вопроса, такъ сказать, хронологическаго: что̀ въ данномъ случаѣ было предшествовавшее и послѣдующее? Представить ли намъ себѣ процессъ творчества такъ, что народъ сначала создалъ типъ богатыря пьяницы и затѣмъ окрестилъ пьяницу Василіемъ, подъ вліяніемъ ложно истолкованной легенды о Василіи Новомъ; или старинная пѣсня знала имя Василія, наслѣдовавъ его изъ традиціи, и затѣмъ, подъ вліяніемъ имени носитель его въ скоморошьей средѣ, которой принадлежитъ позднѣйшая обработка былины, пріобрѣлъ черты кабацкаго гуляки-богатыря.

---

[1]) Р. былины ст. и нов. записи, I, стр. 61.
[2]) Гильферд., №№ 235, 269, 283.
[3]) Кирѣевск., II, стр. 93.
[4]) Сахаровъ, стр. 53.

Digitized by Google

Не утверждая послѣдняго, я не прочь отъ предположенія, что имя Василія могло находиться въ старинномъ пѣсенномъ преданіи. Это имя носитъ въ книжномъ сказаніи князь Василій Константиновичъ, взятый Батыемъ въ плѣнъ въ битвѣ при Сити. Подобно тому, какъ въ былинахъ Батыга, Калинъ или Бахметъ Таврульевичъ побуждаютъ взятаго въ плѣнъ русскаго богатыря имъ служить и получаютъ отъ послѣдняго ироническій и дерзкій отвѣтъ, такъ книжникъ, основываясь, быть-можетъ, на народномъ преданіи, говоритъ про плѣннаго Василька: „И нудиша Василька много проклятіи, безбожные татарове въ поганской быти воли ихъ и воевати съ ними. Онъ же, не повинуясь обычаю ихъ никако-же, не покорися беззаконію ихъ, ни брашна, ни питія ихъ не прія“ [1]). Здѣсь Василій отказывается воевать въ татарской рати, въ былинѣ Василій Игнатьевичъ обманно переходитъ на сторону татаръ, а затѣмъ избиваетъ данную ему Батыгой силу. Убитый Батыемъ князь Василій Константиновичъ привлекалъ къ себѣ народную симпатію не только какъ мученикъ. Религіозно настроенный авторъ „Сказанія“ прославляетъ его не только за мужественную смерть. Онъ дѣлаетъ характеристику убитаго князя, что̀ сравнительно не часто находимъ у нашихъ книжниковъ, припоминаетъ тѣ внѣшнія черты и свойства характера, которыя привлекали къ князю всѣ сердца: „Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловѣхъ вазнивъ, сердцемъ легокъ; а кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, той за его любовь никако-же не можаше у иного князя быти и служити, излише бо слуги своя любляше; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходиста; бѣ бо всему хитръ, и посѣде въ добрыхъ денехъ на отнѣ столѣ и дѣднѣ“ [2]). Въ такой характеристикѣ князя слышатся мнѣнія о немъ дружины, высоко цѣнившей княжескую ласку, щедрость, хлѣбосольство, а также удаль на охотѣ. Хорошо было дружиннику служить *у такого* князя, и послѣ службы у него уже не по сердцу была служба у другихъ князей. Едва ли поэтому авторъ „Сказанія“ реторически преувеличилъ скорбь подданныхъ о Василіи Константиновичѣ, когда говоритъ, что при его отпѣваніи въ церкви „не бѣ слышати пѣнія во мнозѣ плачѣ“.

Если на основаніи характеристики Василія въ „Сказаніи“ мы предположимъ, что имя этого популярнаго и трагически погибшаго князя

---

[1]) Сахаровъ, стр. 51.
[2]) Сахаровъ, стр. 52.

Digitized by Google

поминалось въ народномъ преданіи въ связи съ именемъ Батыя. то найдемъ возможнымъ и другое предположеніе, что оно сохранилось въ современной былинѣ о Батыгѣ, сохранилось только какъ имя. независимо отъ историческаго лица, его носившаго. Типъ богатыря-пьяницы получился какимъ-нибудь другимъ процессомъ, — имя, можетъ-быть, ему предшествовало. Аналогіей этому процессу можетъ служить эпическая судьба имени Евпраксіи, о которой мы говорили выше. Во всякомъ случаѣ между исторической княгиней Евпраксіей, пострадавшей при нашествіи Батыя, и былинной Опраксой не большее различіе, чѣмъ между плѣненнымъ и замученнымъ Батыемъ княземъ Василіемъ Константиновичемъ и былиннымъ Василіемъ Игнатьевичемъ, также находившимся въ рукахъ Батыя, но уничтожившимъ его несмѣтную силу. — Чтобъ покончить рядъ былинныхъ именъ, предположительно сохранившихся изъ болѣе древнихъ эпическихъ матеріаловъ, упомянемъ еще имя пѣстуна кн. Ѳеодора Аполоницы, который спряталъ тѣло князя и привезъ изъ стана Батыева Евпраксіи извѣстіе о его смерти. Уже въ „Экскурсахъ“ [1]) я предположилъ, не зашло ли изъ рязанскаго сказанія въ нашъ эпосъ странно звучащее имя Аполлонище, которое носитъ иногда богатырскій сынъ Ильи Муромца, вступающій съ нимъ въ бой. „Славное Аполонище, сынъ дѣвки Сиверьяничны изъ Золотой Орды“ — упоминается въ былинѣ Гильфердинга № 246 [2]). Имя пѣстуна Ѳеодорова Аполоницы могло, отдѣлившись отъ историческаго его носителя, прикрѣпиться къ былинному богатырю, также пріѣзжающему изъ орды“ [3]).

Чтобы исчерпать весь матеріалъ, содержащійся въ нашемъ эпосѣ для характеристики Батыя, намъ остается просмотрѣть еще одну былину Архангельской губерніи [4]). Раньше мы указали былину о царѣ Калинѣ, въ которую вплетенъ богатырь Василій, играющій главную роль въ былинѣ о Батыгѣ. Въ разсматриваемой архангельской былинѣ, наоборотъ, царь Батый Батыевичъ замѣняетъ царя Калина и сталкивается, какъ послѣдній, съ Ильей Муромцемъ.

Какъ въ другихъ былинахъ о Батыгѣ, Батый Батыевичъ приступаетъ къ Кіеву съ сыномъ (Таракашкомъ) и любимымъ зятемъ (Ульюшкой), но при этомъ страннымъ образомъ подъѣзжаетъ на кораблѣ —

---

[1]) Стр. 27, примѣчаніе.

[2]) Столб. 1151.

[3]) Другое объясненіе былиннаго имени *Аполонище,* данное акад. А. Н. Веселовскимъ, см. выше на стр. 303.

[4]) Кирѣевскій—IV, стр. 38—46.

Digitized by Google

подробность неудачно припутавшаяся изъ другихъ былинныхъ сюжетовъ.

Раздернувъ бѣлъ-полотняный шатеръ, Батый созываетъ на совѣтъ своихъ мурзовъ-бурзовъ и посылаетъ въ Кіевъ съ требованіемъ выдать ему трехъ богатырей — Илью, Добрыню и Алешу, угрожая въ противномъ случаѣ „сильныхъ богатырей подъ мечъ склонить, князя со княгинею въ полонъ взять, Божьи церкви на дымъ спустить“ и проч. Прочтя ярлыкъ, князь запечалился и пошелъ въ церковь молиться Богу. На встрѣчу ему выходитъ калика-перехожая и спрашиваетъ, о чемъ князь груститъ. Князь разсказываетъ о требованіи Батыя. Тогда калика открывается: оказывается, что это Илья Муромецъ которому было давно княземъ отъ Кіева отказано. Владимиръ бьетъ Ильѣ челомъ до сырой земли и проситъ его:

«Постарайся за вѣру христіанскую
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей».

Илья съ Добрыней, Алешей и княземъ съ многочисленными дарами ѣдетъ къ Батыю, чтобы откупиться на три года. Батый угощаетъ пословъ, но не даетъ срока и на три дня. Тогда Илья приказалъ князю запереться въ Кіевѣ, ѣдетъ на Почай-рѣку звать богатырей и уговариваетъ ихъ, сердитыхъ на Владимира, выручить Кіевъ. Богатыри соглашаются, 12 дней рубятся съ татарами, но затѣмъ отъѣзжаютъ „опочивъ держать“. Остается одинъ Илья Муромецъ. Дальнѣйшее содержаніе представляетъ обычныя черты былинъ о Калинѣ: паденіе Ильи въ татарскіе подкопы, веденіе его на казнь, маханіе татариномъ и бѣгство басурманскаго царя.

Обзоръ содержанія архангельской былины показываетъ, что она скорѣе относится къ циклу былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ. Только въ силу синкретизма, обычнаго въ устномъ эпосѣ, сказитель былины смѣшалъ Калина съ Батыгой и внесъ въ начало своей пѣсни нѣкоторыя черты изъ былинъ о Батыгѣ. Вообще басурманскіе цари нашего эпоса — Калинъ, Батыга, Курганъ, Кумбалъ, Мамай, Бахметъ и проч. — такъ сходны между собою и историческія черты разныхъ эпохъ до такой степени сведены къ одной формулѣ, что попытки различить какія-нибудь историческія подробности, вошедшія въ эпосъ вмѣстѣ съ тѣмъ или другимъ историческимъ именемъ, представляются

Digitized by Google

тщетными. Несомнѣнно историческія имена — Батыя, Мамая, Ахмата — являются, такъ сказать, хронологическими вѣхами, указывающими на многовѣковый путь, пройденный нашимъ устнымъ эпосомъ. Но народная память давно позабыла подробности этого длиннаго пути и, дойдя до послѣдней станціи уже въ московскомъ царскомъ періодѣ, странникъ помнитъ только о ней и въ своемъ воображеніи переноситъ условія настоящаго въ прошлое и приписываетъ ихъ ранѣе пройденнымъ этапамъ.

Въ заключеніе резюмируемъ выводы, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе былинъ о Батыгѣ въ связи съ книжными повѣстями и сказаніями.

1. Несомнѣннымъ представляется существованіе въ XIII в. народныхъ, вѣроятно дружинаго происхожденія, пѣсенъ, почерпавшихъ сюжеты изъ воспоминаній современниковъ о страшномъ нашествіи. Къ такимъ пѣснямъ, вошедшимъ, какъ эпизоды, въ книжныя повѣсти, можно отнести пѣсни о смерти кн. Ѳеодора и Евпраксіи и о подвигѣ Евпатія Коловрата. Сюжетъ первой пѣсни съ другими именами еще живетъ въ нашемъ эпосѣ; популярное же чрезъ пѣсню имя Евпраксіи стало нашимъ эпическимъ именемъ жены Владимира. Изъ пѣсенъ о Евпатіи Коловратѣ, вѣроятно, проникло въ былины имя *Тавруль*ѣ*вичъ*.

2. Къ старинному наслѣдію въ нашемъ эпосѣ, кромѣ нѣкоторыхъ именъ, можно отнести и запѣвъ съ Богородицей, плачущей о судьбѣ Кіева. Не соотвѣтствуя, какъ мы видѣли, содержанію былины о Василіи и Батыгѣ, этотъ запѣвъ былъ безотчетно сохраненъ ея слагателемъ.

3. Съ нѣкоторой вѣроятностью можно далѣе предположить, что имя Василія, героя былины о Батыгѣ, еще принадлежало болѣе древнимъ пѣснямъ Батыева цикла, поминавшимъ любимаго дружиной и народомъ князя Василія Константиновича, взятаго татарами въ плѣнъ въ битвѣ при Сити и погибшаго въ станѣ Батыя, какъ другой современный герой исторіи и пѣсни — князь Ѳеодоръ. Но въ позднѣйшій періодъ нашего эпоса имя Василія отдѣлилось, какъ имя Евпраксіи, отъ историческаго лица, его носившаго, вслѣдствіе чего къ нему могла прикрѣпиться фабула, не имѣющая ничего общаго съ исторической судьбой князя Василія.

4. Эта позднѣйшая обработка былины принадлежитъ скоморошьей средѣ, вѣроятно XVI или XVII в. На это указываетъ, какъ мы видѣли, и характеръ героя — типъ Василія-пьяницы, — и заключительная юмористическая прибаутка съ припѣвомъ „Дунай“, обычная въ

Digitized by Google

скоморошьихъ пѣсняхъ. Отъ профессіональныхъ пѣвцовъ-слагателей, „веселыхъ людей скомороховъ“, былина перешла къ каликамъ, а отъ нихъ ее переняли лучшіе современные олонецкіе сказители.

Эти выводы, если только они окажутся прочными, даютъ намъ до нѣкоторой степени возможность судить объ отношеніи дошедшей до насъ редакціи былины къ болѣе древнимъ историческимъ пѣснямъ и историческимъ именамъ.

Digitized by Google

Былины о Саурѣ и сродныя по содержанію[1].

Если возстановленіе основного типа какой-нибудь былины, дошедшей до насъ иногда въ десяткахъ варіантовъ въ богатомъ репертуарѣ олонецкихъ сказителей, достигается не всегда легко изслѣдователемъ, то гораздо большими затрудненіями обставлена работа реставраціи, предпринимаемая надъ былинами, не входящими въ олонецкій репертуаръ. Достаточно просмотрѣть синкретическій сборникъ П. Кирѣевскаго, чтобы убѣдиться, что былины, записанныя внѣ предѣловъ Олонецкой губерніи и Сибири, напримѣръ, въ центральныхъ и поволжскихъ губерніяхъ, отличаются краткостью, отрывочностью, спутанностью, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ началѣ нашего столѣтія эпическая традиція въ этихъ полосахъ Россіи почти заглохла. Такой фрагментарный характеръ носятъ былины о Саурѣ Ванидовичѣ (Саулѣ Леванидовичѣ, Сурогѣ-Суровенѣ), которыя я имѣю въ виду разсмотрѣть въ связи съ другими былинами сходныхъ сюжетовъ для того, чтобы, съ одной стороны, уяснить основной типъ былины о Саурѣ и съ другой — по возможности указать, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать ея источника.

Кромѣ извѣстной былины сборника Кирѣевскаго — о Саурѣ Ванидовичѣ, записанной въ Симбирской губерніи, и былины о Саулѣ Леванидовичѣ, вошедшей въ сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову (№ 25), въ разсматриваемую группу я ввожу еще слѣдующія *четыре* (которыя обозначимъ буквами *в, г, д, е,* обозначая двѣ раньше названныя буквами *а* и *б*):

в) былину о Сурогѣ, записанную г. С. Писаревымъ въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи[2];

г) былину о Суровенѣ изъ Симбирской губерніи[3];

---

[1]) Напечат. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1893 г. № 10.

[2]) Тихонравова и Миллера — Русс. былины старой и новой записи, II № 65.

[3]) Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ*, Ш, стр. 107—110.

Digitized by Google

д) отрывокъ былины изъ Новиковскаго пѣсенника 1780 года [1]);

е) отрывокъ былины, записанной въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи [2]).

Разсмотримъ въ главныхъ чертахъ содержаніе перечисленныхъ былинъ.

Въ *а* [3]) разсказывается, какъ князь Сауръ Ванидовичъ изъ Астраханскаго царства пошелъ въ походъ подъ три царства: Латынское, Литвинское и Сорочинское. Его провожала молода жена до третьяго рубежа и затѣмъ воротилась домой. Почувствовавъ себя беременной, она пишетъ мужу письмо, съ просьбой, чтобъ онъ воротился. Онъ не вѣритъ ея беременности, но даетъ распоряженія на случай, если она родитъ дочь или сына. Послѣдняго на девятомъ году она должна прислать къ нему на помощь. Княгиня родила сына-богатыря и на девятый годъ послала его съ большимъ войскомъ къ отцу. О подвигахъ сына былина не распространяется: говорится только, что онъ выжегъ царство Латынское и полонилъ Литвинское, а затѣмъ пошелъ на царство Сорочинское.

Большія подробности о дѣтствѣ, воспитаніи и подвигахъ сына находятся въ былинѣ *б* — о Саулѣ Леванидовичѣ [4]).

Жена, названная Еленой Александровной, родивъ въ отсутствіе мужа сына Константинушку, присадила его грамотѣ учиться на седьмомъ году. Десяти лѣтъ Константинушка уже вполнѣ богатырь, и отъ его шуточекъ страдаютъ дѣти княженецкія, боярскія, дворянскія и купеческія. Со всѣхъ сторонъ жалуются на него матери, а она за это его журитъ-бранитъ. Константинушка спрашиваетъ у матери объ отцѣ, и она подробно разсказываетъ ему объ отъѣздѣ его на двѣнадцать лѣтъ и о приказѣ прислать къ нему сына на помощь. Богатырскій сынъ рѣшаетъ ѣхать къ отцу: описываются его сборы и выѣздъ. Прежде всего онъ заѣзжаетъ въ часовню помолиться Богу. Отъ часовни идутъ три дороги съ обычными надписями. Онъ ѣдетъ по средней, хотя на ней написано, что кто по ней поѣдетъ, „убитъ будетъ смертью напрасною“.

Возвращаемся къ былинѣ *а*. Когда сынъ-богатырь подступилъ съ войскомъ къ царству Сорочинскому, сорочинскіе мужики сдѣлали сходку и рѣшили выслать на поединокъ съ иноземнымъ богатыремъ

---

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, III, стр. 110—112.
[2]) Тамъ же, IV, приложеніе, стр. XXVII—XXIX.
[3]) Тамъ же, III, 113—116.
[4]) Тамъ же, III, стр. 116—124.

Digitized by Google

полоненочка-затюремщичка, который оказывается Сауромъ Ванидовичемъ, неизвѣстно какими судьбами попавшимъ въ плѣнъ. На просьбу сорочинскихъ мужиковъ сослужить имъ службу „великую, Сауръ требуетъ коня и ѣдетъ биться съ молодымъ богатыремъ. Сауръ высадилъ сына изъ сѣдла, палъ ему на бѣлу грудь и сталъ спрашивать о родѣ-племени. Сынъ называетъ своего отца. Князь Сауръ заплакалъ, поднялъ сына и сказалъ:

«Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
Вѣдь я твой родной батюшка».

Сынъ шлетъ съ гонцомъ письмо матери съ извѣстіемъ, что онъ выручилъ родного батюшку.

Такимъ образомъ въ этой былинѣ содержаніе такого благодарнаго сюжета скомкано въ какихъ-нибудь 93 стихахъ. Вся предполагаемая средняя часть — похожденія богатырскаго сына до встрѣчи съ отцомъ — отсутствуетъ. Насколько блѣдна роль сына, видно изъ того, что сказитель даже не упомнилъ его имени.

Былина *б*, къ которой мы возвращаемся теперь, по объему въ $3^1/_2$ раза пространнѣе *а*, но за то вся средняя часть въ ней представляетъ значительную путаницу. Для уясненія отдѣльныхъ мотивовъ, вошедшихъ въ эту былину, могутъ отчасти послужить, какъ мы увидимъ далѣе, былины о Суровцѣ и Сурогѣ.

Мы оставили Константинушку, когда онъ рѣшилъ поѣхать по самой опасной — средней дорогѣ. Доѣхавъ до рѣки Смородины, онъ увидѣлъ, что черезъ нее перевозится царь Кунгуръ съ татарскою силою. Константинушка цѣлый день избивалъ татаръ, затѣмъ отъѣхалъ, чтобъ на ночь опочивъ держать. Между тѣмъ татары выкопали глубокіе рвы и вставили въ нихъ поторчины дубовыя. Но Константинушка не попался въ ловушку, усмотрѣлъ татарскіе вымыслы, перебилъ татаръ и разбилъ въ крохи самого Кунгура. Затѣмъ богатырь поѣхалъ къ городу Угличу и требовалъ себѣ супротивника. Углицкіе мужики прибѣгли къ хитрости. Они приглашаютъ Константинушку подъѣхать поближе къ стѣнамъ, обѣщая его поставить королемъ у себя въ Литвѣ (такимъ образомъ Угличъ оказывается въ Литвѣ). Константинъ сдавался на ихъ „слова прелестныя“, подъѣхалъ къ стѣнѣ, а мужики, спустивъ багры, зацѣпили его, подняли съ конемъ на стѣну, заковали и посадили въ погреба глубокіе. Далѣе начинается уже совершенная путаница.

«Тутъ (въ Угличѣ) десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,

Digitized by Google

Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича:
И которыя подъ царя пригодилися,
И проѣхалъ тутъ онъ, царь Саулъ,
Въ свое царство въ Алыбѐрское».

Неизвѣстно, какимъ образомъ очутился Саулъ въ Угличѣ, и гдѣ онъ находился, когда углицкіе мужики втянули его сына баграми на стѣну. По пріѣздѣ въ царство Алыберское Саулъ здоровается съ женою Еленой Александровной, спрашиваетъ ее о сынѣ и, узнавъ, что его окрестили Константинушкомъ, спѣшитъ обратно въ городъ Угличъ Дорогой мужики-извозчики разсказываютъ ему, какого молодца углицкіе мужики посадили въ погребъ, и Саулъ догадывается, что это его сынъ. Онъ ругаетъ углицкихъ мужиковъ, говоря, что они должны были благодарить Констатинушку за избіеніе силы Кунгуровой (sic!), а между тѣмъ засадили его въ тюрьму. Пріѣхавъ къ Угличу, онъ требуетъ выдачи плѣнника, но угличане не пускаютъ его въ городъ. Такимъ образомъ Угличъ, изъ котораго Саулъ недавно только выѣхалъ, оказывается уже враждебнымъ городомъ. Однако старики углицкіе затѣмъ надумались, рѣшили выпустить Константинушку, возвративъ ему платье цвѣтное и оружіе. Саулъ приказалъ казнить главныхъ мужиковъ углицкихъ и воротился съ сыномъ въ свое царство Алыберское.

Чтобъ установить отчетливѣе содержаніе перваго похожденія Константинушки — боя съ татарами и Кунгуромъ, нужно разсмотрѣть былины о Сурогѣ и Суровцѣ, въ которыхъ найдемъ тѣ же мотивы. Вотъ вкратцѣ содержаніе былины (в), записанной въ Нижегородской губерніи:

Богатырь Сурога Суравѣсть, забавляясь охотой на гусей, лебедей, наѣзжаетъ на сырой дубъ и хочетъ подстрѣлить сидящую на немъ птицу. Птица провѣщилась человѣчьимъ голосомъ и сказала Сурогѣ, что ему не честь ее убить и что лучше бы онъ ѣхалъ въ горы Трепетовы, гдѣ подымается Курганъ царь Смородовичъ съ своими татарами. Пораженіе татаръ богатыремъ опущено. Мы узнаемъ только, что Курганъ побуждаетъ своихъ татаръ копать рвы глубокіе и вставлять въ нихъ поторчи вострые, чтобъ погубить Сурогу. Богатырь перескочилъ черезъ двѣ первыя копи, но упалъ въ третью, гдѣ конь его былъ пораненъ. Сурога затыкаетъ коню рану бумажкой и отпускаетъ его на свободу, предварительно получивъ отъ коня обѣщаніе, что онъ будетъ ему служить вѣрой-правдою въ случаѣ надобности. Курганъ-царь допрашиваетъ связаннаго Сурогу, будетъ ли онъ ему служить

Digitized by Google

Тотъ дерзко отказывается, и его ведутъ, по приказу царя, въ чистое поле, чтобъ изрѣзать на мелкія части. Тутъ Сурога сорвалъ съ себя путы, схватилъ за ноги татарина, проложилъ себѣ дорогу, размахивая имъ, затѣмъ добилъ татаръ осью желѣзной и, добившись до царя Кургана, закричалъ: „Ура! миръ!“

Кое-что въ этомъ сильно искаженномъ былинномъ отрывкѣ, какъ увидимъ далѣе, можетъ быть возстановлено изъ былинъ *в, д, е,* но нѣкоторыя черты могутъ пригодиться для перваго похожденія Константинушки Сауловича.

Довольно близокъ къ былинѣ Писарева другой былинный отрывокъ (*г*) о Суровенѣ, записанный Языковымъ въ Симбирской губерніи [1]). Суровенъ на охотѣ наѣзжаетъ на сырой дубъ и хочетъ подстрѣлить вѣщаго ворона. Отъ ворона онъ узнаетъ о нашествіи царя Кумбала Самородовича. Слѣдуетъ описаніе пораженія татаръ Суровеномъ. Кумбалъ даетъ приказъ рыть подкопы. Суровенъ попадаетъ въ третій и окруженъ татарами. Слѣдуетъ маханіе татариномъ. Кумбалъ испуганный предлагаетъ Суровену быть его названнымъ братомъ. На это Суровенъ Суздалецъ говоритъ:

«Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
Видя смерть, отговариваешься,
Братомъ нарекаешься,
Сулишь палаты золотой казны,
Отдаешь табуны заповѣдные!»

Какъ поступилъ съ Кумбаломъ Суровенъ, неизвѣстно. Былина, повидимому, не кончена.

Почти всѣ подробности былины *г* повторяются въ былинѣ *д* о Суровцѣ, помѣщенной уже въ Новиковскомъ пѣсенникѣ 1780 г. [2]). Охота Суровца, который по происхожденію сынъ гостя богатаго изъ города Суздаля. Вѣщій воронъ на дубѣ. Вѣсть о царѣ Курбанѣ Курбановичѣ. Избіеніе татаръ Суровцемъ. Рвы и паденіе Суровца въ третій. Маханіе татариномъ. Но когда богатырь добился до Курбана, испуганный царь взмолился къ нему:

«Ты гой еси, Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь и Сурожениръ!
Погляди-ко ты, что въ книгѣ написано:
Что не велѣно вамъ князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать».

[1]) *Кирѣевскій,* вып. III, стр. 107—110.
[2]) *Кирѣевскій,* III, стр. 110—112.

Digitized by Google

Сомнительно, чтобъ эта книжная справка о неприкосновенности князей и царей спасла Курбана, такъ какъ изъ подобныхъ же ситуацій въ былинахъ мы знаемъ, что богатыри поступаютъ наперекоръ такому правилу. Но въ пѣсенникѣ конца прошлаго столѣтія, какъ и слѣдовало ожидать, судьба Курбана остается неуясненной, и былина оборвана на этомъ мѣстѣ. Наконецъ, послѣдняя намъ извѣстная былина о Суровцѣ (*е*), записанная въ Сибири (въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи) [1]), къ сожалѣнію, скомкана въ концѣ. По началу былина очень хороша: описаніе охоты Суровца, дуба, ворона—выдержано въ обычномъ эпическомъ стилѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что сибирскій сказитель еще хорошо владѣлъ эпическими описаніями, гораздо лучше симбирскаго и нижегородскаго сказителей той же былины. Подробно изложена рѣчь ворона, сообщающаго Суровцу о *перевозящемся* черезъ Неву (вѣроятно, Нѣпру) рѣку князѣ Курганѣ, живо описана скачка Суровца, спѣшащаго сразиться съ Курганомъ. И вдругъ все ожиданіе сводится на нѣтъ. Вмѣсто битвы былина кончается ex abrupto такими стихами:

И прибѣжалъ онъ (Суровецъ) ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатеръ.
Они пили, ѣли, веселилися
И, попробовавъ силы, разлучилися».

Никакихъ подробностей объ этой пробѣ силы не упомнилъ сказитель.

Если мы сопоставимъ теперь по содержанію изложенныя выше былины *в*, *г*, *д* съ первымъ похожденіемъ Константинушки Сауловича — встрѣчей съ перевозящимся черезъ Смородину Курганомъ-царемъ, то можемъ возстановить выпавшія тамъ подробности. Константинушка, вѣроятно, какъ Суровенъ, Суровецъ, Сурога, попалъ въ приготовленные для него подкопы, позорилъ царя Кургана, предлагавшаго ему себѣ служить, разрывалъ путы, махалъ татариномъ и затѣмъ расправился съ самимъ царемъ. Но, давая матеріалъ для возстановленія похожденія Константинушки съ Курганомъ, былины о Суровцѣ, Суровенѣ, Сурогѣ еще не даютъ возможности объяснить дальнѣйшую путаницу въ разсказѣ о похожденіи Константинушки съ углицкими мужиками. Для уясненія нѣкоторыхъ подробностей послѣдняго похожденія могутъ

---

[1]) *Кирѣевскій*, IV, Прилож., стр. XXVII—XXIX.

Digitized by Google

послужить былины о Михаилѣ Даниловичѣ [1]), къ которымъ мы обратимся впослѣдствіи.

Опытъ объясненія былины о Саулѣ Леванидовичѣ въ связи съ греческой пѣснью объ Армури былъ сдѣланъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ его „Южно-русскихъ былинахъ“ [2]). Припомнимъ вкратцѣ содержаніе греческой пѣсни, послужившей А. Н. Веселовскому матеріаломъ для возстановленія и уясненія нашей былины.

Мальчикъ Армури, сынъ отсутствующаго Армура, проситъ мать отпустить его поѣздить верхомъ. Мать сначала колеблется, указывая сыну на то, что онъ еще малолѣтка, затѣмъ даетъ ему позволеніе взять отцовское копье и коня и выѣхать. Армури сѣлъ на коня и помчался. Подъѣхавъ къ Евфрату, онъ ищетъ перевоза. Какой-то саракинъ, стоя на противоположномъ берегу, глумится надъ нимъ и надъ его конемъ. Раздраженный Армури хочетъ переѣхать, чтобъ наказать саракина, и это удается ему при помощи ангельскаго голоса, давшаго ему съ неба какой-то совѣтъ (не совсѣмъ ясный). Ударивъ саракина кулакомъ, Армури спрашиваетъ его, гдѣ войска саракинскія, и узнаетъ отъ него, что саракины собрались въ числѣ до сотни тысячъ. Мальчикъ-богатырь, не желая напасть на нихъ врасплохъ, кричитъ имъ, чтобъ они вооружились. Перебивъ множество непріятелей. Армури спѣшивается, чтобъ освѣжиться, и въ это время одинъ саракинъ уводитъ у него коня и уноситъ палицу. Богатырь гонится за нимъ пѣшій, догоняетъ его у воротъ Сиріи и отсѣкаетъ ему руку, но тотъ все же ускользаетъ. Между тѣмъ отецъ, старикъ Армуръ, сидитъ въ плѣну у саракинъ снаружи у двери своей тюрьмы. Когда прискакалъ раненый саракинъ на Армуровомъ конѣ, старикъ Армуръ узналъ своего воронка и палицу своего сына. Не видя самого сына, онъ горюетъ. Эмиръ, узнавъ отъ раненаго саракина о подвигѣ мальчика Армури, упрекаетъ его отца: „Небось, хорошо это, Армуръ ты мой, что творитъ твой сынокъ?“ Тогда старикъ Армуръ пишетъ сыну грамотку и посылаетъ ее съ птичкой: „Скажи ты ему, *сыну суки, чаду беззаконія:* гдѣ только встрѣтитъ саракина, чтобъ его миловалъ, какъ бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ“. А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасной ласточкой: „Скажите государю моему, милому батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму

---

[1]) *Кирѣевскій,* III, стр. 39—51; *Гильфердингъ,* № 192; *А. Н. Веселовскій,* Южнорусскія былины, I, стр. 20—27, или Былины старой и новой записи I, стр. 61—67.

[2]) III, стр. 1—35.

Digitized by Google

мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я, гдѣ ни найду саракина, кровь его выпью" и проч. Тогда испуганный эмиръ призываетъ къ себѣ на обѣдъ стараго Армура и, угостивъ, посылаетъ его на родину, говоря ему: „Ну же. Армуръ ты мой, ну же, иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятемъ его возьму, не къ племянницѣ и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего... гдѣ только встрѣтитъ саракина, пусть его милуетъ; а коли прибыль перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлятъ... и пусть живутъ въ любви". Этимъ кончается единственный дошедшій до насъ (петербургскій) текстъ пѣсни.

Очевидно, въ пѣснѣ объ Армури мы имѣемъ отголосокъ средневѣкового византійскаго эпоса, въ родѣ пѣсенъ о Дигенисѣ-акритѣ или Ксанѳинѣ, въ которыхъ исторической подкладкой служитъ борьба грековъ съ сарацинами въ Малой Азіи. *Имена* греческихъ героевъ историческія, а нѣкоторые герои, быть-можетъ и Армуръ, личности историческія, хотя и неизвѣстныя изъ историческихъ записей. Мы можемъ указать, какъ это дѣлаютъ проф. Дестунисъ и академикъ А. Н. Веселовскій, эпическія черты въ подобныхъ пѣсняхъ, поэмахъ; но нѣкоторыя черты историческія, отголоски реальнаго событія, должны иногда оставаться безъ разъясненія за отсутствіемъ точныхъ историческихъ источниковъ отъ смутнаго періода этой окраинной борьбы эллинизма съ восточными народами. Смотря на пѣсню объ Армури съ точки зрѣнія эпическаго сюжета, мы вмѣстѣ съ академикомъ Веселовскимъ должны признать, что развязка ея усѣчена. „Представимъ себѣ,— говоритъ академикъ Веселовскій [1]),— весь ходъ былины. Отецъ Армури въ плѣну у саракинъ; его сынъ, богатырь съ юныхъ лѣтъ, котораго отецъ оставилъ дома еще мальчикомъ (либо онъ родился въ отсутствіи отца), ѣдетъ его отыскивать и съ перваго разу побиваетъ вражье войско. Еще не зная о томъ ничего, эмиръ говоритъ старику Армури, сѣтующему о сынѣ, что онъ велитъ привести его съ связанными назадъ руками. Послѣ этого понятенъ страхъ старика, какъ бы сынъ не попался въ плѣнъ, и его грамотка къ юному витязю: пусть милуетъ саракинъ, иначе и ему помилованія не будетъ. Но сынъ не думаетъ слушаться, и вотъ эмиръ рѣшается освободить плѣнника и послать его на родину, чтобы склонить сына къ миру обѣщаніемъ почетнаго брака. Если бы сюжетомъ былины было освобожденіе изъ плѣна

[1]) Назв. соч., стр. 27.

Digitized by Google

стараго Армура, мы нашли бы такую развязку естественной. Но герой пѣсни. очевидно, не старикъ, а сынъ, и неестественнымъ представляется, что пѣсня такъ нерасчетливо удалила со сцены главное дѣйствующее лицо, не давъ ему „досказаться". Мы ожидаемъ его встрѣчи съ отцомъ — мирной или бранной? Послѣдняя принадлежитъ къ положеніямъ, излюбленнымъ въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, въ русскомъ".

Въ дальнѣйшемъ академикъ А. Н. Веселовскій, сопоставляя по содержанію греческую пѣсню съ нашей былиной о Саурѣ Ванидовичѣ (Саулѣ Леванидовичѣ), находитъ въ обѣихъ одинъ и тотъ же планъ, и наша былина даетъ недостающій конецъ греческой пѣснѣ. Планъ, выводимый академикомъ Веселовскимъ, таковъ [1]): 1) Отецъ въ отлучкѣ въ плѣну. 2) Сынъ, родившійся въ его отсутствіи, сызмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско. 3) Противъ него высылаютъ плѣнника-отца. Поединокъ и спознаніе.

Соотношеніе первыхъ двухъ пунктовъ въ планѣ между русской и греческой былиной и мнѣ представляется довольно близкимъ. Но я не рѣшился бы отыскивать и третій пунктъ въ недошедшемъ до насъ окончаніи греческой пѣсни. *Поединокъ* и *спознаніе* едва ли совмѣстимы съ тою цѣлью, съ которою эмиръ посылаетъ старика Армура. Вспомнимъ, что эмиръ поручаетъ старику предложить отъ его имени сыну руку своей родной дочери. Слѣдовательно, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ нельзя думать. Какъ встрѣтились старикъ Армуръ съ молодымъ, это, можно думать, было разсказано въ недостающей части пѣсни; но собственно сюжетъ ея представляется и безъ того законченнымъ, если видѣть въ немъ избавленіе отъ плѣна старика-отца подвигами малолѣтняго героя-сына. Какъ бы ни исполнилъ старикъ-Армуръ порученіе эмира, во всякомъ случаѣ онъ самъ получилъ свободу. Всякія гипотетическія добавки представляются въ данномъ случаѣ крайне рискованными, такъ какъ съ одной стороны, эпическая формула — поединокъ отца съ неузнаннымъ сыномъ, формула Рустема и Сохраба, Ильи и Соловника и проч. — не совсѣмъ подходитъ къ сохранившемуся содержанію греческой пѣсни, съ другой — мы не знаемъ исторической основы, которая, быть-можетъ, въ какихъ-нибудь отголоскахъ еще сквозитъ въ этой пѣснѣ.

Находя сходство въ планѣ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ между греческой пѣснею и былиной о Саурѣ-Саулѣ, академикъ А. Н. Весе-

---

[1]) Назв. соч., стр. 34.

Digitized by Google

ловскій склоненъ къ предположенію, „что за былиной о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой-нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей битвы юнаго храбреца съ малоазіатскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кіевскаго и владимирскаго центровъ, къ которымъ притянуто почти все содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и сарацинъ, которыхъ былина № II (о Саулѣ Леванидовичѣ) уже переименовала татарами. Это — такой же признакъ начинавшагося пріуроченія, какъ и имя татарскаго царя Кунгура, вѣроятно, такое же эпонимическое, какъ Курганъ, Кумбалъ былинъ о Суздальцѣ“ [1]). Предположеніе уважаемаго изслѣдователя мнѣ не кажется правдоподобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Если бы въ основѣ былины о Саурѣ-Саулѣ лежала греческая пѣсня, воспѣвавшая битву юнаго храбреца съ сарацинами, то, облекшись въ русскую одежду, отецъ и сынъ сдѣлались бы естественно русскими богатырями и, вѣроятно, получили бы русскія, быть-можетъ, историческія имена. Такъ бываетъ обыкновенно съ иноземными сюжетами, проникнувшими въ нашъ былевой эпосъ. Но именно этого нѣтъ въ былинѣ о Саурѣ-Саулѣ. Сауръ (въ былинѣ *а*) называется княземъ царства Астраханскаго, Саулъ (въ былинѣ *б*) царемъ царства Алыберскаго. Почему вздумалось русскому слагателю сдѣлать греческихъ героевъ не русскими, а властителями (хотя и христіанскими) какихъ-то восточныхъ областей? А. Н. Веселовскій видитъ византійское преданіе въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ былины: таковы сарацины (въ былинѣ о Саурѣ), Константинъ, отчество Саула *Леванидовичъ*, взятое, по мнѣнію изслѣдователя, отъ Левона, Леона = Льва. Но и эти черты не имѣютъ особеннаго значенія, такъ какъ могутъ быть случайными заносами изъ эпическаго былевого матеріала, не связанными тѣсно съ древнею основой былины.

„Сорочина долгополая“ хорошо извѣстна изъ другихъ былинъ, какъ эпическій врагъ русскихъ. Царство Сорочинское, вмѣсто Татарскаго, могло быть выбрано, какъ третье, противъ котораго идетъ Сауръ Ванидовичъ (1-е царство — Латынское, 2-е — Литвинское) только потому, что самъ Сауръ является уже княземъ Астраханскаго (то-есть, татарскаго) царства.

---

[1]) Назв. соч., стр. 35.

Digitized by Google

Отчество *Леванидовичъ* трудно связать съ именемъ Левонъ, которое можетъ дать только форму Левоновичъ. Скорѣе можно предположить, что имя Сауръ Ванидовичъ или Сауръ сынъ Ванидовичъ было искажено въ Саулъ Леванидовичъ, чѣмъ наоборотъ. Забытое, какъ увидимъ ниже, восточное имя Сауръ могло напомнить библейское Саулъ и перейти въ него: для обратнаго же перехода трудно найти какой-нибудь мотивъ. Чуждое отчество Ванидовичъ, примыкавшее при быстромъ произношеніи къ имени Сауръ, могло по звукамъ напомнить знакомый сказителямъ Леванидовъ (крестъ), и какому-нибудь сказителю Леванидовичъ показалось осмысленнѣе, чѣмъ Ванидовичъ. (Такъ изъ имени: Чурила щапъ Пленковичъ вышли Чурила Щапленковичъ и Цыпленковичъ). Сынъ Саура, не названный въ одной былинѣ, въ другой носитъ греческое имя Константина. Почему сказителю подвернулось это довольно рѣдкое въ нашемъ эпосѣ имя? По традиціи книжной, греческой, изъ духовныхъ стиховъ, или потому, что было связано съ какими-нибудь русскими историческими воспоминаніями? Послѣднее мнѣ кажется столько же вѣроятнымъ, какъ и первое, но оба предположенія только и останутся предположеніями. Вмѣсто византійской традиціи я припомнилъ бы знаменитаго въ свое время рязанскаго тысяцкаго Константина, который въ 1148 году побилъ многихъ половцевъ въ загонѣ [1]), и отмѣтилъ бы, что Половецкая земля, встрѣчающаяся только два раза во всемъ нашемъ былевомъ эпосѣ, упоминается именно въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, гдѣ является и Константинушка: Саулъ Леванидовичъ поѣхалъ „въ дальну орду, въ Половецку землю, брать дани и невыплаты“. Наконецъ, имя Елены Александровны (иначе Азвяковны) встрѣчается не только въ связи съ именемъ Константина Боголюбовича въ Цареградѣ, но Елена является и женою восточнаго царя (напримѣръ, Елена Азвяковна или Александровна, жена царя индійскаго въ былинѣ о Волхѣ) [2]).

Вообще отношеніе между греческой пѣснью и русской былиною едва ли такое близкое, какъ это представляется академику А. Н. Веселовскому. Нельзя отрицать въ обѣихъ общія эпическія черты сюжета о старомъ и юномъ (даже малолѣтнемъ) богатырѣ, — сюжета, относящагося къ формулѣ Рустема и Сохраба, Гильдебрандта и Гадибрандта и проч., но въ греческой пѣснѣ этотъ сюжетъ прикрѣпленъ къ какому-то историческому имени, быть-можетъ, къ неизвѣстному намъ

---

[1]) *Иловайскій*, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 30.
[2]) *Кирша Даниловъ*, № 6; *Рыбниковъ*, I, стр. 15.

Digitized by Google

историческому событію изъ временъ борьбы грековъ съ сарацинами, и поэтому въ пѣснѣ не затушеваны нѣкоторыя черты реальныя, которыхъ въ формулѣ не полагается. Такъ богатырь-сынъ — обыкновенно поздно родившійся, *единственный* сынъ стараго богатыря, а въ греческой пѣснѣ два раза упоминаются братья юнаго Армури.

Послѣ всего вышесказаннаго генетическое отношеніе между греческой пѣснью и былиной о Саурѣ-Саулѣ представляется мнѣ сомнительнымъ, и я считаю возможнымъ искать въ другомъ направленіи источниковъ послѣдней. Мнѣ кажется, что восточный, точнѣе тюркскій, характеръ основного извода нашей былины еще довольно ярко проглядываетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ.

1) Былина еще не введена въ такъ называемый кіевскій циклъ. Сауръ-Саулъ называется княземъ или царемъ какой-то восточной страны — Астраханской или Алыберской (искаженіе какого-то восточнаго имени). Сурога, alter ego Сауловича, въ нижегородской былинѣ носитъ восточный титулъ *бѣлаю* царя (ак-ханъ).

2) Разсмотрѣнныя былины всѣ записаны въ восточныхъ частяхъ Руси: либо въ Поволжьѣ, гдѣ русское населеніе сталкивалось съ тюркско-татарскимъ, либо въ Сибири [1]).

3) Имя Сауръ восточное, до сихъ поръ употребительное какъ личное, у татаръ (напримѣръ, въ Елисаветпольской губерніи). По-татарски *саур* значитъ *быкъ, герой*.

На бо́льшую архаичность имени Сауръ (а не Саулъ) указываютъ дальнѣйшія передѣлки съ звукомъ *р*: Сурога, Суровецъ (осмысленіе). Думаю, что отчество сына Сауровичъ было искажено въ Суровичъ, а затѣмъ осмыслено, какъ Суровецъ. Что касается Саура, то любопытно, что о какомъ-то богатырѣ Саурѣ ходили преданія въ южнорусскихъ степяхъ, вѣроятно, татарскія, какъ видно изъ того, что въ разныхъ мѣстахъ упоминаются могилы (курганы) Саура. Курганъ Саура извѣстенъ въ Донской области между рѣчками Міусомъ и Крынкою (изслѣдованъ М. А. Андріевскимъ); другой Сауръ-курганъ, раскопанный І. Хайновскимъ, находится въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, близъ сельца Чуфаровки, на правобережьи Днѣпра, между р. Саксаганью — съ востока и р. Желтой — съ запада, недалеко отъ Демуриной балки; въ разныхъ варіантахъ малорусской думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова упоминается первый изъ названныхъ кургановъ подъ именемъ Савур-

[1]) Мѣсто записи варіанта *б* изъ Новиковскаго пѣсенника, конечно, неизвѣстно.

Digitized by Google

Савор-, Осавур-могила [1]); какъ личное, имя Сауръ встрѣчается въ сказкахъ [2]).

4) Содержаніе былины о Саурѣ Ванидовичѣ есть пересказъ, осложненный другими мотивами, широко распространеннаго на востокѣ сюжета о встрѣчѣ богатырей отца и сына, — сюжета, разсмотрѣннаго мною въ „Экскурсахъ". Основными чертами представляются слѣдующія: Отецъ до рожденія сына оставляетъ жену и уѣзжаетъ на чужбину. Сынъ, раждающійся въ его отсутствіе, отличается необыкновенно раннимъ развитіемъ богатырской силы. Онъ творитъ насиліе надъ сверстниками (богатырскія шуточки), допрашиваетъ мать объ отцѣ и уѣзжаетъ, чтобы его искать. Въ дальнѣйшемъ исторія сына варіируется. Сынъ побиваетъ иногда непріятельскую рать. Отецъ либо въ зависимости либо въ плѣну у враждебнаго властителя, который, тѣснимый юнымъ богатыремъ, выставляетъ отца поединщикомъ противъ сына. Бой отца съ сыномъ. Узнаніе. Развязка трагическая или счастливая. Въ послѣднемъ случаѣ возвращеніе отца вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ разныхъ версіяхъ мы находимъ эту схему, развитую по частямъ. Такъ, напримѣръ, съ началомъ былины о Саурѣ Ванидовичѣ совпадаетъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ татарская богатырская сказка, сообщенная Кастреномъ [3]). Бѣлый ханъ (Ак-ханъ) уѣзжаетъ отъ жены на чужбину. Жена провожаетъ его, какъ Елена Азвяковна царя Саула, и увѣряетъ, что она беременна. На ея просьбу остаться дома мужъ отвѣчаетъ, что не вѣритъ ея беременности и не хочетъ исполнить ея просьбы. Въ его отсутствіе жена родитъ богатыря-мальчика и дѣвочку. Дальнѣйшая ихъ исторія не представляетъ яркихъ параллелей исторіи сына Саурова. Сравнить съ Ак-ханомъ, не вѣрящимъ беременности жены, можно Саура Ванидовича, который велитъ сказать женѣ:

«Да не первый-то разъ она меня обманываетъ,
Да не другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
Теперь не ворочусь я домой!»

Другимъ примѣромъ распространенности сюжета о богатыряхъ отцѣ и сынѣ у тюркскихъ племенъ и сходства нѣкоторыхъ подроб-

---

[1]) См. о Сауръ-могилѣ: *Руская Мысль*, 1880, въ статьѣ *Н. И. Костомарова; Кіевская Старина*, 1882 г. (статья *Горленка*); *Драгомановъ* и *Антоновичъ*, Историческія пѣсни малорусскаго народа, 1874, ч. I, стр. 109, 111, 116, 126, 131, 335; *М. Драгомановъ*, Малорусскія народныя преданія и разсказы, 1876, стр. 236 — 240. *П. Житецкій*, Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, Кіевъ, 1893, стр. 200.

[2]) *Аѳанасьевъ*, № 122, в.

[3]) Ethnologische Vorlesungen, S. 203.

Digitized by Google

ностей разсказа съ чертами былинъ о Саурѣ-Саулѣ можетъ служить киргизская сказка о Сайдильдѣ, записанная А. А. Ивановскимъ въ восточной части Чиликтинской долины, окаймленной съ юга Тарбагатаемъ, съ запада — Монраловскими горами, съ сѣвера и востока — *Саурскими* [1]). Богатырь-отецъ Гали уѣзжаетъ отъ жены на три года. Жена родитъ въ его отсутствіе сына Сайдильду, который уже черезъ годъ по рожденіи бѣгалъ и былъ такъ силенъ, что всѣхъ мальчиковъ убивалъ однимъ щелчкомъ въ лобъ. Съ этимъ можно сравнить дѣтскія шуточки Константинушки:

«Сталъ онъ по улицамъ похаживать,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, бородатыми...
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ» и проч. [2])

Сравнимъ также дѣтство Еруслана Лазаревича и Зораба въ кавказскихъ сказаніяхъ [3]).

По желанію матери, мальчика Сайдильду обучаютъ муллы въ законѣ Магомета, но онъ скоро превзошелъ ихъ въ познаніяхъ. Точно такъ же Константинушку

«Присадила матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася, и писать научился».

Сайдильда разспрашиваетъ мать объ отсутствующемъ отцѣ, узнаетъ, что онъ уѣхалъ въ Медину, и отправляется его искать. Константинушка дѣлаетъ то же: узнаетъ отъ матери, что отецъ его уѣхалъ „въ дальню орду, въ Половецку землю“, и ѣдетъ его отыскивать. Быть-можетъ, не случайно и то, что Сайдильда во время странствованія, остановившись у святыни — могилы Джакупа, слышитъ голосъ святого, и что Константинушка заѣзжаетъ по пути въ часовню помолиться Богу [4]). Противъ Сайдильды Магометъ, соотвѣтствующій въ данномъ случаѣ эпическому властителю, враждебному отцу и сыну, выпускаетъ борцовъ и затѣмъ его отца Гали. Противъ богатырскаго сына (въ былинѣ о Саурѣ) сорочинскіе старики выпускаютъ его отца Саура Ванидовича. Тамъ и здѣсь бой отца съ сыномъ, при чемъ сильнѣе оказываются то сынъ (въ киргизской сказкѣ), то отецъ (въ нашей былинѣ).

---

[1]) Подробное изложеніе сказки см. въ моей статьѣ «Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ», напечатанной въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, кн. V.

[2]) *Кирѣевскій*, III, стр. 117.

[3]) Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса, приложеніе 2-е, стр. 43, 47, 50.

[4]) *Кирѣевскій*, III, стр. 119.

Digitized by Google

Гали признаетъ Сайдильду сыномъ и обнимаетъ его. То же дѣлаетъ Сауръ Ванидовичъ.

Итакъ мы видимъ довольно близкое сходство и въ общемъ планѣ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ между былиной о Саурѣ (*а*) и восточными богатырскими сказками. Мы видѣли, что въ названной былинѣ выпала вся середина — похожденія юнаго богатыря до встрѣчи съ отцомъ, сохранившаяся, хотя и въ весьма перебитомъ разсказѣ. въ былинѣ (*б*) о Саулѣ Леванидовичѣ. Въ этой средней части, сопоставленной мною выше съ былинами о Сурогѣ, Суровенѣ, Суровцѣ, мы опять находимъ нѣкоторые обычные мотивы, извѣстные изъ восточныхъ, иранскихъ сказаній Рустеміады. Таковы, во-первыхъ, подкопы въ которые попадаютъ Сурога, Суровенъ, Суровецъ, и во-вторыхъ эпизодъ маханія татариномъ. Оба мотива встрѣчаются, какъ извѣстно, въ похожденіяхъ нашего Рустема — Ильи Муромца, именно въ его отношеніяхъ, къ царю Калину, соотвѣтствующему царямъ Кургану, Кумбалу, Курбану разсматриваемыхъ былинъ.

Напомню эти мотивы изъ персидской Рустеміады:

1) Коварному Калину, Кумбалу и проч. соотвѣтствуетъ въ исторіи Рустема царь Кабула [1]), на дочери котораго былъ женатъ сводный братъ Рустема — Шехадъ. Чтобы освободиться отъ дани, платимой Рустему, царь Кабула, по соглашенію съ Шехадомъ, рѣшается завлечь богатыря въ свои владѣнія, чтобы его умертвить. Онъ приказалъ нарыть въ одной долинѣ ямъ и утыкать ихъ кольями и мечами, затѣмъ пригласилъ Рустема на охоту и завлекъ его въ эту долину. У коня Рустемова Рахша было чутье опасности: онъ упрямится, бьетъ землю копытомъ и хочетъ пройти осторожно между двухъ скрытыхъ ямъ. Но ослѣпленный рокомъ Рустемъ, разсердившись на коня, ударяетъ его плетью, и тотъ, сдѣлавъ свачокъ въ сторону, попадаетъ со всадникомъ въ подкопъ. Пронзенный копьями богатырь еще успѣваетъ выбраться изо рва и убить коварнаго измѣнника Шехада [2]).

2) Противъ иранцевъ и Рустема туранскій царь (Афрасіабъ) посылаетъ огромное войско подъ предводительствомъ богатыря Калуна. Рустемъ, провожающій молодого царя Кайкобада, встрѣтившись съ войскомъ Калуна, въ пылу боя схватываетъ турка, избиваетъ имъ другихъ, затѣмъ бьется съ самимъ Калуномъ, поднимаетъ его вверхъ на копьѣ и сбрасываетъ на землю [3]).

[1]) Отмѣтимъ, быть-можетъ, не случайное сходство именъ: Кумбалъ и Кабулъ.
[2]) Экскурсы, стр. 115.
[3]) Тамъ же, стр. 76.

Digitized by Google

Различіе между былиной о Саулѣ и этими похожденіями Рустема состоитъ въ томъ, что въ былинѣ они приписаны богатырскому сыну, а не старику-отцу. Но занесеніе обоихъ мотивовъ въ нашъ эпосъ изъ восточной эпики, кажется, можетъ быть предположено съ нѣкоторой вѣроятностью.

Мы видѣли, какое близкое отношеніе существуетъ между средней частью похожденій Сауловича (Константина) и похожденіями, приписываемыми въ другихъ былинахъ Сурогѣ, Суровену, Суровцу, и сочли необходимымъ разсматривать всѣ эти былины вмѣстѣ. Академикъ А. Н. Веселовскій посвятилъ былинамъ о Суровцѣ отдѣльный этюдъ (Богатыри Сурожцы) [1]), результаты котораго мнѣ не представляются вполнѣ убѣдительными. Уважаемый изслѣдователь начинаетъ историческими справками о значеніи города Сурожа (нынѣ Судака) въ средніе вѣка и о его торговлѣ съ Русью. „До послѣдняго времени, говоритъ онъ [2]), было у насъ въ ходу обозначеніе: „гость сурожанинъ“ въ значеніи купца, торгующаго преимущественно шелковыми товарами, какъ и теперь еще мы говоримъ о „суровскихъ товарахъ“, „суровскомъ ряду“. „Суровецъ“ нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ къ сурожанину; суровецъ-суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе извѣстнымъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Сурожъ: „суздалецъ вмѣсто судалецъ, сугдалецъ“... Чтобы проникнуть въ богатырскій эпосъ, „гость суроженинъ“ долженъ былъ и самъ стать богатыремъ... что лежало въ дѣйствительныхъ условіяхъ средневѣковой торговли. Такимъ богатыремъ является охотничекъ „Суровецъ-Суздалецъ“ въ сохранившихся о немъ пѣсняхъ“. Слѣдуетъ изложеніе содержанія разсмотрѣнныхъ нами былинъ и попытка дать *историческую* подкладку нѣкоторымъ былиннымъ подробностямъ. „Общая основа этихъ пѣсенъ сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарской ратью и побиваетъ ее. Если татары принадлежатъ подлиннику, а не замѣнили какого-нибудь иного, болѣе древняго врага и наше толкованіе Суровецъ = Сурожанинъ въ географическомъ значеніи этого слова было бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинъ — во враждебныхъ отношеніяхъ татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII вѣка (1223, 1239, 1253 гг.). Народная пѣсня, по обычаю,

---

[1]) Южно-русскія былины, V.
[2]) Назв. соч., стр. 70 — 75.

Digitized by Google

извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы: Суровецъ побѣждаетъ татарскаго царя, какъ и въ нашихъ былинахъ татары всегда бываютъ разбиты и посрамлены".

Съ этими предположеніями нельзя согласиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Имя Суровецъ, Суровенъ, какъ мы видѣли, стоитъ въ ближайшемъ звуковомъ отношеніи къ именамъ: Сауръ Сауровичъ, Сауловичъ. Сурога и представляетъ попытку къ осмысленію отчества Сауровичъ. искаженнаго въ Суровичъ. Это становится очевиднымъ изъ почти полнаго сходства въ похожденіяхъ Сауловича (Константина), Суровца. Суровена и Суроги. Вслѣдъ за передѣлкой Сауровича въ Суровца, одинъ пересказъ, припомнивъ, что Суровецъ обозначаетъ купца изъ Сурожа, сдѣлалъ Суровца „Сурожениномъ" [1]). Позднѣе плохо разслышанное и непонимаемое имя *Суровецъ* было искажено даже въ *Суравьстъ* богатырь (въ нижегородской былинѣ С. Писарева).

2) Такимъ образомъ имя Суровецъ вошло въ былину не какъ воспоминаніе о пріѣзжихъ изъ Сурожа купцахъ, а путемъ обычнаго былинамъ перевиранія названій. Хотя въ той же былинѣ, гдѣ Суровецъ носитъ эпитетъ Сурожениня, онъ названъ далѣе „сыномъ гостя богатаго по роду изъ города Суздаля", однако онъ ничѣмъ не оправдываетъ своего купецкаго происхожденія, которое приписано ему по недоразумѣнію, а представляетъ такой же типъ юнаго богатыря, ловчанина, какъ его ближайшіе родственники Суровенъ, Сурога, Сауловичъ (Константинъ). По поводу его боя съ татарами нѣтъ нужды припоминать историческихъ отношеній Сурожа къ татарамъ въ XIII вѣкѣ. Суровецъ бьется съ татарами такъ же и потому же, какъ другіе экземпляры того же основного типа этого удальца-богатыря.

Резюмируя вышесказанное, я позволяю себѣ видѣть въ нашихъ былинахъ о Саурѣ-Саулѣ, Суровцѣ, Суровенѣ, Сурогѣ русскую передѣлку широкораспространеннаго восточнаго сюжета. И богатырь и его враги (Кумбалъ, Курганъ и проч.) носятъ еще тюркскія имена: имя богатыря до сихъ поръ еще прикрѣплено къ южно-русскимъ степнымъ курганамъ-могиламъ. Популярныя въ прежнія времена въ областяхъ, гдѣ русскій элементъ населенія соприкасался съ татарскимъ, былины этой группы не проникли въ районъ живой эпической традиціи нашего Сѣвера, въ Олонецкую губернію, и, записанныя въ XIX столѣтіи, дошли до насъ частью перепутанными въ содержа-

---

[1]) Варіантъ изъ Новиковскаго пѣсенника. *Кирѣевскій*, III, стр. 110.

Digitized by Google

ніи, частью въ фрагментахъ. Для уясненія мотивовъ, вошедшихъ въ составъ этихъ былинъ, даютъ болѣе матеріала восточныя (тюркскія) сказанія, чѣмъ родственная имъ по сюжету греческая пѣсня объ Армури. Послѣдняя и былина о Саурѣ-Саулѣ могутъ представляться независимыми другъ отъ друга переработками общаго бродячаго сюжета.

Мы видимъ, что въ разсмотрѣнныхъ былинахъ дѣйствующія лица еще не прикрѣплены къ Кіеву, не введены въ циклъ Владимира. Однако другія варіаціи того же сюжета мы находимъ въ нѣкоторыхъ былинахъ, уже вошедшихъ въ этотъ циклъ, и сравненіе тѣхъ и другихъ даетъ намъ возможность наблюдать процессъ внесенія извѣстнаго бродячаго сюжета въ рамки уже давно сложившагося цикла.

Припомнимъ главныя черты сюжета и спросимъ себя, что должно было бы съ ними произойти при перенесеніи его въ Кіевъ и прикрѣпленіи къ его безсмѣнному эпическому князю. Въ сюжетѣ даны малолѣтній богатырскій сынъ и престарѣлый отецъ, уѣхавшій въ другую страну; сынъ ѣдетъ къ отцу, по дорогѣ разбиваетъ огромное непріятельское войско и встрѣчается съ незнающимъ его отцомъ; бьется съ нимъ, послѣ чего происходитъ узнаніе. При перенесеніи мѣстопребыванія малолѣтняго богатыря въ Кіевъ естественно, что непріятельская рать, съ которой онъ бьется, явится обычнымъ образомъ осаждать его родной городъ. Противъ нея естественно долженъ высылать биться богатыря кіевскій князь Владимиръ. Отецъ-богатырь, находящійся въ былинѣ о Саурѣ-Саулѣ въ другой странѣ, а не въ одномъ городѣ съ сыномъ, при прикрѣпленіи сюжета къ Кіеву долженъ также стать богатыремъ служилымъ у Владимира, но въ данное время не долженъ находиться вмѣстѣ съ сыномъ. Нужно было изобрѣсть мотивъ для отсутствія отца, объяснить, почему не онъ, а малолѣтокъ-сынъ разбиваетъ осадившую Кіевъ рать. Соотвѣтственно этому предполагаемому плану построены нѣкоторыя былины, въ которыхъ малолѣтній богатырь-сынъ называется либо Иваномъ либо Михаиломъ Даниловичемъ, а старый богатырь-отецъ — Данилой Игнатьевичемъ. Былинъ, развивающихъ этотъ сюжетъ, извѣстно только четыре, изъ которыхъ двѣ (*а* и *б*) изъ репертуара сѣверныхъ сказителей [1]), одна (*в*), крайне спутанная и сокращенная, записана въ Симбирской губерніи [2]), и одна (*г*) представляетъ любопытную запись прошлаго столѣтія [3]). Разсмотримъ содержаніе сначала трехъ первыхъ былинъ.

---

[1]) *Кирѣевскій*, III, стр. 41, № 2, и *Гильфердингъ*, № 192.

[2]) *Кирѣевскій*, III, стр. 39, № 1.

[3]) **Былины старой и новой записи, I, стр. 61—67.**

Digitized by Google

Сильный, могучій старый богатырь Данило Игнатьевичъ, 90 лѣтъ проситъ Владимира на пиру (въ *а* и *б*) отпустить его въ монастырь и на вопросъ князя, кто будетъ вмѣсто его защитникомъ Кіева, указываетъ своего сына Михаила (въ *а* Ивана), двѣнадцатилѣтка. По уходѣ Данилы въ монастырь, прослышали орды невѣрныя, что не стало у Владимира сильнаго богатыря, и требуютъ, подступивъ къ Кіеву, либо дани, либо поединщика. Владимиръ спрашиваетъ князей-бояръ; тѣ, по обыкновенію, хоронятся другъ за друга. Противъ силы невѣрной вызывается ѣхать двѣнадцатилѣтокъ Михаилъ (Иванъ). Онъ ѣдетъ сначала въ монастырь къ отцу за благословеніемъ. По одному пересказу (*а*), старикъ Данила учитъ его, какъ достать бурушка косматаго въ погребѣ. Затѣмъ Михаилъ (Иванъ) ѣдетъ противъ татаръ и побиваетъ ихъ. Татары дѣлаютъ подкопы. Михаилъ попадаетъ въ нихъ, его связываютъ и ведутъ къ царищу Уланищу. Конь Михаила выбрался изъ ямы и побѣжалъ домой. Между тѣмъ самъ богатырь сбрасываетъ путы, схватываетъ татарина и, махая имъ, прокладываетъ себѣ дорогу (или перебиваетъ татаръ ослядью, телѣжною). Отецъ, увидавъ коня, думаетъ, что сынъ убитъ, и выѣзжаетъ противъ татаръ. Встрѣтивъ сына, онъ не признаетъ его и нападаетъ на него. Тотъ кричитъ, кто онъ. Слѣдуетъ спознаніе и возвращеніе.

Большее развитіе и осложненіе получилъ тотъ же сюжетъ въ пространной „Гисторіи о кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ, сынѣ Даниловичѣ, двѣнадцати лѣтъ“ (изъ рукописи XVIII вѣка Румянцевскаго музея), впервые изданной академикомъ А. Н. Веселовскимъ. Здѣсь сначала подробно описанъ пріѣздъ въ Кіевъ татарскаго посла съ требованіемъ дани или поединщика. Владимиръ вызываетъ охотника. Откликается одинъ малолѣтокъ Михаило Даниловичъ. Князь указываетъ на его молодость. Тѣмъ не менѣе Михаилъ рѣшаетъ ѣхать, заѣзжаетъ сначала благословиться у отца, Данилы Ивановича, который даетъ ему наставленіе. Слѣдуетъ подробное описаніе боя юнаго богатыря съ татарами, перемиріе и трехдневный отдыхъ уставшаго Михаила. Между тѣмъ татары дѣлаютъ подкопы. Михаилъ вваливается въ яму и попадается въ руки татаръ. Царь татарскій Бахметъ Тавруевичъ предлагаетъ ему служить у него. Михайло отвѣчаетъ оскорбленіемъ. Его ведутъ на казнь. Онъ сбрасываетъ оковы, схватываетъ ось и побиваетъ татаръ. Бахметъ проситъ пощады и отпущенъ Михаиломъ въ орду. По возвращеніи въ Кіевъ, Михаила, по наговору клеветниковъ, Владимиръ сажаетъ въ погребъ. Илья Муромецъ ѣдетъ провѣрить слова Михаила и доноситъ Владимиру о его побѣдѣ надъ Бахметомъ. Князь освобо-

Digitized by Google

ждаетъ Михаила, хочетъ его жаловать, но обиженный богатырь отпрашивается къ отцу въ монастырь, гдѣ и постригается.

Если мы сопоставимъ „Гисторію“ съ былинами о томъ же богатырѣ, то найдемъ слѣдующія различія:

1) въ „Гисторіи“ Владимиръ сажаетъ юнаго богатыря въ погребъ, чего нѣтъ въ былинѣ;

2) въ „Гисторіи“ нѣтъ вторичнаго появленія старика-отца; вмѣсто него является Илья Муромецъ, который содѣйствуетъ освобожденію Михаила.

Этими подробностями „Гисторіи“ мы можемъ воспользоваться, чтобы до нѣкоторой степени уяснить путаницу въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ. Припомнимъ ходъ разсказа послѣ пораженія юнымъ Константинушкомъ Сауловичемъ царя Кунгура [1]). Константинушка посаженъ въ темницу какими-то мужиками углицкими; въ „Гисторіи“ по наговору бояръ юный багатырь посаженъ въ погребъ княземъ Владимиромъ, что произошло при внесеніи сюжета въ кіевскій циклъ. Отецъ Саулъ Леванидовичъ узнаетъ о заключеніи сына и требуетъ его освобожденія: въ „Гисторіи“ на освобожденіи Михаила настаиваетъ Илья Муромецъ. Въ былинѣ Саулъ говоритъ:

«Глупы вы, мужики неразумные!..
Не мало (онъ) у Кунгура царя силы порубилъ:
Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати,
А вы его назвали воромъ-разбойникомъ,
И оборвали съ него платье цвѣтное,
И посадили въ погреба глубокіе» (стр. 123).

Въ „Гисторіи“ Илья Муромецъ говоритъ о подвигѣ сидящаго въ погребѣ Михаила:

«Гой еси великій князь Владимеръ Всеславьевичъ,
Живу я у тебя тридцать-три года,
А побоища такого не побививалъ,
Что грозно побилъ побоище
Младъ Михайла сынъ Даниловичъ» [2]).

Въ былинѣ слова Саула непонятны, потому что не уяснено, что избіеніемъ силы Кунгура Константинушка оказалъ услугу углицкимъ мужикамъ. Слѣдовательно, нужно думать, что углицкіе мужики замѣнили здѣсь какія-то другія личности.

Послѣ словъ Саула и Ильи молодой богатырь получаетъ освобожденіе. Въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ Константинушка уѣзжаетъ

---

[1]) *Кирѣевскій*, III, стр. 121.

[2]) Южно-русскія былины, I, стр. 27.

Digitized by Google

съ отцомъ домой въ царство Алыберское, въ „Гисторіи“ Михаилъ уѣзжаетъ къ отцу въ монастырь. Отсюда становится весьма вѣроятнымъ, что въ былинѣ о Саулѣ мы имѣемъ въ значительно спутанномъ видѣ нѣкоторыя существенныя черты того же сюжета, который прикрѣпился къ кіевскому циклу. При всей спутанности былина, однако, сохранила тотъ мотивъ, что въ погребъ былъ посаженъ юный богатырь-сынъ, и что старикъ-отецъ содѣйствовалъ его освобожденію. Поэтому мнѣ не совсѣмъ кажется удачною попытка къ возстановленію хода дѣйствія, сдѣланная академикомъ А. Н. Веселовскимъ. По его мнѣнію, въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, „послѣдовательность могла быть первоначально такова: царь Саулъ попадаетъ въ плѣнъ, куда его завлекаютъ хитростью; является Константинъ, вызываетъ поединщика: противъ него выпускаютъ его отца-плѣнника“ [1]). Я склоненъ думать, что, несмотря на близость именъ (Сауръ и Саулъ) и сходство въ первой половинѣ разсказа, былина о Саулѣ Леванидовичѣ значительно отступила отъ былины о Саурѣ чрезъ осложненіе содержанія нѣкоторыми другими мотивами: отецъ и сынъ дѣйствительно помѣнялись ролями.

Съ другой стороны отчасти „Гисторія“, отчасти былины о Михаилѣ (Иванѣ) Даниловичѣ дадутъ намъ возможность объяснить нѣкоторыя несообразности въ нижегородской былинѣ С. Писарева о Сурогѣ. Отмѣтимъ сначала черты спеціальнаго сходства между тѣми и другими. Въ былинѣ о Сурогѣ Курганъ-царь приглашаетъ связаннаго Сурогу къ себѣ на службу, на что тотъ отвѣчаетъ:

«Стану я тебѣ служить
Всею вѣрою и правдою:
Если бы была сабля острая,
Снесъ бы я, срубилъ буйну голову
По самы твои плечи по могучія,
Головы то бы мнѣ мало,
Я бы плечъ-то прихватилъ!» [2]).

Въ „Гисторіи“:

«Отвѣтъ держитъ младъ Михайла сынъ Даниловичь
Царю Бахмету, сыну Тавруевичу:
Радъ бы тебѣ служить вѣрою и правдою,
Своею саблею вострою
Надъ твоею шеею толстою» [3]).

---

[1]) Тамъ же, III—XI, стр. 33.
[2]) Былины старой и новой записи, II, стр. 238.
[3]) Тамъ же, I, стр. 65.

Digitized by Google

Въ былинѣ, когда Курганъ-царь велитъ казнить Сурогу, послѣдній говоритъ:

«Ой еси татары-улановые!
У кого еси есть отецъ и мать,
Тотъ отъ меня подальше встань,
У кого нѣтъ, тотъ отъ меня поближе встань!» [1])

— и съ этими словами разрываетъ обручи желѣзные.

Въ „Гисторіи" Михаилъ выражаетъ ту же мысль, но нѣсколько проще:

«А хто хощетъ жить подольше,
Тотъ бѣжи подалѣ,
А хто хощетъ жить поменьше,
Тотъ подвинься поближе»...

и затѣмъ сбрасываетъ желѣза [2]).

Обрушившись въ подкопъ, сдѣланный царемъ Курганомъ, Сурога поранилъ своего коня „Бахмата":

«Вынимаетъ онъ изъ зепи (кармана) бумажечку,
Затыкаетъ ему рану глубокую,
Выводитъ коня во чистыя поля;
Отпущаетъ коня во зеленые луга,
Отпущаетъ коню самъ наказываетъ:
Будешь ли ты, добрый конь,
Будешь ли ты на пору готовъ?
Станешь ли ты мнѣ служить
Всею вѣрою, правдою?»
— Стану я тебѣ служить
— Всею вѣрою и правдою,
— Заочи, безъизмѣнно» [3]).

Этотъ допросъ и отпускъ коня на волю представляется страннымъ и не мотивированнымъ, такъ какъ въ дальнѣйшемъ конь не оказалъ никакой услуги богатырю, несмотря на обѣщаніе. Между тѣмъ въ одномъ варіантѣ былины о Михаилѣ-Иванѣ конь Ивана Даниловича прискакалъ къ его отцу, и тотъ поѣхалъ выручать сына; въ другомъ — конь Михаила Даниловича, выскочивъ изъ ямы, подоспѣлъ къ своему господину именно въ то время, когда онъ расправлялся съ татарами ослядью желѣзною. Вѣроятно, послѣдній мотивъ *выпалъ* въ былинѣ о Сурогѣ.

Припоминая содержаніе всѣхъ доселѣ разсмотрѣнныхъ былинъ, мы видимъ тѣсную связь между цѣлымъ рядомъ богатырскихъ личностей:

[1]) Тамъ же, II, стр. 239.
[2]) Тамъ же, I, стр. 65.
[3]) Тамъ же, II, стр. 238.

Digitized by Google

Саура-отца нельзя отдѣлить отъ Саула и стараго Данилы Игнатьевича; Сауловича (Константина) — отъ Суроги, Суровца, Суровена, Михаила (Ивана) Даниловича. Въ однѣхъ былинахъ, безъ прикрѣпленія къ Кіеву и князю Владимиру, отецъ и отчасти сынъ носятъ еще иностранныя (восточныя) имена, въ другихъ — уже употребительныя русскія. Какъ ни неустойчивы личныя имена въ устной традиціи, все же для исторіи былинъ, для уясненія процесса переработки какихъ-нибудь бродячихъ сказочныхъ сюжетовъ въ былины, то-есть, quasi-историческія пѣсни, имена представляютъ значительный интересъ, давая иногда хронологическія указанія. Изслѣдователь эпоса долженъ ставить вопросъ, почему введено въ былины то или другое имя, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ получается возможность дать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на такой вопросъ. Мы видимъ, что въ былинахъ о юномъ, двѣнадцатилѣтнемъ, богатырѣ онъ называется то Иваномъ Даниловичемъ, то Михаиломъ, и должны поставить вопросъ, откуда зашли эти имена въ былины: взяты ли они случайно, какъ первыя подвернувшіяся какому-нибудь слагателю, или эти имена чѣмъ-нибудь были памятны въ средѣ, слагавшей историческія пѣсни, принадлежали какимъ-нибудь выдающимся историческимъ личностямъ.

Имя Ивана Даниловича, какъ указалъ проф. Халанскій [1]), встрѣчается въ лѣтописи. Никоновскій сводъ подъ 1136 годомъ, разсказывая о походѣ Ольговичей черниговскихъ противъ кіевскаго князя Ярополка II Володимерича, между прочимъ, сообщаетъ: Ольговичи, повоевавъ села на Сулѣ, „отидоша и сташа на Супои. И изыде противу ихъ князь великій Ярополкъ Кіевскій, сынъ Владимира Мономаха... и снидошася на сѣчу и бишася крѣпко; но вскорѣ побѣгоша половци отъ Ольговичевъ. И погнаша по нихъ великаго князя Ярополча дружина, и братіи его лутчая мужи храбрыя, и биша много, гоняще половцевъ, и возвратишася вспять, и не обрѣтоша князей своихъ и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ; а половци обратишася на нихъ въ тылъ, и тако многихъ *храбрыхъ* мужей избиша Ярополчихъ и братьи его, и держащихъ стягъ великаго князя Ярополка Кіевскаго и братьи его изымаша, и бояръ его множество поимаша, а иныхъ многихъ безъ числа убиша, и храбраго Давыда Яруновича тысяцкаго кіевскаго, *и Ивана Данилова, богатыря славнаго, убиша* и Станислава благороднаго и Данила Тугковича, и Дамьяна, и Янка, и многихъ мужей сильныхъ и храбрыхъ и внука Владимира Мономаха Василька

[1] Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 43 и слѣд.

Digitized by Google

Марича (Леоновича) убиша, и много князей убиша, и едва убѣжаша въ Кіевъ съ братьею своею отнюдь въ малѣ дружинѣ Ярополкъ... мѣсяца августа въ 8-й день".

„Разсказъ Никоновской лѣтописи, — говоритъ М. Халанскій, — очевидно подновленъ; выраженіе „славнаго богатыря" принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, къ XIV—XV вѣкамъ, но несомнѣнно онъ основанъ на неизвѣстномъ намъ мѣстномъ кіевскомъ свидѣтельствѣ о битвѣ при Супоѣ. Иначе трудно объяснить большую фактическую обстоятельность изложенія Никоновской лѣтописи въ сравненіи съ Ипатской и Лаврентьевской... Итакъ, богатырь, котораго великорусскія былины воспѣваютъ подъ именемъ Михаила и Ивана Даниловича, жилъ въ XII вѣкѣ, состоялъ на службѣ великаго князя кіевскаго Ярополка Владимировича, считался *храбромъ*, и въ битвѣ при Супоѣ въ 1136 году былъ убитъ вмѣстѣ съ другими кіевскими служилыми храбрами" [1]).

Это указаніе проф. Халанскаго можно подкрѣпить слѣдующими соображеніями. Битва при Супоѣ, въ которой кіевская дружина потерпѣла сильное пораженіе, въ которой легло столько выдающихся „храбровъ" и было перебито много князей, должна была оставить по себѣ надолго память въ дружинной средѣ. Въ битвѣ пало между другими и лицо, представлявшее rara avis въ княжескихъ дружинахъ, византійскій *царевичъ* Василій Леоновичъ (Маричъ), внукъ славнаго Владимира Мономаха. Конечно, мы ничего, кромѣ имени, не знаемъ объ убитомъ храбрѣ Иванѣ Даниловичѣ, но если его смерть отмѣтила лѣтописная запись, которою пользовался составитель Никоновскаго свода, назвавшій Ивана Даниловича „славнымъ богатыремъ", то не трудно предположить, что Иванъ Даниловичъ пользовался въ свое время въ дружинной средѣ громкой извѣстностью, и его имя упоминалось въ какой-нибудь исторической дружинной пѣснѣ. Историческій Иванъ Даниловичъ бился съ половцами, эпическій бьется съ татарами,— вотъ все, что, помимо имени, сближаетъ ихъ между собою. Конечно, этого очень мало. Но все же я не думаю, чтобы такое совпаденіе былиннаго имени съ историческимъ было игрой случая. Что общаго между добродѣтельной исторической рязанской княгиней Евпраксіей и былинной сластолюбивой Опраксой королевичной, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что послѣдняя получила свое имя отъ первой. Имя былинное и вмѣстѣ историческое, какъ и многія другія *историческія* имена въ нашихъ былинахъ, указываютъ на то, что въ основѣ

---

[1]) Названное сочиненіе, стр. 45.

Digitized by Google

современнаго простонароднаго сильно искаженнаго эпоса лежали когда-то историко-эпическія пѣсни, создававшіяся въ дружинной средѣ, дѣлавшей военную исторію Руси. Сюжеты этихъ прежнихъ пѣсенъ многократно передѣлывались и уже не лежатъ въ содержаніи огромнаго большинства былинъ, но имена были прочнѣе сюжетовъ и переживали нерѣдко дальнѣйшія передѣлки послѣднихъ, служа такимъ образомъ свидѣтелями раннихъ ступеней исторіи эпическихъ пѣсенъ...

Для имени отца, конечно, нужно предположить, что оно выведено изъ отчества Ивана Даниловича. Но откуда могъ получиться варіантъ имени: Михайло?

Чтобы подойти къ возможному рѣшенію этого вопроса, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя черты содержанія былинъ о Михайлѣ Даниловичѣ въ связи съ нѣкоторыми легендами, прикрѣпленными къ Кіеву.

Одна изъ лучшихъ работъ академика А. Н. Веселовскаго въ его южно-русскихъ былинахъ посвящена уясненію связи кіевской легенды о Золотыхъ воротахъ съ былинными мотивами [1]). Отсылая читателя къ изложенію этихъ легендъ въ нѣсколькихъ варіантахъ, сдѣланному уважаемымъ изслѣдователемъ, и оставляя пока въ сторонѣ эсхатологическое окончаніе легенды, приведу слѣдующую схему, выведенную А. Н. Веселовскимъ:

1) Михаилъ — юный богатырь (иногда семилѣтокъ) въ близкихъ отношеніяхъ къ князю (царю) Владиміру въ Кіевѣ.

2) Татары-юланове подступаютъ къ Кіеву.

3) Недруги Михаила, кіевляне, требуютъ его выдачи татарамъ. Онъ жалуется на поганую раду кіевлянъ.

4) Михаилъ выходитъ противъ татаръ; Владиміръ его удерживаетъ. Когда юноша берется за мечъ, чтобы итти на вражье войско, Владиміръ останавливаетъ его словами: ты еще молодъ, не твое это дѣло, а Михаилъ отвѣчаетъ ему, что богатырство у него рожденное, какъ прирождено вылупившемуся изъ яйца утенку плавать по синему морю.

5) Михаилъ побиваетъ татаръ-юлановъ [2]).

Въ связи съ этой схемой кіевской легенды А. Н. Веселовскій разсматриваетъ уже отчасти разобранныя нами великорусскія былины объ Иванѣ (Михаилѣ) Даниловичѣ, „Гисторію“ о Михаилѣ Даниловичѣ, и

---

[1]) Южно-русскія былины. I, стр. 4—8.

[2]) Названное сочиненіе, стр. 12. Объ эсхатологическомъ окончаніи кіевской легенды см. ниже.

Digitized by Google

приходитъ къ такому выводу[1]): „Какъ видно, содержаніе сѣверно-русскихъ былинъ о Михаилѣ и южно-русской легенды о Михайликѣ, за немногими исключеніями, совпадаетъ одно съ другимъ. Главное отличіе, опредѣлившее и перетасовку содержанія, состоитъ въ требованіи кіевлянъ — выдать Михаила татарамъ, о чемъ былины ничего не знаютъ. Въ послѣднихъ вся вина падаетъ на Владимира, повѣрившаго оговорщикамъ, тогда какъ въ южно-русской легендѣ вина „злой рады" принадлежитъ кіевлянамъ, и князь нехотя подчиняется ей, обнаруживая дружественныя отношенія къ молодому Михаилу. Можетъ-быть, мы въ правѣ говорить о двухъ редакціяхъ одного и того же сказанія, распредѣлившихся между сѣверомъ и югомъ. Южная редакція сохранила въ легендѣ о Михайликѣ, несмотря на ея благочестиво-мистическую обработку, черты и отношенія древнѣйшей пѣсни, зародившейся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшей княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады: ея-то злая рада заставила удалиться Михаила, потому что татары требовали его выдачи, и горожане опасались за себя; князь долженъ склониться къ ихъ желанію, и Михаилъ уходитъ... Мы имѣемъ дѣло съ пѣснью, отзывающеюся тою порой, когда городская громада-вѣче могла еще изгонять князя дружинника, а въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго, имъ на зло, блестящую побѣду надъ враждебнымъ войскомъ"...

Прежде чѣмъ такъ или иначе опредѣлить отношеніе кіевской мѣстной легенды о Михайликѣ къ великорусскимъ былинамъ, считаю нужнымъ обратить вниманіе на нѣкоторые факты.

Малорусская легенда (въ редакціи Кулиша, Стоянова, Трусевича) говоритъ о стрѣляніи юнаго богатыря во вражье войско, пораженіи или убіеніи лица, близкаго къ предводителю (Батыю, по Трусевичу), и о требованіи послѣдняго выдачи Михалка. Въ великорусскихъ былинахъ о Михайлѣ Даниловичѣ этого мотива нѣтъ, но онъ извѣстенъ въ нашихъ былинахъ въ другомъ прикрѣпленіи: онъ прикрѣпленъ къ богатырю Василію Игнатьевичу, Пьяницѣ или Казимеровичу. Напомню, что въ нихъ обыкновенно разсказывается, какъ Батыга подступаетъ къ Кіеву и требуетъ поединщика, какъ Василій Игнатьевичъ пускаетъ стрѣлу и убиваетъ сына, зятя Батыги и дьячка выдумщика, и какъ Батыга требуетъ выдачи стрѣлка. Далѣе сходство между былиной и легендой о Михайликѣ прекращается; но приведенное сходство на-

[1]) Тамъ же, стр. 37.

Digitized by Google

столько ярко, что должно быть принято въ соображеніе и можетъ быть объясняемо, какъ вторженіе мотива изъ великорусской былины въ малорусскую легенду.

Кіевская легенда о Михаилѣ, изданная Драгомановымъ [1]), сближается съ „Гисторіей" о Михаилѣ характернымъ отвѣтомъ, который Михаилъ даетъ Владиміру, говорящему о его молодости:
Въ легендѣ:

«Господару цару Володимеру!
Возьми ты утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке».

Въ „Гисторіи":

«Государь князь Владиміръ Всеславьичъ Кіевской!
Вели поимать гоголя и вели держать три года,
Да пусти, государь, того гоголя на воду,
И умѣетъ ли тотъ гоголь по водѣ плавати?»

Этого отвѣта нѣтъ въ тѣхъ былинахъ, въ которыхъ герой называется Иваномъ (а не Михаиломъ) Даниловичемъ, но есть слѣды того, что онъ былъ прикрѣпленъ и къ имени Ивана. Проф. Халанскій [2]) указываетъ его въ малорусской думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ (*Кіевская Старина*, 1882, августъ). Ивась, *малолѣтній* сынъ вдовы, рѣшается итти съ казаками въ походъ. Воспользовавшись отсутствіемъ матери, онъ взялъ саблю, оставилъ домъ, догналъ полковника Хвилона. Хвилонъ вызываетъ смѣльчака начать битву съ турками. Казаки молчатъ, только Иванъ вызывается достать турецкое знамя. Хвилонъ говоритъ ему, что онъ слишкомъ молодъ. Ивась отвѣчаетъ:

«Возьми ти утя едно старее,
А друге малее,
Пусти ти на воду:
Чи не равно буде плисти младе,
Як би старе?»

и затѣмъ нападаетъ на турокъ.

Итакъ, этотъ отвѣтъ можетъ, кажется, считаться locus communis, которое вставлялось въ былины и пѣсни, гдѣ рѣчь шла о молодомъ героѣ, а молодыми или даже малолѣтними представлялись и Иванъ, и Михаилъ Даниловичъ, и Михайликъ въ малорусскомъ преданіи.

---

[1]) См. «Малорусскія народныя преданія и разсказы», стр. 249 и 251, и Южнорусск. былины, I, стр. 7 и слѣд.

[2]) Великорусскія былины кіевскаго цикла, стр. 45 и слѣд.

Digitized by Google

Въ кіевской легендѣ о Золотыхъ воротахъ (въ редакціи Кулиша и Трусевича) трусливые горожане настаиваютъ на удаленіи Михаила изъ города. Этой черты нѣтъ въ былинахъ о Михайлѣ Даниловичѣ, но ей соотвѣтствуетъ другая подобная же: засаженіе Михаила въ погребъ, по наговору клеветниковъ. Этотъ мотивъ, какъ извѣстно, нерѣдко встрѣчается въ нашихъ былинахъ: эпическій Владиміръ засаживаетъ въ погреба глубокіе и любимаго народнаго богатыря Илью, и Добрыню, и Ставра. Такіе поступки Владимира относятся къ позднему періоду эпоса, когда нравственный обликъ эпическаго князя значительно потускнѣлъ и измѣнился. Итакъ, если въ нашихъ былинахъ о Михайлѣ нѣтъ мотива изгнанія богатыря изъ города горожанами, — мотива, который находимъ въ кіевской легендѣ о Михайликѣ, то нѣтъ ли какихъ-нибудь историческихъ фактовъ, связанныхъ съ именемъ Михаила, которые могли бы объяснить, почему изгоняемый горожанами герой названъ именно Михаиломъ?

М. Халанскій, на нашъ взглядъ весьма кстати, напоминаетъ одно лѣтописное извѣстіе о событіи изъ жизни князя Михалка (Михаила) Юрьевича.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго суздальцы и ростовцы позвали на княжескій столъ Ростиславичей, а владимирцы приняли Михалка Юрьевича. Поступокъ владимирцевъ не понравился ростовцамъ и суздальцамъ. Они рѣшились силою выгнать Михалка изъ Владимира и унизить младшій городъ. И вотъ въ 1175 году „пріѣхаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка к Володимерю, и много зла створиша, муромцѣ и рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; володимерци бьяхутся с города, святѣй Богородицѣ помогающи имъ; и стояша около города 7 недѣль, и Святая Богородица избави градъ свой. Володимерци же, не терпяче глада, рѣша Михалку: „Мирися, а любо, княже, промышляй о себѣ". Онъ же отвѣщавъ рече: „прави есте, ци хотите мене дѣля погинути?" „Поѣха в Русь и проводиша его володимерци с плачемъ" [1]).

Михалко Юрьевичъ, — замѣчаетъ М. Халанскій [2]), — былъ дѣятельный, храбрый и любимый народомъ князь. О его подвигахъ существовала цѣлая повѣсть, внесенная въ лѣтопись въ видѣ сказаній о чудесахъ Пресвятой Богородицы. Удаленіе его изъ города Владимира по требованію горожанъ могло стать предметомъ дружинной пѣсни.

---

[1]) Лаврентьевская лѣтоп., 2-е изд., стр. 354.

[2]) Названное соч., стр. 108.

Digitized by Google

Съ своей стороны замѣчу, что Михалко Юрьевичъ отличился среди князей и своимъ удачнымъ походомъ на половцевъ въ 1171 году. Половцы въ значительномъ числѣ пришли въ Кіевскую сторону, взяли множество селъ за Кіевомъ съ людьми, скотомъ и конями, и съ полономъ пошли къ себѣ. Глѣбъ, князь кіевскій, былъ боленъ и послалъ *брата* своего Михалка и другого Всеволода. Михалко, „послушливъ сый", быстро нагналъ половцевъ, разбилъ ихъ и отбилъ полонъ, затѣмъ вторично разбилъ половцевъ и со славой вернулся въ Кіевъ. Мнѣ кажется, что эти событія изъ жизни Михалка представляютъ такія черты, которыя могли войти въ дружинныя преданія и пѣсни о немъ. Какъ Михалко является заступникомъ своего больного брата кіевскаго князя и разбиваетъ подступившихъ къ Кіеву половцевъ, такъ въ былинѣ Михаилъ является заступникомъ эпическаго князя Владимира и разбиваетъ подступившихъ къ Кіеву татаръ, а въ легендѣ, сообщенной Драгомановымъ, представляется даже въ родственныхъ отношеніяхъ къ Владимиру. Далѣе, какъ въ лѣтописи, Михалко по рѣшенію рады города Владимира, осажденнаго непріятелями (ростовцами и суздальцами), уходитъ изъ города; такъ Михайликъ по рѣшенію кіевской громады долженъ оставить Кіевъ, осаждаемый татарами. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ кіевской легендѣ о Михалкѣ въ редакціи Драгоманова, которая особенно близко сводится съ великорусской былиной, встрѣчается выраженіе „татаровеюланове", обычное былинамъ, а не малорусскому эпосу, и что вообще сказаніе о Михайликѣ занимаетъ одинокое положеніе въ малорусской народной словесности, то сочтемъ правдоподобнымъ предположеніе М. Халанскаго, что въ малорусской легендѣ отразилось вліяніе великорусской былины (хотя не совсѣмъ въ той редакціи, въ которой мы въ настоящее время имѣемъ эту былину). А. Н. Веселовскій указываетъ, какъ типическую и древнюю черту кіевской легенды, ту подробность, что въ ней выдвигается значеніе *громады*, вѣча (Михалка выдаетъ не князь, а вѣче). Но я не думаю, чтобъ въ этомъ слѣдовало видѣть народную память вѣчевого строя южно-русскаго періода нашей исторіи. Предполагать такой консерватизмъ въ кіевской легендѣ едва ли возможно: она даже во Владимирѣ видитъ не князя, а *царя*. Скорѣе здѣсь отголосокъ казацкой громады позднѣйшаго времени или, быть-можетъ, случайно сохранившійся отзвукъ той предполагаемой старой редакціи сѣверной *дружинной* пѣсни о Михалкѣ, въ которой этотъ князь представлялся уходящимъ изъ города (Владимира) по рѣшенію городского вѣча. Но первое предположеніе мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ.

Digitized by Google

Конечно, нѣкоторыя черты остаются еще не вполнѣ разъясненными въ разсмотрѣнныхъ легендахъ и былинахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Михаила (Ивана) Даниловича. Но все же можно сдѣлать попытку реставрировать процессъ ихъ образованія, который представляется мнѣ въ слѣдующемъ приблизительно видѣ:

Присутствіе въ былинахъ историческаго имени Ивана Даниловича, погибшаго въ битвѣ при Супоѣ въ 1136 году, даетъ основаніе предположить, что этотъ „храбръ" кіевской дружины Ярополка поминался въ современной ему дружинной пѣснѣ. Какого содержанія была эта пѣсня, какую роль въ ней игралъ Иванъ Даниловичъ,— это намъ навсегда останется неизвѣстно. Можно предположить только, что Иванъ Даниловичъ представлялся современникамъ юнымъ, безвременно погибшимъ „храбромъ", такъ какъ къ его имени къ былинахъ прикрѣпился сюжетъ о подвигахъ *юнаго* богатыря. Въ XII же вѣкѣ существовали сказанія или дружинныя пѣсни о Михалкѣ Юрьевичѣ, въ которыхъ предположительно поминалась его побѣда надъ половцами, отогнанными имъ изъ-подъ Кіева, и уходъ этого любимаго князя изъ осажденнаго города Владимира по требованію горожанъ (событіе 1175 г.). Раздѣляя общую судьбу устныхъ произведеній, сказанія и пѣсни о той и другой личности въ теченіе времени теряли реальныя, историческія черты, спутывались, переплетались съ другими и подчинялись вліянію излюбленныхъ бродячихъ сказочныхъ сюжетовъ. Къ имени Ивана Даниловича прикрѣпился популярный эпическій сюжетъ— о юномъ богатырѣ, совершающемъ необыкновенные подвиги, несмотря на свое малолѣтство. Сюжетъ этотъ представлялъ нѣсколько варіацій: юный богатырь могъ быть неизвѣстнымъ сыномъ стараго богатыря, родившимся въ его отсутствіе и воспитаннымъ матерью, затѣмъ ищущимъ отца и встрѣчающимся съ нимъ въ бою. Это формула Рустема и Сохраба, Ильи и Соловника и проч. При введеніи подобнаго сюжета въ кіевскій циклъ, онъ долженъ былъ приладиться къ нему въ частностяхъ: отецъ былъ также, какъ и сынъ, при дворѣ у князя Владимира, и чтобы сдѣлать возможной боевую встрѣчу отца съ сыномъ, перваго нужно было удалить изъ Кіева: отецъ представляется заключеннымъ не въ тюрьмѣ (какъ Сауръ Ванидовичъ), а въ монастырѣ (старчище Данилище). Весьма распространена въ варіантахъ сюжета о боѣ отца съ сыномъ и та черта, что властитель (царь, князь) относится недружелюбно и къ старому и къ юному богатырю, иногда старается вызвать ихъ столкновеніе (припомнимъ Кейкауса въ иранскихъ и кавказскихъ сказаніяхъ о Рустемѣ и Сохрабѣ (Зорабѣ), Ма-

Digitized by Google

гомета въ киргизскомъ сказаніи о Сайдильдѣ) [1]), иногда засаживаетъ въ погребъ стараго богатыря (Владиміръ — Илью), иногда молодаго (Владиміръ — Михаила), не повѣривъ его подвигамъ, вслѣдствіе чего богатыри (отецъ и сынъ) тамъ, гдѣ нѣтъ трагической развязки, удаляются отъ двора властителя. Тѣ или другія черты подобныхъ варіантовъ сказаній о старомъ и юномъ богатырѣ припоминались въ связи съ историческимъ именемъ князя Михаила, когда-то побужденнаго призвавшими его княжить гражданами города Владиміра покинуть городъ. Конечно, историческія черты реальнаго событія были давно забыты, припоминалось только, что Михаилъ, любимый и прославленный побѣдами герой, долженъ былъ по требованію жителей уйти изъ города, осажденнаго врагами. При введеніи имени Михаила въ кіевскій кругъ богатырей. этотъ городъ естественно былъ Кіевъ, осаждали его татары, удалялся богатырь по требованію кіевлянъ (легенда о Михайликѣ), либо вслѣдствіе обиды, нанесенной ему княземъ Владиміромъ (посаженіемъ въ погребъ по навѣту клеветниковъ). Между былинами объ Иванѣ Даниловичѣ и о Михаилѣ происходило взаимодѣйствіе. Михаилъ получилъ, по тождеству сюжетовъ, то же отчество, какъ и Иванъ: онъ сталъ Даниловичемъ. Но въ однѣхъ былинахъ вниманіе сосредоточивается на готовившемся боѣ отца съ сыномъ и спознаніи, въ другихъ — на уходѣ юнаго богатыря изъ города вслѣдствіе обиды отъ горожанъ или князя. Въ послѣднихъ является и мотивировка требованія выдачи юнаго богатыря осадившимъ городъ царемъ (Батыгой): богатырь застрѣлилъ трехъ близкихъ къ царю лицъ. Быть-можетъ, эта мотивировка взята изъ другой однохарактерной былины (Василій Казимеровичъ). Такимъ образомъ, подвергаясь переработкамъ, сюжетъ развивается въ отдѣльныхъ подробностяхъ, утрачивая одни и воспринимая другія изъ эпическаго запаса, и въ результатѣ многовѣковыхъ передѣлокъ получаются, съ одной стороны, современные варіанты былинъ объ Иванѣ (Михаилѣ) Даниловичѣ и мѣстныя кіевскія легенды о Михайликѣ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти легенды содержатъ почти всѣ черты, встрѣчающіяся въ великорусскихъ былинныхъ варіантахъ, и что легенды о Михайликѣ записаны не въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, а исключительно въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, то не рѣшимся видѣть въ нихъ *древнее* кіевское наслѣдіе. Скорѣе можно думать, что многочисленными богомольцами, приходящими въ Кіевъ изъ великорусскихъ областей, были занесены

---

[1]) См. мой разборъ послѣдней сказки въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, кн. V.

Digitized by Google

былинные разсказы о Михаилѣ, которые сплелись съ одной мѣстной легендой. Чтобы уяснить себѣ это перенесеніе былинныхъ мотивовъ съ сѣвера на югъ, намъ нужно припомнить окончаніе малорусскихъ легендъ о Михайликѣ, которое мы до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ.

По редакціи Кулиша, Михайликъ, оскорбленный горожанами, поднялъ копьемъ Золотыя вороты и поѣхалъ черезъ татарское войско въ Царьградъ... И живетъ Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ (и Золотыя ворота стоятъ въ Цареградѣ). И наступитъ время, что Михайликъ *воротится* въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто.

По редакціи Трусевича, Михалко, ударивъ копьемъ въ Золотыя ворота, поднялъ ихъ на плеча и уѣхалъ изъ города Кіева. Съ тѣхъ поръ и не стало тамъ Золотыхъ воротъ. Говорятъ, что когда-нибудь Михалко вернетъ ворота.

Въ легендѣ, сообщенной Драгомановымъ, Михаилъ, истребивъ татарское войско, „поїхав в світа і пришлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь гори... і став там жити, тай досі, каже, живий... а може й помер“...

Это окончаніе легенды, ея эсхатологическій характеръ (ожидаемое въ будущемъ возвращеніе Михайлика въ Кіевъ), связь Кіева съ Царьградомъ, наконецъ имя Михаила — все это привело А. Н. Веселовскаго къ весьма правдоподобному заключенію, что въ легендѣ мы имѣемъ народный пріуроченный къ Кіеву пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ русскихъ текстахъ Откровеній Меѳодія интерполированной редакціи. Популярность Откровеній, распространенныхъ во множествѣ списковъ, легко объясняетъ такого рода мѣстное народное примѣненіе... многія изъ такъ называемыхъ мѣстныхъ сказаній не что иное, какъ локализированные повѣсти и анекдоты, такъ что интересъ локализаціи состоитъ не столько въ содержаніи сказаній, сколько въ открытіи причинъ, вызвавшихъ ихъ пріуроченіе [1]). Изложивъ далѣе разсказъ Откровеній о возвращеніи царя Михаила, А. Н. Веселовскій отмѣчаетъ аналогіи между этимъ эпизодомъ и малорусской легендой о Михайликѣ. Въ „Откровеніи“ измаильтяне осаждаютъ Византію, въ легендѣ татары — Кіевъ; тамъ и здѣсь Михаилъ (Михайликъ) является освободителемъ; тотъ и другой удаляются на время, и возвращеніе

---

[1]) Южно-русскія былины, I, стр. 9.

Digitized by Google

обоихъ ожидается въ неопредѣленномъ будущемъ; связь Кіева съ Царьградомъ (куда удаляется Михайликъ), упоминаніе Золотыхъ воротъ и здѣсь и тамъ и эсхатологическій характеръ послѣдней части малорусской легенды — вотъ тѣ общія черты, которыя привели А. Н. Веселовскаго къ предположенію, „что въ сказаніи о Михайликѣ сохранилась въ иной обстановкѣ, съ Кіевомъ и татарами вмѣсто Царьграда и измаильтянъ, повѣсть о послѣднемъ императорѣ Византіи Михаилѣ“ [1]). На этомъ объясненіи, которое уважаемый изслѣдователь видоизмѣнилъ въ „Южно-русскихъ былинахъ“ [2]), я считаю возможнымъ остановиться.

Припоминая теперь все вышесказанное о былинахъ о Михаилѣ Даниловичѣ и содержаніе малорусскихъ легендъ о Михайликѣ, мы можемъ найти побужденіе, по которому черты великорусскихъ былинъ припоминались приходящими въ Кіевъ великорусскими странниками и распространялись отъ нихъ въ мѣстномъ населеніи.

Осматривая кіевскія святыни и развалины старины, богомольцы слышали легенду о Золотыхъ воротахъ, развалины которыхъ доселѣ стоятъ въ Кіевѣ. Легенда необходимо *должна* была сложиться, и, вѣроятно, очень рано, такъ какъ „Золотыхъ воротъ“ не было на мѣстѣ, а между тѣмъ куча камней носила это названіе: какіе-нибудь отвѣты на естественные вопросы о несоотвѣтствіи предмета названію должны были быть. Мы не знаемъ точно деталей этой древней легенды, но она представляла локализацію сказанія Меѳодія о возвращающемся царѣ Михаилѣ; во всякомъ случаѣ имя Михаила уже было дано въ легендѣ. Припоминая подъ вліяніемъ самой обстановки свои пѣсни о кіевскихъ богатыряхъ князя Владимира, великорусскіе странники могли при имени Михаила вспомнить свои былины о Михаилѣ двѣнадцатилѣткѣ (или Иванѣ Даниловичѣ) и восполнять былинными подробностями мѣстную кіевскую легенду. Этимъ объясняю я себѣ, какъ произошли дошедшіе до насъ варіанты кіевскихъ сказаній о Михайликѣ. Въ нихъ внесены были татары-юланы, царь Батый (Батыга), стрѣлянье Михаила въ родственниковъ Батыя (изъ какого-нибудь не дошедшаго до насъ извода былины о Михаилѣ), требованіе Батыя выдачи стрѣлявшаго богатыря и прочія черты великорусской былины. Въ такомъ передѣланномъ видѣ мѣстная легенда передавалась *только* въ Кіевѣ, куда сходились богомольцы изъ Великороссіи и куда легко могли за-

---

[1]) См. Опыты по исторіи развитія христ. легенды, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1875 г., май, стр. 78.

[2]) I, стр. 11.

Digitized by Google

носить свои былинные разсказы, такъ какъ припоминать ихъ представлялся особенно удобный случай среди мѣстныхъ воспоминаній, связанныхъ съ кіевской монументальной стариной. Но въ другія области малорусскаго населенія, не посѣщаемыя великорусскими странниками, эта легенда не имѣла случая заходить.

Таковы выводы, которые представляются мнѣ возможными изъ разсмотрѣнныхъ былинъ и легендъ. Но, конечно, увѣренности въ томъ, что мы вѣрно угадали главныя черты ихъ исторіи, мы не можемъ имѣть. Новые варіанты легенды и, быть-можетъ, былинъ внесутъ поправки въ это гипотетическое построеніе или даже устранятъ его.

Digitized by Google

Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

а) Преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца, [1]). На имя любимаго народнаго богатыря наслоилось немало сказаній разнаго времени и различнаго происхожденія. Для того чтобъ уяснить эпическую исторію Ильи Муромца, важно разобраться въ фактическомъ матеріалѣ каждаго сказанія въ отдѣльности, и только когда рядъ такихъ детальныхъ разысканій по каждому отдѣльному сюжету, въ которомъ фигурируетъ имя Ильи, будетъ законченъ, изслѣдователи получатъ возможность точнѣе отвѣтить на многіе изъ тѣхъ вопросовъ, на которые въ настоящее время мы удовлетворяемся лишь неопредѣленными и предположительными отвѣтами.

Эпическая біографія Ильи открывается сказаньемъ объ его исцѣленіи чудесными странниками, давшими ему испить воды или другого питья. Въ этомъ преданіи отыскивали миѳическую основу (О. Миллеръ), указывали агіологическую и сказочную подкладку (Буслаевъ. Халанскій, Безсоновъ), но до сихъ поръ остается не вполнѣ уясненнымъ, насколько распространено это сказаніе въ *былинной* обработкѣ и насколько древне его прикрѣпленіе къ личности Ильи Муромца.

Уже О. Миллеръ, въ разборѣ сказанія, сдѣлалъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: „Сказаніе это передается *во множествѣ* пересказовъ, но, къ сожалѣнію, стихъ въ нихъ большею частью въ состояніи уже разлагающемся, такъ что это скорѣе уже побывальщины или же и просто сказки“ [2]). Въ виду того, что понятіе „множества“ совершенно относительное, считаю необходимымъ точно опредѣлить число извѣстныхъ намъ былинныхъ версій этого сказанія и затѣмъ разсмотрѣть ихъ свойства.

Во всемъ обширномъ сборникѣ Гильфердинга, содержащемъ 57 №№ былинъ объ Ильѣ, и въ томъ числѣ 8 №№ о выѣздѣ Ильи изъ дому, въ которыхъ разсказъ объ его исцѣленіи былъ бы вполнѣ умѣстенъ,

---

[1]) Напечат. въ «Этнографическ. Обозрѣніи», кн. XXII.

[2]) Илья Муромецъ. Стр. 169.

Digitized by Google

исцѣленіе Ильи встрѣчается только въ одномъ № 120, въ былинѣ, записанной отъ Щеголенка (въ Кижахъ, въ д. Боярщинѣ). Содержаніе слѣдующеее: Илья Муромецъ, *старый казакъ*, сидѣлъ 30 лѣтъ на *сѣдалищѣ*, не имѣлъ ни рукъ ни ногъ. Приходятъ два незнакомые старца и велятъ ему *возстать* на рѣзвы ноги и дать имъ пива яндому. Илья отказывается, ссылаясь на то, что не имѣетъ рукъ и ногъ. Старый старецъ повторяетъ приказаніе. Тогда Илья всталъ на ноги,

Яндому захватилъ питія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцю *единому*.

Старецъ велитъ ему самому испить, послѣ чего Илья почувствовалъ въ себѣ силу великую. То же повторяется послѣ второй яндомы. Третью яндому старецъ уже не далъ выпить Ильѣ, а выпилъ самъ, говоря:

Если приказать тебѣ третьѐ пить яндому,
Не удержать тебѣ силы великія,
Не удержать тебѣ силы богатырскія.

Затѣмъ старецъ велитъ ему отправиться въ Кіевъ къ князю Владиміру, говоритъ о камнѣ съ какой-то надписью, не опредѣляя ея содержанія, и уходитъ. Приходятъ родители Ильи съ крестьянской работы и радуются его исцѣленію. На его вопросъ, что они работаютъ, они говорятъ, что чистятъ лугъ-пожню за три поприща отъ дому. Илья помогаетъ имъ чистить пожню, выдергивая кусты руками и обрубая лѣса по корешку. Затѣмъ онъ отправляется въ Кіевъ, читаетъ надпись на камнѣ, гласящую, что подъ нимъ сокрытъ конь богатырскій, шуба соболиная, плетка шелковая и палица булатная. Когда Илья сѣлъ на коня, послѣдній говоритъ ему:

Ай же старо̀й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
Знай ты мною управлять,
Далъ тебѣ Господь коня да богатырскаго,
Послалъ Господь *ангеловъ* милосливыхъ
На твое рождено на мѣсто;
Далъ тебѣ Господь *руцѣ-ноѕѣ*.
Не написано тебѣ, старо̀й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Не написана тебѣ смерть на убоищи.

Затѣмъ въ этой сводной былинѣ слѣдуетъ разсказъ о трехъ розстаняхъ съ обычными тремя надписями, при чемъ только-что выѣхавшій изъ дому 30-лѣтній Илья, совершенно некстати, говоритъ, что ему *на старость* не надо богатиться, не надо женитися, а надо ѣхать туда, гдѣ убиту быть. Слѣдуетъ встрѣча съ разбойниками (400 человѣкъ),

Digitized by Google

пріѣздъ ко Крякову, гдѣ оказывается Одолище поганое, котораго Илья не убиваетъ, а привязываетъ къ стремени. Изъ Крякова Илья ѣдетъ къ Соловью Рахманову, который, противъ обыкновенія, скачетъ на богатырскомъ конѣ и поигрываетъ палицей булатною. Илья выбиваетъ его изъ сѣдла (а не изъ гнѣзда выстрѣломъ) и привязываетъ къ тороку конинюму, предварительно отвязавъ, неизвѣстно почему, Одолище. Затѣмъ идетъ разсказъ о дочеряхъ Соловья и ихъ попыткѣ убить Илью подворотней. Убивъ ихъ и зятьевъ Соловья, Илья пріѣзжаетъ въ Черниговъ, входитъ въ Божій храмъ, но тотчасъ же выходитъ, говоря, что не можетъ служить молебна, такъ какъ его руки окровавлены человѣчьей кровью. Затѣмъ Илья пріѣзжаетъ въ Кіевъ и отвѣчаетъ на вопросъ князя Владимира о дорогѣ, которой онъ ѣхалъ. Этимъ кончается эта путаная былина.

Просмотръ былины открываетъ въ ней всѣ свойства, отличающія былины Щеголенка. Уже Гильфердингъ замѣтилъ объ этомъ сказителѣ, что онъ соединяетъ часто въ одну былину разнородные предметы и не придерживается опредѣленнаго размѣра [1]). Отличаясь между всѣми извѣстными олонецкими сказителями наиболѣе обширнымъ репертуаромъ [2]), Щеголенокъ вноситъ въ свой разсказъ часто удивительную путаницу и на ряду съ превосходными былинами сообщаетъ о нѣкоторыхъ богатыряхъ свѣдѣнія весьма ненадежныя. Такъ, онъ немало сообщилъ о Святогорѣ-богатырѣ, но не затруднился приписать ему и такія черты, которыя болѣе чѣмъ сомнительны и, вѣроятно, должны быть отнесены къ изобрѣтательности самого Щеголенка. Напримѣръ, въ одной былинѣ (Гильф. № 118) Святогоръ стоитъ на заставѣ Московской во главѣ 12 богатырей и спрашиваетъ, кого послать въ землю *Тальянскую*; въ другой (№ 119) Святогоръ живетъ у Садка купца богатаго, и послѣдній пишетъ письмо въ Сорочинскую землю, чтобы выслали Святогору шляпу Сорочинскую, въ третьей — Дюкъ Степановичъ и Щурило Щапленковичъ являются въ обычной роли Микулы Селяниновича и Вольги Святославовича [3]). Кромѣ большой смѣлости комбинацій, Щеголенокъ отличается и другимъ свойствомъ, также отмѣченнымъ Гильфердингомъ. „Щеголенокъ, говоритъ Гильфердингъ [4]),

---

[1]) Онежск. былины. Столб. 636.

[2]) Гильфердингъ записалъ отъ Щеголенка 13 №№ (№№ 118—130); М. Гурьевъ 9 былинъ и 4 духовныхъ стиха; Рыбниковъ 4 былины, и, наконецъ, въ бытность Щеголенка въ Москвѣ, онъ пропѣлъ П. Безсонову обширный варіантъ былины о Святогорѣ (Пѣсни Кирѣевскаго, 2-е изд. Вып. 4-й, стр. 184—203).

[3]) Барсовъ.—Памят. нар. твор. Олонецк. губ. Стр. 18.

[4]) Наз. соч. Столб. 636.

Digitized by Google

хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинъ". Дѣйствительно, помимо былинъ Щеголенокъ пропѣлъ М. Гурьеву нѣсколько духовныхъ стиховъ, которые усвоилъ, вѣроятно, отъ каликъ, а именно: Іоаннъ Златыя уста, убогій Лазарь, красная Алисафія Агапіевна, Кирикъ и Улита [1]), и знакомство со стилемъ духовныхъ стиховъ отражается и въ складѣ его былинъ. Такъ, въ разсмотрѣнной былинѣ объ исцѣленіи Ильи старцами, мы отмѣтили книжныя выраженія: *возстань, едино* слово, *сѣдалище, рунь-ножь* и друг. Этими свойствами Щеголенка, какъ сказителя, объясняется то обстоятельство, что изъ числа 70 сказителей и сказительницъ, прослушанныхъ Гильфердингомъ, легендарный разсказъ объ исцѣленіи Ильи записанъ именно отъ него. Быть-можетъ, онъ слышалъ это благочестивое повѣствованіе отъ своего дяди Тимоѳея, отъ котораго научился, по словамъ Гильфердинга, большинству своихъ былинъ. А кому же знать объ этомъ чудесномъ исцѣленіи безногаго молодца, какъ не дядѣ Тимоѳею, который, *будучи безногимъ*, самъ (подобно Ильѣ Муромцу) сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ углу въ домѣ отца Щеголенка? [2]).

Переходимъ къ другимъ былиннымъ пересказамъ исцѣленія Ильи. Въ сборникѣ Рыбникова, содержащемъ болѣе 40 былинъ объ Ильѣ, исцѣленіе разсказывается только въ 2-хъ былинахъ или, скорѣе, побывальщинахъ. Первая (Рыбн. I, № 8) раздѣлена на стихи самимъ издателемъ г. Безсоновымъ [3]), но стихи все же почти не чувствуются. Содержаніе ея очень разнообразно. Начало совершенно то же, что въ былинѣ Щеголенка, но добавлена та подробность, что родители Ильи ушли на крестьянскую работу, въ то время, когда двое каликъ приходятъ къ Ильѣ. Когда Илья, выпивъ одну только чару питьеца медвянаго, почувствовалъ силу великую, калики предрекаютъ ему, что ему смерть въ бою не написана (эти слова Щеголенокъ вложилъ въ уста коня); затѣмъ запрещаютъ вступать въ бой со Святогоромъ, Самсономъ, родомъ Микуловымъ и Вольгой [4]), и даютъ указанія, какъ купить и выходить жеребчика. Далѣе разсказывается чистка пожни Ильей и покупка жеребчика. Первое похожденіе Ильи не съ разбойниками на пути въ Кіевъ, а встрѣча съ Святогоромъ, который въ ларцѣ ве-

[1]) Напечат. Барсовымъ въ Памят. нар. тв. Олон. губ. Стр. 85—97.

[2]) Онеж. был. Столб. 636.

[3]) См. примѣч. на стр. 33.

[4]) Извѣстное перечисленіе богатырей, подавшее поводъ къ пресловутой теоріи о *старшихъ богатыряхъ*.

Digitized by Google

зетъ свою жену. Илья, въ полное несоотвѣтствіе своему эпически установившемуся характеру, начинаетъ свою богатырскую карьеру съ адюльтера! Попавъ въ карманъ къ Святогору, а затѣмъ подружившись съ нимъ и научившись отъ него „похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ“, Илья наѣзжаетъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ въ полѣ на великій гробъ, въ которомъ Святогоръ находитъ себѣ успокоеніе. Эпизодъ съ гробомъ уже досказанъ былъ сказителемъ Леонтіемъ Богдановымъ такою прозою, которую даже издатель не нашелъ возможнымъ переложить въ стихи: такъ мало въ ней обычныхъ эпическихъ выраженій.

Не лишне отмѣтить нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Рыбниковымъ о сказителѣ Леонтіи Богдановѣ, крестьянинѣ той же Кижской волости. Богдановъ былъ уже старикъ лѣтъ семидесяти слишкомъ; сосѣди звали его человѣкомъ волокитнымъ, т. е. бывалымъ. На вѣку своемъ онъ натерпѣлся таки вдоволь: былъ онъ и на посылкахъ у какого-то чиновника, ходилъ и на рыбные промыслы, на Ладожское озеро, живалъ и въ артельщикахъ въ Петербургѣ и хаживалъ со „щетью“ по деревнямъ [1]). Но сказитель былъ онъ неважный: зналъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. „Потому, говоритъ Рыбниковъ, я напечаталъ только тѣ изъ былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варіанты, или представляли совершенно новое содержаніе [2]).

Такимъ образомъ и второй, разсмотрѣнный нами, пересказъ исцѣленія Ильи отличается тѣми же свойствами, какъ и первый: это не стройная по содержанію и складная по стиху былина, а скорѣе попытка передать въ былинномъ складѣ нѣсколько отдѣльныхъ сюжетовъ, связанныхъ именемъ Ильи, другими словами, попытка сдѣлать изъ сказки былину.

Второй Рыбниковскій пересказъ исцѣленія Ильи [3]), такъ же какъ и первый, раздѣленъ издателемъ „по распѣву и складу“ на нѣкоторое подобіе стиховъ. „Стихъ разрушенъ“, — замѣчаетъ г. Безсоновъ [4]), но можно сомнѣваться, былъ ли разсказъ первоначально сложенъ стихами. Содержаніе близко къ разсмотрѣннымъ выше пересказамъ. „Старые проходящіе“, т. е. калики перехожіе, поятъ Илью 2 раза квасомъ, при чемъ сначала отпиваютъ каждый разъ сами. Убавленія силы нѣтъ.

---

[1]) Рыбник. III, стр. XVI.
[2]) Тамъ же, стр. XIII.
[3]) II, № 2.
[4]) Тамъ же, стр. 2, примѣчаніе.

Digitized by Google

Благословляя Илью стоять за вѣру христіанскую и за домъ Пресвятыя Богородицы, старцы говорятъ Ильѣ, что ему смерть въ бою не написана и что сильнѣе его на свѣтѣ только Самсонъ Самойловичъ, Святогоръ Колывановичъ и Микула Селяниновичъ. Затѣмъ велятъ ему купить жеребенка и ѣхать въ Кіевъ. Далѣе разсказывается кратко чистка пожни Ильей и покупка жеребенка. Былина записана отъ калики (не названнаго по имени). Замѣчательно, что тотъ же калика уже довольно складно пропѣлъ слѣдующую былину — № 3, которая составляетъ собственно продолженіе первой, т. е. содержитъ выѣздъ Ильи изъ дому, пріѣздъ въ Черниговъ, похожденіе съ Соловьемъ-разбойникомъ, пріѣздъ Ильи въ Кіевъ и смерть Соловья. Калика припомнилъ въ концѣ былины даже обычную припѣвку: „Дунай, Дунай, болѣ впередъ не знай". Мало того, отъ того же сказителя записаны Рыбниковымъ еще 7 былинъ: двѣ о Добрынѣ, по одной о Василіи Игнатьевичѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Потыкѣ, Дюкѣ и Василіи Буслаевичѣ [1]) — и всѣ довольно складныя, не потребовавшія никакихъ поправокъ въ складѣ стиха отъ издателя. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ въ пользу того, что калика не зналъ вовсе въ былинномъ стихотворномъ складѣ разсказа объ исцѣленіи Ильи, что источникъ его былъ прозаическій?

Послѣдній Рыбниковскій пересказъ исцѣленія Ильи вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. „Когда я разсказалъ Рябинину, — говоритъ Рыбниковъ [2]), — побывальщину объ Ильѣ и Святогорѣ, то онъ передалъ мнѣ, что еще учитель его, Илья Елустафьевъ (т. е. Евстафьевъ), *пѣлъ* былиною про все знакомство Ильи и Святогора и припомнилъ тутъ же слѣдующіе отрывки изъ этой былины". Эти отрывки — разговоръ Ильи со Святогоромъ, легшимъ въ гробъ, и наставленія каликъ перехожихъ Ильѣ относительно покупки коня. Послѣднія наставленія каликъ предполагаютъ существованіе *стихотворнаго же* разсказа объ исцѣленіи Ильи каликами, но странно, что Трофимъ Рябининъ, несмотря на свою феноменальную память и замѣчательную твердость въ эпическомъ складѣ, не припомнилъ ничего изъ этого разсказа.

Итакъ, если лучшій сказитель Онежскаго края не зналъ въ былинной формѣ разсказа объ исцѣленіи Ильи каликами, если всѣ три дошедшіе до насъ пересказа лишены метрическаго склада, то само собою является предположеніе, что разсматриваемый сюжетъ не былъ рас-

---

[1]) См. Рыбн. IV перечень сказителей, стр. 7.
[2]) III, стр. 5.

Digitized by Google

пространенъ въ олонецкомъ очагѣ нашего эпоса въ прочно установившейся былинной формѣ, подобно другимъ сюжетамъ съ именемъ національнаго богатыря. Самый разсказъ былъ извѣстенъ нѣкоторымъ каликамъ (Рыбн. II, № 2) или сказителямъ съ симпатіями къ духовнымъ стихамъ (Щеголенокъ), но, не отлившись въ стройный былинный складъ, не получилъ широкаго распространенія, не присталъ такъ прочно къ Ильѣ, какъ, напр., похожденіе съ Соловьемъ.

Переходя отъ олонецкихъ былинъ къ былинамъ, записаннымъ въ другихъ частяхъ Россіи, мы встрѣчаемся въ обширномъ сборникѣ Кирѣевскаго только съ двумя былинными записями сказанія объ исцѣленіи Ильи. Первая былина записана въ селѣ Языковѣ Симбирскаго уѣзда но, къ сожалѣнію, неизвѣстно отъ кого. Неизвѣстно также, былъ ли подправленъ стихотворный складъ не издателемъ, а первымъ записывателемъ. Только четыре стиха оказались сбитыми пѣвцомъ и должны были быть переставлены, но вообще стихъ недуренъ. Гораздо путаннѣе былина по содержанію. Разсказъ о приходѣ къ Ильѣ-сидню Іисуса Христа съ двумя апостолами въ видѣ нищей братіи, объ испиваніи чаши (воды?), объ уменьшеніи силы Ильи наполовину — крайне сжатъ и лишенъ эпическаго склада. Это скорѣй легенда въ метрической формѣ. Далѣе, по исцѣленіи, нищіе просятъ Илью проводить ихъ къ бугру, и неизвѣстно, что съ ними сталось, а Илья ложится на бугрѣ отдохнуть (послѣ чего?) и спитъ 12 денъ. Его разбудилъ младъ татарченокъ, пустивъ въ него стрѣлу, которая попала въ коня Ильи (хотя о конѣ раньше не было помину). Илья, проснувшись отъ выстрѣла, говоритъ татарченку, что закинулъ бы его въ сине море, если бъ его мать не была ему (Ильѣ) кумой. Далѣе упоминается камень съ надписью между тремя дорогами — и на этомъ обрывается скомканная былина, вобравшая въ себя искаженный исходъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ (татарченокъ) и начало былины о трехъ поѣздкахъ.

Вторая былина того же сборника, записанная А. Харитоновымъ въ Архангельскомъ уѣздѣ (безъ точнаго обозначенія мѣста и лица) [1], внушаетъ еще меньше довѣрія, чѣмъ первая. Издатель называетъ ее побывальщиной съ разрушеннымъ стихомъ и складомъ, почти сказкой, и раздѣляетъ на стихи гадательно. Кажется, при записываньи не обошлось дѣло безъ нѣкоторыхъ подправокъ. Напримѣръ, какъ-то искусственно звучатъ, на нашъ взглядъ, первые два стиха:

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владимиръ вѣнецъ держалъ.

[1]) Кирѣевскій. IV, 1—6.

Digitized by Google

Такое начало въ былинахъ намъ неизвѣстно. Родиною Ильи названо село Корочарово, но городъ Муромъ не упомянутъ. Старику со старухою *даровалъ* Богъ на старость дѣтище, которое сѣдуномъ сидѣло 30 лѣтъ. Исцѣленіе ему приноситъ старъ человѣкъ, пришедшій просить милостыню благословенную. Послѣ исцѣленія первое проявленіе силы Ильи—поднятіе огромнаго чана пива. Затѣмъ Илья сряжается во дорогу дальнюю. О пріобрѣтеніи коня нѣтъ помину; пропущено также похожденіе съ разбойниками. Столкновеніе съ Соловьемъ-разбойникомъ, названнымъ Алатырцемъ некрещенымъ, разсказано кратко: опущена попытка дочери Соловья убить Илью. Далѣе не на своемъ мѣстѣ идетъ разсказъ объ освобожденіи Ильей города Крякова отъ непріятелей, при чемъ, по просьбѣ Ильи, ему въ этомъ дѣлѣ помогаетъ Соловей-разбойникъ, котораго Илья затѣмъ снова *прищурупливаетъ* къ стремени булатному. По пріѣздѣ въ Кіевъ Илья идетъ въ церковь, и когда князь Владиміръ здѣсь спрашиваетъ его, изъ какого онъ города и какъ его зовутъ, Илья обрываетъ князя такими невѣжливыми словами:

Здѣсь не то поютъ, не то и слушаютъ,
Здѣсь идетъ обѣдня воскресенская.

Только на пиру Илья удовлетворяетъ любопытству князя. Далѣе разсказывается кратко о свистѣ Соловья съ обычными послѣдствіями, за которыя Илья разрываетъ разбойника на части. Изъ этого обзора содержанія видно, что и эта побывальщина, содержащая разсказъ объ исцѣленіи Ильи, принадлежитъ къ числу плохихъ, перепутывающихъ отдѣльные эпизоды. Обычные пріемы былиннаго разсказа въ ней почти незамѣтны.

Въ сибирскихъ былинахъ также не нашлось разсказа объ исцѣленіи Ильи въ былинной формѣ. Его нѣтъ ни у Кирши Данилова, ни у С. И. Гуляева. Послѣдній собиратель записалъ отъ замѣчательнаго сказителя въ Барнаулѣ Леонтія Тупицына складную и обширную былину о выѣздѣ Ильи изъ дому въ Кіевъ и, прежде чѣмъ пропѣть ее, сказитель *разсказалъ* извѣстное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую [1]). Отсюда ясно, что и сибирскій сказитель, какъ олонецкіе, не зналъ разсматриваемаго сюжета въ *стихотворной* обработкѣ и передалъ его только какъ преданіе; иначе трудно было бы объяснить ту странную случайность, что сказители съ обширнымъ былиннымъ репертуаромъ оказываются безпамятными только относительно сюжета исцѣленія

[1]) Был. стар. и нов. записи. Отд. II, стр. 1., прим. 1.

Digitized by Google

Ильи странниками. Является вопросъ, — какимъ путемъ, если не въ былинной обработкѣ, то въ видѣ прозаическаго сказанія могъ этотъ сюжетъ стать извѣстнымъ нѣкоторымъ сказителямъ?

Просматривая многочисленныя сказки объ Ильѣ, мы убѣдимся, что въ нихъ этотъ сюжетъ впервые прикрѣпился къ его имени. Но и въ средѣ этихъ сказокъ придется, какъ увидимъ ниже, намѣтить двѣ группы: сказки старинной записи XVII, XVIII вѣка и сказки современныя. Изъ сказокъ первой группы, въ которыхъ мѣстами пробивается довольно ярко былинный складъ, намъ извѣстны пять, изданныхъ въ послѣдній разъ въ нашемъ сборникѣ былинъ въ отдѣлѣ былинъ старой записи. Таковы: а) „Повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ“ (въ рукоп. XVII в. Им. Публ. Библ.); б) „Гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ“ (въ рукоп. Забѣлина, № 71); в) „Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ“ (въ рукоп. Буслаева); г) „Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ“ (въ рукоп. Тихонравова, № 222); д) „Сказаніе о томъ же“ въ рукоп. Забѣлина, № 82.

Первыя *четыре* сказки весьма близки между собой, всѣ онѣ начинаются со словъ: „Во славномъ градѣ Муромѣ (Моровѣ) слушалъ Илья заутреню воскресную и въ умѣ держалъ ѣхать къ князю Владимиру въ Кіевъ“, разсказываютъ объ избавленіи Ильей города *Себежа* отъ враговъ, о встрѣчѣ съ Соловьемъ разбойникомъ, пріѣздѣ Ильи въ Кіевъ и о свистѣ Соловья съ его послѣдствіями. Объ убіеніи Соловья Ильей не говорится, и сказка кончается приглашеніемъ князя Владимира Ильи на службу. Впрочемъ, 4-я сказка оборвана раньше пріѣзда Ильи съ Соловьемъ въ Кіевъ. *Пятая* сказка (д) лишена начала и сохранилась съ того мѣста, гдѣ идетъ пріемъ Ильи княземъ Киберскимъ и воеводой Черниговскимъ. Это *сказаніе* представляетъ болѣе распространенный въ подробностяхъ пересказъ первыхъ похожденій Ильи, сохраняетъ кое-гдѣ стихи, вводитъ въ разсказъ о пріѣздѣ Ильи въ Кіевъ богатырей Алешу Поповича и Добрыню и въ послѣдней части содержитъ описаніе похожденія Ильи съ Идолищемъ нечестивымъ въ Кіевѣ. Всѣ выше перечисленныя записи (не говоримъ о послѣдней, коей начало не сохранилось), *не знаютъ* исцѣленія Ильи каликами. Не содержитъ этого сюжета и широко распространенная во множествѣ изданій лубочная сказка объ Ильѣ [1]), хотя начинается разсказомъ объ

[1]) См. у Ровинскаго—Русскія народ. картинки, кн. I, № 1; Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ—I, прилож., стр. XVII—XXII; Аѳанасьевъ. Народ. руск. сказки I (изд. 1855 г.) стр. 53—58.

Digitized by Google

Ильѣ сиднѣ. Не упоминая объ исцѣленіи каликами, она просто сообщаетъ, что когда Ильѣ минуло 30 лѣтъ, онъ сталъ ходить на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую. Кромѣ похожденія съ Соловьемъ, сказка содержитъ и столкновеніе Ильи съ Идолищемъ. Въ полной лицевой сказкѣ объ Ильѣ, изданной въ С.-Петербургѣ въ 1839 г., исцѣленіе уже внесено.

Другую группу составляютъ сказки, сравнительно недавно записанныя въ народѣ. Таковы: 1) Сказка изъ собранія Кирѣевскаго [1]); 2) Сказка очень многословная и въ частностяхъ подозрительная, изданная Сахаровымъ (Спб. 1841 г.) и перепечатанная Безсоновымъ [2]); 3) Сказка записанная въ Кадниковскомъ уѣз. Вологодской губ, г. Мерцаловымъ и напечатанная въ Матеріалахъ по этнографіи Вологод. губ. Н. А. Иваницкаго [3]); 4) Самарская сказка, изданная Садовниковымъ [4]); 5) Сказка о богатырѣ Осипѣ Прекрасномъ изъ Вятской губерніи, записанная Колосовымъ [5]): 6) Тамбовская сказка изъ Елатомскаго уѣзда. записанная П. И. Астровымъ [6]); 7) Бѣлорусская сказка изъ Гомельскаго у., изданная Е. Р. Романовымъ [7]); 8) Бѣлорусская же сказка, записанная въ Смоленской губерніи В. Н. Добровольскимъ [8]); 9) Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Бѣльскомъ у., Смоленской губерніи В. В. Богдановымъ; 10) Малорусская сказка объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Волынской буберніи [9]); 11) Сказка объ Ильѣ, записанная въ Екатеринославской губ.[10]); 12) Малорусская сказка у Руликовскаго [11]).

Къ перечисленнымъ русскимъ сказкамъ можно отнести еще нѣкоторыя инородческія, перешедшія къ инородцамъ отъ русскихъ. Таковы: финскія сказки объ Ильѣ, изложенныя акад. А. Н. Веселовскимъ [12]);

---

[1]) Пѣсни, вып. I, прил., стр. I—IV. Ср. у Аѳанасьева—III, № 11, (изд. 1860 г.).

[2]) Тамъ же, стр. IV—XVI.

[3]) См. Сборникъ свѣд. для изученія быта крестьянск. населенія Россіи (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI). М. 1890. В. II, стр. 168—170.

[4]) Сказки и преданія Самарскаго края. 1894 г., № 8, стр. 56—57.

[5]) Замѣтки о языкѣ и нар. поэзіи въ области сѣверо-великорус. нарѣчія, стр. 272—275.

[6]) Сборн. свѣд. для изученія быта крест. насел. Россіи. Вып. II, стр. 168, примѣч. 2.

[7]) Бѣлорусскій Сборникъ В. IV, 1891. стр. 17.

[8]) Смоленскій Этнографическій Сборникъ, ч. I, 1891 г., стр. 397—402.

[9]) Изложена въ моихъ Матеріалахъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ IV; см. Этногр. Обозр. Кн. XII, стр. 122—125.

[10]) Напеч. въ Елисаветгр. Вѣстникѣ 1889, № 92.

[11]) Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Krakow, 1879, стр. 6—8.

[12]) Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ.

Digitized by Google

латышская сказка, изъ собранія Ѳ. Я. Трейланда [1]); чувашская, въ изложеніи Магнитскаго [2]); якутская, изложенная по-русски Худяковымъ [3]); вотяцкая, изложенная Верещагинымъ [4]).

Сдѣлаемъ теперь краткую характеристику этихъ сказокъ съ цѣлью уяснить отношеніе встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мотива исцѣленія Ильи къ тому же мотиву въ былинахъ.

1) Сказку изъ собранія Кирѣевскаго издатель г. Безсоновъ называетъ многословной, поздней и искаженной. Городъ Муромъ въ ней не упоминается. Начинается она обычнымъ сказочнымъ неопредѣленнымъ указаніемъ: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ. У богатыхъ, престарѣлыхъ родителей-крестьянъ нѣтъ дѣтей, и они просятъ Бога о рожденіи сына. Наконецъ Богъ далъ имъ сына, но не владѣющаго ногами. Когда ему было 18 лѣтъ, разъ родители пошли на покосъ. Въ ихъ отсутствіе приходитъ въ ихъ избу нищая братія и проситъ милостыни. Слѣдуетъ исцѣленіе богатыря питьемъ воды. Илья идетъ къ родителямъ и помогаетъ имъ копать лѣсъ. Затѣмъ выбираетъ коня наложеніемъ руки ему на хребетъ. Выѣздъ изъ дому. Соловей разбойникъ. Пріѣздъ Ильи ко дворцу (Владиміръ и Кіевъ не названы). Свистъ Соловья. Илья беретъ „короля и всю его фамилію" подъ мышки. Далѣе онъ побиваетъ 12 головаго змѣя, летающаго къ дочери короля. Король приглашаетъ Илью остаться у него на службѣ, но онъ уѣзжаетъ въ свое отечество.

2) Многословная и съ присочиненіями сказка Сахарова составлена имъ подъ вліяніемъ былинъ, пріукрашена эпическими выраженіями, эпитетами и старинными бытовыми словами. Отецъ Ильи, Иванъ Тимоѳеевичъ, живетъ въ селѣ Карачаровѣ. Илью исцѣляютъ 2 калики перехожіе. Многословное прощаніе Ильи съ родителями и назиданія отца. Заповѣдь Ильи не вынимать изъ колчана калены стрѣлы, изъ налучна тугого лука. Наѣздъ его на станичниковъ, пировавшихъ въ бѣлыхъ шатрахъ въ Брянскихъ лѣсахъ. Эпичные переговоры Ильи со станичниками. Освобожденіе Чернигова „чуднаго града" отъ силы басурманской. Илья полонилъ басурманскаго царя и встрѣченъ черниговскимъ

---

[1]) Издана въ переводѣ въ 2 в. Сборника матер. по этнографіи, издав. при Дашков. Этногр. Музеѣ.

[2]) См. соч. Магнитскаго—Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Казань, 1881, стр. 251—253.

[3]) Верхоянскій Сборникъ (зап.-восточно-сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. I, вып. 3), 1890, стр. 254—268.

[4]) Верещагинъ—Вотяки Сосновскаго края. Спб., 1886, стр. 142 и слѣд.

Digitized by Google

воеводой и посадскими людьми, старымъ и малымъ, съ хлѣбомъ-солью. „Не Днѣпръ рѣка выходила изъ своихъ береговъ: выходилъ, выступалъ Илья Муромецъ въ чуденъ градъ Черниговъ; не буйны вѣтры въ широкомъ полѣ подымалися: выходили, выступали добры молодцы-черниговцы. Приходитъ Илья на княжой дворъ, а на княжемъ дворѣ на особицу стоятъ стары старики, а по другой конецъ стоятъ добры молодцы. И сталъ онъ Илья посередь двора, а ставши, шапочку съ головы *соимывалъ*, на всѣ ли четыре сторонушки кланялся, а кланявшись, молвилъ рѣчь великую: „А гой еси вы, люди добрые, православные! Кланяюсь вамъ и вашему городу Чернигову. Не посѣтуйте, православные, что зашелъ я во вашъ чуденъ градъ Черниговъ [1]). Идучи на дѣло великое, въ стольный градъ Кіевъ, изъ-за лѣсу темнаго завидѣлъ я силу басурманскую, силу несмѣтную; а и жаль-то стало мнѣ васъ, люди добрые, что сила басурманская хочетъ васъ полономъ полонить. Отъ жалости силы прибавилось, отъ *надсады* сила басурманская удрогнула. Божіимъ велѣніемъ и молитвами угодниковъ вашъ чуденъ градъ Черниговъ отъ силы вражей сталъ ослобоженъ“ и т. д. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку изъ сказки Сахарова, чтобы избавить себя отъ труда дальнѣйшаго ея разбора. Ея изложеніе настолько отзывается обычнымъ приторнымъ стилемъ Сахарова, что въ его авторствѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Онъ сложилъ ее самъ, пользуясь былинами, но упорядочилъ ихъ содержаніе, привелъ его въ нѣкоторую стройность, стеръ анахронизмы, внесъ нѣкоторыя старинныя выраженія и надѣлилъ Илью въ изобиліи христіанскою благодатью и другими идеальными чертами. Размазавъ своимъ quasi-народнымъ, приторнымъ изложеніемъ обычные подвиги Ильи (бой съ Соловьемъ, съ Идолищемъ), онъ кончаетъ свое произведеніе слѣдующимъ заключеніемъ: „Съ той поры жилъ онъ Илья въ Кіевѣ. Стары старики чтили Илью *большиимъ* почетомъ; молодые молодцы уряжали ему, Ильѣ, челобитьица. А живши онъ, Илья, во Кіевѣ состарѣлся, состарѣлся и переставился. А то старина, а то и дѣянье“ [2]). Думаю, что при всякихъ соображеніяхъ объ Ильѣ Муромцѣ сказка Сахарова (которою, къ сожалѣнію, слишкомъ часто пользовались) должна быть устранена, какъ продуктъ личнаго сочинительства, хотя и любопытный для характеристики идеи офиціальной народности 30—40 годовъ, но негодный для научныхъ заключеній.

---

[1]) Какая скромность!

[2]) Обычная присказка былинъ въ сборникѣ Кирши Данилова.

Digitized by Google

3) Въ Вологодской сказкѣ, записанной г. Мерцаловымъ, Илья сидитъ безъ ногъ въ Муромѣ (село Карачарово не названо). Въ отсутствіе его родителей приходятъ къ нему Илья Пророкъ и Микола Милостивый, которые исцѣляютъ его пивомъ. Уменьшенія силы нѣтъ, чистки пожни также. Исцѣленный Илья ищетъ коня наложеніемъ руки. Найдя коня, ѣдетъ „очищать поганыя мѣста". Встрѣча съ великаномъ, соотвѣтствующимъ Идолищу, въ неопредѣленномъ царствѣ. Илья убиваетъ его шляпой въ 40 пудовъ. Похожденіе съ Соловьемъ разбойникомъ. Привязавъ Соловья къ коню, Илья пріѣзжаетъ куда-то, гдѣ справлялась свадьба (послѣдній отголосокъ пира Владимира въ Кіевѣ). Испытаніе свиста Соловья, отъ котораго изъ оконъ рамы повыпрядали, а люди на полъ попадали. Въ *иномъ* царствѣ Илья, вырвавъ березу, побиваетъ силу некрещеную (отголосокъ освобожденія Чернигова?). Въ иномъ царствѣ бьется съ могучимъ богатыремъ, опрокинувъ допрашиваетъ его о родѣ-племени. Тотъ сказался ему и нашелся ему въ роднѣ, и они побратались и поѣхали вмѣстѣ (отголосокъ былины о боѣ отца съ сыномъ). Еще въ иномъ царствѣ царь проситъ Илью о помощи противъ одного могучаго богатыря. Илья съ товарищемъ побиваетъ много силы, пируетъ у царя и уѣзжаетъ домой къ отцу и матери. Этимъ сказка кончается. Отмѣтимъ, что хотя она и не сохранила былевыхъ именъ (Владимира, Кіева, Чернигова, Идолища, Сокольника), но содержитъ кое-какіе реминисценціи былинныхъ похожденій Ильи. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что сказка записана въ Вологодской губерніи, сравнительно болѣе близкой къ олонецкому очагу нашего былевого эпоса.

4) Самарская сказка въ сборникѣ Садовникова не пріурочиваетъ Илью къ Мурому. Исцѣляютъ Илью 2 нищихъ пивомъ. Уменьшеніе силы наполовину. Исцѣленный Илья идетъ съ бочкой пива къ родителямъ, занятымъ чисткою лѣса, и вырываетъ дубы съ корнями. Запруженіе Оки. Похожденіе съ Соловьемъ разбойникомъ. Мѣсто Кіева занимаетъ *не-русское королевство*. При дворѣ короля, не названнаго, Илья заставляетъ Соловья свистать, и его свистъ уничтожаетъ все королевство. Въ сказкѣ нѣтъ никакихъ былинныхъ именъ, кромѣ Соловья-разбойника. Любопытная черта — запруженіе Оки.

5) Въ вятской сказкѣ, записанной Колосовымъ, находимъ странную замѣну Ильи Осипомъ прекраснымъ: „Жили прежде два старика (мѣсто не названо). У нихъ только, у двухъ братьевъ, былъ одинъ сынъ. Ему названіе Осипъ прекрасный, онъ былъ больно сперва хорошъ. И приключилась ему болѣсь. И эти старики задумали сдѣлать

Digitized by Google

ему помочь — на полѣ хлѣбъ сѣяти. Ево оставили одново дома". Къ Осипу является ангелъ и исцѣляетъ его двумя чашками пива, наградивъ при этомъ необыкновенною силою. Ангелъ спрашиваетъ, не было ли у него обѣщанія куда ѣхать. Осипъ говоритъ, что далъ обѣщаніе ѣхать въ Кіевъ градъ „черезъ рѣчьку Ребинову (т. е. Смородину), черезъ мосты калиновы, черезъ Соловья разбойника". Ангелъ велитъ купить коня у сосѣда, заплативъ, сколько онъ спроситъ. Осипъ выкормилъ коня, благословился у отца и поѣхалъ. Похожденіе съ Соловьемъ разбойникомъ съ обычными подробностями. Осипъ съ Соловьемъ пріѣзжаетъ затѣмъ въ Россію къ русскому царю. Богатыри его приходятъ отъ обѣдни. Царь подаетъ имъ по рюмкѣ. Они похваляются силой. Осипъ заявляетъ, что привезъ Соловья. По желанію царя послѣдняго вводятъ въ комнаты и заставляютъ свистать. За непослушаніе Осипъ убиваетъ Соловья шляпой; царь назвалъ его большимъ братомъ. Этимъ кончается сказка. Кромѣ мотива исцѣленія, остальныя черты содержанія ея могутъ быть взяты изъ лубочной сказки и, можетъ-быть, изъ былинъ, которыя, вѣроятно, въ прежнія времена были небезызвѣстны въ Вятской губерніи.

6) Въ тамбовской сказкѣ, записанной г. Астровымъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, любопытно смѣшеніе Ильи Муромца съ Ильею Пророкомъ: безъ различія и тотъ и другой называется Илья Великій. „Илья Великій прежде человѣкомъ былъ. Только у него руки и ноги отсохли. Отецъ и мать пошли въ лѣсъ дрова рубить. Илья почувствовалъ въ себѣ силу и говоритъ: если бъ ноги и руки, я бы съ корнемъ дерева рвалъ и бросалъ. Слетѣли съ неба три ангела, велѣли ему встать. Илья говоритъ: не могу; тѣ опять — Илья всталъ. Ангелы велѣли ему выпить чашку вина. Онъ выпилъ. Илья почувствовалъ, что силы у него прибавилось. Ангелы велѣли ему выпить другую. Спрашиваютъ, что съ нимъ. Говоритъ, силы у него столько, что если бы былъ столбъ отъ земли до неба, то онъ повернулъ бы всю Божію колесницу. Тогда эти трое дали ему выпить четвертую чашу вина, силы у него стало меньше. Тогда Илья сталъ искать себѣ богатырей, съ которыми бы побиться. Узналъ про Соловья-разбойника. Соловей былъ мужикъ, залѣзалъ на деревья, разбойничалъ. Илья вошелъ къ нему въ домъ. Илья велѣлъ Соловью свистѣть. Соловей свистнулъ. Илья еле удержался на ногахъ. Теперь, говоритъ Илья, я тебя свистну, завязывай глаза. Завязалъ ему глаза и свистнулъ его дубиною. У Соловья были дѣти. Говорятъ, какъ поѣдетъ Илья черезъ ворота, какъ-нибудь придавить его. Сѣли оба на ворота, положили чѣмъ его

Digitized by Google

раздавить. Илья какъ-то увернулся: Богъ его спасъ и взялъ его на небо" [1]). Приведенная сказка свидѣтельствуетъ о томъ, какъ скудны отголоски даже лубочной сказки объ Ильѣ въ Тамбовской губерніи. Въ населеніи Елатомскаго уѣзда произошло такое же смѣшеніе Ильи Муромца съ Ильей Пророкомъ, какое мы находимъ, по свидѣтельству Колосова, и на предполагаемой родинѣ Ильи, въ селѣ Карачаровѣ. „Имя Ильи,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—знакомо каждому карачаровцу и муромцу, но въ народѣ встрѣчаются уже лица, слившія въ одно смутное представленіе образъ Ильи богатыря и Ильи пророка. Карачаровцы знаютъ, что Илья до 30 лѣтъ сидѣлъ сиднемъ; былъ исцѣленъ калѣками; что помогъ своимъ родителямъ очистить лѣсъ, проявивъ при этой работѣ неожиданно для всѣхъ свою богатырскую силу; знаютъ, наконецъ, объ ускокахъ его коня, но — только. Престарѣлый священникъ села Карачарова, живущій тамъ уже полстолѣтія, говорилъ мнѣ, что прежде знали объ Ильѣ больше. Но изъ того, что онъ могъ припомнить, видно, что и прежде, какъ и теперь, народъ ничего не зналъ о службѣ Ильи въ Кіевѣ, объ отношеніяхъ его къ Владимиру и о тѣхъ богатырскихъ подвигахъ, о которыхъ хранится столько былевыхъ пѣсенъ въ Олонецкомъ краѣ" [2]). Припомнимъ это свидѣтельство Колосова для дальнѣйшаго.

7) Въ бѣлорусской сказкѣ г. Романова (№ 44 въ вып. III, стр. 259—262) про Ильлюшку, мѣсто рожденія Ильи не названо. Къ 23-лѣтнему лежебокѣ приходитъ Господь и исцѣляетъ его питьемъ воды. Исцѣленный идетъ къ родителямъ въ поле съ бочкой воды и 12 булками хлѣба. Чистка ляда Ильей. Запруженіе рѣки Дуная на семь верстъ. Покупка жеребенка у попа, кованье булавы и отъѣздъ изъ дому. Соловья разбойника замѣняетъ негодный Соколъ, убивающій людей свистомъ на разстояніи 12 верстъ. Илья убиваетъ его булавой и натыкаетъ его голову на пику. Затѣмъ идетъ къ небрезгливому (нягидному) царю Прожору, которому Соколъ служилъ караульщикомъ. Увидѣвъ, что Соколъ убитъ, Прожоръ приглашаетъ Илью на пиръ, но Илья убиваетъ его шапкой. Поѣхавъ въ другое царство, Илья помогаетъ людямъ поднять 12 камней и отказывается отъ платы; далѣе пріѣзжаетъ къ церкви св. Николая и, помолившись, идетъ въ свое царство, къ отцу и матери. Здѣсь, полежавъ 3 дня на постели, онъ

---

[1]) Сборн. свѣд. для изуч. быта крест. насел. Россіи. Вып. II. стр. 168. Примѣчаніе 2. (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI).

[2]) Назв. соч., стр. 310.

Digitized by Google

преставился и сталъ святымъ. Онъ завѣдуетъ громовой тучей. Его схоронили въ склепѣ, но по волѣ Господней онъ невидимо ни для кого отправился водой, по р. Сожу, въ Кіевъ и легъ въ склепѣ въ кіевскихъ пещерахъ. Какъ любопытныя черты сказки могутъ быть отмѣчены: смѣшеніе въ одной личности царя Прожора двухъ былинныхъ — Идолища и князя Владимира; смѣшеніе Ильи съ Ильей Пророкомъ и со святымъ Ильей Муромскимъ, коего мощи лежатъ подъ спудомъ въ кіевскихъ пещерахъ. Никакихъ географическихъ былевыхъ именъ сказка не помнитъ. Запрудѣ Оки карачаровскаго преданія соотвѣтствуетъ запруда Дуная.

То же смѣшеніе Ильи съ Ильей Пророкомъ находимъ въ краткомъ варіантѣ изъ Гомельскаго уѣзда [1]). Исцѣленія странниками нѣтъ. Говорится только, что, просидѣвъ долго въ сидняхъ, Илья всталъ и пошелъ къ родителямъ въ *лядо,* неся имъ обѣдъ. Далѣе описывается недоумѣнье родителей и вырыванье Ильей деревьевъ съ корнями. Затѣмъ Илья сталъ пророкомъ, и Богъ взялъ его на небо съ тѣлесами.

8) Бо́льшую полноту въ подробностяхъ представляетъ смоленская сказка въ сборникѣ г. Добровольскаго. Илья родился у одного мужичка подъ Брянскомъ, но до 30 лѣтъ не владѣлъ руками и ногами. Отецъ его собралъ толоку для чистки пожни. Въ его отсутствіе приходитъ къ Ильѣ старичокъ, проситъ напиться квасу и обычнымъ способомъ исцѣляетъ Илью. Несеніе обѣда родителямъ, чистка пожни, покупка кобылы, отъѣздъ изъ дому. Илья Мурамъ (таково его прозвище) разыскиваетъ Соловья разбойника, ранитъ его стрѣлою въ глазъ и ѣдетъ съ нимъ въ королевскій домъ, гдѣ собраны богатыри. Кобыла Ильи отгоняетъ коней другихъ богатырей отъ корму; самъ онъ, не получивъ мѣста, тѣснитъ богатырей и проламываетъ стѣну, затѣмъ шляпой убиваетъ одного изъ богатырей Обжору (Идолище). Объ этомъ докладываютъ королю, который призываетъ къ себѣ Илью. Тотъ кладетъ Соловья за пазуху и здоровается съ королемъ. Разспросы о пути, которымъ онъ ѣхалъ. Свистъ Соловья и его смерть. Разрубивъ его на куски, Илья какъ дунетъ на кусочекъ, такъ онъ превращается въ соловья и улетаетъ. Затѣмъ Илья идетъ въ Кіевъ, гдѣ живетъ Алькадимъ, богатырь незрящій, сильный, могучій. Послѣднему снилось, что Илья его убьетъ, и онъ заранѣе заказываетъ себѣ гробъ. Проѣзжая лѣсомъ, Илья видитъ людей, дѣлающихъ „домовину". Узнавъ, что гробъ готовятъ для Алькадима, которому суждено быть

---

[1]) Романовъ — IV, стр. 17.

Digitized by Google

имъ убитымъ, Илья ѣдетъ къ нему. Алькадимъ заперся за 7 дверьми, которыя Илья вышибаетъ. Алькадимъ протягиваетъ Ильѣ руку и сжимаетъ крѣпко руку Ильи. Тому это не полюбилось, и онъ ударомъ шляпы убиваетъ Алькадима, чѣмъ сказка кончается.

Интересъ смоленской сказки исчерпывается тѣмъ, что въ персонажѣ Алькадима просвѣчиваютъ нѣкоторыя черты Святогора. Онъ напоминаетъ послѣдняго гробомъ, въ которомъ суждено ему лечь. Та же редакція сказки — съ Соловьемъ, Идолищемъ и Святогоромъ — перешла, какъ увидимъ ниже, отъ русскихъ къ финнамъ. Отмѣтимъ также, что происхожденіе соловьевъ изъ кусковъ тѣла Соловья-разбойника извѣстно кое-гдѣ въ Малороссіи.

9) Другая бѣлорусская сказка, записанная В. В. Богдановымъ въ Бѣльскомъ у. Смоленской губерніи и еще ненапечатанная, отличается бо́льшей полнотой подробностей и сохранностью нѣкоторыхъ эпическихъ выраженій. Илья Мурывичъ родился въ селѣ Карачивѣ, въ городѣ Муровѣ, отъ престарѣлыхъ родителей Ивана Тимоѳеевича и Епистиміи [1]) послѣ долгихъ ихъ молитвъ. Тридцать лѣтъ онъ не владѣлъ ногами. Исцѣленіе ему принесъ одинъ старичокъ, попросивъ его принести воды и давъ ему напиться. Исцѣленный Илья отпрашивается у родителей ѣхать въ Кіевъ, чтобы угодникамъ помолиться и кіевскому князю поклониться. Первая встрѣча съ разбойниками, которыхъ Илья устрашаетъ выстрѣломъ. Затѣмъ Илья прогоняетъ басурманскую рать отъ Чернигова и пируетъ у черниговскаго князя. Встрѣча съ Соловьемъ-разбойникомъ въ Брянскихъ лѣсахъ разсказана, какъ и предыдущія похожденія, близко къ лубочной сказкѣ. По пріѣздѣ Ильи въ Кіевъ князь кіевскій (не названный Владиміромъ), спрашиваетъ его, какого онъ государства и какимъ путемъ ѣхалъ. Узнавъ, безъ недовѣрія, что Илья привезъ Соловья-разбойника, князь хочетъ послушать его свиста. За ослушаніе Илья убиваетъ Соловья разбойника и уѣзжаетъ гулять по заповѣднымъ лугамъ. Здѣсь встрѣчаетъ калику по имени Гуня [2]), отъ котораго узнаетъ о пріѣздѣ богатыря Идолища въ Кіевъ. Илья переодѣвается каликой, возвращается въ городъ и обычнымъ образомъ расправляется съ Идолищемъ, чѣмъ сказка и кончается. Сличеніе съ лубочной сказкой объ Ильѣ показываетъ, что приведенная

---

[1]) Въ отмѣткахъ изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ, сообщенныхъ В. И. Далемъ, мать Ильи называется *Ефросинья* Яковлева. См. Пѣсни Кирѣевскаго В. I стр. XXXII.

[2]) *Гуня* въ 50 пудъ, въ которой одѣтъ калика (въ лубоч. сказкѣ и былинахъ), стала его собственнымъ именемъ.

Digitized by Google

смоленская богаче лубочной только однимъ эпизодомъ — исцѣленьемъ Ильи старикомъ. Придавать особенное значеніе замѣнѣ Карачарова Карачевымъ и Мурома Муровомъ едва ли возможно.

10) Переходя отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ, остановимся прежде всего на обширной сказкѣ объ Ильѣ Муринѣ, записанной въ Волынской губерніи. Отсылая къ сдѣланному мною изложенію ея пестраго содержанія, взятаго большею частью изъ сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, перескажемъ только начало, содержащее мотивъ исцѣленія. Мѣсто рожденія Ильи Мурина, крестьянскаго сына, не названо. Онъ сидѣлъ сиднемъ 45 лѣтъ. Странники Господни — Петръ и Павелъ — просятъ его принести воды напиться. Исцѣленіе и затѣмъ нѣкоторое уменьшеніе силы. Ношеніе Ильей барилки съ питьемъ въ поле родителямъ. Корчеванье деревьевъ. Выборъ коня, изготовленіе меча и копья. Похожденіе съ Соловьемъ. Пріѣздъ съ привязаннымъ Соловьемъ въ городъ къ одному великому купцу, который спрашиваетъ его, какой дорогой онъ ѣхалъ. Узнавъ, что Илья привезъ Соловья, купецъ проситъ его въ хату. Илья вошелъ, но его не выдерживаютъ полы и кресла. Выѣхавъ изъ города, Илья бросилъ Соловья и поѣхалъ дальше. Слѣдуетъ встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ и бой. Илья въ третьей стычкѣ опрокинулъ богатыря, но по его просьбѣ пощадилъ его; они побратались и поѣхали вмѣстѣ дальше. По дорогѣ встрѣчаютъ гробъ. Богатырь легъ въ гробъ, Илья 30 разъ ударилъ по крышкѣ копьемъ и на ней наросло 30 обручей. Илья беретъ доспѣхи богатыря и ѣдетъ дальше. Прочія похожденія его цѣликомъ взяты изъ сказки о Ерусланѣ [1]). Характернымъ, кромѣ послѣдняго смѣшенія, представляется въ этой сказкѣ и то, что, не имѣя эпизода объ Идолищѣ, она сохранила отголосокъ смерти Святогора въ гробѣ, извѣстный въ выше разсмотрѣнной смоленской сказкѣ.

11) Другая малорусская сказка, записанная въ д. Богодарѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи [2]), также не указываетъ мѣста рожденія богатыря, хотя называетъ его Илья Муромецъ. Въ отсутствіе родителей, ушедшихъ въ лѣсъ, Илью обычнымъ образомъ — питьемъ кваса — исцѣляютъ два старика. Уменьшеніе силы наполовину. Несеніе Ильей обѣда родителямъ и ихъ недоумѣніе при видѣ исцѣленнаго сына. Во время ихъ обѣда Илья вырвалъ множество пней и перегатилъ цѣлую рѣчку. Односельцы стали завидовать Ильѣ, и онъ

---

[1]) См. Этногр. Обозр. кн. XII. стр. 122—126.

[2]) Напеч. въ Елисаветгр. Вѣстникѣ, 1889, № 92 и въ соч. Д. И. Эварницкаго — Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и новороссійскаго края, 1889, стр. 169—172.

Digitized by Google

рѣшилъ уйти изъ дому, сказавъ родителямъ, что примѣтой его смерти будетъ прилетъ двухъ голубей и появленіе крови на ручникѣ (сказочная обычная черта). Въ дальнѣйшемъ нѣтъ ни выбора коня, ни похожденія съ Соловьемъ разбойникомъ и Идолищемъ, но взятое изъ другихъ сказокъ освобожденіе богатыремъ царевны отъ змѣя, залегавшаго воду. За этимъ подвигомъ слѣдуетъ коварное убіеніе Ильи какимъ-то бондаремъ, выдающимъ себя передъ царемъ за побѣдителя змѣя и получающимъ въ награду руку царевны. Родители Ильи по примѣтамъ узнали объ его смерти и стали служить по немъ панихиду. Господь услыхалъ ихъ молитву и оживилъ Илью, который затѣмъ идетъ во дворецъ, обличаетъ бондаря и женится на царевнѣ. Очевидно, въ этой скудной содержаніемъ сказкѣ только первая половина — до выѣзда богатыря изъ дому — имѣетъ отношеніе къ Ильѣ Муромцу.

Въ томъ же Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи (въ с. Алексѣевкѣ) былъ записанъ И. И. Манжурой любопытный народный разсказъ объ Ильѣ пророкѣ съ нѣкоторыми чертами сказокъ объ Ильѣ Муромцѣ. Разсказъ состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей — сказанія объ Ильѣ и сказанія о разбойникѣ кровосмѣсителѣ, примыкающаго къ западнымъ сказаніямъ объ Ильѣ пророкѣ, по которымъ онъ убилъ отца и мать. Содержаніе первой части таково. Илья пророкъ 37 лѣтъ жилъ у отца и матери, не владѣлъ ногами. Въ отсутствіе родителей, работавшихъ на нивѣ, приходятъ Богъ и св. Петръ и велятъ Ильѣ встать и принести имъ напиться. Онъ принесъ, напился самъ по ихъ приказанію и получилъ огромную силу. Странники велѣли ему помогать родителямъ и ушли. Илья идетъ къ нимъ, вырывая дорогой дубы. Родители, увидя его, со страху померли. Затѣмъ Илья идетъ въ разбойники и перебилъ множество народу. Убивъ однажды человѣка изъ-за 5 копеекъ, онъ сокрушился и пошелъ каяться. Дальнѣйшее содержаніе сказки насъ не касается; отмѣтимъ только, что разсказчикъ упомянулъ, что мощи Ильи лежатъ теперь въ Кіевѣ [1]). Послѣдняя извѣстная намъ малорусская сказка объ Ильѣ, сообщаемая Руликовскимъ (Zapiski etnograficzne z Ukrainy) [2]), начинается съ эпизода объ Ильѣ-сиднѣ. Старикъ, давшій ему силу, велитъ ему купить у попа паршиваго жеребенка, изготовить желѣзную булаву въ 4 пуда, оловянную шапку въ два пуда и предсказываетъ по-

[1]) Изложеніе сказки см. въ изслѣдованіи Н. Сумцова—Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ, 1888, стр. 125 и слѣд.

[2]) Въ Zbiór wiadomosci do antropologii krajowéj (1879) III Dz. Etn. № 9, 67—69.

Digitized by Google

бѣду надъ змѣемъ въ Кіевѣ. Далѣе разсказывается встрѣча Ильи съ Соловьемъ разбойникомъ и пріѣздъ его въ Кіевъ. Послѣдняя часть сказки представляетъ Илью змѣеборцемъ. Въ Кіевѣ змѣй по очереди поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ и дошелъ чередъ до княжны. Илья убилъ змѣя шляпой и женился на княжнѣ. Князь и княжна не названы по именамъ.

Не болѣе, какъ на ряду съ малорусскими сказками, занесенными къ малоруссамъ изъ Великороссіи, слѣдуетъ поставить инородческія сказки объ Ильѣ, записанныя въ послѣднія десятилѣтія у Финновъ, Латышей, Чувашей и Якутовъ. Три финскія сказки изъ собранія Ю. Крона изложены по-русски и разсмотрѣны академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ его „Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ“ № XIV[1]). въ виду чего, отсылая читателей къ названной статьѣ, могу ограничиться лишь нѣкоторыми замѣчаніями. *Первая* (изъ Выборгской губ.) содержитъ мотивъ исцѣленія питьемъ, при чемъ Илла Муровитса исцѣляетъ Христосъ въ видѣ нищаго. Первыя проявленія силы — колка дровъ шести финскихъ саженей и устройство изгороди изъ большихъ деревьевъ. Далѣе покупка коня у попа, пріобрѣтеніе богатырской сбруи и шляпы въ 30 пудовъ. Встрѣча съ богатыремъ Обжорой, соотвѣтствующимъ Идолищу, и убіеніе этого богатыря шляпой. Соловью разбойнику соотвѣтствуетъ „русскій богатырь“ (ruskoi pohatteri), при чемъ къ этому образу примѣшались черты изъ сказки о Еруланѣ. Дальнѣйшая встрѣча Ильи съ „сильнымъ богатыремъ“ (silnoi pohatteri). который принимаетъ удары Ильи за укушеніе комаровъ и сажаетъ его въ карманъ. Жена богатыря разыгрываетъ съ Ильею исторію жены Пентефрія. Илья бѣжитъ отъ него на гору и молится Богу. Господь спасаетъ Илью и насылаетъ на сильнаго богатыря смерть. при чемъ смѣшаны разсказы о смерти Святогора при поднятіи сумки съ земной тягой и смерти Аники. Такимъ образомъ, представляя своеобразно передѣланные отголоски похожденій Ильи съ Идолищемъ, Соловьемъ и Святогоромъ, эта сказка не содержитъ никакихъ мѣстныхъ прикрѣпленій и былинныхъ именъ: не названы Муромъ, Кіевъ, Владимиръ, Соловей разбойникъ и проч.

Во *второй* сказкѣ (изъ Кемскаго уѣзда Архангельской губ.) Илья отождествленъ съ Ильей пророкомъ. Исцѣляютъ сидня не странники. а голосъ изъ-за двери, велящій ему встать. Первое проявленіе силы. какъ и въ первой сказкѣ, рубка дровъ. Далѣе поѣздка въ Кіевъ (въ городъ Wokijeskoi) и встрѣча съ Рахматовичемъ (Rahmaattovits), т. е.

---

[1] Ж. М. Н. Пр., 1890, мартъ, стр. 6—18.

Digitized by Google

съ Соловьемъ Рахматовичемъ. Илья привязываетъ его подъ брюхо лошади. Царь (не названный по имени) желаетъ слышать свистъ Рахматовича. Илья велитъ ему показать четвертую часть своего свиста и за ослушаніе убиваетъ его. Слѣдующій эпизодъ, въ которомъ Илья братается съ другимъ богатыремъ и корчуетъ лѣсъ, какъ уже замѣтилъ акад. Веселовскій, стоитъ не на своемъ мѣстѣ, а относится къ дѣтству Ильи. Третій эпизодъ — похожденіе съ Идолищемъ въ обычныхъ чертахъ. Четвертый — представляетъ какую-то путаницу съ глухой реминисценціей Святогора и прыганья Васьки Буслаева. Илья пришелъ къ горѣ, въ расщелинѣ которой одинъ человѣкъ прожилъ триста лѣтъ. Явился и калика: Илья обмѣнялся съ нимъ одеждой и освободилъ того человѣка. Вокругъ горы встала изгородь по колѣна вышиной. „Если вы перепрыгнете черезъ ограду спиной впередъ, то будете жить такъ же долго, какъ и я,— говоритъ человѣкъ, — не то быть вамъ въ бѣдѣ.“ Калика пытается прыгнуть, но зацѣпился крючьями и разбилъ себѣ голову о гору (Васька Буслаевъ). Илья перепрыгнулъ легко и живымъ взятъ на небо за то, что освободилъ человѣка (Илья-пророкъ). Такимъ образомъ въ сказкѣ мы находимъ слѣдующіе мотивы въ своеобразномъ искаженіи: исцѣленіе, корчеваніе, Соловей, Идолище, Святогоръ; но изъ былинныхъ именъ удержаны лишь Кіевъ и Рахматовичъ.

Еще больше искаженій и смѣшеній въ *третьей* финской сказкѣ, записанной въ Олонцѣ. Бездѣтный мужъ и жена вырѣзали изъ ольхи дѣтскую фигуру и качаютъ ее въ люлькѣ. Разъ, когда они пришли изъ лѣса, видятъ, что дитя живое, только безъ рукъ и ногъ и не говоритъ. Въ другой разъ, въ отсутствіе родителей, является какой-то старикъ и питьемъ кваса исцѣляетъ Илью, даровавъ ему притомъ огромную силу. Въ дальнѣйшемъ содержаніи находимъ: помощь Ильи родителямъ въ полевыхъ работахъ, покупку жеребенка и пріобрѣтеніе палицы, похожденіе съ Мироѣдомъ (т. е. Идолищемъ), съ птицей Свиской (т. е. Соловьемъ), Рослановъ, соотвѣтствующимъ Святогору и отчасти Росланею сказки объ Ерусланѣ. Сказка кончается смертью Ильи, на которую перенесены черты смерти Святогора — гробъ съ захлопнувшейся крышкой. Въ сказкѣ такое же отсутствіе былинныхъ именъ, лицъ и мѣстъ, какъ и въ предыдущихъ.

Въ чувашской сказкѣ, сообщенной о. Смѣловымъ въ его Очеркѣ религіозныхъ вѣрованій чувашъ [1]), Илья отождествленъ съ Ильей

[1]) Напечат. въ «Матеріалахъ къ объясненію старой чувашской вѣры» В. Магнитскаго. Казань, 1881, стр. 251—253.

Digitized by Google

пророкомъ, и преданіе о немъ связано съ преданіемъ о сотвореніи птицъ. Илья-богъ былъ сиднемъ до 30 лѣтъ. Разъ отецъ его съ помочанами ушелъ корчевать лѣсъ; Илья, какъ сидень, остался дома. Передъ обѣдомъ приходитъ въ избу великій Богъ съ „Херле свиремъ" и проситъ напиться. Илья сказалъ, что у отца есть пиво, да некому принести. Богъ велѣлъ принести ему самому. Илья, какъ молодой ребенокъ, пошелъ и принесъ ведро пива. Богъ велѣлъ Ильѣ выпить самому, и Илья выпилъ ведро безъ отдыха. Послѣ 3-го ведра у Ильи явилась такая сила, что онъ могъ бы приподнять землю. Далѣе идетъ несеніе Ильей обѣда помочанамъ (40-ведерной бочки пива, котла каши и проч.), корчеванье лѣса, покупка жеребенка, изготовленіе желѣзной шапки въ 40 пудовъ и палицы въ 10 пудовъ и отъѣздъ Ильи. На пути онъ увидѣлъ слѣпого старичка, разговорился съ нимъ про силу. И говоритъ старичокъ: а ну-ка, дай мнѣ свою руку. Илья вмѣсто руки далъ ему свою палку. Старикъ пожалъ палку, и палка затрещала и сплюснулась. (Съ этимъ эпизодомъ можно сравнить встрѣчу Ильи въ русской побывальщинѣ со *слѣпымъ* отцомъ Святогора, которому Илья вмѣсто руки подаетъ нагрѣтый кусокъ желѣза)[1]). А ну-ка, дай я тебя обниму, говоритъ старикъ. Илья подошелъ и преподнесъ старику свою шапку: старикъ обнялъ шапку—не поддается: ну, ничего, говоритъ, кость у тебя здоровая, будешь *паттырь* (богатырь). Послѣ этого Илья поѣхалъ дальше и наѣхалъ на гнѣздо огромнаго соловья на семи ветлахъ, котораго свистъ былъ слышенъ за 7 верстъ. Илья бросилъ въ соловья палку и отшибъ ему крыло; бросилъ шапку и придавилъ; затѣмъ разсѣкъ его на части, и изъ каждой части мяса выросли птицы, изъ большихъ частей — большія птицы, изъ малыхъ — малыя... Послѣ этого Илья недолго жилъ на землѣ, уѣхалъ на небо, и теперь гоняетъ и бьетъ шайтана. Отмѣтимъ, что чувашское преданіе не знаетъ Идолища. Вмѣсто Святогора — какой-то великанъ слѣпой, соотвѣтствующій Святогорову отцу. Соловей-разбойникъ превратился въ птицу и, какъ въ одномъ бѣлорусскомъ пересказѣ (см. выше), изъ ея тѣла произошли другія птицы. Въ сказкѣ не сохранилось никакихъ былинныхъ именъ, даже Муромца.

Очень подробная въ деталяхъ и сложная по составу сказка объ Ильѣ была записана у Якутовъ Верхоянскаго округа. Въ ней мы находимъ многія былинныя похожденія Ильи, а также такія, которыя объясняются вліяніемъ другихъ сказокъ[2]). Илья Муромецъ — сынъ

[1]) Рыбниковъ, III, стр. 6-я.

[2]) Напечатана въ Верхоянскомъ Сборникѣ. Иркутскъ, 1890, стр. 254—268.

Digitized by Google

богатаго мужика Клима въ Муромѣ. Родители долго не имѣли дѣтей и ходили на богомолье. Илья родился, когда отцу было 82 года а матери 70. Исцѣленіе и силу онъ получаетъ на 19-мъ году отъ трехъ свѣтлыхъ юношей, но безъ обычнаго питья. Корчеванья лѣса нѣтъ. Покупка жеребенка у сосѣда разсказана чрезвычайно подробно. Испросивъ благословеніе у отца, Илья ѣдетъ въ Кіевъ, но дорогою ранитъ Соловья-разбойника, представленнаго въ видѣ птицы, привозитъ его въ Кіевъ къ *царю* Владиміру, заставляетъ свистать и затѣмъ „переломилъ птицѣ одно крыло, одну ногу и отпустилъ ее, чтобъ не появлялась въ этихъ мѣстахъ". Далѣе разсказывается бой богатыря поповскаго сына (т. е. Алеши Поповича) съ Смерть-Тамаровичемъ (т. е. Тугариномъ). Послѣ нѣсколькихъ похожденій, вошедшихъ въ сказку изъ другихъ сказокъ, Илья встрѣчается съ великаномъ, значительно превосходящимъ его силою въ разныхъ испытаніяхъ. Ѣдучи вмѣстѣ съ нимъ, встрѣчаютъ гробъ, въ который великанъ ложится и захлопывается крышкой. Умирая, онъ передаетъ часть своей силы Ильѣ. Сказка кончается встрѣчей Ильи со старикомъ (Николаемъ-чудотворцемъ), котораго сумку онъ едва приподнялъ, напрягши всѣ свои силы. Сумка вѣсила $^3/_4$ части земли по объясненію старика, который затѣмъ исчезъ. Дальнѣйшіе подвиги Ильи не извѣстны.

Якутская сказка свидѣтельствуетъ о прежней извѣстности былинъ и побывальщинъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ въ Верхоянскомъ округѣ. Дѣйствительно, тамъ же была записана въ стихотворной формѣ настоящая былина о боѣ Алеши Поповича и его слуги Екима съ Тугариномъ [1]). Немудрено поэтому, что въ отличіе отъ множества сказокъ объ Ильѣ, записанныхъ въ европейской Россіи, верхоянская сказка довольно хорошо сохранила былинныя имена: городъ Муромъ и Кіевъ, царь Владиміръ, Соловей-разбойникъ, поповскій сынъ. Любопытно только, что въ ней, какъ и во всѣхъ другихъ сказкахъ, содержащихъ отголоски встрѣчи Ильи со Святогоромъ, этотъ богатырь не носитъ своего олонецкаго имени. Чѣмъ объяснить это обстоятельство?

Латышская сказка объ Ильѣ напечатана въ русскомъ переводѣ Ѳ. Я. Трейландомъ [2]). Илья въ латышской передѣлкѣ носитъ имя Илинъ. Илинъ, единственный сынъ у своихъ родителей, былъ здоровъ и крѣ-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 303—307 и Р. былины старой и новой записи № 29.

[2]) См. Сборн. мат. по этнографіи, изд. при Дашков. Этнограф. Музеѣ, вып. II, стр. 144—151.

Digitized by Google

покъ, но, разъ влѣзши на печку въ овинѣ, сдѣлался такъ слабъ, что пролежалъ на печи много лѣтъ. Однажды въ отсутствіе родителей къ нему пришелъ старикъ-нищій и просилъ милостыню. Илинъ сказалъ, что подалъ бы, но не можетъ двинуться съ мѣста и просилъ нищаго самому пойти въ свѣтлицу и позавтракать. Въ благодарность нищій велитъ ему подняться, и дѣйствительно Илинъ сошелъ съ печи. Вмѣстѣ съ нищимъ они строятъ на дворѣ каменный столбъ, ухватившись за который Илинъ поворачиваетъ землю. По другому варіанту, еще болѣе близкому къ нашимъ сказкамъ, старикъ-нищій даетъ Илину, слѣзшему съ печки, выпить ведро квасу, и Илинъ подымаетъ затѣмъ однимъ мизинцемъ весь отцовскій домъ. Для убавленія этой чрезмѣрной силы Илинъ выпиваетъ, по повелѣнію старца-нищаго, еще полведра квасу. Старецъ, объявивъ Илину, что онъ не нищій, а посланникъ Бога исчезаетъ. Затѣмъ Илинъ несетъ бочку пива, множество мяса и молока родителямъ и работникамъ, бывшимъ на сѣнокосѣ. Всѣ удивляются его исцѣленію. Дальнѣйшія похожденія Илина не имѣютъ ничего общаго съ извѣстными подвигами Ильи Муромца, а напоминаютъ другія сказки. Илинъ встрѣчаетъ богатырей Дубыню, Горыню и огромнаго великана, которыхъ беретъ въ товарищи, побѣждаетъ старика, живущаго въ подземномъ царствѣ, сговорившись съ его дочерью, остается, благодаря измѣнѣ товарищей, овладѣвшихъ его невѣстой, одинъ въ подземномъ царствѣ, вылетаетъ оттуда на гусѣ, убиваетъ измѣнниковъ и женится на стариковой дочери. Изъ персонажей латышской сказки только одинъ — великанъ — пожалуй напоминаетъ Святогора. На морскомъ берегу Илинъ видитъ страшнаго великана. „Весь онъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ саженъ... Илинъ подошелъ къ нему, взялъ его за бороду и крикнулъ: Эй, великанъ, что ты спишь! Встань-ка!“ Проснулся великанъ, видитъ, карликъ такой его разбудилъ. Протеръ онъ глаза и заревѣлъ какъ левъ, точно громъ прогремѣлъ: „Какъ посмѣлъ ты, блоха, дотронуться до моей бороды, насмѣхаться надъ моимъ сномъ? Я тебя, негодяй, проучу!“ Однако, хотя по размѣрамъ, по отношенію къ герою сказки, великанъ напоминаетъ Святогора, лежащаго на горѣ, но Илинъ, въ противоположность нашему Ильѣ, оказался сильнѣе великана, не попалъ къ нему въ карманъ, а напротивъ, сдѣлалъ его своимъ работникомъ.

Содержаніе вотяцкой сказки объ Ильѣ, сообщаемой Верещагинымъ [1]), сводится къ слѣдующей схемѣ: Илья-сидень: выѣздъ (исцѣ-

[1]) Верещагинъ—Вотяки Сосновскаго края. Спб. 1886, стр. 142.

Digitized by Google

ленія каликами — нѣтъ); какой-то богатырь отсовѣтоваетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидитъ Соловей-разбойникъ. Илья хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ [1]). Ранивъ Соловья, онъ привозитъ его въ городъ (не названный), показываетъ царю и убиваетъ за ослушаніе. Царь жалуется Ильѣ, что къ нему въ городъ ходитъ чудовище Обжора, съѣдаетъ въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива. Илья убиваетъ Обжору. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, представляющій отголосокъ встрѣчи Ильи со Святогоромъ, но смерть въ гробу перенесена на Илью.

Въ предыдущемъ мы разсмотрѣли болѣе 20-ти сказокъ — русскихъ и инородческихъ русскаго же происхожденія, и имѣемъ теперь достаточный матеріалъ, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія надъ интересующимъ насъ сюжетомъ исцѣленія Ильи. Эти наблюденія сводятся къ слѣдующему:

1) Сказки, содержащія мотивъ исцѣленія Ильи, не называютъ мѣста его рожденія Мурома, села Карачарова, хорошо извѣстнаго былинамъ. Исключеніе составляютъ лишь сказка Вологодская, упоминающая городъ Муромъ, но не знающая кн. Владимира, сказка якутская, знающая и Муромъ и *царя* Владимира, и смоленская (В. В. Богданова), представляющая пересказъ лубочной. Въ обзорѣ содержанія сказокъ вологодской и якутской мы видѣли, что обѣ онѣ содержатъ и другія черты изъ былинъ, которыя свидѣтельствуютъ о прежнемъ распространеніи былинъ въ мѣстахъ ихъ записи. Такъ, вологодская сохранила отголоски боя Ильи съ сыномъ, неизвѣстнаго другимъ сказкамъ; якутская упоминаетъ Алешу и Тугарина.

Далѣе, разсказывая о похожденіи Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, сказки вообще не называютъ Владимиромъ лицо, къ которому Илья привозитъ раненаго Соловья, и не упоминаютъ города Кіева. Упоминаетъ о Кіевѣ и Владимирѣ (царѣ) лишь вышеназванная якутская сказка и одна финская. Затѣмъ въ вятской, гдѣ мѣсто Ильи занимаетъ Осипъ прекрасный, названъ Кіевъ, но нѣтъ князя Владимира. Изъ всего этого естественно вытекаетъ заключеніе, что сказки съ мотивомъ исцѣленія Ильи не передѣланы изъ былинъ, утратившихъ стихотворную форму и перешедшихъ въ такъ называемыя побывальщины. Изъ разсмотрѣнія эпизода исцѣленія Ильи въ *былинахъ* мы выше сдѣлали заключеніе, что сказители не знали этого эпизода въ

[1]) Акад. А. Н. Веселовскій основательно усматриваетъ въ этой немотивированной похвальбѣ отголосокъ забытаго эпизода о встрѣчѣ Ильи со станичниками. Розысканія въ обл. р. духов. стиха. Вып. 6-й, стр. 153.

Digitized by Google

стихотворной обработкѣ. Итакъ слѣдуетъ думать, что въ тѣ немногія былины, въ которыхъ онъ находится, онъ проникъ изъ сказокъ и затѣмъ въ устахъ сказителей, привычныхъ къ былинному стилю, подвергся самой поверхностной былинной окраскѣ.

2) Въ значительномъ большинствѣ сказокъ вслѣдъ за удаленіемъ странниковъ, исцѣлившихъ Илью, слѣдуетъ первое проявленіе его силы — корчеванье лѣса. Замѣчательно, что этотъ эпизодъ, *почти* неизвѣстный былинамъ, какъ и исцѣленіе, не оказывается однако именно въ тѣхъ сказкахъ (вологодской и якутской), которыя, какъ мы видѣли, сильно отзываются былинными мотивами. Думаемъ, что *корчеванье* составляло второй эпизодъ въ сказкахъ объ исцѣленіи сидня, какъ бы онъ ни назывался.

3) Сказки не знаютъ эпизода освобожденія города (Чернигова, Себежа, Крякова и проч.) Ильей отъ непріятельской рати, — эпизода, хорошо извѣстнаго былинамъ и повѣстямъ, исторіямъ объ Ильѣ въ записяхъ XVII и XVIII вѣка. Новое подтвержденіе предположенію, что сказки не передѣлка былинъ [1]).

4) Похожденіе съ Соловьемъ принадлежитъ значительному большинству сказокъ. Кое-гдѣ (въ Бѣлоруссіи, Малоруссіи и у чувашей Казанск. губ.) сюда присоединена legende d'origine — происхожденіе птицъ изъ тѣла убитаго Соловья. Объясняется это присоединеніе тѣмъ, что Соловей былъ осмысленъ какъ гигантская птица.

5) Въ нѣкоторыхъ изводахъ сказки за эпизодомъ съ Соловьемъ или его замѣстителями слѣдуетъ или ему предшествуетъ похожденіе Ильи съ персонажемъ, соотвѣтствующимъ былинному Идолищу-объѣдалу (сказки: вологодская и бѣлорусскія, три финскія). Въ большинствѣ перечисленныхъ сказокъ (въ трехъ финскихъ, въ одной бѣлорусской и якутской) встрѣчается вмѣстѣ съ Идолищемъ и персонажъ, соотвѣтствующій Святогору. Но изрѣдка Идолища нѣтъ, а Святогоръ налицо (волынская, якутская, чувашская, гдѣ — личность, соотвѣтствующая скорѣе былинному слѣпому отцу Святогора). Напомнимъ, однако, что нигдѣ не встрѣчается имя Святогоръ. Нельзя ли отсюда вывести, что имя Святогора прикрѣпилось къ великану, превосходящему Илью силой, въ олонецкомъ былинномъ репертуарѣ, колоніей котораго является сибирскій (былины Кирши), при чемъ сибирскимъ былинамъ извѣстно только имя Святогора безъ всякихъ похожденій этого богатыря. Ко-

---

[1]) Наличность освобожденія Чернигова въ смоленской сказкѣ объясняется ея связью съ лубочной.

Digitized by Google

нечно, возможно и предположеніе, что имя Святогора было лишь забыто сказками, какъ и другія эпическія имена. Рѣшеніе этого вопроса возможно въ связи съ другимъ, который я только ставлю, не имѣя достаточно матеріала для его рѣшенія: какъ относятся сказки объ Ильѣ къ былинамъ? Представляютъ ли сказки результатъ разложенія былинъ, или, наоборотъ, былины — стихотворныя въ былевомъ стилѣ обработки сказокъ, предковъ современныхъ искаженныхъ сказокъ объ Ильѣ?

6) Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, кромѣ исцѣленія и корчеванія. Ильѣ приписывается только одинъ подвигъ — избавленье царевны отъ змія, формула Егорія змѣеборца. Таковы: сказка, неизвѣстно гдѣ записанная Кирѣевскимъ, и малорусская, перешедшая изъ Великороссіи, сказка Екатеринославской губерніи. Этотъ сказочный мотивъ настолько популяренъ, что прикрѣпленіе его къ Ильѣ вполнѣ естественно. Не свидѣтельствуетъ ли, однако, такое прикрѣпленіе въ пользу того, что эта сказка не передѣлка былинъ, которымъ змѣеборство Ильи совершенно неизвѣстно.

7) Въ значительномъ числѣ сказокъ Илья-богатырь смѣшивается съ Ильей-пророкомъ (сказки: тамбовская, 1 бѣлорусская, 1 екатеринославская, 1 финская, чувашская). Перенесеніе здѣсь, конечно, съ Ильи-богатыря на Илью-пророка, объясняющееся совпаденіемъ имени. Легенды объ Ильѣ пророкѣ не знаютъ ничего объ его долголѣтнемъ сидѣніи и исцѣленіи. Даже на предполагаемой родинѣ Ильи, въ селѣ Карачаровѣ, населеніе уже смѣшиваетъ обѣ личности.

8) Бо́льшимъ богатствомъ содержанія отличаются тѣ сказки объ Ильѣ, которыя записаны либо въ мѣстахъ сосѣднихъ съ главнымъ очагомъ нашего былиннаго эпоса, либо въ такихъ, куда въ прежнія времена проникали былины. Таковы 3 финскія сказки, двѣ бѣлорусскія, латышская — съ одной стороны; съ другой — якутская и вологодская. Крайне скудны и спутанны сказки малорусскія, изъ которыхъ одна уснащена мотивами сказки о Еруслан̀ѣ (волынская), другая — содержитъ лишь змѣеборство, третья — Илью-разбойника, спасающагося покаяніемъ. Придавать какое бы то ни было значеніе малорусскимъ сказкамъ въ вопросѣ о южномъ происхожденіи Ильи нѣтъ возможности.

Выше я счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что мотивъ исцѣленія Ильи странниками и перваго проявленія силы въ полевой работѣ не былъ въ олонецкомъ былинномъ репертуарѣ обработанъ въ стихотворномъ складѣ и зашелъ къ олонецкимъ сказителямъ изъ

Digitized by Google

сказокъ. Спрашивается: не существуетъ ли этотъ мотивъ въ русскихъ сказкахъ въ прикрѣпленіи къ другому имени? На этотъ вопросъ далъ отвѣтъ уже П. А. Безсоновъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ къ сборнику Кирѣевскаго. Мотивъ исцѣленія оказывается прикрѣпленнымъ къ Ивану крестьянскому сыну въ лубочной старинной сказкѣ, которой начало Безсоновъ приводитъ по изданію 1793 года: „Въ нѣкоей деревнѣ былъ крестьянинъ не весьма богатой. И тотъ крестьянинъ жилъ со своею женою три года, а дѣтища у нихъ не было. На четвертое лѣто жена ево понесла и родила сына, котораго и назвала Иваномъ. Когда Ивану сему минуло пять лѣтъ, ходить онъ не могъ, потому что былъ сидень, то отецъ его и мать стали кручинитца и просили Бога, чтобъ далъ ихъ сыну здоровье, ноги". Однако до 33 года Иванъ не владѣлъ ногами. Далѣе разсказывается приходъ нищаго и исцѣленіе Ивана. Затѣмъ нищій проситъ Ивана принести пива и велитъ ему самому выпить ендову, послѣ чего онъ почувствовалъ великую силу. Приходъ и удивленіе родителей. Иванъ испытываетъ силу: выйдя въ огородъ, онъ взялъ въ руки колъ, воткнулъ въ огородѣ въ землю и повернулъ его такъ сильно, что вся деревня съ коломъ повернулась. (Ср. слова Ильи: кабы столбъ отъ земли до неба, я бы своротилъ всю землю). Затѣмъ Иванъ беретъ благословеніе у родителей, чтобы ѣхать на подвиги. Дальнѣйшее содержаніе сказки не представляетъ ближайшаго сходства съ эпическими похожденіями Ильи Муромца [1]).

Пріобрѣтеніе силы посредствомъ питья встрѣчается и въ другихъ сказкахъ, напримѣръ, въ одной сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ. У его отца содержался взаперти мужичокъ руки желѣзны, голова чугунна, самъ мѣдный. Когда царевичъ разъ шелъ мимо тюрьмы, мужикъ попросилъ у него напиться. Когда царевичъ подалъ ему воды, онъ исчезъ изъ тюрьмы. Въ благодарность за освобожденіе, старикъ зазвалъ Ивана къ себѣ въ гости и далъ выпить полуведерную чашу вина. Потомъ пошли гулять и дошли до камня въ 500 пудовъ. Иванъ послѣ питья вина легко поднялъ этотъ камень. Старикъ велитъ ему пить еще нѣсколько разъ, и сила Ивана все прибываетъ: онъ можетъ поднять уже камень въ 1500 пудовъ. Тогда старикъ говоритъ ему: Ну, Иванъ царевичъ! Въ тебѣ теперь много силы: лошади не поднять! Крыльцо дома вели передѣлать: тебя оно не станетъ поднимать и проч. Ступай съ Богомъ! [2])

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, III замѣтка, стр. XXIII и слѣд.

[2]) См. Сказки Аѳанасьева 1-е изд. Вып. II, стр. 47—54 и Пѣсни Кирѣевск. III замѣтка, стр. XXV.

Digitized by Google

Если искать параллелей мотиву дарованія силы черезъ чудесное питье, то намъ придется пересмотрѣть огромное количество сказокъ Европы, Азіи и другихъ частей свѣта. Достаточно сослаться на указанія, сдѣланныя Аѳанасьевымъ, Ѳ. И. Буслаевымъ, О. Миллеромъ, В. В. Стасовымъ, М. Халанскимъ, Махаломъ, Тилле, Коскэномъ и др. [1]), которыя свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи этого мотива и на востокѣ, въ индійскихъ сказаніяхъ, и на западѣ, въ германскихъ, романскихъ, южно-славянскихъ. Мы не ставимъ себѣ цѣли, вообще трудно достижимой, уяснить, какимъ путемъ странствующій мотивъ — пріобрѣтеніе силы черезъ питье — проникъ на Русь. Для насъ интереснѣе знать, почему онъ прикрѣпился на Руси между прочимъ къ національному богатырю.

Можно думать, что съ идеальнымъ народнымъ богатыремъ, хотя и не историческимъ лицомъ, произошло то же явленіе, которое мы наблюдаемъ на лицахъ историческихъ. Подобно тому, какъ свѣдѣнія о молодости и воспитаніи лицъ, получившихъ громкую извѣстность, собираются уже позднѣе, послѣ ихъ смерти, чтобы удовлетворить общественному къ нимъ интересу, точно такъ же у народа являлись запросы относительно молодости Ильи. Извѣстно, что Илья носитъ постоянный эпитетъ *стараго,* занимаетъ не только по силѣ, но и по возрасту первенствующее мѣсто среди другихъ богатырей и совершаетъ всѣ свои отдѣльные подвиги, какъ *старый* казакъ, не упадчивый, въ противоположность другимъ юнымъ богатырямъ, на женскую красоту. Понятно, что, зная подвиги Ильи, совершенные имъ уже въ почтенномъ возрастѣ, народъ могъ задавать себѣ вопросъ: что же Илья, этотъ богатырь, одаренный чудесной силой и мужествомъ, дѣлалъ въ молодости, на что употреблялъ онъ свою богатырскую силу? О какихъ-либо подвигахъ Ильи-юноши ничего не было извѣстно. И вотъ для объясненія этого молчанія къ имени Ильи весьма удобно прикрѣпился сказочный бродячій мотивъ о богатыряхъ-сидняхъ, которые до извѣстнаго возраста (30 или 33) не могутъ обнаружить свою силу. Этотъ мотивъ, повидимому, не получилъ обстоятельной былинной обработки: былины о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ только вскользь говорятъ, что Илья былъ 30 лѣтъ сиднемъ, а затѣмъ, ощутивъ силу великую,

---

[1]) Аѳанасьевъ — Ск. IV, стр. 391 и слѣд., 436 слѣд., Ѳ. И. Буслаевъ — Русскій богатыр. эпосъ, стр. 106; О. Миллеръ — Илья Муромецъ, стр. 169—180; Стасовъ — Вѣст. Евр. 1868, апрѣль. Халанскій — Велик. был. кіев. цикла, стр. 94; Южно-слав. сказанія о кралев. Маркѣ, 1893, стр. 66—75; Máchal—O Bohatyrském epose Slovanském. I, стр. 151; Tille—Listy fil. XVI, 381, Cosquin—Contes populaires de Lorraine, II, 107—114.

Digitized by Google

отпросился у родителей ѣхать въ Кіевъ. Осложненіе или распространеніе мотива о богатырѣ-сиднѣ другимъ — исцѣленіемъ богатыря нищими, посредствомъ питья — произошло, какъ мы видѣли, въ сказкахъ, и этотъ болѣе поздній разсказъ, повидимому, не былъ обработанъ въ былинномъ складѣ. По крайней мѣрѣ, даже въ Исландіи нашего эпоса — у олонецкихъ сказителей — не нашлось ни одной складной былины объ исцѣленіи Ильи каликами. Исцѣленіе Ильи неизвѣстно и древнѣйшимъ записямъ былинъ о немъ, относящимся къ XVII и началу XVIII вѣка. Все это приводитъ къ предположенію, что этотъ сказочный и легендарный сюжетъ присталъ къ имени національнаго богатыря довольно поздно, быть-можетъ, не ранѣе XVII столѣтія.

б) *Илья Муромецъ и Себежъ* [1]). Между дошедшими до насъ старинными записями былинъ о первой поѣздкѣ Ильи Муромца въ городъ Кіевъ къ князю Владиміру можно намѣтить двѣ редакціи этого разсказа. Къ первой редакціи принадлежатъ четыре пересказа, изданные покойнымъ академикомъ Н. С. Тихонравовымъ въ первомъ отдѣлѣ *Русскихъ былинъ старой и новой записи* (стр. 1—11), именно: а) Повѣсть о сильномъ, могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (по списку Императорской публичной библіотеки, Q., XVII, 194); б) Исторія о Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ (по рукописи И. Е. Забѣлина, № 71); в) Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ (изъ сборника Ѳ. И. Буслаева) и г) Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ-разбойникѣ (изъ сборника Н. С. Тихонравова, № 222). Всѣ эти четыре пересказа, списанные въ XVIII вѣкѣ, съ болѣе старыхъ списковъ, быть-можетъ, конца XVII вѣка, чрезвычайно близки между собою и несомнѣнно восходятъ къ общему источнику.

Сходство названныхъ пересказовъ опредѣляется уже первыми, начальными строками, почти тождественными. Во славномъ (было) градѣ Муромѣ (въ *а* Моровѣ) слушалъ Илья Муромецъ (въ *а* Муровѣцъ) заутреню воскресную и въ умѣ держалъ (въ *б* и *в* похоть держалъ) къ сильному ко князю Владимеру кіевскому Всеславичу (въ *б* ко граду Кіеву ко славному князю Владимеру Сеславьевичу, въ *в* къ стольному граду Кіеву ко князю Владимеру кіевскому Всеславьевичу). Въ четвертомъ пересказѣ (*г*) въ значительно искаженномъ началѣ можно видѣть по крайней мѣрѣ главныя черты приведеннаго: во славномъ градѣ Муромѣ слышать былъ богатырь Илья Муромецъ, слышалъ заутреню воскресную, поѣхалъ онъ ко граду Кіеву ко князю Владимиру.

---

[1]) Напечат. въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1895 г., мартъ.

Digitized by Google

Прослѣдимъ содержаніе дальнѣйшаго разсказа и отмѣтимъ нѣкоторыя интересныя черты, сближающія между собою всѣ четыре пересказа. Выѣзжая изъ Мурома, Илья даетъ обѣтъ не вынимать дорогой сабли острой и не накладывать тетивы на крѣпкій лукъ (въ *г* эта подробность опущена). Первое похожденіе Ильи было подъ *Себежемъ* — градомъ, который обступили 3 царевича заморскіе съ 300 тысячъ (въ *в* и *г* 120 тысячъ). Илья прогоняетъ басурманское войско, беретъ въ плѣнъ царевичей и отдаетъ ихъ въ подарокъ себежскому (въ *а* и *в* сибирскому) царю. На вопросъ послѣдняго объ его имени, Илья называетъ себя Ильюшкою Ивановымъ, уроженцемъ града Мурома. Отмѣтимъ, что Илья не называетъ себя крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова. Узнавъ отъ себежскаго царя, что дорога въ Кіевъ черезъ лѣса Брынскіе (въ *в* Бранскіе) залегла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья-разбойника, Илья ѣдетъ дальше. Въ то время, какъ онъ переѣзжаетъ рѣку Смородину по мосту калинову, Соловей-разбойникъ засвисталъ такъ сильно, что подъ Ильею конь спотыкнулся. Выстрѣломъ въ правый глазъ Илья сшибъ Соловья съ девяти дубовъ и хотѣлъ вынуть у него сердце ретивое. Соловей проситъ Илью оставить ему душу хоть на покаяніе. На вопросъ Ильи, гдѣ у Соловья спрятана золота казна, онъ говоритъ, что она лежитъ въ его селахъ Кутузовыхъ, куда гонецъ гоняетъ два мѣсяца, а скоро на скоро одинъ мѣсяцъ. Привязавъ Соловья къ стремени, Илья ѣдетъ въ эти села. Двѣнадцать сыновей Соловья, вооружившись, хотятъ отбить отца, но Соловей велитъ имъ лучше пригласить Илью хлѣба кушать за дубовые столы. Однако Илья поворачиваетъ коня къ Кіеву и пріѣзжаетъ туда. Оставивъ Соловья при конѣ во дворѣ, онъ входитъ въ палату столовую и кланяется князю Владиміру. Спросивъ пріѣзжаго объ имени и дорогѣ, князь не вѣритъ, что Илья успѣлъ, простоявъ заутреню въ Муромѣ, попасть къ обѣднѣ въ Кіевъ. Илья разказываетъ о своихъ двухъ остановкахъ — подъ Себежемъ и у рѣки Смородины — и говоритъ, что Соловей-разбойникъ стоитъ на дворѣ. Князь велитъ Соловью показать свой свистъ, но тотъ говоритъ, что послушаетъ только своего господина Илью Муромца. Илья велитъ Соловью свистнуть, и отъ его свиста подломились скамейки у богатырей, а Владиміръ, обрадованный, говоритъ Ильѣ: тебѣ у меня будетъ золота казна не запечатана, добрые кони не заперты за твою службу вѣрную богатырскую: служи ты мнѣ вѣрою и правдою. Этими словами князя кончается разсказъ.

Перечислимъ теперь главныя черты, отличающія эту *краткую* редакцію отъ второй, къ которой перейдемъ затѣмъ.

Digitized by Google

1. Въ ней нѣтъ разсказа объ Ильѣ сиднѣ, исцѣленіи его каликами, пріобрѣтеніи коня и встрѣчѣ съ разбойниками.

2. Вмѣсто города Чернигова Илья освобождаетъ отъ вражеской рати городъ Себежъ.

3. На вопросъ себежскаго царя и далѣе князя Владимира въ Кіевѣ, Илья называетъ себя уроженцемъ города Мурома (Мурова), но не говоритъ о селѣ Карачаровѣ, какъ о своей родинѣ, и о своемъ крестьянскомъ происхожденіи.

4. Соловей-разбойникъ оглушаетъ коня Ильи свистомъ въ то время, когда онъ переѣзжаетъ рѣку Смородину по калинову мосту.

5. Казна Соловья хранится въ селахъ Кутузовыхъ, гдѣ живутъ и его 12 сыновей.

6. Не упоминается покушеніе дочери Соловья убить Илью версей.

7. Послѣдствія свиста Соловья-разбойника въ Кіевѣ не изображаются губительными для богатырей и непріятными для князя Владимира. Поэтому не говорится и о казни Соловья разбойника.

8. Не упоминаются поименно богатыри при Владимирѣ и княгиня Апраксѣевна. Владимиръ носитъ отечество Всеславьича (Сеславьича).

Вторая редакція, которую можно назвать по сравненію съ первой болѣе полной, представлена; во-первыхъ, сказаніемъ объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ-разбойникѣ и Идолищѣ по рукописи И. Е. Забѣлина, № 82 (см. Русскія былины старой и новой записи, отд. I, стр. 11 — 24); во-вторыхъ, — лубочной сказкой, выдержавшей много изданій [1]); въ-третьихъ, сказкой, напечатанной Сахаровымъ будто бы съ рукописи купца Бѣльскаго. Оставляя въ сторонѣ послѣднюю сказку, какъ произведеніе болѣе Сахаровское, чѣмъ народное, отмѣтимъ въ двухъ первыхъ главныя черты, отличающія ихъ отъ вышеразсмотрѣныхъ сказокъ первой редакціи.

Къ сожалѣнію, въ *сказаніи* по рукописи И. Е. Забѣлина начало утрачено, и мы можемъ судить о немъ только по лубочной сказкѣ. Родиной Ильи Муромца называется село Карачарово, отцомъ его — крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ. Илья до 30 лѣтъ былъ сиднемъ, затѣмъ, почувствовавъ въ себѣ силу великую, всталъ, добылъ себѣ коня и сбрую ратную и, получивъ благословеніе родителей, поѣхалъ въ Кіевъ. Далѣе слѣдуетъ первая встрѣча съ разбойниками, которыхъ Илья устрашилъ, пустивъ стрѣлу. Затѣмъ Илья отражаетъ отъ стѣнъ

---

[1]) См. у *Ровинскаго*, Русскія народныя картинки, кн. I, № 1; Пѣсни, собранныя *Кирѣевскимъ* — I, Приложеніе, стр. XVII — XXII; *Аѳанасьевъ* — Народныя русскія сказки, I (изд. 1858 г.), стр. 53 — 58.

Digitized by Google

Чернигова басурманское войско, за что его съ честью принимаютъ воевода черниговскій и князь Киберской (въ лубочной сказкѣ Виберской). Узнавъ отъ нихъ про дорогу въ Кіевъ, Илья ранитъ въ глазъ Соловья-разбойника, сшибаетъ его съ 12 дубовъ и привязываетъ къ стремени. У Соловья не 12 сыновей, а три дочери, изъ которыхъ большая покушается убить Илью вереею. Пріѣздъ въ Кіевъ. Обычные вопросы князя. Испытаніе свиста Соловья-разбойника и смерть его. Илья, оставшись при дворѣ князя, братается съ Добрыней Никитичемъ и уѣзжаетъ съ нимъ въ поле чистое. Встрѣча съ каличищемъ, отъ котораго Илья узнаетъ, что въ его отсутствіе въ Кіевъ пріѣхалъ Идолище нечестивый и творитъ тамъ насилія. Илья беретъ у калики его гуню, возвращается въ Кіевъ и убиваетъ Идолище шляпой. Несмотря на то, что лубочная сказка представляется значительно сокращенной сравнительно со сказаніемъ въ рукописи Забѣлина, во многихъ мѣстахъ обоихъ пересказовъ мы находимъ почти дословно одни и тѣ же выраженія, и оба кончаются почти одинаково, какъ показываетъ сравненіе слѣдующихъ строкъ:

Сказаніе:	Лубочная сказка:
И схватилъ съ себя шляпу и ударилъ ево въ голову такъ сильно, что прошибъ стѣну палатъ бѣлокаменныхъ и, взявши туловище, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти и пити и веселиться. И великій князь Владиміръ Илью Муромца великими похвалами возвеличилъ и причелъ въ сильные могучіе богатыри.	И схватилъ съ себя шляпу и ударилъ его въ голову тихонько, только прошибъ стѣну палатъ; и взявши туловище, туда жъ выкинулъ. И за то князь *(имени нѣтъ какъ во всей сказкѣ)* Илью Муромца великими похвалами произносилъ и причелъ въ сильные могучіе богатыри.

Оставляя пока въ сторонѣ подробное сравненіе этой болѣе полной редакціи сказанія объ Ильѣ Муромцѣ съ былинами, мы можемъ, кажется, уже теперь, предупреждая результатъ сравненія, сказать, что полная редакція въ отдѣльныхъ чертахъ своего содержанія стоитъ ближе къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, нежели вышеразсмотрѣнная краткая редакція. Въ былинахъ городъ, освобожденный Ильей Муромцемъ, называется всего чаще Черниговымъ (варіанты: Смолягинъ, Бекешевъ, Кидошъ), и названіе Себежъ въ нихъ не встрѣчается. Не упоминаются и села Кутузовы, въ которыхъ стоитъ усадьба Соловья-разбойника. Далѣе въ былинахъ почти всегда разсказывается покушеніе старшей дочери Соловья-разбойника убить Илью, чего нѣтъ въ краткой редакціи. Разсказъ о Соловьѣ-разбойникѣ въ Кіевѣ обыкновенно кончается его смертью отъ руки Ильи Муромца. Въ былинахъ, какъ въ сказаніи полной редакціи, Илья Муромецъ принимаетъ мѣры, чтобъ

Digitized by Google

свистъ Соловья не повредилъ князю и княгинѣ, чего нѣтъ въ краткой редакціи. Родиной Ильи въ былинахъ постоянно называется село Карачарово при городѣ Муромѣ и нерѣдко упоминается отецъ Ильи — Иванъ Тимоѳеевичъ. Наконецъ, въ большинствѣ былинъ освобожденію города Чернигова предшествуетъ встрѣча Ильи съ разбойниками, которую не знаетъ краткая редакція XVIII вѣка. Всѣ перечисленныя особенности послѣдней и прежде всего нѣкоторыя собственныя имена останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, такъ какъ нуждаются въ объясненіи.

Чѣмъ объяснить освобожденіе Ильей Себежа, нынѣ уѣзднаго города Витебской губерніи? Нѣтъ ли какихъ-нибудь данныхъ въ исторіи этого города, которыя могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ?

Время основанія Себежа, псковскаго пригорода, неизвѣстно. Имя его мелькаетъ въ историческихъ свидѣтельствахъ о столкновеніяхъ русскихъ съ литовцами и поляками. Самое раннее упоминаніе Себежа встрѣчается у польскаго историка Стрыйковскаго, который говоритъ, что въ 1414 г. великій князь литовскій Витовтъ изъ Дриссы двинулся съ войскомъ противъ псковитянъ, взялъ и сжегъ ихъ пригородъ Себежъ. Впослѣдствіи Себежъ, повидимому, принадлежалъ Литвѣ. По крайней мѣрѣ, въ 1525 г. жители его подавали жалобу польскому королю Сигизмунду I-му на ограбленіе отъ московитянъ. Во время малолѣтства великаго князя Ивана Васильевича, въ 1535 г., повелѣно новгородцамъ и псковитянамъ, соединясь съ княземъ Шуйскимъ, двинуться въ литовскія владѣнія и на берегу Себежскаго озера въ Себежѣ построить крѣпость. Дѣйствительно, Бутурлинъ на концѣ мыса построилъ замокъ съ деревянными стѣнами, въ самомъ же посадѣ — три небольшія деревянныя церкви. Правительница Елена прислала новгородскому епископу Макарію повелѣніе освятить новопоставленный городъ, а въ церкви назначить священниковъ для отправленія службы. Макарій съ архимандритомъ, игуменами и священниками, пріѣхавъ туда, освятилъ его, назвавъ Иваньгородомъ на Себежѣ, который тогда же населенъ и людьми, переведенными изъ разныхъ мѣстъ. Эта, повидимому, первая серьезная попытка москвитянъ утвердиться въ Себежѣ встрѣтила энергичный отпоръ со стороны польскаго короля Сигизмунда въ слѣдующемъ же году. Король повелѣлъ кіевскому воеводѣ Немирѣ съ войскомъ двинуться къ Себежской крѣпости и разрушить ее. Однако двадцатитысячное войско литовцевъ и поляковъ потерпѣло полную неудачу. Приступы непріятелей къ крѣпости были отбиты.

Digitized by Google

Тѣснимые и гонимые русскими, литовцы и поляки бросились бѣжать по льду Себежскаго озера, но подъ ихъ тяжестью ледъ подломился. и множество бѣгущихъ погибли въ водахъ глубокаго озера. Воеводы князь Засѣкинъ и Тушинъ захватили много плѣнныхъ, отбили пушки и знамена. Въ ознаменованіе блестящей побѣды великая княгиня Елена повелѣла построить въ Себежѣ церковь Св. Троицы. Въ слѣдующемъ 1537 году Себежъ былъ договоромъ уступленъ московскому правительству въ обмѣнъ за Гомель. Однако нападенія поляковъ на Себежъ повторялись, невзирая на договоръ. Въ 1579 году онъ былъ взятъ Стефаномъ Баторіемъ, но въ 1592 г. снова возвращенъ Россіи по миру, заключенному въ Ямѣ Запольскомъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи, въ 1634 г., царь Михаилъ Ѳедоровичъ возвратилъ Себежъ полякамъ. Въ 1654 году русскіе, однако, снова овладѣли городомъ, который оставался за ними до 1678 года, когда былъ возвращенъ Польшѣ съ уплатой ей же 200.000 руб. Въ войну съ Карломъ XII Петръ I въ 1705—1706 и 1707 годахъ частью своихъ войскъ занималъ Себежъ, но никакихъ крупныхъ военныхъ событій подъ его стѣнами не произошло [1]).

Изъ этого краткаго очерка исторіи Себежа мы видимъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ этотъ городъ жилъ тревожною жизнью, переходя нѣсколько разъ отъ московскаго правительства къ польскому. Но единственное громкое событіе, совершившееся подъ его стѣнами,— истребленіе литовско-польскаго войска въ 1536 году. Гибель множества непріятелей отъ подломившагося льда Себежскаго озера, въ связи съ недавнимъ торжественнымъ освященіемъ только-что построенной крѣпости, при религіозной настроенности того времени, позволяло видѣть въ этомъ событіи чудесную помощь Божію, ниспосланную православнымъ противъ невѣрныхъ.

Сильное впечатлѣніе, произведенное побѣдой въ Москвѣ и, конечно, въ русскихъ областяхъ, близкихъ отъ Себежа, засвидѣтельствовано построеніемъ въ городѣ церкви Св. Троицы для увѣковѣченія этого событія. Можно думать поэтому, что впослѣдствіи, быть-можетъ, еще въ томъ же XVI столѣтіи или въ слѣдующемъ, когда реальныя черты историческаго факта уже сгладились въ народной памяти и онъ принялъ неопредѣленную эпическую окраску, народный богатырь Илья былъ поставленъ въ связь съ городомъ Себежемъ и явился его спа-

---

[1]) См. *Безъ-Корниловичъ*, Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, 1855, стр. 131 — 134.

Digitized by Google

сителемъ отъ какихъ-то царевичей заморскихъ, которые хотѣли православныя церкви на дымъ спустить и себежскаго царя во полонъ взять.

Такое пріуроченіе подвига Ильи къ бѣлорусскому городу Себежу свидѣтельствуетъ о томъ, что въ XVI вѣкѣ, когда можно предположить такое пріуроченіе, имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію, которое въ настоящее время не знаетъ никакихъ былинъ объ этомъ богатырѣ. Дѣйствительно, полнымъ подтвержденіемъ извѣстности Ильи въ Бѣлоруссіи въ XVI вѣкѣ служитъ вѣстовая отписка оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому, 1574 года, августа 5-го дня. Жалуясь на свое печальное положеніе въ Оршѣ, на сторожѣ, гдѣ онъ терпитъ холодъ и недостатокъ въ провизіи, Кмита, очевидно, припоминаетъ эпическіе разсказы объ Ильѣ, который также стоялъ на сторожѣ и испытывалъ пренебреженіе со стороны князя. „Pomsti Boz'e", пишетъ онъ, hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet sluz'b naszych potreba [1])". А. Н. Веселовскій, въ своей статьѣ „Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка" предпосылаетъ извѣстію Кмиты Чернобыльскаго слѣдующее замѣчаніе: „Я не стану преувеличивать значеніе сообщаемаго здѣсь: въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былинъ, такъ какъ Воловичу должны же были быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное" [2]). Но помимо этого значенія извѣстіе Кмиты можетъ, какъ мнѣ кажется, въ связи съ разсмотрѣнной выше старинной записью похожденій Ильи пригодиться для нѣкоторыхъ другихъ соображеній.

Кмита упоминаетъ Илью Муравленина и Соловья Будимировича. „Соловей Будимировичъ, — говоритъ А. Н. Веселовскій, — въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, если бы не представлялась вполнѣ естественной догадка, что имя перваго явилось случайно, на мѣсто любого другого богатыря и внѣ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будимировичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ — богатырь пріѣзжій, и соединеніе его съ кіевскимъ цикломъ чисто внѣшнее" [3]). Мнѣ ка-

---

[1]) См. *А. Н. Веселовскаго*, Южно-русскія былины, II, стр. 64.

[2]) Тамъ же, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр. 65.

Digitized by Google

жется, что такое соединеніе именъ Ильи и Соловья Будимировича не въ такой степени случайно, какъ предполагаетъ академикъ Веселовскій. Это соединеніе дано было въ томъ сказаніи объ Ильѣ, которое при писаніи письма пришло на умъ Кмитѣ Чернобыльскому, и его ошибка состоитъ лишь въ томъ, что онъ на одну доску поставилъ обоихъ богатырей. Конечно, Соловей Будимировичъ, связанный въ похожденіи съ Ильей, не тотъ заѣзжій женихъ, котораго знаютъ современныя былины. Соловей Будимировичъ никто иной, какъ нашъ былинный Соловей-разбойникъ, Рахматовичъ, Одихмантьевичъ, Рахментовичъ и проч. Этотъ персонажъ въ былинахъ старой записи дѣйствительно носитъ такое отчество. Такъ, въ одномъ изъ пересказовъ вышеразсмотрѣнной сказки краткой редакціи (въ сборникѣ Тихонравова № 222), Себежской (въ рукописи Сибѣской) царь говоритъ Ильѣ: есть у насъ, государь, прямая дорога къ стольному граду Кіеву на лѣса брынскіе, на грязи топучія, на мостъ на калиновой, на рѣчку Смородинку; только та дорога залегла 10-ть лѣтъ: ни единой человѣкъ не прохаживалъ и не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Соловья-разбойника *Будимеровича* [1]). Въ другомъ сказаніи объ Ильѣ, Михаилѣ Потокѣ и Алешѣ Поповичѣ, напечатанномъ Тихонравовымъ по рукописи его собранія (№ 361), мы читаемъ: Илія Муромецъ поѣхалъ на рѣку Смородину, на мосты калиновые; а та уже дорога залегла, ровно 30-ть лѣтъ отъ Соловья разбойника Мировича [2]). Итакъ мы можемъ заключить на основаніи свидѣтельства двухъ старинныхъ записей былинъ и письма Кмиты, что нѣкогда, въ XVI и XVII вѣкахъ, нашъ былинный Соловей носилъ отчество Будимировича, которое лишь впослѣдствіи было окончательно усвоено другому Соловью, пріѣзжему жениху Запавы Путятичны.

Далѣе нельзя не отмѣтить слѣдующаго совпаденія между письмомъ Кмиты и древнѣйшимъ пересказомъ повѣсти объ Ильѣ краткой редакціи. Въ послѣднемъ родной городъ Ильи названъ Моровъ и Муровъ, а самъ онъ называется Муровцемъ [3]). Кмита называетъ Илью Муравлениномъ, Лассота, писавшій черезъ 20-ть лѣтъ послѣ Кмиты, Моровлиномъ (Morowlin). Не предрѣшая труднаго вопроса о происхожденіи прозвища Ильи, мы можемъ изъ свидѣтельствъ Кмиты и Лассоты сдѣлать, по крайней мѣрѣ, тотъ выводъ, что въ XVI вѣкѣ въ Кіевѣ и въ бѣлорусскихъ областяхъ Илья назывался не Муромцемъ,

[1]) Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 10.
[2]) Тамъ же, стр. 40.
[3]) Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. I.

Digitized by Google

а Моровлиномъ, Муравлениномъ. Въ согласіи съ этимъ находится и тотъ фактъ, что Илья, освобождающій бѣлорусскій же городъ Себежъ, называется въ *древнѣйшемъ* пересказѣ краткой редакціи Муравцемъ, а не Муромцемъ. Мы выше отмѣтили, что въ томъ же сказаніи родиной Ильи еще не называется село Карачарово близъ города Мурома; и для объясненія отсутствія этого имени можемъ сдѣлать только предположеніе, что составитель этой краткой редакціи сказанія не зналъ пріуроченія Ильи къ селу Карачарову, которое либо произошло позже, либо не проникло въ нѣкоторыя области Россіи (въ Бѣлоруссію). Думаемъ, что и Кмита Чернобыльскій въ 1574 году не могъ себѣ представить Илью Муровленина родившимся въ *московскомъ* городѣ Муромѣ въ крестьянской семьѣ села Карачарова. Вспомнимъ, кто такой Кмита, и по какому поводу онъ припоминаетъ Илью. Кмита Чернобыльскій занималъ отвѣтственную и безпокойную должность старосты въ пограничномъ городѣ литовскаго княжества Оршѣ. Его обязанностью было узнавать о намѣреніяхъ Москвы, сообщенныя ему лазутчиками свѣдѣнія повѣрять и доносить о нихъ королю и во всякое время быть готовымъ отразить непріятельское нападеніе. Кмита, повидимому, съ честью занималъ этотъ боевой постъ, такъ какъ въ 1564 году разбилъ воеводу князя Оболенскаго, подступившаго подъ Оршу съ войскомъ изъ Вязьмы [1]). Въ письмѣ къ трокскому кастеляну 1574 года, Кмита жалуется на невниманіе къ нему короля на недоставленіе ему припасовъ, спрашиваетъ, не пріѣхать ли ему въ Вильну, называетъ себя несчастнымъ дворяниномъ, который „сгибъ въ нуждѣ" и „съ голоду сдохъ на сторожѣ". Тутъ-то онъ припоминаетъ Илью Муравленина: придетъ часъ, когда будетъ въ немъ (Ильѣ) надоба, придетъ часъ, когда понадобится и его (Кмиты) служба. Если такимъ образомъ староста Орши, подданный *польскаю* короля и врагъ московской Руси, сравниваетъ себя съ богатыремъ Ильею, который представлялся въ сказаніяхъ оберегателемъ отечества, вѣрнымъ, но иногда пренебрегаемымъ слугою кіевскаго князя, то едва ли Кмита зналъ Илью какъ крестьянскаго сына изъ города Мурома, принадлежавшаго ненавистной ему московской Руси. Кмита долженъ былъ считать его скорѣе своимъ роднымъ (то-есть русскимъ, а не московскимъ) богатыремъ.

Есть еще одна черта краткой редакціи сказанія объ Ильѣ, заслуживающая вниманія. Въ сказаніи не говорится о смерти Соловья Бу-

---

[1]) *Безъ-Корниловичъ*, названное сочиненіе, стр. 197.

Digitized by Google

димировича отъ руки Ильи, и свистъ Соловья не сопровождается непріятными послѣдствіями для князя. Хотя дальнѣйшая судьба Соловья въ сказаніи не уяснена, однако, по ходу разсказа нельзя предполагать, что Илья прикончитъ своего плѣнника. Сваливъ разбойника съ дуба, Илья хотѣлъ вырѣзать у него сердце, но смиловался, когда Соловей просилъ его отпустить ему душу на *покаяніе;* далѣе Илья также не имѣлъ основанія негодовать на Соловья, такъ какъ послѣдній не скрылъ своей золотой казны, велѣлъ своимъ сыновьямъ, выѣхавшимъ, чтобы его отбить, угостить Илью, объявилъ въ Кіевѣ, что слушается только своего господина Илью. Скорѣй можно предположить, что, видя покорность своего плѣнника, Илья отпуститъ его на извѣстныхъ условіяхъ. Такое окончаніе, дѣйствительно, встрѣчается въ нашемъ эпосѣ (въ былинѣ Ефименка № V) [1]) и согласимо съ нѣкоторыми чертами благодушія, съ которымъ Илья относится къ Соловью (угощеніе Соловья виномъ). Въ одной былинѣ Илья проситъ своего плѣнника помочь ему „выручить городъ Кряковъ изъ неволюшки“ [2]), и тотъ исполнилъ эту просьбу. Все это позволяетъ намъ предполагать, что въ сказаніяхъ о Соловьѣ-разбойникѣ въ старину извѣстна была и не трагическая для него развязка. Быть-можетъ, такая развязка даже древнѣе обычной: вспомнимъ, что личность, близко напоминающая Соловья, лѣтописный разбойникъ Могутъ, былъ пощаженъ княземъ Владимиромъ и искреннимъ покаяніемъ загладилъ свои преступленія. Извѣстіе Степенной книги о Могутѣ, пойманномъ хитростью и приведенномъ къ Владимиру, можетъ быть основано на народныхъ сказаніяхъ кіевскаго эпическаго цикла и представляетъ древнѣйшую версію того же сказанія, которое разработано въ былинахъ объ Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ.

Если мы предположимъ, что въ старинныхъ сказаніяхъ объ Ильѣ и Соловьѣ, ходившихъ въ юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ, Илья не убивалъ своего плѣнника при дворѣ Владимира за ослушаніе, но что въ нихъ Соловей (Будимировичъ) какъ-нибудь иначе кончалъ свою жизнь, напримѣръ, какъ разбойникъ Могутъ, то и сопоставленіе Ильи Муравленина съ Соловьемъ Будимировичемъ, сдѣланное Кмитой, не покажется намъ слишкомъ несообразнымъ. У насъ есть былина, въ которой Соловей разбойникъ *помогаетъ* Ильѣ освободить городъ Кряковъ, и оба богатыря названы добрыми молодцами. Если бы Кмита зналъ

---

[1]) См. Экскурсы, стр. 93.
[2]) Тамъ же, стр. 91.

Digitized by Google

подобное сказаніе и припомнилъ именно его, когда писалъ свое письмо, то онъ былъ бы до нѣкоторой степени правъ, сопоставивъ оба имени (bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza), такъ какъ въ данномъ случаѣ при освобожденіи Крякова (западнаго же города, какъ Себежъ), оба богатыря дѣйствовали солидарно. Но очень странно было бы предположить у Кмиты такой невѣроятный lapsus memoriae, что онъ въ качествѣ богатырей-помощниковъ ставитъ на одну доску Илью и убитаго Ильею Соловья. Вѣдь у всякаго, мало-мальски знакомаго съ русскимъ эпосомъ, имя Соловья-разбойника немедленно вызываетъ представленіе о томъ, какъ Илья, приведя его въ Кіевъ, убилъ его за губительный свистъ. Итакъ для нѣкотораго уясненія древнѣйшаго, доселѣ извѣстнаго, свидѣтельства о нашемъ эпосѣ, мы рѣшаемся предположить, что Кмита Чернобыльскій имѣлъ и объ Ильѣ и о Соловьѣ не совсѣмъ тѣ представленія, которыя имѣемъ мы въ настоящее время: Илья не былъ ему, вѣроятно, извѣстенъ, какъ крестьянскій сынъ изъ села Карачарова; Соловей не представлялся ему чудищемъ — не то человѣкомъ, не то птицей, — убитымъ Ильей за ослушанье при дворѣ кіевскаго князя. Такое представленіе Кмиты, какъ мы видѣли, не стоитъ въ противорѣчіи съ краткой редакціей сказанія объ Ильѣ Муравцѣ, существовавшей въ XVII вѣкѣ [1]) и, повидимому, говоритъ въ пользу относительной древности этой редакціи.

в) Къ былинѣ объ Ильѣ и невѣрной женѣ Святогора [2]). Въ статьѣ „Кавказско-русскія параллели" [3]) я указалъ въ кавказскихъ сказаніяхъ нѣкоторые мотивы, сходные съ тѣмъ, что наши былины разсказываютъ о женѣ Святогора и Ильѣ. Въ недавнее время была у ингушей записана г. Борусевичемъ одна сказка, въ которой находимъ, между прочимъ, мотивъ, напоминающій былинный разсказъ объ измѣнѣ Святогору его жены, носимой имъ на плечахъ въ хрустальномъ ларцѣ. Параллели къ этому мотиву уже раньше были указаны нашими изслѣдователями эпоса въ сказкахъ разныхъ народовъ, и приводимая ниже сказка, подтверждая еще разъ, что этотъ мотивъ зашелъ въ нашъ эпосъ изъ сказокъ, представляетъ лишь тотъ интересъ, что принадлежитъ къ многочисленнымъ кавказскимъ сказаніямъ о великанахъ, которыхъ вообще сильно напоминаетъ нашъ былинный Святогоръ.

[1]) См. Русскія былины старой и новой записи, I приложеніе, стр. 68.
[2]) Напечат. въ Этнографич. Обозрѣніи. Кн. XIII—XIV, 1892 г., стр. 115—118.
[3]) Экскурсы въ область русс. нар. эпоса. Приложеніе, стр. 7 и слѣд.

Digitized by Google

Какъ въ параллельной арабской сказкѣ „1001 ночи“ царевичи братья Шехербанъ и Шахсеванъ, убѣдившись въ невѣрности своихъ женъ, отправляются странствовать по бѣлу свѣту и испытываютъ то же приключеніе, которому подвергся Илья при встрѣчѣ съ женою Святогора, такъ въ ингушской сказкѣ князь, узнавъ отъ своего вѣрнаго узденя объ измѣнѣ своей жены, покидаетъ свой домъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ куда глаза глядятъ.

„...Ѣхали они, ѣхали цѣлый мѣсяцъ и заѣхали въ такое глухое мѣсто, что вокругъ на мѣсяцъ ѣзды не было ни одного аула, ни одного человѣка. Вотъ князь и говоритъ узденю: „Давай поселимся здѣсь“. Въ это время невдалекѣ увидѣли они одного человѣка, который пахалъ на 8-ми парахъ быковъ: самъ и быками управляетъ и плугъ держитъ да еще на спинѣ несетъ большой сундукъ. Вотъ князь и говоритъ: „Что за чудакъ такой! Мѣсто ровное, а онъ не поставитъ своего сундука и таскаетъ его на спинѣ. Давай подъѣдемъ къ нему и разспросимъ его, что онъ за человѣкъ“. Подъѣхали они къ пахарю, а тотъ сталъ распрягать своихъ быковъ. Князь и узденъ стали ему помогать распрягать. Пока они распрягали по одной парѣ, пахарь успѣлъ распрячь остальныхъ шесть паръ. Затѣмъ они сѣли закусывать, а пахарь все не снимаетъ сундука съ плечъ. Князь спрашиваетъ его, что у него такое въ сундукѣ, что онъ все время таскаетъ его на спинѣ, между тѣмъ какъ могъ бы поставить его. Пахарь сталъ разсказывать: „Жилъ я раньше въ аулѣ; женился, а жена и сошлась съ другимъ. Озлился я на жену за это, прогналъ ее и самъ пошелъ куда глаза глядятъ. Дорогой женился на другой, но чтобы она мнѣ не могла измѣнить, я сдѣлалъ вотъ этотъ ящикъ, посадилъ туда жену и сталъ носить на себѣ.“ Князя этотъ разсказъ заинтересовалъ, и онъ сталъ просить пахаря показать ему свою жену. Пахарь согласился и сталъ снимать сундукъ. Узденъ и князь хотѣли ему помочь, но онъ отъ помощи отказался: „Я привыкъ уже таскать одинъ; если вы сегодня поможете мнѣ, кто же мнѣ поможетъ завтра?“ Съ этими словами онъ снялъ сундукъ, поставилъ на землю и раскрылъ. Нужно было видѣть, какъ были всѣ озадачены, когда въ сундукѣ вмѣстѣ съ женой оказался молодой человѣкъ. Пахарь сталъ спрашивать жену: „Скажи, какъ ты ухитрилась и тутъ меня обмануть?“ Та отвѣчала: „Ты самъ оставилъ ящикъ въ полѣ въ одинъ жаркій день, когда быки побѣжали отъ оводовъ, и самъ погнался за ними. Мнѣ стало скучно, я вышла изъ ящика, вижу — идетъ молодой человѣкъ; я и пригласила его къ себѣ въ ящикъ, чтобы мнѣ не было такъ скучно. Съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ мы и живемъ вмѣстѣ въ ящикѣ". Пахарь вспомнилъ, что дѣйствительно довольно давно онъ погнался за быками, а ящикъ оставилъ среди поля. Обращается тогда пахарь къ князю и говоритъ: „Видишь, князь, я ли не караулилъ свою жену, а оказалось, что я двухъ носилъ въ ящикѣ вмѣсто одной жены". Тутъ обманутые мужья поняли, что сколько жену ни карауль, а все-таки ее не укараулишь, и порѣшили возвратиться къ прежнимъ своимъ женамъ.

Между приведенной ингушской сказкой и нашей былиной о Святогорѣ, его женѣ и Ильѣ Муромцѣ главное различіе заключается въ планѣ. Былина описываетъ, какъ во время сна Святогора его красавица-жена соблазнила Илью Муромца и затѣмъ засадила его къ мужу въ глубокъ карманъ (Рыбн. I, № 8); въ ингушской сказкѣ сама невѣрная жена уже post factum разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ она посадила молодого человѣка къ себѣ въ ящикъ. Но сходство обоихъ разсказовъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ довольно близко: въ обоихъ мужъ представляется обладающимъ громадной физической силой, въ обоихъ онъ носитъ на плечахъ ларецъ или сундукъ съ женою, въ обоихъ онъ оказывается носящимъ не только жену, но и ея любовника. Отмѣтимъ, что въ нашемъ былиннюмъ разсказѣ не объясняется, почему великанъ Святогоръ носитъ свою жену въ ларцѣ, между тѣмъ какъ ингушская сказка поясняетъ это, какъ мѣру предохранительную противъ измѣны со стороны жены, и такимъ образомъ странное ношеніе мужемъ жены въ ларцѣ получаетъ логическое объясненіе.

Но представляя любопытную параллель нашей былинѣ о Святогорѣ, ингушская сказка содержитъ въ изображеніи личности великана еще нѣкоторыя другія черты, которыя отчасти напоминаютъ былиннаго Микулу Селяниновича. Въ ней великанъ представленъ пахаремъ, обладающимъ непомѣрной силой: онъ *одинъ* управляетъ плугомъ, запряженнымъ 8-ю парами быковъ. Есть нѣкоторое сходство и въ ситуаціи Микулы и ингушскаго пахаря-исполина. Подобно тому, какъ вся дружина Вольги Святославовича (Рыбн. I, № 3) не можетъ поднять сошку кленовую Микулы Селяниновича, такъ ингушскій князь съ своимъ узденемъ, взявшись помочь пахарю распрячь быковъ, едва успѣли распрячь двѣ пары, когда онъ распрягъ уже остальныя шесть паръ; далѣе, подобно тому, какъ въ нашей былинѣ представлена встрѣча въ полѣ князя (Вольги) съ пахаремъ, такъ и въ ингушской сказкѣ къ пахарю подъѣзжаетъ князь, странствующій по бѣлу свѣту со своимъ узденемъ. Эти совпаденія заставляютъ предполагать, что въ русскомъ

Digitized by Google

и кавказскомъ разсказѣ мы имѣетъ отголоски какого-то, вѣроятно восточнаго, сказочнаго сюжета, который, быть-можетъ, уяснится впослѣдствіи въ своихъ другихъ деталяхъ. Въ ингушскомъ великанѣ, одновременно пашущемъ на 8 быкахъ и носящемъ ларецъ съ женою на плечахъ, нужно видѣть смѣшеніе двухъ личностей, изъ которыхъ одна напоминаетъ Микулу, другая Святогора. Это смѣшеніе становится яснымъ изъ того, что пахарь-великанъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ же сказаніяхъ, не имѣющихъ сюжетомъ невѣрность жены. Такъ, мингрельская сказка: „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти", записанная г. И. Цхакаіа [1]), разсказываетъ, что одинъ великанъ и силачъ Кажи, убѣгая отъ еще болѣе сильнаго Ндіи (лѣсного человѣка), увидѣлъ на полѣ „страннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго пахаря, который, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ буйволовъ, пахалъ землю. Кажи направился къ нему и, подойдя, попросилъ спасти его отъ Ндіи. Земледѣлецъ взялъ его съ катеромъ (муломъ) и положилъ въ сумку, изъ которой онъ доставалъ сѣмя для сѣянія въ полѣ". Очевидно, мингрельскій пахарь-великанъ сродни ингушскому, и оба напоминаютъ нашего Микулу Селяниновича. Вспомнимъ, что послѣдній носитъ въ своей сумкѣ тягу земную, которая оказалась не подъ силу Святогору.

г) Илья Муромецъ и Еруланъ Лазаревичъ [2]). Въ „Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса" (стр. 167—170) я привелъ нѣсколько примѣровъ вліянія сказки о Еруланѣ Лазаревичѣ на былины и сказки объ Ильѣ Муромцѣ, при чемъ коснулся этого вопроса мимоходомъ, безъ намѣренія его исчерпать. Отмѣчу здѣсь одну любопытную былину, представляющую яркій примѣръ смѣшенія обѣихъ личностей. Эта былина, записанная М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова и изданная Е. Барсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи" (стр. 22—29), представляетъ сводный, весьма спутанный пересказъ цѣлаго ряда похожденій Ильи Муромца. Сначала говорится о „розстани" съ тремя обычными надписями. Илья ѣдетъ по той дорогѣ, гдѣ ѣдущему угрожаетъ смерть, встрѣчаетъ 400 разбойниковъ и, побивъ ихъ, пріѣзжаетъ къ Одолищу поганому. Одолѣвъ и „растрепавъ" Одолище, онъ ѣдетъ въ какое-то царство „незнакомое" къ королю, который проситъ его быть защитникомъ его города.

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. X. Отд. III, стр. 32—35.

[2]) Напечатано въ Этнограф. Обозр., кн. XII, 1892 г.

Digitized by Google

Илья отказывается и ѣдетъ по направленію къ Кіеву. Слѣдуетъ встрѣча съ Соловьемъ Рахмановымъ, при чемъ послѣдній представленъ богатыремъ, встрѣчающимъ Илью на конѣ. Илья вышибаетъ Соловья изъ сѣдла, какъ Еруланъ сторожа Ивашку, привязываетъ его въ торока и ѣдетъ къ его двору. Богатыря встрѣчаютъ дочери Соловья и

«Проговорятъ богатырю да таково слово:
Умертвилъ ты нашего родителя!»
Проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
Знаешь ли ты, бо́льшая дочь Соловья Рахманаго?
Есть ли храбрѣе меня, воина Ильи Муромца,
А красивѣе тебя?»
Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:
Я твоей храбрости не вѣдаю,
Стара казака Ильи Муромца и сына Ивановича,
А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!
У меньшой сестры спрашиваетъ старый казакъ Илья Муромецъ:
Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня?»
Проговоритъ меньшая дочь Соловья Рахманова:
«Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая; брови у ней — черна соболя,
Очи у ней — ясна сокола,
По косицамъ у ней звѣзды частыя.
Раздумался старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву
Увидать-то мнѣ надо Солнышко-князя Владимира стольно-кіевскаго».

Былина оканчивается пріѣздомъ Ильи въ Кіевъ, при чемъ сказитель совсѣмъ уже позабылъ, что Илья привезъ туда Соловья разбойника. Кіевскіе богатыри встрѣчаютъ Илью привѣтствіемъ:

Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
Держимъ мы надежду на тебя да великую, —
Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ!»

Очевидно, содержаніе былины настолько спутано и стихъ настолько разложился, что она скорѣе представляется неудачной попыткой сказителя придать сказкѣ былинный складъ. Не представляя поэтому интереса, какъ былина, эта побывальщина любопытна въ другомъ отношеніи: она показываетъ, съ какою непринужденностью и легкомысліемъ иногда сказители, плохо помня детали былины, вводятъ въ разсказъ черты изъ запаса своей памяти по части сказокъ. Такъ, дочери Соловья-разбойника напомнили сказителю тѣхъ двухъ прекрасныхъ царевенъ, съ которыми встрѣчался Еруланъ по дорогѣ въ царство индѣйское. Вспомнимъ, что Еруланъ спрашиваетъ сначала одну ца-

Digitized by Google

ревну: „Есть ли на свѣтѣ васъ, царевенъ, краше, а меня, Еруслана, удалѣе?“ За ея отвѣтъ, что краше ихъ дочь индѣйскаго царя, а удалѣе Еруслана — сторожъ того же царя, Ивашка, Ерусланъ убиваетъ ее и съ тѣмъ же вопросомъ обращается къ ея сестрѣ. Та отвѣчаетъ ему, что дочь индѣйскаго царя краше ея, но удалѣе его, Еруслана, никого нѣтъ на свѣтѣ. За такой отвѣтъ Ерусланъ оставляетъ ее въ живыхъ и ѣдетъ въ индѣйское царство [1]), гдѣ женится на дочери индѣйскаго царя, избавивъ ее отъ змѣя. Такимъ образомъ въ сказкѣ отвѣтъ второй царевны служитъ завязкой дальнѣйшаго похожденія героя, между тѣмъ какъ въ былинѣ Щеголенкова отвѣтъ второй дочери Соловья не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: выслушавъ его, Илья вовсе не покушается, какъ Ерусланъ, отыскать красавицу подсолнечнаго града, а ѣдетъ въ Кіевъ къ князю Владиміру. Да и роль рыцаря, искателя красавицъ вовсе не идетъ старому казаку. Очевидно такимъ образомъ, что Щеголенковъ чисто механически перенесъ двѣ-три детали изъ сказки о Ерусланѣ въ былину объ Ильѣ, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько пристала Ильѣ роль Еруслана.

Другимъ еще болѣе яркимъ примѣромъ смѣшенія былинныхъ подвиговъ Ильи Муромца съ похожденіями Еруслана можетъ служить одна малорусская сказка объ Ильѣ *Муринѣ*, записанная еще въ 60-хъ годахъ гдѣ-то въ Волынской губерніи, но еще не изданная.

Илья, крестьянскій сынъ, сидѣлъ сиднемъ 45 лѣтъ. Странники — Господь, Петръ и Павелъ — просятъ его принести воды напиться. Узнавъ изъ его отвѣта, что онъ не можетъ ходить, Господь даетъ ему палку, опершись о которую Илья всталъ и приноситъ воды. По приказанію Господа, онъ самъ выпилъ воду и почуялъ такую силу, что перекинулъ трижды скалу во дворѣ и заявилъ, что если бъ былъ желѣзный столбъ въ землѣ, то, ухватившись за него, онъ перевернулъ бы землю. Повелѣвъ Ильѣ напиться снова, Господь убавилъ его силу, такъ что онъ перекинулъ скалу только два раза, а въ третій не смогъ. Странники ушли. Илья пошелъ въ поле къ родителямъ и понесъ имъ *барилку* съ питьемъ. Затѣмъ, пока родители завтракали, онъ накорчевалъ огромное пространство, вырывая дубы руками. По возвращеніи домой, онъ проситъ отца купить ему коня. Но купленный конь оказался негоденъ, такъ какъ упалъ на землю, когда Илья положилъ

---

[1]) «Экскурсы», стр. 155.

Digitized by Google

на него руку. Тогда Илья самъ пошелъ искать себѣ коня и по указанію табунщика поймалъ въ табунѣ плохого на видъ жеребца. Приведя его домой, онъ выхолилъ его, и конь сталъ богатырскимъ. Затѣмъ Илья проситъ отца заказать ему у кузнеца мечъ и копье. Оружіе было готово, но отецъ не могъ его принести, — такъ оно было тяжело: мечъ вѣсилъ 40 пудовъ, копье — 50. Принесши оружіе, Илья сѣлъ на коня безъ сѣдла и шлема и поѣхалъ. Въ одномъ лѣсу ему повстрѣчался одинъ человѣкъ, который сказалъ ему, чтобы онъ не ѣздилъ черезъ лѣсъ: тамъ богатырь Соловей свистомъ убиваетъ людей и вырываетъ дубы съ корнями. Илья все-таки ѣдетъ дальше и подъѣзжаетъ ко дворцу (палацу) Соловья. Отъ свиста Соловья конь Ильи споткнулся, но Илья обругалъ коня и ѣдетъ впередъ. Со страху Соловей свалился и пытался убѣжать, но Илья догналъ его, ранилъ копьемъ и привязалъ къ коню, затѣмъ сталъ разбивать 12 дверей его дворца. Во внутренней комнатѣ онъ нашелъ старуху и двухъ дочерей Соловья. Старуха предлагаетъ ему любую дочь въ жены. На это онъ сказалъ, что поѣдетъ по свѣту, и если не найдетъ дѣвушекъ красивѣе, то возьметъ одну изъ дочерей Соловья. Затѣмъ Илья ѣдетъ далѣе съ Соловьемъ и пріѣзжаетъ въ городъ къ одному великому купцу, который спрашиваетъ его, какой дорогой онъ ѣхалъ. Узнавъ, что Илья привезъ Соловья, купецъ проситъ его войти въ хату. Илья вошелъ, но его не выдерживаютъ полы и кресла. Выѣхавъ изъ города, Илья бросилъ Соловья и поѣхалъ дальше. Слѣдуетъ встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ и бой. Илья въ третьей стычкѣ опрокинулъ богатыря, но по его просьбѣ пощадилъ его: они побратались и поѣхали вмѣстѣ дальше. По дорогѣ встрѣчаютъ гробъ. Богатырь легъ въ гробъ, Илья 30 разъ ударилъ по крышкѣ копьемъ и на ней наросло 30 обручей. Затѣмъ Илья взялъ доспѣхъ богатыря и поѣхалъ дальше. Въ одной долинѣ онъ видитъ множество побитыхъ людей, а далѣе палатку, у которой стоитъ богатырскій конь. Муринъ вошелъ въ палатку, увидалъ тамъ спящаго богатыря, хотѣлъ его убить, но раздумалъ и самъ легъ спать около него. Незнакомый богатырь проснулся, хотѣлъ въ свою очередь убить спящаго Илью, но раздумалъ и подождалъ, пока Илья проснется. Затѣмъ богатыри вступили въ бой и послѣ третьей сшибки Илья разсѣкъ противнику голову. На дальнѣйшемъ пути Илья Муринъ въ одной долинѣ находитъ спящую панну и, позабавившись съ ней, говоритъ: „Есть ли гдѣ сильнѣе меня и краше тебя?“ Панна отвѣчаетъ, что въ такой-то странѣ есть дѣвица красивѣе ея, но ее стережетъ сильный богатырь. Илья убиваетъ спящаго сторожа, разби-

Digitized by Google

ваетъ 12 желѣзныхъ дверей въ домѣ красавицы и доходитъ до нея. Она обѣщается выйти за него замужъ, если онъ убьетъ 30 головаго змѣя. Илья велитъ принести себѣ пряжи и смолы, обвивается пряжей, обливается смолой и ѣдетъ биться со змѣемъ. Въ бою онъ отрубилъ змѣю 20 головъ, и тотъ попросилъ пощады, обѣщавъ Ильѣ драгоцѣнный камень, если онъ оставитъ ему 10 головъ. Илья садится на змѣя, спускается въ воду и достаетъ камень. Изъ него онъ сдѣлалъ себѣ перстень, а другую часть оставилъ для перстня своему будущему сыну отъ избавленной отъ змѣя красавицы. Покинувъ жену, онъ поѣхалъ дальше, пріѣхалъ на одинъ дворъ, гдѣ нашелъ 12 богатырей, караулившихъ красавицу. Илья добрался и до этой панны, которая была такъ хороша, что онъ остался у нея и забылъ жену. Между тѣмъ, у послѣдней родился богатырскій мальчикъ, который росъ не по днямъ, а по часамъ. Уже двухъ лѣтъ онъ не былъ слабѣе отца. Мальчикъ вооружается дѣдовскимъ оружіемъ, садится на дѣдовскаго коня и ѣдетъ отыскивать отца. Онъ подъѣзжаетъ къ городу, гдѣ жилъ Илья Муринъ. Тотъ выѣзжаетъ, встрѣчаетъ юнаго богатыря и вступаетъ съ нимъ въ бой. Ударомъ копья Илья сшибъ противника съ коня, хотѣлъ убить его, но замѣтилъ на его рукѣ перстень и спросилъ, кто его отецъ. Мальчикъ говоритъ, и отецъ признаетъ сына. Они живутъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Вотъ сыну приснилось, что какой-то богатырь выкололъ глаза его дѣду и бабкѣ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Отецъ съ сыномъ поѣхали. На дорогѣ имъ встрѣтился старый богатырь, и сынъ его убилъ. Слѣпой дѣдъ говоритъ, что для исцѣленія ему нужно помазать глаза сердцемъ одного богатыря-чародѣя. Илья отправляется искать того богатыря. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ исполинскую голову, вынимаетъ, съ ея согласія, изъ-подъ нея мечъ, которымъ однимъ можно убить того „неправеднаго“ богатыря, и узнаетъ отъ головы, что онъ долженъ этимъ мечомъ ударить врага однажды. Поѣхавъ дальше, онъ подъѣзжаетъ къ 12 богатырямъ, составлявшимъ дружину „неправеднаго“ богатыря. Они спросили его, пріѣхалъ ли онъ биться или мириться. Илья отвѣтилъ, что пріѣхалъ мириться, подошелъ къ главному богатырю, ударилъ его мечомъ и разсѣкъ надвое. Другіе богатыри крикнули ему: „Бей еще разъ“! Но Илья не повторилъ удара (а то неправедный богатырь ожилъ бы), вынулъ изъ него сердце и поѣхалъ обратно. Подъѣхавъ къ головѣ, онъ приставилъ ее къ туловищу, помазалъ сердцемъ „неправеднаго“ богатыря и такимъ образомъ воскресилъ великана. Затѣмъ онъ пріѣхалъ къ тюрьмѣ, помазалъ глаза отцу и матери и вернулъ имъ зрѣніе.

Digitized by Google

При бѣгломъ пересмотрѣ этой малорусской сказки объ Ильѣ Муринѣ не трудно убѣдиться, что большая часть ея содержанія взята изъ сказки о Ерусланѣ. Изъ обычныхъ сказокъ объ Ильѣ Муромцѣ взято только начало: исцѣленіе сорокалѣтняго сидня чудесными странниками, корчеваніе лѣса, пріобрѣтеніе жеребца, встрѣча съ Соловьемъ-разбойникомъ. Но все дальнѣйшее уже относится къ похожденіямъ Еруслана, этого искателя красавицъ, хотя въ эпизодѣ о встрѣчѣ Ильи съ однимъ богатыремъ, послѣ его выѣзда изъ дома великаго купца (соотвѣтствующаго былинному Владиміру), припутался извѣстный разсказъ о гробѣ Святогора. Конечно, и отдѣльные эпизоды сказки о Ерусланѣ являются въ малорусской сказкѣ въ значительно исковерканномъ и спутанномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, Ерусланъ возвращаетъ зрѣніе царю Картаусу и своему отцу Залазару, и притомъ этотъ подвигъ его принадлежитъ къ начальнымъ. Муринъ же исцѣляетъ только отца съ матерью, и этотъ подвигъ перенесенъ въ самый конецъ сказки. Во встрѣчѣ Мурина со спящимъ въ шатрѣ богатыремъ нетрудно узнать похожденіе Еруслана съ *русскимъ* богатыремъ князь Иваномъ, но Ерусланъ затѣмъ помогаетъ Ивану въ битвѣ съ Ѳеодуломъ змѣемъ и добываетъ ему дочь Ѳеодула, а въ малорусской сказкѣ Илья убиваетъ этого богатыря въ бою. Вмѣсто двухъ красавицъ-царевенъ, найденныхъ Ерусланомъ въ шатрѣ, въ сказкѣ упоминается *одна* панна. Сильно скомканы и дальнѣйшіе эпизоды: бой Еруслана со сторожемъ Ивашкой, со змѣемъ и съ сыномъ. Еще больше искажена встрѣча Еруслана съ исполинской головой (Росланея) и добываніе печени Зеленаго царя. Вообще окончаніе сказки разсказчикъ помнилъ гораздо хуже, чѣмъ начало.

Но при всѣхъ искаженіяхъ и сокращеніяхъ малорусская сказка все же представляетъ на нашъ взглядъ значительный интересъ, подтверждая болѣе, чѣмъ всѣ доселѣ извѣстныя сказки объ Ильѣ, какъ свободно въ народѣ на популярное имя Ильи Муромца переносились похожденія Еруслана Лазаревича.

б) Илья Муровичъ въ казацкой пѣснѣ. Въ небольшомъ сборничкѣ пѣсенъ, записанныхъ К. І. Борусевичемъ въ станицѣ Червленой (Кизлярскаго отдѣла Терской области) и доставленныхъ имъ въ Этнографическій отдѣлъ И. Общ. Любит. Естествознанія, я нашелъ приводимую ниже пѣсню, представляющую нѣкоторый интересъ для вопроса о прозвищѣ Ильи. Привожу эту пѣсню вполнѣ согласно съ записью г. Борусевича, который по поводу своихъ записей пѣсенъ замѣчаетъ

Digitized by Google

„При записываніи пѣсенъ мною исправляемы онѣ не были и записывались точно со словъ пѣвца, хотя въ иныхъ мѣстахъ и страдаютъ присутствіемъ безсмыслицы, неясностей и т. п.“

Не во славномъ было во городѣ,
Было въ Вавилоновичѣ,
Еще тамъ жила-то была
Красная дѣвушка,
Она дочь отецкая.
Еще пріѣзжалъ-то къ мому (sic),
Къ родному батюшкѣ,
Вотъ къ нему изъ горъ ли князь,
Къ родному батюшкѣ,
Вотъ паша — турецкій султанъ.
Вотъ еще во того-то она —
Красная дѣвушка —
Она влюбилася;
Еще на его красоту —
Красная дѣвушка —
Она прельстилася;
Еще прижила-то себѣ
Красная дѣвушка
Она молодова вьюноша
Еще какъ узналъ-то ея
Родной батюшка,
Сталъ ее журить да бранить.
А еще-то журить да бранить
Красную дѣвушку,
Ее со двора домой гонить:
«Еще ты сойди,
Красная дѣвушка,
Сойди съ моего со двора долой;
Еще ты снеси-ка, снеси,
Красная дѣвушка,
Снеси худу славушку».
Какъ взяла-то она —
Красная дѣвушка —
Она свово младова вьюноша,
Еще прижала-то она —
Красная дѣвушка —
Къ своему ретивому сердцу,
Облила его, красная дѣвушка,
Своими горячими-то ли слезами,
Еще какъ пошла то она —
Красная дѣвушка —
Она съ граду прочь долой.
Еще какъ ишла-то она
Красная дѣвушка —
Она все не стежечкою,
Еще что не стежечкой —
Красная дѣвушка —
Не дорожечкой,
Она все тропинкою,
Еще-то тропинкою —
Красная дѣвушка —
Она все звѣриною.
Еще какъ на встрѣчу ей —
Красной дѣвушкѣ —
Идетъ-то все старымъ ли старикъ, —
Красной дѣвицѣ —
Идетъ *Илья Муровичъ*:
«Еще ты далече идешь,
Красная дѣвушка,
Куда тебя Богъ-отъ несетъ?
Еще не тебѣ-то меня,
Красную дѣвушку,
Не тебѣ выспрашивать.
Еще не тебѣ меня,
Красную дѣвушку,
Меня изъ ума вывѣдывать.
Еще иду-то, иду я,
Красная дѣвушка,
Куда меня Богъ лучитъ.

Въ настоящее время пѣсня этимъ кончается, такъ что мы ничего не узнаемъ о послѣдствіяхъ встрѣчи красной дѣвушки съ „старымъ старикомъ“ Ильей Муровичемъ. Ни въ какихъ другихъ пѣсняхъ станицы Червленой, записанныхъ г. Борусевичемъ и г. Малявкинымъ [1]), не встрѣчается ни Илья Муровичъ, ни Муромецъ, хотя населеніе станицы, по словамъ г. Малявкина, имѣетъ довольно богатый пѣсенный

[1]) См. его статью „Станица Червленая“ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ кн. X стр. 59—67.

Digitized by Google

репертуаръ [1]) и хотя въ тетрадкѣ, присланной г. Борусевичемъ, мы находимъ нѣсколько старинныхъ историческихъ пѣсенъ. Станица Червленая — одна изъ древнѣйшихъ станицъ по Тереку, и сами жители считаютъ ее старше всѣхъ окружающихъ. Основное населеніе состоитъ изъ казаковъ-гребенцовъ, принадлежащихъ въ большинствѣ къ бѣглопоповскому толку, и сохранило нѣкоторые интересные старинные обряды, на которые указываетъ въ своей статьѣ г. Малявкинъ. Поэтому нужно думать, что имя Илья Муровичъ не позднѣйшее искаженіе изъ Ильи Муромца, но было принесено на берега Терека старинными поселенцами, великорусскими гребенскими казаками, основавшими станицу въ 1711 году [2]). При томъ и пѣсня, въ которой мы встрѣчаемся съ Муровичемъ, носитъ нѣкоторые признаки былиннаго склада. Мнѣ она представляется былиннымъ отрывкомъ, перешедшимъ въ разрядъ „женскихъ" пѣсенъ. Этотъ переходъ сказывается въ растянутости разсказа, въ безпрестанныхъ вставкахъ лишнихъ словъ въ родѣ „красная дѣвушка", „еще-то", „вотъ" и т. п., въ перемѣнѣ въ 6-мъ стихѣ мѣстоименія 3-го лица на 1-е (къ *моему* родному батюшкѣ); но при устраненіи подобныхъ позднѣйшихъ искаженій нетрудно возстановить пѣсню въ болѣе древнемъ былинномъ складѣ, напримѣръ, въ такомъ видѣ:

Во славномъ, во городѣ Вавилоновичѣ,
Жила-то была красна дѣвица,
Красна дѣвица — дочь отецкая и т. д.

Другое основаніе для предположенія, что имя Илья Муровичъ не было только случайно вставлено въ „женскую" пѣсню, а принадлежало ей въ ея болѣе древнемъ видѣ, я вижу въ томъ, что приведенная пѣсня напоминаетъ другую, впрочемъ, не менѣе искаженную, въ которой также рѣчь идетъ о встрѣчѣ ушедшей изъ дому дѣвицы съ Ильей Муромцемъ. Я имѣю въ виду весьма спутанную былину, записанную въ с. Языковѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирск. губ. и изданную въ Сборникѣ Кирѣевскаго [3]). Былина склеена изъ двухъ частей, которыхъ связь не ясна. Въ первой части разсказывается поѣздка Ильи Муромца „подъ матушку Софу рѣку", при чемъ богатырь

Наѣзжалъ въ чистомъ полѣ диковинку —
Разъѣздную походную красну дѣвицу.
Не доѣхавши, онъ остановится:
Охъ, ты гой еси, душа ли красна дѣвица!

---

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, стр. 69.

[3]) Вып. I-й, стр. 4 и слѣд.

Digitized by Google

Охъ, ты что една въ чистомъ полѣ казакуешь?
Какого ты роду, царскаго или барскаго
Или сильнаго роду княженецкаго?
Возговоритъ красна дѣвица:
Охъ, ты гой еси, старый казакъ Илья Муромецъ!
Я не царскаго роду и не барскаго,
И не сильнаго роду княженецкаго:
Я жила была у батюшки дочь гостиная,
Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
Отъ того Олеши Поповича,
Отъ насмѣшника-пересмѣшника.—
Возговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Охъ, ты гой еси, душа ли красна дѣвица!
Охъ, ты что мнѣ давно не сказалася?
Я бы съ Олешей перевѣдался!
Я бы снялъ съ Олеши буйну голову».

Вторая часть былины разсказываетъ о встрѣчѣ Ильи съ злымъ татарчонкомъ, который нападаетъ на Илью, спящаго въ шатрѣ. и кончается обычной расправой Ильи съ его коварнымъ сыномъ (Сокольникомъ. Сбутомъ. Борисомъ и др.). Встрѣча же Ильи съ красной дѣвицей не имѣетъ никакихъ послѣдствій и кончается однимъ разговоромъ.

Конечно, слишкомъ большой близости 1-я часть изложенной былины не представляетъ съ пѣснею станицы Червленой, но въ обѣихъ являются нѣкоторыя общія черты: въ обѣихъ представлена красная дѣвица, ушедшая изъ отцовскаго дома изъ-за мужчины (Алеши Поповича — турецкаго султана) и встрѣчающаяся съ Ильей (Муромцемъ — Муровичемъ). который ее разспрашиваетъ. Мы не станемъ черезъ подобное сопоставленіе пояснять одну пѣсню изъ другой; это значило бы пояснять obscurum per obscurius, такъ какъ обѣ въ достаточной степени загадочны; но не можемъ отрицать существованія какой-то связи между симбирской былиной и червленской пѣснею. Быть-можетъ, запись какихъ-нибудь новыхъ варіантовъ того же сюжета впослѣдствіи разъяснитъ эту загадочную встрѣчу Ильи съ красной дѣвицей и мы узнаемъ, какіе были результаты этой встрѣчи для стараго казака и для дѣвицы. Попытки къ уясненію личности „походной красной дѣвицы“ (симбирской былины) были сдѣланы акад. А. Н. Веселовскимъ [1]) и мною [2]). По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, она отвѣчаетъ Горынчанкѣ, или Горынинкѣ другихъ пересказовъ. а имя Алеши подставилось здѣсь по смѣшенію съ другимъ лицомъ. Я указалъ. хотя подъ сомнѣніемъ. на персидскую

[1]) Южно-русскія былины, III—XI, стр. 318.
[2]) Экскурсы въ область русск. народ. эпоса, стр. 129.

Digitized by Google

амазонку Гурдаферидъ, съ которой (въ Шахъ-намэ) встрѣчается полувраждебно, полулюбовно Сохрабъ. Но то и другое предположеніе въ настоящее время кажутся мнѣ еще болѣе сомнительными, именно въ виду приведенной червленской пѣсни, которая, повидимому, по сюжету приходится сродни симбирской, но не подтверждаетъ никакихъ „амазонскихъ“ свойствъ „походной красной дѣвицы“.

Какъ бы то ни было, не давая почти ничего для уясненія загадочнаго отрывочнаго сюжета встрѣчи Ильи съ дѣвицей, червленская пѣсня все же заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ еще разъ подтверждаетъ распространенность и старинность прозвища *Муровичъ* (срав. Muurovitsa въ финской сказкѣ, Муровецъ въ запискахъ Панкѣева, Muurovits у Луиса де-Кастильо, Муровѣцъ въ повѣсти объ Ильѣ по списку Императорской публичной библіотеки [1]), о которомъ въ послѣднее время накопилось въ нашей литературѣ по эпосу немало замѣтокъ и соображеній.

---

[1]) См. акад. Майкова — Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ, II. 1891, стр. 29 и 11, и Былины стар. и нов. записи I, 1—4.

Digitized by Google

Новыя записи былинъ въ Якутской области [1]).

Наблюденія, сдѣланныя мною надъ географическимъ распространеніемъ былинъ, приводятъ къ заключенію, что почти весь нашъ олонецкій репертуаръ былинъ, представленный въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, перешелъ въ Сибирь въ XVII, XVIII и XIX вв. вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ русскаго населенія на Сибирскую украину. О существованіи эпической традиціи въ западной Сибири въ XVIII в. мы можемъ судить по знаменитому сборнику, приписываемому Киршѣ Данилову. Былины, жившія еще въ *западной* Сибири въ устахъ отдѣльныхъ сибирскихъ поселенцевъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, дошли до насъ въ записяхъ Гуляева, кн. Кострова и Г. Н. Потанина. Гораздо скуднѣе наши свѣдѣнія о существованіи былинъ въ *восточной* Сибири, въ старинныхъ русскихъ казацкихъ поселеніяхъ. Нѣкоторыя данныя, позволяющія заключать, что и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ русское населеніе, занесенное судьбою на крайній сѣверъ, значительно измѣнившееся въ своемъ этнографическомъ типѣ и частью объякутившееся, все же сохранило кое-что изъ былого запаса эпическихъ пѣсенъ, появились сравнительно недавно. Въ 1890 году, Восточно-сибирскимъ отдѣломъ И. Р. Географическаго Общества былъ изданъ (въ Иркутскѣ) „Верхоянскій Сборникъ", содержащій якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ Якутской области покойнымъ этнографомъ И. А. Худяковымъ, который проживалъ (въ ссылкѣ) въ городкѣ Верхоянскѣ съ 1867 по 1875 годъ. Въ этомъ окружномъ городѣ, лежащемъ подъ 67° 34 сѣверной широты, состоящемъ изъ 2-хъ—3-хъ десятковъ деревянныхъ домишекъ и нѣсколькихъ десятковъ якутскихъ юртъ, Худяковъ нашелъ у якутовъ нѣсколько сказокъ, перешедшихъ къ нимъ отъ русскихъ поселенцевъ, нѣсколько старыхъ сказокъ у русскаго населенія, составляющаго меньшинство

[1]) Напечат. въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" кн. XXIX.

Digitized by Google

даже въ городѣ, и двѣ-три эпическія пѣсни. Въ числѣ послѣднихъ оказалась довольно обширная былина о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ [1]) и сильно скомканный, почти до неузнаваемости, варьянтъ былины, обыкновенно издаваемой подъ заглавіемъ «Наѣздъ Литовцевъ» [2]). Русскія сказки и названныя былины были записаны Худяковымъ отъ уроженца еще болѣе глухого, чѣмъ даже Верхоянскъ, русскаго поселка «Русское устье», лежащаго близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ. Вотъ въ какой глуши, благодаря полной почти изолированности отъ всякаго культурнаго движенія, еще хранится эпическая старина! Сильно объякутившись, занимаясь рыбной ловлей и охотой и ведя одинаковый образъ жизни съ туземнымъ, якутскимъ населеніемъ, русскіе колонисты не только сберегли кое-что изъ запаса родныхъ пѣсенъ и сказокъ, но передали нѣкоторыя изъ послѣднихъ якутамъ на ихъ родномъ языкѣ.

Понятно, что при скудости нашихъ свѣдѣній о пѣсняхъ и сказкахъ русскаго населенія Якутской области, всякій новый взносъ въ эту темную область долженъ вызвать интересъ въ русскомъ этнографѣ. Такою любопытной новинкой являются нѣсколько пѣсенныхъ записей, доставленныхъ недавно Этнографическому Отдѣлу г. Влад. Богоразомъ, членомъ сибиряковской экспедиціи, имѣющей цѣлью научное изслѣдованіе Якутской области. Издавая ниже изъ сборника г. Богораза *три* былины, записанныя имъ въ Средне-Колымскѣ, считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ предисловіе, предпосланное собирателемъ присланнымъ имъ матеріаламъ (содержащимъ всего 7 пѣсенъ).

«Былины о богатыряхъ, по мѣстному *старины*, на ряду со старинными пѣснями, сказками и многими старинными словами и оборотами рѣчи, до послѣдняго времени сохранялись въ памяти русскаго населенія на р. Колымѣ. По разсказамъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ, еще были живы люди, которые знали много старинъ отъ слова до слова. Дѣвки распѣвали ихъ на зимнихъ *вечоркахъ*, а парни на весеннихъ гулянкахъ во время ярмарки. Въ настоящее время старины почти совершенно утрачены изъ народной памяти, и отъ нихъ сохранились только нѣкоторые безпорядочные отрывки. Главной причиной этого является остутствіе особыхъ лицъ, которыя, подобно сказителямъ Олонецкаго края, спеціализировались бы на храненіи старинъ въ своей

---

[1]) Перепечатана въ «Былинахъ старой и новой записи» Тихонравова и Миллера. Отд. II, № 29.

[2]) Въ Верхоянскомъ сборникѣ эта былина носитъ названіе «Царь Елизаръ», стр. 307—310.

Digitized by Google

памяти и могли бы передавать ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Старины въ Колымскомъ краѣ составляли общее достояніе и, вообще говоря, не сказывались, а распѣвались на разнообразные пѣсенные голоса, подобно обыкновеннымъ пѣснямъ. Но даже колымскіе *«показатели»*, существовавшіе, по разсказамъ, въ старину, никогда не смотрѣли на храненіе старинъ, какъ на особо важное дѣло, и не заботились о передачѣ ихъ молодому поколѣнію. Помимо того, оспа, неоднократно опустошавшая населеніе края, каждый разъ уносила такую значительную часть стариковъ (какъ болѣе слабыхъ и немощныхъ элементовъ), что почти прерывала преемственную связь между поколѣніями. Благодаря опустошеніямъ, производимымъ оспою, терялись не только старины, но даже многіе ремесленные навыки, существовавшіе прежде. Наконецъ новыя «россійскія» пѣсни самаго разнообразнаго характера, во множествѣ заносимыя на Колыму ссыльными различныхъ категорій, издавна стали вытѣснять *старинную старину* и, отлагаясь рядомъ послѣдовательныхъ наслоеній, разрушили и наполовину погребли плоды исконнаго народнаго творчества, принесенные первыми казаками.

Содержаніе колымскихъ пѣсенъ дѣйствительно напоминаетъ рядъ геологическихъ наслоеній. Здѣсь можно встрѣтить обрывки «старины». Скопину пѣсню сначала XVII вѣка, пѣсни казачьяго и разбойничьяго цикла, пѣсню о Петрѣ Алексѣевичѣ, пѣсню временъ семилѣтней войны, пѣсню объ атаманѣ Платовѣ, старинные романсы 20, 30 и 40 годовъ, «Прощаніе Тамары» изъ Демона, малороссійскую думу, наполовину переведенную на мѣстное нарѣчіе, а наполовину просто исковерканную, арестантскую пѣсню новѣйшей формаціи и продуктъ фабрично-лакейскаго просвѣщенія, основаннаго на пѣсенникахъ и на заимствованіяхъ отъ господъ. Все это существуетъ большею частью въ самомъ искаженномъ видѣ, ибо слова и выраженія, непонятныя для убогихъ жителей полярнаго края, искажаются или переиначиваются на болѣе понятный ладъ. Окончаніе одной пѣсни приставляется къ другой, отрывокъ, уцѣлѣвшій въ памяти, заканчивается совершенно безсмысленнымъ наборомъ словъ мѣстнаго производства, безъ того, чтобы поющіе замѣчали какое-либо различіе между составными частями.

Прилагаемые при семъ старины записаны мною отъ мѣщанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, на заимкѣ Черноусовой, въ области Нижней Колымы, и дополнены отчасти варіантами, записанными отъ другихъ лицъ. Къ сожалѣнію, даже въ такомъ дополненномъ видѣ онѣ являются лишь скомканными и упрощенными варіантами старинъ,

Digitized by Google

очевидно существовавшихъ еще недавно въ гораздо болѣе полномъ видѣ».

Отмѣтимъ прежде всего въ этихъ интересныхъ замѣчаніяхъ г. Богораза о колымскихъ пѣсняхъ его наблюденіе, что такъ наз. былины носятъ у колымцевъ то же названіе *старинъ*, подъ которымъ онѣ извѣстны въ Олонецкой губерніи. Это вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною предположеніе, что названіе *былина* не народнаго, а литературнаго происхожденія и вошло въ нашу научную терминологію не раньше 60 годовъ. Естественно, что былевыя пѣсни, нерешедшія вмѣстѣ съ колонистами изъ Европейской Россіи въ Сибирь, сохранили свое прежнее названіе въ новыхъ мѣстахъ. Сообщаемъ теперь «старины», записанныя г. Богоразомъ.

I.

Старина про Михайла Данильевича [1]).

Что подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
Выступаетъ подратье великое,
Что подратье ли той силы незнамыя,
Что незнамыя силы неизсчетныя:
5. Еще сорокъ царей, братцы, царевичей,
Еще сорокъ королей, королевичей;
И подъ каждымъ царемъ, подъ царевичемъ,
Подъ каждымъ королемъ, королевичемъ,
Еще по три было тмы, по три тысячи.
10. Еще смѣтою сила ей и счета нѣтъ.
Какъ не видно отъ силы свѣтла мѣсяца,
Какъ не видно во силѣ красна солнышка.
Набольшимъ Титъ Фарафонтьевичъ:
Долиной онъ Титъ двадесять сажёнъ,
15. Шириною онъ Титъ во три сажени,
Голова его какъ пивной котелъ,
Ноги его, какъ два ясени,
Руки у Тита желѣзныя,
Персты-то, какъ копья булатныя.
20. Онъ и хвалится, похваляется:
«Стольный Кіевъ я градъ безъ щита возьму [2]),
Божіи церкви во огнѣ спалю,
Какъ дѣвицъ и вдовицъ всѣхъ на блудъ спущу,
Еще мелкую сошку повырублю,

[1]) Въ рукописи г. Богораза эта былина озаглавлена такъ: «Старина про Тита Фарафонтьевича».

[2]) Вмѣсто обычнаго въ былинахъ выраженія: «за щитомъ возьму».

Digitized by Google

25. Солнышка-Владимира во котлѣ сварю.[1])
Душеньку Евпраксію за себя возьму» [1]).
Тутъ и пали, перепали перенощички,
Перенощички пали, пересказнички.
Принесли они вѣсти ко Владимиру,
30. Что хвалится Титъ Фарафонтьевичъ:
Стольный Кіевъ градъ онъ безъ щита возьметъ,
Божія церкви всѣ въ огнѣ сожжетъ,
И дѣвицъ и вдовицъ всѣхъ на блудъ отдастъ,
Мелкую сошку повырубитъ,
35. Князя Владимира во котлѣ сваритъ,
Душеньку Евпраксію за себя возьметъ.
Закручинился тутъ солнышко-Владимиръ князь,
Собираетъ онъ славныхъ витязей,
Всѣхъ святорусскихъ могучихъ богатырей:
40. «Подступаетъ рать-сила великая,—
Кто заступитъ за вѣру христіанскую,
Что за мать Пресвятую Богородицу?»
Большой-отъ хоронится за средняго,
Средній хоронится за младшаго,
45. Отъ младшаго, братцы, и отвѣта нѣтъ.
Тутъ стояла та скамеечка дубовая,
На скамеечкѣ сидѣлъ Данила Игнатьевичъ:
«Ахъ ты гой еси, батюшка Владимиръ князь!
Теперь я, Данилушка, состарился,
50. А еще далече-далече во чистомъ полѣ,
Еще далѣе того за сине море,
Тутъ стояло то дубище кокроковище[2]);
У этого дубища одинъ отростель, —
У меня-то у Данилы есть единый сынъ,
55. Что по имени Мишенька Данильевичъ.
Кабы былъ-то мой Мишенька во пятнадцать лѣтъ,
Заступилъ бы за вѣру христіанскую.
А то отроду Мишенькѣ двѣнадцать лѣтъ,
Не можетъ онъ, Миша, на конѣ сидѣть,
60. Отъ вострой отъ сабли укрывается,
Отъ востраго копья онъ пужается!..»
Ну, поклонъ отдалъ, самъ и вонъ пошелъ,
Въ монастырь пошелъ Богу мóлитись.
Тутъ спроговорилъ нашъ солнышко-Владимиръ князь:
65. «Ахъ вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные,
Вы возьмите мою карету золоченую,
Поѣзжайте вы къ Мишенькѣ Данильевичу,
Помалешеньку къ окошечку подъѣдете,
Со молитвою въ окошечко постукайте.
70. Вы скажите Мишѣ: «Тея князь зоветъ!
Ужъ про что тебя зоветъ, про то не вѣдаемъ».
Подходили ко Мишѣ со молитвою,

[1]) *Вар.* Князя Тимоѳея въ полонъ возьму,
Молоду его княгиню за себя возьму.
[2]) Искажено изъ *кряковистое.*

Digitized by Google

Говорили Мишѣ: «Тея князь зоветъ!
А про что тебя зоветъ, про то не вѣдаемъ!»
75. И вставалъ-то мой Миша на рѣзвы ноженки,
Надѣвалъ онъ свою шубу черныхъ соболей,
Надѣвалъ свою шубу на одно плечо,
Надѣвалъ онъ свою шляпу на одно ухо,
Онъ садился во карету золоченую,
80. Пріѣзжаетъ онъ ко солнышку-Владимиру,
Входитъ онъ во свѣтлу гриденку,
Онъ крестъ кладетъ по-писанному,
Поклонъ отдаетъ по-ученому,
Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
85. А князю со княгиней по особицѣ.
Принимали-то Мишу съ честью, съ радостью;
Вставалъ-то тутъ солнышко-Владимиръ князь,
Подходилъ къ поставцу бѣлодубову,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
90. Зелена вина чару въ полтора ведра:
«Кто приметъ чару единой рукой,
Кто выпьетъ чару на единый духъ?
Кто заступитъ за вѣру христіанскую?»
Подходилъ-то Миша къ чарѣ зелена вина,
95. Принималъ тое чару единой рукой,
Выпивалъ тоё чару на единый духъ,
Самъ поклонъ отдалъ да и вонъ пошелъ.
Садился тутъ Миша на добра коня,
Подъѣзжаетъ онъ ко кельѣ новой рубленой,
100. Постучалъ онъ въ окошко со молитвою
Свому батюшкѣ Данилѣ Игнатьевичу:
«Дай ты мнѣ, батюшка, благословеньице:
Выѣзжаю во далече во чисто поле,
Заступаю за вѣру православную!»
105. И далъ ему батюшка благословеніе:
«Ты возьми съ собой крѣпку палицу,
Котора всѣхъ полегче — въ девяносто пудъ.
Ты поди, поди во конюшенку
И возьми ты коня поученѣй всѣхъ!»
110. Еще далъ ему наставленьице великое:
«Ты бейся, Миша, только трое сутки,
Со подъема солнца на закатъ солнца,
Со заката солнца на подъемъ солнца,
На четвертыя сутки воротись домой».
115. Воходилъ-то онъ, Миша, въ нову горенку,
Онъ палицу бралъ потяжелѣ всѣхъ,
Еще вѣсомъ она въ полтораста пудъ,
Проходилъ, братцы, Миша во конюшенку,
Онъ коня выбиралъ посердитѣй всѣхъ.
120. Воѣзжаетъ онъ во силу во невѣрную.
Тутъ спроговорилъ Титъ Фарафонтьевичъ:
«Что это за пташечка за малая?
Малая пташечка перелетыватъ,
Перелетыватъ пташечка, перепархиватъ».

Digitized by Google

125. Не сталъ онъ, Миша, разговоръ вести,
Зачалъ Миша битися-рубитися.
Первый день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
Не пиваючи Миша, не ѣдаючи,
130. Со добра коня Миша не вставаючи.
Второй день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
Не пиваючи Миша не ѣдаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
135. Третій день бился день до вечера,
Осеннюю темну ночку до бѣла свѣта,
Не пиваючи Миша, не ѣдаючи,
Со добра коня Миша не вставаючи.
Тутъ приходили ему бои несносные,
140. На четвертыя сутки Мишеньку поранили.
Поворачивалъ коня онъ круто-накруто,
Поскакалъ Миша въ стольный Кіевъ градъ,
Подъѣзжаетъ Миша къ своему двору.
Тутъ встрѣчаетъ его Данило Игнатьевичъ,
145. Сонималъ онъ Мишу со добра коня,
Положилъ его на лавочку дубовую,
Покрылъ его платомъ алымъ шелковымъ,
Самъ садился Данила на добра коня,
Взялъ онъ съ собой тяжку палицу,
150. Что вѣсомъ та палица въ полтретьяста пудъ,
И выѣхалъ въ силу во невѣрную.
Куда махнетъ, туда улица,
Перемахнетъ — съ переулочками.
Невѣрную силу въ корень вырубилъ,
155. Тита Фарафонтьича ко коню за хвостъ связалъ.
Пріѣзжаетъ Данилушка къ своему двору, —
Его Мишенька Данильевичъ представился.
Повернулъ онъ коня отъ нова крыльца,
Онъ поѣхалъ ко солнышку-Владиміру:
160. «А къ чему вамъ было малаго запаивати?
А къ чему вамъ было малаго подговаривати?»
Тутъ спроговорилъ солнышко-Владиміръ князь:
«Ахъ ты гой еси, Данилушка Игнатьевичъ!
А мы похороны справимъ княженецкія,
165. Созовемъ поповъ съ сорока церквей,
Сорокъ перваго владыку Софійскаго,
И честнаго отца Печережскаго;
Отпоемъ ему память вѣчную,
Еще тризну мы справимъ шестодневную,
170. Нищей братьѣ на угощеніе,
Честному міру на поминаніе»!

Приведенная былина представляетъ уже тотъ интересъ, что разсказываетъ о подвигѣ богатыря, сравнительно мало извѣстнаго совре-

Digitized by Google

меннымъ сказителямъ. О богатырѣ-двѣнадцатилѣткѣ до сихъ поръ мы имѣли только четыре былинныя записи, изъ которыхъ въ двухъ онъ, впрочемъ, носитъ имя Ивана Даниловича. Колымская старина отличается отъ всѣхъ раньше извѣстныхъ весьма существенно, какъ покажетъ дальнѣйшее сравненіе. Для большей наглядности будемъ сравнинать ее по частямъ съ прежними записями.

1. Вмѣсто обычнаго пира у князя Владимира былина открывается описаніемъ неизсчетной силы басурманской, подступившей къ Кіеву подъ предводительствомъ какого-то исполина Тита Фарафонтьевича, посылающаго обычныя эпическія угрозы князю. Князь вызываетъ охотника заступиться за вѣру христіанскую и за мать Пресвятую Богородицу. Послѣ обычнаго хороненія, отвѣтъ князю даетъ старый богатырь Данило Игнатьевичъ, который, указывая на свою старость и на дѣтскій возрастъ своего сына Михаила, затѣмъ уходитъ въ монастырь. Князь, надѣясь на силу богатырскаго мальчика — сына Данилы, посылаетъ за нимъ, угощаетъ его чарой зелена вина и подбиваетъ ѣхать биться съ басурманскою силою...

Запись *а*[1]) открывается пиромъ у Владимира въ Кіевѣ. Обычное хвастанье богатырей. Одинъ Данила Игнатьевичъ сидитъ закручинившись. Князь спрашиваетъ, почему онъ одинъ ничѣмъ не хвастаетъ. Данилю говоритъ о своей преклонной старости и проситъ отпустить его въ монастырь. На вопросъ князя, кто будетъ по его уходѣ защитникомъ Кіева, Данило указываетъ на своего сына, не говоря о его возрастѣ. По удаленіи Данилы въ монастырь, невѣрный царь подступаетъ къ Кіеву съ обычными угрозами и требованіемъ поединщика. Князь вызываетъ охотника. Откликается одинъ Михайло Даниловичъ 12-ти лѣтъ и собирается ѣхать противъ басурманскаго царя...

Запись *б*[2]) имѣетъ почти то же начало, съ тѣмъ отличіемъ, что вмѣсто Владимира въ Кіевѣ сидитъ царь Иванъ Васильевичъ, и что уходящій въ монастырь Данило Игнатьевичъ обѣщаетъ, что защитникомъ города будетъ его сынъ, но не теперь, такъ какъ ему только 9 лѣтъ, а тогда, когда ему минетъ двѣнадцать. Однако, какъ только по уходѣ Данилы подступили къ Кіеву орды невѣрныя, богатырскій сынъ, названный здѣсь Иваномъ, вызывается ѣхать съ ними биться, испиваетъ обычную чару и выѣзжаетъ...

Весьма плохой варіантъ *в*[3]) съ полуразрушеннымъ стихомъ откры-

---

[1]) Изъ Онеги, Арханг. губ. см. Кирѣевскій, вып. III, стр. 41—51.

[2]) Гильфердингъ № 192 (отъ сказителя Лисицына).

[3]) Изъ Симбир. губ. См. Кирѣевскій, вып. III, стр. 39—41.

Digitized by Google

вается краткимъ указаніемъ, что сильный могучій богатырь (неизвѣстнаго возраста) Данило Игнатьевичъ ушелъ въ монастырь. Затѣмъ къ Кіеву приступили орды невѣрныя. Къ расплакавшемуся Владиміру приходитъ двѣнадцатилѣтній Иванъ Даниловичъ и обѣщается биться съ басурманами. Все это разсказано очень кратко.

Наконецъ въ варіантѣ *д*, «Гисторіи о Кіевскомъ богатырѣ Михаилѣ сынѣ Даниловичѣ двѣнадцати лѣтъ», извѣстной въ записи XVIII вѣка [1]), разсказывается, что на пиръ Владиміра приходитъ гонецъ съ извѣстіемъ о приближеніи изъ Большой орды царя Бахмета Тавруевича съ огромною силою. Князь вызываетъ изъ богатырей охотника, который вынялъ бы изъ-подъ знаменя человѣка перваго, вѣдующаго думу царскую. Вызывается малолѣтній Михайло Даниловичъ. Князь указываетъ на его молодость, но Михайло рѣшается все-таки ѣхать... Объ уходѣ его отца въ монастырь былина не говоритъ, такъ что начало ея, повидимому, пострадало, несмотря на давность записи.

Сопоставленіе варіантовъ указываетъ на то, что въ основной редакціи въ разсмотрѣнной части былины были: а) уходъ стараго богатыря Данилы въ монастырь, б) приступъ къ Кіеву басурманской силы подъ предводительствомъ царя, котораго имя нельзя опредѣлить (Бахметъ, Ульянище, Титъ Фарафонтьевичъ) и в) вызовъ княземъ Владиміромъ охотника биться съ басурманами, при чемъ самъ вызывается малолѣтній сынъ Данилы. Колымская былина содержитъ всѣ эти факты, но *а* и *б* помѣнялись мѣстами.

Прежде чѣмъ пойти дальше, постараемся уяснить одинъ вопросъ, отъ котораго зависитъ, какъ увидимъ, оцѣнка достоинства колымской былины: оставлялъ ли, въ основной редакціи, уходящій въ монастырь старикъ Данила безусловно своимъ замѣстителемъ своего сына-малолѣтка или нѣтъ? Въ колымской былинѣ Данила, указывая на своего сына, говоритъ:

Кабы былъ то мой Мишенька въ пятнадцать лѣтъ,
Заступилъ бы за вѣру христіанскую,
А то отроду Мишенькѣ двѣнадцать лѣтъ,
Не можетъ онъ Миша на конѣ сидѣть и проч.

Въ варіантѣ *б* (Гильфердингъ, № 192) Данила также заявляетъ, что его сынъ раньше извѣстнаго возраста, котораго онъ не достигъ, не можетъ быть защитникомъ Кіева. Но въ варіантѣ *а* (Арханг. губ.) Данила безъ всякаго условія оставляетъ своимъ замѣстителемъ сына

[1]) Р. Былины старой и новой записи, изд. Тихонравова и Миллера, Отд. I, стр. 61—67.

Digitized by Google

Михаила. не говоря о его возрастѣ. Однако, изъ дальнѣйшаго видно, что это условіе просто позабыто сказителемъ, такъ какъ отецъ впослѣдствіи удерживаетъ сына, пришедшаго къ нему въ монастырь за благословеніемъ, и говоритъ, что онъ потеряетъ свою буйную голову. Также удерживаетъ сына старикъ-отецъ въ испорченномъ варіантѣ *в* (Симбир. губ.) и въ «Гисторіи» XVIII в., въ которыхъ вначалѣ вовсе не упоминается о томъ, что богатырь-малолѣтокъ оставленъ отцомъ своимъ замѣстителемъ. Въ послѣдней версіи, какъ мы видѣли, не сохранилось даже разсказа объ уходѣ Данилы въ монастырь. Изъ сопоставленія всѣхъ наличныхъ записей можемъ вывести, что колымскій варіантъ сохранилъ въ наибольшой чистотѣ черты первоначальной редакціи, въ которой уходящій въ монастырь отецъ объявлялъ своимъ замѣстителемъ сына только по достиженіи имъ извѣстнаго возраста (вѣроятно пятнадцати лѣтъ, года богатырскаго совершеннолѣтія).

Продолжаемъ сравненіе другой части былины. Михаилъ (въ колымской былинѣ) вмѣстѣ съ благословеніемъ отца получаетъ отъ него палицу, коня и наставленіе, при чемъ былина указываетъ на то. что по юношеской самонадѣянности сынъ, вопреки словамъ отца, взялъ палицу не въ 90, а въ 150 пудъ, коня самаго сердитаго, и такимъ образомъ нарушилъ наставленіе. Послѣ трехдневнаго боя Михайло получаетъ рану и скачетъ домой. Данило, положивъ тяжело раненаго на лавку, выѣзжаетъ, чтобы отомстить за него, вырубаетъ всю силу басурманскую и беретъ въ плѣнъ ея предводителя. Однако, по пріѣздѣ домой, онъ не застаетъ уже сына въ живыхъ и обращается съ упреками къ князю Владиміру, который въ утѣшеніе отцу заявляетъ, что справитъ торжественныя похороны его богатырскому сыну.

Вторая половина во всѣхъ прочихъ 4-хъ записяхъ значительно отличается отъ колымской, при чемъ, однако, эти записи несогласны во многомъ и между собой.

Въ вар. *а* Данило говоритъ, что не спустилъ бы сына въ чисто поле:

Теперь отроду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ:
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

Однако, когда сынъ отъѣхалъ, отецъ кричитъ ему вслѣдъ. чтобъ онъ подождалъ и получилъ полное благословенье. Затѣмъ указываетъ ему, какъ достать изъ подземелья богатырскаго коня, служившаго еще дѣду Михайлову, и богатырскую сбрую (т.-е. доспѣхи). Доставъ то и другое, Михайло рубится съ басурманами. Конь предупреждаетъ его о татарскихъ подкопахъ и говоритъ. что черезъ первые два по-

Digitized by Google

греба онъ перескочитъ, а черезъ третій не сможетъ перескочить. Михайло не слушаетъ коня и попадаетъ въ подкопъ. „Уланове поганые“ берутъ его въ плѣнъ, заковываютъ и ведутъ къ царю Уланищу. Михайло, укрѣпленный молитвой, разрываетъ путы и ослядью желѣзною избиваетъ татаръ. Затѣмъ къ нему прибѣгаетъ его конь, и Михайло отсѣкаетъ голову царищу Уланищу. На возвратномъ пути въ Кіевъ онъ встрѣчаетъ въ полѣ отца, который, принявъ сына за Уланища, грозилъ разсѣчь его клюкою. Послѣ опознанія старецъ возвращается въ монастырь, а Михайло въ Кіевъ, гдѣ Владимиръ дивится огромной головѣ царища Уланища и заводитъ пиръ.

Въ сильно скомканномъ вар. *в* (Симбир. губ.) разсказывается кратко, что Иванъ Даниловичъ, получивъ отъ отца благословенье, коня и сбрую богатырскую, выѣхалъ на силу басурманскую, но слетѣлъ съ разъярившагося коня, который поскакалъ къ его отцу въ монастырь. Почему богатырь упалъ съ коня — не объяснено, такъ какъ эпизодъ съ подкопами позабытъ. Затѣмъ Иванъ Даниловичъ пѣшій схватываетъ татарина и, махая имъ, избиваетъ всю силу басурманскую, послѣ чего ложится отдыхать въ шатрѣ. Между тѣмъ отецъ, узнавъ по прибѣжавшему коню о несчастьѣ сына, скачетъ въ поле и сшибаетъ стрѣлой шатеръ, гдѣ и открываетъ спящаго сына. Богатыри возвращаются въ Кіевъ, гдѣ князь Владимиръ встрѣчаетъ ихъ съ мѣстными образами.

Въ вар. *б* (Гильфердингъ № 192) Иванъ Даниловичъ, не доѣзжая до силы басурманской, ложится спать въ полѣ. Утромъ конь предупреждаетъ его о трехъ подкопахъ и говоритъ, что черезъ третій не перепрыгнетъ. Иванъ Даниловичъ не слушаетъ коня и попадаетъ въ подкопъ. Связанный путинками шелковыми и желѣзами нѣмецкими, онъ разрываетъ ихъ и татариномъ избиваетъ всю непріятельскую силу. Этимъ былина кончается, очевидно, позабывъ объ отцѣ Ивана Даниловича.

Наконецъ весьма значительно отъ всѣхъ прочихъ варіантовъ отличается запись XVIII в. былины о Михаилѣ двѣнадцатилѣткѣ. Бой Михайла съ силами Бахмета Таврусвича описанъ очень пространно: сначала онъ избиваетъ трехъ сильныхъ богатырей, братьевъ братовичей — а съ ними силы по три тысячи; затѣмъ семь князей ширскихъ, а съ ними силы по семи тысячъ, потомъ сорокъ царевичей съ ихъ силами. Басурманы просятъ у него перемирія на три дня; онъ соглашается и три дня спитъ въ шатрѣ безъ просыпу. Во время его сна непріятели изготовляютъ подкопы. Предупрежденія богатырю отъ коня нѣтъ. Михаилъ, ввалившись въ подкопъ, попадаетъ въ плѣнъ. Бахметъ предлагаетъ ему служить у себя. Михаилъ

Digitized by Google

съ презрѣніемъ отказывается. Когда его ведутъ на казнь, онъ разрываетъ желѣза и осью ордынской телѣги добиваетъ послѣднюю силу. Бахметъ проситъ пощадить его и отпустить въ Золотую орду. Михаилъ даетъ ему пощаду и возвращается въ Кіевъ. Роль отца Михаила въ этой былинѣ ограничивается наставленіемъ сыну, но зато былина не кончается, какъ прочія (кромѣ колымской), счастливымъ возвращеніемъ юнаго богатыря. По наговору, Владиміръ не повѣрилъ разсказу Михаила и засадилъ его въ погребъ. Посланный для повѣрки его разсказа Илья Муромецъ убѣдился въ справедливости его словъ. Михаила выводятъ изъ ямы, и князь хочетъ его наградить; но оскорбленный богатырь уѣзжаетъ изъ Кіева къ отцу въ монастырь съ цѣлью постричься въ монашескій чинъ.

Итакъ изъ сопоставленія всѣхъ доселѣ извѣстныхъ записей былины о Михаилѣ двѣнадцатилѣткѣ мы видимъ, что въ двухъ варіантахъ (арханг. и симбирскомъ) юный богатырь, совершивъ подвигъ, встрѣчаетъ почетъ у князя Владимира въ Кіевѣ; одинъ (Гильфердинга) ничего не знаетъ о возвращеніи богатыря къ царю Ивану Васильевичу, замѣняющему Владимира: въ одномъ Михайло засаживается Владиміромъ по наговору въ погребъ и затѣмъ, выпущенный, уходитъ навсегда изъ Кіева въ монастырь; въ одномъ (колымскомъ) также сходитъ со сцены вслѣдствіе полученной раны. Спрашивается, каковъ былъ исходъ въ первоначальной редакціи былины и какимъ являлся князь Владиміръ по отношенію къ Михаилу? Намъ кажется, что колымская былина сохранила вмѣстѣ съ записью XVIII вѣка черты бо̀льшей вѣрности основной редакціи, чѣмъ варіанты архангельскій и симбирскій, вѣрности въ томъ отношеніи, что въ обѣихъ кн. Владиміръ играетъ не совсѣмъ красивую роль. Въ колымской былинѣ онъ, вопреки предупрежденію Данилы, что его сынъ еще не доросъ до совершенія подвиговъ, вызываетъ Михаила къ себѣ и побуждаетъ ѣхать на басурмановъ. Поэтому, когда малолѣтній богатырь умеръ отъ раны, отецъ его упрекаетъ Владимира за опаиванье и подговариванье его сына. Въ «Гисторіи» Владиміръ засаживаетъ юнаго героя въ яму. Кончалась ли основная былина смертью Михаила, или удаленіемъ его въ монастырь, во всякомъ случаѣ юный богатырь въ ней сходилъ со сцены, и былина не исходила пиромъ, заданнымъ въ его честь княземъ. Удаленье Михаила подтверждается кіевскими легендами о Михайликѣ или Михалкѣ, разобранными акад. Веселовскимъ [1]) и мною [2]).

[1]) Южно-русскія былины I, стр. 1—9.

[2]) См. выше стр. 353—361.

Digitized by Google

Вспомнимъ, что по версіи этой легенды у Кулиша Михайликъ удаляется изъ Кіева въ Царьградъ, по версіи Трусевича уѣзжаетъ изъ города неизвѣстно куда, по версіи Драгоманова — за какія-то горы, — словомъ, всюду роль его ограничивается однимъ подвигомъ, по совершеніи котораго онъ исчезаетъ. Такимъ образомъ нужно думать, что былина о Михаилѣ перешла въ Сибирь въ редакціи болѣе близкой къ первоначальной и что современныя ея записи въ европейской Россіи являются результатомъ болѣе поздней ея переработки. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, и заключается главный интересъ колымской былины.

II.

Старина про Добрыню Микитьевича.

Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье осталося имѣніе,
Все имѣніе осталось малу дѣтищу,
А по имени Добрынюшкѣ Микитьевичу.
5. А не бѣлая береза землѣ клонится,
А не шелкова трава въ полѣ устилается,
Еще клонится родной сынъ передъ матерью:
«Еще дай ты мнѣ, матушка, благословеніе
Итти мнѣ стрѣлять гусей-лебедей,
10. Перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ!
Ну хоть дашь — пойду и не дашь—пойду .
Стала ему матушка наказывати:
— Ахъ Добрыня, ты Добрыня, ты Микитьевичъ,
Ахъ ты дѣтище мое ты любимое!
15. Ну захватятъ тебя зори Петровскія,
Еще тѣ же солнцопеки меженные,
Ну захочется помыться, покупатися,
А ты плавай, Добрыня, на перву струю,
А ты плавай, Добрынюшка, на втору струю,
20. Не доплавливай, Добрыня, на третью струю.
Еще третья та струя быстрымъ быстра,
Унесетъ тебя на море, море синее,
На синее море, море Греческо,
Донесетъ тебя ко камешку Алатыру,
25. Ко тому ко змѣинищу Горынищу. —
Захватили его зори Петровскія,
Еще тѣ же солнцопеки меженные;
Захотѣлося помыться, покупатися.
Плавалъ Добрыня на перву струю,
30. Плавалъ Добрыня на втору струю,
Со второй струи назадъ ворачивается.
Тутъ сказали его слуги вѣрные:
«А не честь твоя хвала молодецкая,

Digitized by Google

А не выслуга твоя богатырская,
35. Не доплылъ ты, Добрыня, на третью струю».
Доплывалъ Добрыня на третью струю.
А третья та струя быстрымъ быстра,
Унесла его усть моря, моря синяго,
Того ли синя моря, моря Греческаго,
40. Донесла его ко камешку Алатыру,
Ко тому ли ко змѣинищу Горынищу.
Вылеталъ-то тутъ змѣинище Горынище,
Вѣютъ крылья его гумажныя,
Звенятъ его хоботы желѣзные:
45. «Ахъ Добрыня, ты Добрыня, сынъ Микитьевичъ!
Святы отцы писали, прописалися,
И волшебники волшили проволшилися,
Будто мнѣ отъ Добрыни-то и смерть принять,
А теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ.
50. Еще хошь ли, Добрыня, хоботомъ схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огнѣ спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, цѣликомъ сглочу?»
А гораздъ-то былъ Добрыня по водѣ ходить,
Попередъ его нырнулъ, сзади вынырнулъ,
55. Выходилъ онъ Добрыня на крутой бережокъ.
Не случился у Добрыни его добрый конь,
Не случилась у Добрыни сабля вострая,
А случилась только шляпа бѣлоеломка.
Нагребалъ онъ въ тоё шляпу хрущата песка,
60. Еще той ли земли, земли греческой,
Ну стрѣлялъ онъ во змѣинища Горынища,
Отбивалъ онъ его хоботы желѣзные.
Обрывалъ онъ его крылья гумажныя,
Падалъ-то змѣинище на сыру землю.
65. Ретивъ былъ Добрынюшка Микитьевичъ,
Подбѣжалъ онъ ко змѣинищу Горынищу,
Вынималъ у него онъ булатный ножъ,
Распоролъ ему груди бѣлыя,
Отмахнулъ ему буйну голову,
70. Разрывалъ онъ змѣинища по мелкимъ частямъ,
Разбросалъ на всѣ четыре на стороны.
Пошелъ Добрынюшка по бережку;
Плывутъ мимо корабельщики:
«Ой вы гости, вы гости, корабельщики!
75. Увезите меня въ стольный Кіевъ градъ.
Довезите къ родимой моей матушкѣ!

Приведенная *старина* посвящена одному изъ наиболѣе популярныхъ эпизодовъ эпической біографіи Добрыни. и среди многочисленныхъ варіантовъ того жо сюжета не можетъ претендовать на выдающееся мѣсто. Разсказъ о боѣ Добрыни со змѣемъ Горыничемъ въ ней значительно упрощенъ и скомканъ. Въ другихъ варіантахъ это

Digitized by Google

похожденіе Добрыни разсказывается иногда въ нѣсколькихъ сотняхъ стиховъ. За первой стычкой Добрыни со змѣемъ слѣдуетъ уговоръ, заключаемый между бойцами: Добрыня пощадитъ змѣя на условіи, чтобъ онъ не леталъ на Русь, не похищалъ православный народъ въ свои пещеры. Затѣмъ Добрыня возращается къ матери и по пути видитъ, какъ змѣй летитъ, похитивъ княжескую племянницу Запаву Путятичну. Добрыня пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Князь возлагаетъ на него службу — добыть Запаву отъ змѣя. Добрыня ѣдетъ къ матери, которая даетъ ему наставленія. какъ биться со змѣемъ. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе второго боя со змѣемъ и возвращенія Добрыни съ Запавой. Колымская былина утратила большую часть этого содержанія, но все-таки сохранила нѣкоторыя, на нашъ взглядъ, интересныя черты старины. Такъ, европейскіе пересказы этого сюжета начинаются или просьбой Добрыни къ матери дать ему благословеніе на отъѣздъ, т. е. стихами:

А не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Клонится родной сынъ передъ матушкой и проч.

или наставленіемъ матери отъѣзжающему сыну, или описаніемъ сборовъ Добрыни въ чистое поле. Объ отцѣ его Никитѣ олонецкіе варіанты ничего не знаютъ. Колымскій же варіантъ запомнилъ, хотя не вполнѣ, кое-что о Никитѣ: начальные стихи, вѣроятно, говорили прежде о его смерти, послѣ чего уже слѣдовали стихи:

Оставалось у Микиты все житье-бытье и проч.

Любопытно. что память объ отцѣ Добрыни сохранилась только въ Сибири, въ одной обширной былинѣ, записанной С. Гуляевымъ въ Барнаулѣ [1]). Здѣсь подробно разсказывается о выѣздѣ богатыря Никиты Романовича изъ Рязани въ Кіевъ, о его пріѣздѣ къ князю Владимиру и просьбѣ. обращенной къ князю, отпустить его въ монастырь.

«Ой ты, гой еси, ласковый Владимиръ князь!
Ты давай мнѣ попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
Давай монаха и учителя —
При старости мнѣ душу спасти».
И проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
Гой еси ты, удалой добрый молодецъ,
Гой еси Никита сынъ Романогичъ!
На кого ты оставляешь стольный Кіевъ градъ?
На кого оставляешь меня, князя Владимира?»
Проговорилъ Никита, сынъ Романовичъ:
«Я надѣюся на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню на Никитича.

[1]) См. Русскія былины старой и новой записи—Тихонравова и Миллера, т. II, № 21.

Digitized by Google

Проговоритъ ласковый Владимиръ князь:
— Гой еси, Никита, сынъ Романовичъ!
Онъ малешенекъ ишшо и глупешенекъ,
Глупешенекъ — только трехъ годовъ. —
Онъ даетъ ему попа, отца духовнова,
Даетъ игумна и пострижника,
Даетъ монаха и учителя.
Немного Никита пожилъ — переставился;
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богачество,
Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амельфа Тимоѳеевна;
Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитьевичъ и проч.

Приведенное начало барнаульской былины представляетъ интересъ и для обѣихъ вышеразсмотрѣнныхъ колымскихъ былинъ. Очевидно, въ „старинахъ" о Добрынѣ, занесенныхъ въ XVII в. въ Сибирь, еще была какая-то память объ отцѣ Добрыни, и нѣкоторые сказители представляли его себѣ такимъ же уходящимъ въ монастырь богатыремъ, какъ Данило Игнатьевичъ. Вѣроятно, послѣдній и далъ краски для изображенія отца Добрыни. Такимъ образомъ барнаульская былина съ одной стороны подтверждаетъ извѣстность въ Сибири старины о Данилѣ Игнатьевичѣ и его сынѣ, записанной г. Богоразомъ, съ другой — даетъ нѣсколько стиховъ для возстановленія колымской же старины о Добрынѣ. Изъ другихъ подробностей послѣдней можетъ быть отмѣчено названіе синяго моря *Греческимъ* (ст. 23), названіе, кажется, не встрѣчающееся въ другихъ былинахъ. Можетъ-быть, въ этомъ слѣдуетъ видѣть случайно сохранившуюся черту древней редакціи. Своеобразно также окончаніе былины — просьба, обращенная Добрыней къ корабельщикамъ отвезти его къ матушкѣ въ Кіевъ.

III.

Старина про Алешу Поповича.

Что изъ города изъ Чернигова
Выѣзжаетъ Алеша Поповичъ младъ;
За Алешою Акимъ, слуга-паробокъ,
И поѣхали ко стольному они Кіеву.
5. Что во Кіевѣ бѣда тамъ случилася:
Покорился Кіевъ Тугарину Змѣевичу,
Поклонился Тугарину поганому.
Садился Тугаринъ въ оголовь стола,
Овладалъ онъ у Владимира Евпраксіею,
10. Не неволей ее взялъ, а охотою;

Digitized by Google

Опоганилъ онъ церкви православныя,
Осмердилъ дѣвицъ, молодыхъ вдовицъ,
Истопталъ онъ конемъ всѣхъ малыхъ дѣтей,
Поплѣнилъ Тугаринъ всѣхъ купцовъ, гостей...
15. Пріѣзжаетъ Алеша въ стольный Кіевъ градъ,
Входитъ Алеша во свѣтлу гриню:
Онъ крестъ кладетъ по-ученому,
Онъ поклонъ отдаетъ по-писанному,
Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
20. А князю со княгиней на особицѣ.
Принимали Алешеньку съ честью-радостью.
Тутъ спроговорилъ солнышко Владимиръ князь:
«Ахъ Алешенька, Алеша, ты Поповичъ младъ!
Первое тебѣ мѣстице переднее,
25. А второе тебѣ мѣстице подлѣ меня,
А третье мѣсто гдѣ вы хочете».
Говоритъ тутъ Алешенька Поповичъ младъ:
— Мое мѣстице за печкою! —
Собираются къ столу хлѣба кушати.
30. И приходитъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
И садится Тугаринъ въ оголовь стола,
А по право-то княгиня Евпраксія,
А по лѣво-то Владимиръ красно-солнышко.
Поднесли ему лебедь бѣлую,
35. Онъ хватилъ ее цѣликомъ сглотилъ.
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ахъ Якимъ, ты Якимъ, слуга-паробокъ!
Какъ у нашего попа, свѣта батюшки,
У Семена у свѣта, у Ростовскаго,
40. Была-то собака обжорчивая:
По сметьямъ [1]) собака волочилася,
Костью собака подавилася,
Отъ того ей смерть случилася.
Тугарину Змѣевичу ту же смерть принять».
45. Принесли тутъ кашицу ведерную,
Тугаринъ схватилъ, сразу выхлебнулъ.
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ахъ Якимъ, ты Якимъ, слуга-паробокъ!
Ты помнишь ли, Акимъ, памятуешь,
50. Какъ у нашего попа-батюшки,
Какъ у Семена свѣта Ростовскаго
Была корова обжорчивая.
Она кашей-бардой охлебалася,
Отъ того-то и смерть ей случилася.
55. Тугарину Змѣевичу ту же смерть принять».
Тугарину эти рѣчи не взлюбилися,
Вынималъ онъ ножище-чингалище,
Стрѣлялъ онъ Алешѣ во бѣлы груди.
Не допустилъ тутъ Акимъ слуга-паробокъ
60. На полетѣ поймалъ онъ кинжалище:

[1]) Соръ, пыль и все, что выметается изъ избы.

Digitized by Google

«Ахъ хозяинъ, ты хозяинъ, ты мой ласковый!
Какъ дары эти прикажешь ты
Иль назадъ отдарить иль себѣ сохранить?»
— Не стрѣляй ты во Тугарина Змѣевича,
65. Не скьерни ты палаты княженецкія
Его кровію собачьею!
Заутра я съ нимъ, собакой, перевѣдаюсь,
Перевѣдаюсь съ Тугариномъ во чистомъ полѣ.—
На зарѣ утромъ ранешенько
70. Пріѣзжаетъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ты спишь ли, Тугаринъ, или такъ лежишь?
Не докуда тебѣ спать, пора въ поле выѣзжать!»
Вылетаетъ Тугаринъ изъ нова терема,
Вылетаетъ изъ княгининой изъ спаленки,
75. Изъ того ли изъ окошка изъ косящата.
Вѣютъ крылья его гумажныя,
Звенятъ его хоботы желѣзные,
Изъ ноздрей его какъ бы дымъ валитъ,
Изо рта его какъ огонь палитъ.
80. Налетѣлъ онъ на Алешеньку Поповича:
«А-ха-ха, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
Святы отцы писали прописалися,
И волшебницы большіе [1]) проволшилися,
Будто мнѣ отъ Алешеньки и смерть принять.
85. А теперь Алеша во моихъ рукахъ;
Что хочу надъ Алешей, то и сдѣлаю!»
Тутъ взмолился Алешенька Поповичъ младъ:
Ахъ ты Мать Пресвятая Богородица!
Ты нашли, нашли тучу грозную,
90. Тучу грозную со крупнымъ дождемъ!»
Не откуль-то взялась туча грозная,
Туча грозная со крупнымъ дождемъ,
Подмочила Тугарину крылья гумажныя.
95. Тутъ хваталъ-то Алеша саблю вострую,
Срубилъ онъ Тугарину буйну голову,
Распоролъ онъ ему бѣлу грудь.
Вынималъ его ретиво сердце,
Буйну голову поставилъ на востро копье,
100. Натыкалъ его сердце на кинжалище
И поѣхалъ назадъ въ стольный Кіевъ градъ,
И поѣхалъ ко княжему онъ терему.
На крыльцѣ тутъ стоялъ Акимъ парубокъ:
105. «Еще знатно молодца по поѣздочкѣ!
Ѣдетъ-то Алеша Поповичъ младъ
И везетъ онъ голову Тугарина,
Везетъ его голову на остромъ копьѣ!»
Говоритъ тутъ княгиня Евпраксія:
110. «Еще знатно сокола по полеточкѣ!
Что летитъ-то Тугаринъ Змѣевичъ младъ
И несетъ онъ голову Алешину

---

[1]) Читай: волшили. Примѣч. г. Богораза.

Digitized by Google

И несетъ его голову на востромъ копьѣ .
Подъѣзжаетъ тутъ Алеша Поповичъ младъ,
115. Бросилъ голову объ сыру землю.
Говоритъ княгиня Евпраксія:
«Еще то, братцы, бывать — и свинья гуся съѣдать!»
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ахъ кабы ты не княгиня была Евпраксія,
120. Я назвалъ бы тебя сукой б . . . . . волочажною:
Волочилася ты подъ Тугариномъ Змѣевичемъ!»

Прежде всего по поводу приведенной былины считаю нужнымъ отмѣтить интересный фактъ въ исторіи распространенія былинныхъ сюжетовъ: Алеша Поповичъ, какъ могучій богатырь, побѣдитель Тугарина Змѣевича, болѣе извѣстенъ въ сибирскихъ, чѣмъ въ олонецкихъ былинахъ. Бой Алеши съ Тугариномъ въ такомъ полномъ пересказѣ, какой представляетъ колымская былина и другія сибирскія, о которыхъ скажемъ ниже, не былъ отмѣченъ въ репертуарѣ лучшихъ олонецкихъ сказителей: Рябинина, Калинина, Щеголенка, Касьянова, Романова, Сорокина и др., хотя другія былины о томъ же богатырѣ, въ которыхъ роль его представляется очень некрасивой, оказались хорошо извѣстными въ очагѣ нашей эпической традиціи. Изъ олонецкихъ сказителей, извѣстныхъ Рыбникову и Гильфердингу, кое-что о боѣ Алеши съ Тугариномъ помнили только Чуковъ (Бутылка, [1]) и Іевлевъ [2]). Но достаточно просмотрѣть эти краткія и крайне скомканныя былины, чтобъ убѣдиться, какъ слаба память объ Алешѣ-змѣеборцѣ въ Олонецкой губерніи. Вмѣсто извѣстнаго сибирскимъ записямъ выѣзда Алеши съ его слугою Екимомъ (Акимомъ) въ Кіевъ, Бутылка началъ свою былину разсказомъ о томъ, что князь Владиміръ зазвалъ къ себѣ на пиръ объявившагося въ Кіевѣ Тугарина, который обжирался на пиру. Алеша иронизируетъ надъ объѣдалой и опивалой. Тугаринъ пускаетъ въ Алешу ножомъ, который на лету подхватываетъ его паробокъ Акимъ и спрашиваетъ Алешу:

«Ахъ же ты ей, Алешенька Левонтьевичъ!
Самъ ли ты пойдешь, али меня пошлешь
Съ Тугариномъ супротивиться?»
Говорилъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Не куда уйдетъ гагара безногая. —
Уѣзжалъ Тугаринъ во чисто поле.
Ко тому же времени на другой день
Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
И убилъ Тугарина Змѣевича.

[1]) См. Рыбниковъ, III, № 21.
[2]) Гильфердингъ, № 99.

Digitized by Google

Этимъ былина кончается: сказитель не помнилъ никакихъ деталей боя и роли Опраксы, которая даже не упоминается. Вмѣсто обычнаго для олонецкихъ сказителей обширнаго объема былина сведена къ 50 стихамъ, а между тѣмъ отъ того же сказителя Рыбниковымъ (и другими) было записано нѣсколько пространныхъ и цѣнныхъ былинъ другихъ сюжетовъ.

Былина Іевлева (такого же размѣра, какъ предшествующая) начинается прямо съ встрѣчи Алеши съ Тугариномъ невѣрнымъ на полѣ. Алеша ѣдетъ, а Тугаринъ летитъ подъ облакомъ. Алеша молится о дождѣ. По его моленію омочило у Тугарина бумажныя крылья, онъ палъ на землю и послѣ короткаго боя убитъ Алешей, который отрѣзалъ ему затѣмъ голову. Привязавъ голову къ стремени, онъ, подъѣзжая къ Кіеву, кричитъ какимъ-то бабамъ-портомойницамъ:

«Ай же вы бабы-портомойницы!
Я привезъ-то вамъ буцище со чиста поля, —
Вы хоть платье мойте, а хоть зо́лу варите,
Хоть всѣмъ городомъ с . . . . ходите».

О помощникѣ Алеши Екимѣ и объ отношеніи Опраксы къ Тугарину былина не помнитъ. Тугаринъ даже не представленъ въ Кіевѣ на пиру у князя Владимира.

Если отъ олонецкихъ былинъ мы перейдемъ къ сибирскимъ о томъ же сюжетѣ, то немедленно увидимъ, что онѣ даютъ, въ 5-ти извѣстныхъ намъ записяхъ, возможность довольно детально возстановить первоначальную редакцію этой полузабытой въ европейской Россіи былины. Кромѣ давно извѣстной былины Кирши Данилова (№ 19), за послѣднія десятилѣтія появились въ печати 3 сибирскія записи: С. И. Гуляева (Сузунскій заводъ), И. А. Худякова (Верхоянскій округъ, Якутской области) и Г. Н. Потанина (Бухтарма, въ юго-западной части Томской губ.)[1]). Ближе всего къ колымской подходитъ былина, записанная также въ Якутской области, въ Верхоянскомъ округѣ, въ сел. *Русское устье*, лежащемъ близъ впаденія рѣки Индигирки въ Ледовитый океанъ. Это до сихъ поръ единственная былина, записанная (еще въ 60-хъ годахъ) покойнымъ Худяковымъ въ этихъ поселеніяхъ на крайнихъ предѣлахъ сѣвера Сибири. Замѣтимъ, что и г. Богоразъ въ концѣ своего предисловія къ присланнымъ имъ пѣснямъ упоминаетъ о существованіи былинъ въ этихъ поселеніяхъ: «Сколько

[1]) См. Русскія былины старой и новой записи. Отд. II, № 29, 30 и прилож. стр. 282 и слѣд.

Digitized by Google

мнѣ извѣстно, говоритъ онъ, обрывки старинъ и остатки старинныхъ пѣсенъ поются также на *Русскомъ устьѣ* (устье р. Индигирки), въ Анадырскѣ и въ другихъ старинныхъ казачьихъ поселеніяхъ полярныхъ окраинъ восточной Сибири».

Якутская былина Худякова подробнѣе сохранила начало, чѣмъ колымская. Въ ней, какъ у Кирши Данилова и Гуляева, выѣзжающіе богатыри Алеша и Екимъ встрѣчаютъ камень съ надписью о трехъ дорогахъ и рѣшаютъ ѣхать къ князю Владиміру. Но зато былина уже не помнитъ о городѣ Кіевѣ, и неизвѣстно, гдѣ пребываетъ упоминаемый въ ней солнышко Владиміръ. Въ дальнѣйшемъ колымская осталась вѣрнѣе основной редакціи. Худяковская забыла и собственное имя Владимировой жены. Затѣмъ бой Алеши съ Тугариномъ разсказанъ въ ней довольно близко къ колымскому варіанту, но послѣдній живописнѣе въ подробностяхъ. Въ окончаніи больше различій: въ колымской Алеша на негодующія слова Евпраксіи («Еще то, братцы, бывать — и свинья гуся съѣдать!») обзываетъ ее грубыми словами; въ Худяковской онъ ругаетъ не только Владимирову жену, но и его самого. Когда пріѣхавшему съ головой Тугарина Владиміръ предлагаетъ 3 мѣста на выборъ, богатырь на любезность отвѣчаетъ грубостью:

«Какъ былъ бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвалъ тебя я бы прямо сводникомъ,
Какъ бы не тетушка была бы, назвалъ курвой б....ю!

Варіантъ, записанный въ Томской губерніи на Сузунскомъ заводѣ Гуляевымъ, также нѣсколько подробнѣе вначалѣ, чѣмъ колымскій. Выѣздъ Алеши съ Екимомъ, выборъ дороги, пріѣздъ въ Кіевъ къ князю Владиміру, пріемъ, оказанный богатырямъ, предложеніе мѣста на выборъ — все это разсказано довольно пространно. Далѣе встрѣчается эпизодъ, отсутствующій въ другихъ сибирскихъ записяхъ, кромѣ прозаическаго пересказа г. Потанина, слышавшаго былину въ предѣлахъ той же губерніи. Получивъ позволеніе сѣсть куда хотятъ, Екимъ говоритъ Алешѣ:

— Няси ко ты, Алешенька Поповичъ младъ,
То ковришко волокитное. —
Ковришку Владиміръ князь удивился:
«Хорошо-де ваше ковришко волокитное.
Краснымъ золотомъ оно было вышивано,
Въ углахъ то было вшивано
По дорогу камню самоцвѣтному:
Отъ его отъ пацыря (?) какъ лучъ стоитъ,
Какъ лучъ стоитъ отъ красна солнышка.

Digitized by Google

«Стели-ко его за пешной за столъ .
И садятся они съ Екимомъ за пешной за столъ [1]).

Сохранивъ въ этомъ эпизодѣ, повидимому, деталь, принадлежавшую основной редакціи, гуляевскій варіантъ далѣе спуталъ роль Екима и Алеши, т.-е. заставилъ ихъ помѣняться ролями. Екимъ трунитъ надъ Тугариномъ, вызываетъ его на бой, приказываетъ Алешѣ бѣжать къ нему на выручку, если не вернется съ боя черезъ два часа. Бой описанъ обычными чертами. Но когда Екимъ срубилъ Тугарину голову, прошло два часа, и Алеша, согласно приказа, явился на выручку. Не признавъ Екима второпяхъ,

Сбѣгался онъ съ Екимомъ на встрѣчу
И билъ его палицей боевой
И сшибъ со добра коня,
Протыкалъ ему грудь бѣлую
Копьемъ мурзомецкимъ,
И угодилъ въ крестъ чувственный.
Соскочилъ Алеша со добра коня,
Бралъ его на руки бѣлыя,
Садилъ въ сѣдло черкатское.

Затѣмъ богатыри ѣдутъ въ Кіевъ и отказываются отъ хлѣбосольства Владимира, говоря ему:

«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
На отъѣздѣ не учествовати».

Укоровъ Опраксѣ нѣтъ, потому что былина не упоминаетъ объ ея отношеніяхъ къ Тугарину. Не зная Опраксы и спутывая роль Екима и Алеши, гуляевскій варіантъ, несмотря на большую полноту вначалѣ, значительно по достоинству уступаетъ колымскому.

Сличеніе всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше записей даетъ намъ возможность разъяснить ту путаницу, которую представляетъ всѣмъ давно извѣстная обширная былина Кирши Данилова съ ея двойнымъ боемъ Алеши съ Тугариномъ. Разсмотримъ ея содержаніе. отмѣчая, какимъ процессомъ складывались ея части.

Открывается она выѣздомъ могучихъ богатырей, Алеши Поповича и Екима Ивановича, изъ *Ростова*, сохранивъ въ указаніи города черту глубокой старины, утраченную или искаженную прочими записями. Ростовское происхожденіе Алеши, точнѣе Александра Поповича, можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ. Богатыри встрѣчаютъ камень съ надписью о трехъ дорогахъ и рѣшаютъ ѣхать въ Кіевъ. Не доѣхавъ до Сафатъ рѣки, богатыри ночуютъ въ шатрѣ. Утромъ имъ

[1]) Р. был. старой и новой записи, II, стр. 95.

Digitized by Google

встрѣчается калика въ обычной роскошной одеждѣ и заявляетъ, что видѣлъ Тугарина Змѣевича:

Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ, какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ.

Алеша мѣняется съ каликой одеждой, беретъ съ собой его шелепугу въ 50 пудовъ и наѣзжаетъ на Тугарина. Тотъ спрашиваетъ, принимая его за калику, не видалъ ли онъ Алешу, и грозится при встрѣчѣ Алешу съ копьемъ заколоть и огнемъ спалить. Переодѣтый Алеша, прикидываясь тугимъ на ухо, говоритъ ему подъѣхать поближе и ударомъ шелепуги сшибаетъ его съ коня, затѣмъ срубаетъ ему голову и, надѣвъ на себя его платье, ѣдетъ обратно къ шатру, гдѣ его ждали Екимъ и калика. Послѣдніе, не признавъ его, испугавшись, поскакали къ Ростову; но когда Алеша сталъ ихъ нагонять, Екимъ, обернувшись, такъ сильно ударилъ тридцатипудовой палицей Алешу въ грудь, что тотъ замертво упалъ съ коня. Принявшись пороть ему груди бѣлыя, Екимъ призналъ Алешу и привелъ его въ чувство. Затѣмъ Алеша переодѣвается въ свое богатырское платье, и оба ѣдутъ въ Кіевъ къ князю Владимиру.

Всѣ несообразности этого эпизода, а ихъ немало, объясняются тѣмъ, что сказитель внесъ въ былину черты изъ другого сюжета, боя Ильи съ Идолищемъ, назвавъ Идолище Тугариномъ. Въ описаніи послѣдняго сквозятъ обычныя чудовищныя черты Идолища, и нѣтъ тѣхъ бумажныхъ крыльевъ, съ которыми изображается Тугаринъ. Встрѣча съ каликой, какъ извѣстно, и переодѣваніе всегда предшествуютъ бою Ильи съ Идолищемъ, при чемъ переодѣваніе въ послѣднемъ сюжетѣ имѣетъ свое основаніе, котораго нѣтъ въ разсматриваемой былинѣ. Вообще переодѣванье почему-то полюбилось ея слагателю-сказителю и введено три раза, хотя только въ одномъ случаѣ оно пригодно для объясненія ошибки Екима, едва не убившаго Алешу. Послѣдній эпизодъ, очевидно, передвинутъ сюда изъ окончанія былины, какъ видно изъ вышеразсмотрѣннаго варіанта Гуляева и прозаическаго пересказа Потанина [1]).

Разсказавъ отъ 35—155 стиха похожденіе Алеши съ Тугариномъ, замѣнившимъ Идолище, былина описываетъ пріѣздъ Алеши съ Еки-

[1]) Р. былины старой и новой записи, отд. II, прилож. стр. 283.

Digitized by Google

момъ въ Кіевъ и ласковый пріемъ, оказанный имъ Владимиромъ. Появленіе на пиру Тугарина и его обжорство изображены въ тѣхъ же чертахъ, какъ въ другихъ варіантахъ, такъ же какъ шутки надъ нимъ Алеши. Но любовныя отношенія княгини къ Тугарину сильнѣе подчеркнуты. Когда она рушала лебедь бѣлую, то обрѣзала себѣ руку лѣвую и сказала:

Гой вы еси, княгини-боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича.

Эта деталь, какъ указано акад. А. Н. Веселовскимъ, внесена въ былину изъ іудейскаго апокрифа о женѣ Пентефрія, влюбленной въ Іосифа. Трудно сказать, была ли она въ основной редакціи былины, но другая деталь, которую сейчасъ приведемъ, представляется несомнѣннымъ вторженіемъ изъ другихъ былинныхъ сюжетовъ. Алеша говоритъ о Тугаринѣ:

«Заутра я съ нимъ перевѣдаюсь;
Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
А бьюсь о своей буйной головѣ».
Втопоры князи и бояра
Скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ за Тугарина поруки держатъ,
Князи кладутъ по сту рублевъ,
Бояра по пятидесяти, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ же случилися гости купеческіе, —
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тугарина Змѣевича,
Всяки товары заморскіе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
А за Алёшу подписывалъ владыка черниговскій.

Не говоря уже о томъ, что такого заклада Алеши съ Тугариномъ нѣтъ въ остальныхъ намъ извѣстныхъ варіантахъ былины, онъ представляется очевидной несообразностью. Оказывается, что всѣ присутствующіе на пиру — князья, бояре, купцы — на сторонѣ чужого насильника, любовника ихъ княгини, а не на сторонѣ русскаго богатыря, за котораго ручается только владыка черниговскій. Несообразность пари передъ смертнымъ боемъ объясняется тѣмъ, что этотъ эпизодъ некстати попалъ сюда изъ другихъ сюжетовъ, гдѣ онъ умѣстенъ. Въ томъ же сборникѣ Кирши Данилова находимъ въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ (№ 7) такое же пари, но органически, а не эпизодически входящее въ сюжетъ. Собственникъ богатырскаго коня Иванъ Го-

Digitized by Google

стиный на пиру у князя бьется съ нимъ объ закладъ «не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ», что перескачетъ всѣхъ княжескихъ коней. И какъ въ былинѣ объ Алешѣ, такъ и здѣсь, —

За князя Владимира держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояре, туто-де гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
Пригодился тутъ владыка черниговскій,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.

Здѣсь закладъ доведенъ до конца, ибо, когда конь Ивана разогналъ коней княжескихъ и князь объявляетъ пари недѣйствительнымъ, владыка велитъ захватить поставленные въ закладъ за Владимира корабли съ заморскими товарами. Въ былинѣ же объ Алешѣ сказитель ничего не сдѣлалъ изъ этого пари и, вѣроятно, какъ и мы, не представлялъ себѣ ясно, съ кого получили бы или кому отдали бы его участники деньги и корабли при томъ или другомъ исходѣ боя. Заимствуя указанный эпизодъ, вѣроятно, изъ былины объ Иванѣ Гостиномъ (или изъ какой-либо редакціи былины о Дюкѣ и Чурилѣ), сказитель такъ же мало затруднился его несоотвѣтствіемъ, какъ и тѣмъ, что только-что окончательно убитый и лишенный головы Тугаринъ снова появляется въ Кіевѣ на пиру Владимира безъ всякихъ объясненій этого воскрешенія.

Въ дальнѣйшемъ былина Кирши Данилова описываетъ бой Алеши съ Тугариномъ въ обычныхъ чертахъ: по молитвѣ Алеши дождь подмочилъ крылья Тугарину, и онъ спустился на землю. Повторяются угрозы Тугарина Алешу конемъ стоптать, огнемъ спалить или копьемъ заколоть. Но Алеша здѣсь прибѣгаетъ къ хитрости:

Говорилъ ему Алёша Поповичъ младъ:
Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ,
Биться, драться единъ на единъ,
А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
На меня Алёшу Поповича».
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втопоры Алёша подскочилъ, ему голову срубилъ, —
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ.

Эта деталь, нашедшая себѣ объясненіе въ книжномъ сказаніи о боѣ Александра съ Поромъ (попавшемъ давно на лубокъ) [1]), повторяется

[1]) См. у Ровинскаго — Русскія народныя картинки. Ср. замѣтку В. Калдаша въ Этнографич. Обозрѣніи, книга V, стр. 254.

Digitized by Google

въ якутскомъ варіантѣ Худякова [1]) и, вѣроятно, принадлежитъ основной редакціи былины.

По пріѣздѣ въ Кіевъ съ головой Тугарина, Владимиръ чествуетъ Алешу и приглашаетъ его остаться въ Кіевѣ. Княгиня же, какъ въ другихъ варіантахъ, выражаетъ свое негодованіе за то, что онъ разлучилъ ее съ милымъ другомъ. На это Алеша отвѣчаетъ ей почти тѣми же словами, какъ въ колымской и якутской былинѣ, что свидѣтельствуетъ объ устойчивости традиціи въ исходныхъ словахъ этихъ записей:

«А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксѣевна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою».

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ былину Кирши Данилова въ связи съ другими сибирскими записями того же сюжета, мы можемъ уяснить себѣ, въ чемъ она превосходитъ другія и въ чемъ она уступаетъ имъ. Ея слагатель-сказитель крайне неуклюже распространилъ основной разсказъ, введя въ него, какъ эпизодъ, бой богатыря съ идолищемъ, переименовавъ это чудище Тугариномъ, и даже не счелъ нужнымъ объяснить двойное появленіе Тугарина. Онъ внесъ въ разсказъ некстати нѣкоторыя детали изъ другихъ сюжетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и нѣкоторыя черты старины, утраченныя или переиначенныя другими варіантами: выѣздъ Алеши изъ Ростова, ошибку Екима (хотя, впрочемъ, перенесенную на другое мѣсто), отношенія Евпраксіи къ Тугарину, хитрость Алеши во время боя съ нимъ. Нѣкоторыя изъ этихъ деталей старинной былины мы нашли въ довольно сохранномъ видѣ и въ колымской записи г. Богораза, что и составляетъ главный интересъ этого отголоска нашего эпоса, прозвучавшаго намъ съ отдаленной сибирской украины.

Въ противоположность Европейской Россіи, почти развѣнчавшей древняго ростовскаго богатыря, сведя его къ роли „бабьяго пересмѣшника и судейскаго прелестника“, сибирская украина еще твердо помнитъ Алешу, какъ могучаго богатыря, осилившаго чудовищнаго Тугарина Змѣевича, „мила друга“ сластолюбивой княгини Евпраксіи. Какъ объяснить такое нравственное паденіе Алеши, происшедшее, повидимому, весьма поздно, такъ какъ оно не проникло въ сибирскія украины — это вопросъ, который можетъ стать темой другого изслѣдованія.

---

[1]) Русскія былины старой и новой записи. Отд. II, № 29, стр. 100.

Digitized by Google

Консерватизмъ сибирскаго эпоса, какъ мы уже указали, засвидѣтельствованъ и тѣмъ, что сибирскіе давніе поселенцы сохранили то же названіе для богатырскихъ пѣсенъ („старина"), которое до сихъ поръ живетъ въ Олонецкой губерніи. Помимо свидѣтельства г. Богораза, то же подтверждаютъ „Древнія россійскія стихотворенія" Кирши Данилова заключительными словами многихъ былинъ: „То старина, то и дѣянье" [1]), или „Тѣмъ старина и кончилась" [2]). Итакъ слѣдуетъ думать, что народное названіе для такъ называемыхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ XVII в., было „старины". Но, считая это названіе народнымъ и стариннымъ, Е. В. Барсовъ утверждаетъ, что на ряду съ нимъ было употребительно въ старину и другое — „богатырскія слова" [3]). Это убѣжденіе онъ выводитъ изъ заключительной строки изданнаго имъ по рукописи (вѣроятно) XVII в. варіанта сказанія о семи русскихъ богатыряхъ. По поводу утвержденія г. Барсова позволю себѣ высказать слѣдующее сомнѣніе.

Памятникъ, изъ котораго г. Барсовъ извлекаетъ старинное названіе „богатырское слово", извѣстенъ въ двухъ спискахъ: Буслаевскомъ (нач. XVIII в.) и Барсовскомъ, и въ обоихъ носитъ обычное названіе „Сказаніе". У Буслаева: „Сказаніе ѡ седьми рꙋсскихъ бг҃атырѧхъ", у Барсова: „Сказаніе ѡ кѣевскиѫ богатырѣѫ какъ ходиѭ во црьграѧ и каѫ побили цр҃еграцкиѫ богатыреѭ ꙋчиниѭ себеѭ чт҃ь". Мы не станемъ сравнивать обоихъ варіантовъ, такъ какъ это уже сдѣлано въ изслѣдованіи акад. Веселовскаго. Замѣтимъ только, что Барсовскій варіантъ болѣе полонъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и лучше сохранилъ метрическій складъ, но не умаляетъ интереса и Буслаевскаго списка, который, какъ нерѣдко бываетъ даже съ посредственными варіантами народныхъ произведеній, сохранилъ нѣкоторыя черты въ большей отчетливости. Обратимъ вниманіе только на окончаніе того и другого списка, такъ какъ въ данномъ случаѣ оно намъ только и нужно. Въ обоихъ спискахъ разсказывается, что по совершеніи подвиговъ въ Царьградѣ, русскіе богатыри привезли съ собою въ Кіевъ на показанье Владиміру взятаго въ плѣнъ Тугарина Зміевича но съ тѣмъ, чтобы отпустить его обратно въ Царьградъ, такъ какъ богатыри клятвенно обѣщали это царицѣ Еленѣ. И вотъ, съ согласія князя Владиміра, „били ему челомъ богатыри (читаемъ у г. Бар-

---

[1]) См. №№ 3, 10, 19, 22, 23, 24, 27, 47.

[2]) №№ 12, 25.

[3]) См. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси, т. III, лексикологія «Слова», стр. 62.

Digitized by Google

сова), взяли молода Тугарина Зміевича и всклали на себя всю сбрую богатырскую, поѣхали во чисто поле; и какъ будутъ на рубежѣ, отпускаютъ во Царьградъ молода Тугарина и учали заклинать, чтобъ имь на Русь не бывать вѣкъ по вѣку, да отпустили съ радостію великою и простилися, и сами поѣхали въ чисто поле, богатырское слово во вѣки. Аминь".

Здѣсь не совсѣмъ понятны слова: и учали (т.-е. богатыри) заклинать, чтобъ имь на Русь не бывать вѣкъ по вѣку. Подъ „имь", вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть цареградскихъ богатырей, грозившихъ пріѣхать на Русь, а не русскихъ, хотя по неловкости выраженія синтаксически подъ имъ слѣдовало бы разумѣть именно послѣднихъ. Въ Буслаевской записи этой неудобной фразы нѣтъ, и русскіе богатыри на рубежѣ говорятъ нѣчто болѣе складное и умѣстное:

„Отпущаютъ же Тугарина Зміевича съ добрымъ конемъ и съ своею сбруею ратною и провожаютъ его до Царяграда до рубежа и отпустили его во Царьградъ. И зговорятъ ему богатыри таково слово: „Скажи ты, Тугаринъ Зміевичъ, государынѣ благовѣрной царицѣ Еленѣ: еще есмы въ правдѣ устояли и царское все исполнили: государю служба служена и честь получена". И поѣхали богатыри назадъ въ Кіевъ градъ ко князю Владимиру кіевскому и стали славно жить во градѣ Кіевѣ, и ихъ храбрости слава не минуетца". Сравненіе обоихъ окончаній говоритъ не въ пользу Барсовскаго варіанта. Слова богатырей въ Буслаевскомъ лучше мотивированы, умѣстнѣе, да и сами богатыри затѣмъ ѣдутъ служить Владимиру въ Кіевѣ, гдѣ они раньше были, а не въ чистое поле, куда выѣзжаютъ для какихъ-нибудь подвиговъ. И вотъ въ соотвѣтствіи съ заключеніемъ Барсовскаго варіанта: „богатырское слово во вѣки", въ Буслаевскомъ читаемъ: „и ихъ храбрости слава не минуетца". Это заключеніе можетъ считаться почти стереотипнымъ. Мы находимъ его въ нѣкоторыхъ старинныхъ записяхъ былинъ XVII и XVIII вѣковъ; наприм., въ обоихъ варіантахъ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ и Алешѣ Поповичѣ (Рукоп. Тихонравова, №№ 361 и 399) читается: слава ихъ идетъ до вѣку. Аминь" [1]); то же въ повѣсти о сильномъ, могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ по списку XVII в. И. Публичн. библіотеки [2]): „тѣжь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка. Аминь". Окончаніе со славой обычно и въ современныхъ олонец-

[1]) Русскія былины старой и новой записи. Отд. I, стр. 46 и 39.
[2]) Тамъ же. Отд. I, стр. 4.

Digitized by Google

кихъ былинахъ, варіируясь на разные лады, напримѣръ: „имъ славу поютъ да вѣки до вѣку“ [1]); „тутъ же Ильѣ да славу поютъ [2]), „да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ“ [3]), „да тутъ ли старинушки славу поемъ“ [4]) и т. п.

Въ противоположность Буслаевскому варіанту, въ Барсовскомъ сказаніи о семи богатыряхъ мы находимъ заключительныя слова, не встрѣчающіяся ни въ рукописныхъ старинныхъ записяхъ былинъ, ни въ современныхъ, и невольно является сомнѣніе, не представляютъ ли они искаженіе болѣе обычнаго исхода, т.-е. не передѣланы ли слова: „богатырское слово во вѣки. Аминь“ изъ словъ: „богатырская слава во вѣки. Аминь“. Не сомнѣваясь въ палеографической опытности издателя, мы не думаемъ, чтобы г. Барсовъ могъ ошибиться въ прочтеніи этого мѣста текста [5]). Но полагаемъ, что ошибка стоитъ въ текстѣ и была внесена въ него какимъ-нибудь изъ переписчиковъ, смѣшавшихъ буквы **о** и **а** (**слово** и **слава**), которыя нерѣдко довольно сходны по начертанію въ позднихъ рукописяхъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи сомнительнаго исхода только *одной* старинной былинной записи едва ли можно утверждать вмѣстѣ съ г. Барсовымъ, что былины въ старину назывались „богатырскими словами“, и едва ли онъ правъ, считая терминъ „богатырское слово“ заглавіемъ, несмотря на то, что онъ помѣщенъ на необычномъ мѣстѣ — въ концѣ произведенія — и что оно уже имѣетъ на надлежащемъ мѣстѣ обычное для XVII в. заглавіе: „*Сказаніе*“.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ, вызванныхъ новыми записями былинъ въ Якутской области, считаю пріятнымъ долгомъ выразить отъ имени всѣхъ, интересующихся нашимъ эпосомъ, признательность г. Богоразу за присылку Этнографическому отдѣлу цѣнныхъ образчиковъ поэтической сибирской старины.

---

[1]) Гильфердингъ, столб. 511.

[2]) Тамъ же, столб. 24. Срав. столбцы 627 и 634.

[3]) Тамъ же, столб. 646.

[4]) Тамъ же, столб. 662.

[5]) Къ сожалѣнію, подлинная рукопись, хранящаяся у г. Барсова, пока недоступна для изслѣдованія.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ.

См. стр. 179 [1]).

Въ одной изъ моихъ прежнихъ работъ: „Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ“ [2]) я старался обосновать предположеніе, что на личности былиннаго Вольги и его похожденіяхъ отразились въ своеобразной передѣлкѣ нѣкоторые мотивы книжной Александріи, а въ другой статьѣ: „По поводу Трояна и Бояна“ [3]) сдѣлалъ попытку свести къ книжному источнику и сюжетъ былины о встрѣчѣ Вольги съ Микулой Селяниновичемъ. Исходя изъ того факта, что сами сказители смотрятъ на Вольгу, встрѣчающагося съ Микулой, какъ на того же Вольгу или Волха, котораго рожденіе сопровождается разными чудесными примѣтами и который предпринимаетъ походъ въ Индію богатую, я счелъ возможнымъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: „Такъ какъ въ былинѣ о походѣ Вольги въ Индію богатую мы нашли отголоски похожденій Александра Македонскаго, то естественно является предположеніе, что и въ былинѣ о встрѣчѣ Микулы съ Вольгой послѣдній внесенъ именно потому, что онъ — замѣна Александра Македонскаго“ [4]). Мои дальнѣйшія сопоставленія Микулы съ фригійскимъ Гордіасомъ, который до нѣкоторой степени прикосновененъ къ сказаніямъ объ Александрѣ, показались далеко не убѣдительными покойному О. Миллеру и вызвали съ его стороны отповѣдь въ его статьѣ: „Новые домыслы ученія о заимствованіяхъ“ [5]). Не согласился съ моимъ предположеніемъ и М. Халанскій, который кон-

---

[1]) Напечат. въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» кн. XIII — XIV.
[2]) Журн. М. Нар. Просв. 1878, декабрь.
[3]) Тамъ же, часть CC, отд. II.
[4]) Назв. статья, стр. 264.
[5]) Русс. Филологич. Вѣстн. 1879, № 4, стр. 233.

Digitized by Google

чаетъ свою замѣтку: „Къ былинѣ про Микулу Селяниновича“ [1]) словами: „Такъ какъ сходство нашей былины съ классическими преданіями о Гордіасѣ, Александрѣ Македонскомъ и Николаѣ, сынѣ Атрея, подлежитъ весьма сильному сомнѣнію, то, пока не будутъ представлены болѣе ясные и доказательные слѣды литературнаго заимствованія мотива, Микула останется богатыремъ народнымъ, и былина про него — туземною“. Не знаю, повторилъ ли бы уважаемый М. Г. Халанскій это свое заявленіе въ настоящее время, такъ какъ со времени его замѣтки протекло болѣе пятнадцатилѣтія, притомъ далеко не безплоднаго для уясненія состава нашего былевого эпоса и болѣе точнаго опредѣленія понятія „народности“. Быть-можетъ, онъ согласился бы съ тѣмъ, что и „народность“ и „туземность“ какой-нибудь былины вовсе не исключаютъ той возможности, что сюжетъ данной былины принадлежитъ къ разряду „странствующихъ сказаній“ и въ концѣ концовъ восходитъ къ литературному источнику. Но въ данномъ случаѣ я вовсе не намѣренъ отстаивать свои гадательныя сопоставленія Микулы съ Гордіасомъ, Николаемъ, сыномъ Атрея и константинопольскимъ королемъ Гугономъ. Я хочу только снова вернуться къ вопросу: случайно ли въ нашихъ былинахъ именно Вольга представленъ встрѣчающимъ страннаго пахаря Микулу, или не случайно, а потому, что Вольга есть народная передѣлка Александра; другими словами, не было ли между похожденіями Александра Македонскаго чего-либо такого, что, конечно, послѣ ряда передѣлокъ и контаминацій, могло бы считаться вѣроятною первичною основой нашего былиннаго сюжета?

Искать чего-нибудь подходящаго въ греческихъ, русскихъ, югославянскихъ или западныхъ „Александріяхъ“ было бы попыткой безплодной: если бъ въ нихъ было что-нибудь подобное встрѣчѣ Вольги съ Микулой, то, конечно, оно не укрылось бы отъ вниманія нашихъ изслѣдователей эпоса. Но, быть-можетъ, нѣсколько болѣе шансовъ открыть первичный источникъ разсматриваемаго сюжета представляютъ восточныя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ (Искандерѣ), которыя менѣе изучены, чѣмъ западныя. О персидской обработкѣ этихъ сказаній поэтомъ Фирдоуси есть въ литературѣ достаточно свѣдѣній и они извѣстны въ европейскихъ переводахъ. Но менѣе извѣстна поэма персидскаго поэта *Низами* (жившаго въ концѣ XII-го вѣка), воспѣвающая Искандера, какъ завоевателя міра, мудреца и пророка. Содержаніе первой части этой обширной поэмы, носящей заглавіе

[1]) Тамъ же, 1881 г., № 4, стр 273.

Digitized by Google

„Счастье Искандера“ (Iqbâl Iskenderi) съ достаточной полнотой изложено Шпигелемъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи: „Сага объ Александрѣ на Востокѣ“ [1]). Но вторую, не мѣнѣе интересную, часть поэмы Низами, изображающую странствованія и приключенія Искандера, какъ мудреца и пророка, постигла въ европейской литературѣ своеобразная судьба, которую я изложу со словъ Вильгельма Бахера, написавшаго въ 1871 году изслѣдованіе о жизни и твореніяхъ Низами [2]). Когда Гаммеръ писалъ свое извѣстное сочиненіе объ исторіи персидской словесности, по несчастной случайности въ его экземплярѣ твореній Низами недоставало 2-ой части поэмы объ Искандерѣ, и Гаммеръ заключилъ, что она вообще не была написана поэтомъ. Впослѣдствіи Эрдманъ обратилъ вниманіе на существованіе въ другихъ рукописяхъ Низами второй половины „Iqbâl Iskenderi“ и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе, но это „содержаніе“ было передано имъ не только крайне не полно (30 строкъ на произведеніе въ 7000 дистиховъ), но и ошибочно. Эрдмановская передача содержанія 2-ой части этой поэмы объ Александрѣ повторялась затѣмъ безъ провѣрки другими учеными (Вейсманомъ, Шпигелемъ), и только въ 1871 году Вильгельмъ Бахеръ основательно познакомился съ этимъ произведеніемъ Низами по рукописи, принадлежащей бреславльской городской библіотекѣ, и въ своемъ изслѣдованіи далъ болѣе подробное изложеніе его состава, переводя нѣкоторыя мѣста поэмы нѣмецкими бѣлыми стихами и прилагая персидскій текстъ къ переведеннымъ отрывкамъ.

Для своей поэмы Низами воспользовался всѣми свѣдѣніями и сказаніями объ Искандерѣ, ходившими въ доступной ему литературѣ его времени, при чемъ самъ говоритъ, что почерпалъ ихъ и отъ іудеевъ, и отъ христіанъ, и отъ персовъ [3]). Въ поэмѣ онъ изображаетъ Искандера философомъ, окруженнымъ семью греческими мудрецами, въ числѣ которыхъ, напримѣръ, выдающуюся роль играетъ Аполлоній Тіанскій (Belinâs или Belinûs). Мудрецы сопровождаютъ Искандера въ его походахъ, которые во 2-й части поэмы имѣютъ не завоевательную цѣль, а научно-философскую. Введеніемъ поэмы служатъ десять разсказовъ, которые сводятся къ тому, что каждый разсказъ даетъ Искандеру случай усвоить какую-нибудь нравственную истину;

---

[1]) Die Alexandersage bei den Orientalen, von Dr. Fr. *Spiegel*. Leipzig, 1851. § 3. Die Iskendersage nach Nisâmi.

[2]) Wilhelm *Bacher* — Nizâmi's Leben und Werke und der 2-te Theil des Nizâmischen Alexanderbuches mit persischen Texten als Anhang. Leipzig, 1871.

[3]) Назв. соч., стр. 65.

Digitized by Google

далѣе сообщается, какимъ путемъ Искандеръ дошелъ до познанія мудрости и пророчествованія; затѣмъ Искандеръ предпринимаетъ второй походъ по вселенной, оставивъ на престолѣ Рума своимъ замѣстителемъ своего сына Искандеруса, и Низами подробно описываетъ его встрѣчи и приключенія на западѣ, югѣ, востокѣ и сѣверѣ, а затѣмъ болѣзнь его, смерть, участь его сына и его семи мудрецовъ (Аристотеля, Гермеса, Платона, Ѳалеса, Аполлонія, Порфирія и Сократа).

Просматривая изложеніе содержанія *южнаго* путешествія Искандера, мы встрѣчаемъ описаніе извѣстной изъ другихъ источниковъ долины алмазовъ и способа, посредствомъ котораго Искандеръ ихъ добылъ для своего войска (алмазы выносятся орлами вмѣстѣ съ кусками мяса) [1]. Вслѣдъ за тѣмъ Искандеръ съ войскомъ идетъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца по пустынной странѣ и приходитъ къ прекрасно обработанной мѣстности, „восторгавшей сердце и душу свѣжестью зелени и блескомъ". Тутъ онъ встрѣчаетъ прекраснаго юношу, земледѣльца, босоногаго, съ непокрытой головой, обрабатывающаго землю. Искандеръ хочетъ побудить его оставить трудную работу земледѣлія и поступить въ число его спутниковъ, обѣщая ему царскія почести. Но юноша отвѣчаетъ [2]: „О герой времени (вѣка)! Всѣ выдающіеся твои ученики (т. е. должны у тебя учиться); такъ давай каждому ремесленнику ремесло, чтобы въ его природѣ не произошло смущенія. Кромѣ земледѣлія (сѣянія зерна) для меня нѣтъ (другого) дѣла, я недостоинъ быть царемъ; мѣсто у земледѣльца должно быть суровое (трудное); если онъ увидитъ изнѣженность (т. е. изнѣжится), то станетъ сгорбленнымъ; мое тѣло закалилось въ суровомъ трудѣ (соб. въ суровости); гибелью для суровыхъ бываетъ изнѣженность; грубое тѣло, когда изнѣжится, становится подобно смолѣ, выдающей себя за медъ".

Царю понравился этотъ отвѣтъ земледѣльца и онъ спросилъ его о его религіи. Тотъ отвѣчалъ, что признаетъ единаго Бога, благого

---

[1]) Ср., напримѣръ, грузин. версію того же сказанія «Этногр. Обозр.» кн. XII, отд. II, стр. 8, и извѣстную статью въ Сбор. Святослава (изъ Епифанія Кипрскаго).

[2]) Приводимъ близкій переводъ слѣдующаго персидскаго текста:

Cenîn goft: kâi râyezi rûzegâr! heme towsenân ez tô amûzgâr:
Cenân deh beher pîşewer pîşeï, ke der xelqeteğ nâyed endîşeï.
Bedğoz dâne kârî merâ kâr nîst, bemen pâdişâhî sezewâr nîst.
Keğâwerz râ dğâi bâğed doroğt, cû nermî bebîned şowed gozpoşt;
Tenem der doroştî gereftest dğerm, hâlâke doroştân bowed dğâî nerm;
Tene saxt kû nâznînî koned, cû semrî bowed kângbînî koned.

Digitized by Google

создателя вселенной, и вѣритъ въ миссію Искандера какъ пророка, такъ какъ уже увидѣлъ его прежде въ вѣщемъ снѣ.

Искандеръ, узнавъ отъ жителей, что ихъ страна необыкновенно плодотворна, но что благосостояніе населенія крайне страдаетъ отъ тиранническаго правленія и несправедливости, устраняетъ злоупотребленія правителя и строитъ въ тѣхъ мѣстахъ городъ Искандеръ-Абадъ [1]).

Намъ неизвѣстно, изъ какого источника Низами почерпнулъ разсказъ о встрѣчѣ Александра съ прекраснымъ земледѣльцемъ, отказывающимся отъ царственныхъ почестей; но во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ не продуктъ личнаго вымысла Низами, какъ и другія многочисленныя встрѣчи Александра, которыхъ источники иногда указываются Бахеромъ. Низами только поэтически обработалъ сюжетъ, почерпнутый имъ изъ какихъ-нибудь письменныхъ (или устныхъ?) матеріаловъ, которыми онъ располагалъ въ значительномъ количествѣ.

Мнѣ кажется, что приведенное сказаніе можетъ пригодиться впослѣдствіи для уясненія литературной исторіи нашего былиннаго разсказа о встрѣчѣ Вольги съ чуднымъ пахаремъ Микулой. Конечно, отношеніе былиннаго разсказа къ персидскому пока еще не можетъ быть уяснено, и послѣдній можетъ служить первому только интересной параллелью, а не источникомъ. Но если мы примемъ въ соображеніе, что указанная параллель намъ встрѣтилась въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ, который, повидимому, отчасти отразился въ нашемъ былинномъ Вольгѣ, то можемъ, по крайней мѣрѣ, отсюда извлечь нѣкоторое указаніе на то, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать источника (или одного изъ источниковъ) нашего былиннаго сюжета. Во всякомъ случаѣ, встрѣча Вольги съ Микулой не продуктъ личнаго творчества какого-нибудь Олонецкаго сказителя, какъ встрѣча Искандера съ юношей-земледѣльцемъ — не изобрѣтеніе Низами, но оба разсказа восходятъ въ концѣ концовъ къ общему весьма отдаленному и древнему источнику, который, быть-можетъ, впослѣдствіи удастся найти.

При сравненіи разсказа Низами съ нашимъ былиннымъ, мы встрѣчаемъ немало различій въ деталяхъ, но зато видимъ сходство въ главномъ, основномъ мотивѣ. И здѣсь и тамъ мы находимъ молодого земледѣльца, встрѣчаемаго царемъ или княземъ и поражающаго послѣдняго своимъ видомъ (красотой или силою). Этотъ земледѣлецъ доволенъ

---

[1]) См. назв. соч. *Бахера*, стр. 104 — 105.

Digitized by Google

своей тяжелой работой, не ищетъ ничего лучшаго и высшаго, и съ любовью говоритъ о своемъ дѣлѣ. Вспомнимъ, какой симпатіей къ сельскому труду вѣетъ отъ словъ Микулы Селяниновича:

«Ай же Вольга ты Святославговичъ!
Ржи напашу, въ скирды складу,
Въ скирды складу, да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
Ай ты молодой Микулушка Селяниновичъ!» [1]).

При этомъ весьма важномъ сходствѣ въ образѣ „идеальнаго" земледѣльца, совпаденія въ нѣкоторыхъ подробностяхъ уже отступаютъ на задній планъ. Но все же, даже не придавая имъ особаго значенія, считаю нелишнимъ ихъ отмѣтить. Какъ при встрѣчѣ съ юнымъ земледѣльцемъ Искандеръ узнаетъ о несправедливости управителей страны и устраняетъ ихъ злоупотребленія, — такъ отъ Микулы Селяниновича Вольга узнаетъ о мужикахъ-разбойникахъ (гурчевцахъ, орѣховцахъ, крестьяновцахъ); какъ персидскій земледѣлецъ, увидя Искандера, уже знаетъ, кого онъ видитъ предъ собою (такъ какъ даже имѣлъ вѣщій сонъ о немъ), — такъ Микула Селяниновичъ знаетъ Вольгу и прямо называетъ его по имени; какъ персидскій земледѣлецъ отличается религіозностью и заявляетъ о своей вѣрѣ въ единаго Бога, такъ благочестіемъ отзываются слова Микулы Селяниновича:

«Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати».

Въ одной былинѣ (Гильфердингъ. № 32) Вольга (Волья) спрашиваетъ Викулу:

«Надоть ли тебѣ Божья помочь, пахарь е пахарюшко?»
Тутъ возговóритъ пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья помочь, мóлодой Волья-то е Всеславьевичъ.

Итакъ, повидимому, черта благочестія и довольства своимъ состояніемъ земледѣльца принадлежитъ равно русскому и персидскому „идеальному" представителю земледѣльческаго труда.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ повторить еще разъ то, что я уже указывалъ раньше. Микула Селяниновичъ въ нашемъ эпосѣ есть фигура эпизодическая. Кромѣ встрѣчи съ нимъ Вольги, мы ничего больше о немъ не знаемъ. Самый планъ былинъ объ этой встрѣчѣ, начинающихся выѣздомъ Вольги съ опредѣленною цѣлью (къ городамъ за получкой дани), указываетъ на то, что Вольга есть главная

[1]) *Гильфердингъ*, № 73, столб. 439.

Digitized by Google

фигура, что разсказъ идетъ о его похожденіяхъ, въ числѣ которыхъ была и встрѣча его съ чудеснымъ пахаремъ. Это наблюденіе mutatis mutandis приложимо и къ персидскому параллельному разсказу. И въ немъ чудный земледѣлецъ является только эпизодически (неизвѣстно даже его имя), и встрѣча съ нимъ Искандера только одно изъ многочисленныхъ приключеній этого знаменитаго героя.

Былина о Батыѣ.

(Къ стр. 322).

Въ подтвержденіе высказаннаго нами предположенія, что былинное имя *Тавруевичъ* или *Таврулевичъ* могло зайти въ эпосъ изъ старинныхъ историческихъ пѣсенъ объ Евпатіи Коловратѣ и Батыѣ, можно еще привести тотъ фактъ, что въ былинѣ Кирши Данилова № 6 Индѣйскій царь называется одновременно *Ставрульевичемъ* и *Батыевичемъ:*

«Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
Про царя Салтыка *Ставрульевича*,
Про его буйну голову *Батыевичу*».

Къ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ.

(Стр. 330).

Выше (стр. 330) при изложеніи и разборѣ этой былины въ сборникѣ Кирши Данилова мы указали, что содержаніе ея значительно перебито и что особенно странной представляется роль углицкихъ мужиковъ, хотя не менѣе странна и роль молодого Константинушки Сауловича. Здѣсь мы видимъ какое-то сплошное недоразумѣніе. Константинушка, разбивъ татарскаго царя Кунгура, подъѣзжаетъ къ городу Угличу и вызываетъ себѣ супротивника.

А углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличъ крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
«Гой еси, удалой доброй молодецъ!
Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
А и нѣту у насъ Царя въ Ордѣ, короля въ Литвѣ,
Мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву».

Оказывается такимъ образомъ, что горожане русскаго города Углича причисляютъ себя къ Ордѣ и Литвѣ и предлагаютъ Константинушкѣ царить въ Угличѣ надъ Ордой и Литвой. Однако, вмѣсто

Digitized by Google

того, чтобъ отворить Константинушкѣ ворота, они предлагаютъ ему поближе подъѣхать къ стѣнѣ и когда онъ, какъ наивный мальчикъ, у котораго „умокъ молодешенекъ, зеленешенекъ“, сдавался на ихъ слова прелестныя и подъѣхалъ къ стѣнѣ, они баграми втаскиваютъ его въ городъ и сажаютъ въ тюрьму. Отецъ его, царь Саулъ, въ это время былъ въ городѣ, но ничѣмъ не распоряжался. По крайней мѣрѣ былина не объясняетъ, извѣстно ли было ему, что произошло у стѣнъ города. Вдругъ — безъ всякаго повода — онъ заторопился и поѣхалъ изъ Углича въ свое царство Алыберское. Здѣсь отъ жены онъ узналъ, что имѣетъ сына, рожденнаго въ его отсутствіе, и спѣшитъ обратно въ Угличъ также безъ всякаго повода. Лишь дорогой отъ извощиковъ онъ узнаетъ, что произошло въ Угличѣ, и догадывается, что его сынъ угличанами посаженъ въ тюрьму. Подъѣхавъ къ городу, онъ требуетъ выдачи сына, но горожане опять безъ всякаго повода „заздорили съ царемъ“ и не пустили его въ городъ, говоря,

«Что де у насъ нѣтъ такого и не бывало».

Однако послѣ такого обманнаго отвѣта старики городскіе сходились, подумали и рѣшили выдать царю Саулу его сына. Опять причина выдачи ничѣмъ не мотивирована. Далѣе оказывается еще большая странность: царь Саулъ, повидимому личность не очень авторитетная для угличанъ, едва поздоровавшись съ сыномъ, начинаетъ расправляться съ горожанами уже вполнѣ авторитетно, и они подчиняются ему безпрекословно.

«А и втапоры царь Саулъ Леванидовичъ
Спрашиваетъ мужиковъ угличевъ:
«Есть ли у васъ мастеръ заплечной съ подмастерьями?
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и ко царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичъ
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ».

Такимъ образомъ былина К. Данилова содержитъ рядъ ничѣмъ не мотивированныхъ дѣйствій угличанъ, Константинушки и его отца—царя Саула. Какимъ процессомъ произошли всѣ эти искаженія чего-то болѣе разумнаго — это едва ли удастся разъяснить. Но все же въ былинѣ есть нѣкоторыя черты, какъ будто указывающія на періодъ, къ которому относится, по крайней мѣрѣ, одно изъ искаженій. Мы имѣемъ въ виду судьбу угличанъ. Хотя очень путанно и безтолково, былина упоминаетъ о какомъ-то погромѣ, которому подвергнулись главные мужики Углича отъ царя. Упоминаются заплечные мастера и казни.

Digitized by Google

„Заздорили“ угличане съ царемъ изъ-за *десятилѣтняго* царевича. Онъ навлекъ на угличанъ царскій гнѣвъ и погромъ. Если мы припомнимъ эти факты и поищемъ имъ объясненія историческаго, то естественно придемъ къ предположенію, что въ былинѣ, хотя и въ смутномъ видѣ, отразилось историческое событіе, великое несчастіе, которое стряслось надъ городомъ Угличемъ послѣ убіенія Димитрія царевича. Какъ въ былинѣ, такъ и въ исторіи малолѣтній царевичъ является причиной казней угличанъ. Припомнимъ, что послѣ убіенія Димитрія царевича было, по указу царя Ѳеодора, наряжено слѣдствіе и что угличане жестоко поплатились за расправу съ предполагаемыми убійцами Димитрія. Какъ въ былинѣ угличане „заздорили“ съ царемъ, такъ результатомъ слѣдствія было то, что ихъ судили какъ мятежниковъ противъ царской власти. Извѣстно, что до 200 угличанъ было наказано смертью или отнятіемъ языка, что множество изъ нихъ было разсажено по тюрьмамъ и большинство сослано въ Сибирь, гдѣ ими былъ заселенъ городъ Пелымъ. Торговый и людный городъ Угличъ послѣ такого погрома запустѣлъ надолго. Понятно, что память объ этой бѣдѣ цѣлаго города должна была долго сохраняться среди невольныхъ эмигрантовъ и ихъ потомковъ. Позднѣйшія поколѣнія могли позабыть подробности и имена, но все же помнили, что *царская* гроза постигла угличанъ изъ-за молодого царевича. Эти уже смутныя воспоминанія могли припутаться къ былинѣ, *записанной въ Сибири,* и исказить ея первоначальный видъ.

Къ сказкамъ объ Ильѣ Муромцѣ.

(Къ стр. 376).

Въ дополненіе къ великорусскимъ сказкамъ объ Ильѣ М. сообщаемъ *сказку объ Ильѣ Мурычѣ,* записанную отъ женщины изъ дер. Чурилковой, Рязанской губ., Зарайскаго у., и доставленную намъ г. А. Марковымъ:

„Жили-были счастливые родители. У нихъ былъ одинъ сынъ Илья Мурычъ; онъ не ходилъ и не полозилъ. Родители его ушли въ поле пни копать. Зашелъ къ нему старичокъ старенькій, сталъ у него просить пить; а онъ говоритъ: „Я не хожу и не полозюю“. Илья Мурычъ понемножечку подвигался и почерпнулъ ему напиться. (Лѣтъ 10 тому назадъ эта женщина, насколько мнѣ помнится, разсказывала, что онъ далъ пить пива.) Сталъ онъ ему пить давать; старикъ попилъ и ему

Digitized by Google

велѣлъ пить; Илья Мурычъ попилъ — и сталъ полозить и здравый сталъ. Когда старикъ, немного погодя, еще далъ ему попить, онъ еще немного попилъ — и ходить сталъ. Еще въ третій разъ попилъ, такъ что Илья Мурычъ сталъ просто богатырь сильный. Собрался онъ къ своимъ родителямъ, собралъ завтракъ, понесъ въ поле. Увидала мать его и сказываетъ своему мужу: „Никакъ нашъ Илюша идетъ?“ А старикъ говоритъ: „Сколько лѣтъ не ходилъ и не полозилъ! какъ же онъ къ намъ идетъ?“ Подошелъ онъ, сталъ съ ними здоровиться; а они очень возрадовались, стали у него спрашивать: „Что съ тобой сдѣлалось, какъ это ты сталъ ходить?“ Онъ разсказалъ имъ: „Зашелъ ко мнѣ старичокъ, попросилъ у меня напиться; я сказалъ, что не хожу и не полозюю; а онъ говоритъ: „Подвигайся немножечко“. Я напился до трехъ разъ — и сталъ здоровъ“. (Далѣе разсказчица не могла говорить связно; она разсказала только, какъ Илья срубилъ мечомъ Соловью-разбойнику сразу шесть головъ.)

Digitized by Google

УКАЗАТЕЛИ.

(Цифры обозначаютъ страницы).

I.

А.

Ааронъ 158.
Авдотья Лиховидовна 125.
Агрикола, епископъ 289.
Агриппина Ростиславна, жена кн. Юрія Ингоревича 317.
Алатырецъ, прозвище Соловья-разбойника 369.
Александръ Македонскій 105, 106, 166, 438, 443—449.
Александръ Поповичъ 435.
Алексѣй Ангелъ, византійскій императоръ 110.
Алексѣй II, императоръ 112.
Алексѣй Михайловичъ, царь 58.
Алеша Поповичъ, богатырь 13, 30, 33, 38, 50, 63, 64, 71, 75, 80, 90, 92, 95, 129, 130, 149, 150, 222, 238, 245, 267, 280, 307, 310, 325, 370, 384, 412, 428—441.
Алтайскій горный округъ, былины, записанныя въ немъ 79, 81, 85, 87.
Алыберское царство въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ 331, 337, 339, 348, 450.
Алькадимъ, богатырь, въ сказкѣ 377, 378.
Аманъ-кулъ, личность, въ киргизской сказкѣ 301, 302.
Амельфа Тимоѳеевна (иначе Мамелфа), былинная матера-вдова 158, 217—219, 228.
Андрей Боголюбскій, князь 115, 314, 355.
Андрей юродивый 314.
Андроникъ Дука, византіецъ 117.
Андроникъ, византійскій царевичъ 110, 112—116.
Андроникъ-контостефанъ, византійскій полководецъ 111.
Аника-воинъ, богатырь 164, 381.
Антоній Римлянинъ, св. 300.
Антоновъ, Потапъ, олонецкій сказитель 16, 202, 308, 311 312
Аполонище, въ былинахъ богатырь 303, 324.
Аполоница — пѣстунъ кн. Ѳеодора Юрьевича 316—324.
Apollo l'aventureux 303.
Апраксія (Евпраксія, Опракса, Апраксѣевна) королевична, жена былиннаго кн. Владимира 129, 130, 134, 139, 149—152, 158, 180, 187, 190, 191, 197, 198, 218, 245, 257, 260, 266, 269, 321, 351, 393, 435—439.
Аристархъ, критикъ 51.
Аріонъ, греческій музыкантъ и пѣвецъ 293.
Армури, герой византійской поэмы 334—339, 345.
Архангельская губернія 67, 70, 73, 74. Былины, въ ней записанныя 76, 77, 85, 86, 89—91, 96, 206.
Астраханское царство 286, 329, 337, 339.
Аттила (Этцель), въ Нибелунгахъ 135—138.
Ахти или Ахто, финскій морской царь въ Калевалѣ 289—297, 299, 304.
Аѳинаида, личность въ романѣ объ Иракліи 260.

Б.

Барнаулъ, гор. 79, 87.
Баторій, Стефанъ, король 396.
Батыга, былинный басурманскій царь 40, 75, 184, 305—327, 353, 358, 360, 449.
Батырь Кайманович, былинный басурманскій царь 144.
Бахметъ Таврульевичъ, былинный татарскій царь 322, 323, 346.
Бела, венгерскій король 111.
Бермята (Пермята, Пермилъ, Перминъ), въ былинахъ о Чурилѣ 121, 189, 190, 199, 200.
Берта, въ Тидрекъ-сагѣ 138, 139.
Блудова, вдова, въ былинѣ о Хотѣнѣ 222, 223, 225.

Digitized by Google

Блудъ, воевода кн. Ярополка 220, 221, 225.
Богдановъ, Леонтій, сказитель 366.
Болгарія 99, 125—128.
Борисовы мощи 196, 197.
Борисъ Годуновъ, царь 84.
Брянскіе (Брынскіе, Бранскіе) лѣса 372, 378, 392.
Буславъ, отецъ Василія Буслаевича 39.
Бѣлый царь (ханъ) 339, 340.

В.

Вавилоняне, купцы, въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ 254.
Ваннемуйне, эстонскій миѳическій пѣвецъ 294, 295.
Василиса Никулична, жена Данилы Ловчанина 321; жена Ставра Годиновича 263—282.
Василій Буслаевичъ 39, 51, 63, 71, 74, 76, 80, 89, 91, 129, 165, 167, 174, 175, 183, 192, 216, 217, 222, 228—232, 246, 254, 382.
Василій, гость 212, 215, 258.
Василій Игнатьевичъ (Василій Пьяница, упьянсливый) 63, 80, 250, 251, 306, 353.
Василій златовласый, королевичъ 212—216.
Василій Казимировичъ (Казнѣровичъ) 75, 80, 129, 144, 149, 215, 222, 309, 353, 358.
Василій Константиновичъ, князь, замученный Батыемъ 319, 323, 326.
Василій Никуличъ — переодѣтая жена Ставра Годиновича 263, 264.
Василій Окульевичъ 81, 214, 215.
Василій Пустоволосовичъ 214, 215.
Василько (Маричъ) Леоновичъ, царевичъ византійскій 350, 351.
Вахрамѣй Вахрамѣевичъ, былинный царь 50, 124, 125.
Веденецкая земля, въ былинахъ 210, 211, 265.
Вейнемейненъ — финскій пѣвецъ, упоминаемый въ Калевалѣ 289, 292, 293, 294, 296, 298, 299, 304.
Wellamo (Wellimo), морская царица въ Калевалѣ 292.
Венгрія 110—114.
Веражское (Веряйское) море, въ былинахъ 181, 208, 288.
Византійская имперія 99, 107, 109.
Вирсавія библейская 157, 158, 198.
Владимирская губернія. Былины, въ ней записанныя 70.
Владимиръ Васильковичъ, князь 130—133 142.
Владимиръ Волынскій, городъ 130, 132.
Владимиръ, городъ (суздальскій) 355—357.
Владимиръ, князь Красное Солнышко 15, 19, 38—49, 59—63, 82, 90, 93, 100, 101, 119, 129, 130—136, 138—152, 159, 172, 179, 180, 189, 191, 197—199, 214—253, 255—257, 260—276, 279—282, 297, 308, 309, 317, 321, 325, 345—347, 352—358, 360, 363, 369, 374, 376, 377, 384, 386, 391, 392, 394, 400, 406, 433, 436, 441.
Владимиръ Мономахъ, князь 114, 133, 275, 278, 279, 350, 351.
Водлозеро — бытованіе на немъ былинъ 8.
Wöhhanda, ручей (преданіе о построеніи на немъ мельницы) 289, 290.
Возвягъ Таврольевичъ, татарскій царь 322.
Воиновъ, Петръ, сказитель 9, 33, 34, 37, 199.
Волга, рѣка 208, 286.
Вологодская губернія. Былины, въ ней записанныя 77; колонизація изъ нея въ Пермскую губернію 84—86.
Волотъ Волотовичъ (Волотоманъ), царь 256, 257.
Волховъ, рѣка 147, 148, 167, 168, 174, 182, 285, 287, 300.
Волхъ Всеславичъ, богатырь 80, 81, 91, 166—168, 179, 185, см. также Вольга.
Волшанъ, царь, въ сказкѣ 256, 257.
Волынецъ-Галичъ (Галичъ Волынецъ) 97, 98—100, 104, 109, 110, 115; Волынская земля 99, 125; Волынское море 61 (=Хвалынское).
Вольга Святославичъ, въ былинахъ 38, 71, 76, 91, 167—186, 192, 286, 364, 365, 443.
Всеславичи, князья 151 (родовое преданіе ихъ).
Всеславъ, Полоцкій князь 166, 167, 196.

Г.

Гагенъ, въ Тидрекъ-сагѣ 136.
Гали — личность въ киргизской сказкѣ 341.
Галицкая Русь 120.
Галичъ, городъ 112—115, 119, 128.
Гальякъ Невѣрный, въ былинѣ 82.
Гельха, жена Этцеля, въ Нибелунгахъ 136.
Георгій Зарубскій, черноризецъ 55.
Георгій, св. Побѣдоносецъ 127, 144, 388
Гизельхеръ 50.
Глѣбъ Юрьевичъ, князь 356.

Digitized by Google

Гомеръ 47, 48.
Гордіасъ, фригійскій царь 443, 444.
Гриммъ, Яковъ 25—27, 31, 65.
Гунтеръ, герой въ Нибелунгахъ 136, 210.
Гурчевецъ, городъ, въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ 173.
Гусевъ, Ив. Яковлевъ, олонецкій сказитель 82.
Гэсэръ-ханъ 277.

Д.

Давидъ, библейскій царь 157, 158, 159, 198.
Давидъ Поповъ — личность въ былинахъ 207, 218.
Даніилъ, галицкій князь 99.
Данило Игнатьевичъ, богатырь 71, 81, 345, 346, 357.
Данило Ловчанинъ, въ быличахъ 92, 93, 96, 158, 264, 271, 317, 321.
Дарій, царь персидскій 106.
Двинская земля 181, 182.
Демидовъ, Прокопій 78, 79, 87.
Джуринъ, городъ 121.
Джюсунъ-ханъ, монгольскій сказочный богатырь 185.
Дигенисъ, герой византійской поэмы 117, 335.
Добрынинъ островъ 96.
Добрыня Никитичъ, богатырь 13, 30, 33, 38, 45, 46, 49—51, 59—61, 71, 74, 75, 80, 82, 89, 90, 92, 95, 104, 123, 129, 130, 134, 143—165, 168, 186, 191, 198, 216—218, 222, 242, 247, 253, 254, 265—267, 277, 280, 297, 307, 310, 325, 355, 370—394.
Добрыня Рязаничъ 95, 96.
Донъ Ивановичъ, богатырь 134, 135.
Дуки, византійскій знатный родъ 117.
Дунай, воевода 130—134.
Дунай Ивановичъ, богатырь 30, 38, 71, 75, 91, 128—142, 149, 150, 151, 191, 215, 258, 277.
Дунай, рѣка 111, 134, 140.
Дюкъ Степановичъ, богатырь 37, 40, 61, 71, 75, 80, 91, 97—104, 107—109, 115, 118—122, 128, 143, 187—191, 226, 245, 364.

Е.

Евпатій Коловратъ 317—322, 326.
Евпраксія, княгиня рязанская 316, 317, 320—322, 324.
Евримахъ 48.
Евфратъ, рѣка, въ поэмѣ объ Армури 334.
Евфросинія Полоцкая, преподобная 115.
Екимъ Ивановичъ, спутникъ Алеши Поповича, въ былинахъ 129, 433—439.
Елена Азвяковна, въ былинахъ 338, 340.
Елена Александровна, жена Саула Леванидовича 329, 338.
Елена правительница, мать Ивана IV 395, 396.
Елена, царица 440.
Елустафьевъ, Илья, олонецкій сказитель 7, 9, 367.
Енисейская губернія: былины, въ ней записанныя 80, 93.
Еруслан Лазаревичъ, богатырь, въ сказкѣ 124, 341, 379, 381, 388, 404—406.
Етмануйло Етмануйловичъ, король, въ былинахъ 257.
Ефимовъ, Мина, олонецкій калика 203.

Ж.

Жиманъ, король (Жигмонтъ, Сигизмундъ) 133, 152.

З.

Заволочье 74.
Заонежье 11, 14, 81, 87, 88.
Запава Путятична, племянница кн. Владимира, въ былинахъ 130, 134, 145, 146, 147, 150, 206, 207, 212, 218, 398.
Захаровъ, Иванъ, олонецкій сказитель 20.
Зигфридъ, мужъ Кримхильды, въ Нибелунгахъ 136.
Золотая Орда 45, 46, 125, 127, 265, 281.
Зулейка (Залиха), въ апокриѳической исторіи Іосифа 158.

И.

Ивановъ, Андрей, олонецкій сказитель 241, 242.
Иванъ Васильевичъ, царь 7, 19, 39, 42, 56, 92, 237, 242.
Иванъ Годиновичъ, богатырь 12, 30, 71, 75, 80, 91, 125, 152, 237, 242.
Иванъ Гостиный, въ былинахъ 35, 38, 63, 71, 74, 76, 80, 91, 222, 233—262, 438.
Иванъ Даниловичъ, богатырь 346, 348—353, 357—360.
Иванъ, герой сказокъ 233, 255—261, 389.
Иванъ Тимофеевичъ, отецъ Ильи Муромца 378, 393, 395.
Иванъ III, великій, кн. 262.

Digitized by Google

Ивась Коновченко, въ малорусской думѣ 354.
Идолище (Одолище) поганое, въ былинахъ 156, 158, 364, 373, 374, 377—382, 386, 387, 394, 404, 436, 439.
Израй-рѣка, въ былинахъ 164.
Илинъ, герой латышской сказки 384, 385.
Иліада 47.
Ильмариненъ, герой, въ Калевалѣ 293, 295, 296.
Ильмень—озеро 147, 148, 283, 286 288—291, 298.
Илья Муринъ, въ сказкѣ 379, 406—409.
Илья Муромецъ 6, 12—16, 30, 37—41, 45, 49, 50, 52, 64, 68, 71, 75, 77, 79, 80, 89, 92, 95, 104, 129, 143, 149, 158, 179, 191, 205, 222, 236, 237, 260, 262, 263, 265, 280, 307, 310, 324, 325, 346, 347, 355, 362—413, 436; И. Мурычъ 451.
Илья Муровичъ, въ казацкой пѣснѣ 409—413.
Илья Муромскій, преподобный 377.
Илья, пророкъ 374—377, 380—383, 388.
Индигирка, рѣка 433.
Индія богатая (Индѣйское царство) 97, 100—107, 115—119, 142, 179, 180, 183, 184, 443.
Ираклій, старофранцузская поэма о немъ 251, 252, 255, 257—261.
Исаакій, византійскій императоръ 110.
Исаакъ, дядя императора Мануила 112.
Исидоръ ростовскій, блаженный 300.
Искандеръ (Александръ Македонскій на востокѣ) 444—448.
Islant 210.

I.

Іердань, рѣка, въ былинахъ 51, 165.
Іоаннъ, архіепископъ новгородскій 300, 314.
Іоаннъ пресвитеръ 105, 106, 107, 109, 115, 116, 142.
Іовъ, патріархъ 96.
Іосифъ, въ апокрифахъ 158, 198.

К.

Кайманович, отчество Батыги, въ былинѣ 310, 322.
Калининъ, Петръ, олонецкій сказитель 9, 19, 45.
Калинъ, былинный басурманскій царь 17, 47, 80, 89, 310, 323—325.
Калоіоаннъ, болгарскій царь 126, 127.
Калунъ, персидскій богатырь 342.
Каменецъ, крѣпость 132.
Каменна орда, въ былинахъ 45, 46.
Карамышевскій, князь, въ былинахъ 17, 129, 149.
Караты-ханъ, монгольскій богатырь 184.
Карачарово, село, родина Ильи Муромца 369, 372, 374, 376, 386, 388, 392, 393, 399.
Карелія 296. См. также Корела.
Карлъ Великій, 103, 104, 133.
Картаусъ, царь, въ сказкѣ о Еруслане 409.
Кассіанъ, рязанскій владыка 56.
Касьяновъ, Иванъ, сказитель 4, 6, 9
Катерина Никулична, жена Бермяты, въ былинѣ 121, 187, 189, 193, 199.
Кейкаусъ, персидскій царь въ Шахъ-намэ 357.
Кенозеро, 8.
Кидошъ, городъ, въ былинѣ 394.
Киннамъ, византійскій историкъ 113, 114, 118.
Кирша Даниловъ 27—29, 77—79, 82, 85, 93, 122, 123, 159.
Кіевъ, городъ, въ былинахъ 38—40, 49, 50, 93, 98, 99, 104, 113, 119, 129, 130, 148, 149, 179, 180, 187, 189, 193, 197—199, 203, 206—209, 217, 221—223, 229, 230, 234, 241—246, 253, 255, 263, 268, 276, 279, 297, 306—309, 312, 314, 322, 325, 326, 345, 346, 351, 352, 355—360, 367—378, 381—386, 391—394, 398, 400, 405, 421—426, 434—436, 440.
Кмита, Чернобыльскій оршанскій староста 397—401.
Кодольскій островъ, въ былинахъ 61, 109, 265.
Кокотинъ, знатокъ былинъ 82.
Кола, городъ 300.
Комнены, императоры 99.
Конрадъ Семовитовичъ, князь, 131.
Константинополь (Царьградъ), 54, 55, 60, 103, 110, 111, 114, 236, 256, 257, 314, 338, 359, 360, 440, 441.
Константинъ Боголюбовичъ, царь, въ былинахъ 338.
Константинъ Сауловичъ, богатырь, 329, 330, 332, 333, 338, 341, 344, 347, 348, 350, 449, 450.
Константинъ, тысяцкій 338, 343.
Корела, въ былинахъ 12, 72, 100, 172, 298, 299.
Коробейникова Путчикъ 95.

Digitized by Google

Коростень, городъ древлянскій 173.
Кострюкъ Темрюковичъ, въ пѣснѣ 8.
Кощей (Трипетовъ), былинный басурманскій царь 124, 127, 152.
Краковско-Судомірское княженіе 131.
Крестьяновецъ, городъ, въ былинахъ о Вольгѣ и Микулѣ 173.
Кримхильда, героиня въ Нибелунгахъ 136.
Кряковъ, городъ, въ былинахъ 364, 369, 387, 400, 401.
Ксеня, въ пѣснѣ о Джурилѣ 121.
Кумбалъ, татарскій былинный царь 332, 337, 342, 344.
Кунгуръ Самородовичъ, басурманскій былинный царь 280, 330, 331, 337, 347.
Курбанъ Курбановичъ, басурманскій былинный царь 332, 342.
Курганъ Смородовичъ, татарскій царь 331, 333, 337, 342, 344, 348, 349.
Курбскій, князь, 56.
Кутузовы, село въ сказаніи объ Ильѣ Муромцѣ 392, 393.
Кюнъ-ханъ, въ монгольской сказкѣ 184.
Кюрилъ, 121.

Л.

Ладога, городъ, 56.
Ладожское озеро, 172, 183, 208.
Лассота, 398.
Латынское царство 329.
Латышевъ, калика 8, 74, 310, 312.
Легенградъ, въ серб. пѣсняхъ 209, 210.
Леденецъ, былинный городъ 208—211.
Лембои, бѣсы 299.
Лемминкейненъ, богатырь, въ Калевалѣ 295, 296.
Лешко Казимировичъ (черный) 131.
Литва, въ былинахъ 99, 125, 128, 129, 131, 149, 150, 152, 162, 190, 236, 329, 330, 395.
Лифляндія, 172.
Лоншекъ, сынъ Батыги, въ былинѣ 310.
Лука Зиновьевъ, въ былинѣ о Садкѣ 284.
Лукоперъ, богатырь, 310.
Любомль, городъ, 131.
Ляховинскій король, въ былинахъ 133, 135, 138, 264, 265.

М.

Малфрида, жена кн. Владимира 146.
Мануилъ, императоръ византійскій 102, 105, 106, 109, 110—116, 142.
Мануилъ, посолъ византійскій 113, 114.
Мануилъ Ягайловичъ, въ былинѣ 115.
Марина (Маришка), еретница, въ былинѣ о Добрынѣ 38, 90, 123, 153—158, 186.
Марія, дочь императора Мануила 111.
Марфида Всеславьевна, въ былинѣ о Добрынѣ 146.
Марья Дивовна, въ былинѣ о Добрынѣ 146, 147.
Марья Лебедь-бѣлая, подоленка въ былинѣ 50, 124, 128.
Марья Темрюковна, жена Ивана Грознаго 268.
Меѳодія Патарскаго откровенія 359, 360.
Микола (Никола) угодникъ 123, 285, 287, 288, 299, 300, 301, 304.
Микула Селяниновичъ (Селягиновичъ) чудесный пахарь въ былинѣ 38, 71, 76, 91, 103, 167—180, 186, 246, 265, 280, 403, 404, 443—449.
Миллеръ, Гергардъ, историкъ, письмо къ нему Прокопія Демидова 78, 79.
Мирошка, богатырь 82.
Михаилъ архангелъ 123.
Михаилъ, атаманъ каликъ въ былинѣ 158.
Михаилъ Даниловичъ, малолѣтній богатырь 68, 334, 345—350, 352—361.
Михаилъ изъ Потуки 125—128.
Михаилъ, императоръ въ откровеніи Меѳодія Патарскаго 360.
Михаилъ, князь, въ пѣснѣ 249.
Михаилъ Скопинъ Шуйскій 60, 92.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь 56—60, 94.
Михайликъ, въ малоруской легендѣ 68, 353, 354, 355, 358—360.
Михайло Казариновъ, богатырь 81, 91, 97, 100.
Михалко, въ легендѣ, см. Михайликъ.
Михалко Юрьевичъ, князь 355—357.
Мишатко Путятичъ, личность въ былинѣ 317.
Могутъ, разбойникъ, въ лѣтописи 400.
Моровлинъ, прозвище, Илья у Лассоты 398, 399.
Моровъ, городъ (Муровъ), въ сказаніи объ Ильѣ 370, 378, 391, 393, 398.
Москва, 19, 56, 57, 70, 73, 96, 152, 199, 229, 280.
Московская губернія: былины въ ней записанныя 70.
Мстиславъ, кн., братъ Владимира Васильковича 131.
Мстиславъ Изяславичъ, новгородскій князь 196.

Digitized by Google

Муромъ, городъ 95, 372, 374, 384, 386, 391—395, 399.
Мутная, рѣка 167.
Мѣщаниновъ, калика, знатокъ былинъ 311, 312.

Н.

Нарва, городъ 183.
Настасья, былинное имя 123; королевична 130; паленица 139, 149, 150; жена Данилы Ловчанина, Ставра, Добрыни.
Настасья, рѣка въ былинѣ 134.
Нева, рѣка 171, 172, 174, 178, 183, 208, 233.
Несторъ, у Гомера 51, 52.
Нижегородская губернія: былины въ ней записанныя 69, 92, 200.
Низами, персидскій поэтъ 444—447.
Никита Романовичъ, отецъ Добрыни 143.
Никита Хоніатъ, византійскій историкъ 112—114, 118.
Никитинъ Ѳедоръ, олонецкій сказитель 247—249.
Новгородская губернія: былины въ ней записанныя 74.
Новгородъ и Новгородская область 55, 56, 59, 73, 74, 89, 92, 94, 145—148, 151, 166—172, 174, 175, 181—183, 192, 199, 200, 206, 223, 228—230, 245, 246, 254, 262, 279, 281—290, 294, 300, 303, 304, 314.
Нордунгъ, король свавовъ, въ Тидрекъ-сагѣ 137.
Нѣмцы, остзейскіе 170, 171.
Нѣпра королевична, въ былинѣ 134, 135.
Нѣпра (Днѣпръ), рѣка 71, 208, 209, 238, 239, 244.

О.

Обонежская пятина 73, 96.
Озантриксъ, король страны Вильцинской 137—139.
Озидъ, племянникъ Аттилы, въ Тидрекъ-сагѣ 138.
Оле-алекчинъ, дѣва-богатырша, въ алтайской сказкѣ 184.
Олеарій, его свидѣтельство о скоморохахъ 56, 60, 94, 96.
Олегъ Вѣщій, кн. 166, 172, 186.
Олегъ Святославичъ, кн. 166, 172, 173.
Олонецкая губернія 32, 52, 67, 70; былины, въ ней извѣстныя 71, лирическія пѣсни 73, 74, 89, 91, 94. Пахота въ ней 168, 176; названіе *семьи* 177, 200—204, 206.
Ольга Васильевна, сестра князя Владимира Васильковича 132.
Ольга Романовна, жена кн. Владимира Васильковича 132.
Онежское озеро 183.
Орша, городъ 399.
Орѣховецъ (Орѣшекъ), городъ 171—175, 178.
Осипъ прекрасный, въ сказкѣ 374, 375.
Офимья Александровна, мать Ивана Гостинаго 247, 248, 253.

П.

Панюшка поваренный, спутникъ Дуная богатыря, въ былинѣ 129.
Пенелопа, жена Одиссея 50.
Пентефрій, въ еврейскомъ апокрифѣ 158, 198.
Пермилъ, личность въ былинахъ 129, 149.
Пермская губернія 77, 79, 81, 84, 85, 96.
Перунъ 146, 147, 167, 168.
Перыня, городище 167.
Перюньскій (Юрьевскій) скитъ 146, 147, 168.
Петръ Великій 7, 29, 79, 159.
Печора, область 181, 192.
Пленко, отецъ Чурилы 188, 190, 191, 195—198.
Подольская земля, въ былинахъ 45, 46, 124—126.
Подольскій царь, въ былинѣ о Василіи Игнатьевичѣ 309.
Полиместра, дочь французскаго короля, въ повѣсти о Василіи златовласомъ 212, 215.
Половецкая земля 338, 341.
Половцы 356, 357.
Полоцкъ, городъ (Полтескъ) 151, 152.
Потанюшка, личность въ былинѣ 228 (Панюточка).
Потыкъ Михайловичъ, богатырь 38, 45, 46, 71, 76, 80, 120—127, 142, 250.
Похіола, страна въ Калевалѣ 296, 299.
Прокофей, гонецъ кн. Владимира къ женѣ Ставра 268.
Прожоръ, личность въ сказкѣ 376, 377.
Прохоровъ Никифоръ, олонецкій сказитель 4, 9, 34, 134, 174, 201, 202.
Пудожъ, городъ 7.
Путята, въ упоминаніи Татищева, въ Якимовской лѣтописи 82, 145, 146, 148.
Пучай, рѣка, въ былинахъ 51, 145, 147, 156, 164, 165, 190, 196, 197.

Digitized by Google

Р.

Рагнозеро, въ Олонец. губ. 19.
Рахта Рагноверскій, силачъ 19, 71, 94.
Ревель, городъ 183.
Рогнѣда (Горислава) 130, 151, 152.
Роговолодъ, отецъ Рогнѣды 151.
Родольфъ герцогъ, въ Тидрекъ-сагѣ 136—141.
Романовъ, Кузьма, олонецкій сказитель 4, 7, 148.
Романъ Андреевичъ, кн. 314.
Романъ, галицкій кн. 68, 98, 99, 110, 115, 132, 142.
Росланей великанъ, въ сказкѣ о Еруслан ѣ 409.
Росланъ, въ финской сказкѣ 382.
Ростиславъ, князь 113.
Русское устье, село 433, 434.
Рустемъ, герой, въ Шахъ-намэ 336, 338, 342, 343, 357.
Ростовъ, городъ 435, 436, 439.
Рюдигеръ, маркграфъ, въ Нибелунгахъ 135—141.
Рябининъ Трофимъ, олонецкій сказитель 4, 6, 9, 82, 265, 367, 368.
Рязанская губернія: былины въ ней записанныя 68.
Рязанская область, опустошеніе ея Батыемъ 317, 319.

С.

Садко, купецъ, богатый гость 12, 37, 62, 71, 74, 76, 80, 89, 91, 166, 175, 182, 192, 204—208, 219, 232, 246, 283—304.
Sadoc, герой въ романѣ Tristan le Léonois 302—304.
Сайдильда, герой въ киргизской сказкѣ 341, 358.
Саксонъ Грамматикъ 210.
Салтыкъ Ставрульевичъ, индѣйскій царь, въ былинѣ о Волхѣ 322.
Сальме, финская богиня 293.
Сампо, миѳическая драгоцѣнность, въ Калевалѣ 291, 296.
Самсонъ Колывановичъ, богатырь 280, 307, 367.
Сарага, рѣка въ Олонец. губ. 196.
Саракины, въ поэмѣ объ Армури 334, 335, 339.
Саратовская губернія: былины въ ней записанныя 69.
Сарога, рѣка, въ былинахъ 190, 196, 197.
Сароженинъ (Пленко), въ былинѣ о Чурилѣ 188, 190, 196, 197.
Сартакъ, зять Батыги, въ былинѣ 310.
Саулъ (Сауръ) Леванидовичъ (Ванидовичъ), царь былинный 81, 92, 93, 96, 256, 328—348; 449, 450.
Сауръ-могила 339, 340.
Свирь, рѣка 196.
Святогоръ (Самсонъ), богатырь 30, 31, 71, 76, 77, 81, 91, 158, 164, 187, 307, 364—367, 378, 379, 381—388, 401—404, 442.
Себежъ, городъ 370, 387, 391—407.
Сибирь, западно-сибирскія былины 79—83; колонизація ея 84—86, 89, 93, 96, 200, 204, 239, 282. Восточно-сибирскія былины 414, 415, 433, 434.
Сивцевъ, Павелъ (старикъ Поромскій), олонецкій сказитель 34.
Симбирская губернія: былины въ ней записанныя 69, 93.
Сирміумъ (Сремъ), область 111.
Словенъ, отецъ Волха 167.
Смородина, рѣка, въ былинахъ 159—165, 330, 375, 392, 393, 398.
Снорри Стурлусонъ, слагатель младшей Эдды 21.
Соловей Будимировичъ, эпическій женихъ 34, 36, 40, 61, 63, 71, 76, 80, 103, 187, 201—219, 397—400.
Соловей-разбойникъ 37, 64, 89, 126, 364—406.
Соломонида, жена эпическаго Соломона 215.
Соломонъ, былинный царь 71, 76, 81, 214, 256.
Сорогожа, рѣка 196.
Сорокинъ, Андрей, олонецкій сказитель 7, 19, 38.
Сохрабъ (Зорабъ), богатырскій сынъ Рустема 336, 338. 341, 357, 413.
Ставръ Годиновичъ, бояринъ, герой былины 12, 30, 38, 59, 61, 63, 71, 76, 80, 133, 244, 263—282, 297.
Ставръ, новгородскій сотскій, упоминаемый лѣтописью 274, 278.
Стенька Разинъ, разбойникъ 89.
Стефанъ, венгерскій король 110—113.
Строгановы 84.
Суздаль, суздальцы, въ былинахъ 343, 344.
Супой, рѣка: битва при ней 350, 351, 357.

Digitized by Google

Суровецъ (Суровенъ), богатырь 17, 30, 41, 81, 93, 96, 196, 328, 330—333, 339, 342—344, 350.
Сурога, богатырь 328, 330—332, 339, 342—344, 348—350.
Сурожане, гости 187, 196.
Сурожъ, гор. (Судакъ) 187, 188, 196, 197, 343, 344.
Сухманъ (Суханъ), богатырь 71, 76, 80, 91, 280.
Съдко Сытинецъ (Сотко Сытиничь), упоминаемый въ лѣтописи 287.

Т.

Тараканчикъ (Таракашка), личность въ былинѣ о Батыгѣ 308, 324.
Татарове-юланове 356.
Телемахъ, сынъ Одиссея 50, 51.
Терентій гость, въ былинѣ 59, 63, 71, 80, 167, 187, 200.
Тигръ, рѣка 101.
Тидрекъ-сага 136—141.
Товрулъ (Хостоврулъ), шуринъ Батыя, въ сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь 318, 320, 322, 326.
Томская губернія: былины въ ней 81; ея заселеніе 85.
Тугаринъ Зміевичъ, въ былинахъ 7, 30, 38, 71, 79, 90, 156, 177, 236—238, 245, 384, 429—441.
Тульская губернія: былины въ ней записанныя 68.
Тупицынъ, Леонтій, сказитель былинъ 87, 369.
Тырновъ, городъ въ Болгаріи 126, 157.
Тэктэбей-мергенъ, богатырь, въ алтайской сказкѣ 184.

У.

Уббе — властитель водъ, въ киргизской сказкѣ 301, 302.
Угличъ, городъ 330, 331, 347, 449—451.
Уланище, татарскій царь, въ былинахъ 346.
Ульюшка, зять Батыя Батыевича 324.
Ульяна Васильевна (Григорьевна), мать Соловья Будимировича, въ былинахъ 217.
Ульянія Муромская, св. 217, 218.
Уральская область: былины въ ней записанныя 69.
Урызмэгъ, богатырь, въ осетинскомъ эпосѣ 153.

Ф.

Фепоновъ, Иванъ, олонецкій сказитель 9, 16, 34, 311, 312.
Фирдоуси 444.
Фридрихъ Барбаросса, германскій императоръ 105, 109.

Х.

Хапиловы, братья, упоминаемые въ былинахъ 220.
Хвалынское море, въ былинахъ 208, 287.
Холмогоры, гор. 300.
Хопыльскіе гости 280.
Хостоврулъ, см. Товрулъ.
Хотѣнъ Блудовичъ, богатырь 38, 63, 71, 75, 80, 91, 139, 216, 220—232, 254.

Ц.

Цицарскія степи, въ былинахъ 40.

Ч.

Чайна Часовична, въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ 223—228.
Часова вдова, мать Чайны Часовичны, въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ 222—229.
Червленая станица, ея основаніе и былины въ ней записанныя 409—412.
Черега, рѣка 190, 196.
Череповецъ, гор. 173.
Чернава, личность въ былинахъ 285, 295, 302.
Черниговъ, городъ, его упоминаніе въ былинахъ 40, 98, 104, 234, 243, 244, 265—268, 364, 367, 373, 393, 394.
Черное море 208.
Черный ручей, преданіе о немъ 290.
Чурило Пленковичъ, въ былинахъ 12, 13, 37, 38, 61, 63, 68, 71, 76, 80, 91, 103, 104, 119—122, 158, 178, 187—200, 226, 227, 245, 338.
Чуриловъ, боярскій родъ 121.

Ш.

Швецовъ, олонецкій сказитель 38, 241, 242, 262.
Шехадъ, братъ Рустема, въ персидскомъ эпосѣ 342.
Шуйскій, Иванъ, князь 57.

Щ.

Щеголенокъ, Василій, олонецкій сказитель 4, 6, 364, 365, 368, 404.

Digitized by Google

Э.

Эндла, озеро 295, 296.
Эрка, жена Аттилы, въ Тидрекъ-сагѣ 135—140.
Этмануйло Этмануйловичъ, былинный царь 115.

Ю.

Югра 181, 192.
Юрій Андреевичъ, кн. 99.
Юрій, вел. кн. владимирскій 316.
Юрій Всеволодовичъ 319.
Юрій Ингоревичъ, рязанскій князь 315, 317, 318.
Юрьевъ, городъ 174.
Юрьевъ монастырь 300.
Ютта, личность въ эстонскомъ сказаніи о Ваннемуйне 296.

Я.

Якутская область, былины, въ ней записанныя 90, 416.
Ярополкъ Владимировичъ, князь 151, 152, 220, 350, 357.
Ярославъ Осмомыслъ, князь 98, 99, 110—114, 142.

Ѳ.

Ѳедосова, Ирина, олонецкая вопленица 12.
Ѳеодоръ Ивановичъ, царь 36, 84.
Ѳеодоръ Тиронъ, св. 144.
Ѳеодоръ Юрьевичъ, кн., замученный Батыемъ 316—320, 324, 326.
Ѳома Назарьевъ, настоятель новгородскій, въ былинѣ о Садкѣ 284.

II.

А.

Апокрифы, внесеніе ихъ въ былины 157, 158, 198.

Б.

Баба-яга 82.
Богатыри, отсутствіе ихъ въ новгородскихъ былинахъ 31.
«Богатырское слово» 440.
Бобры 182.
Братчины, Никольщина 286, 289, 300.
Бѣлки 182.
Былины: былинная традиція въ Олонецкой губерніи 1—21; опредѣленіе былины 26; названіе «былина» 27—29; дѣленіе былинъ по содержанію на богатырскія и небогатырскія 30; участіе профессіональныхъ пѣвцовъ въ сложеніи и сохраненіи былинъ 33 и слѣд.; техническая сторона былины 35—52; географическое распространеніе былинъ 64 и слѣд.; отсутствіе былинъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ 67—68; неравномѣрное распредѣленіе былинъ въ великорусскихъ губерніяхъ 68 — 71; олонецкій былинный репертуаръ 71—73; архангельскія былины 74—77; былины западно-сибирскія 79—81; утрата одиночныхъ былинныхъ сюжетовъ 83; былины Л. Тупицына 87; распредѣленіе былинныхъ сюжетовъ и богатырей пообластямъ 89—91; прекращеніе созданія новыхъ былинъ въ XVII в. 83; былины новгородскія 88, 96, 247, 255; недавнія записи былинъ въ Якутской области 414—439; исконность названія «старины» для эпическихъ пѣсенъ 440—442.

В.

Владыка черниговскій 234—239; 243—246, 262, 437, 438.
Вода, живая и мертвая, въ сказкахъ 226.
Водяные 297; водяной царь 283, 290, 291, 296, 298. Водяница (Поддонная царица) 286, 291.

Г.

Гистріоны 53, 54.
Горностаи 181, 192, 193.
Горынинка (Горынчанка-баба) 412.
Гости торговые, въ былинѣ объ Иванѣ Гостиномъ 239; Сурожане 343, 344.
Готскій дворъ, въ Новгородѣ 170.
Громада (вѣче) 356.
Гроши литовскіе 170—174, 185.
Гусли: игра на нихъ жениха=символика

Digitized by Google

любви 211; игра Добрыни 59, 60; употребленіе гуслей въ старину олонецкими сказителями 62.
Гусляры, упоминаніе ихъ въ былинахъ 61, 62, 264, 266, 283, 297, 298.

Д.

Думы, объ Алексіѣ Поповичѣ 68.
Духовные стихи 7, 63.

Е.

Ересь жидовствующихъ 304.

Ж.

Жонглеры 53, 54, 58.

З.

Заклинаніе вѣтровъ 37.
Запѣвы и зачины былинъ 34, 38—42, 238, 306.
Земледѣліе въ новгородскихъ областяхъ 176, 177.
Змѣи, сказочные и легендарные: змѣй Горыничъ 30, 38, 145, 147, 165, 155, 156, 148, 168.
Золото, обсыпаніе имъ копья 227.
Золотыя ворота, см. легенды.

И.

Испытаніе пола, въ сказкахъ и пѣсняхъ 268—271.
Исходы былинъ 37 и слѣд.
Исцѣленіе питьемъ, въ сказкахъ и легендахъ 362—382, 406, 409.

К.

Казаки: былины имъ извѣстныя 89, 90, 96; казаки гребенскіе 410, 411.
Калевала 289, 291, 293, 299.
Калики 34, 35, 40, 50, 52, 63, 100, 325, 367, 436.
Камни: латырь-камень 33; камни съ надписью 175, 434.
Книги: переводъ книги Есѳирь въ Новгородѣ 198.
Кодолы (канаты) 209.
Кони: въ былинахъ 194; дороговизна коней въ Новгородѣ 246; кони князя Владимира 234—237; бурушка косматый 233, 246; конь Рустема 342; конь Бахматъ 349.
Корабли, въ былинахъ 89, 204, 205, 244, 284, 302.
Куницы 181, 182, 192.
Купцы вавилоняне 254.

Л.

Легенды: о чудесномъ спасеніи на водѣ 299—301, 304; о спасеніи городовъ Богородицей 312—314; о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ 352—356, 359, 360; о нерушимой стѣнѣ 315.
Лисицы, 181, 190, 192, 205, 207.
Loci communes, въ былинахъ 13, 15, 43—45, 50—51.
Луды: щупанье лудъ 205.
Лѣтописи: Ипатьевская 109, 110; Густынская 110; Новгородскія 56, 115, 287; Якимовская 145, 148; Никоновскій сводъ 350, 351.

М.

Матера-вдова: ея роль въ былинахъ 216—218; 228, 229, 253, 254.
Маханіе татариномъ, какъ пріемъ борьбы 16, 17, 332, 346.
Мимы 53.
Монастыри: Юрьевъ монастырь 300.
Мосты поддѣльные 175.

Н.

Нибелунги (поэма) 50, 136, 137, 141, 210.

О.

Одиссея (поэма) 47. 50, 51, 153.
Ось телѣжная, какъ оружіе 275, 346.

П.

Палея 198, 304.
Паробки: названіе челядинцевъ въ Новгородскомъ краѣ 228.
Переходныя мѣста, въ былинахъ 15, 16.
Плугъ 169.
Повѣсти: о приходѣ Батыя на Рязань 315—320; о Василіи Златовласомъ 212—215; объ Ульяніи Муромской 217; объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ 391.
Преданія: о зміякѣ 146, 147; о Волхѣ, сынѣ Словена 167; родовыя Всеславичей о Рогнѣдѣ 151; эстонскія 295; о Сауръ-могилѣ 339, 340.
Прибаутки, въ былинахъ 33—37, 201—203, 310, 311.

Digitized by Google

Псалтырь: переводъ п. въ Новгородѣ 188.
Птицы: въ новгородскихъ областяхъ 183, птица Науй 184; птица Могуль 256; обращеніе въ птицъ 184.
Пѣвцы профессіональные 32, 33, 47, 52, 63, 312.
Пѣсни: историческія 20, 29, 42, 94; о Горѣ-злосчастіи 250, 252; молодецъ и королевна 162; князь Михайло 249; сербская «Люба хайдук Вукосава» 272; слѣды историческихъ пѣсенъ въ книжныхъ сказаніяхъ о нашествіи Батыя 319—326; греческая пѣсня объ Армури 334—337; казацкая пѣсня объ Ильѣ Муровичѣ 409—410; колымскія пѣсни 416.

Р.

Ретардація эпическая 45, 46.
Рожь, въ былинѣ о Микулѣ 169.
Рыбы: обиліе ихъ въ новгородскихъ областяхъ 183; златоперыя рыбы въ былинѣ о Садкѣ 283, 294; рыба Alue въ Калевалѣ 293.
Рыцари 194; упоминаніе ихъ при дворѣ кн. Владимира 279.

С.

Самитъ: самитовая шуба 195.
Сельги — нивы запущенныя подъ траву и лѣсъ 177.
Символика свадебныхъ пѣсенъ 211, 213.
Сказанія: о кіевскихъ богатыряхъ 94; объ Индіи богатой 101—108; объ Александрѣ Македонскомъ 168, 184, 444—449; о Батыевомъ приходѣ на Русь 315—320; о семи русскихъ богатыряхъ 440—442.
Сказители олонецкіе 4—12; прочность текстовъ былинъ у лучшихъ сказителей 15; отраженіе личности сказителя въ текстахъ былинъ 16, 17; отсутствіе профессіи въ сказываніи былинъ 20, 32, 38, 52, 83.
Сказки: о воскрешеніи жены мужемъ (былина о Потыкѣ) 123; алтайскія 184; о дѣвушкѣ-воинѣ 269—274; объ Иванѣ царевичѣ и проч. 255 и слѣд.; о трехъ дивныхъ способностяхъ героя 261; царица-гусляръ 276; о римскомъ графѣ 275—276; киргизская о властителѣ водъ Уббе 301, 302; киргизская о Сайдильдѣ 341; скрипачъ въ аду 302; татарская объ Акъ-ханѣ 340; сказки объ Ильѣ Муромцѣ русскія и инородческія 370—388, 406—408; ингушская о невѣрной женѣ 402, 403; мингрельская «Сильнѣе сильнаго всегда можно найти» 404; сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ 404, 406, 409.
Скальды 21.
Скименъ, звѣрь 90.
Соболи 181, 192, 207.
Сорога, названіе рыбы 190, 193.
Старины: народное названіе для былинъ 28, 29, 440—442; бабьи старины 12.
Скоморохи: слѣды ихъ участія въ сложеніи и исполненіи былинъ 33—36, 52; Связь ихъ съ мимами и гистріонами 53; происхожденіе имени «скоморохъ» 54; историческія свидѣтельства о русскихъ скоморохахъ 55—58; упоминанія ихъ въ былинахъ 59—62; свидѣтельство Татищева объ исполненіи скоморохами былевыхъ пѣсенъ 63, 64; свидѣтельство Олеарія о ладожскихъ скоморохахъ 94; участіе скомороховъ въ сложеніи былинъ: о Чурилѣ 200; Соловьѣ Будимировичѣ 203; Хотѣнѣ Блудовичѣ 232; Иванѣ Гостиномъ 237, 238; Ставрѣ Годиновичѣ 271, 282; о Батыгѣ 326.
Слава, конечный припѣвъ въ былинахъ 37, 38, 441, 442.
«Слово о погибели русской земли» 114.
«Слово о полку Игоревѣ» 28, 29, 99, 142, 166.
Соль: скудость туземной соли въ новгородскихъ областяхъ 169; торговля солью въ Остзейскомъ краѣ 170.
Соха 169, 185.
Стоглавъ 56, 57.
Суздальщина 92, 93.

Т.

Типическія мѣста въ былинахъ 14—16.
Туры златорогіе 306, 309, 312, 314; превращеніе Добрыни въ тура 153, 154.

Ф.

Фрески Кіево-Софійскаго собора 55.

Ц.

Церкви: св. Софіи въ Новгородѣ 287, 314;

Digitized by Google

въ Кіевѣ 315; свв. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ 287; Стефана архидіакона 288.

Циклопъ 51, 52.

Ш.

Шпильманы 53, 54.

Э.

Эдда прозаическая (младшая) 21.

Эпистолія пресвитера Іоанна 101, 104—107.

Эпитеты: постоянные у Гомера 48; въ былинахъ 48—50.

Эпосъ: миѳологическій и историческій 25; богатырскій 30, 31.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 2044 014 096 9

SEP 30 1901
DEC 11 62 H
DUE
3 -
SEP 10 1994
MAY 27 1994
MAY 5 '51
CANCELLED
MAY -5 '51
FEB 7 52 H
MAY 21 '52 H
JAN 27 '59 H
DEC 16 '61 H

Digitized by Google

Digitized by Google